Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

II Международный симпозиум

(8 – 12 июня 2018 г.)

Сборник научных статей

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2018

УДК (81+82)=161.1:371.3
ББК 81.2Рус+83.3(2=Рус)
Р 89

Утверждено к печати Ученым советом факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского» (протокол № 4 от 19 апреля 2018 г.)

Рецензенты:
Оксана Сергеевна Иссерс, *доктор филологических наук, профессор (ОГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск);*
Анжела Григорьевна Шилина, *доктор филологических наук, профессор (КФУ им. В.И.Вернадского, Симферополь).*

Редакционная коллегия:
Г.Ю. Богданович, доктор филологических наук, профессор;
И.П. Зайцева, доктор филологических наук, профессор;
Е.М.Маркова, доктор филологических наук, профессор;
Е.Н. Ремчукова, доктор филологических наук, профессор;
Е.Я. Титаренко, доктор филологических наук, доцент (*ответственный редактор*);
Е.М. Шахова, кандидат филологических наук;
Р.Н. Гусейнова (*технический редактор*).

Р 89 **Русский язык в поликультурном мире :** II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко : сб. науч. статей. В 2-х т. Том 1. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – 552 с.
ISBN 978-5-907032-67-5 (т.1)
ISBN 978-5-907032-71-2

В сборнике представлены научные статьи участников II Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире», состоявшегося в рамках XII Международного фестиваля «Великое русское слово» (Республика Крым, г. Ялта). В статьях освещаются дискуссионные вопросы развития русского языка в эпоху глобализации, гибридизации русской графики; анализируются современные тенденции ономастических исследований, уделено внимание лингвистике креатива, новациям в русском языке, а также проблемам социолингвистики, политической, юридической и медиалингвистики, методики организации ассоциативного эксперимента в изучении языкового сознания, теории и практики преподавания русского языка как родного и как иностранного, функционально-коммуникативного описания русского языка, анализа художественного текста.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов филологических специальностей и журналистов.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание статей, достоверность цитат, имен, дат, названий, статистических данных ответственность несут авторы публикаций. Редколлегия не всегда разделяет взгляды авторов.

ISBN 978-5-907032-67-5 (т.1)
ISBN 978-5-907032-71-2
© Авторы публикаций, 2018
© ИТ «АРИАЛ», 2018

РУССКИЙ ЯЗЫК В КРЫМУ И ДРУГИХ ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ

ЯЗЫК, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Н.В.Уфимцева
nufimtseva@yandex.ru
ФГБУН Институт языкознания РАН
(Москва)

Под **языковым сознанием,** вслед за Е.Ф. Тарасовым [3], мы понимаем ту часть сознания индивида, которая имеет дело со значениями как социальными образованиями и становится доступной для внешнего наблюдателя с помощью знаков языка – отдельного слова, свободного и устойчивого словосочетания, ассоциативного поля, текста. Образы сознания, как совокупность перцептивных и концептуальных знаний личности об объекте реального мира, «овнешненные» языковыми средствами, позволяют сделать эти знания доступными для других участников общения. Эти «овнешнения», возможные в экспериментальных условиях, позволяют выявить, зафиксировать и описать индивидуально-личностное видение мира человека – носителя национального языка и национальной культуры.

В Республиках РФ наблюдается варьирование разных критериев идентичности в тех случаях, когда происходит более или менее выраженная культурная ассимиляция. В различных регионах РФ степень распространения национальных языков и их знания людьми, определяющими свою идентичность по национальному языку, неравномерна. В частности, типичным является фактическое незнание родного языка при определении своей идентичности по национальному признаку, при указании национального языка в качестве родного, а также двойная этническая и языковая идентификация. Важная роль национального языка в общей структуре идентичности определяется его статусом, прежде всего, как языка родного – особого средства связи между культурой и образом мира.

Регионы, в которых было проведено исследование, имеют свои особенности: различная история взаимоотношений населяющих их народов, различие многих элементов культур, наконец, различие самих взаимодействующих языков, за исключением русского, которым владеют все наши респонденты – студенты различных вузов

Республик Коми и Татарстан в возрасте от 17 до 26 лет. Особенности выборки определил тот факт, что именно такая социальная группа испытуемых регулярно принимала участие в психолингвистических экспериментах, начиная с 60-х годов прошлого столетия.

Язык является основным способом трансляции уникальной этнокультурной информации в ситуации межкультурных контактов. В значениях языковых знаков, прежде всего в их семантике, отражаются результаты такого взаимодействия. Обнаружить изменения связанных со знаками языка знаний, имеющихся у обычного носителя национального языка, позволяет использование психолингвистических экспериментальных методов, используемых для изучения обыденного языкового сознания.

В данном исследовании в качестве метода экспериментального исследования был использован свободный ассоциативный эксперимент. Список стимулов основного этапа эксперимента включал 116 слов.

В рамках проекта решались следующие задачи:

- исследование региональной специфики языкового сознания носителей современного русского языка;
- исследование национальной специфики языкового сознания коми, русских и татар, проживающих на территориях Республик Коми, Татарстан, и взаимодействующих с русским населениям данных регионов в основных сферах жизнедеятельности;
- выявление социально-культурных доминант регионального языкового сознания и тенденций их изменения в современных условиях;
- исследование влияния языкового фактора (по результатам опроса респондентов на русском и национальном языках) на структуру и содержание образов языкового сознания представителей данных этносов;
- установление степени влияния факторов «регион проживания» и «родной язык» (а также фактора билингвальности) на содержание и структуру образов языкового сознания указанных этносов.

Возможность решения поставленных задач обеспечивалась применением комплексных методов получения данных, апробированных и доказавших свою эффективность в исследовании обыденного языкового сознания, методов анализа данных ассоциативного эксперимента (качественный анализ, статистический (количественный)

анализ, моделирование). Валидность и достоверность полученных результатов определялась: 1) репрезентативностью анализируемого материала (в статистическом отношении, было проанализировано более 200000 слов-реакций; 2) значительным количеством испытуемых в разных регионах РФ (всего было опрошено около 4000 респондентов). Опрос проводился в аудиториях с помощью бумажных анкет.

Выбор регионов исследования определялся, в числе прочих причин, различием характеристик языковых ситуаций.

Результаты анализа экспериментального материала представлены в виде семантического гештальта Ю.Н. Караулова [1] в его модифицированном варианте, разработанном нами, для анализа экспериментального материала с обозначением семантических зон и субзон (см. подробно [2]). Последние не были сконструированы заранее, а определялись характером полученных данных. Рассмотрим в качестве примера семантический гештальт слова-стимула **уважение.**

Таблица.

Слово-стимул Уважение (данные в %)

Зона/*Субзона*/Регион	**Русские в Республике Коми $РК_{рус}$**	**Коми (зыряне) на русском $КК_{рус}$**	**Русские в Татарстане $РТ_{рус}$**	**Татары на русском $ТТ_{рус}$**	**Татары на татарском $ТТ_{тат}$**
Субъект	**51,6**	**60,1**	**42,3**	**56,0**	**60,3**
Человек	6,0	2,1	14,1	5,1	6,1
Адресат	32,4	39,9	33,6	25,6	27,8
Друг	1,2	-	0,8	-	-
Профессия	-	4,2	1,6	22,9	1,2
Семья	12,0	13,9	21,1	2,4	25,7
Объект	**35,1**	**30,1**	**34,0**	**27,1**	**24,8**
Предметы и реалии	9,0	4,2	15,8	10,2	6,1
Ценности, эмоции	22,2	23,1	14,1	9,9	12,6
Квазисинонимы	3,9	1,4	2,9	5,4	4,6
Квазиантонимы	-	1,4	1,2	1,5	1,5
Характеристика	**1,8**	-	**6,2**	**1,8**	**0,8**
Положительная	1,8	-	3,7	1,8	0,8
Нейтральная	-	-	1,7	-	-
Отрицательная	-	-	0,8	-	-
Действие, состояние	4,5 0,6	1,4 -	7,0 2,1	3,9 1,2	2,7 1,5
Локус	-	-	-	0,6	0,8
Эго	6,3	8,1	7,5	8,7	8,8
Время	-	-	-	-	-
Устойчивые словосочетания	-	-	0,8	0,6	0,8
Прочие	-	-	-	-	-

Структура ассоциативного гештальта

Центральной зоной является **Субъект**, что свидетельствует о когнитивной стратегии указывать на лицо, которому оказывается уважение или от которого этого уважения ожидают. Наибольшее число слов-реакций в этой зоне у испытуемых $ТТ_{тат}$ и у испытуемых-коми. В свою очередь, внутри зоны **Субъект** наибольшее число реакций у всех групп испытуемых приходится на субзону ***адресат***. **Уважение** к *старшим* декларируют все испытуемые, хотя больше всего слов-реакций в этой субзоне у испытуемых-коми (39,9%). На втором месте субзона ***Семья***, в которой больше всего реакций у $ТТ_{тат}$, а меньше всего - у респондентов $ТТ_{рус}$. Русские испытуемые Татарстана по этому показателю значительно ближе к испытуемым-татарам, чем к русским в Республике Коми. В следующей субзоне ***Человек*** наибольшее число реакций у русских в Татарстане (в два раза больше, чем у $РК_{рус}$), а меньше всего реакций у коми.

В зоне **Объект** наибольшее число реакций у русских в Республике Коми и в Татарстане, а меньше всего у татар $ТТ_{тат}$. В зоне **Характеристика** отсутствуют реакции у коми, а больше всего реакций у русских в Татарстане. В зоне **Действие, состояние** по количеству реакций лидируют русские Татарстана, меньше всего таких реакций у коми. В зоне **Эго** число реакций приблизительно одинаково у всех групп испытуемых.

Содержание ассоциативного гештальта

Зона **Субъект. Уважение** все испытуемые испытывают к *старшим, взрослым, пожилым, ветеранам* (последняя реакция отсутствует у русских в Татарстане, и повторяется чаще всего в ответах испытуемых $ТТ_{рус}$). Вторая по величине субъектная субзона – ***Семья***. Все испытуемые испытывают **уважение** к *родителям, к близким*. Однако разные группы испытуемых указывают на разных членов семьи как на объект **уважения**: испытуемые-коми называют *маму* и *бабушку,* русские в Коми только *маму,* а в $ТТ_{рус}$ – прежде всего *отца (*общая частота реакции 10) и *маму (*2), а $ТТ_{тат}$ – маму. Все группы испытуемых субъектом **уважения** рассматривают человека: *к людям, к окружающим.* Русские в Республике Коми добавляют: *к ближним,* а в Татарстане ищут уважения *чужих.*

Только русские в Республике Коми указывают на *друзей* как на объект **уважения** и от них же ждут этого чувства. Остальные группы

испытуемых указывают на *учителя, преподавателя,* а испытуемые-татары на русском языке – еще и на *парня* и *работника.*

Зона **Объект**. В этой зоне ассоциативного гештальта содержатся слова-реакции, указывающие на качества человека, которые вызывают **уважение**. У всех групп испытуемых, кроме $ТТ_{тат}$, это прежде всего *авторитет* и *старость.* У русских и в Коми и в Татарстане это еще *сила, власть* и *достоинство,* а у испытуемых-татар $ТТ_{рус}$ – *благородство* и *вежливость*. В субзоне ***Ценности и эмоции*** зафиксированы реакции *любовь, честь, доверие, почет, почитание* у всех групп испытуемых, причем для русских в Коми и Татарстане и для коми – это прежде всего *честь,* а для испытуемых $ТТ_{рус}$ – *любовь*. У русских в Татарстане и татар $ТТ_{рус}$ **уважение** связано с *толерантностью.* В зоне **Характеристика** у всех информантов (кроме коми, у которых нет оценочных ассоциаций) представлена положительная оценка **уважения**, хотя русские указывают, что оно встречается *редко*. Все группы испытуемых указывают, что **уважение** *нужно заслужить,* при этом все русские и коми требуют прежде всего **уважения** *к себе,* а затем уже *ко всем*, а испытуемые-татары $ТТ_{рус}$ наоборот – сначала *ко всем*, а потом уже *к себе,* добавляя – *к своим.*

Изучение национальной специфики языкового сознания татар и коми, проживающих в постоянном контакте с русскими на территориях Республик Татарстана и Коми, позволило сделать следующие выводы.

1. В целом обследованный фрагмент образа мира наших респондентов является позитивным, что обусловлено, скорее всего, фактором возраста: в эксперименте принимали участие молодые люди, в основном студенты,

У татар образ мира является динамичным и позитивным, очевидно потому, что, с одной стороны, несмотря на глобализационные процессы, элементы национальной культуры сохраняют свое традиционное содержание, а с другой – существует выраженный коллективизм татарской культуры, прежде всего семейно-родовой, отраженный в языковом сознании ее молодых представителей.

Очень значимым является понятие обязанности, долга и необходимости деятельности, что выражается в разнообразии ассоциатов,

содержащих этот компонент в своем значении, и в факте актуализации комплекса слов со значением долженствования и необходимости.

При этом мир носителей татарской культуры, который конструируется по результатам ассоциативного эксперимента, не только более «материален», но и более социален: он связан с осознанием своего окружения, в котором важнейшая роль принадлежит семье, роду. Таким образом, выявляется ярко выраженная территориальная и языковая идентичность татар.

В противоположность этому последствия ассимиляции носителей культуры коми с русским населением очевидны: они проявляются не только в факторе монолингвизма (и, следовательно, в ослаблении языковой идентичности), но и в содержательном сходстве языкового сознания коми с русским языковым сознанием. Имеются, однако, и существенные отличия коми от русских. В целом мир коми также позитивен: большинству объектов, в том числе тех, в отношении которых типична отрицательная характеристика, коми предпочитают давать нейтральные оценки. Несмотря на это, слова-реакции, полученные от респондентов-коми, часто отражают мир как статичный, как бы созерцаемый со стороны – особенно это проявляется в характере реакций на стимулы-глаголы, в нечастотности реакций, связанных с активной деятельностью человека, а также в актуализации объектной зоны и значительной представленности в ней абстрактных понятий.

2. Влияние территориального критерия на содержание и структуру образов языкового сознания подтверждается фактом связи образов, относящихся с эгосфере, с обозначением национальности или локуса, что особенно оказалось выраженным у информантов-татар. Отметим также, что именно у татар обнаруживаются более разнообразные представления о территориальных объектах, к которым применима деятельность человека. Это не только традиционный *дом*, мыслимый как основной локус (и входящий, добавим, в центр ядра русского языкового сознания), но и *деревня*, *улица*, *вселенная*. Примечательно, что татары соотносят свою деятельность не только с Татарстаном (ср., например, реакции на стимулы-этнонимы (напр. *бөтенҗирдә* (во всем мире) и др.).

В отличие от татар, коми демонстрируют только общероссийскую идентичность: так, реакция *Сыктывкар* встречается у русских,

а связь **мы**-*русские*- у коми. Русские в Коми чуть более ощущают себя населением республики со своим названием и особым природным ландшафтом, в то время как коми не демонстрируют определенной территориальной идентичности.

На образ мира русских, живущих в Республиках Коми и Татарстан, несомненно повлияла культура соседей: русские Татарстана демонстрируют, например, большую традиционность в представлении семейных отношений, нежели русские в Коми. У русских, живущих в Республике Коми, в свою очередь, обнаруживается некоторая статичность и даже мифологичность сознания, однако образ мира не является у них таким позитивным, как у коми.

3. Влияние фактора родного языка на особенности языкового сознания информантов-татар, отвечавших на татарском и русском языках (как правило, это билингвы, хорошо владеющие обоими языками), проявилось в том, что на содержание полученных ассоциаций оказывает значительное влияние структура языка – в частности, грамматическая «заданность» реакции и ограничение лексической вариативности, что выражается в значительном сходстве частотных реакций на русском языке у татар, отвечавших на русском языке, и у русских испытуемых, а также в возрастании числа устойчивых сочетаний на русском языке у татар, отвечающих по-русски. Речь идет, собственно, о специфике когнитивных стратегий, задаваемых во многом структурой языка, что объяснимо, если учесть типологическое несходство русского и татарского языков. Переключаясь на другой язык, билингв вынужден использовать эти стратегии, тем не менее содержательное различие, указывающее на глубокую *концептуальную* самобытность культур, заметно и в этом случае. Оно выражается в способах репрезентации компонентов ценностной системы и связанными с ней подсистемами.

Отношение респондентов к инокультурным соседям в Татарстане является толерантным, в Коми оно скорее не осознается. Внимание к тому, на каком языке говорит человек, более всего выражено у жителей Татарстана – татар и русских: и те, и другие указывают на оба языка общения, третьим (чаще) назван английский.

Подведя общий итог проведенному исследованию, мы можем указать на определенную *комплементарность* фрагментов образа мира информантов-русских, татар и коми, которые приняли участие в нашем эксперименте. Указанная комплементарность обусловлена

наличием общей для всех взаимодействующих культур концептуально-ценностной основы, но не отрицающей органично связанных с ней уникальных культурно-специфических черт.

Язык считается одним из важнейших, но не единственным критерием, определяющим идентичность говорящих на нем народов, однако он является средством структурирования («упаковки») и выражения культурно-специфичных знаний, которые не могут быть полностью реконструированы с опорой только на вербальные знаки.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С.191-206.

2. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния. Коллективная монография / Под ред. Н.В.Уфимцевой. – М.- Ярославль: Издательство Канцлер, 2017. – 240 с.

3. Тарасов Е.Ф. Методологические проблемы языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Тезисы 1Х Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Институт языкознания СССР, 1988. – С.176-177.

КОНФЛИКТОГЕННАЯ ЛЕКСИКА В АССОЦИАТИВНЫХ РЕАКЦИЯХ РЕСПОНДЕНТОВ-БИЛИНГВОВ

О.В. Балясникова
bn.post@yandex.ru
ФГБУН Институт языкознания РАН
(Москва)

Среди языковых и речевых маркеров конфликта особая роль принадлежит лексическим средствам. К ним относится «по умолчанию» бранная лексика, а также жаргонизмы, элементы просторечия и отрицательно коннотированные лексические единицы литературного языка. Очевидно, однако, что конфликт затрагивает одновременно не только лексический, но и грамматический, и прагматический аспекты языка [6].

Использование конфликтной лексики билингвами может быть связано с другим явлением – переключением кода, которое само по себе представляется конфликтогенным, поскольку «любое взаимо-

действие языков означает, что в контакт и конфликт входят два видения мира. Переход от одного языка к другому может вызвать в мышлении глубокие потрясения» [1, с. 29]. При вынужденном использовании разных языковых кодов возможно наличие конфликта, обусловленного как трудностями понимания заданного стимула и его перевода при поиске общей «смысловой базы» [4], так и неоднозначностью отношения говорящего к слову чужого языка и к обозначаемым им элементам чужой культуры [3, 5].

Применительно к экспериментальным условиям, в частности к тем, в которых проводится ассоциативный эксперимент с билингвами, появление конфликтогенных реакций (под ними мы понимаем лексику, входящую в перечисленные выше группы) может определяться степенью знания испытуемыми языка, на котором проводится эксперимент, а также (не)совпадением типологических характеристик взаимодействующих языков. Эти явления при изучении собственно конфликтогенных реакций являются побочными и в какой-то мере даже нежелательными, поскольку не позволяют судить об отношении респондентов к информации, непосредственно связанной со значением слова-стимула. Потенциальная конфликтогенность заложена и в значениях лакунарных лексем, в числе которых выступают, в частности, названия национальных праздников и их атрибутики, элементов одежды, блюд национальной кухни, традиций и т.д. Непонимание, возникающее в таких случаях, оказывается начальной стадией коммуникативного конфликта.

Вместе с тем знаки, или маркеры, конфликта в виде соответствующих слов, грамматических форм и стратегий ассоциирования могут не свидетельствовать о конфликтных намерениях говорящего, а объясняться частотностью связей слов в речевой практике респондента и в том дискурсивном (в том числе медийном) пространстве, которое обусловливает закрепление таких связей и в сознании, например, **общество** – *прогнило*, **власть**–*коррупция* и т.п.

В 2015 – 2017 гг. было проведено экспериментальное исследование на материале трех языков – русского, татарского и якутского; в исследовании приняли участия билингвы, хорошо владеющие, помимо родного, русским языком. Респонденты давали на двух языках ответы-ассоциации на стимулы – глаголы движения, речи (*идти, говорить*), личные, притяжательные и возвратные местоимения (*я, ты, он, наш, свой*), прилагательные со значением параметрических,

социальных и оценочных характеристик (*большой – маленький, богатый – бедный, плохой – хороший*), термины родства и названия ценностей и антиценностей – в большинстве своем абстрактные существительные (*жизнь, страх, долг, семья* и др.), а также этнонимы (*русские, татары, якуты*).

Полученные ассоциаты были распределены по зонам модифицированного в целях исследования семантического гештальта (по Ю.Н. Караулову). Семантический гештальт включал несколько субзон, в частности «Субъект» и «Характеристика», в которых, как оказалось, в основном и встречаются реакции конфликтогены. Ранее [2, 7] было выявлено, что указанные субзоны являются наиболее семантически нагруженными и значимыми для установления качественных и количественных различий в содержании ассоциативных полей стимулов – межъязыковых эквивалентов.

Результаты анализа содержания ассоциативных гештальтов показали, что количество слов-реакций, которые можно считать конфликтогенными, варьируется в зависимости, во-первых, от характера стимула, а во-вторых, от языка, на котором отвечали респонденты.

Общей закономерностью появления конфликтогенных реакций на стимулы является 1) отмеченная выше их сосредоточенность в указанных двух семантических зонах, 2) нечастотность (расположение на периферии ассоциативного поля), 3) типичность появления именно на русском, а не на татарском или якутском языке.

Приведем пример семантического гештальта, построенного по результатам ассоциативного эксперимента с респондентами-татарами на русском и татарском языках (Таблица 1 и Таблица 2). Стимульным словом выступало местоимение **он**.

Таблица 1

Семантический гештальт слова-стимула он (респонденты – татары, количество респондентов – 360, язык – русский; цифры даны в процентном соотношении к общему числу ассоциаций)

ЗОНЫ	АССОЦИАТЫ	ПРОЦЕНТЫ
Человек – 32.5	человек	9.4
	друг	6.4
	мужчина, парень, девушка	5.3
	брат, папа, муж	3.6
	зайчик, молодец, красавчик, герой, личность,	4.2
	дурак,дебил	1.9
	кто-то	1.7

продолжение табл .1

Эго – 24.7	она, мой, я, ты, они, свой, чужой	24.7
Объект – 2.2	идеал, легенда, любовь, тень	2.2
Характеристика – 27.6	такой, один, высокий, городской, расстроен, смешной хороший, любимый, красивый, лучший, добрый, сильный, старательный, прекрасен, хорош, заботливый, милый, умный ***злой, плохой***	4.2 22.2 1.2
Локус – 2.7	рядом	2.7
Действие – 8.1	ушел, есть, пришел, ***врет***, живет, идет, ***лжет***, придет, рядом, сидит, скоро появится, уйдет	8.1
Прочие – 3.3	местоимение, мужской род	3.3

Таблица 2

Семантический гештальт слова-стимула ул (респонденты – татары, количество респондентов – 233, язык – татарский; цифры даны в процентном соотношении к общему числу ассоциаций)

ЗОНЫ	АССОЦИАТЫ	ПРОЦЕНТЫ
Человек – 31.8	Кеше (человек) дус (друг) укытучы (учитель), студент, егет (парень, юноша), кыз (девочка), малай (мальчик), бала (ребенок),кемдер (кто-то)	18.9 3.4 3.0 5.6 0.9
Эго – 35.2	Алар (они), минеке (мой), мин (я),син (ты), без (мы), бу (это, этот, эта), миңа (мне), чит (чужой)	35.2
Объект – 1.7	зат(лицо)	1.7
Характеристика – 21.5	яхшы (хороший, прекрасный, добрый), матур (красивый), акыллы (умный), көчле (сильный), әйбәт (хорошо, хороший), якын (близкий, родной), гүзәл (прекрасный, красивый), бай (богатый), кызык (интересный, забавный, смешной), читкеше (чужой человек) татар (татарский)	20.6 0.9
Локус - 0		0
Действие – 5.2	килде (пришёл, приехал), карый (смотрит), килә (придёт, приедет), күрсәтү (показать)	1.3 3.9
Прочие – 6.0	алмашлык (местоимение)	6.0

На русском языке вес данной зоны составляет 32,5%, на татарском – 31,8%. На русском языке зафиксированы реакции, вхо-

дящие в следующие семантические субзоны: обобщенные номинации (*человек*), социальнозначимые понятия (*друг*), слова, называющие лиц по признакам пола и возраста, имена родства, положительно-оценочные номинации, неопределенные и, наконец, конфликтогенные номинации (*дурак, дебил* 1,9). Семантическая зона «Субъект» гештальта на татарском языке в целом включает такие же субзоны, кроме оценочных.

Та же закономерность выявляется в процессе анализа семантических зон гештальта **они**: на татарском языке конфликтогенная лексика в качестве ассоциатов не зафиксирована, ср. на русском языке: **они** – *враги, стадо, никто* (4%), *глупы, плохие, черные* (1,7%). Якуты,отвечавшие на русском языке, дают 3% конфликтогенных реакций-характеристик, не отмеченных в ответах на якутском языке.

Материалы рабочего обратного ассоциативного словаря позволяют выявить стимулы, на которые даются реакции-конфликтогены. Однако необходимо разграничивать следующие случаи:

- слово-стимул не имеет отрицательной коннотации, но порождает реакцию конфликтогенного типа (**он** – *дурак,* **соседка** – *бешеная,* **сосед** – *тупой,* **друг** – *лох*);

- слово-реакция не входит в число лексических конфликтогенов, но со стимулом составляет конфликтогенную предикацию (**ты** – *ничто,* **враг** – *удмурт,* **русские** – *оккупанты,* **брат** – *олень*);

- слово-стимул и конфликтогенная реакция фразеологически связаны (**закон** – *подлость,* **говорить** – *чушь,* **ложь** – *наглая*);

- слово-стимул имеет оценочное значение и предсказуемо порождает реакцию с оценочным значением (**хороший** – *плохой,* **зло** – *ненависть,* **умный** – *тупой*;

- конфликтогенная реакция является формально-фонетической (**радость** – *гадость,* **грязь** – *мразь*).

Мы полагаем, что собственно конфлитогенные потенции могут быть зафиксированы только в первых двух случаях.

Подводя итог, отметим, что основным параметром конфликтной коммуникации может считаться мотивация к использованию языкового средства, реализующего в данных условиях свой конфликтогенный потенциал. В экспериментальных условиях конфликтная мотивация со стороны испытуемого-билингва хотя и возможна, но нетипична, тем не менее, наблюдаются некоторые

нечастотные случаи маркированного речевого поведения. Одной из возможных причин появления конфликтогенных реакций может быть б*о*льшая для респондентов функциональность русского языка, что позволяет строить со стимулом более разнообразные словосочетания.

Литература

1. Багана Ж., Хапилина Е.В. Контактная лингвистика: Взаимодействие языков и билингвизм: Монография. М.: Флинта : Наука, 2010. – 128 с.

2. Балясникова О.В., Степанова А.А., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Этнолингвистический аспект регионального языкового сознания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». №4, 2017. Т.8(№4). – С. 1161 – 1170.

3. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. – 349 с.

4. Салимова Д.А. Двуязычие и перевод: теория и опыт исследования: Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 280 с.

5. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. Самара: Русский лицей. 1994. – 94 с.

6. Третьякова В.С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «рос.гос.проф.пед.ун-т», 2009, - 231 с.

7. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Балясникова О.В., Разумкова А.В., Степанова А.А. Региональное языковое сознание коми, русских и татар: проблемы взаимовлияния. М. – Ярославль: Издательство Канцлер, 2017. – 240 с.

РУССКИЙ МЕЖЛИЧНОСТНЫЙ ДИСКУРС В ПОЛИЛОГЕ КУЛЬТУР

Т.Е. Владимирова
yusvlad@rambler.ru
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
(Москва)

В глобализирующемся мире вовлеченность в общий культурный процесс оказывает существенное влияние на традиционное миропонимание и духовный опыт. Это позволяет исследователям говорить о наступлении эпохи межкультурного и даже межцивилизационного диалога, в котором традиционные смысложизненные представления оказываются невостребованными. Очевидный «кризис нравственных ценностей современного человечества,

утрата самоидентификации личности, доставляющей ей не меньше страданий, чем отравленный воздух, вода и пища» [8, с. 37], требуют обращения к сущностным основаниям бытия и культурным смыслам, унаследованным вместе с языком.

Особую значимость при этом приобретает изучение «центральной зоны» лингвокультуры, которая, согласно этнологическим исследованиям, остается неизменной при всех трансформациях общества. Это объясняется тем, что новое воздействует лишь на форму языкового выражения и речевого поведения [13, с. 223-227]. Но «память культуры» и ее ценностное ядро остаются прежними при всех трансформациях жизни этноса в силу укорененности в сознании (языке) этико-эстетических принципов бытия.

В сложившейся ситуации лингвистика как «служба понимания» является востребованной едва ли не всеми гуманитарными науками. Более того, лингвистика сегодня активно занимается раскрытием «философско-мировоззренческих предпосылок, этнонациональных особенностей, социальных характеристик, историко-культурных истоков» носителей различных языков и лингвокультурных традиций, включая присущие им «представления о смысле бытия, цели жизни человечества и человека как вида гомо сапиенс» [10, с. 8].

Стремясь приблизиться к решению этих задач, сосредоточим внимание на национальных языковых личностях как исторически сложившихся типах носителей этнолингвокультуры с характерным для них миропониманием, укладом бытия, представлениями о смысле жизни и правилами речевого поведения. Особый исследовательский интерес представляет анализ межличностного дискурса современных россиян, наследников различных лингвокультурных традиций.

Настоящая статья посвящена рассмотрению этнолингвокультурной самобытности носителей русского и татарского языков, проживающих в Крыму. При этом в качестве парадигмальной установки мы будем опираться на положение, согласно которому разнообразие социальных ролей, а также форм и способов бытия в русскоязычном пространстве не должно разрушать целостность национальных языковых личностей. Ведь самобытные ценностные представления и установки, унаследованные с родным языком

и культурой, сформировали не только их характер, но и способ бытия в мире.

Так, например, своеобразие русского межличностного дискурса проявляется в том, что собеседники, выступая в различных социальных ролях, как правило, не утрачивают внутреннюю идентификацию с самими собой и не ограничиваются ролью пользователя языком в программируемых речевых ситуациях. Исторически сложившийся способ межличностного общения предоставляет возможность проявить себя в качестве творческой индивидуальности, способной к преобразованию собственного опыта речевого поведения и принятых культурных сценариев «строительства отношений». В подобных ситуациях границы между общением социально- и личностно-ориентированным (А.А. Леонтьев) становятся размытыми.

Характерной чертой русского речевого взаимодействия является фатическое общение с контактоустанавливающей, контактноподдерживающей и контактоконтролирующей направленностью. Возникающая при этом особая – личностно-доверительная – обстановка максимально приближает к личности говорящего. Поэтому фатика объединяет интимно-дружеские и интимно-семейные разговоры, а также застольные и салонные беседы на различные темы. При этом начальная установка на празднoречивый разговор, нередко сопровождающий какое-либо другое действие, может в дальнейшем перейти на более высокий уровень взаимоотношений. При подобной направленности говорящий в той или иной мере подчиняет речь ожиданиям адресата и избирает соответствующую им форму высказываний.

Если информативная речь развивается в соответствии с коммуникативными постулатами информативности, истинности, отношения и способа выражения [9], то фатика предполагает 1) соответствие смысла и эмотивности высказывания, 2) понимание коммуникантами не столько смысла высказывания, сколько самого коммуникативного намерения говорящего, 3) оценку темы, цели и условий высказывания через идентификацию вызвавшей его интенции [6, с. 157–158].

Поэтому межличностное общение, ориентированное на достижение взаимности, тяготеет к утверждению совокупной «речевой

воли» говорящего и адресата. Так, рождается «бытие-друг-с-другом» и общий мир коммуникантов. Как следствие, русский межличностный дискурс соотносим с «общением сознаний» (Л. С. Выготский), «диалогом на высшем уровне… диалогом личностей» (М. М. Бахтин) и с «глубинным общением» (Г.С. Батищев). Что же касается информативного общения, то для него типична проявленность «речевой воли» каждого из коммуникантов. Заметим, что данная форма речевого взаимодействия характерна и для этикетного общения, не предполагающего более глубокого развития отношений.

Рассматривая феномен «диалогичности как особую форму взаимодействия между равноправными и равнозначными сознаниями», М.М. Бахтин писал о «двуголосом» высказывании и об установке на «самоотражение в другом и для другого». Последняя выражается в том, что говорящий строит свою речь «навстречу адресату» и ищет ответного понимания [2, с. 309, 369]. Поэтому слово имеет сложную природу, в которой проявляется личность говорящего, его отношение к адресату, а тем самым и сам адресат. Так, М.М. Бахтиным был фактически введен в научный дискурс **принцип взаимности,** характерный для русского межличностного дискурса (ср. с постулатом кооперации Г.П. Грайса). Таким образом, в русском социуме фатика выступает в качестве доминирующей тенденции, которая преобразует все речевые жанры, выделяемые по целеориентированности. Это позволяет рассматривать фатическое общение в качестве базовой жанровой разновидности и коммуникативно-стилистического инварианта русского межличностного дискурса в целом [7].

Очевидно, что создаваемая фатикой «экзистенциальная пространственность» (М. Хайдеггер) может вызвать неодобрительную реакцию наследника иной этико-культурной традиции. Ведь «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено (если, конечно, эта обусловленность не преодолевается специально; но мы имеем здесь в виду не научное, а обыденное сознание); видение мира одним народом нельзя простым “перекодированием” перевести на язык культуры другого народа» [12, с. 20].

Немаловажным является и тот факт, что взаимопонимание и взаимодействие строятся преимущественно на логике смысла (рациональное начало). А воздействие на собеседника и достижение взаимности – на общности эмоциональных переживаний и ценностно-смысловых кодов бытия, характерных для данной этнокультурной традиции.

Этнокультурное своеобразие речевого поведения крымских татар опирается на многовековую традицию уважительно-почтительного отношения к статусу и возрасту собеседника: *Къарт сёзюни тутмагъан — къартайгьандже онъмаз* / Кто не слушается старших, тому до старости удачи не видать. В представлении крымских татар старики являются олицетворением житейской мудрости, а также главными хранителями национальной культуры и унаследованных этикетных норм.

Ощущая себя частью семейно-родовой общности, человек осознавал свою включённость в единую социальную цепь и, приобретая определенный статус, неукоснительно придерживался традиционных принципов поведения, которое окончательно оформилось в период распространения ислама. Здесь мы имеем в виду доброжелательность и учтивость, проявляющиеся в устойчивых формулах и правилах «вежливого» контакта с собеседником. В этом отношении примечательна крымскотатарская пословица: *Сен дегеннинъ агъзына сенек кирсин!* / Пусть вонзятся в рот вилы тому, кто говорит «ты!».

Согласно утвердившемуся речевому канону, обмен приветствиями предполагает симметричные реплики-пожелания мира и благополучия. Так, за традиционным мусульманским приветствием *Селям алейкум!* / Мир вам! непременно следует ответное *Алейкум селям!* / Мир и вам! Входящий в дом, как правило, выражает свое почтение и дому: *Селям алейкум эвинъизге!* / Мир вашему дому! А если у него еще нет своего дома, то, возможно, хозяин в ответ пожелает ему *Дарысы сизге олсун!* или *Даа яхшысы сизге олсун!* / У Вас будет лучше! Когда же в дом приходит беда, то после похорон говорят: *Эмир Алла, башынъыз сагь олсун* / Пусть не повторится горе в этом доме. И тогда ему ответят скорбящие родные: *Достлар сагь олсун* / Пусть будут здоровы друзья [3].

В целом, согласно крымскотатарскому этикету, каждый может принять участие в разговоре, но его высказывания должны быть к месту и немногословны. Не следует без острой необходимости перебивать говорящего и, проявляя к нему внимание, продолжать поддакивать: *эбет, эбет-эбет, шай-шай, догъру* / да-да, правильно. Если всё же необходимо прервать собеседника, то рекомендуется начинать своё высказывание с извинения: *багъышланъыз; айып этменизъ айып этменизъ* или *сезюм агъыр бармасын* / вы меня извините; простите, пожалуйста; не примите за бестактность, а затем высказывать свои соображения. Разумеется, эти формульные этикетные клише удлиняют разговор, но позволяют поддерживать доброжелательную атмосферу, исключая конфликтные ситуации, недоразумения и обиды. Высоко ценится также умение сдерживать свое раздражение и гнев, не допуская грубых и жёстких высказываний в адрес собеседника [1].

Если татарский этикет предписывает в знак вежливого отношения к гостям начинать общение с малозначимого разговора о погоде или общих знакомых, а при прощании обмениваться извинениями за допущенные отклонения от этикетных правил хорошего тона, то для носителей русского языка он уже не характерен. «Главное же качество русского общения, что в нем легче начинать говорить о главном и существенном», – писал Н.А. Бердяев, отметив также интерес к «вопросу о смысле жизни» и к «общению с другими в искании смысла» [4, с. 265–266, 238, 264].

В целом, этикет наследников исламских и родоплеменных ценностей может вызывать некоторое удивление у носителей русского языка. Так, например, непривычным для русских является поведение во время застолья, а также сама процедура распределения мест за столом. На почётном месте справа от хозяина дома садится знатный и старший гость, слева — следующий по статусу и т. д. Что же касается перевода любого речевого контакта в тональность родственно-теплого общения, типичного для крымских татар, то подобное этикетное поведение может воспринимается в русской языковой среде с долей недоверия и оцениваться как неискреннее.

Действительно, неформальное общение в русскоязычной среде избегает подчеркнутого следования этикетным правилам и

допускает значительно больший диапазон в выражении отношения к адресату, речевой ситуации и предмету разговора. В свою очередь, такая манера общения русских озадачивает крымских татар пренебрежением к этикетным нормам, а сами собеседники — недостаточной воспитанностью.

Чтобы раскрыть причины пренебрежительного отношения русских к речевому этикету, позволим себе привести следующий фрагмент из книги В.В. Колесова «Язык и ментальность»: «*Этикет* – слово французское, в русской речи ему соответствует сочетание *правила поведения.* Этикет как “совокупность внешних правил поведения в отношении к другим людям” не очень понятен русской ментальности; он воспринимается как принудительная мера в регламенте ритуала. Наоборот, *правила* – правильны, а *поведение* соотносится с глаголом *ведать*, т. е. знать нечто сокровенное, владея особой информацией, и умело ею пользоваться в зависимости от обстоятельств. Не принужденно внешним образом, а в силу внутренней потребности самовыражения в социальной среде. За этикетом может скрываться недоброжелательство, осуждение или враждебность, а правила по-вед-ения требуют органически естественного общения – открыто, искренне и заинтересованно» [11, с. 176].

Что же касается этикета крымских татар, то он предписывает регулярное совершение одних поступков и запрещает другие, регулируя таким образом внешнюю сторону бытия и речевого поведения. В настоящее время ежедневные молитвы пять раз в день с ритуальным омовением, соблюдение длительного месячного поста и ритуальные действия в дни праздников скрупулёзно исполняются лишь «небольшим числом особо религиозных людей» [15]. Но веками бытовавший речевой этикет принадлежит «культурной памяти» крымских татар, сохраняя их этническую идентичность в поликультурном российском пространстве. Это позволяет рассматривать **приверженность традиционному этикету** как доминанту межличностного дискурса крымских татар.

В этом контексте остановимся на еще одном положении исторической этнологии. В жизни этноса всегда существует некоторое число людей, которые не только активно поддерживают «центральную зону» культуры, но выражают ее сущностные основы,

«поскольку для них это способ связи со своим народом, способ изменять или сохранять ценностную ориентацию народа. Можно сказать, что они принимают этнический способ видения мира, чтобы народ принял те этические нормы и ценности, к которым они пришли, сообразуясь со своим внутренним опытом, но тем самым они активизируют этнические константы» [13, с. 415].

Завершая краткое рассмотрение этносоциокультурной самобытности речевого поведения носителей русской и крымскотатарской культур, подведем итоги.

Достижение взаимопонимания и гармоничных отношений предполагает не просто знакомство с историей и культурой представителей различных этнолингвокультурных общностей, проживающих в России. Понимание истоков формирования и развития различных этносов – необходимое условие достижения взаимопонимания в общении. Более того, принятие мира своей и мира иной культуры способствует признанию «другой» культуры как имеющей равную степень общности с культурой родной [5, с. 660].

Таким образом, осмысление исторически сложившегося способа существования национальных языковых личностей позволяет выявить сущностные особенности и смысложизненные основы межличностного дискурса, которые легли в основание российского поликультурного мира.

Литература

1. Ахунов А. Крымские татары: этикет – завещание предков // Татарский мир. 2003, №18 [Электронный ресурс]. URL: www.tatworld.ru/article.shtml?article=417 (дата обращения 17.08.2017).

2. Бахтин М.М. Собр. соч. в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. – 731 с.

3. Бекир В. Речевой этикет крымских татар [Электронный ресурс] URL http://tatarica.narod.ru/world/language/etiket.htm (дата обращения 10.04.2017).

4. Бердяев Н. Самопознание. М.: ДЭМ, 1990. – 336 с.

5. Библер В.С., Ахутин А.В. Диалог культур // Новая философская энциклопедия. Т. 1. М.: Мысль, 2010. – С. 659–661.

6. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: КомКнига, 2005. – 176 с.

7. Владимирова Т.Е. Русский язык и русская языковая личность в полицентричном мире // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2013. №2. – С. 3–15.

8. Гайденко П.П. Онтологический горизонт натурфилософии Аристотеля // Философия природы и в античности в средние века. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 37–78.

9. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Издательская группа "Прогресс", 1985. – С. 217–237.

10. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность / Под ред. Д.Н. Шмелева. М.: Наука, 1989.– С. 3–8.

11. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 624 с.

12. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Ин-т языкознания РАН, 1993. С.16–21.

13. Лурье С.В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с.

14. Никишенков А. Традиционный этикет тюркоязычных народов европейской части России // Татарский мир. 2004, № 19. [Электронный ресурс] URL: http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=636 (дата обращения 01.11.2017).

ЯЗЫК КАК ОБЪЕДИНЯЮЩИЙ ФАКТОР (НА ПРИМЕРЕ КРЫМСКОГО РЕГИОНА)

Р.Н. Гусейнова
analsur@yandex.ru
Таврическая академия (структурное подразделение)
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
(Симферополь)

Язык – явление социальное, возникающее и развивающееся в обществе. Как основное средство общения он содержит в себе духовное, культурное и историческое наследие народа, формируя его ментальность. На сегодняшний день в мире насчитывается свыше 7 тысяч языков, функционирующих более чем в 240 странах [9].

В «государствах-империях», основанных на гетерогенности (разнородности), язык может выступать одновременно фактором общеэтнической идентичности и общенационального единения. Так, в России, на территории которой проживают представители почти 200 этносов, в качестве «общего языка» выступает русский. Сегодня он является не только национальным языком русского народа, но и имеет статус государственного в Российской Федера-

ции, а также признан вторым государственным в Республике Беларусь и в частично признанных Южной Осетии и Приднестровской Молдавской Республике. В XXI веке русским языком в той или иной степени владеет более полумиллиарда человек, родным его считают свыше 200 миллионов, почти 150 миллионов из которых проживают на территории России [6].

Отметим, что в конце XX века утраченное Россией геополитическое и экономическое влияние привело к сокращению интереса к ее государственному языку. Если в 90-х годах русским языком владело 350 миллионов человек, 70 миллионов из которых – представители стран Восточной Европы, Балкан и Азии, то в 2005 году количество людей, говорящих по-русски, сократилось до 278 миллионов, причем 140 из них – жители РФ [1, с.31-38].

Однако несмотря на процессы системной дезинтеграции России после распада СССР, русский язык не утратил свой международный статус. Оставаясь понятным для нескольких поколений, когда-то проживавших в Советском Союзе, сегодня он выступает в качестве поколенческого (возрастного) средства коммуникации для жителей бывших советских республик [4, с.117-120]. Именно потому, что русский язык продолжает играть важную роль в странах и регионах постсоветского пространства, его объединяющая функция в историческом сознании лежит в основе государственной политики Российской Федерации.

Как известно, в поликультурном сообществе объединение «по крови» является акциденцией, то есть чем-то случайным, несущественным. Первостепенное же значение в формировании многонационального образования приобретает принадлежность к культуре, неотъемлемой частью которой является язык.

Так, в полиэтничном Крыму роль русского языка оказалась определяющей. Желание крымчан придать ему статус государственного стало одной из причин проведения в 2014 году референдумов, по итогам которых Республика Крым и город федерального значения Севастополь стали субъектами Российской Федерации.

Согласно итогам переписи населения 2014 года, 99,8% жителей крымского региона владеют русским языком, при этом 84% крымчан разных национальностей считают его родным [8].

Объяснение феномена «крымской весны» не может быть ограничено определением полиэтничности региона и/или военно-стратегическим расположением полуострова. В рассмотрении данного вопроса также следует учитывать самоотождествление индивидуума, его личностное формирование посредством познания внешней социальной среды.

Процессы самоопределения и культурной идентификации неразделимы. В многонациональном крымском регионе представители различных этносов, коммуницирующие в общем пространстве, «обречены» на диалог, и именно русский язык стал тем связующим звеном, которое на протяжении нескольких веков его обеспечивает.

Развитие русского языка в Крыму началось с исторического события – вхождения Крымского Ханства в состав Российской империи. За относительно небольшой период времени изменился этнический состав полуострова, прошедшего путь от гомогенного сообщества в XVIII веке (92,6% крымскотатарского населения) до гетерогенного в XXI (175 национальностей) [8]. За это время из некогда тюркоязычного региона Крым стал русскоязычным.

Языковую ситуацию не смогла изменить и попытка украинизации населения полуострова в годы нахождения его сначала в составе УССР (1954-1991), а затем независимой Украины (1991-2014). Процесс украинизации был продуманным, а потому проходил планомерно, постепенно охватывая все сферы социальной жизни полуострова, начиная со среднего образования. Если в начале 50-х годов на территории крымского полуострова насчитывалось 348 татарских, 268 русских и 139 немецких школ, то с момента включения Крыма в состав УССР ситуация начала меняться. За два учебных года (с 1954 по 1957) в 70 крымских школах было открыто 115 украинских классов, в которых обучалось 2383 ученика, через год их количество увеличилось почти до 70 тысяч. В течение двух-трех лет планировалось адаптировать обучение крымских учеников 2-10 классов к учебным планам и программам УССР [3, с.12-18].

Однако к началу 60-х годов ситуация начала меняться, наметилась тенденция к сокращению желающих обучаться на украинском языке. Стала очевидной необходимость возобновить преподавание в средних школах на русском языке, поскольку на нем

проводилось обучение в высших и средних специальных учреждениях полуострова. При этом во всех школах Крыма, за исключением города Севастополя, были введены обязательные учебные предметы – «украинский язык» и «украинская литература».

Бесперспективность украинизации крымского общества была очевидной уже тогда, однако государственная языковая политика в Крыму была направлена на внедрение украинского языка во все социально-экономические сферы жизни общества. Де-факто украинский язык, имея де-юре статус государственного, был миноритарным, он использовался на территории всего крымского полуострова в определенных стилях речи (официально-деловом, канцелярском, в меньшей степени научном, публицистическом и разговорном).

Не доминировал украинский язык и в сфере образования Автономной республики Крым. По данным украинской государственной службы статистики, в 2012-2013 учебном году в средних общеобразовательных школах Крыма 89,32% учащихся получали образование на русском языке, 7,41% – на украинском языке, 3,11% – на крымскотатарском и 0,16% на – других языках [2].

В постукраинском Крыму ситуация изменилась в отношении только одного из трех вышеперечисленных языков, ныне являющихся государственными. По словам министра образования Республики Крым Н. Г. Гончаровой, сейчас в Крыму 96,9% школьников обучается на русском языке, 3% – на крымскотатарском и 0,1% – на украинском [5]. Таким образом, языковую ситуацию в Крыму можно определить как многокомпонентную с преобладанием одного из трех государственных языков – русского.

Языковая политика, проводимая в многонациональном пространстве, должна отражать образ мышления всех этнических сообществ и быть направленной на достижение взаимопонимания между ними, поскольку необходимость выбора индивидуумом между культурой национальной общности, представителем которой он является «по крови», и культурой большинства, с которым он, возможно, себя соотносит, может привести к нарушению балансного состояния языковой ситуации в регионе [7, с.64-65].

В заключение хочется отметить, что этнокультурные традиции могут стать фактором разобщенности сообщества, представляющего собой этнически смешанную социальную среду. И именно

язык, выступая одним из маркеров этничности, с одной стороны, являясь неотъемлемой частью культуры нации – с другой, способен стать фундаментом, объединяющим различные этносы в единое государственное образование.

Ярким примером данного утверждения представляется языковая ситуация в крымском регионе, где русский язык, являясь родным для численно доминирующей группы населения, на протяжении нескольких веков независимо от административного подчинения Крыма, объединяет все этнокультурные общности полуострова.

Литература

1. Арефьев А.Л. Русский язык в мире: прошлое, настоящее, будущее // Вестник российской академии наук, 2014, том 84, №10. С.31-38

2. Государственная служба статистики Украины [Электронный ресурс]. URL: http://www.ukrstat.gov.ua. – (Дата обращения: 16.01.2018).

3. Королёв В. И. Украинское народное образование в Крыму в советское время // Таврійські студії. Мистецтвознавство. Культурологія. 2012. №1. С.192 – 197

4. Петров А. В. Страны постсоветского пространства : учеб.-метод. пособие. : Изд-во ИГУ, Иркутск, 2012. 172 с.

5. РИА новости [Электронный ресурс]: информационное агентство: [сайт]. URL: http://crimea.ria.ru/society/20170304/1109340573.html – (дата обращения: 19.01.2018)

6. РОПРЯЛ [Электронный ресурс]: http://ropryal.ru/wp-content/uploads/2016/10/Plenar-Verbitskaya.pdf (дата обращения: 02.02.2018).

7. Титаренко Е.Я., Гусейнова Р.Н. Исторический вектор развития языков в полилингвокультурном сообществе (крымский опыт) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 58-66.

8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: URL:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html (дата обращения: 02.02.2018).

9. Этнолог. Языки мира [Электронный ресурс]: https://www.ethnologue.com/browse/names/a (дата обращения: 02.02.2018).

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ УЗУС В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ[1]

Т.Ю. Игнатович
ignatovich_chita@mail.ru
ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
(Чита)

В забайкальском полиэтническом регионе русский язык является доминирующим идиомом, но за время функционирования региональный вариант русского языка не избежал иноязычного воздействия.

Русский язык начал функционировать в Забайкалье сравнительно поздно, со второй половины XVII в. с приходом на данную территорию русских первопроходцев и поселенцев.

По данным археологов, люди жили в Забайкалье задолго до русской колонизации, свидетельства об этом уходят в глубь тысячелетий, самые древние относятся к 400-150 тыс. лет назад. Известно, что в VI–IX вв. здесь кочевал народ хунну, древнетюркские племена уйгуров, монгольские и тунгусские племена шивэй, монгольские племена сяньби, в IX–XI вв. монгольские племена киданей, тунгусоязычные племена чжурчженей.

Когда в середине XVII в. в Забайкалье пришли русские первопроходцы, здесь жили потомки киданей – дауры, тунгусы – предки современных эвенков, монголоязычные буряты.

Известно, что в середине XVIII в., по свидетельству Петера Симона Палласа, Забайкалье было заселено дагурами-монголами, бурятами и тунгусами (16000 душ) [1, с. 48].

Языки автохтонных народов оставили след в забайкальской топонимии. Известный исследователь забайкальских русских говоров Л.Е Элиасов отмечал высокий процент заимствований (более 90% от общего числа зарегистрированных местных названий) из автохтонных языков в топонимике Забайкалья, так как к «приходу русских большая часть мест, гор, рек, озер, ключей уже носила бурятские и эвенкийские названия» [15, с. 97]. Таковыми, например, являются топонимы Чита, Ингода, Акатуй, Балей, Борзя, Калга, Могойтуй и др. Бытуют нерусские названия и в микротопонимике.

[1]Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 2018 г. № 18-012-00270-а «Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект».

Так, в ныне русскоязычном с. Ундино Поселье Балейского района есть названия районов Зутурул, Кэцэкэн, Бушулей, Зудыр, Дацан, недалеко от села находятся пади Мудуихэ, Зутурульская. В настоящее время издан «Топонимический словарь Забайкальского края» Т.В. Федотовой [12], исследования региональной топонимии с точки зрения происхождения и информационного потенциала проводит Р.Г. Жамсаранова [2].

Например, у топонима ***Чита*** имеется 7 версий объяснения происхождения: 1) от эвенк. имени ***Чита***; 2) от эвенк. слова ***чата*** или ***чатала*** – «глина»; 3) от ороч. ***чита*** – «береста»; 4) от эвенк. ***чатэ*** – «черная земля», «уголь»; 5) от уйгур. ***чыт*** – «жилище»; 6) у нивхов ***читы*** – «колодец»; 7) слово носит собирательный характер и в переводе с языков народов Восточной Азии обозначает «вода» [12, с. 126–127].

Русский язык в Забайкалье во времена первопроходцев и первопоселенцев, по свидетельству памятников письменности, носил диалектный характер. Как отмечал один из первых исследователей диалектов Сибири А. М. Селищев, русские говоры Сибири начали формироваться в XVI–XVII вв. с тем запасом звуков, форм, какой был свойствен говорам их метрополий в XVI–XVII вв. [10, с. 225]. Нерчинские памятники, содержащие сведения о пунктах выхода нерчинцев, наименования переселенцев по месту их первоначального жительства (*устюжане, колмогорцы, важане, вологжане, пинежане, костромичи* и подобное), фонетические, морфологические и лексические особенности отразившейся в памятниках живой речи их носителей дали основание Г.А. Христосенко утверждать: «Население Нерчинска сформировалось из носителей говоров восточной (важане, устюжане, яренчане и др.) и северной (колмогорцы, пинежане, мезенцы и др.) групп севернорусского наречия» [13, с. 21].

О прибытии русских во второй половине XVII – начале XVIII вв. в Забайкалье из сибирских городов Тобольска, Илимска, Томска, Верхотурья, пополнявшихся первоначально уроженцами северных областей государства (Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской, Пермской губерний) свидетельствует и Первая всеобщая перепись 1897 г. [8, с. 5]. Подтверждает

севернорусскую основу речи переселенцев диалектная речь их потомков, которая до сих пор сохраняет черты материнского говора [3].

В 1762 г. в Нерчинском горном округе уже проживало 11854 душ мужского пола приписных крестьян, а в 1787 г. при передаче заводов Кабинету в округе насчитывалось 282 деревни [Жидков 1973, с. 101]. Здесь также проживало 1005 ссыльных, из них 387 обрабатывали казённую пашню [6, с. 25].

В начале XVIII в. Забайкалье пережило новую переселенческую волну: в соответствии с Указом 1799 г. в край было переселено 4980 крестьян и отставных солдат опять же из западных районов Сибири и Европейской части России [1, с. 30]. В 1888 г. Забайкалье из 528543 чел. всего населения казачье сословие состояло из 207653 душ обоего пола [4, с. 212].

Во второй половине XVIII в. в юго-западную часть Восточного Забайкалья стали переселяться так называемые «семейские», старообрядцы, высланные из Черниговской (Стародубье) и Могилевской (Ветка) губерний. Выселение происходило в 1735 г. и 1764 г., и в Забайкалье прибыло до 4 тыс. человек. В 1782 г. в западной части Забайкалья проживало около 4400 старообрядцев, в 1827 г. – 12876 [5, с. 153]. Диалектная речь семейских имеет черты южнорусского происхождения.

А.П. Майоров, исследовавший региональный узус русской деловой письменности XVIII в. по памятникам Забайкалья [7], отмечает, что в тот период языки аборигенов взаимодействовали с формирующимся забайкальским вариантом русского языка и в него пришли многочисленные автохтонные заимствования. Рассматривая заимствования из автохтонных языков (бурятского, якутского и эвенкийского), А.П. Майоров приходит к выводу, что, обозначая предметы и явления чужой культуры, автохтонные заимствования вместе с обозначаемыми реалиями довольно быстро становятся достоянием материальной и языковой культуры русского населения Забайкалья. Так, например, наименования *ганза, гуран, затуран, камус, каптагай, качерик, саломат, тарасун, чебак* ‘меховая шапка’, *яман* и мн. др. прочно вошли в речевой обиход русских, проживавших в XVIII в. в Забайкалье, а сами реалии широко использовались в их повседневной жизни

[7, с.32]. Подобные слова, считает автор, выполняли обычную номинативную и коммуникативную функции, не акцентируя национальный колорит обозначаемых реалий. В региональном узусе русского языка XVIII в. автохтонные заимствования функционировали наряду с другими регионализмами как полноправные члены лексической системы данного идиома.

Среди автохтонных регионализмов по отношению к обозначаемому денотату А.П. Майоров выделяет два разряда слов: 1) лексемы, служащие наименованиями тех или иных реалий из быта нерусских народов, не имеющих аналога у русских (этнографизмы), например, слова, заимствованные из бурятского языка и отмеченные в забайкальских документах XVIII в. (*ганза* ‘курительная трубка’, *тарасун* ‘молочная водка’, *тырлик* ‘халат’, *гутулы* ‘обувь’ и др.); 2) слова, которые обозначают знакомые русскому народу реалии по признакам, неактуальным для языковой картины мира русских (этнокультурные слова), например, заимствованные из бурятского языка и других языков народов Сибири (названия известных домашних животных характеризуют последних по половозрастным признакам: *качерик* ‘теленок по второму году’, *гунак* ‘трехгодовалый бычок’, *бура* ‘верблюд-самец’, *инга* ‘самка верблюда’) [7, с. 36–37].

П.А. Ровинский в статье «Очерки Восточной Сибири», опубликованной в журнале «Древняя и новая Россия» в 1875 г., обращает внимание на влияние речи местного населения на русский язык в Сибири: «Чем дальше вы продвигаетесь к востоку, тем больше пестрят русскую речь эти совершенно чуждые слова. В Нерчинске в разговоре с русскими людьми мне приходилось так часто обращаться за переводом слов, что коренной нерчуган удивился этому и задал вопрос: «Что это такое, вы не знаете самых обыкновенных русских слов?» А эти обыкновенные русские слова были: «зантугло» (отупевший человек), «дымбей» (напрасно), «каптурга» (кисет с табаком) и т. п.» [9, с. 232]. А.П. Майоров считает, что денотаты таких автохтонных регионализмов стали неотъемлемым социокультурным фактом жизни русских людей, обосновавшихся в Сибири, и слова, обозначающие эти реалии, закономерно входят в лексическую систему исследуемого региолекта – русского языка, функционирующего в Забайкалье XVIII в. [7, с. 36–37].

По данным Э. Д. Эрдынеевой, в конце XX в. русских говорах Забайкалья активно функционировало около 300 бурятизмов [6, с. 109]. Бурятизмы, вошедшие в лексику русских говоров Забайкалья, либо выражают более конкретное понятие по сравнению с русскими названиям и одним словом могут заменять описательное наименование, либо имеют экспрессивно-оценочный характер. Они русифицированы и способны развивать переносные значения, образовывать словообразовательные гнезда.

Фактор влияния автохтонных языков обусловил формирование специфических общих региональных черт в русских говорах Восточного Забайкалья как севернорусского, так и южнорусского генезиса. Однако в настоящее время в русских говорах Восточного Забайкалья происходит процесс утраты части заимствований из автохтонных языков в связи с утратой реалий, которые они обозначали, или заменой их общерусскими синонимами.

Русская история освоения края с середины XVII в. в виде разноязычных миграционных волн с разных территорий России, а в новейшее время и из стран ближайшего зарубежья, пребывание здесь коренных народов (бурятов, эвенков) обеспечили полиэтнический состав населения, что нашло отражение в забайкальской русской народно-разговорной речи. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Забайкальском крае проживает 1 млн. 107 тыс. 107 человек, являющихся представителями более 100 национальностей и народностей [11, с. 48–49].

Самая многочисленная национальность – русские: в 2010 г. они составили 88,28 % (977 тыс. 400 человек) от всего населения Забайкальского края [11, с. 49]. Доля русских в конце прошлого столетия представляла: в 1989 г. – 88,4 %, в 1994 г. – 90,9 %, в 2002 г. – 89,8 % (1 млн. 37 тыс. 502 человека) [14, с. 79], то есть наблюдается колебание доли русского населения с увеличением, а затем понижением на полтора процента.

Из коренного населения Забайкалья буряты составляют соответственно – 6,68 % (73 тыс. 941 человек) от всего населения региона [11, с. 48], по сравнению с 1989 г. – 4,8 %, 1994 г. – 5,4 % [14, с. 79], 2002 г. – 6 % (70 тыс. 457 человек), то есть наблюдается рост представителей бурятской национальности. Эвенки в 2010 г. составили – 0,13 % (1387 человек) [11, с. 49], сравнение с данными

переписей 1989 г. – 0,1 %, 1994 г. – 0, 2 %, 2002 г. – 0, 13 % (1492 человека) показывает, что наблюдается снижение численности этого этноса.

По переписи 2010 г. 99,66 % русских считают русский язык своим родным языком, в 2002 г. было 99,5 %.

Процентное соотношение русского населения к коренным народам Забайкалья (88,28 % русских и 6,68 % бурят, 0,13 % эвенков) при небольшом росте среди коренного населения количества лиц, признающих язык своей нации родным языком (буряты – 94 % в 1994 г., 80,1 % в 2002 г., 88,04 % в 2010 г., эвенки соответственно – 14 % в 1994 г., 13 % в 2002 г., 16,51 % в 2010 г.), свидетельствует о том, что влияние автохтонных языков на русские говоры осталось в прошлом.

Русские говоры севернорусского генезиса на территории Восточного Забайкалья имеют общие диалектные черты с сибирским диалектным континуумом севернорусской основы, и ряд общесибирских диалектных различий сохраняется в них по сей день.

В современных забайкальских говорах активно проявляется тенденция нивелирования неустойчивых диалектных различий и замены их на наддиалектные соответствия, что привело к исчезновению многих диалектных черт в речи забайкальцев молодого поколения.

Исследование говоров севернорусского генезиса в диалектном пространстве Восточного Забайкалья выявило процесс интеграции с говорами семейских южнорусского генезиса. Суть процесса интеграции восточнозабайкальских говоров севернорусского и южнорусского генезиса заключается в утрате неустойчивых различительных регионализмов и сохранении относительно устойчивых общих регионализмов. Относительно устойчивые регионализмы являются едиными для обеих забайкальских региональных подсистем и дают основание предположить формирование на территории Восточного Забайкалья общерегиональной языковой разновидности, маркированной диалектными чертами однородного характера, – забайкальского регионолекта, в котором в большей степени будут представлены общенародные языковые черты, в частности общенародного просторечия, и в меньшей – особенности диалектного происхождения.

Русская речь в регионе и в настоящее время не однородна, на диалектную основу наслаиваются просторечие, жаргоны, воздействует литературный язык, наблюдается угасание воздействия автохтонных языков – всё это обусловливает своеобразную диахронную динамику русского речевого узуса в Забайкалье.

Литература

1. Дамдинов Д.Г. О предках Гантимуровых, титулованных князей и дворян (по московскому списку) / Д.Г. Дамдинов. Чита: АНО «ЦНОП», 2005. – 94 с.

2. Жамсаранова Р.Г. Шулунова Л.В. Топонимия Восточного Забайкалья: монография / Р.Г. Жамсаранова, Л.В. Шулунова. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2003. – 128 с.

3. Игнатович Т.Ю. Восточнозабайкальские говоры севернорусского происхождения в истории и современном состоянии (на материале фонетики и морфологии): монография / Т.Ю. Игнатович; Забайкал. гос. ун-т. М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. –312 с.

4. Константинова Н.Н. Казачество / Н.Н. Константинова // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. В 2-х т. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 1. – С. 212–215

5. Константинова Н.Н. Население Забайкалья и виды хозяйственной деятельности / Н.Н. Константинова // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин: В 2-х т. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 1. – С. 152–154

6. Константинова Т.А. Нерчинское воеводство (1655–1783) / Т.А. Константинова, А.Н. Халетский // Нерчинское Забайкалье. Архивный вестник № 6 / под ред. М.В. Константинова. Чита, 2003. – С. 12–20

7. Майоров А. П. Региональный узус деловой письменности XVIII в. (по памятникам Забайкалья): Автореф. дис. …д-ра филол. наук: 10.02.01.М, 2006.– 45 с.

8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Забайкальская область. СПб, 1904. Вып. 74.–182 с.

9. Ровинский П.А. Очерки Восточной Сибири / П.А. Ровинский // Древняя и новая Россия. 1875 г.№ II. – 232 с.

10. Селищев А.М. «Диалектологический очерк Сибири» // Избранные труды. М., 1968. –С. 223-427.

11. Статистический ежегодник Забайкальского края. 2012: статистический сборник / Забайкалкрайстат. Чита, 2012. – 320 с.

12. Федотова Т.В. Топонимический словарь Забайкальского края / Т. В. Федотова; Забайкал. гос. ун-т. Чита: ЗабГУ, 2017. –272 с.

13. Христосенко Г.А. Фонетическая система языка нерчинской деловой письменности второй половины XVII – первой половины XVIII веков:

дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Г.А. Христосенко. Красноярск, 1975. – 228 с. с илл.

14. Чипизубов В.И. Национальный состав / В.И. Чипизубов // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: В 2-х т. / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 1. – 302 с.

15. Элиасов Л.Е. Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья (на материале произведений устного творчества народов Сибири в советскую эпоху). Улан-Удэ, 1965. – С. 96–103.

16. Эрдынеева Э.Д. Русские говоры Бурятии (лексикологический и социолингвистический аспекты). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1992. – 124 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК КРЫМА: НЕКОТОРЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Л.С. Москаленко
lida_mosk@mail.ru
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва)

Русский язык в разных регионах России обладает спецификой вследствие воздействия ряда факторов, таких как территориальная обособленность, влияние диалектов, иноязычное окружение и пр. Изучение региональной окрашенности разговорной речи приобретает особый характер в связи с изучением языка города. Формированию региональных вариантов «способствует увеличение доли городского населения и наличие в регионе крупного города с сильными культурно-языковыми традициями» [5, с.42]. Степень варьирования языка и языковые средства этого варьирования напрямую связаны с языковой ситуацией в определенном регионе.

В данной статье речь пойдет о некоторых региональных особенностях русской разговорной речи Крыма (на примере речи жителей города Симферополя).

Региональная специфика русского языка в Крыму обусловлена геополитическим положением, влиянием южнорусских говоров, украинского, а также крымскотатарского языков.

С одной стороны, поскольку Крым является полуостровом, он имеет определенную ограниченность массовых языковых контактов. С другой – Крым всегда отличался миграцией населения. Сле-

довательно, языковые особенности формировались на ограниченной территории позднего заселения. Переселенцы были главным образом с Украины и юга России, что привело и к внутренней, и к межъязыковой интерференции.

Крым входил в состав УССР, независимой Украины. Русский язык в Крыму длительный период времени функционировал параллельно с украинским языком, при этом не во всех сферах занимал ведущие позиции, что стало причиной массового двуязычия и, как следствие, языкового взаимодействия. Также в Крыму распространено русско-крымскотатарское двуязычие, ограниченное по национальному признаку.

Формированию региональных особенностей русского языка Крыма способствовала и миграция сельского населения в города, вследствие чего нивелировалось противопоставление сельского и городского населения и увеличивалось влияние местных, преимущественно южнорусских, говоров на городскую речь. Так, в Симферополе работают многие сельские жители близлежащих территорий. Он является центром культурной жизни, в нем сосредоточены основные высшие учебные заведения Крыма.

В русском языке Симферополя можно выделить ряд особенностей, совпадающих с языком юга России и русскоязычных территорий Украины. Диалектный субстрат подкрепляется влиянием украинского языка, что делает «региолектную систему более сильной и жизнеспособной» [5, с.42]. Такие особенности характерны для всех уровней языка, главным образом для фонетического и грамматического. Они были отмечены еще в трудах советских лингвистов, посвященных варьированию русского языка на Украине [2; 6; 7], описанию южнорусской речи [8]. Не все специфические черты, представленные в этих работах, характерны для русского языка Симферополя.

Рассмотрим некоторые из особенностей, представленные в русском языке Симферополя сегодня.

1.**Реализация фонемы ‹г› в сильной позиции звуками [γ], [γ’], в слабой – [х]**: *[γ]оворит, все[γ]да, и[γ]рать, ко[γ]да, мо[γ]ут, пол[γ]ода, биоло[γ’]ии, подви[х], дене[х]* и т. д. В русском языке Крыма происходит параллельное использование данных

звуков. Анализ речи коммуникантов показал, что одним коммуникантам свойственно употребление только звуков [г], [г’] (в сильной позиции) и [к], [к’] (в слабой) или только [γ], [γ’], [х], а другим – чередующееся использование и тех и других звуков, при этом оно не зависит от позиции: в одном и том же слове, в одной и той же позиции, но в разных синтагмах может быть использован как [г], так и [γ].

Авторы монографии «Интерференция звуковых систем», изданной в 1987 г., проанализировав речь жителей Киева, Харькова, Одессы, Львова и Симферополя, определили, что «наиболее часто конечный щелевой вместо смычного наблюдался у жителей Симферополя и у харьковчан, возможно, под влиянием южнорусских говоров» [6, с. 99].

2. **Реализация фонемы ‹в› в ряде позиций губно-губным [ў].** Наиболее часто [ў] произносится после усиливающего лабиализацию звука [о] или другого гласного и в абсолютном конце слова: *Е[ў]ропе, ко[ў]рик, н[оў]ые, кара[ў]аи, академик[оў], доход[оў], микроб[оў], налог[оў], пра[ў]* и др. Согласные [в], [в’] являются сонантами. «Их сонантность не обращает на себя внимания в позициях начала слова и в интервокальной в середине слова. Однако в конце слова или перед глухим согласным сонант или полугласный вместо ожидаемого глухого ([f] или [f’]) воспринимается как яркий акцент: а[ў]тобус, ло[w]» [6, с. 98].

Наличие звука [ў] свойственно в основном речи представителей среднего и старшего поколений, особенно тех, кто часть жизни прожил в деревне или имеет близких родственников из деревни.

3.**Фонетическая реализация суффикса *-ин-* вариантом *-ын-*:** *Люд**[ын]**а сумка, мам**[ын]**ого молока.* Данный суффикс выделяется в притяжательных прилагательных, которые выражают единичную принадлежность и образованы от основ одушевленных существительных 1-го склонения со значением лица.

4. **Фонетическая реализация союзов *что, чтобы* вариантами *шо, шоб*:** *Делайте то, **шо** я вас прошу. Садись на диван, **шоб** тебе удобно было.* Использование данных союзов является влиянием украинского просторечия [4]. Согласно Сальваторе Дель Гаудио, «подобное упрощение иногда обнаруживается также в

стандартном украинском языке: “що”>“шо”, и является идиосинкразической чертой суржика» [3, с. 162].

5.**Своеобразное использование предлогов.**

Предложно-падежная форма «с + Р. п.» имеет семантику предлога *из* и передает объектные и пространственные отношения: ***С дружбы*** *что-то вытаскивают, что-то продают. Отправление* ***с Киева*** *в 6 утра.*

Предложно-падежная форма «за + В. п.» используется вместо «о + В. п.» и указывает на то, кто или что является объектом мысли, разговора, вопроса и т. д. [9, с. 225]: *Появились некоторые опасения* ***за будущее*** *и* ***за развитие*** *этого рынка. Что ты знаешь* ***за это****?*

Предложно-падежная форма «с + Р. п.» имеет семантику предлога *над* и указывает на лицо, предмет, явление как на объект позитивного или (чаще) негативного отношения к ним [9, с. 198, 334]: *Не смейся* ***с него.***

Предложно-падежная форма «до + Р. п.» используется вместо «к + Д. п.» и передает объектно-пространственные отношения: *Пошла в гости* ***до бабушки.***

6. **Слова, общие для украинского языка и южнорусских говоров**: *буряк* ‘свёкла; кормовая свёкла’ (*В этом году и свёкла, и* ***буряк*** *плохо уродили*), *хата* ‘дом’ (*В* ***хате*** *еще не убирала*), *хутор* ‘малое поселение, состоящее из одного или нескольких домов’ (*Мои бабушка и дедушка на* ***хуторе*** *жили*) и др.

На фоне общих южнорусских особенностей можно выделить следующие лексико-семантические черты, отмеченные в русском языке Симферополя:

1. **Черты, возникшие за время функционирования русского языка на Украине**, которые будут свойственны и русскому языку Украины в целом. Они появляются в связи с функционированием в независимом государстве Украине, имеющем свое политическое и экономическое устройство. Большой пласт представлен политической лексикой: *громада* ‘группа людей, объединенных общностью положения, интересов, ставящих перед собой определенные общие задания’ (*В местных бюджетах не хватает средств даже на обеспечение базовых потребностей территориальных* ***громад***), *нашист* ‘о представителе политической партии

«Наша Украина» на Украине’ (*У них в семье все* ***нашисты***), *регионал* ‘о представителе политической партии «Партия регионов» на Украине’ (***Регионалы*** *пришли к власти ненадолго*), *голова* ‘выборный руководитель органов местного самоуправления на Украине; лицо, руководящее собранием, заседанием; председательствующий’ (*Вчера состоялись выборы городского* ***головы***) и пр.; заимствования из украинского языка: *бульбашки* ‘пузыри’ (*Воду с* ***бульбашками*** *я люблю*), *занадто* ‘слишком; слишком много’ (*Сладкого вечером было* ***занадто***), *сам-на-сам* ‘один на один’ (*Остались с ней в комнате* ***сам-на-сам***) и пр.

Пласт лексики, характеризующий украинскую политическую реальность, на современном этапе частично выходит из употребления, но сохраняется на уровне знания.

К этой группе лексики стоит отнести и слова, осваивавшиеся во время независимой Украины: для именования средства связи используются номинации *мобильный телефон, мобильник, мобилка* [1], при этом номинации *сотовый телефон, сотовый* не употребляются (***Мобильник*** *опять сломался*); для именования корректирующей жидкости используется слово *штрих*, реже – *корректор* и не используется *замазка* (*В дневнике* ***штрихом*** *не пользуйся*).

2. **Собственно крымские лексические единицы.** Они возникают на базе лексических и словообразовательных ресурсов русского языка: *бутылёк* ‘трехлитровая банка’ (*Компоты у нас в* ***бутылках*** *закатывают*), *карпалы* ‘водители, встречающие отдыхающих на перроне и готовые довести в любое место’ (*Только вышедших из поезда приезжих уже обступили* ***карпалы***), *мясо в лаваше* ‘то же, что шаурма’ (*У нас в кафе* ***мясо в лаваше*** *готовят*) и др.

В какой-то степени сюда же могут быть отнесены и тюркизмы, актуализировавшиеся в Крыму, в частности в городе Симферополе, под воздействием крымскотатарского языка: *пахлава* ‘пирожное с ореховой начинкой; а также жареное пирожное из пресного теста типа хвороста’ (*Это крымская* ***пахлава*** *– она готовится иначе*), *тандыр* ‘печь для выпекания изделий из теста’ (*Мы*

эти блюда в ***тандыре*** *готовим*), *чатал* ‘вилообразная палка, используемая для поддержки веток на деревьях’ (*Смотри, как много абрикосов на дереве –* ***чатал*** *нужно подставить*) и др.

После вхождения Крыма в состав России начинают возникать региональные лексические и стилистические особенности. Например, происходит расширение семантики слов. Слово *материк* приобретает значение ‘территория России без Крыма, в противоположность Крыму’ (*Сейчас многие выпускники учиться на* ***материк*** *едут*). В таком же значении употребляются и единицы *Россия, Большая Россия.*

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют о регионально обусловленной специфике русской разговорной речи столицы Крыма.

Литература

1. Беликов В.И. Русское языковое пространство и технический прогресс // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы / отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: ИРЯ РАН, 2006. – С. 62–76.

2. Белодед И. К. Русский язык как источник обогащения языков народов СССР / И. К. Белодед, Г. П. Ижакевич, Т. К. Черторижская. – К. : Рад.школа, 1978. – 182 с.

3. Дель Гаудио С. Уровни интерференции русского языка в Украине / С. Дель Гаудио // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; науч. ред. А. Н. Рудяков. – № 1. Т. 2. – Симферополь, 2010. – С. 106–108.

4. Долешаль У., Дубичинский В. В., Ройтер Т. Суржик: лексико-грамматический и социолингвистический анализ (на материале аутентичных аудиозаписей телепередач) // Русский язык в научном освещении. № 2 (22). 2011. – С. 247–259.

5. Ерофеева Е. В. Свойства региолекта как промежуточного идиома // Тезисы конференции, посвященной 150-летию кафедры общего языкознания 4-7 сентября 2013 года. – СПб, 2013. – С. 41–43.

6. Интерференция звуковых систем / Отв.ред. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1987. – 278 с.

7. Їжакевич Г. П. Українсько-російські мовні зв’язки радянського часу / Г. П. Їжакевич. – М. : Наукова думка, 1969. – 303 с.

8. Парикова Н. Б. О южнорусском варианте литературной речи // Развитие фонетики современного русского языка. – М., 1966. – С. 125–135.

9. Цыганенко Г. П. Толково-сопоставительный словарь русских и украинских предлогов / Г. П. Цыганенко. – Алчевск : Донбасс-Медиа, 2006. – 600 с.

К ИСТОРИИ АДАПТАЦИИ МОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КРЫМУ

Л. И. Никонова
congress7@list.ru
Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
(Саранск)
А.Н. Лугвищик
allug68@mail.ru
Севастопольское региональное отделение общероссийской
общественной организации «Ассамблея народов России»
(Севастополь)

Проблемы взаимоотношения языка и культуры требуют сложного и многоаспектного подхода. Картина мира отражает в языке окружающую действительность, мораль, систему ценностей, менталитет, национальный характер [22]. Культура межнационального взаимодействия – это «система общекультурных норм и навыков поведения человека, которая характеризует гармонизацию межнациональных отношений на личностном уровне, т.е. между отдельными людьми, представителями различных национальностей» [5]. Одной из главных задач в федеральной программе развития образования является формирование человека, готового к активной созидательной деятельности в современной поликультурной и многонациональной среде, стремящегося к пониманию других культур, уважающего культурно-этнические общности, умеющего жить в мире и согласии с представителями разных национальностей, рас и верований. В современных условиях эта задача приобретает особую остроту и чрезвычайную значимость[17].Изучение истории и этнокультуры мордвы России – актуальное направление региональной и отечественной науки. Мордовский народ является одним из крупных народов финно-угорской языковой семьи в Российской Федерации. По численности населения среди народов России мордва занимает девятое место и первое – среди родственных финно-угорских народов. Знание культурных особенностей жителей разных уголков мира обогащает нашу жизнь. «В каждой культуре есть свои глубоко целесообразные нормы и правила поведения, законы, знание которых

помогает в общении. Мир многолик и разнообразен», – отмечает профессор М.Ю. Мартынова [13, с. 1].

Язык – важнейший способ формирования знаний человека о мире. Каждый язык имеет собственную картину мира, в соответствии с которой его носитель организует содержание высказывания. Так проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке. Отображая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует результаты познания в словах. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет то, что принято называть языковой картиной мира. «Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке» [27]. В рамках антропоцентрического научного подхода языковая картина представлена в виде системы образов, заключающих в себе окружающую действительность. Картина мира может быть представлена с помощью пространственных, временных, количественных, этнических и других параметров. На ее формирование значительное влияние оказывают традиции, язык, природа, воспитание, образование и многие социальные факторы.Своеобразие национального опыта определяет особенности картины мира различных народов. Концепты – составляющие языковой картины мира, через их анализ можно выявить некоторые особенности национального мировидения [27].

Культура Крыма – феномен мирового масштаба, уникальность которого предопределена смешением многочисленных этносов в пределах сравнительно небольшой территории [12, с. 1].Таврическая губерния — административно-территориальная единица Российской империи, а позднее – РСФСР. Губерния существовала с 8 (20) октября 1802 г. по 18 октября 1921 г., когда из ее части была образована Крымская Автономная Социалистическая Советская Республика – Крымская область, административно-территориальное образование в составе РСФСР (1945–1954) и Украинской ССР (1954–1991) [9, с. 154, 2, с. 248].С 18 марта 2014 – республика, субъект РФ.

Мордовское население мигрировало в Крым на протяжении длительного времени, о чем свидетельствуют статистические и архивные данные, полевые сведения и публикации в местной периодической печати («Красная Мордовия» / «Советская Мордовия» /

«Известия Мордовии») и др. Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. позволяет выяснить численность мордовского населения и ее распределение по уездам в Таврической губернии [16]: обоего пола – 375 человек, из них мужчин – 308 человек, женщин – 67 человек; в городах – соответственно 44, 34 и 10,в уездах без городов – 331, 274 и 57.По данным переписи населения 2001 г., численность мордвы в Автономной Республике Крым составила 2208 человек. В региональном разрезе наибольшая доля лиц мордовской национальности отмечена в Симферополе (9,9%), что составляет менее 0,1% в общей численности населения региона. Наибольший удельный вес в общей численности населения региона зарегистрирован в Советском районе (0,5%). Язык своей национальности назвали родным 440 человек (или 19,9% мордвы), для 1752 человек населения мордовской национальности (79,3 %) родным являлся русский язык, а для 11 человек (0,5%) – украинский. Кроме родного, соответственно 18,6 и 18,5% населения мордовской национальности свободно владели украинским и русским языками, 13,6– языком своей национальности и 0,1% – крымскотатарским языком [24, с. 22–24].Численность мордвы в Крыму изменялась как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения в зависимости от разнообразных причин –исторических, социально-экономических и культурных.

Изучая мордовский народ в Крыму, мы дополняем исследования по изучению диаспор [3, с. 56]. В статье впервые сделан обзор информационных материалов (газета «Красная Мордовия» (1.11.1930 –19.06.1951 гг.), «Советская Мордовия» (20.06.1951 – 30.03.1994)), интернет-источников и литературы, проясняющих миграцию мордвы в Крым.

Миграция мордвы в основном проходила в советское время в братские республики СССР – Казахскую, Таджикскую, Узбекскую, Грузинскую, Армянскую, Азербайджанскую, Литовскую, Латвийскую, Эстонскую и Украинскую ССР (в последнюю входила Крымская область). На это оказывали воздействие тексты публикаций СМИ о проводимой индустриализации, расцвете экономики в городах, высоких урожаях и достижениях в сельском хозяйстве, открытие новых колхозов и совхозов в сельской местности, создании там рабочих мест и условий проживания для приезжего населения. Переселению способствовали постановления и

льготы. Так, с 1950-х гг. прибывающим в совхозы Крымской области были установлены единовременные денежные пособия, выделялись кредиты на строительство жилых домов с частичным погашением за счет государственного бюджета и др. (Постановление Совета Министров СССР № 259 от 13 марта 1959 г.). Документом, удостоверяющим право на получение льгот, являлся переселенческий билет. «При переселении в колхозы и совхозы Крымской области, за исключением территории сельсоветов, подчиненных Ялтинскому городскому Совету депутатов трудящихся, выделяли единовременное денежное пособие: на главу семьи – 500 руб., на члена семьи – 150 руб. Кредит на строительство жилого дома с надворными постройками составлял 17 тыс. руб. Кредит на покупку коровы или другого крупного рогатого скота (на семью) – 15 тыс. руб. Переселявшимся в Крымскую область – может быть увеличен до 20 тыс. руб.» [18, л. 111–116]. Информационная модель действительности, создаваемая региональной прессой и адресуемая массовой аудитории, зависит от публицистического мироощущения и миросозерцания этнической картины мира, которая отличается необычайной экономической, социальной, культурной и демографической пестротой [11, с. 6]. Если говорить о проблемно-тематической направленности этнической информации, то ее в разных количественных пропорциях можно обнаружить в региональных периодических изданиях (например, в местной газете «Красная Мордовия» / «Советская Мордовия) под различными рубриками: «В братской семье народов СССР», «По родной стране», «Новости дня», «Новости культуры», «Фотохроника» (ТАСС), а также в объявлениях с приглашением на работу, учебу и т. д.[1, 14, 26]. Регулярно в СМИ размещались статьи, посвященные дружбе народов – основе могущества Советского государства, чтобы подчеркнуть важность этого направления [6, 7, 21,25].Так, в рубрике «В братских республиках» размещена краткая информация о том, что «школьники Мордовии выехали на отдых и учебу в лучший детский санаторий мира – Артек [4]. На полосах газеты «Советская Мордовия» в рубрике «В братской семье народов СССР» размещались объемные и краткие статьи о достижениях в области экономики и культуры [20], давалась информация к юбилейным датам [8, 15, 21]. Такого рода публикации имели воздействие, и мордовский народ ехал в Крым на работу, учебу и отдых.

Так, по воспоминаниям Л. И. Поступинской, ее бабушка и дедушка (Никитин Егор Филиппович и Никитина Марина Филипповна) этапом, как середняки, выехали из с. Малая Толковка Ковылкинского района в Сибирь в с. Калиновка, потом переехали в с. Кротово Тюменской области, там же жили и родители. В начале 70-х гг. Л. И. Поступинская вместе с мужем переехали в Крым, так как здесь требовались врачи. Другие знакомые тоже переехали сюда, но из Казахстана и работали в сельском хозяйстве. В те годы мордва уже крепко обосновалась вс. Широкое, Акимовка, Чкалово, Ново-Андреевка и др. О том, что мордва с давних времен мигрировала в Крым, говорят артефакты мордовской традиционной культуры. Так, в Крымском этнографическом музее, ведущем культурно-просветительном учреждении и путеводителе по народам и культурам, представлен мордовский женский головной убор первой половины XX в. (домотканое полотно, позумент, серебряные бляшки, вышивка) [12, с. 1]. Народный костюм выступает как важное средство общения (коммуникативная функция), несет информацию о владельце (информационная функция) и тем самым способствует культурному взаимопониманию как в крестьянской среде, так и при контактах с представителями других этнических групп населения, осуществляя передачу художественного и исторического опыта от поколения к поколению [19]. Полевые сведения, собранные нами от информаторов – мордвы подтверждают, что их адаптация к культуре местного населения проходила неодинаково. Знание русского, украинского и татарского языков помогало мордовскому населению активнее пройти процессы инкультурации и адаптации к местным условиям проживания. Причем старшее население лучше владеет украинским, русским и татарским языками. Мордве, переселившейся после 70-х гг., сложнее было адаптироваться к местной народной культуре. Но эта часть мордовского населения создает свои этнокультурные общественные организации, чтобы через тексты песен, фольклор знакомить местное население с мордовской культурой, раскрывать ее в контексте непосредственного и опосредованного историко-культурного взаимодействия [22].

В Республике Мордовия в газете «Известия Мордовии» нередки публикации о Крымском Севастопольском мордовском обществе «Ялгат» («Друзья») (с 2009 г.). Его организатором является

семья Балашовых. «Ялгат» объединили более 50 человек мордвы–уроженцев Мордовии, Ульяновской и Нижегородской областей. Мордовский фольклорный ансамбль «Келуня» («Березка») демонстрирует красоту национального костюма и мелодичность мордовских песен [10].

Таким образом, формирование мордовского населения в Крыму осуществлялось на протяжении длительного времени. Несмотря на то, что у мордвы наблюдаются процессы ассимиляции, они частично сохраняют родной язык и традиционную культуру. Знание культурных особенностей жителей разных уголков мира помогает в общении и обогащает жизнь.

Литература

1. Барановский А.М. Расцветает Советская социалистическая Украина // Советская Мордовия. 10 окт.1957.

2. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний / под ред. С. Н. Южакова. С.-Петербург, 1896.Т. 18. – 704 с.

3. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 410 с.

4. В Артек – на отдых и учебу // Советская Мордовия. 4 апр.1954.

5. Дик Н. Ф. Языковая личность в межкультурной коммуникации. Режим доступа: https://grani.agni-age.net/articles10/4209.htm.

6. Дружба народов СССР – воплощение идей социалистическогоинтернационализма // Советская Мордовия. 21 авг. 1955.

7. Дружба народов СССР – источник силы и могущества Советского государства // Советская Мордовия. 20 марта. 1955.

8. Едельки́н В.Праздник песни // Советская Мордовия. 1 июня. 1954.

9. Калуцкова Н. Н. Крымский полуостров (Крым) // Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / пред.науч.-ред. совета Ю. С. Осипов ;отв. ред. С. Л. Кравец. М.: Большая российская энциклопедия, 2010. Т. 16. – 751 с.

10. Крымская мордва. Режим доступа: http://113rus.ru/news/31026

11. Киричек П. Н., Потапов П. Ф. Печать и этнос. Саранск, 2005. – 104 с.

12. Крымский ларец: выставка. – Симферополь, 2012. – 16 с.

13. Мартынова М. Ю. Путешествуем по этикету: Занимательная этнография; худ. Е. Демахина. М.: Наука, 2017. – 104 с. (Академкласс).

14. Народное торжество в столице Украины (ТАСС) // Советская Мордовия. 1июня. 1954.

15. Парад и демонстрация на Красной площади в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией (ТАСС) // Советская Мордовия. 1июня. 1954.

16. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1774.

17.Поликультурное воспитание младших школьников. Режим доступа: https://bibliofond.ru/view.aspx?id=888536

18. ЦГА РМ. Ф. Р – 473. Оп. 1. Д. 143. Постановления Совета Министров Мордовской АССР по вопросам переселения и организованного набора рабочих за 1959. 211 л.

19. Русский народный костюм. Режим доступа: http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/russkii-narodnyi-kostyum/russkii-narodnyi-kostyum-4834.html.

20. Советская Украина // Советская Мордовия. 25 дек.1957.

21. Советский народ стремится жить в мире и дружбе со всеми народами // Советская Мордовия. 10 авг. 1955.

22. Тамерьян Т. Ю. Языковая модель поликультурного мира: интерлингвокультурный аспект: дис. на соиск. учен степ.д–ра. филол. наук. Нальчик, 2004. Режим доступа: http://cheloveknauka.com/yazykovaya-model-polikulturnogo-mira-interlingvokulturnyy-aspekt.

23. Украинская литература в библиотеке им. В. И. Ленина (ТАСС) // Советская Мордовия. 25 мая.1954.

24. Финогеев Б. Л., Питюренко О. И. Мордовский этнос: численность, расселение, занятость. Симферополь, 2009. – 38 с.

25. Хлябич И. Дружба народов – основа основ могущества Советского государства // Советская Мордовия. 29 сент. 1951.

26. Цюпа И. Обновленная Украина // Советская Мордовия. 25 дек. 1957.

27. Языковая картина мира Режим доступа: http://mirznanii.com/a/51812/yazykovaya-kartina-mira.

.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В КАЗАХСТАНЕ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

М.К. Пак

pakmarkon@yandex.ru

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова

(Караганда)

В современной лингвистической науке в контексте геополитической, социологической, культурологической глобализации появился новый термин *языковая глобализация*, понимаемый как взаимопроникновение языков. Глобализационные процессы в языковой системе прежде всего связывают с заимствованием слов из

других языков. Сегодня мощный приток заимствований в русском языке объясняется мировыми процессами интеграции и глобализации, появлением и интенсивным использованием интернета, расширением межгосударственных и международных связей. Известно, что заимствование слов – активный процесс, который будет работать, пока существуют разные языки, культуры и происходит общение между ними, а потому исследования в этой области всегда будут актуальными.

Русский язык, «реальный язык евроазиатского трансэтнического и трансконтинентального распространения» [1, с. 32], функционирующий в Казахстане как язык межнационального общения, активно сегодня пополняется словами из разных языков, наиболее активно номинациями из английского и казахского.

На современном этапе развития русского языка отмечается широкое использование специальной иноязычной терминологии, относящейся к экономике, финансам, коммерческой деятельности и некоторым другим отраслям знания, что объясняется переходом на новую общественно-политическую формацию. Следует отметить, что глобализационные явления усиливают процесс активизации региональных особенностей, в результате четко просматривается антитеза интернациональное – национальное, глобализация – регионализация. Стремление сохранить этническое лицо, культурную самотождественность при ориентации на западную модель экономического устройства и мощный фактор глобализационного процесса отражаются в широком функционировании казахских (*аким, елбасы, шанырак и др.*), английских заимствованных лексем (*спикер, инвестиция, менеджер и др.*).

Политический, экономический дискурс тележурналистов пестрит примерами сочетаний англицизмов и казахизмов (*вице-спикер Мажилиса, мажилис Парламента, «колебания пары тенге-доллар», флешмоб домбристов и др.*). Активность функционирования номинаций административного управления, своеобразной казахской культуры, передающих идею национального развития, способствует тому, что все эти слова и без перевода понятны сегодня каждому казахстанцу, независимо от национальной принадлежности. В данном случае евразийство, понимаемое прежде всего как пространственный интеграционный параметр, очевидно и на языковом уровне. Поэтому естественны сочетания

слов, разнородных этимологически, в речи казахстанцев: *богатый блинный дастархан; блины и баурсаки*.

Активность функционирования заимствований способствует образованию новых лексем, отражающих новацию общества. В лексиконе носителей русского языка отмечаются слова, демонстрирующие различные деривационные явления: образование сложного слова, состоящего из 2-х разных по происхождению корней *(мажилисмен, оралман, этноаул),* соединение казахского корня с различными словообразующими формантами русского, английского языка (*акимат, маслихат, муфтият, болашаковец, алтынбельгиец, айтыскер, экс-аким, тенговый и др.),* новообразования *(азиада).*

Об активном функционировании заимствованных слов свидетельствуют и появившиеся дериваты, образованные по известным в русском языке словообразовательным моделям (*пиар – пиарщик, пиарить, смс – смска, мажилис – мажилисмен – мажилисменка и* др.). В речи казахстанцев широко используются дериваты, созданные из имеющегося в языке «строительного материала» с иноязычными элементами, обозначающими высокую степень, чрезвычайное появление признака, выражаемого базовой основой. К числу наиболее продуктивных относятся сложные слова, образованные с интернациональными компонентами супер- «высшего качества или повышенного или усиленного действия» (*суперрепортаж*), мега- «чрезвычайно большой, огромный» *(мегаскидки),* гипер- «превышение какой-л. нормы» *(гиперинфляция),* ультра- «высшая степень признака» (*ультрапастеризованный),* мульти- «много» *(мультикультурный) и др*. Следует в данном случае указать, что говорящий стремится актуализировать значение высокой степени, масштабности, увеличить значимость, номинации отражают рекламный характер. Наблюдается высокая деривационная активность при помощи иноязычных префиксоидов авто- (*автохимия, автоаксессуары*), бизнес- (*бизнес-инновация*), микро- (*микрокредитование*) и др., демонстрирующих стремительную тенденцию к интернационализации. Современные экологические проблемы определяются новыми композитными номинациями: *биочистка, биотестирование, экокомфорт, экозащитный, зоокафе и др*. Системная *модернизация* современного общества в условиях

глобализации достигается тотальной *цифровизацией, автоматизацией, роботизацией*. Л.П. Крысин, рассматривая процесс лексического заимствования на рубеже веков, точно отмечает «тенденцию к интернационализации как словаря, так и способов образования слов. Расширение интернационального лексического фонда идет путем заимствования иноязычной лексики и создания новых слов на основе *интернациональных* морфем. Интернационализация лексики различных языков достигла сейчас такого уровня, при котором многие слова, а также корневые и аффиксальные морфемы оказываются общими для разных языковых систем» [2, с. 29].

Во время бурных социальных изменений языковая картина города претерпевает определенные сдвиги, что находит живое отражение в системе эргоурбонимов как новом разряде городской ономастики, которые важно исследовать для представления целостной картины развития языковой системы. Ориентация на масштабность, планетарность (*планета красок, планета электроники, мир мебели*), усиление значимости *(мегапроект, мегаскидки на норковые шубы, мегапланета одежды, обуви и др.*), гигантомания характеризует сегодня урбанистическую систему. Рекламные услуги пестрят номинациями англо-американского происхождения. Так, женская Wellness студия предлагает EMS-тренировки, виброплатформу, тонусные столы, термопохудение, прессотерапию, баротренажер, иппотренажер и др.

Наглядны названия различных кампаний, ярко отражающих процесс активного функционирования слов, пришедших в русский язык из других языковых систем: *инвенционно-брокерская компания «Казкоммерц Секьюритиз», национальный холдинг «Зерде» и др.* Как результат соединения глобальной интеграции и национальной идентичности можно рассматривать следующие сочетания: туристический комплекс «Бурабай-сити», градостроительный проект «Актау-Сити», корпорация «KUAT», ТОО «Шымкент-моторс». В современном мире активно используется латиница (немалую роль сыграл компьютер), и переход на латиницу в целом и в отдельных случаях, общепризнанную и доминирующую графику в мировом пространстве, еще одно дополнение в рамках глобального распространения английского языка. Принятая концепция о триединстве казахского, русского и английского языков в Казахстане, переход на латинскую графику на современном этапе ярко

демонстрируют глобализационные процессы. Одновременное «общение» на трёх языках отмечается в пределах одной синтаксической конструкции. Например, Селекторное совещание в Үкімет үйі под председательством … Патриотическая акция «Сенің тадауың – сенің болашағың!» – «Твой голос – твое будущее!» еще больше укрепила дух университетского сообщества. Логика инвесторов, уверовавших: impossible – невозможно! It possible… Была бы воля. И словно переживаешь дежа-вю… Atlas Copco приобретет Dynapac для расширения своего присутствия на рынке строительства. Следует отметить, что до официального перехода на латинскую графику широко использовалась латиница казахстанцами (театр Astana Opera, *хабарline, уличное освещение Start City*, названия телепередач *Ой-бай NEWS, куардак love, веста online, «Айнаonline» и др.*). В газетных текстах часто встречаются слова казахского, английского происхождения в нетраслитерованном виде.

Изменившаяся картина общества «предлагает» (диктует) и новый набор профессий, представляющий дифференциально трудовую деятельность, род занятий. Известный арсенал существительных, обозначающих принадлежность к той или иной профессиональной сфере, активно пополняется на современном этапе развития русского языка новыми номинациями, как правило, это лексемы, заимствованные из других языков. Новые агентивные существительные как показатели времени широко отражают свежую палитру профессиональных направлений в обществе: *медиатор, риэлтер, менеджер, фэшн-продюссер, эдвайзер, офис-регистратор, логист и др.*

В лексическом фонде языка традиционно выделяется лингвистами экзотическая лексика (экзотизмы), которая определялась как слова, заимствованные из других языков и употребляемые для придания речи особого (местного) колорита. Сегодня, когда мир стремительно изменился, когда благодаря интернету мир стал близким, экзотизмы теряют оттенок причудливости, необычности, диковинности явления. Современному человеку когда-то «чужие» слова *саке, суши, икебан, пицца, круасан, бигмак, гамбургер, хот-дог и др.* стали не только близкими и понятными, но и легкодоступными в каждодневной ситуации.

Пишущий творчески подходит к новому языковому материалу, легко образуя новые метафорические единицы для аффективного воздействия, как правило, в дискурсах экономического, политического содержания, отражающих явления, нововведения стремительно развивающегося общества (*синдром менеджера, форпост консолидации, флешмоб для саммита, принципы инфляционного таргентирования и мн. др.).*

Сегодня в речи носителей русского языка ярко отражаются новые интеграционные процессы, происходящие в Казахстане, где социально-культурный контекст определяется евразийским мышлением, мультилингвальной программой обучения, культурным полицентризмом, интегрирующим опыт Запада и Востока.

Литература

1. Дуличенко А.Д. Русский язык: покидая XX век… (некоторые размышления) // Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии: Материалы II-го международного конгресса. – Астана, ИД «Сарыарка», 2009. – 720 с.

2. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 32-33.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДОНБАССА

А.Н.Стебунова
alla.stebunova@mail.ru
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Язык – ценнейший источник формирования и проявления ментальности народа. Через его посредство культура сохраняется и передается другим поколениям. Кроме того, язык самым тесным образом связан с этнокультурным, политическим и правовым пространством.

Русский язык является одним из наиболее распространенных и богатых языков мира, на котором говорят в ближнем и дальнем зарубежье. Огромную роль в становлении русского языка как средства межнационального общения сыграли события XX века, когда русский народ был самой многочисленной нацией, и на всей

территории Советского Союза население говорило в основном на русском языке. Богатство русского языка и созданной на нем литературы вызывает интерес к этому языку во всем мире [1].

Данная тема представляется нам интересной и актуальной, т.к. показывает, насколько активно в наши дни русский язык интегрируется в поликультурное пространство. В зарубежной литературе термин «поликультурный» означает наличие в обществе разнообразных культур, связанных исторически сложившимися формами общности людей. Понятие «поликультурный» обычно означает, что общество состоит из различных этнических групп и национальных меньшинств [2].

Поликультурное пространство – это социальная среда, которая отражает специфические характеристики культурного многообразия и способствует процессу естественного социокультурного взаимодействия его участников. Поликультурная среда представляет собой межкультурное и межъязыковое пространство, в котором взаимодействуют представители различных языков и культур, что требует регулирования культурно-языковых контактов [4].

Донбасс – это край полиэтнический и многоязыковой. По статистическим данным, в нем проживают представители ста тридцати национальностей. Языковая ситуация в этом регионе всегда была непростой. Реальный статус русского языка находился в определенном противоречии с его юридическим статусом. В сфере делового общения в устной форме в крупных городах Донбасса чаще использовался русский язык. На различного рода официальных совещаниях, заседаниях, конференциях длительное время использовался как русский, так и украинский язык, причем русский язык несколько чаще. В практике проведения совещаний и заседаний организаций (в сельской местности и небольших городах) украинская речь слышалась чаще. Преподавание в вузах велось на русском языке, кроме преподавания на специальных факультетах институтов и университетов, несмотря на жесткие рекомендации министерства образования и науки Украины перейти на абсолютное преподавание всех дисциплин на украинском языке. Все важнейшие официальные материалы публиковались на украинском языке. Делопроизводство параллельно велось на русском и украинском языках. Причем русский язык использовался чаще всего

для внутреннего пользования, а украинский язык являлся обязательным для официальной документации.

Ни для кого не секрет, что практически все население востока и юга Украины говорило и говорит по-русски. Причем попытки насильственной украинизации, в частности на Донбассе, приводит к обратному результату. Ранее нейтральное отношение к украинскому языку сменилось негативным.

Исследования по культуре русской речи жителей Донбасса на основе сопоставления систем близкородственных русского и украинского языков показали структурные, семантические и стилистические отступления от норм русской речи, определили степень отрицательного воздействия тех или иных различающихся элементов языковых систем. И если украинский не получил должного развития как язык государственный, потому что на нем говорила только гуманитарная интеллигенция – учителя, преподаватели, писатели, журналисты, музейные работники, политические активисты, и то, в большинстве своем, только в учреждениях, учащиеся школ и только на уроках украинского языка и литературы, то русский язык деградировал. Мягкое произношение, нетерпимые для русского «геканье», отсутствие редукции безударных гласных, свойственные всем без исключения жителям Донбасса, придают в их устах русскому языку неопрятность. И если, скажем, с первым нарушением еще можно смириться – так как интонация зависит от среды общения и повлиять на нее никто не в силах, то ужасная лексика – это просто проявление низкого уровня культуры, отсутствие формы и стиля. Так, в русском языке нет слов: *шо, чи, ото ж, отак, не* (в значении: *нет*), *щас, позычить, скупиться* (в значении: *накупить*), *словить, споймать*, *покупаться* (в значении: *искупаться*), *розбуваться* и т.д. Чрезвычайным нарушением русской грамматики являются подобные «перлы»: «*Я за него говорю*» (вместо *«Я о нем говорю*»), *«Я с него смеюсь»* (вместо *«над ним*»), «*Он поехал у Харьков*» (вместо «*в Харьков*»). Поэтому никакого взаимообогащения, синтеза языков и культур, о котором писали многие исследователи, не наблюдалось, происходило взаимообкрадывание, взаимозасорение языков.

Язык и речь – первоочередные характеристики человека, его социального положения и внутренней природы, язык констатирует принадлежность личности к той или иной касте. Кастовая

принадлежность – это свойственное от рождения «качество духа», «качество воли» человека, это его душевное, духовное и интеллектуальное измерение. Таким образом, неотъемлемым свойством интеллигентности является и ориентация в бытовом общении на нормативный литературный язык.

С мая 2014 года, с началом «Русской весны» и образованием Донецкой Народной Республики проблема русского языка и русской идентичности стала основополагающей в процессе государственного строительства. В данном случае русская идентичность рассматривается как противоположность украинской национальной идее, которая после событий Евромайдана и государственного переворота в Киеве начала ассоциироваться с национализмом и «бандеровщиной», с теми, кто принимает участие в военных действиях украинской армии, бомбит и разрушает Донбасс, убивает мирное население.

Русский язык был и продолжает оставаться родным языком Донбасса. Но как мы знаем, язык языку не враг. Знание каждого языка дополнительное богатство к тому, которым каждый из нас располагает, владея родным языком.

Таким образом, можно утверждать, что на территории Донбасса русский язык был и является приоритетным для использования в образовательной сфере, в быту, а также в различного рода языковых коммуникациях.

Литература

1. Грампа И. Русский язык как язык международного общения – роль и значение русского языка в международном общении и сотрудничестве / [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://russkiymir.ru

2. Новолодская С. Л. Дефиниция понятия «поликультурный» и «мультикультурный» // Вектор науки ТГУ. № 1(8). 2012. С. 234-237

3. Палаткина Г. В. Мультикультурное образование в полиэтническом пространстве. – Астрахань : Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2001. – С. 74.

4. Пханаева С. Н. Обучение русскому языку в условиях двуязычия // Концепт. 2015. № 11. ART 15401. URL: http://e-koncept.ru/2015/15401.htm. ISSN 2304-120X.

РАЗМЫВАНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ НОРМ И ЯЗЫКОВОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Т.П. Чепкова, А.А. Позднякова
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
(Москва)

Период глобальных изменений, происшедших в российском обществе в конце XX – начале XXI в., стал судьбоносным не только для жизни народов, населяющих Россию, – в значительной степени он коснулся и жизни языков, обслуживающих эти этносы, поскольку практически все они оказались под воздействием центробежных сил, вызванных глобализацией. Языковые изменения, ощущаемые на всех уровнях языка – фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфолого-синтаксическом, стали определенного рода маркерами времени, поэтому им уделяется особое внимание в работах современных исследователей.

Предметом рассмотрения данной статьи являются устойчивые искажения орфографических норм русского языка, возникшие под влиянием глобальных процессов и выделяемые в письменной речи носителей языка, а также в печатных средствах массовой информации (популярных газетах, журналах, их интернет-версиях). Эти искажения стали реакцией определенных слоев общества на «схоластичность и зажатость» русской орфографии и «излишнюю правильность» русского письма.

«Орфография, или правописание, представляет собой нормы письменной речи, принятые в том или ином общенародном языке, в нашу эпоху обычно в национальном языке. Орфография, таким образом, в первую очередь – социальное установление, имеющее практические цели и предназначенное для массового использования, и в этом отношении она резко отличается от других видов письменной фиксации речи…» [2, с. 6]. В связи с этим встает вопрос о языковом нормировании и самом понятии «норма» применительно к орфографии как средству коммуникации.

Языковая норма – это некий образец того, как принято говорить и писать в данном языковом обществе в данную эпоху. Норма определяет, что правильно и что – нет, она рекомендует одни языковые средства и способы выражения и запрещает другие. Нарушение одной нормы (или ряда норм) неизбежно приводит к иным

системным нарушениям. Например, орфоэпическая корреляция *звони`т* (норма) – *зво`нит* (частотное разговорное) становится прецедентом для нарушения морфолого-графических аналогий (*-ить → -ит, -ат/-ят*) и возникновения ошибочных написаний. С другой стороны, для отдельной категории пишущих искаженная форма *зво`нит* выступает в качестве проверочного к однокоренным словам типа *звонить, звонок, звонарь*, что позволяет говорить о появлении тенденции к формированию орфоэпических вариантов нормы [3]. Развитие и популяризация электронных жанров интернет-общения активизирует данную тенденцию. При этом далеко не всегда подобная вариативность является показателем недостаточной языковой компетентности носителей языка и общего упадка речевой культуры и грамотности населения, и в этом смысле мы согласны с мнением Ю.Д. Апресяна, рассматривающего языковые аномалии (искажения) «как точки роста новых явлений» [**1**, с. 64]. Хотя можно говорить и о том, что, будучи жестко организованной системой, русская орфография достаточно агрессивно реагирует на появления разного рода аномалий: «Само понятие об орфографии связывается с понятием о правильности: всякое отступление от общепринятых написаний рассматривается как недопустимая ошибка. То, что орфография является общепризнанным средством письменного выражения речи у известного народа и используется для практических целей языкового общения, служит ее важнейшим признаком и делает орфографию социальным установлением (наподобие, например, системы мер), охраняемым рядом мероприятий вплоть до законодательства» [2, с. 27].

Об особенностях традиционно жесткого подхода к орфографии пишет и И.В. Нечаева, выделяющая такие его характеристики, как: (1) единство орфографического облика слова, достигнутое любой ценой (иногда ценой компромисса или кодификаторского диктата, выражающегося в принятии волевого условного решения); (2) императивность орфографической кодификации; (3) универсальность орфографического правила как его идеал; максимальная широта охвата им лексического материала и отсутствие (или минимум) исключений; (4) построение орфографической нормы на жесткой дихотомии правильного – неправильного, не допускающей никаких градаций и «полутонов» [4, с. 50].

Русская орфография как система правил написания слов включает следующие основные разделы: 1) правила передачи звуков (фонем) буквами в составе слов и морфем; 2) правила слитного, дефисного и раздельного написания слов; 3) правила употребления прописных и строчных букв; 4) правила переноса слов с одной строки на другую; 5) правила графического сокращения слов. Анализ письменных и печатных текстов показывает, что наиболее частотными выступают искажения и орфографические варианты 1-ой, 2-ой и 3-ей из названных групп. Однако в силу жесткой нормированности русской орфографии эти искажения не являются системными. Здесь правильнее говорить о стратометрическом принципе формирования орфографических аномалий (искажений) и выделении нескольких социальных уровней их реализации, которые условно можно обозначить как: 1) общесоциальный, 2) уровень молодежных групп и социальных сетей, 3) уровень индивидуального «сниженного» письма.

Искажения, выявляемые на первом уровне, возникают и встречаются практически во всех социальных группах и на всех уровнях публичности. К ним, например, относятся:

1) активизация прописной буквы в номинациях (словах и сочетаниях) разного типа (*Московский Университет Путей Сообщения; День Рождения* и под.); по нашему мнению, причиной данных искажений является экспансивное влияние англоязычной орфографии и англоязычных образцов письменной речи;

2) игнорирование «ё», замена «е» на «ё» с соответствующей звуковой трансформацией в устной речи (*осужденный, новорожденный*); данные искажения, возникающие преимущественно в профессиональном сленге, все чаще встречаются и в публицистическом дискурсе.

Искажения, характерные для второго уровня, достаточно распространены во всех электронных жанрах интернет-общения и зачастую являются элементами молодежной субкультуры. К ним, например, относятся:

1) игнорирование прописной буквы в начале предложения;

2) нарушение правил передачи звуков (фонем) буквами (*щас* вместо «сейчас», *што* вместо «что», *чес гря* вместо «честно говоря», *сёня* вместо «сегодня»);

3) нарушение границ между словами и морфемами с заменой морфем рисунками и смайликами (своего рода пиктографическое письмо), особенно часто встречается в конструкциях с приставочными глаголами и отглагольными существительными (*про* 웃 «бежал» *рядом*; *под*✈«летаю»; *при*⊙⊙ «смотрел» *пальтецо*; *без* ♪ «звучный» *режим*; *он мне* ☺*ся* «улыбнулся»; *я* ☺☺*сь* «смеюсь»);

4) замена глаголов (чаще – чувства и состояния), глагольных форм, а также наречий и слов категории состояния в составе предложений рисунками и смайликами (*он меня не* ♥ «любит»; *я тебя*♥♥♥ «очень люблю»; я на тебя!!☹«сержусь»; *мне* ʘʘ «грустно»; *мне*☺ «весело»; ᶠ(ˇ̃ˇ̃)ᶠ «забавно!»; *я* ᶠ(ʘʘ)ᶠ «удивлен»; *сегодня*☀ «солнечно»; *сегодня*☂☂«дождливо»; *я иду*🏠 «домой»; ♥ «люблю» *тебя* ∞ «вечно, бесконечно»; *я* ☃ «замерз»; *я*☃☃«совсем замерз»; *я тебе*☎☜ «звонил»; *я тебе*☜☎ «позвоню»; *иди*!! ⌚ «быстрей, опаздываешь!»; *я* ✆«напишу тебе в чате»; ☻☻☻ «насмешил!!!»;

5) формирование и употребление особых слов с искаженным орфографическим обликом (*походу* в значении «вероятнее всего»; очевидно, образование от вводного слова *похоже* – «скорее всего», с усилением степени вероятности; *конфра* и *контра* в значении «конфронтация»);

6) появление в речи и графическое отображение грамматических окказионализмов (*улыбать* вместо «улыбаться»; *смеять* вместо «смеяться»; *нравить* вместо «нравиться»; *фиолетово* кому?, *параллельно* кому? в значении «не интересно, не интересует»);

7) употребление особых аббревиатур и сокращений вместо вводных слов и наречий степени (*ИМХО* / *имхо* / *имхо* в значении «по моему мнению»; записанная русскими буквами английская аббревиатура IMHO (In my humble opinion); досл.: "по моему скромному мнению"; *оч.* вместо «очень»);

8) употребление сокращений вместо знаков препинания для обозначения границ предложений (*тчк* в значении «точка»; *зпт* в значении «запятая»).

Эти нарушения выявляются даже при общем достаточно высоком уровне грамотности коммуникантов и представляют собой

осознанные отклонения от орфографических норм. Анализ причин возникновения этих и подобных искажений демонстрирует наличие двух основных тенденций развития современной орфографии. Первая из них связана с влиянием глобальных процессов на русскую систему правописания и стремлением языка к унификации, упрощению (см. п. 1, 2, 5, 7), а вторая – с активизацией номинативного и экспрессивного потенциала языка (см. п. 3, 4, 6). Ситуации, когда орфографические нормы современного языка нарушаются пишущим не по причине их незнания, а под влиянием моды «писать неправильно», стремления к речевой самоидентификации, склонности к эпатажу и т.п., достаточно частотны.

Искажения, выявляемые на третьем уровне, связаны в основном с личностно-индивидуальными характеристиками коммуникантов. Пишущие этой категории чаще всего не обладают достаточным уровнем языковой компетенции и не видят границ между нормой и «ненормой», письмо в этом случае иллюстрирует нарушение целого ряда норм – лексической, грамматической, орфоэпической, орфографической (комплексные нарушения). К этой группе можно отнести:

1) полное игнорирование прописной буквы;
2) бессистемные нарушения правил передачи звуков (фонем) буквами;
3) нарушение границ между словами и морфемами, при печатании – игнорирование пробелов между служебными и знаменательными словами;
4) алогичные упрощения грамматических показателей в сфере имен и глагола;
5) использование орфографических жаргонизмов.

Причина появления многих искажений этой группы связана с попыткой заменить морфологический принцип фонетическим (см. п. 2, 3, 4, 5). Подобные искажения следует относить к категории «вредных», поскольку зачастую они являются прецедентными, то есть способствующими возникновению разного рода «модных» течений. Ориентация пишущих на передачу звучащей речи часто приводит к постепенному размыванию орфографических норм и возникновению своеобразных «орфографических жаргонов», которые активно вмешиваются в жизнь литературного языка и оказывают на него самое непосредственное влияние.

В этом смысле полезно вспомнить слова А.Н. Гвоздева, который писал: «Современная русская орфография занимает особое место среди орфографий других народов. Ее отличительной чертой служит то, что она увязана не только с фонетическим строем русского языка, но и с морфологической структурой слов» [2, с. 8]. Именно потеря этой связи или сознательный уход от морфемной структуры слов в угоду модным тенденциям является опасным для правописных стандартов и пагубно влияющим на культуру письменной речи носителей языка. Аномалии этого типа не могут стать вариантами нормы и в большинстве случаев являются временными, неустойчивыми.

Несмотря на то, что «орфография устанавливает общепринятое единое написание значащих единиц нашей речи – слов – со всеми их грамматическими формами» [2, с. 47], важной особенностью русского письма является существование орфографических вариантов, когда допускается возможность передачи одного и того же звукового состава двумя или несколькими возможными способами. По этому поводу В.И. Нечаева пишет: «Специфика орфографических вариантов по сравнению с другими вариантами языка состоит в том, что эти формальные разновидности слов существуют лишь на письме, но не в устной речи, они не обусловлены различиями в звуковом составе лексических единиц (что могло бы служить оправданием их существования). Это единицы, различающиеся только написанием и ничем более» [4, с. 51]. Подобные единицы выделялись раньше (*казак* и *козак* (ненормативный) [ʌ], *разыскной* и *розыскной* (ненормативный) [ъ], *фортепиано* и *фортепьяно* [п’ja]), но в период глобальных изменений в языке и в обществе количество вариантов существенно увеличилось. В большинстве своем они связаны с появлением в языке и адаптацией заимствований (*капучино* и *капуччино* [ч], *офшор* и *оффшор* [ф], *онлайн* и *онлайн*); неравномерным формированием сложных слов (*общественно-ориентированный, общественно-производственный* и *общественно значимый, общественно полезный, общественно опасный*; *фейсконтроль* и *дресс-контроль, дресс-код*), переходом имен собственных в нарицательные (*Интернет* и *интернет*).

Таким образом, искажения орфографических норм и языковые варианты, возникшие под влиянием глобальных процессов и выделяемые в письменной речи носителей русского языка, являются многочисленными и заслуживают самого пристального внимания исследователей. Работа с данным материалом должна осуществляться на основе общего принципа адекватности письма потребностям развивающегося языка при соблюдении критериев нормативности и может рассматриваться в рамках самостоятельного направления лингводидактики.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды: в 2-х т. – Т. II. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Гвоздев А.Н. Основы русской орфографии. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 122 с. (Лингвистическое наследие XX века.)
3. Горбачевич К.С. Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке. – СПб.: Норинт, 2000. – 304 с.
4. Нечаева И.В. Современная русская орфография. Догмы и инновации. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2015. – С. 47–59.
5. Шапиро А.Б. Упорядоченное русское правописание: К выходу «Правил русской орфографии и пунктуации». – М.: Издательство Московского университета, 1956. – 38 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭЛЕКТРОННОМ РЕСПУБЛИКАНСКОМ АССОЦИАТИВНОМ СЛОВАРЕ[2]

Г.А. Черкасова, Ю.Н. Филиппович
gacherk@mail.ru, y_philippovich@mail.ru
ФГБУН Институт языкознания РАН
ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет»
(Москва)

Для проведения исследований по грантам РГНФ создана и размещена по адресу http://persons.it-claim.ru/assoc_quest/words. php Информационно-справочная система (ИС) [3], работа с которой формирует «Электронный республиканский ассоциативный словарь» (ЭРАС).

[2]Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РГНФ №18-012-00846.

ИС включает материалы ассоциативных опросов в четырех полиязычных республиках с русскими и русскоязычными бурятами, коми, татарами и якутами, а также с носителями татарского и якутского языков. Результаты опросов на национальных языках в статье не рассматриваются. Всего было опрошено ≈3000 студентов в возрасте 17–25 лет. Следует заметить, что опрос в Якутии вызвал трудности, так как большинство русских уезжают учиться в другие регионы России, поэтому опрашивались также школьники из выпускных классов.

Испытуемые заполняли анкету со 116 словами-стимулами на русском языке, в которых выделяются номинации людей: по родственным связям, по признакам пола, «свои–чужие»; оценочные существительные, прилагательные, наречия; культурные ценности и антиценности; местоимения, глаголы и др. Кроме реакций на стимулы, респонденты указывали следующие параметры: *пол, возраст, национальность, город, вуз, дата, родной язык.* Родной язык выбирался из двух: первый – *русский*, а второй зависел от республики: *татарский, коми, бурятский* или *якутский*. Большинство испытуемых выбирали один язык. Указание национальности вызывало трудности у отвечавших, особенно когда родители разных национальностей.

Рассматривая историю вопроса об определении национальной идентичности населения в России и СССР, отметим несколько этапов: а) «при переписи населения в 1897 г. принадлежность определялась только по языковому и по религиозному признакам; … б) национальность собственных граждан в Советском Союзе кровным происхождением –“национальностью” родителей (до 1975 год только отца), и была обязательным пунктом гражданского паспорта, свидетельства о рождении, а также массы других документов. В настоящее время, согласно статье 26 Конституции РФ, каждый гражданин вправе определять и указывать свою национальную принадлежность самостоятельно и произвольно» [1].

Вероятно, многие из опрашиваемых студентов указывали свою национальность впервые, поэтому иногда путали ее с гражданской идентичностью, т.е. писали *гражданин РФ* или просто *РФ*. Некоторые испытуемые указывали, что они *русские* (объясняя

тем, что живут в России), но родной язык для них – *коми, бурятский, татарский* или *якутский,* что показывают цифры в таблице ниже.

Анализ таблицы показывает: а) количество ответивших женщин и мужчин в каждой республике почти одинаковое, только в Бурятии женщин опрошено существенно больше; б) в трех республиках количество испытуемых разных национальностей примерно одинаковое, только в Коми русскими считают себя вдвое больше опрошенных.

Количество опрошенных на русском языке в республиках РФ

Республика		**Татарстан**		**Коми**		**Бурятия**		**Якутия**	
Национальность		**русские**	**татары**	**русские**	**коми**	**русские**	**буряты**	**русские**	**якуты**
Пол	**Женщины**	191	216	292	139	**291**	**249**	98	111
	Мужчины	187	176	180	103	**73**	**139**	107	98
	Всего анкет	378	392	**472**	**242**	364	388	205	209
Родной	**Национальный**	5	278	5	128	29	269	1	142
	Русский	356	67	405	24	328	113	136	16
	Два языка	14	43	14	34	1	1	67	50
	Другие	3	4	-	-	6	5	1	1

Вторая часть таблицы показывает, что по мнению испытуемых, не всегда национальность и родной язык совпадают, поэтому пять русских в Татарстане и в Коми указали татарский и коми языки, в Бурятии таковых – 29. Только один русский в Якутии назвал родным язык саха, а 67 указали два языка, больше чем в других республиках. Анализ данные вторых столбцов для каждой республики, показывает, что русский язык считают родным существенно больше испытуемых и больше указывают оба языка по сравнению с русскими.

Информационно-справочная система позволяет, задавая набор конкретных значений параметров испытуемых, формировать выборки и строить по ним статьи прямого и обратного ассоциативного словаря для анализируемого стимула (описание работы см. [4]), которые позволяют исследовать различия в содержании и структуре образов языкового сознания, описываемого ассоциативными значениями слов.

Например, если задать стимул и указывать последовательно республики, то будет сформировано четыре статьи прямого словаря**,** фрагменты которых даны ниже. Первая часть таблицы показывает: количество опрошенных, количество разных и единичных

реакций (R). Поскольку в Якутии опрошено 402 респондента, что почти в два раза меньше, чем в других республиках, в списке реакций указаны их *ранги* и *доли,* т.е. процент ответивших этим ассоциатом.

Фрагмент словарной статьи Прямого словаря для стимула Я

Республика	**Коми**		**Якутия**		**Татарстан**		**Бурятия**	
Всего реакций	700		402		768		792	
Разных R	238	34%	183	45.5%	301	35.4%	263	33.2%
Единичных R	167	23.9%	139	34.6%	220	28.6%	185	23.4%
Реакция	**Ранг**	**Доля**	**Ранг**	**Доля**	**Ранг**	**Доля**	**Ранг**	**Доля**
человек	1	19.7%	1	15.7%	1	16.4%	1	16.5%
личность	2	10.6%	2	8.5%	2	9.9%	2	10.6%
ты	4	3.7%	3	7.5%	3	3.8%	3	8.2%
студент	3	5.6%	4	3.5%	5	2.0%	6	2.3%
девушка	5	2.7%	5	1.5%	6	1.7%	6	2.3%
мы	6	1.7%	5	1.5%	**64**	0.3%	6	2.3%
молодец	7	1.6%			4	2.5%	14	0.9%
люблю	8	1.4%	35	0.5%	7	1.3%	16	0.8%
лучший	24	0.6%	35	0.5%	9	1.2%	**171**	0.1%
хороший	8	1.4%	6	1.7%	11	1.0%	9	1.4%
хорошая	12	1.0%	12	1.0%	22	0.7%	19	0.6%
могу	15	0.9%	8	1.2%	11	1.0%	**171**	0.1%
индивид	15	0.9%	21	0.7%	40	0.4%	12	1.0%
он	18	0.7%	12	1.0%	11	1.0%	12	1.0%
я	10	1.1%	12	1.0%	15	0.8%	4	3.8%
добрая	24	0.6%	21	0.7%	40	0.4%	9	1.4%
добрый	45	0.2%	12	1.0%	22	0.7%	16	0.8%
счастлив(а)	12	1.0%			15	0.8%	58	0.3%
. . .	…	. . .	...	. . .	…	. . .	…	. . .

Первые две самые частотные реакции совпадают у всех республик – *человек* дан с частотой от 15,7% до 19,7% и *личность* от 8,5% до 10,6%. На третьей позиции стоит *ты*, который только в Коми имеет ранг 4, а ранг 3 у ответа *студент*. Следующий ассоциат *девушка* во всех выборках имеет почти одинаковые ранги и доли. Реакция *мы* оказалась менее значимой для Татарстана, так как имеет 64 ранг. Ответ *молодец,* занявший в Татарстане 4-й ранг, в Коми 7-й, в Бурятии 14-й, в Якутии не встретился. Стоящие ниже ассоциаты *лучший* и *могу* в Бурятии даны с наименьшей долей, что можно объяснить малым количеством опрошенных мужчин.

Задавая для Якутии национальность последовательно то *русский,* то *якут,* сформированы словарные статьи того же стимула **я**. В приведенном ниже фрагменте даны реакции, во-первых, полученные более чем от двух испытуемых и упорядоченные по частоте и алфавиту (жирным выделены оригинальные), во-вторых, единичные повторившиеся.

Национальность	**РУССКИЙ**		**ЯКУТ**	
Всего испытуемых	200		194	
Разных реакций	112	56%	96	49.5%
Единичных реакций	88	44%	71	36.6%
Кол-во отказов	4	2%	9	4.6%

Реакция	**Кол-во**	**Доля**	**Реакция**	**Кол-во**	**Доля**
человек	31	15.5%	человек	30	15.5%
ты	17	8.5%	личность	23	11.9%
личность	10	5%	ты	12	6.2%
студент	5	2.5%	студент	7	3.6%
хороший	5	2.5%	мы	5	2.6%
спортсмен	4	2%	девушка	4	2.1%
добрый	3	1.5%	**бог**	3	1.5%
крутой	3	1.5%	он	3	1.5%
курсант	3	1.5%	**студентка**	3	1.5%
смогу	3	1.5%	**это я**	3	1.5%
босс	2	1%	герой	2	1%
добрая	2	1%	гражданин	2	1%
зверь	2	1%	**должен**	2	1%
красавчик	2	1%	**здесь**	2	1%
красивая	2	1%	индивид	2	1%
кто	2	1%	красивая	2	1%
лучший	2	1%	крутой	2	1%
люблю	2	1%	**не я**	2	1%
мужик	2	1%	**один**	2	1%
Настя	2	1%	парень	2	1%
сам	2	1%	смогу	2	1%
сильный	2	1%	**тупая**	2	1%
хорошая	2	1%	хорошая	2	1%
я	2	1%	хороший	2	1%
девушка	1	0.5%	я	2	1%
мы	1	0.5%	добрый	1	0.5%
он	1	0.5%	добрая	1	0.5%
герой	1	0.5%	красавчик	1	0.5%
гражданин	1	0.5%	сильный	1	0.5%

индивид	1	0.5%			
парень	1	0.5%			
есть	1	0.5%	есть	1	0.5%
живу	1	0.5%	живу	1	0.5%
легенда	1	0.5%	легенда	1	0.5%
не знаю	1	0.5%	не знаю	1	0.5%
сильная	1	0.5%	сильная	1	0.5%
. . .	1	0.5%	. . .	1	0.5%

Повторились 26 ответов, что составляет 23 и 27% от количества разных реакций, и получены они от 62 и 68% опрошенных, т.е. 2/3 ответивших породили ¼ повторившихся у русских и у якутов реакций.

Приведем пример полной словарной статьи для стимула **близкий** отдельно по четырем республиками для каждой национальности. Встретившиеся во всех выборках реакции выделены жирным, только в семи – жирным курсивом, в шести – курсивом.

БЛИЗКИЙ

Русские в Бурятии**: друг** 95 (26.3); **человек** 92 (25.7); **родной** 62 (17.3); **далекий** 14 (3.9); **родственник** 12 (3.1); **враг** 6 (1.7); ***дальний***, дорогой, **мама**, ***по духу*** 4 (1.1); **мой** 3 (0.8); ***брат***, доверие, *друзья*, **любимый**, по смыслу, ***рядом***, **семья**, *чужой* 2 (0.6); бурят, далеко, девушка, доброта, ***дом***, дорого, дружба, жена, запах, знакомый, к сердцу, круг, кто, лупа, мало, мне человек, мой друг, муж, мягкий, неизвестный, никто, номер, обреченный, отдаленный, папа, поиск, приближенный, *родные*, скользкий, сосед, сочувствие, тепло, ***товарищ***, тот, кому веришь, точный, уход, хороший, центр, человечек, я 1 (0.3); ***358+61+41****(67,2%)****+0;***

Буряты в Бурятии**: друг** 114 (29.4); **человек** 89 (22.9); **родной** 60 (15.5); **далекий** 16 (4.1); **родственник** 9 (2.3); ***дальний***, ***рядом*** 8 (2.1); ***брат*** 7 (1.8); **мама** 5 (1.3); сосед, ***товарищ*** 4 (1.0); *чужой* 3 (0.8); **враг**, доверие, муж, ***по духу***, расстояние, *родные*, свой 2 (0.5); 6, братан, верность, выгода, дкдуж, ***дом***, дорогой, дочь, дух, живое, зима, зло, край, круг, личный, лучший, **любимый**, любящий, мало, мне человек, **мой**, народ, наш, не значит дорог, объятие, он, отец, открытый, очень, папа, по понятиям, подруга, помогать, помощь, путь, радость, родич, родня, родство, рок, **семья**, сестра, сон, хороший, хорошо 1 (0.3); ***388+64+ 45****(70,3%)* ***+2;***

Русские в Коми**: человек** 152 (32.5); **друг** 141 (30.2); **родной** 40 (8.6); **родственник** 33 (7.1); **далекий** 14 (3); ***рядом*** 8 (1.7); **враг**,

дальний 5 (1.1); *чужой* 4 (0.9); далеко, ***дом***, **мама**, ***по духу*** 3 (0.6); берег, ***брат***, доверие, дух, **любимый**, мне, надежный, подруга, **семья** 2 (0.4); бабушка, город, гость, дистанция, духом, здесь, знакомый, и родной, коллега, кот, крайний, можно поделиться чем угодно, **мой**, муж, мужчина, навсегда, но далекий, она, помощь, понимающий, потеря, родня, самый лучший, сердцу, сестра, смелая, страх, схожий, тело, ***товарищ***, уныние, хороший, хорошо, чай, шаг 1(0.2); ***467+57+35****(61,4%)****+4***;

Коми в Коми**: человек** 67 (29.8); **друг** 64 (28.4); **родной** 37 (16.4); **далекий**, **родственник**, ***рядом*** 8 (3.6); дорогой, контакт, **мама**, путь, **семья**, сестра2 (0.9); **враг**, город, дневник, душевный, дядя, ко мне, лот, **любимый**, **мой**, недалекий, по душе, праздник, препод, приятель, расстояние, *родные*, родня, родственник{,} друг, свой, смысл, час1 (0.4); ***225+ 33+21****(63,6%)****+0;***

Русские в Татарстане**: друг**, **человек** 113 (30.0); **родной** 29 (7.7); **далекий**, **родственник** 12 (3.2); ***брат*** 9 (2.4); ***по духу***, ***рядом*** 7 (1.9); ***дальний***, доверие, ***товарищ*** 4 (1.1); **любимый** 3 (0.8); **враг**, дорогой, магазин, мама, мать, мне человек, **мой**, нужный, парень, расстояние, родители, **семья**, *чужой* 2 (0.5); адрес, акт, братишка, всегда поможет, город, девушка, ***дом***, *друзья*, душа, зрение, зять, исток, люди, надежность, не значит родной, не предать, объятие, одиночество, отец, по вкусу стиль, по крови, подруга, поможет, предаст, приятель, путь, район, родная, родня, сердце, теплый, угол, уйдет 1 (0.3); ***378+59+34****(57,6%)****+1;***

Татары в Татарстане**: друг** 133 (33.9); **человек** 124 (31.6); **родной** 32 (8.2); **родственник** 9 (2.3); ***рядом*** 7 (1.78); **мама** 6 (1.5); ***дальний*** 5 (1.3); ***брат***, **далекий** 4 (1.0); ***дом***, ***по духу***, подруга, ***товарищ*** 3 (0.8); добро, **любимый**, **мой**, помощь, самый, **семья**, сестра 2 (0.5); автор, балансирует, близко, верный, **враг**, город, дерзкий, дорогой, дружеское, *друзья*, душе, знакомый, Казань, ко мне, Крым, любящий, мать, мне человек, мое, надежный, он, город, отец, пирог, племянник, ***по духу*** человек, по разуму, поддержать, понимание, порог, пропасть, расстояние, скучает, спутник, теплый, тот, кто помог, умер, хороший, человека, чистый 1 (0.3) ; ***392+61+40****(65,6%)****+2;***

Русские в Якутии**: друг** 67 (32.7); **человек** 61 (29.8); **родной** 13 (6.3); **далекий** 12 (5.9); ***брат*** 8 (3.9); **родственник** 7 (3.4); ***дом***, *чужой* 3 (1.5); ***дальний***, **любимый**, ***по духу***, **семья** 2 (1.0); Аня,

Бог, Серго, было, **враг**, добрый, доверие, *друзья*, есть, знакомый, люди, **мама**, **мой**, объятия, одноклассник, по душе, путь, *родные*, свой, ***товарищ*** 1 (0.5); ***205+34+21****(61.8%)****+0***;

Якуты в Якутии**: человек** 71 (34.1); **друг** 57 (27.4); **родной** 17 (8.2); **родственник** 5 (2.4); ***брат***, **мама**, **семья** 4 (1.9); **далекий**, *чужой* 3 (1.4); *друзья*, люди, магазин, ***рядом***, ***товарищ*** 2 (1.0); **враг**, далеко, ***дом***, домашний, друга, дух, есть, кот, край, кровный, лупа, **любимый**, **мой**, народ, не предаст, неповторимый, общаться свободно, отец, помощь, преданность, *родные*, родня, родственники, семья{,} друг, телефон, теплый, утрата, человек-муж 1 (0.5); ***208+43+28****(65,1%)****+0***.

Во всех выборках первыми указаны реакции *друг, человек, родной*, хотя первые два и меняются местами. Четвертым дан антоним *далёкий*, который у татар и якутов встретился существенно реже и поэтому находится на 8-й позиции, а раньше стоят *родственник, брат, мама* и др.

В заключение можно отметить, что рассмотренные примеры и есть статьи «Электронного республиканского ассоциативного словаря», который является «виртуальным». По материалам исследований на основе ЭРАС подготовлена и опубликована коллективная монография [2], которая отмечает различия в ассоциативных значениях слов, сравнивая результаты от испытуемых разных национальностей.

Литература

1. Национальность [Электронный ресурс] // Википедия : свобод. энцикл. –URL: // https://ru.wikipedia.org/wiki/Национальность (дата обращения: 18.02.2018).

2. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния / Уфимцева Н.В**.,** Черкасова Г.А., Балясникова О.В., Полянская А.Г., Разумкова А.В., Свинчукова Е.Г., Степанова А.А. Коллективная монография / Под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.– Ярославль: Изд-во Канцлер, 2017. – 240 с.

3. Черкасова Г.А., Матвеев Д.Г. Информационно-справочная система «Ассоциативный пилотажный эксперимент в республиках Коми и Татарстане» [электронный ресурс] /–URL:/http://persons.it-claim.ru/assoc_quest/words.php (дата обращения: 10.09.2017).

4. Черкасова Г.А., Филиппович Ю.Н., Филиппович А.Ю. Информационная технология сопоставительного анализа ассоциативного языкового сознания носителей разных культур // VIII Международный крымский

лингвистический конгресс «Язык и мир». Сборник научных докладов / Отв. ред. А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев. – Симферополь: ИП Минакир И.Л., 2017. – С. 182–186.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ИНТЕРИОРИЗАЦИИ ОПЫТА ПЕРЕСТРОЕЧНЫХ РЕФОРМ (НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ)

И.В.Шапошникова
i.shaposhnickowa@yandex.ru
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирский государственный университет
(*Новосибирск*)

В перестроечный и постперестроечный период на постсоветском пространстве особенно активно стали проявляться последствия глобального американского гуманитарного влияния, которое международники квалифицируют как «культурный империализм», основанный на традиционно этноцентричных политико-идеологических установках американской правящей элиты [3]. Это влияние обнаружило себя в 90-е годы сложными процессами дробления советской элиты с формированием у части правящих групп деструктивных для советской цивилизации установок.

В ходе перестроечных реформ, включая и реформу образования, мотивировавшихся необходимостью модернизации прежних социальных институтов, но проводившихся без должного внимания к потребностям многонациональной российской цивилизации, эти установки постепенно конвертировались в текущую жизнь. Их противоречивость отразилась и в языковой политике на фоне новых реалий жизни, таких как, с одной стороны, *этнизация* многих её сфер, с практически повсеместным расширением попыток выстроить защитные культурные барьеры локального (регионального) порядка; с другой стороны, жесткая необходимость укрепления *гражданской* и общей социокультурной (*цивилизационной*) идентичности в масштабах СССР (позднее России).

По мнению социолингвиста В.Ю. Михальченко, закон РФ о языке смягчил характерную для постсоветского пространства конфронтационность, поскольку позволил избежать насаждаемой в ряде бывших советских республик (Молдове, Эстонии, Латвии,

Литве, Украине, и др.) *установки на моноязычие*. Последняя, как утверждает изучавшая вопрос В.Ю. Михальченко, была заимствована вместе с концепцией, «разработанной учеными франкоязычной канадской провинции Квебек для противостояния английскому языку» [1, с. 25]. Сегодня закон РФ действует и на территории Крыма. Этот закон в значительной степени выбивает основания у деструктивных этнополитических подходов. Статусом государственных наделены три языка – русский, украинский и крымскотатарский. По результатам недавних этнополитических исследований ИЭА РАН после воссоединения Крыма с Россией, 76% опрошенных жителей Симферополя поддержали эту законодательную новацию языковой политики РФ, причем наибольший уровень поддержки (85-95%), характерен именно для украинцев и крымских татар [7, с. 119].

Внедрение новых установок внешнего фактора (например, в виде политики административно-принудительной англификации, характерной для реформы научно-образовательной сферы России в последние годы) может подтолкнуть к разрушению достигнутый с большим трудом хрупкий баланс в некоторых регионах страны. Одной из главных унаследованных от конца прошлого века гуманитарных проблем, с нашей точки зрения, остается угроза *цивилизационного развоплощения* россиян на фоне *дефицита гражданской солидарности*, отсутствия идейно-смысловой основы, достаточной для устойчивого формирования гражданской идентичности.

Психолингвисты сегодня располагают новыми, добытыми в серии общероссийских массовых экспериментов ассоциативно-вербальными данными, которые позволяют с помощью компьютерных технологий выявлять флуктуации смысловых предпочтений молодых россиян в течение нескольких десятилетий [2; 4; 6]. Анализ проводится как в масштабах макросистемы (на модели ассоциативно-вербальной сети, отражающей системообразующие узлы русской языковой личности), так и на микроуровнях (наблюдения за динамикой ассоциативных полей конкретных образов в смысловой структуре русского языкового сознания). Сравнительно-сопоставительный анализ динамики внутри ассоциативного поля РОССИЙСКИЙ по материалам трех психолингвистических источников (период перестройки с 1988 по 1997 год; период с 2008 по 2013 год, представленный в рамках нашей статьи в двух

вариантах, – СИБАС и ЕВРАС) показывает наличие нескольких смысловых зон в структуре образа РОССИЙСКИЙ.

Это: 1) номинации объектов материально-производственной культуры, включая символику, внешние признаки и ритуалы (игры), а также природно-климатические явления и животных: *сыр*, *флаг*, *гимн*, *борщ*, *газ*, *поезд*, *кафель*, *хоккей* и т.п.;

2) нематериальные объекты и явления культуры, абстрактные понятия, идеологемы, социальные институты: *язык*, *патриотизм*, *закон*, *менталитет* и пр.;

3) одушевленные номинации (люди и их роли): *президент*, *гражданин*, *человек*, *спортсмен*, *гастарбайтер*, *миллиардер* и пр.;

4) этнонимы и иные маркеры идентификационной матрицы: *русский*, *родной*, *отечественный*, *наш* и пр.;

5) локации в пространстве и во времени: *берег*, *город*, *родина*, *дом*, *страна* и др.;

6) качественные определители российскости, отношения к ней (если российский, то какой именно): *гордый*, *некачественный*, *великий*, *лучший*, *убогий*, *красный* и пр.

Обращает на себя внимание крайне неравномерная интенсивность смысловых зон в ядре АП РОССИЙСКИЙ. Исключительные позиции (свыше 60%) во все периоды времени занимает зона 1 с её материально-производственными, символическими и потребительскими ориентирами. При этом в новейших базах она отражает новый опыт молодого поколения, рожденного не в СССР. Помимо обычных указателей на российскую символику (гимн, флаг) в этой зоне сказывается рыночно-потребительский формат смысловых акцентуаций: названия пищевых продуктов, автомобилей, информационно-компьютерных реалий и связанных с ними товаров. Набор вербальных единиц существенно отличается и по времени сбора информации, и по регионам внутри одного периода.

Актуальная в период перестройки социальных институтов зона 2 сохраняет некоторую интенсивность и в более позднее время, впрочем, в несколько раз отставая от зоны 1 в РАС. В современных региональных базах её интенсивность на фоне зоны 1 ослабевает ещё больше. Более или менее значимую разработку зона 2 получает за счёт единичных реакций. Учитывая тот факт, что семантическая акцентуация зоны единичными реакциями осуществляется за счёт их разнообразия, а не частоты актуализации

одних и тех же вербальных единиц, выявленные соотношения можно рассматривать как маркеры несформированности содержательно-смысловых доминант идентификатора *российский* вне собственно материальной сферы (да и в ней-то, как мы уже видели, доминирует формальная символика среди наиболее интенсивных смысловых акцентов).

Содержательно-смысловая промежуточность и неоформленность образа РОССИЙСКИЙ особенно характерна для РАС. В более поздних источниках некоторое относительное усиление интенсивности зон 3 и 4, показывающих ролевую и этнокультурную идентификационную матрицу акцентуаций, свидетельствует о наметившемся пока ещё очень слабом векторе к укреплению гражданской и социокультурной значимости идентификатора РОССИЙСКИЙ. Однако разработка смыслов преимущественно за счет разнообразия единичных реакций (периферии АП) характерна для слабости идентифицирующих акцентуаций. Несформированность содержания идентификатора РОССИЙСКИЙ ярко проявляется в РАС в зонах 5 и 6, СИБАС и ЕВРАС демонстрируют некую разнородную явленность новых смыслов в этих зонах при сохранении существенных различий, как по регионам, так и по смысловым акцентам, унаследовавшим противоречия смыслоутратного состояния смутного времени 90-х годов. Некоторый оптимизм внушает слабо наметившаяся психоглосса ассоциирования термина *российский* с *язык*ом (при отсутствии одноименного естественного языка): *язык* 1 (РАС) →*язык* 5 (СИБАС) →*язык* 7 (ЕВРАС). Цифровые индикаторы показывают здесь количество испытуемых, отреагировавших словом *язык* на предъявленный им стимул *российский*. Эта психоглосса может свидетельствовать о том, что в сознании молодежи начинает актуализироваться языковое единство российского мира. В целом позитивно-нейтральный вектор оценочности применительно к имеющемуся содержательному наполнению образа РОССИЙСКИЙ, скорее всего, связан с общей несформированностью смыслов.

Примечательно, что в отношении гражданской идентичности молодых людей данные, которыми располагают психолингвисты, сходятся с теми, которые получены этносоциологами на ином исследовательском материале в те же интервалы времени в различных регионах России [5, с. 71].

Ученые настаивают на разработке и осуществлении программы гражданской интеграции, поскольку, по словам Ю.П. Шабаева, пока что российскость формируется стихийно, параллельно идет процесс этнизации все более широких сфер социального пространства и вытеснения гражданских идеалов. «При этом этничность может трансформироваться в форму агрессивно-оборонительной и агрессивно-конфликтной солидарности, с помощью которой отдельные этнические группы консолидируются, но все более очевидно противостоят другим группам и всему сообществу» [5, с. 80].

Обобщая наши комплексные наблюдения, можно констатировать, что и психолингвистические материалы, и данные этносоциологических исследований позволяют выявить непосредственную взаимосвязь *этнизации* и *гражданской идентификации*. Эта взаимозависимость имеет тенденцию склонять чашу весов либо в одну, либо в другую сторону, всякий раз с соответствующим повышением градуса конфликтности того или иного порядка в разбалансированной этнополитической системе (куда входит и языковая политика). Крымский опыт дает важный для понимания существа проблемы материал. Исследования языковой ситуации в Крыму показали, что «крымская молодежь, обучаясь в школах и вузах по государственным программам Украины, более других испытала давление украинизации, и она имеет мало опыта общения с российскими регионами. На прямой вопрос, гражданами какой страны себя ощущаете, большинство симферопольцев указали на Россию, в том числе молодежь. Но 6% молодых людей заявил, что чувствуют себя гражданами Украины. Респонденты средних возрастов говорили о том же в 2% случаев, лица старшего возраста – менее одного процента. Дефицит гражданских чувств у крымской молодежи компенсируется не только регионализмом, но и актуализацией этнической идентичности. Десятая часть молодежи говорила, что чувствует себя в первую очередь представителями отдельной национальности, тогда как в средних возрастах этот показатель ниже в полтора раза, а в старших возрастах ниже в три раза» [7, с. 119].

Таким образом, сформированная прежними этнополитическими установками ситуация сохранит свою потенциальную конфликтогенность, если общество будет и дальше игнорировать её

противоречивость. Более того, на фоне сохраняющейся несформированности цивилизационной и гражданской идентичности в РФ особенно опасным дополнительным конфликтогенным фактором может стать любое (прямое или опосредованное) внедрение внешнего для российской языковой ситуации этнополитического фактора. Таким конфликтогенным фактором и является административно-принудительная англификация в сфере образования и науки, ведущая к снижению функционального статуса русского языка как языка гражданского единения народов России, родного для подавляющего большинства населения РФ, а потому обеспечивающего полноценную межпоколенную передачу опыта, как развитого мирового языка, открывающего доступ к мировой культуре и технологиям. Политика англификации опасна тем, что она, среди прочего, создает условия для дискриминации россиян по этноязыковому принципу внутри самой России.

Литература

1. Михальченко В.Ю. Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров/ РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Трошина Н.Н. М., 2015. – С.14-31.

2. РАС: Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю.Н.Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова. Т. 1–2. М., 1994–1998. URL:http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php(дата обращения: 20.10.2017).

3. Уткин А. И. Подъем и падение Запада. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 761 с.

4. ЕВРАС: Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. – URL: http://iling-ran.ru/main/publications/evras (дата обращения: 20.10.2017).

5. Шабаев Ю.П. Этнический национализм и гражданская нация в современной России // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А.Тишкова и В.В.Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. – С. 70-85.

6. СИБАС: Шапошникова И.В., Романенко А.А.Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. М.: Московский институт лингвистики, 2014. – 537с. Т. II. От реакции к стимулу. М.: Московский институт лингвистики, 2015. – 763 с. Режим доступа: URL:http://adictru.nsu.ru (дата обращения: 22.11.2017).

7. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов (ред. В.Ю.Зорин, Р.А. Старченко, В.В.Степанов). М.: ИЭА РАН, 2017. – 216 с.

РАЗВИТИЕ МЕЖДОМЕТНОЙ КАТЕГОРИИ В ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ КРЫМСКОГО РЕГИОНА

Э.Р. Ширин
emile1992@list.ru
Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»
(Симферополь)

Несмотря на усилившийся за последние два десятилетия интерес к изучению междометий, споры по поводу их лингвистического статуса, внутренней природы, а также их конкретного состава не утихают. Основным препятствием на пути к созданию непротиворечивой системы описания междометий, по мнению большинства ученых, является тот факт, что они представляют собой гетерогенный класс слов. Это утверждение стало уже основополагающим для работ в данной области, отсюда возникает впечатление, что гетерогенность анализируемой группы отражает некую онтологическую данность, а не созданный лингвистами теоретический фундамент, объединивший те языковые единицы, которые не смогли вписаться в рамки традиционной частеречной системы.

В классическом языкознании, говоря о классификации междометий, выделяют первичные и вторичные. Одни представляют собой слова из некоторых, довольно кратких звуков, выражающих ощущения, переживания, различные внутренние чувства, другие – утрачивая денотативное значение, объективируют более усиленно, нежели первообразные междометия, внутренние ощущения человека.

Очевидно, на определенной стадии развития языка, появляется потребность выражения отношения к окружающей действительности не только возгласами *ох, ах*. Отсюда возникает **актуальность** изучения становления междометной категории в наши дни.

В последнее время современные лингвисты обращают внимание на слово в устной или письменной речи конкретного человека, которое оказывается не просто именем, обоснованием, но и

личностным отражением, проявлением самого говорящего (пишущего) как в речи, так и в созданных им текстах. Этот факт представляется нам существенным, поскольку «говорящий (пишущий) активно «вычерпывает» из объекта определенные, интересные для него аспекты и стороны, характер такого выбора предопределяется параметрами личности» [6, с. 34]. Таким образом, через слово человек моделирует не просто некоторый объект, но определяет способ личного взаимодействия с этим объектом, воплощает своей речью четкую позицию по отношению к объекту. Рост внимания к данному взаимодействию приводит к детальной разработке проблемы языковой личности, поскольку именно в личности мы можем увидеть совокупность принципов, характеризующих фундаментальные свойства языка.

Об этом также свидетельствуют и словарные статьи печатных и электронных энциклопедий, словарей, справочников, монографий, диссертаций и разного уровня трудов, так или иначе касающихся вопросов обозначенной темы. В целом, все они сходятся в том, что языковая личность – это «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, то есть личность выражается в основных своих чертах на базе языковых средств» [2, с. 11-16].

Не подвергается сомнению и такой факт, как этнокультурная предзаданность речи. В направлении изучения взаимодействия языка и культуры сложились целые научные школы (Н.Д. Арутюнова, В.В. Воробьев, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Н.И. Толстой, В.М. Шаклеин и др.). Лингвокультурология теснейшим образом связана с этнопсихолингвистикой: ментальные модели языковой картины мира в наибольшей степени выявляют связь языка и культуры.

Понятие «полилингвокультурный» в современных исследованиях по лингвокультурологии не интерпретируется. Однако мы, вслед за Г.Ю. Богданович, считаем, что именно это понятие открывает возможности для описания и анализа культурно-языковой ситуации в Крыму [3].

Общее представление о личности в разных культурах имеет универсальный характер. Культурный код языковой личности, сформированный в полилингвокультурной ситуации и действующий в ней, имеет свою специфику. Он включает языковые стереотипы нескольких культур; имеет большую степень вариативности

в самой картине мира, присущей субъекту, специфицируемость в восприятии признаков других национальных культур на фоне общих черт мировосприятия и общего речевого фонда.

В настоящее время эмоции и их языковое выражение активно рассматриваются с точки зрения языковой личности. Одним из важнейших языковых знаков эмотивной компетенции являются междометия, чья роль в осуществлении вербальной коммуникации чрезвычайно велика. Нельзя отрицать того, что междометие оказывается индикатором той эмоции, которую испытывает и вербализует говорящий в развертываемом им дискурсе. Междометия выступают маркерами коммуникативной компетенции языковой личности при вербализации ею своих и чужих эмоций, при этом они национально-культурно маркированы и коррелируют с категориальными эмоциональными ситуациями.

Фактологическим материалом исследования послужили услышанные и зафиксированные реплики диалогов крымчан в спонтанном речевом общении, а также данные анкетирования, в котором приняли участие 405 респондентов, подавляющее большинство из которых (84,7%) – жители Республики.

Важное значение здесь для изучения междометной системы в динамическом аспекте имеет то обстоятельство, что в составе ее единиц значительное место занимают непервообразные междометия, которые в отличие от первообразных, представляют собой пополняющийся класс слов. Кроме того, заметное место среди непервообразных междометий принадлежит устойчивым сочетаниям слов, фразеологическим единицам.

Междометия, обнаруженные нами в ходе исследования, характеризуются многообразием. Их разграничение возможно в рамках общепринятой в русском языкознании классификации междометий на основании функционально-семантических характеристик.

Ядро этого класса составляют эмоциональные междометия, выражающие испуг, страх, радость, боль и др.: *Блин!, ёлки-палки* «неудача», *чёрт, Майн гот!* «Боже мой» *ауч, капец, тыч!, ёпрст, опс, твою дивизию, чпок!, ё-мое, Бисмиллях, ой-ё, ёшкин кот, этагъфирулла, аузубиллях, оба-на!* «неожиданность, конфуз», *жесть, аман* «получилось», *вай-вай, вай Аллах* «о Боже», *амма да*

«вот это да», *вот же ж, дык* «выражает изумление», *оф, машалушечки* (машалла – от крымскотат. «молодец» + -уш- + -ечк-), *хобана, ни бум-бум* «ничего не понимать»; *ни бе, ни ме*.

Междометия *ах-вах, ай-вай, вай-ой, вай-вай, ай-аман* образованы путем сложения двух основ: основы русского междометия и ассонансной основы крымскотатарского междометия. Стоит отметить, что приведенные единицы уже получили широкое распространение с точки зрения словообразовательных возможностей. Из них образованы глаголы, существительные и прилагательные (*ах-вахларына, ай-ойым, вай-вайым*).

Здесь также необходимо отметить полисемию, существующую в пределах междометной категории. Рассмотрим в качестве примера упомянутое выше «дык»: *«Ты у Аллы вечером будешь?» - «Дык!»* (= «Да. Конечно. Разумеется»); *«Посмотри, какой велик (велосипед)» - «Дык!»* (=эмоциональное междометие со значением изумления и восхищения); *«Ты в курсе (ты знаешь), что у тебя неуд?» - «Дык»* (= эмоциональное междометие, в зависимости от интонации – обреченности или негодования); *«Вы были правы: она опять опоздала!» - «Дык в этом никто и не сомневался»* (= так в этом...) и т.д.

Группа оценочных междометий выражают оценку обстановки дискурса, действий, состояний. Оценка может быть положительной: *клёво, здóровски, кайф, взрыв мозга!, ништяк, чики-пуки* или отрицательной: *лажа* «плохо», единицы, находящиеся в рамках одного словообразовательного типа: *трындец, капец, пипец*, которые звуковым составом и значением близки к существительному «конец».

Императивные междометия используются для выражения команды, требования, согласия/несогласия и др. Среди них: *шухер* «опасность, убегай», *стопэ* «стой», *засохни* «замолчи», *отвянь* «отстань», *ноу проблэм* «без проблем», *стопудово* «100 %, точно».

Статус следующей группы междометий считается спорным в современной лингвистике. Речь идёт об этикетных междометиях.

Грамматическая разнородность языковых явлений, представляющих собою этикетные формулы, позволила некоторым ученым относить слова *здравствуйте, спасибо, пожалуйста* к тем, «которые до настоящего времени остаются практически вне квалификации их как частей речи» (А. И. Германович, Д. Э. Розенталь, Л. Д. Чеснокова и др.) [7, с. 84].

Другая точка зрения связана с выделением этикетных междометий как отдельной семантической группы, наряду с эмоциональными и императивными междометиями (В. В. Виноградов, Н. М. Шанский, Н. А. Германов и др.).

Третьей точки зрения придерживаются ученые, рассматривающие эти речевые формулы как частицы (А. А. Зализняк, В. В. Морковкин и др.).

Трудность в определении положения этих слов в системе частей речи современного русского языка в большей мере связана с тем, что источниками пополнения этикетных формул являются слова и выражения, происходящие из разных частеречных систем. Так, большинство этих языковых явлений представляют из себя застывшие формы повелительного наклонения так называемых этикетных глаголов (*Простите! Извините! Здравствуйте! Прощайте!*). В качестве этикетных формул используются также формы 1-го лица настоящего времени изъявительного наклонения соответствующих глаголов (*Приветствуем! Благодарю!*).

Утратив синхронные связи с исходной глагольной системой, слова «спасибо» и «пожалуйста» перестали быть словами-наименованиями и стали в большей мере зависеть от коммуникативного акта. Произошедший в этих словах процесс частичной утраты лексического значения (десемантизации) привел к усилению роли интонации и положения в предложении при определении значения данных слов в каждой конкретной ситуации.

Описание морфологических и синтаксических особенностей этикетных слов и выражений дает основание утверждать, что по преимущественному ряду признаков этикетные формулы сближаются с такой частью речи, как междометие, а именно:

а) этикетные формулы в большинстве случаев лишены номинативного значения или же их семантика значительно ослаблена; это не слова-названия, а слова-отношения, в ряде случаев способные выступать даже в роли своеобразных побудителей (например: *Пожалуйста! – придвинул он стул поближе*) [4];

б) большинство этикетных формул представляют собой застывшие (неизменяемые) формы, и лишь некоторые слова имеют несколько форм словообразования и словоизменения (например: *Здравствуй – здравствуйте*);

в) могут иметь, подобно эмоциональным и императивным междометиям, общее в грамматике – повторы (*ай-ай-ай, цып-цып-цып,*

спасибо-спасибо, пожалуйста-пожалуйста), хотя цели этих повторов различны;

д) и главное – в семантике этикетных формул обязательно содержатся элементы эмоциональности, и эта семантика выражается интонацией; дополнительное подкрепление жестами позволяет некоторым этикетным словам даже замещать предложения и принимать новые элементы значения: – *Может, чайку со мной испить изволите? – Спасибо-спасибо, – энергично замахав головой, отказался Фандорин* [1, с. 35].

Вместе с тем, наличие у некоторых этикетных междометий нескольких форм словообразования и словоизменения (особенно у отглагольных слов), а также синтаксическая неоднородность данных языковых явлений (возможность появления распространителей у нечленимых междометных предложений и выражение данными междометиями иных типов синтаксических конструкций) указывают на некоторые особенности данного класса.

Обнаруженные нами в речи крымчан этикетные междометия связаны с ситуациями приветствия, прощания, просьбы, извинения: *Чао-какао!, алейкум-привет* (от крымскотат. «здравствуйте»), *селямствуйте* (от крымскотат. «селям алейкум – здравствуйте»; *ассаламалейкум-привет, селямнен-привет покакушки* «пока, до встречи», *звыняй* «извини, прости», *прабач* (от укр. пробач мені – «прости меня»), *спасибочки, спасибки, СПС* «благодарю».

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что эмотивная семантика междометных единиц не отделима от их функционально-прагматических свойств в речевой коммуникации. Полиэтничная среда Крымского региона становится своего рода базой для формирования новых смыслов существующих междометий, а также для появления окказиональных единиц, уже вошедших не только в разговорную, но и письменную речь крымчан. В процессе организации интерактивного речевого взаимодействия междометные речевые единицы выполняют регулятивно-прагматическую функцию, выступая в роли маркеров и операторов различных аспектов коммуникативной ситуации, и входят в инвентарь средств, реализующих комплекс правил речевой коммуникации и коммуникативных стратегий.

Литература

1. Акунин Б. Статский советник / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2010. – 288 с.

2. Бессонова Л.Е. Культурное пространство в аспекте изучения языковой личности / Л.Е. Бессонова //Культура народов Причерноморья. – № 27. – 2002. – С.11-16

3. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии/ Г.Ю. Богданович. – Симферополь: ДОЛЯ, 2002. – 392 с.

4. Бр. Вайнеры. Эра милосердия [Электронный ресурс] / Братья Вайнеры. – Режим доступа: http://lib.ru/RUSS_DETEKTIW/WAJNERY/ zheglov.txt Проверено 25.01.18.

5. Германович А. И. Междометия русского языка / А.И. Германович. – Киев: Радянська школа, 1966. – 172 с.

6. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты (монография) / А.В. Кирилина. – М.: Изд-во «Ин-т социологии РАН», 1999. – 189 с.

7. Середа Е.В. Морфология современного русского языка / Е.В. Середа // Место междометий в системе частей речи: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 160 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЗЕРКАЛЕ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА: ПРОЦЕССЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А. М. Эмирова
adile.emirova@gmail/com
ГБОУ ВО Республики Крым
«Крымский инженерно-педагогический университет»
(Симферополь)

Взаимодействие русского и крымско-татарского языков – процесс исторический: в разные периоды контактов носителей языков он протекал разными темпами и по-разному проявлялся на разных участках (уровнях) языковых систем контактирующих языков.

Активизация процессов русско-крымско-татарской языковой интерференции стала заметна в конце XYIII в., после присоединения Крыма к России (1783 г.). Новые социальные реалии (административные институции, переселенцы из России, всеобщая воинская повинность, обезземеливание крестьян и их вынужденная эмиграция и др.) отразились в крымско-татарском языке, в том числе и в текстах т. н. эмигрантских песен, в форме различных по тематическому содержанию заимствований из русского языка: *чар* (царь), *чариче* (царица), *Русиé* (Россия), *рус, урус* (русский), *волост* (волость), *галава* (голова – административная должность), *помещик*, *граф, пашпорт* (паспорт), *консóл* (кóнсул*), документ, капи-*

тан, майор, салдат (солдат), *патрон, панталон, скадро́н* (эскадрон), *дохту́р* (доктор), *ишпита́л* (госпиталь), *казарма, калентир* (карантин), *самосуд, манифест, деледжан* (дилижанс), самовар, *параход* (пароход), *порт* и др. [1–3].

Следующий приток русизмов в крымско-татарский язык был связан с русско-японской войной 1904–1905 гг. и Первой мировой войной: *япон, Порт-Артур, император, палковни́к* (полковник), *шомпу́л* (шомпол), *телеграмм* (телеграмма), *начальни́к, старости́, карта́, запас, запасной* (воины-запасники), *газет* (газета), *отступление, флотский* (служащий на флоте), *вокзал, вагон, машна́* (машина), *айраплан* (аэроплан), *плен. Новобранса́* (новобранец), *акоп* (окоп), *бойна́* (бойня) и др.

Параллельно с указанными выше процессами стихийного, неуправляемого взаимодействия русского и крымско-татарского языков И. Гаспринским, известным крымско-татарским просветителем общетюркского масштаба, с 1883 г. по 1914 г. в г. Бахчисарае издавалась на крымско-татарском и русском языках газета «Терджиман / Переводчик», материалы которой позволяют судить о состоянии крымско-татарского языка на указанном этапе его развития, в частности – и в плане интерференции русского и крымско-татарского языков.

Можно говорить об осознанной, целенаправленной активизации этих процессов: заметны усилия И. Гаспринского включить в речевой оборот большое количество русских заимствований словного и сверхсловного характера, называющих новые социально-политические и культурные институции и реалии: *дума́, областной правлени́е, тюрьме́, суд, военный суд, палата́, таможня, земства́* (земство), *губерна́* (губерния), *компания, судебный пошлин, банка́* (банк), *приговор, указ, пансиён, богоделня* (богодельня), *чирко́ф* (церковь), *часовна́* (часовня), *завот* (завод), *лакомотиф* (локомотив), *склад, аптек* (аптека), *пашпорт, паспорт, ишкола, городской школа́, выставка́, учитель школасы́, университет, газети́* (газета), *аксия́* (акция), *повестка́, программ* (программа), *данос* (донос),*числа́* (число), *исчётка́* (щётка), *туфля́, минут* (минута), *празник* (праздник), *опщий* (общий) и др. [4]. (Орфография приведённых выше примеров идентична оригиналу.)

Обращают на себя внимание попытки И. Гаспринского адаптировать русские заимствования к нормам произношения крымско-татарского языка того времени, которые (нормы) обусловлены спецификой его артикуляционной базы, а также его фонетическими и грамматическими законами. Приёмы адаптации реализованы в текстах газеты в форме различных фонетических процессов: ***апóкопа / элúзия*** (отпадение конечного безударного гласного) – *аптек* (аптека), *пошлин (пошлина), минут (минута), программ (программа);* ***протéза*** (приставление гласного звука к началу слова, перед стыком согласных) – *ишкола* (школа), *исчётка* (щётка); ***эпитéза*** (приставление гласного звука к концу слова, обычно после стыка согласных) – *банка* (банк), *театро* (театр), *километро* (километр) и др. Формы *франсыз* (француз), *аксия* (акция), *чиркоф* (церковь), *дизинфексия* (дезинфекция), *исчётка* (щётка) обусловлены отсутствием в крымско-татарском языке фонем, обозначаемых в русском языке буквами Ц и Щ.

Более интенсивное освоение русского языка крымскими татарами началось после Октябрьской революции: мощным потоком в крымско-татарский язык вливались советизмы – слова и словосочетания, называющие учреждения и понятия советского строя: *ревком, партия, большевик, меньшевик, коммунист, комсомол, колхоз, бригада, школа, бедняк, середняк, кулак, почта, документ, маёвка* и др. Параллельно шли процессы освоения русских языковых единиц, называющих предметы и явления повседневного обихода и назначения: *чайнúк, патефон, пластинкá, пальто, кофтá, галóш* (галоша), *ботúк, потик* (боты), *шапкá, бальницá* (больница), *ведрé* (ведро) и др.

Как видно из приведённых выше примеров, на ранних этапах русско-крымско-татарской языковой интерференции она проявлялась в классической форме: русский язык искажался под влиянием крымско-татарского. Адаптация русизмов была обусловлена спецификой артикуляционной базы крымско-татарского языка, его фонетических и грамматических законов. Однако в анализируемых источниках [1–3], за исключением [4], русские заимствования часто записаны в соответствии с правилами русской орфографии и потому не отражают их реального произношения на крымско-татарском языке. Это объясняется тем, что собиратели песен и составители сборников не имели филологического образования и не были проинструктированы должным образом.

После тотальной депортации народа из Крыма (1944 г.) вектор межъязыковой интерференции стал кардинально меняться: уже четвёртое поколение крымских татар получило образование в русской школе. Сегодня в плане языковой компетенции преобладают асимметричные билингвы-русофоны и монолингвы, говорящие лишь на русском языке. См. [5, 7].

Сегодняшний этап взаимодействия русского и крымско-татарского языков характеризуется интенсификацией процессов заимствования из русского языка. Аналогичные процессы происходят в языках национальных меньшинств на всём пространстве Российской Федерации. Объяснение сказанному следует искать не столько в усилении позиций РФ на международной арене, которое наблюдается в последние годы, сколько в интенсификации процессов экономического и культурного развития страны. Все новации в этих сферах находят отражение в языке.

Наиболее оперативно на социально-политические и экономические изменения в обществе реагируют, как известно, масс-медиа. Все тексты, продуцируемые крымско-татарскими СМИ (газеты, радио, телевидение и др.), насыщены разного типа заимствованиями из русского языка:

собственно лексические заимствования: *командир, ветеран, полковник, батарея, репрессия, комендатура, режим, офис, сайт, спонсор, банк, интернет, ассимиляция, форум, интеграция, конституция, прокуратура, регион, район, группа, январь, март, медиа, институт, магистр, семестр, зачёт, факультет, деканат, вариант, корректор, журнал* и др.;

кальки разного типа: **словообразовательные** – *бутюнрусие* (всероссийский), *укъукъкъорчалайджы* (правозащитник), *хатырсаймазлыкъ* (неуважение), *сайлавджы* (избиратель), *якъыншаркъ* (ближневосточный), *азкелирли* (малоприбыльный) и др.; **аббревиатурные** – *БМТ* (Бирлешкен Миллетлер Тешкиляты) – *ООН* (Организация Объединенных наций); *ХИТ* (Хавфсызлыкъ ве Ишбирлик Тешкиляты) – *СБДС* (Совет безопасности и делового сотрудничества) и др.; **фразеологические** (номинативного характера) – *тамыр миллет* (коренной народ), *махсус мектюп* (заказное письмо), *джеп телефоны* – (карманный, мобильный, телефон), *тыш алякъалар болюги* (отдел внешних связей), *хайрие тешкиляты* (благотворительное общество), *тёгерек маса* (круглый стол) и др.;

полукальки: лексические – *гражданлыкъ* (гражданство), *компонентли* (компонентный), *финансирлев* (финансирование), *реабилитирленме* (реабилитация); фразеологические (номинативного характера) – *Къызы лБайракъ ордени* (орден Красного Знамени), *фахрий граждан* (почетный гражданин), *гвардия капитаны* (капитан гвардии), *даимий комиссия*) и др.

Процессы взаимодействия языков на территории бывшего СССР и РФ в рамках её нынешних государственных границ можно рассматривать на фоне мировой глобализации в качестве своеобразных, «наших», глобализационных процессов. Они связаны с развитием экономики и обусловлены имманентными законами развития российского сообщества на современном этапе его развития. Феномен глобализации амбивалентен по своей природе, т. е. имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К положительным сторонам можно отнести развитие культуры во всех её проявлениях, к отрицательным – процессы унификации общего культурного пространства, одним из следствий которых является исчезновение языков и культур малочисленных народов. Известно, например, что за время существования СССР более 60 языков коренных малочисленных народов оказались под реальной угрозой исчезновения. Они внесены в «Красную книгу народов России», редактор которой, директор Института народов России, проф. В. П. Нерознак, в предисловии написал: «Теории о том, что процесс умирания языков якобы носит «естественный» характер и что ему не надо препятствовать, обнаруживает попытку обоснования идеологии лингвоцида и этноцида». (См. [6, с. 186]).

Избежать отрицательных последствий описанных выше процессов интерференции языков в рамках РФ можно при проведении корректной языковой и образовательной политики. В Крыму за последние четыре года уже многое сделано в этом направлении: реорганизована система образования, в том числе внедрены в учебную практику новые учебные пособия, соответствующие российским стандартам, и др. Однако многое ещё предстоит сделать. В частности, принять закон о функционировании государственных языков в РК, создать условия для сохранения и развития родных языков жителей многонационального Крыма и др. (См. [8].)

Литература

1. Къырымтатар йырлары. – Симферополь: Къырымдевлетнешрияты, 1939. – 152 с.

2. Къырымтатар халкъ йырлары. – Акъмесджит: «Таврия» нешрияты, 1996. – 448 с.

3. Къырымтатар муаджир тюркюлери. Муэллиф ве тертип этиджилер Велиев, А., Какура С. – Симферополь: КъДжИ «Къырымдевокъувпеднешир», 2007. – 224 с.

4. Короглу Л.А. И. Гаспринский тилининъ идеографик лугъаты (Идеографический словарь языка И. Гаспринского). – Симферополь: ИП Хотеева Л.В., 2017. – 104 с.

5. Эмирова А. М. Языковая компетенция крымских татар и проблемы возрождения крымско-татарского языка // Проблемы возрождения и развития школ с обучением на государственных языках Крыма: Тезисы республиканской конференции. Симферополь, 21 – 22 января 1995 г. – Симферополь, 1995. – С. 12–13.

6. Эмирова А.М. Регенеративная функция русского языка в новых геополитических условиях // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Том 22 (61), № 1. – Симферополь, 2009. – С. 185–189.

7. Эмирова А. М. Крымско-татарский язык в социолингвистическом измерении // Культура народов Причерноморья. -- № 183. – Симферополь, 2010. – С. 205–208.

8. Эмирова А. М. Крымско-татарский язык в поликультурной ситуации Республики Крым // Русский язык в поликультурном мире. I Международный симпозиум. (Ялта, 8–12 июня 2017 г.). Сборник научных статей. В 2-х т. Том 1. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 101–107.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КРЫМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Т.А. Ященко
t-yashchenko@yandex.ru
Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (*Симферополь*)

Само понятие *дискурс*, обращение к которому весьма характерно для современных гуманитарных исследований, продолжает оставаться предметом научных дискуссий. В сфере лингвистики наиболее спорными представляются вопросы о соотношении понятий: *дискурс, стиль, текст, язык* [3; 15].

В своей работе мы оперируем понятием «краеведческий дискурс» (КД) а не «краеведческий текст» на следующих основаниях: 1) крымский КД рассматривается как «совокупность, система текстов», «текст, погруженный в контекст» [6, с. 177, 181]; при этом

имеется в виду контекст тематически связанных текстов и контекст определенного исторического времени; 2) если рассматривать дискурс как особое использование языка для выражения особой ментальности и особой идеологии [12; 13; 15], то именно КД соответствует этим задачам; 3) КД не мыслится без таких характеристик, как совокупность с «экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [1, с.136-137].

Заметим, что само существование КД не является общепризнанным, и выделение его в специальную сферу лингвистических исследований характерно прежде всего для работ переводоведческого направления (А.С. Ручкина, В.В. Гизер, Ю.В. Гурецкая), где разрабатываются следующие вопросы: категория модальности в тексте путеводителя, адаптивные переводческие стратегии, выявление ключевых концептов, вопросы перевода онимов, краеведческая символика, жанровые характеристики.

Актуальность нашей работы, посвященной анализу крымских краеведческих текстов с позиций современной дискурсологии и лингвокогнитологии, обусловлена тем, что крымский КД в целом не рассматривался ранее в динамике исторического развития и не являлся предметом лингвокогнитивного исследования.

Исследование проведено **на материале** крымских КД разных типов, отражающих период с 30-ых годов 19 века по настоящее время [2; 4; 5; 7-10]. К числу краеведческих текстов, помимо традиционно выделяемых (путеводитель, справочник, рекламный проспект, альбом, словарная статья краеведческого характера, учебный текст), мы относим также путевой очерк, монографическое исследование, интернет-сайты краеведческого характера.

Исследование КД с позиций лингвистической когнитологии обусловлено рядом факторов: 1. Если: когнитивная база понимается как структурированная совокупность обязательных знаний того или иного лингвокультурного общества, для которого данный язык является родным (В.В. Красных), то КД, адресованный массовому читателю, не только отражает когнитивную базу, но и формирует ее.

2. В КД выразительно проявляется действие «человеческого фактора в языке»: в выборе объектов описания, в установлении их иерархии, в реализации ценностных установок.

3. Национально-культурное пространство (Б.Д. Гудков, В.В. Красных и др.) как одно из важных понятий когнитивной лингвистики является содержательной основой КД.

В качестве критериев отграничения КД от дискурсов других видов называются такие облигаторные ядерные признаки, как локоцентризм, культороцентризм и антропоцентризм – при обязательном условии их доминирования (А.С. Ручкина, В.В. Гизер). Проведенное нами исследование КД позволяет утверждать, что к числу доминирующих ядерных признаков данного дискурса относится и признак хроноцентризма, который понимается нами как: а) наличие временной перспективы в представлении объекта краеведческого нарратива; б) влияние идеологем определенного исторического периода на систему ценностей, реализованную в КД. При анализе хроноцентризма КД целесообразно обращение к таким понятиям современной дискурсологии, как «дискурс субъекта» и «дискурс объекта» [14, с. 64, 65, 69], а также бессубъектный дискурс [11].

В работах Л.О. Чернейко дискурс субъекта понимается, прежде всего, как определенный фактор «речевой деятельности»: «это мировоззрение (включающее и мироощущение) как обобщенное представление о мире, базирующееся на восприятии мира и обуславливающее эмоциональное отношение к нему» [14; с.69].

Дискурс объекта, по Л.О. Чернейко, это «принятые культурой способы оречевления объекта в тех социальных сферах, для которых он является интенциональным». Дискурс объекта аналогичен бессубъектному дискурсу в концепции О. Г. Ревзиной [14, с. 64, 69]. О.Г Ревзина, обращаясь к работам М. Фуко, П. Серио и Б.М. Гаспарова, отмечает, что тема «бессубъектного дискурса» возникает при осознании того факта, что говорящий совсем не обязательно является «автором высказывания»: он произносит «чужое высказывание», по существу цитирует, но цитирование при этом может быть скрытым, неосознанным и ненамеренным. Изучение бессубъектного дискурса – это изучение самих высказываний (их материальной сущности, закрепленной на «белизне бумаги» [11, с.27].

Обращение к материалу КД как совокупности текстов определенной тематики позволяет увидеть в нем своеобразный конгломерат бессубъектного и субъектного дискурса, в силу того, что он, с одной стороны, строится на основе сведений, почерпнутых из

разных научных сфер (рельеф местности, климат, население и т.п.), но, с другой стороны, его «субъектность» определена не только прагматической направленностью на определенного адресата, но и «фокусом зрения» автора, такими понятиями, как «дух времени», «настроение времени», а также идеологемами, свойственными определенной эпохе. Осознать эту закономерность помогает обращение к краеведческим материалам, созданным с 30-ых годов 19 в. по настоящее время.

Такая протяженная временная перспектива используется в нашем исследовании не для выявления фактов изменения вида или функций описываемого краеведческого объекта (например, история строительства Воронцовского дворца, изменение его назначения: дворец – санаторий – музей – государственная дача – музей), а для изучения языковых и дискурсивных способов выявления отношения автора текста к описываемым явлениям.

В КД хроноцентризм взаимодействует с антропоцентризмом в двух основных аспектах: 1) связь исторических личностей и результатов их деятельности с определенным периодом времени; 2) оценивание исторической личности в соответствии с идеологемами времени создания краеведческого текста. Покажем это на примере представления личности М.С. Воронцова в крымском КД.

Современники М.С. Воронцова, лично знакомые с ним по Одессе и Крыму (Ш. Монтадон, А.Н. Мурзакевич, А.Н. Демидов и др.), чрезвычайно высоко оценивают его личностные и деловые качества. Шарль Монтадон, подданный Швейцарии, который в 20-ые годы 19 в. жил в Одессе, откуда неоднократно ездил в Крым, в 1834 издает в Одессе на французском языке «Путеводитель путешественника по Крыму» и посвящает свой труд «Его Превосходительству г-ну Графу Воронцову, генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии», отмечая чрезвычайную значимость деятельности М.С. Воронцова для развития Крыма [8, с.43]. По мнению В.В. Орехова, переводчика первого крымского путеводителя на русский язык и автора вступительной статьи, это посвящение можно рассматривать не только как «обязательную учтивость по отношению к спонсору»: М.С. Воронцов действительно ценил людей, работающих на развитие «крымской перспективы», и всемерно содействовал им [8, с 30-31]. Отдельный раздел путеводителя Ш. Монтадон посвящает описанию парка в Алупке и предвидит тот эффект, который произведет на окружающую местность

пока еще не достроенный дворец (время строительства 1828-1848 г.г.): *Дом обширный. Из тесаного камня, с фундаментом на скале, воздвигаемый среди великолепных деревьев и ниже гранатовой рощи* [8, с. 139-140].

Через три года после издания «Путеводителя» Ш. Монтадона Анатолий Николаевич Демидов, представитель знаменитого в России рода Демидовых, возглавил научно-исследовательскую экспедицию на юг России и в Крым. В своей книге [2] он выражает восхищение не только созидательной деятельностью М.С. Воронцова, называя его «мудрым правителем» и «настоящим хозяином» южного берега Крыма», но и самой его личностью, отмечая такие черты, как: «благосклонная приветливость», способность «проникать в самые тайные мысли людей», готовность к деятельной помощи [2, с.119-120]. А.Н. Демидов, как и Ш. Монтадон, пишет о недостроенном дворце: *Осмотрев сады Алупки и* ***великолепный дом в восточном вкусе****, который князь отстраивал в то время, я простился с этим* ***истинно благородным вельможей*** [2, с.120].

Насколько нам известно, наиболее полное описание завершенного дворцово-паркового комплекса в Алупке 19-го века представлено в «Очерках Крыма» Е.Л. Маркова [7]. Рассмотрим, на какой ассоциативной основе строится здесь описание дворца, в чем наглядно проявляется отражение авторской когнитивной базы, определенная система ценностей; к тому же отчасти открывается возможность проследить ориентацию на когнитивную базу потенциального адресата текста (образованные круги российского общества второй половины 19-го века).

Во многих очерках Е.М. Маркова главный предмет описания – уникальная природа Крыма, исцеляющая не только тело, но и душу, поэтому неудивительно, что и сам Воронцовский замок представляется путем сравнения с горой Ай-Петри: нерукотворным замком, волшебным, заоблачным замком, достойным «байроновского Манфреда». Сам же дворец князя Воронцова, по убеждению автора, потому является вам: *таким* ***поразительно-оригинальным*** *и* ***художественно-полным произведением искусства****, что он замыслен в дико-поэтическом стиле Ай-Петри* [7, с. 354]. Вспоминая известные ему лучшие дворцы Европы, автор пишет: *Нигде, кроме Алупки, я не видел такого* ***сочетания архитектурного гения с гением пейзажиста****, моря с горами, камня с лесом,* ***дикости природы с изяществом цивилизации*** [7, с.363]. Высшей

оценкой архитектуры здания является установление его сходства с творением самой природы. Таким образом, в тексте выявляется весьма значимая для автора ценность: гармония между человеком, творениями его рук и природой.

Помимо гармонии человека с природой, автор «Очерков Крыма» утверждает и другую основополагающую ценность: уважение ко всем народам, населяющим Крым, к их культуре, в частности – к мусульманскому Крыму, и в этом тоже видится гармония, столь необходимая для устройства жизни в целом: *Стиль замка сообразовался не только с характером владычествующих гор, но и с характером востока, свойственным мусульманскому Крыму. Это* ***отрывок Альгамбры арабских халифов****. (…). Тень, прохлада и тишина – вот господствующая идея постройки. Она* ***вполне восточная*** *и притом* ***вполне крымская*** [7, с. 364].

Шуваловский проезд (проезд между высокою заднею стеною служб и замком), называемый Е.Л. Марковым самой оригинальной и прекрасной частью хозяйственного двора, сравнивается с улицей восточных городов на основании оптического восприятия его узости и глубины.

Автор впервые увидел Алупкинский дворец в 1866 году, через 10 лет после смерти его хозяина. Непосредственно о М.С. Воронцове он говорит только в заключительной части очерка «Южный берег». Обратим внимание, что образ покойного графа ассоциируется у Е.Л. Маркова не с парадными залами, не с парком, а со зданием библиотеки, связанным с дворцом длинною галереею. Всего одной, но весьма выразительной фразой очерчена личность М.С.Воронцова: *В тиши этой библиотеки часто работал покойный князь Воронцов, основатель Алупки, один из немногих истинных государственных мужей нашего отечества,* ***человек просвещенной мысли и полезного дела*** [7, с.36]. Конец фразы актуализирует именно те черты государственного деятеля, которые в системе ценностей автора занимают центральное место.

Авторы путеводителей конца 19 – начала 20 вв. с сожалением отмечают, что с уходом из жизни М.С. Воронцова вначале утрачена была атмосфера гостеприимства и открытости Алупки (М. Сосногорова, 1874), а затем утратил свою привлекательность интерьер дворца (А. Москвич, 1889). В Путеводителе 1914 года сказано: «Дворец – пуст (…) Осталась часть библиотеки, письменный стол, несколько стульев. На стенах осталось несколько портретов»

[9, с. 91]. Далее следует ремарка, косвенно характеризующая личностные качества М.С. Воронцова: *По этим жалким остаткам, однако же, можно судить о той* ***роскоши*** *и* ***вкусе****, с которым был отделан дворец внутри* (там же).

В путеводителях советского времени дворец, ставший музеем, представляется как выдающийся историко-архитектурный памятник; акцентируется внимание на романо-готических мотивах, заимствованных не только из западноевропейской архитектуры, но и напоминающих местные генуэзские памятники, на сочетании романского и мавританского стилей [10; фотоальбом «Крым»]. При характеристике самого М.С. Воронцова преобладают отрицательные коннотации: англоман, крепостник, один из богатейших царских вельмож. В текстах экскурсий, как правило, приводилась известная эпиграмма А.С. Пушкина, начинающаяся словами: *Полу-милорд, полу –купец …*

В постсоветскую эпоху *наблюдается* характерный для «переходных эпох» процесс «переоценки ценностей», который непосредственно коснулся и трактовки личности М.С. Воронцова в текстах путеводителей и на краеведческих сайтах. Теперь он уже не «известный англоман», а «потомок старого русского дворянского рода»; не избалованный роскошью молодой человек, а героический участник Бородинского сражения, командующий русским оккупационным корпусом во Франции; не царский сатрап, а «отличный хозяйственник» (https://vkrym.su/page/43#topmost). Описание полезности его правления для Новороссии и Крыма сходно с КД 19-го века.

В постсоветское время в краеведческой литературе при описании строительства Алупкинского дворца появляется не использовавшаяся ранее информация, меняется тональность повествования. Безусловно, ни в коей мере не отрицается тяжесть труда крепостных, вручную обрабатывавших «адски твердый крымский диабаз» – **вечный материал**, который выбрал для строительства **гордый Воронцов** [5, с.24]. Но в то же время публикуются сведения о том, что дворец строили оброчные крестьяне из Владимирской и Московской губерний, имевшие опыт строительства и отделки белокаменных соборов (https://www.krim.biz.ua /alupka_history_voronchov.html).

В некоторых путеводителях уже говорится, что истинно «подневольным» был труд солдат, а крепостные мастера трудились «за вполне приемлемое ежемесячное жалованье»: [4].

Как видим, при описании конкретного коммуникативного события «История создания Воронцовского дворца в Алупке», наблюдается явление, которое в исследованиях по проблемам речевого воздействия определяется как «дискурс власти и власть дискурса» [15]. По утверждению В.Е. Чернявской, «дискурс выражает «надындивидуальное, коллективное речевое воздействие, которое институционализировано» [15, с.79].

Очевидно, что при исследовании крымского КД как совокупности тематически связанных текстов полезно проследить, каким образом с изменением эпохи происходило изменение «системы ценностей» при описании одних и тех же краеведческих объектов и личностей, сыгравших определенную роль в жизни Крыма.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклоп., 1990. – С. 136-137.
2. Демидов А.Н. Путешествие в южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию // Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов (К 200-летнему юбилею Н.В. Гоголя). – Симферополь: Издательство: Бизнес-Информ, 2011. –С. 95-256.
3. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 268 с.
4. Иванов А.В. Алупка: путеводитель / А.В. Иванов. – Севастополь: Библекс, 2008.
5. Киселев С.Н. Оранжевый гид Путеводитель / Киселев С.Н. – Москва: Эксмо, 2015. – 352 с.
6. Клушина Н.И. Дискурс и стиль: пути и перекрестки современной лингвистики / Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – С. 177-184.
7. Марков Е.Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы. – К.: Издательский дом «Стилос», 2009. – 512 с.
8. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму. / пер. с франц. – К., Издательский дом «Стилос», 2011. – 416 с.
9. Крымъ. Путеводитель. Ялта и окрестности. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. – 256 с.

10. Путеводитель по Крыму 1972 года / гл. редактор: Сосновский С. К.Изд.: "Таврия" Симферополь, 1972, – 194 с.

11. Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестник Московского университета. 1999, № 1. С. 25-33.

12. Серио П. В поисках четвертой парадигмы / П. Серио // Философия языка: в границах и вне границ. – Харьков: Око, 1993. – С. 37 – 52.

13. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю.С. Степанов. – М.: Либроком, 2013. – 336 с.

14. Чернейко Л.О. Дискурс: языковая реальность или лингвистическая мифология? // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – С. 52-71.

15. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. «ГИБРИДИЗАЦИЯ» РУССКОЙ ГРАФИКИ

КРЕМЛЬ И КРЕМЛИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

И.В. Бугаева
bugaevaiv@mail.ru
ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет–МСХА имени К.А. Тимирязева»
(Москва)

Топонимы являются носителями культурно-исторической информации, важной при обучении родному и иностранному языку.

Топоним **Кремль** широко известен в России и за ее пределами, но иностранцы часто удивляются, что в России не один кремль, а много, даже в Москве их два. Помимо Московского Кремля, есть еще Измайловский кремль. Первый традиционно пишется с прописной буквы, а второй – по правилам орфографии – со строчной. Поэтому важно и актуально, на наш взгляд, проанализировать этимологию, лексическое значение, способы появления переносных значений, причины онимизации имени нарицательного, а также появление прецедентного значения лексемы **кремль**. Целью данного исследования является рассмотрение некоторых теоретических вопросов, связанных со структурой ономастической семантики, мотивацией наименований внутригородских объектов и определения лингвокультурологической значимости прецедентных онимов. В процессе работы использовались разные методы, позволившие получить релевантные результаты: лексический, семантический, этимологический анализ.

Впервые упоминание о Московском кремле встречается в записи Воскресенской летописи 1331 года. По определению Словаря русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой, «Кремль – внутренняя городская крепость в старинных русских городах [6, с. 125]. Из Этимологического словаря Н.М. Шанского узнаем, что «**Кремль**. Искон. Суф. производное (суф. *-j-*, *mj* > *мл'*) от *кремъ* «крепость», того же корня, но с перегласовкой *о*/*е*, что и *кромка*,

кроме, *укромный*. *Кремль* буквально — «ограниченная, обнесенная (стенами) часть города» и, значит, «город в городе» (ср. *город*)» [7]. Лексема *кром* в значении «кремль, крепость» сохранилась в современном урбанониме *Псковский кром*. Так до сих пор называется кремль в Пскове, хотя в туристских путеводителях встречаются оба урбанонима, но на картах города – только историческое название.

До XIV века внутренние городские крепости назывались *детинец*. Эта лексема сохранилась до настоящего времени в урбанониме *Новгородский детинец*.

Топонимы содержат в своей семантике яркую культурно-историческую информацию. Для анализируемого топонима важен тот факт, что исторически кремли были характерны градостроительной культуре Средневековья и выполняли, по мнению историков архитектуры, «пять главных функций: административную, оборонительную, религиозную, селитебную и торговую» [8, с. 126]. Административная функция состояла в том, что все формы управления городом концентрировались в кремле. Эта главная политическая функция сохранилась до нашего времени в двух кремлях – московском и нижегородском.

Оборонительная функция заключалась в том, что в случае нападения врага городское население укрывалось в кремле, где были склады с оружием и продуктами питания, а также скважины с водой.

На территории кремлей строились соборы, церкви и даже располагались монастыри. Этим реализовывалась религиозная функция.

Селитебная функция состоит в том, что в кремле располагались дома привилегированных горожан. В современном Коломенском кремле до сих пор есть жилые дома.

Торговая роль кремлей была незначительна, так как обычно основной рынок располагался на площади за кремлевскими стенами. Например, торговую функцию в средневековой Москве выполняла Красная площадь.

Таким образом, кремль в российских городах вплоть до XVIII века – это центральная, укрепленная часть города, в которой были сконцентрированы органы управления, храмы с религиозными

святынями, часто располагался военный гарнизон, имелись склады и жили влиятельные граждане.

Далее рассмотрим причины и способы появления переносных значений лексемы **кремль**. Этот процесс начался, на наш взгляд, после онимизации имени нарицательного, когда **кремль** становится **Кремлём**. А.В. Иконников пишет: «Московский Кремль, «Кремль с большой буквы», вошел в сознание людей XX столетия как многослойный комплексный образ-символ, встраиваясь во многие контексты: архитектурно-художественные, исторические, идеологические, политические. Для россиян этот образ неразрывен с представлениями о столичности, о центре политической власти и вершине ее иерархии» [3, с. 8]. Таким образом, лексема **кремль** переходит из разряда имен нарицательных в разряд имен собственных и получает прецедентное значение тогда, когда Московский кремль становится официальной резиденцией руководителей страны и центром государственной власти, то есть после 1918 года. С 1712 года до Октябрьской революции столицей был Санкт-Петербург, Москва оставалась только духовно-религиозный центром, так как все коронации российских императоров проходили в Успенском соборе Московского Кремля и совершались митрополитами, а затем патриархами Московскими и всея Руси.

Перейдя в разряд имен собственных, лексема *Кремль*, с одной стороны, обогатилась коннотативными, метафорическими, символическими значениями, а с другой стороны, практически утратила в сознании даже носителей русского языка свое исконное значение как укрепленной части города с определенными функциями.

Анализ примеров из современных художественных и публицистических текстов позволил выделить следующие значения урбанонима **Кремль**. Источниками языкового материала послужили карты городов, данные Национального корпуса русского языка, Интернет-источники.

1) Основное лексическое значение «центральная, укрепленная часть города». Примеры: *Несколько столетии, вплоть до конца XVIII века,* ***Кремль*** *оставался в каком-то смысле обычным районом города, хотя и служил резиденцией правящего дома и высшего церковного иерарха* [Т. Панова. Житель Кремля – Фёдор Свибло. Имена в истории Москвы // Наука и жизнь, 2008]; *На берегу Волги стоит* ***Угличский кремль****, его история связана с младшим сыном*

Ивана Грозного Дмитрием [Л. Языкова. Путешествие в Углич и Мышкин // За науку, 2013]; *В этом году в Татьянин день студенты могут бесплатно посетить зоопарк в Нижнем Новгороде,* ***Вологодский кремль*** *и филиалы музея-заповедника* [Незабудка // Огонек, 2013]; *Каменные* ***кремли*** *– Тульский, Тобольский, Ростовский, Псковский, Порховский, Нижегородский, Вологодский, Астраханский, Изборский и Гдовский, а кроме того, 11 каменно-деревянных и 41 деревянный* ***кремль****, 18 ям и крепостей* [И. Петров. Потомки Ивана Грозного возьмут Казань (2010.08.18) // http://www.rbcdaily.ru /2010/08/18/focus/503307.shtml, 2010].

В этих примерах, если расширить контекст, видно, что у лексемы **кремль** произошло сужение лексического значения, так как все перечисленные кремли фактически являются музеями, то есть основную функцию концентрации политической и административной власти они утратили.

2) Адресное значение. Из разных публицистических и архивных источников известна фраза «*Москва. Кремль*».

3) Центр политической власти и государства, резиденция президента страны: *Пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков опроверг стремительно распространившуюся в Сети информацию о том, что* ***Кремль*** *порекомендовал чиновникам перестать вести свои блоги и уйти из соцсетей* [М. Клапатнюк. Быть или не быть (2013.04.08) // Новгородские ведомости, 2013]; ***Кремль*** *вынес последнее предупреждение;* ***Кремль*** *выразил желание ограничить демонстрацию этого документального фильма; Обвиняется* ***Кремль****?* [Радио Свобода]; *Нанесет ли* ***Кремль*** *удар по российской бюрократии?*

Во всех приведенных и многочисленных аналогичных примерах лексема **Кремль** в результате метонимического переноса употребляется в значении «власть, руководство государством», и из разряда неодушевленных переходит в разряд одушевленных имен существительных.

Интересен пример, который является названием научной статьи профессора Барселонского автономного университета Пучсека Фаррас Жозепа «*Историографический миф «****Кремль*** *в Барселоне»: роль советского консульства во время гражданской войны в Испании*», в которой рассмотрена деятельность сотрудников советского генконсульства в 1936-1939 годы [5].

4) Символ России: *Байкал для них и для меня такое же достояние и символ России, как* ***Кремль****, Эрмитаж или, например, матрёшка с водкой* [В. Губарев. Слева – Байкал, справа – тайга // Наука и жизнь, 2009]; ***Кремль*** *в Москве – общерусская национальная святыня, символ России* [URL: https://www.msk-guide.ru/moskovskiy_kreml.htm];

5) Метафорическое значение: ***Кремль*** *– сердце Астрахани* [Гладченко Г.А. Кремль – сердце Астрахани: монография. Астрахань, 2012];

6) Туристский стереотип: *Очень жаль, что Храм на территории* ***Кремля*** *не передан РПЦ, но проделанная работа по восстановлению ансамбля* ***Кремля*** *вызывает огромное уважение. Обязательное место для посещения. Не посетив* ***Кремль*** *и не пройдя по музейным выставкам, невозможно со всей полнотой познакомиться с Суздалем* [Отзыв на сайте Суздальского кремля]; *Говорят, что в Москве нет Старого города. А вот и не правда, есть, и им является…* ***Кремль****! В XX веке его закрыли для свободного прохода горожан, значительно перестроили, но всё же большая часть его уникальных сооружений сохранилась. Обязательно сходите на самостоятельную экскурсию по Московскому* ***Кремлю****, только при покупке билетов в кассе обязательно уточните, право посещения каких объектов они предоставляют* [Электронный ресурс: https://plan.ever.travel/ru/posts/1093-putevoditel-po-moskovskomu-kremlyu].

7) Торговая марка: водка *«Тульский* ***Кремль****», «Легенды* ***Кремля****»,* ***Kremlin*** *Award,* коньяк ***Kremlin*** *Award; Музей-заповедник «Казанский* ***кремль****» стал владельцем товарных знаков с изображениями архитектурного ансамбля Казанского* ***кремля*** *и его фрагментов.*

8) Прагматонимы: *В Верхнеуральске открылся торговый центр «****Кремль****», дизайн-студия «Белый Кремль», «Московский* ***Кремль****» является товарным знаком и принадлежит ФГУП «****Кремль****».*

Как видим из приведенных примеров, урбаноним Кремль наряду с денотативным значением географического объекта имеет коннотативное значение «верховная власть», именно с этим значением слово употребляется наиболее часто.

Оним **Кремль** и образованное от него имя прилагательное **кремлёвский** в последние годы часто используются в рекламных

текстах. Это объясняется тем, что «ономастическая лексика в целом обладает высокой национально-культурной знаковостью, так как любой оним в сфере языка и культуры воспринимается на фоне определенных ассоциаций» [4, с. 57]. В последнее время заметна тенденция использования прецедентных имен собственных в качестве прагматонимов и эргонимов.

Результаты проведенного нами ассоциативного эксперимента показывают, что использование лексемы **Кремль** в рекламных целях вызывает у испытуемых следующие ассоциации: знак высокого качества, власть, престиж, кастовость, элитарность, гордость за свою страну, могущество. К аналогичным выводам пришла А.А. Гафурова, которая, изучив использование топонимов *Казань* и *Татарстан* в рекламе, пишет: «Обращаясь к национальным именам собственным при создании рекламных текстов, производители рекламы вызывают интерес к товару или услуге, подпитывают национальное чувство реципиента, тем самым реализуется рекламная функция онима» [2, с. 132].

В научной литературе дискутируется вопрос о семантичности/асемантичности имен собственных [1]. Для решения этого спора необходимо изучать функционирование онимов, их восприятие разными группами носителей языка. Так, для большинства граждан России Кремль в Москве – это один уровень восприятия, оценки и определенный ассоциативный фон. А в сознании жителей Перми, Курска, Оренбурга, Нижнего Новгорода есть два **кремля** с разным коннотативным значением и ассоциативным фоном. Также необходимо учитывать восприятие и оценку иностранцев, которые не знают об исторической градостроительной традиции Средневековой России, для них Кремль – это символ Москвы и России. Для неносителей языка иностранные урбанонимы асемантичны, если не являются прецедентными и всемирно известными объектами.

Следует учитывать и тот факт, что в публицистике встречается и негативная оценка деятельности Кремля. Например: *Оппозиционеры отметили, что историческая политика Польши «не должна вестись под диктовку* ***Кремля****»* [URL: https://trim-c.livejournal.com/2248436.html]; ***Кремль*** *обманет всегда, он не может по-другому просто в силу самого простого дворового «а что ты мне сделаешь?»* [URL: https://nashpoz.ru /blog/ 43114259856];

На протяжении последних трех лет неотъемлемой частью политики ***Кремля*** *стала ложь* [Der Spiegel]. Таким образом, функциональные возможности использования прецедентных имен собственных достаточно широки.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что урбаноним **Кремль** имеет денотативное, коннотативное, прецедентное значения, дополняемые уникальным ассоциативным фоном, восприятие и оценка которых различается в группах носителей и неносителей русского языка. Подобные прецедентные топонимы и урбанонимы являются важными и значимыми не только для русской языковой картины мира. Постепенно формируется образ, который становится маркированным знаком мировой культуры с собственной системой представлений и ассоциаций.

Литература

1. Бугаева И.В. Красная площадь в городском пространстве и русской ментальности // Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной научной конференции, посвящённой 50-летнему юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В. А. Никонова (Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.) / под ред. С.В. Рябушкиной, В.И. Супруна, Е.В. Захаровой, Е.Ф. Галушко. В 2 т. Т. 1. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. – С. 17–23.

2. Гафурова А.А. Национальные топонимы в татарских рекламных текстах // Вестник ТГГПУ. 2011. № 1 (23). – С. 132–136.

3. Иконников А.В. Московский Кремль – формирование метафор и символических значений архитектуры // Кремли России: Сб. статей / Под ред. Н.С. Владимирской. М., 2003. С. 8–15.

4. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: монография. Волгоград: Перемена, 2004. – 288 с.

5. Пучсек Ф. Ж. Историографический миф «Кремль в Барселоне»: роль советского консульства во время гражданской войны в Испании // Новая и новейшая история. № 1. 2017. С. 55-67

6. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1983.

7. Шанский Н.М. Этимологический онлайн-словарь русского языка // URL: https://shansky.lexicography.online/к/кремль.

8. Шереметьев И.М., Лагунин И.И. Базисные атрибуты и ключевые определения понятия «русский кремль» // Научный потенциал регионов на службе модернизации. 2013. № 1 (4). С. 124–131.

НАУКА ПОЭТОНИМОЛОГИЯ: ПРОСПЕКТ МОНОГРАФИИ

В М. Калинкин
kalinkin.valeriy@mail.ru
ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»
(Донецк)

В самом конце прошлого века, когда еще только публиковалась монография «Поэтика онима», уже было понятно, что точка в последнем её предложении не отмечала конец пути. «И для автора и для любого заинтересованного читателя это только короткая остановка “на пригорке”, передышка, возможность посмотреть вокруг и выбрать направление, по которому нужно двигаться дальше» [1, с. 401]. От выхода в свет «Поэтики онима» до завершения рукописи новой книги прошло 18 лет. Срок немалый. Многое сегодня видится и понимается по-иному. Но так же, как и в первый раз, хочется пройти по всему тому пути, который преодолела филологическая мысль с момента начальной заинтересованности творческой личности поэтикой имени до современных представлений о ней.

Важнейшей особенностью (в первую очередь, для автора) можно считать двухцелевое назначение книги. Имеется в виду то обстоятельство, что, подводя итоги относительно протяжённого пути монография «Поэтонимология: προλεγωμένα» всего лишь обустраивает новую “стартовую площадку” для дальнейших исследований. Ее новизна обусловлена как интенсивным развитием ономастических наук (в том числе, в славянском мире), так и тем, что за два прошедших десятилетия только на Украине ученые Одесской ономастической школы, возглавлявшейся Ю. А. Карпенко, и Донецкой ономастической школы, руководимой Е. С. Отиным, проделали огромную исследовательскую и популяризаторскую работу в области поэтонимологии. У нас ежегодно в арифметической прогрессии росло количество работ, выходили монографии и сборники, в различных специализированных изданиях публиковались результаты поэтонимологических исследований. На протяжении двух десятилетий не было ни одной ономастической конференции, на которой не рассматривалась бы онимия художественной литературы.

В 2006 году Донецкой ономастической школой (ДОШ) совместно с Крымским центром гуманитарных исследований (КЦГИ) был дан старт уникальному проекту – международным Крымским Михайловским чтениям, конференции, посвященной исключительно проблемам поэтонимологии. Первая конференция, прошедшая в два этапа (в Горловке и Крыму) была связана с одной условной и одной реальной датой. Условная – пятидесятилетие “рождения” литературной ономастики, получившей в Донецкой ономастической школе, по предложению автора монографии, название *поэтонимология*. В 1956 году была защищена первая в СССР диссертация, посвященная литературно-ономастическим исследованиям: «Собственные имена в русской литературе XVIII – первой половины XIX века, их функции и словообразование»). Реальная – юбилей (80-летие со дня рождения) автора этой диссертации Всеволода Николаевича Михайлова. С неё мы ведем счёт «Крымским Михайловским чтениям». Не зависящие от организаторов форс-мажорные обстоятельства лишили нас возможности проводить конференции сначала в Крыму, а затем и в Святогорске, где «Михайловские чтения» проходили одновременно со «Святогорскими ономастическими чтениями». Последние конференции вообще проходят в смешанном режиме: частично “вживую”, частично в Интернете. Не теряя надежды на будущее, мы, независимо от способа сотрудничества (реального или виртуального), сохраняем неизменным название ежегодных встреч – “Крымские Михайловские чтения”. В развитие проекта Фонд гуманитарных исследований и инициатив “Азбука” выпустил первый том Антологии поэтонимологической мысли «Наследие. Наследники», включающий практически во всей полноте [кроме огромного (596 стр. машинописи) текста диссертации] литературно-ономастическое наследие В. Н. Михайлова и материалы первых Михайловских чтений. Если не помешают обстоятельства, одновременно с монографией будет опубликован следующий том Антологии...– «Истоки», в котором, по замыслу составителя, будет в форме хрестоматии представлена предыстория поэтонимологии. Готовится и уже осуществляется серия мероприятий, посвящённых 90-летию (18 февраля 2018 г.) со дня рождения В. Н. Михайлова. А в декабре “год Михайлова” завершится научными поэтонимологическими чтениями в Горловке.

Вместе с тем, лавинообразный рост нерешенных вопросов и острых проблем, касающихся судьбы и будущего поэтонимологии, убеждает, что всё это, повторюсь, снова только начало пути. Как остроумно заметил Ю. А. Карпенко в предисловии к своему итоговому сборнику: «<…> літературна ономастика – дуже важка дисципліна. Майже все, написане про неї, належить до “перших шкиців”, за якими рано чи пізно прийде глибше пізнання» [2, с.3]. Несмотря на то, что в книге осуществлена очередная попытка систематизации, она, пользуясь словами о. П. Флоренского, во многом пока “соцветие, даже соцветия, вопросов, часто лишь намечаемых, и не имеющих ещё полного ответа” [3, с.12]. Поэтому книга, не столько подводящая итог, сколько подготавливающая “плацдарм” для новых исследований, имеет в своем названии определение “Προλεγωμένα” – “Введение”. Как и положено во введении, в ней много внимания уделено базовым понятиям. В конце концов, от прочности и особенностей конструкции фундамента во многом зависят свойства возводимого сооружения. Во всех случаях, когда то или иное понятие определяется как базовое, выбор обосновывается, введение нового термина или терминированного сочетания непременно объясняется, а его целесообразность доказывается.

Каждая из Частей (томов) этой монографии может рассматриваться как самостоятельное издание. Вместе с тем, все они проникнуты единством замысла: показать разные стороны одной научной дисциплины – поэтонимологии.

Монография в целом, с одной стороны, представляет собой своеобразный Отчёт о проделанной работе, а с другой, похоже, Проект специализированной исследовательской лаборатории. Всё в нём – и сравнительно неплохая, во всяком случае, любовно подобранная “библиотека”, и традиционные “инструменты”, и новейшее “оборудование” – предназначено для проникновения в таинственную область видоизменений Имени, копящего потенциальную энергию для превращений и трансформаций, стремящегося стать и становящегося Поэтонимом, но не теряющего надежд на новые метаморфозы. И всё в книге, как и подобает Проекту, предназначено для широкого и нелицеприятного обсуждения.

Издание посвящено преимущественно научному направлению, изучающему собственные имена в художественной литературе. Затрагиваемые в ней смежные проблемы – всего лишь фон, без которого, правда, “фигура” будет выглядеть недостаточно объёмной и многогранной. Порядок расположения её частей таков, чтобы вначале в определенной мере отразить движение пытливой мысли литераторов и ученых к постижению образных возможностей собственных имен, затем проторить несколько новых путей к неизведанным или недостаточно исследованным пока областям науки о поэтике собственных имён. Книга состоит из пяти частей, каждая из которых мыслится как относительно завершеный текст, содержащий необходимую для понимания сущности затрагиваемых вопросов информацию. Главная тема каждой части обозначена заголовком, называющим составную часть представленного монографией научного направления.

В главах части I **«Поэтоним»** можно найти сведения о важнейших предпосылках, приведших исследователей собственных имен к необходимости заняться их изучением в уникальной по свойствам среде – художественном произведении.

«Введение» содержит краткую информацию, касающуюся метаязыка поэтонимологии, смыла названий всех частей монографии, и сведения о составе Части I книги.

Глава первая «К истории литературной ономастики. Основания» посвящена истокам и началам науки о собственных именах в художественных произведениях, а также краткому очерку истории “литературной ономастики” (научного направления начального периода развития поэтонимологии). Отстаивается мнение об историко-литературном процессе как предпосылке “рождения” поэтонима. В самом процессе обозначены периоды “естественной” философии онима, ономастического рационализма и зарождения отношения к имени как к эстетическому компоненту литературного быта и культурно-языковой ситуации.

Глава вторая «Семантика» касается одного из наиболее дискутируемых и наименее “созревших” для консенсуса вопросов поэтонимологии о содержательной стороне собственных имён вообще и собственных имён, функционирующих в литературно-

художественных текстах. Рассмотрен феномен поэтонима в структуре «Текст – Контекст – Подтекст – “Интертекст”»

Глава третья «Поэтика», с одной стороны, является естественным продолжением разговора о семантике онимных единиц, а с другой, посвящена “фигуративным” возможностям онимии в художественной речи. Особое внимание уделено роли метафор и аналогий, аллюзий и реминисценций в эстетике поэтонима, а также “ономастическим” перифразам.

Глава четвертая «Название произведения как поэтоним» содержит анализ различных точек зрения на феномен заголовка художественного текста и предложения автора, касающиеся того, каким образом можно и нужно его исследовать.

Глава пятая «Синергетическая семантика и конгенеративная поэтика сочетаний с онимами» посвящена одному из важнейших вопросов поэтонимологии: контексту как “среде обитания” поэтонимов, их взаимодействию и взаимовлиянию. Эта последняя глава подготавливает почву для рассмотрения явления поэтонимогенеза, которому посвящена Часть 2 монографии.

Часть II **«Поэтонимогенез»** описывает динамику развития содержательной структуры собственных имён в процессе их функционирования в литературно-художественных текстах и речевой практике “до” и “после” исполнения всех заданных художественным произведением ролей и функций. Она является закономерным продолжением размышлений о поэтониме как своеобразной единице художественной речи.

В первой главе «Вводные замечания. Лексигенез» рассмотрены начала (истоки) филологических идей, основывающихся на представлении о языке как о динамической системе. В рамках лингвоисториографического освещения проблемы выделены факторы, дающие основание для понимания функционально-семантических явлений, возникающих в онимии, “бытующей” в художественной речи, как проявлений поэтонимогенеза.

Глава вторая «Механизмы лексигенеза» осмысляет и трактует различные стороны процессов, включая транспозиции и трансонимизацию, как один из основных “естественных” факторов, способствующих обострению внимания авторов

художественных произведений к потенциальным изобразительным возможностям поэтонимогенеза.

Глава третья «Онимогенез как форма существования имени» полностью посвящена динамической сущности феноменов, порождённых функционированием собственных имён в речи, “удобряемой” эстетическими задачами и установками.

Глава четвертая «Диалектика имени: апеллятив – оним – коннотоним – поэтоним» посвящена функционированию онимии в контексте, понимаемом, по А. Ф. Лосеву, как “широчайший принцип”, и способствующем уточнению и прояснению особенностей взаимоотношений между именем, образом, денотатом и/или референтом в поэтонимах.

Глава пятая «Вариации поэтонимогенеза» рассматривает генез имени в рамках литературного произведения и место поэтонимогенеза в онимогенезе как явлении “глобального” в онимии характера.

В части III **«Поэтонимосфера»** рассказывается о рождении принципиально нового подхода к изучению поэтики собственных имён, зародившегося в рамках Донецкой ономастической школы и уже получившего развитие в некоторых трудах поэтонимологов.

Глава первая «История “ономастического” подхода: от ономастического пространства к поэтонимосфере» представляет исторический очерк последовательного осмысления явлений, происходящих в “топономастическом”, (позднее – ономастическом) пространстве языка как предшествующих исследованию явлений, характерных для “ономастического”, (позднее – онимного) пространства литературного произведения и преобразовавшихся в трудах ДОШ в разработку идеи поэтонимосферы.

Глава вторая «Поэтонимосфера как система» рассматривает те свойства совокупности собственных имён, функционирующих в художественном произведении, которые дают основание для признания её именно системой. Далее на множестве примеров показана эффективность системного подхода к изучению поэтики онимов, предложены приёмы и способы, конкретные методики и, наконец, метод изучения поэтонимосферы конкретного художественного произведения.

В главе третьей «Роль поэтонимосферы в хронотопе художественного произведения» рассмотрены различные подходы к осмыслению закономерностей взаимодействия поэтонимосферы с другими средствами образности и их совокупная роль в формировании хронотопа художественного произведения.

В части IV **«Поэтонимография»** представлены результаты онимографических и поэтонимографических опытов автора монографии и его учеников, уже осуществлённых и продолжающихся, при описании поэтонимии значительных произведений русской литературы.

Глава первая «Из истории лексикографии собственных имен» освещает, как явствует из её названия, историю решения задач описания собственных имён в словарях различных типов в глубокой ретроспективе, начиная от “сносок” в древнейших памятниках письменности и заканчивая современными словарными “предприятиями”.

Глава вторая «Постановка проблем онимографии» посвящена всестороннему обсуждению комплекса вопросов, связанных с представлением онимного материала в словарях различных типов.

Глава третья «Онимография поэтонимов» рассматривает проблемы, связанные с описанием функций собственных имён в художественных произведениях, решает специфические задачи комментирования поэтики онимов и баланса литературоведческого и языковедческого подходов в них.

Глава четвертая «Словарь языка писателя и проблемы онимографии» рассматривает важнейшую проблему писательской лексикографии, касающуюся отношения к собственным именам как самих писателей, так и составителей соответствующих словарей. На материале “Словаря языка Пушкина” показаны отрицательные стороны решения об исключении значительной части онимного материала из состава словаря.

Последний раздел монографии, обобщая результаты, определяет перспективы развития и формулирует важнейшие задачи Филологии Имени как специального комплексного направления исследований собственных имён в Жизни и Литературе.

Каждый из томов монографии завершают различного рода вспомогательные материалы. А последний том содержит сведённые

воедино вспомогательные материалы: 1) упорядоченный словарь терминов, 2) предметный указатель, 3) указатель имён, упомянутых в монографии, 4) указатель онимов и поэтонимов из процитированных или описанных текстов, 5) полный список отреферированной, цитировавшейся и использованной литературы, 6) список произведений художественной литературы, использовавшихся в качестве иллюстративного материала.

Первый том монографии запланирован к опубликованию в четвёртом квартале 2018 года.

Литература

1. Калинкин В. М. Поэтика онима. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
2. Карпенко Ю. О. Літературна ономастика: Збірник статей. – Одеса: Астропринт, 2008. – 328 с.
3. Флоренский П. А. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. – М.: АСТ, 2009. – 346 с.

НОВАЦИИ И ДЕФОРМАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК СЛЕДСТВИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Г.В. Клименко
gal.klim2009@yandex.ru
Московский государственный лингвистический университет
(Москва)

Общей тенденцией развития современного русского языка конца XX - начала XXI века является его демократизация, под которой понимается усиление влияния устной речи на письменный язык, размывание стилистических границ, проникновение в кодифицированный литературный язык просторечия, жаргонизмов, профессионализмов, а также нашествие заимствований из разных языков, в основном американизмов. Все эти явления описаны в работах Костомарова В.Г., Валгиной Н.С., Земской Е.А., Марковой Е.М., Бельчикова Ю.А. и др. Однако отношение ученых к подобным явлениям неоднозначно. Так что же такое демократизация языка – либерализация, вульгаризация или креативизация?

В настоящее время трансформации современного русского языка очевидны. Но процессы внутренних и внешних заимствований характерны не только для нашей эпохи. Они происходили постоянно на протяжении всей его истории. Рассмотрим подробнее некоторые современные языковые тенденции.

В данной работе мы ограничимся анализом лексического и словообразовательного уровней, т.к. именно они быстрее всего реагируют на социальные, политические, экономические изменения, и постараемся классифицировать те факты языка, которые связаны с межъязыковыми и межкультурными контактами. В русском языке издавна существовали заимствования из греческого, немецкого, английского, голландского, французского, а также из тюркских языков. Однако специфика нашего времени в том, что Россия находится в несколько пассивной позиции по отношению к иноязычному влиянию. В процессе взаимодействия культур возможна ситуация, когда «чужое» временно подавляет или вытесняет «свое». Диалог культур в целом явление положительное. Сопоставляя разные реалии, овладевая тем или иным иностранным языком, человек познает и адаптирует смыслы иной культуры. Однако глобальное информационное пространство привело к разрушению классических форм культуры, где господствовали традиции, складывавшиеся веками. Сейчас новое коммуникационное пространство создает свои правила и способы общения, свои стереотипы, другими словами, новую фактуру речи, новую массовую культуру. Этим объясняются и жаргонизация литературного языка, и «бум» заимствований, захлестнувший нашу исконную лексику, и различные многочисленные солецизмы. Как отмечает В.Г. Костомаров, «для характеристики этих весьма бурно развертывающихся процессов подходит термин либерализация, ибо они затрагивают не только народные пласты общенационального русского языка, но и образованные, оказавшиеся чуждыми литературному канону последних десятилетий. В целом литературная норма становится менее определенной и обязательной» [3,с.1]. Выводы других лингвистов носят более пессимистический характер. Так, в работе Петровой Н.Е.и Рацибургской Л.В. «Язык современных СМИ» говорится о том, что «новые тенденции в культуре речевого общения, обусловленные либерализацией общественных отношений и де-

мократизацией норм русского литературного языка, делают особенно актуальной проблему экологии русского языка, вербальной агрессии в обществе в целом и в СМИ в частности. … Обществу предлагаются порочные образцы речевого поведения, когда агрессивность становится частью языковой личности» [5,с.1].

Обратимся далее к неологизмам-заимствованиям. Их появление закономерно и обусловлено прежде всего потребностью в номинации новых реалий как в бытовой, так и в политической и экономической сферах.

Первая группа – в большинстве своем прямые заимствования из американского варианта английского языка, которые, однако, адаптируются к русской грамматической системе, приобретая соответствующий тип склонения и категорию рода и приспосабливаясь к нашим фонетическим законам: *биткоин, баттл, брексит, брокер, гаджет, дайвинг, дилер, дистрибьютер, ди-джей, имидж, имидж-мейкер, джем-сейшн, клип, клип-мейкер, маркет, маркетинг, ремейк, саундтрек, рэпер, фейк, файл, хит-парад*, *хот-дог, офис, офшор* и др. Опросы, проводимые социологами и лингвистами, показывают, что 53% людей постоянно используют англицизмы в речи, т.к. часто заимствования не имеют аналогов или являются профессиональными терминами: «*Ученые-лингвисты называют несколько источников, из которых к нам бурным потоком хлынули чужие слова. Первый – реклама. А иначе «какой у нас ризон ту билив?». Другие важные источники – это Интернет (не погуглишь – не найдешь нужной информации), кинематограф и музыка, внесшие в нашу жизнь блокбастеры, саундтреки, хиты и римейки*» [metronews.ru,05.10.2010].

Подгруппу составляют заимствования, которые уже пишутся кириллическим шрифтом, но пока еще не склоняются: *селфи, пати, мани, суши, татами, ниндзя, кэш, мюсли, кутюрье, прет-а-порте*. В этой подгруппе не только американизмы, но и галлицизмы, и заимствования из японского. Приспособление иноязычных неологизмов хорошо демонстрирует слово *бутик (*из фр.*boutique).*Оно быстро обрело «вторую родину» и стало не только склоняться, но и дало прилагательное-дериват *бутиковый: «Бутик «Kenzo», как всегда, наполнен загадочной атмосферой Востока. Здесь представлена одежда знаменитого кутюрье Кензо*

Токады – японца, первым покорившим Париж в 80-е годы. Клиенты «от кутюр» во всем мире проводники новых идей модельеров» [газ. Известия, ноябрь, 1995]; «*Разработчик Кейси Джонс утверждает, что устройство может превратить молодое дешевое вино из супермаркета в бутиковый раритет*» [А.Сидоров.Вкусовой коллайдер.//РБК Daily,2009.09.11] .

Ко второй группе отнесем кальки с английского : *мышь* в зн. «периферийное устройство для компьютера» (mouse), *колеса* в зн. «наркотики» (drugs), *жизненный уровень* (standart of life), *утечка мозгов* (brain drain), например: «*Надо мысленно пошевелить левой рукой, напрячь мышцы, чувствовать, как компьютерная мышь прижимается к руке*» [А.Волков. Жизнь всегда начинается заново // Знание—сила, 2008]. Отметим также варваризмы, встречающиеся в основном среди эргонимов : *кафе Grand Pizza, кафе Nostalgi, ресторан Liberty, клуб Night flight* и др. И, наконец, отметим многочисленную группу «мутантов», т.е. слов, в написании которых используется как кириллица, так и латиница: *ДухLess*(книга С.Минаева), *PR-технологии, SMS-ка (эс-эм-эс-ка), Nomoфобия* (боязнь остаться без мобильника), *Hit-парад* и др. В этой группе можно встретить деконструкции имен собственных: *айбиэмеры* (фирма IBM), *Пентюх* (компьютер марки Pentium), *Аська* (программа ACQ) и др. Глянцевые гламурные журналы и реклама дают множество примеров слов-мутантов: «*Крем SPF и бальзам для губ тоже маст хэв»; «Услуги инструктора: занятие tet-a-tet или в мини-группе стоит 250 евро»; «Топовым цветом губ по-прежнему остается красный. Для селебритис это уже повседневный look*» [ж. Cosmopolitan, ноябрь, 2017]. Этот тип смешанных образований наиболее нежелателен для употребления, но он тесно связан с модой, вкусом определенных возрастных и социальных групп: «Модное онимоупотребление, понимаемое как современный, массовый и престижный выбор той или иной формы имени в определенных коммуникативных ситуациях, рассматривается как составная часть модного речевого поведения современного носителя русской лингвокультуры, обусловленного влиянием глобализации и распространением эстетики постмодернизма» [1, с.11]

В отдельную группу выделим русские сложные слова с иноязычной частью, представляющей аффиксоиды, например:

бизнес *– бизнес-центр, бизнес-школа, бизнес-партнер, бизнес-форум;* ***топ*** *— топ-лесс, топ-модель, топ-менеджер, топ-десятка;* ***секс*** *— секс-шоп, секс-символ, секс-рабыня, секс-скандал;* ***фон*** *— смартфон, бабушкофон (окказ.)* Последнее слово *бабушкофон* образовано по аналогии с давно известными в русском языке словами *телефон, магнитофон* и др., но первая часть – русский корень. В данном случае с помощью традиционного аффиксоида возникло новое, креативное образование: «*Простой смартфон подойдет пожилым людям, которые любят чатиться в мессенджерах и проверять погоду на виджетах. Это может быть аппарат с крупными кнопками и ярким экраном. На выпуске «бабушкофонов» специализируются такие компании, как Just5, Texet и др.*» [РГ, 9 ноября 2017].

Перейдем теперь к неологизмам, образованным в соответствии с русскими словообразовательными типами, но с заимствованной мотивирующей основой. Здесь отмечено много глаголов, в основном из компьютерного жаргона: *кликнуть, зипить, аржить, апгрейдить, бэбиситтерствовать* (работать няней), *коннектиться, чатиться, пиариться: «Аржить оказалось сложнее, чем зипить», «Пытался апгрейдить с минимальной потерей данных»* [ж. «Весь компьютерный мир», 1996, №2].

Однако наибольшее количество неологизмов с иностранным корнем и русскими аффиксами составляют имена существительные и прилагательные: *хайратник, шопник, шопоголик, пиарщик, дилерский, мафиозный, маркетинговый, спонсорский, офшорный, панковский, рэперский, имиджевый, хитовый* и др., например: «*Появление большого количества сильных картин показывает, что мы нарабатываем общий имиджевый капитал» [С.*Альперина. Как наше кино стало «Легендой». РГ, 7 дек.2017]; «*Достижение успеха дается пиар-команде нелегким трудом, требующим упорства, смекалки и соответствующих знаний – такими инструментами пользуются пиарщики*» [«Экстра-М», январь, 2001]; «*Рэперские тусовки легко вычислить по характерной музыке и прикиду: штанам, спущенным чем ниже, тем лучше, и примелькавшимся бейсболкам* » [АиФ, № 45, 1995].

Все вышеназванные неологизмы, являющиеся русскими дериватами с иноязычными корнями или аффиксоидами, ярко демонстрируют межъязыковые и межкультурные взаимосвязи.

И наконец, последняя группа, также чрезвычайно многочисленная, это новообразования, возникшие на базе нашей словообразовательной системы. Хотя они не относятся к иноязычной лексике, но прекрасно демонстрируют креативность мышления современных носителей русского языка. Среди них выделяются образования по аналогии, имеющие экспрессивную окраску: *зломенитый, домогант , жизнелюбимый, обеззлобливающий, живоглупие, брехлама (реклама), прихватизация, кумироточение, сетячий (тот, кто сидит в соцсетях), незомбисимость (т.е.независимость мышления): «Да вы, батенька, зломенитый домогант» (заголовок статьи в КП,28 12.2017); «Новопридуманных слов набирается несколько десятков. Приведем некоторые из этого списка : 1-е место. Домогант – по поводу тех, кто кого-то домогается…. 3-е место – зломенитый, т.е.знаменитый своими злодействами. Например: зломенитый Малюта Суратов…» (там же)* . Их уже столько, что в РФ с 2007 г. проводится *конкурс «Слово года» и «Неологизм года».*

Таким образом, в настоящий момент мы наблюдаем не только нашествие иноязычных слов (а, следовательно, элементов иноязычных культур), но и их постепенную адаптацию, сопровождаемую иногда вульгаризацией и варваризацией русской лексики. Кроме того, обнаруживаются потенциальные возможности нашей деривационной системы. «Большинство новообразований относится к живой разговорной речи, а некоторые даже к просторечию. Но ненормированность ряда новых слов не является препятствием для их изучения, т.к. демонстрирует общее направление и характер изменений в лексической и словообразовательной системе русского языка» [2,с.7].

Ответить на главный вопрос наших дней, приведет ли глобализация к возникновению единой общечеловеческой культуры, в данный момент невозможно. Что же касается более частных вопросов, то на основании проанализированных в статье языковых тенденций можно с уверенностью утверждать, что негативные явления относятся в основном к области речи. В области же языка происходят хоть и бурные, но закономерные процессы. Определяющими критериями вхождения или невхождения в язык являются функциональность и частотность употребления того или иного

слова. Дальнейшая судьба новаций будет определяться социальными потребностями общества: останется прежде всего то, что является номинациями новых понятий, предметов, явлений. Мода, вкусовые параметры, конечно же, могут повлиять на словарный состав, но они не затронут саму систему языка. Распад прежних эстетических и этических стереотипов сильнее всего отзовется на нормах, которые будут пересматриваться и перерождаться.

Как пишет Е.М. Маркова, «до какого состояния доведет язык тенденция демократизации, сказать трудно, это во многом зависит от его носителей, которые не должны допустить, чтобы демократизация превратилась в языковой беспредел» [4,с.210].

Литература

1. Врублевская О. И. Язык и мода в русской ономастике. Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. Волгоград, 2017. – 41с.

2. Клименко Г.В. Лингвистическое описание семантики новообразований в учебных целях //Русский язык в национальной школе. №9, 1986. - 65 с.

3 .Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб. : Златоуст, 1999. – 447 с.

4. Маркова Е.М. Демократизация русского литературного языка как ведущая тенденция его развития. // Сб. трудов конференции «Русский язык в славянской межкультурной коммуникации 27 февраля 2017 г». М.: МГОУ, 2017. – 352 с.

5.Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии. М.: Флинта. Наука, 2011. – 160 с.

6. Толковый словарь русского языка конца XX века / под ред. Г.Н.Скляревской. СПб.: Российская Академия наук, Институт лингвистических исследований, 1998. - 700с.

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА И КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ЛИЧНОСТИ

В.И. Ковалёв
kovalev477@gmail.com
Луганский национальный университет имени Т.Г. Шевченко
(Луганск)

Объектом для современной лингвистики креатива чаще всего служат потенциальные возможности системы языка и их реализация в художественных, рекламных и публицистических текстах, а также в детской речи. Однако «вся речевая деятельность креативна в широком смысле слова, по своей природе, поскольку в ней язык постоянно самогенерируется» [4, с. 31].

Тенденции современной коммуникации заключаются в «сужении диапазона стилевых регистров, примитивизации понятий, игровом переворачивании важнейших запретов и превращении массово-информационного дискурса в форум для всего населения, в информационно-эмоциональное взаимодействие всего общества» [7, с. 182]. Позитивным промежуточным итогом указанных процессов является «победа экспрессивного над стандартным», которая «раздвинула границы выразительных возможностей языка» [1, с. 141]. В трудах русистов частотным обобщающим словом для характеристики коммуникативного поведения современников служит *раскрепощение / раскрепощённость*.

В таких условиях неизбежно изменяются общественные оценки *допустимого*, *интересного* и *нормального* по отношению к общению. Оригинальность формы выражения постепенно воспринимается как условие эффективности коммуникации в самых разных дискурсах. Полководческий девиз генералиссимуса А.В. Суворова «Удивить – значит победить» стал навигатором для пишущего, говорящего и кнопающего. Это приводит к лавинообразному увеличению в речевом общении проявлений индивидуального творческого мышления, которые уже с трудом поддаются регистрации, анализу и систематизации. Вероятно, пришёл черёд усилить анализ синтезом: перейти от изучения отдельных **лингвокреатем** (по А.П. Сковородникову), **лингвокреативных феноменов** (по Е.Н. Ремчуковой), их классифицирования – к объяснению способов их

создания и прагматической функции. Иными словами, от лингвистики и стилистики креатива – к лингвометодике, лингводидактике, риторике креатива.

В нашем исследовании способность к творческому использованию лингвостилистических средств, «игры с языковой системой» рассматриваются как важная составляющая коммуникативной компетенции личности. В современном, гиперинформативном и гиперкоммуникативном мире для успеха в разных видах деятельности необходимо владеть комплексом приёмов речевого воздействия и анализа. В XXI в. появился ряд перспективных специальностей, которые требуют высокого уровня языковой креативности (бренд-менеджер, контент-менеджер, копирайтер, политтехнолог). Сильная коммуникативная личность – это, как правило, и креативная языковая личность.

Исследование, проведённое в 2017 г. красноярской учительницей Т.А. Шароглазовой, показало, что школьники с 14–15 лет способны без предварительного обучения создавать окказионализмы методом **корнесловия** (по М.Н. Эпштейну), но качество этих «слов на заказ» невысоко. Кроме того, в их интернет-текстах применяются функционально адекватные лингвокреатемы, в основном на синтаксическом и лексическом уровнях [9].

Вызывают интерес лексемы, образованные учениками Т.А. Шароглазовой с установкой – создать однословное наименование *периода подготовки к экзамену*. Предварительно была проведена беседа, в ходе которой намечены ориентиры семантического объёма: *период, школьники, готовиться к экзаменам, консультации, задания по контрольно-измерительным материалам, дата начала, ОГЭ (ГИА), ЕГЭ, длительность* [9, с. 45]. Показательно, что вопреки установке на обозначение *периода*, подавляющее большинство неодериватов семантически связаны с процессом подготовки и интенсивностью работы, причём часто с отрицательной коннотацией: *подготовщина, ГИАтовка* (подготовка к ГИА), *многочитайка, напряжум, недосыпка, стрессодни, экзязва*… Негативная оценка увеличивалась вместе с возрастом испытуемых.

Более сложным стало второе задание, что проявилось в меньшем количестве и худшем качестве новообразований. В установочной беседе, аналогично первому этапу, в ходе обсуждения вопроса «Что значит быть *патриотом*?» был уточнён семантический

объём существительного и сформулирована задача: придумать к нему синонимы, состоящие из русских корней. Очевидно, что данное понятие шире и сложнее предыдущего.

Глубина смысла предопределила преобладание сложных и сложносокращённых новообразований: *родинолюб, родиноулучшатель, отечгорлюб, герород, русолюб, любросс, ВГР (Верный Гражданин России)* и, разумеется, *Путиналюб*… Довольно активна деривация по аналогии с исходным словом *патриот : гордиот, гражданот, культуриот*. Не обошлось без проявлений молодёжной иронии: *водколюб, питьелюб, балалайкалюб* [9, с. 48–50]. При желании в них можно отыскать отражение национально-культурных стереотипов русской языковой картины мира…

Наш анализ экспериментального материала, собранного Т.А. Шароглазовой, показал, что в ряде слов, образованных участниками эксперимента, проявились следующие пробелы в их коммуникативной компетенции.

1) Коннотационная глухота: создание либо употребление языковых средств, которые неблагозвучны вследствие незапланированной и незамеченной двусмысленности. К примеру, ***историот*** (по замыслу, контаминация *история+патриот*, но допускает ассоциацию с *идиот, Искариот*), ***родинолюбот*** (*Родина+любить*+суффикс из *патриот*, но ещё *любой, бот*), ***уважот*** (*жжёт*), ***отжирод*** (ОТдать ЖИзнь за РОДину, но ещё *жир*), ***днад*** (*нароДНые трАДиции*, но ещё *дно, ад*).

2) **Функциональная слепота**: создание либо употребление языковых средств, которые неудобны для использования в определённой функции. Например, ***жизвстранкотлюб*** (*ЖИть В СТРАНе, КОТорую ЛЮБишь*), ***жизньзародинуотдаватель***, ***гордоку*** (*ГОРдость ДОстижениями КУльтуры*).

Примечательно, что приведённые лингвокреатемы включены экспериментатором в разряды удачных примеров. Таким образом, указанные пробелы свойственны не только школьникам.

По итогам своего исследования Т.А. Шароглазова пришла к выводам, что в лингвистике креатива уделяется недостаточно внимания изучению речи подростков, хотя данный возраст является перспективным для языкового творчества: ему присущи стремление выделиться на общем фоне, отсутствие боязни ошибиться, поиск новых путей самовыражения [9, с. 68].

К этому добавим следующее. Только заданий, стимулирующих лингвокреативность, недостаточно. Нужна комплексная работа, предполагающая на начальном этапе наблюдение, анализ и оценивание лингвокреатем в уже существующих текстах. И только когда ученик сформирует осмысленное представление «Что такое хорошо и что такое плохо в языкотворчестве», хотя бы на упрощённом, научно-популярном уровне – ему можно давать задания, связанные с самостоятельной лингвокреативной деятельностью.

Серьёзного внимания заслуживает идея Т.А. Гридиной. Она предлагает для развития лингвокреативных умений в младших классах использовать задания на продолжение игрового текста по заданному алгоритму. А для старшего возраста рекомендуются написание синквейна и «методика создания поля креативных номинаций и текста на их основе». Последнее предполагает два этапа: 1) конструирование тематической группы лексем от определённого слова-стимула; 2) сочинение текста по ключевым словам, в роли которых выступают эти дериваты. [5, с. 145]

И здесь следует добавить: эти задания имеют учебно-тренировочный характер и не предусматривают выхода в реальную коммуникацию. Без устранения указанного недостатка обучение школьников лингвокреативным приёмам будет формальным: языкотворчество не выйдет за пределы аудитории и не войдёт в арсенал средств воздействия, которые применяются в повседневном общении для достижения прагматических интенций.

На основании вышеизложенного мы поставили перед собою в данной статье **цель**: проанализировать результативность применения различных лингвокреативных заданий в интересах развития коммуникативной компетенции личности. **Материал исследования** составили творческие работы учащихся 5–11 кл. и студентов I курса, которые выполнялись по заданию автора в процессе изучения программных лингвистических тем на протяжении 2000–2017 гг. Объём статьи не позволяет изложить все материалы и выводы, даже вкратце – здесь мы охарактеризуем только начальный этап обучения и приведём минимум примеров.

Концептуальным принципом нашей опытной работы служит языковое творчество в коммуникативно-прагматическом контексте. Иными словами, лингвокреатемы создаются применительно к определённой коммуникативной ситуации и практической цели.

Так, задание по подбору русского синонима к заимствованной лексеме (в ходе учебной игры «Я диктор телевидения») мы формулировали для старшеклассников следующим образом: «Замените в тексте новостей выделенные слова более выразительными синонимами, которые помогут зрителям увидеть сказанное.

К фразе *Сегодня мы увидим* ***дерби*** *лидеров* были предложены такие слова-кандидаты: *поединок, схватка, бой, боище, дуэль, противостояние, сражение, битва, мега-матч*. Подобные задания стимулируют активность, заинтересованность и вдумчивость, поскольку ясно обозначают свою ценность для реальной самостоятельной жизни, завтрашней либо уже сегодняшней.

Ещё одним принципом нашего эксперимента является предъявление необходимого теоретико-практического минимума на предкреативном этапе. Оно включает сведения о жанровых особенностях создаваемого текста и анализ типичных образцов. К примеру, при обучении старшеклассников и студентов I курса созданию афоризмов, основанных на риторическом сравнении, – на ряде занятий постепенно сообщается о его логической структуре и средствах выражения, частотных ошибках и способах их предотвращения… По мере накопления теории усложняется практика: учащиеся переходят от анализа заранее подобранных афоризмов – к созданию своих, а потом к самоанализу и саморедактированию. Приведём некоторые из них, сочинённые для коммуникативной ситуации «Я убеждаю младшую сестру, что ей не надо курить».

Курящая девушка как выхлопная труба машины: хочется быстрее пройти мимо. Курящая девушка как цветок, обработанный химикатами: скоро увянет. Курение для красоты всё равно что огонь для картины: сжигает дотла, оставляя лишь кучку пепла.

Учащимся 5–7 кл. предлагаются иные задания, более соответствующие возрасту. Например: «Вы хотите послать друзьям свои фото красивой зимней природы. Придумайте такую тему, чтобы адресатам сразу захотелось открыть ваше электронное письмо». Как вариант, применяется сочинение подписей под снимками / рисунками.

Однако в этом возрасте, при должном предъявлении необходимого теоретико-практического минимума на предкреативном этапе, возможно успешное выполнение и более трудных заданий.

Так, большинство участников опытного обучения уверенно освоило языковую игру, основанную на переосмыслении внутренней формы слова. В нашем исследовании лингвокреативная деятельность ставится на службу орфографии: игра с языковым материалом прагматично завершается созданием микротекста, который облегчает запоминание непроверяемых буквосочетаний. На первом этапе школьники находят внутри слов, правописание которых следует запомнить, новые корни и даже лексемы: *фантазия – фа, фан, фант, «фанта», таз, Азия, и, я* и даже самолёт *«Ан»*. На втором этапе им демонстрируются образцы мнемонических текстов по орфографии и сообщаются основные правила их создания. На третьем – ученики самостоятельно создают подобный текст, обычно в стихотворной форме:

Фаны пили «фанту» в Азии,
Не забыли о фантазии.

Как правило, требуется и четвёртый этап: редактирование, индивидуальное либо коллективное, под управлением учителя. Оно помогает не просто усовершенствовать текст применительно к его главной прагматической задаче (облегчение запоминания непроверяемой орфограммы), но ещё развивает лингвокреативную зоркость и языкотворческий опыт.

Эффективность заданий лингвокреативной направленности проявляется в устойчивой активизации интереса к русскому языку, обретении позитивного опыта употребления изучаемых языковых средств для достижения прагматических интенций, в овладении новыми речевыми жанрами. Всё это способствует развитию коммуникативной компетенции личности.

Поскольку такая работа проводится попутно изучению программных тем, выбор языкового материала и жанровой формы для лингвокреатива диктуется основными задачами школьного курса. Для эффективного синтеза обязательного и дополнительного в учебном процессе – необходимо новое методическое обеспечение: алгоритмы создания, применения и анализа лингвокреатем, тексты-жанровые образцы, научно-популярное изложение теоретического минимума и средства наглядности к нему, а также примеры актуального наблюдения за окружающей речевой средой.

Накопленный лингвистикой креатива материал практических наблюдений, анализа и теоретических обобщений позволяет ставить вопрос о включении его наиболее актуальных частей в содержание обучения русскому языку в школе и вузе, независимо от специализации. Исследование современных научных источников свидетельствует, что стихийное овладение языкотворческими умениями уже активно происходит: окказиональные словотворения часты в профессиональной коммуникации представителей самых разных специальностей [3]. При этом зачастую необычно проявляется полиинтерпретационный потенциал языковых средств [2].

Правда, Г.Р. Доброва экспериментально доказала, что одни дети больше склонны к лингвокреативности, а другие меньше [6, с. 39]. Однако это свойственно и взрослым. В монографии профессора В.К. Харченко находим наблюдение и вывод: «Среди знакомых автора к особо талантливым в языкотворческом отношении личностям можно отнести порядка двадцати человек, что свидетельствует, как редок, почти уникален талант языкотворчества в общем пространстве стихийного всеобщего говорения» [8, с. 29]. И ещё одна проблема: «Но даже такой состав особо интересных в языковом плане людей неоднороден. Одну группу составляют мастера ответных реплик, привносящие свой талант в диалоговые цепочки. Другую группу образуют лица, языкотворческий дар которых заметнее проявляется в монологической форме, фрагментах монологов. Третья группа – это люди, специализирующиеся на эстетике комплимента. Есть мастера утешения, есть великие комики, способные юмористически раскрасить любую ситуацию» [8, с. 29].

По нашим выводам, разница в изначальной, природной, «врождённой» лингвокреативности и неуниверсальность этого дара у разных людей, жанрово-функциональная ограниченность в его проявлениях – только усиливают актуальность организации системной работы по развитию языкотворческих и, шире, коммуникативно-творческих умений. Теоретико-практические блоки лингвокреатива должны занять место в программах и учебниках для всех классов. Именно формирование этих способностей с малых лет, на добротном научно-методическом фундаменте, может постепенно обеспечить гармоничный синтез между нормой и

постнормой, системой и свободой, языковой метафизикой и речевой диалектикой. Целесообразно прежде всего определить необходимый для каждого человека минимум лингвокреативных знаний и умений, а затем сформулировать их в учебно-научном стиле: для включения в учебники и методические пособия.

Современный мир глобальных коммуникаций подвластен только сильной коммуникативной личности. А креативная языковая личность – это, как правило, и сильная коммуникативная личность.

Литература

1. Вепрева И.Т., Мустайоки А. Детабуизация в современном русском языке и тревожная лексика // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте словесности. – Екатеринбург, 2006. – 560 с.

2. Голев Н.Д., Ким Л.Г. Полиинтерпретационный потенциал языковых единиц как основа языковой игры (на материале русскоязычных анекдотов) // Лингвистика креатива-3: Коллективная моногр. / под общ. ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2014. – 344 с. – С. 115–136.

3. Голованова Е.И. Языковая игра в профессиональной коммуникации // Уральский филологический вестник. 2017. № 2 (26). С. 39–52.

4. Гридина Т.А. Логика языкового парадокса в детской речи // Лингвистика креатива-2: Коллективная моногр. / под общ. ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – 379 с. – С. 5–32.

5. Гридина Т.А. Лингвокреативные механизмы порождения текста: экспериментальный ресурс языковой игры // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 7. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2016. – С. 143–156.

6. Доброва Г.Р. Креативность языковой личности в аспекте вариативности речевого онтогенеза // Лингвистика креатива-2: Коллективная моногр. / под общ. ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – 379 с. – С. 33–48.

7. Карасик В.И. Коммуникативные тенденции: регистры, понятия, тональности, сферы // Дискурс, текст, когниция. – Нижний Тагил, 2010. – С. 164– 183.

8. Харченко В.К. Современная повседневная речь. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 184 с.

9. Шароглазова Т.А. Лингвокреатемы в творческих работах современных школьников: Магистерская диссертация. – Красноярск: ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2017. – 108 с.

УРОВНИ НОМИНАТИВНОСТИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ И РЕЧЕВОМ ВЫМЫСЛЕ

В.И. Мозговой
mowi48@mail.ru
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Одной из не выявленных до конца проблем прав человека на всем постсоветском пространстве является некорректная номинация объектов, вовлеченных в социально-хозяйственную деятельность, и связанное с ней неправомочное функционирование собственных имен (СИ). Не случайно научные споры об их статусе, функциях и значении, способах фиксации, принципах именования и переименования разгораются тем сильнее, чем активнее в них участвуют специалисты из разных областей знаний.

Исходя из этого, ***главной задачей статьи*** является определение уровней номинативности, исключающих смешение норм реальных СИ с речевыми (*Александр // Саша*), неофициальными (*Днепропетровск // Днепр*), вымышленными (*Чацкий, Глупово*), условными (*Гастроном, Продукты*) и ложными (*кафедра «Иностранные языки», Красный Партизан // Бетманово*).

Основной текст. В отечественной ономастике о проблемах неадекватной передачи информации об объектах номинации впервые заговорили еще в первой половине XIX в., акцентируя их иноязычный контекст: «Географические учебники, по большей части переделываемые с немецких, наполнены искажениями имен городов и местечек славянских; если бы хоть в скобках ставили настоящее имя, как оно произносится там славянскими туземцами, например, *Лемберг* (*Львов*), *Аграм* (*Загреб*), *Эссек* (*Осек*) и т.д., но и того нет! Славянский мир, начинающий занимать любопытство всей Европы, остается совершенно неизвестным нашему юношеству, поучающемуся из учебных книжек всякого рода ошибкам историческим и географическим» [2, с.619].

Позже искажениями в трактовке СИ заинтересовались лингвисты, связав их с правописанием. Языковой аспект «освятил» сам Николай I, принимавший непосредственное участие в создании Русского географического общества. Вот как пишет об этом известный филолог-востоковед того времени В. В. Григорьев: «…§-

ом 87-м Высочайше утвержденного окончательного Устава Общества, состоящему при Совете редакционному комитету вменяется в обязанность… наблюдение за сохранением в изданиях Общества единства правописания в собственных именах географических» [1, с.175]. И, развивая мысль, продолжает: «…Формула, которую бы я предложил для действий редакционного комитета по рассматриваемому предмету, была бы такова: «писать иностранные географические имена как можно ближе к их туземному произношению, но с уважением к освященым уже вековым употреблением русским формам их и к законам языка нашего, руководствуясь: в первом случае – историческими памятниками отечественной словесности, в последнем – трудами наших ученых» [1, с.210].

Практический взгляд на СИ приобрел с тех пор столь мощное звучание, что трансформировался в новое направление науки об именах – прикладную ономастику, занимающуюся «…транскрипцией и транслитерацией иноязычных имен, установлением традиционных (по произношению и написанию), переводимых и непереводимых имен, созданием инструкций по передаче «чужих» имен, образованием производимых от иноязычных имен, вопросами наименования и переименования» [3, с. 347].

Лингвистические аспекты ономастических исследований, среди которых главенствующее место занял метод практической транскрипции, стали всеобъемлющими, что, однако, не упростило, а усложнило проблему их нормативной направленности. Запутанность правил привела к тому, что даже обыватель начал связывать их с манипуляциями общественным сознанием. Собственник уже не мог мириться с «уродливой» номинацией и актами переименования. Возникающие в таких случаях варианты оценивались им как парадоксы, изменяющие его жизнь и правовой статус в обществе. Споры о речевой вариативности охватили самые широкие слои населения, которые постоянно сталкивались с произволом законодательной и исполнительной власти, считающей, что только ей позволено решать «судьбу» имени в документах.

Своеобразным катализатором этих споров стали «знания» об именах, полученные в школе. Они сформировали стойкие убеждения о возможности административного контроля над нормами. Призыв Я. К. Грота к тому, что «…учение географии приобрело бы несравненно боле смысла и интереса, если бы встречающиеся

в ней названия мест и урочищ были бы более нежели до сих пор делалось, освещены филологией, то есть, по мере возможности объяснимы и переводимы» [2, с.617], воспринятый буквально, привел к выводу о прикладном характере ономастики и преувеличенному вниманию к орфографической составляющей СИ.

В свою очередь, продолжающаяся неадекватность передачи имен и названий на основе классического правописания все настойчивей подталкивала ученых к решению проблемы их сущности. СИ, воспринимаемые как данность, для которой достаточно описать частные случаи ее фиксации на письме, стали осознаваться как творение собственника (ономатета), невооруженного знанием о теоретических основах номинативной деятельности.

Все большему количеству исследователей стало понятно, что без осмысления универсальных законов функционирования СИ проблема сохранения онимного фонда, постоянно расширяющегося в условиях неконтролируемой фиксации новых и новых объектов хозяйственной или культурной деятельности, не может быть и речи. Стало ясно и другое: имеющиеся работы в области ономастики, не выходящие за рамки языкознания, не позволяют выполнять юридическую миссию – языковые инструкции по «переводу» СИ, опирающиеся на «традицию» их употребления в речи (*Анна – Ганна*, *Горловка – Горлівка*), не способны нейтрализовать правовые и социальные коллизии. Единичность и случайность отбора номинаций для их «лексической обработки» (отождествление СИ со словами), неосознанная модель управления онимными процессами, грозящая разрушением всей ноосферы, вновь, как и в XIX в., возвращает исследователей к вопросу о принципах передачи имен и названий в правовой реальности [5].

Этот вывод стал закономерным итогом всей предыдущей истории ономастики: громоздкая структура онимной классификации, опирающаяся исключительно на языковые особенности ее разрядов, денотативную соотнесенность или коннотации, не способна обеспечить юридическую фиксацию СИ. Максимальная «свобода» в онимотворчестве в этих случаях рождает вполне объяснимую для такого процесса условность: языковые, а тем более речевые возможности образования имен становятся непредсказу-

емей и изощренней (*Л'Этуаль, МясоЕШЬка, Fast-food «Обжорка», Гуляй-хата, Тридодыр, Строй Материалы, Бра Во!, ВостОПТика, БодряКофф, Колбик, Блин-Даш* и т.п.).

Может быть, поэтому орфография продолжает фиксировать ошибки в СИ, объясняя их юридической неприкосновенностью авторов номинаций (*стадион Донбасс Арена, Документ Центр, кафе «Чай-Кофф», магазин «Сыроколбасный»*) и оправдывая действия чиновников, произвольно трактующих сущность номинативности: *Дяченко // Дьяченко, Екатерина // Катерина, Государственная организация высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского», Муниципальное общеобразовательное учреждение «ЛИЦЕЙ «КОЛЛЕЖ» ДНР»*.

Нормы обычной орфографии, переведенные на язык классификации онимов, исходя из их соотнесенности с денотатом (*топонимы, антропонимы, ойконимы, эргонимы* и т.п.) или употреблений в речи (*коннотонимы, поэтонимы*), так или иначе смешивают реальные номинации с ложными. Правовой принцип игнорируется, несмотря на то что естественное вычленение разрядов онимосферы из огромной массы номинаций связано с фиксированием собственника и освоенного им пространства в имущественно-хозяйственной или культурно-исторической реальности.

Таким образом, классификация СИ должна базироваться на уровне номинативности единиц соответствующего класса:

1. Класс реальных собственных имен. Оперируя категориями единичности, он объединяет номинации, утратившие лексическое значение и ставшие предметом ***правовой ономастики***, призванной регистрировать право собственника на точную идентификацию своих имен, исходя из ***уровня их номинативности***:

А. Индивидуального (высшего) уровня. Он указывает на конкретного собственника, жизнедеятельность которого осуществляется в обусловленной субъектными отношениями антропонимосфере. СИ вычленяются из классической парадигмы языка и превращаются в имманентную сущность обладателя [5], которую нельзя отождествлять с внешними «интерпретациями». *Михеил*, например, не может регистрироваться как *Михайло*, а *Білоусенко Микита Миколович* (отец *Микола*) записываться в украинском

контексте как *Білоусенко Микита Миколайович* (отец *Миколай*?) или в русском – как *Белоусенко Никита Николаевич*.

Личный антропонимикон (фамилия, имя, отчество) должен стать исключительным достоянием собственника: в одном документе не могут поэтому «уживаться» *Дмитрий* и *Дмитро* или *Олейников* и *Алейников*. Варианты в написании могут охватывать лишь уровень языковых соответствий, не изменяющих адресную функцию и не выходящих за рамки права на имя:

- формальных, за которыми «скрываются» *фононимы*, *графонимы* и *морфонимы* [4]: русск. *Та**и**сия*, ***Юрье**вич*, *Шевченк**о** Тараса* > укр. *Таїсія*, ***Юрій**ович*, *Шевченк**а** Тараса* и т.п.;

- социальных, превращающих стилистически окрашенные прозвища в закрепленные законом псевдонимы, например: *Джугашвили – Сталин*, *Сергеев – Артем*, *Арсен Павлов – Моторола*.

Б. Представительского (избирательного) уровня, гибридной языковой структурой указывающего на юридическую уникальность объекта (адресная функция) и на представление о нем (информативная функция). Гибридность объединяет номенклатурные термины (они фиксируются строчными буквами и переводятся) и онимную основу, выделяющую объект из серии подобных: не *Ялта*, а *город* (*місто*) *Ялта*; не *Локомотив*, а *стадион «Локомотив»*; не *Москва*, а *гастроном «Москва»*; не *генерал Антонов*, а *ул.* (*вул.*) *Генерала Антонова*; не *жасмин*, а *одеколон «Жасмин»*; не *донецкий университет*, а *Донецкий национальный университет* (*Donetsk National University*) и т.п.

Двойственная структура объектной номинации предполагающая языковую презентацию ее онимных элементов методами правовой ономастики, ***регламентирует***:

а) возможности онимного перевода:

- при международной информативности он обязателен для уяснения смысла СИ в любых языковых культурах (даже в закавыченных названиях): *Східноєвропейський національний університет – Восточноевропейский национальный университет*, *майдан Незалежності – площадь Независимости*, *Советский Союз* – англ. *Union of Soviet Socialist Republics*, *роман «Война и мир»* – англ. *«War and Peace»*;

- при межъязыковой актуальности перевод важен для контактных языков, формирующих общий онимный фонд: *Днепр – Дніпро, ул. Горная – вул. Гірська* (Карпаты), но *Гірнича* (Донбасс);

- при индивидуальной (национальной) значимости перевод запрещен: *Червоногвардійський район – Червоногвардейский район, шахта «Восточная» – шахта «Восточна», ул. Советская – вул. Совєтська, студия «Inkanti» // студия «Инканти»*;

б) принципы именований, переименований и восстановлений, которые должны исключать субъективную политическую конъюнктуру, но соблюдать право первичного или исторически сложившегося собственника на имя с сохранением его социально-правовой значимости (см. об этом: [6];

в) употребление прописной буквы как сигнального знака, фиксирующего адресную функцию собственника (*президент компании – Президент России, жизнь – роман «Жизнь и судьба», памятник «Золотые ворота» – станция «Золотые Ворота»*);

г) употребление кавычек как знаков ассоциативной (ненастоящей) информации о конкретном объекте, которые превращают название в своеобразный бренд, не поддающийся переводу: *кафе **«Город»**, фирма **«Adidas»*** (***«Адидас»***) и т.п.;

2. Класс условно собственных имен, отдельные единицы которого связаны двумя уровнями номинативности:

А. Ситуативным (нулевым) уровнем. В нем акцентируется денотат (*Салон красоты, Кинотеатр*), рекламируются товары или услуги (*Ткани, Бытовая техника*), но нет самой номинации (ср. их с формами *Детская одежда «Киря», Butique salon «Губы»*, в которых особым образом выделяется адресная функция).

Тяготея, таким образом, к именам нарицательным (наличию лексического значения, нивелированию конкретности), они подвержены переводу и акцентируют внимание потенциального клиента на объекте при помощи заглавных или прописных букв: «*Мастерская по ремонту обуви*», *РЕСТОРАН*, *ПИВБАР* и т.п.

Впрочем, ситуативность может превращать единственный магазин в деревне в эргоним, который вряд ли стоит переводить (*МАГАЗИН*), а учебное заведение – в лженоминацию при дублировании графики рекламной вывески в школьной тетради, например:

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «Специализированная школа с углубленным изучением иностранных языков № 115 города Донецка» (но такие «СИ» есть!).

Б. Авторским уровнем, отмеченным интерпретациями реального СИ в речи «внешних» пользователей или вымыслом художника (*Андрей > Андрюшка, Андрейчик, Андрюха, Андрий, Ондр, Ондрик, Андреа*; *Органчик, Лилипутия, Леший, Гобсек*).

Но интерпретации нельзя считать исключительным явлением ономастики – у авторов нет и не может быть единства в восприятии, и отсутствует согласие на него у собственника (он, попросту говоря, находится за пределами авторского воображения). Вариативность, связанная с коннотациями имени, опирается на авторские нормы и является предметом ***речевой ономастики***: *Сергей > Сергий, Серж, Сережа, Серый*; *остановка «Улица Марии Ульяновой» > «Мария Ульянова», «Мария»*; *Донецкая консерватория > «Конса»*; *Екатерининская верста > «Катькин столб»* или ***поэтонимологии***, опирающейся на стилистику поэтонима (*Собакевич, Евгений Онегин, Обломов*).

Впрочем, коннотативные имена и поэтонимы, став объектом нейминга, при перенесении одного из речевых вариантов на реальные объекты (чаще эргонимы), могут превратиться в реальные СИ, «выросшие» на почве правовой ономастики (*Парикмахерская «Ксюша», Кафе «У Иваныча», «Котофейня», теплоход «Тихий Дон», проспект Ильича, ресторан «Три Толстяка»*).

3. Класс ложных номинаций. Он связан как с неосознанным перемещением реальных собственных имен в ситуацию политического нейминга, так и с осознанным стремлением авторов узаконить не принадлежащую им собственность при помощи изменения условий функционирования номинативной лексики:

а) статусных, обусловленных непониманием сущности СИ при переводе или выделении прописными буквами и кавычками их особой «важности»: *ул. Советская – вул. Радянська*; *кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»* (г. Тольятти, ТГУ), *Заместитель Министра* (ДНР);

б) фонетико-графических – при использовании обычной орфографии и грамматики в межонимном (русско-украинском) контексте (*Одесса – Одеса, Ласточкино Гнездо – Ластівчине Гніздо, Пески – Піски, Юрьевич – Юр'євич*);

в) политико-идеологических – при выпячивании уникальности «нового» собственника в массовых переименованиях или «корректировке» исторически сложившегося онимного фонда: *Елена – Олена*, *Антонов – Вінтонів*; *Кировоград – Кропивницький*; *Донецкий национальный университет – ГВУЗ «Донецкий национальный университет» имени Васыля Стуса*, г. Винница – *ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*, г. Донецк.

Выводы. В современном обществе культура обращения с СИ выходит за рамки языка и превращается в общецивилизационную ценность, страдающую от попыток изменить онимосферу ложными номинациями.

Основанные якобы на идее национального единства, они способны разрушить его духовную основу путем внедрения в личностный процесс именования идеологических рычагов контроля над гуманитарными процессами. В связи с этим наука о номинациях превращается в отдельную отрасль, призванную решать проблемы СИ методами правовой, речевой и художественной ономастики. Их самостоятельность позволяет расширить номинативную деятельность до масштабов разработки принципов именования, восстановления и переименования, исключающих возможности манипуляций общественным сознанием.

Литература

1. Григорьев В. В. О правописании в деле русской номенклатуры чужеземных местностей и народов. // Географические известия, 1850, вып. 2. – С. 175-201.

2. Грот Я. К. Заметка о топографических названиях вообще. // Журнал Министерства народного просвещения, 1867, ч. CXXXVI, ноябрь, отд. 2. – С. 617-668.

3. Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

4. Мозговий В. І. Фононіми, морфоніми, графоніми, або методика передачі власних назв засобами спорідненої мови. // Функциональная лингвистика: Сб. научн. работ. / Крымский республиканский институт последипломного образования; научн. ред. А. Н. Рудяков. – Симферополь, 2010. – Том 2. – С. 102–104.

5. Мозговой В. И. Имена собственные и не собственные. Принципы выделения и классификации. // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научн. журнал. – Т.3, №3. – Севастополь: СГУ, 2017. – С.44-51.

6. Мозговой В. И. Причины и следствия ложной активации культурно-исторической реальности в правовой ономастике. // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научный журнал. – Т.3, №4 – Севастополь: СГУ, 2017. – С.55-60.

ОНОМАТИКОН КРАСНОДАРА КАК ПОЛИАСПЕКТНАЯ СИСТЕМА

И.Н. Пономаренко
irnik20@mail.ru
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Краснодар)

В начатом еще Б.А. Лариным лингвистическом изучении языка города в 60-е годы XX в. выделилось новое направление: было положено начало разграничению сферы собственно речевого общения и массива городских онимов. Традиционные направления исследования дополняются новыми аспектами изучения ономастикона города, который представляет собой разнородное ономастическое пространство. Сам термин «ономастическое пространство» принадлежит В.Н. Топорову, который утверждал, что «ономастическое пространство определяется своеобразной моделью мира, существующей в представлениях данного народа в конкретное время» [3, с. 151]. Это понятие включает «комплекс имен собственных всех классов, употребляемых в языке данного народа в данный период для именования реальных, гипотетических и фантастических объектов» [2, с. 95].

Ономастическое пространство города понимается как система онимов или микротопонимов, именующих городские объекты с учетом их пространственных характеристик, устройства и статуса. Для описания подобных объектов в конце XX в. широко использовался термин «урбаноним» или его варианты.

В дальнейшем под влиянием антропоцентрической аспектизации внимание исследователей стала привлекать категория имен, обозначающих товарные знаки, наименования фирм по предоставлению различного рода услуг, названия торговых центров, магазинов, кинотеатров, парикмахерских, аптек и т.д. Возникла необхо-

димость исследования модели «городского ономастическое пространства». Частотным становится видовой термин «эргоним», служащий для именования объектов различного функционального профиля: деловых объединений людей (научные, учебные, производственные учреждения), коммерческих предприятий (агентства, банки, магазины, фирмы), объектов культуры (кинотеатры, парки, клубы, развлекательные учреждения, театры), спортивных заведений (комплексы, стадионы, секции). В большинстве работ эргонимы [греч. ’έργον‘ дело, занятие, работа, ’όνομα‘ имя, название] понимаются как названия предприятий, а также как обозначения некоторых деловых объединений людей.

Современный ономастикон города отражает общие, характерные для русского языка первых десятилетий XXI в. тенденции: креативность, демократизацию, активное использование стилистически сниженных элементов и иноязычных знаков. В современные городские онимы включаются уже не только экзотизмы, но и компьютерные знаки, иноязычные графемы, их создание сопровождается многоаспектной трансформацией. Изучение языка города в прагматическом, социолингвистическом, лингвокультурном аспектах было продолжено в работах Т.В. Шмелевой, В.И. Супруна, И.В. Крюковой, Р.Ю. Намитоковой, З.К. Беданоковой и их учеников. Ономастика как область, где традиционно пересекаются интересы многих гуманитарных дисциплин, выходит на новый качественный уровень.

Переименование улиц и площадей относится к области интересов языковой политики, лингвокультурологии интересны процессы ретрономинации и исторической стилизации, социолингвистика изучает модели деформации языка-стандарта, когнитология – аспекты формирования языковой картины мира современного носителя языка, участвующего в создании и реноминации ономастических единиц. Лингвистику же интересуют процессы возвращения единиц пассивного словаря и, наоборот, выход некоторых из активного употребления, а также реализация словообразовательного потенциала языка и интенсификация процессов заимствования.

В ономастиконе действие общеязыковых процессов проявилось, в частности, в том, что скорректированную влиянием про-

сторечия персонализацию и интимизацию (магазин *Руслан, Людмила и сыновья,* фирма *Саг* – братьев Сагоян), а также легализацию разговорно-просторечных (магазины *На зеленой* и *Мечта Валены,* кафе *У Лехи* и мн.др.) эргонимов конца прошлого века сменил активный процесс создания единиц с использованием приемов графической трансформации и социокультурных маркеров – исконных и инокультурных: кафе *Набоков,* ресторан *Пушкинистъ,* клуб *Онегин,* кафе *Руслан и Людмила,* кафе *Диканька,* ресторанная сеть *Любо-дорого,* парикмахерская *Мадонна,* магазинчик *Эсмеральда* и мн. др.

Частотность оформления эргонимов некириллическими графемами связана с влиянием латинизированной унификации товарных знаков и брендов. Как веяние языковой моды это одна из актуальных тенденций. Здесь можно выделить несколько групп: 1) графические интернационализмы: *Toyota*, *YVES ROCHER*, *L'Oréal* и др.; 2) эргонимы с полной (магазины *Leika*, парикмахерская *Jadore*, салон красоты *Sasha*, кафе *Petrushka)* и частичной (парикмахерская *Пulка*, кафе *Matrëshka*, пивная *КруZка*, *Irishпаб* и мн. др.) или обратной (магазины *Фройляйн*, *Рив Гош*, *Леруа Мерлен, Лэтуаль, Ашан* и др.) транслитерацией; 3) эргонимы с введением графем дореформенного алфавита: *Ломбардъ,* кафе *Есаулъ*, магазин *Купецъ* и др. Кириллические, в том числе дореформенные, и латинские литеры органично сосуществуют в именах городских объектов, становясь средством создания дополнительной экспрессии и усиления аттрактивной функции, создавая иллюзию надежности и экономической стабильности.

Нет сомнения в том, что коммерческая эргонимия в значительной степени определяется фактором экономической конкуренции: название объекта, как правило, содержит информацию, которая должна каким-либо образом привлечь потенциального клиента. Другими словами, эргоним обладает прагматикой, под которой понимается речевое воздействие. И именно «обусловленность и предопределенность прагматического эффекта как реализация семантического потенциала осуществляется в результате когнитивных операций, основанных на наблюдении и осмыслении эргономической лексики, являющейся в настоящее время индикатором социального и экономического состояния общества» [1,с. 69].

Именно эргонимы как вид онимов выполняют присущие только им в ономастической системе рекламную и аттрактивную функции. Считается, что эффективные эргонимы должны максимально соответствовать основному требованию рекламной коммуникации, частью которой являются, – передавать максимальное количество маркетинговой информации минимальным количеством знаков. Однако в последние годы это правило нарушается. Так, в городском ономиконе Краснодара все чаще появляются эргонимы-слоганы, в которых номинация усиливается рекламным текстом: сеть быстрого питания *Что-то с чем-то, кафе Сели поели* и *Галя гуляй;* шашлычная *Время есть шашлык,* чебуречная *Чебурек человеку друг,* парикмахерская *Прядки в порядке* и др.

Профессионально созданные названия (неймы) и стихийно возникшие единицы формируют ономастикон современного города. Но, поскольку связь между содержанием и формой знака обязательна, это ограничивает творящую новый знак языковую личность определенным и традиционным набором уже имеющихся в языке содержательных и графических знаков. Любой самый креативный и демонстрирующий приверженность языковой моде знак всегда есть единица и элемент уже существующей языковой системы. В его структуре лишь реализуются иные варианты комбинаций. Так, можно отметить появление поликодовых креативных, но легко узнаваемых эргонимических единиц с использованием приемов графической трансформации различного характера: антикафе *О'Лень, FreeДом,* арт-пространство *СкаFUNдр,* бар *Bar Boss,* бар *LaВаш,* бильярдный клуб *ШарMan* и др. В создании эргонимов часто используются различные виды графической гибридизации: кафе *Борщberry,* пивная *Ракberry,* магазин очков *Mr. Оптиковъ*.

Для изменения формы эргонима с целью усиления аттрактивной функции используется целый набор различных приемов. Наиболее частотными являются привлечение словообразовательных средств русского языка, включение иноязычных знаков и их компонентов, а также трансформация лингвистического и экстралингвистического характера.

Таким образом, основные штрихи ономастикона Краснодара отражают те изменения, которые происходят в социальной жизни и, следовательно, в языке, формируя креолизованную систему с

включением элементов различной степени сложности и силы воздействия. Антропоцентричность языка причудливо сочетается с эгоцентричностью современной культуры. Современные эргонимы объединены общим признаком, условно называемым «апелляцией к человеку», который реализуется:

1) указывая на вкусы: кафе *Лакомка, Леди Мармелад, Профитроль, Кубанская кухня, Восточная сказка* и др.;

2) эксплуатируя идею социального престижа: магазины *Аристократ, VIPподарки, Подарки важным людям* и мн. др. Сюда же можно отнести названия магазинов известных брендов, которые уже не нуждаются в рекламе: магазины спортивной одежды *Columbia, Reebok,* магазин одежды *Lacost*;

3) привлекая обещанием услуг отличного качества (тематическим рефреном этой группы можно считать известное: «Ведь вы этого достойны!»): стоматология *Доктор Люкс,* автомойка *5+, Элиткафе* и мн. др.;

4) намекая на соответствие новым стандартам и использование инноваций: бизнес-центр *IQ,* магазины *Iservise и indexIQ*;

5) запоминаясь различными видами каламбуров: парикмахерские *Чик-чирик* и *Стриччи-приччи,* турфирма *Миру мир,* магазин меха *МЕХиКО,* мясной магазин *Мясоберри* и мн. др.

Развитие международных контактов и языковой империализм оказали влияние на состояние современного русского языка и нашли отражение во всех сферах его существования, в том числе и ономастиконе города. Создание новых эргонимов демонстрирует потенциал языковой системы, и реализация этого потенциала обусловлена рядом факторов не только лингвистического, но и экстралингвистического характера.

Литература

1. Беданокова З.К., Копоть Л.В., Адзинова А.А. К вопросу о новых объектах ономастики / Беданокова З.К., Копоть Л.В., Адзинова А.А. // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы. Сборник материалов XI Международной научной конференции, посвященной памяти Заслуженного деятеля Адыгеи и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитоковой. Майкоп, 20–23 декабря 2017. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. – 584с. – С.65–69.

2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп.. М. : Наука,1988. – 192 с.

3. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Из работ московского семиотического круга. М.: Наука, 1997. – С.455–515.

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ МЫ ГОВОРИМ?

Н. Д. Стрельникова
tashastrel@mail.ru
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
(Санкт-Петербург)

Вопрос о соотношении национального языка и литературного далеко не праздный, а весьма актуальный сейчас. В связи с демократизацией современного русского языка, доминированием разговорной речи литературный язык стремительно меняется, начинает включать в себя разные элементы национального языка, его границы становятся всё более нечёткими. В кодифицированном литературном языке понятие нормы является одним из центральных. Под нормой, как известно, понимаются правила образования и употребления языковых единиц, закреплённые в словарях и справочниках. Последние четверть века словари не успевают фиксировать происходящие языковые процессы, отражающие изменения в общественной, политической, культурной жизни российского социума, свидетельствующие о нестабильности и смене ценностных приоритетов. Главная коммуникативная функция языка уступает место информационной и волюнтативной функциям, во многом благодаря СМИ. Язык становится средством манипуляции сознанием людей.

«В русском культурном языковом пространстве произошла “смена нормативной основы литературного языка“: нормотворческая значимость письменного языка художественной литературы стала уступать свою функцию устной речи публичных каналов общенациональной коммуникации» [8, с. 49].

Конечно, речь стала раскрепощённее, свободнее, «живее», но элементы просторечия, жаргона, обсценной лексики, звучащие в СМИ, размывают представления о норме, трансформируют язык, становящийся более грубым, оценочным, экспрессивным и агрессивным. К сожалению, изменения происходят на всех уровнях языка. Некоторые наблюдения хотелось бы изложить в этой статье.

Изменения в просодической норме проявляются в изменении интонации, когда мелодичный, спокойный темп, свойственный именно русскому языку, с выделением значимых частей, заменяется быстрым темпом речи с резкими тональными переходами, дроблением на отдельные слова. «Говорят бойко, раньше так не умели – главное, скорости такой не развивали. Особенно ведущий: произносит нараспев, делит речь не на фразы, а на вдохи. Всё может, только не вдыхать не может, иначе бы говорил без пауз. Виртуоз. Человек-язык» [2, с. 78]. Впрочем, «роль художественной прозы, поэзии становится менее значимой, так как к ним утрачивается интерес современника, который предпочитает телевидение или низкопробную “кричащую” литературу» [1, с. 22]. Языковое сознание людей, их «речевые вкусы» формирует не художественная классическая литература, как было ещё совсем недавно, а СМИ.

Во-вторых, на уровне грамматики некоторые слова претерпели грамматические изменения. Например, ряд существительных обрёл неведомую ему ранее форму множественного числа (*салют, риск, вызов, переписка, мат, выбор).* В первых двух случаях появление формы множественного числа можно объяснить коррекцией в изменении значения слова, но как объяснить появление *переписки* вместо *переписка*, *вызовы* вместо *вызов*, *маты* вместо *мат*, *выборы* вместо *выбор, бизнесы* вместо *бизнес*? Предпоследний пример взят из многочисленных школьных сочинений на тему «Проблема нравственного выбора», последний – из интервью М. Захаровой, данной в передаче В. Соловьева 25.02.18., где она произнесла *до сих пор имеют свои бизнесы.*

В-третьих, широкое функционирование плеоназма типа *свободная вакансия*, грубейшей стилистической ошибки. Необходимо говорить об экологии языка, хотя бы потому, что грубейшие ошибки проникают в учебники по культуре речи!«Язык – это форма отражения *реальной действительности* в сознании человека» [4, с. 7]; «Ситуации жизни и условия общения диктуют выбор *наиболее оптимальных* коммуникативных форм» [5, с. 4]. Часто используется словосочетание *на сегдняшний день*, ставший речевым штампом. Между тем, это словосочетание ошибочно, потому что его семантика – имеющий отношение к текущему дню, потому что прилагательное *сегодняшний* образовано от наречия

сегодня, т. е. буквально *сего дня* (сравните с аналогичным, но устаревшим *сего года*). К сожалению, этой речевой ошибкой страдают даже преподаватели русского языка и культуры речи, настолько эти слова въелись в наше сознание и слышатся регулярно, а ведь проще, логичнее и правильнее сказать *на сегодня.*

Одним из самых динамичных процессов в современном русском языке являются заимствования, появление новой общественно-политической лексики, изменения значения слов. Об этом очень много пишут. Мне хотелось бы остановиться на тех изменениях, которые претерпели незаимствованные слова, но в связи с динамичными процессами, новой общественно-политической лексикой и волюнтативной функцией, связанной с манипулированием сознанием. Это глагол, появившийся относительно недавно, на рубеже веков, но укоренившийся в речи россиян разного социального статуса и разных профессий. Речь пойдёт о глаголе *прописать*. То и дело слышится «*мы прописали»*. Изменение значения, привнесённое префиксом *про-,* носит предписывающий характер, обязывает к исполнению. В русском языке существует глагол *написать*, обозначающий то действие, которое стали обозначать глаголом *прописать.* Зачем понадобилось придумывать этот, так называемый «парламентский», глагол, являющийся по сути дубликатом? Именно потому, как кажется, что он обладает дополнительными коннотациями. *Прописать* в отличие от нейтрального *написать* обладает экспрессивно-эмоциональной окраской, я бы сказала, что это глагол, несущий *агрессию. Прописать* можно лекарство, то, «что доктор прописал», все мы проходили через *прописи первоклассника*. Между тем, моим коллегам, как оказалось, этот глагол совсем «не режет слух» и они охотно его используют в своей речи.

В последнем издании (2011) Академической «Русской грамматики», являющейся авторитетным сводом правил, префикс ПРО- представлен восемью типами [7, с. 268–269]. Первые 3 типа глаголов со значениями: направить сквозь что-нибудь вглубь (пройти, продавить), направить мимо чего-нибудь (проехать, просмотреть), переместиться вперёд (продвинуть, продвинуться) не подходят [7, с. 268]. А вот четвёртый тип со значением «интенсивно, тщательно совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [7, с.

368]: прогладить (тщательно погладить), продумать (хорошо подумать), проработать, ближе всего подходит к значению рассматриваемого глагола. Прописать – тщательно написать, да, это известное значение. Таковы *прописи* для первого класса начальной школы, когда необходимо детально и аккуратно прописать все буквы и их соединения, чтобы научиться писать. Но какое отношение данный глагол имеет к составлению законов, к юридическим актам, к нормативам и т. д.? 7 тип: глаголы со значением «совершить что-нибудь в течение длительного времени» [7, с. 369]: прождать, проискать, промечтать. 8 тип Глаголы со значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»: прозвучать, проконсультировать. Наконец, в параграфе 1432 [7, с. 601] назван терминативный способ действия, означающий законченность какое-то время продолжавшегося действия. Преимущественно здесь представлены глаголы со значением звучания и речи: *проговорить, пробурчать, пробить, прошептать, пролепетать, промолчать, прогреметь, простонать, проворчать*. Семантически глагол *прописать* очевидно должен продолжить ряд *глаголов проговорить, прорисовать, прочертить, прочувствовать, проиграть, продумать* и т. д., в которых совмещаются значения длительности происходившего процесса и одновременно его результат, а также тщательность действия, т. е. тип 7, 8 и 4. Таким образом, семантика этого глагола такова: несмотря на трудность и длительность процесса, неуверенность в себе, результат получен, но в этом есть некое насилие, давление, насаждение чужой воли, предписание. С приставкой *про-* глагол *писать* получает дополнительные коннотации, но не отличается принципиально от глагола *написать*. Нужен ли носителям русского языка такой глагол? Впрочем, поскольку язык есть отражение реальной действительности, приведённый пример является иллюстрацией эпохи и любопытен в качестве характерной приметы времени.

Своеобразными символами эпохи, отличительными приметами современности являются и некоторые слова-паразиты, точно запечатлевающие время в слове. В 50–60 гг. прошлого века такими знаковыми маркерами были *это самое* и *так сказать*; затем по-

явилось вечное *ну*, рубеж веков зафиксировали *типа* и *как бы*, похоже, что реакцией на неопределённое *как бы* стало *однозначно,* сейчас доминируют *получается* и *смотрите!*

Об особом виде речевой деятельности – интернет-языке –говорят и пишут много. Это интереснейшее лингвистическое явление, представляющее собой фактически фиксацию живой разговорной речи он-лайн со всеми вытекающими последствиями. Это письменное воплощение национального языка с просторечием, жаргонными выражениями, нецензурными словами, содержащее часто грамматические и речевые ошибки, нарушающее орфографические и пунктуационные правила. С другой стороны, СМС-сообщения представляют собой новый вид коммуникации в современном русском языке. В *чатах чатятся*, т. е. болтают, разговаривают. В интернете представлен устный разговор в письменной форме. Как классифицировать интернет-язык? Можем ли мы говорить о новом функциональном стиле? В интернет-языке возникают новые слова, активно используемые и врывающиеся буквально в литературный язык. Сейчас первенство среди новых слов удерживает *хайп* и его производные *хайповать, хайповый*, любопытно, что данные производные уже успели ассимилироваться в русском языке, о чём свидетельствует ударение на втором слоге, не на первом. *Хайп* значит «быть на пике популярности, иногда скандальной». Похоже, что это слово приживётся и останется в языке, по созвучию и аналогии с просторечным *хай* (*поднимать хай* – скандалить). К сожалению, интернет-язык часто приводит к искажению смысла, ошибочным представлениям об этимологии и происхождению слов. Например, не так давно студенты пытались объяснить мне правописание орфографического *о* во втором слоге в слове *игнорировать* проверочным *игнор.*

Меняется время, его константы, политика, вкусы, установки, нормы. Нормы ведь дело рук человеческих, они могут задать совсем другой вектор развития, и в какой-то прекрасный момент наш «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык» может стать совсем другим. Много заимствованных слов стремительно ворвались в наш родной язык, среди них немало примеров с несвойственным русскому языку словообразованием, они звучат дико в нашей речи и постепенно заменяют собой существующие в

языке привычные слова или «съедают» их синонимы. К таким словам относятся англоязычные заимствования типа *маркетинг лизинг пиллинг троллинг боулинг брифинг лифтинг* и т.д. Вслед за классиком хочется воскликнуть:«Ах! Если рождены мы всё перенимать,/ Хоть у китайцев бы нам несколько занять/ Премудрого у них незнанья иноземцев»[3, с.106], тем более, что российско-китайские взаимоотношения прекрасно развиваются и многие российские вузы вовлечены в совместные российско-китайские проекты. У иных слов и словосочетаний меняется значение. Заимствованное *имидж*, войдя в русский язык, сначала использовалось как синоним к *образ*, а сейчас практически заменило его. Одновременно с этим из языка уходит образность и метафоричность, их заменяет информативность, связанная с визуализацией.

С другой стороны, современный русский язык становится грубее. Причин много, одна из них – внедрение просторечия в литературный язык. *ОблЕгчить, кремА, ихний, свеклА, ложить, прИговор* захлестнули нашу речь благодаря СМИ. Иногда происходит искажение словосочетаний, например, *мне всё равно на них*, образовавшееся в результате сложения литературного *всё равно* и грубо-просторечного *мне наплевать.*

Меняется интонация, грамматические нормы, часто неправильно используется управление, размываются границы литературного языка, образность и метафоричность заменяются сообщением информации, распадается и забывается синонимия – всё это отличительные черты русского языка. Так на каком же языке мы будем говорить? «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины…» [6, с. 507] очень не хочется, чтобы «поддержка и опора» [6, с. 507] превратился в язык Эллочки Щукиной.

Литература

1. Беглова Е. И. Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи: автореф. … д-ра филолог.наук. – М., 2007.
2. Водолазкин Е. Г. Авиатор. – М.: АСТ. 2016.
3. Грибоедов А. С. Горе от ума. – М.: Наука, 1987. 480 с.
4. Мизинина И. Н. Современный русский язык и культура речи. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.
5. Нормы русского литературного языка / под ред. Л. А. Константиновой. – М.: Флинта: Наука, 2010.

6. Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 12 томах. Т.8. – М.: Художественная литература, 1956.
7. Русская грамматика. В двух томах. Т. 1. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2005–2011.
8. Химик В. В. Болезнь языка или язык болезни? // Современная русская речь: состояние и функционирование. Вып. II . – СПб, 2006.

ПРАГМАТОНИМЫ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сунь Юйминь
150085292@qq.com
Саньяский университет
(г. *Санья, КНР*)

Обучение основным принципам межкультурной коммуникации является весьма актуальным направлением современной лингвопрагматики (С.Г. Тер-Минасова, Т.А. Самохина, В.И. Карасик, В.В. Красных, Д.Б. Гудков и др.).

В своем исследовании мы опираемся на понимание межкультурной коммуникации, сформулированное А.П. Садохиным: «Межкультурная коммуникация есть совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» [2, с. 9].

Занимаясь исследованием такой области ономастической лексики, как прагматонимы, и определяя их, вслед за А.В. Суперанской, как «товарные знаки и знаки обслуживания», тесно связанные с практической деятельностью человека [5], мы уже попытались решить задачу рассмотрения прагматонимов в аспекте лингвокультурологического содержания [4] и установили, каким образом лингвокультура народов, населяющих Крым, отразилась в прагматиконе данного региона [6]. Значительный интерес представляет и такое явление, как отражение прецедентных феноменов русской лингвокультуры в прагматиконе КНР.

В настоящее время я занимаюсь преподаванием русского языка китайским студентам на отделении «Русский язык» филологического факультета университета Санья на острове Хайнань, а также работой в Русском Центре и в Русском клубе (в сотрудниче-

стве с преподавателем Воронежского государственного университета Т.Ю. Яровой). Работая в направлении «активного страноведения» [3, с. 19], мы стараемся не только на учебных занятиях, но и в процессе внеаудиторной работы обращаться к практическим аспектам межкультурной коммуникации. Как показал опыт, определенное место в этой работе может занять и работа с прагматонимами, в первую очередь, с такой группой, как «именования предприятий обслуживания населения»: ресторанов, кафе, баров, магазинов, салонов и т.д.

Данному направлению работы способствует и то обстоятельство, что в последние годы остров Хайнань является вторым по величине туристическим направлением России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а Россия – один из активных потребителей туристского рынка Хайнань. Китайское правительство утвердило безвизовый въезд в Хайнань для 26 стран, в том числе и для России. Самой известной достопримечательностью для русских туристов, отдыхающих на острове Хайнань, является бухта Дадунхай. Здесь находится много гостиниц, ресторанов, клубов и медицинских центров, которые обслуживают в основном русских туристов.

Соответственно, для прагматикона Хайнаня характерны русские именования, представленные в рекламе и отчасти в интерьере и в меню различных заведений. Китайские студенты, изучающие русский язык, получают дополнительную возможность, не покидая пределы острова, участвовать в своеобразном «международном гастрономическом туризме», который в последние годы все активней входит в сферу межкультурной коммуникации.

Вначале с помощью преподавателя русского языка, а затем и самостоятельно студенты попадают в коммуникативно-речевые ситуации, когда на смену учебной коммуникации приходит естественная (очень важный этап в изучении иностранного языка), когда необходимо реализовать такие коммуникативные навыки, как формулировка основного и уточняющего вопроса, выражение просьбы, реализация навыков использования русского речевого этикета (выражение приветствия, согласия или несогласия, оценки, благодарности, прощания и т.д.). Возможность реализации такой коммуникации подкрепляется тем, что часть владельцев заведения или обслуживающего персонала являются русскими по происхождению или в какой-то степени владеют русским языком.

Вопрос о мотивации названия предприятия является порой сложным и в пределах родного языка и родной культуры. Когда же речь идет об иностранном языке и иностранной культуре, ответить на него становится еще сложнее, но информация, полученная в ответ на самый обычный вопрос типа «Почему вы так назвали свой магазин (ресторан, бар и т.д.)?», может быть очень интересна не только по содержанию, но и в аспекте лингвокультурологии. Например, вопрос, почему названием предприятия является не просто русское имя, как, например, ресторан *Марина*, чайный дом *Лена*, а особые формы типа бар *Катюша*, магазин *Машенька*, дает возможность рассказать студентам о разнообразии форм русских имен, об особой роли суффиксов субъективной оценки и т.д. У иностранцев часто возникает вопрос о специфике таких именований, как *Кафе у Виталика*, *Чай у Максима*, *Сельпо у Дуни*, магазин *Шелк у Лены*. Краткое объяснение особого значения формы «У +Родительный падеж имени собственного», которое заключается не только в принадлежности предприятия определенному лицу, но и включает семантику гостеприимства, уюта, расширяет представление и о русском языке, и о культуре.

Безусловно, важно и обращение и к таким прецедентным феноменам, отраженным в прагматиконе г. Санья, как трактир *У Лукоморья*, ресторан *Ох и Ах*, ресторан *Киевская Русь*, ресторан *Крылофф* (по свидетельству владельца, любимым писателем его дяди был великий русский баснописец). В ряде случаев владельцы предприятий рассказывают, что название предложено русскими друзьями или русскими туристами. Например, отмечаем типичное для советского периода название кафе *Встреча*. Русским туристом (очевидно, поклонником известных романов об Остапе Бендере) было предложено название ресторана *Рога и копыта*.

Весьма своеобразным (и не всегда удачным!) выражением межкультурной коммуникации выступает сочетание шрифтов кириллицы и латиницы: *Salon чая, Hi, друзья*. В некоторых примерах это уже ставшие привычными выражения: ресторан *Наша Russia* или название ресторана с русской кухней на английском языке: *Russian Continental Bar*.

Очевидно, в качестве языковой игры используется в названии ресторана *China Самобранка*. Попутно преподаватель может рассказать об использовании выражения «скатерть – самобранка» не

только в русских сказках, но и в современном словоупотреблении [1]. Еще один пример языковой игры: Чайный дом *Чай ОК*, когда к русскому слову присоединяется известное всем английское *ОК*, и в результате получается типичная для русской разговорной речи ласкательно-уменьшительная форма *чаек*.

Таким образом, материал нашего научного исследования и практика преподавания русского языка китайским студентам показывают, что роль прагматонимов в аспекте межкультурной коммуникации является достаточно значительной.

Литература

1. Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б, Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
2. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
3. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – М.: Издательсвто «Флинта», Издательсвто «Наука», 2006 г. – С. 19
4. Сунь Юйминь Прагматонимы Крыма (лингвопрагматика и лингвокультурология) – Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 140 с.
5. Суперанская А. В. Товарные знаки и знаки обслуживания // В пространстве филологии / Дон НУ. Филологический факультет. – Донецк: “ Юго-Восток, Лтд”. 2002. – С.55-71.
6. Ященко Т.А., Сунь Ю. Прагматонимы как отражение языковой картины мира крымчанина / Современная картина мира: крымский контекст // коллективная монография. Симферополь, 2017. С. 68-89.

ГРАФОГИБРИДИЗАЦИЯ: ЯЗЫКОВАЯ ИГРА ИЛИ МАНИПУЛЯЦИЯ?

Е.Я. Титаренко
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
(Симферополь)

Проблема расширяющейся сферы применения «чужой» графики (в первую очередь – латиницы) в городской номинации и в ежедневной письменной коммуникации носителей русского языка в современном обществе с каждым днем становится все острее. На

обилие иноязычных вывесок-наименований и рекламы на улицах своих городов обращают внимание не только филологи, но и «обычные» граждане, которых не устраивает такое положение дел. Цель статьи – изучение ситуации с применением латиницы на улицах Симферополя и других городов Крыма.

Графодеривация – графико-орфографический способ словообразования. Т.В. Попова выделяет целый ряд разновидностей этого способа, в том числе ***поликодификацию** или **графогибридизацию** – оформление новообразований с помощью графических средств разных языков [9]. Автор характеризует графодеривацию как продуктивный способ образования номинативно-экспрессивных средств русского языка и утверждает, что «использование иноязычной графики приводит к серьезным семантическим сдвигам и смысловому обогащению, ассоциативному насыщению названия» [9, с.231]. Называя графодериваты «словами-кентаврами» (вслед за Л.П. Крысиным), Т.В. Попова в целом относится к этому явлению, как нам показалось, с определенным одобрением, полагая, что они обладают «значительным текстопорождающим потенциалом».

Термин ***графогибридизация*** закрепился в научной литературе и употребляется все чаще для обозначения слов-гибридов, в которых латиница сочетается, чередуется или частично заменяет кириллицу (например, ***MESTO VSTPEЧИ***). В случае если латиница полностью заменяет кириллицу, следует говорить о ***транслитерации*** (например, ***ULICHNAYA EDA*** – кафе в Симферополе), кроме этого в наименованиях и вывесках используются аутентичные английские (реже взятые из других языков) слова, например: ***OldBoy Barbershop*** (Симферополь).

Есть мнение, что использование латиницы вместо кириллицы – это **графическая игра** [4; 12; 16]. Под графической игрой понимается использование неузуальных графических средств для написания слова – намеренного искажения формы и структуры слова с целью привлечения внимания, придания привлекательности. Графическая игра проявляется в выделении букв, использовании пунктуационных знаков, изменении размера букв в слове и пр. [1]. Графогибридизация – совмещение графических систем разных языков – считается разновидностью графической языковой игры [там же].

Е.С. Бутакова, исследовавшая эргонимы г. Томска, относит факты графогибридизации в зависимости от их семантичности или асемантичности либо к ***языковой игре***, либо к ***лингвистической креативности***. В любом случае оценка этого явления у автора также скорее позитивная, чем негативная. «В зависимости от смысловой оформленности эргонимов, графогибридизация носит семантический или асемантический характер. При семантической графогибридизации встроенные элементы графических систем других языков дополняют эргоним ситуативным прагматическим значением: оно может актуализировать специфику организации, род деятельности, предлагаемые товары и услуги, атрибут данной услуги, тогда как фонетически слово остается неизменным и произносится без искажения первоначального фонетического облика» [1, с.148]. Пример семантической графогибридизации: ***Beer****лога* = beer (< англ. ‘пиво’) + берлога – пивной бар, место с приглушенным (как в берлоге[3]) светом, где можно попить пива [там же]. Результатом семантической графогибридизации, по мнению Е.С. Бутаковой, становится «языковая игра, поскольку она имеет целью создание комического, остроумного эффекта, результатом асемантической графогибридизации является лингвистическая креативность как результат лингвотворческой деятельности носителя языка». Примеры: *CURточка,* ***V****ектор,* ***Z****верев, Копи****R****ка, Модный ба****Z****ар* [1, с.148].

Е.С. Бутакова детально анализирует различные приемы языковой игры (словообразовательной, морфологической, синтаксической и проч.), определяет их цели и функции и считает, что наименования типа *БиTel, КомпStar* «отражают лингвокреативное мышление их создателей», а «морфологические игры» с артиклями или предлогами типа *La Foto; Ля Боте* и многие другие «не производят эффекта остроумия, эмоционального воздействия, более вероятна реализация эмотивной функции для восприятия эргонимов в качестве иностранных слов и создания эффекта иноязычности» [1, с.149]. Главный вывод – проявление лингвистической креативности обусловлено реализацией преимущественно эмотивной, аттрактивной, экзотической функций [1, с.151]. И создание эффекта «иноязычности».

[3] Откуда в настоящей берлоге приглушенный свет? – хочется спросить у автора.

Известный исследователь лингвокреативности Е.Н. Ремчукова, однако, совершенно справедливо замечает по этому поводу, что неоправданное и чрезмерное злоупотребление латиницей в рамках приема графогибридизации вызывает естественное отторжение профессиональных и «наивных» лингвистов [10, с.162].

Графогибридизацию (смешение латиницы и кириллицы в одной номинации) Е.Н.Ремчукова рассматривает как активный процесс, реализующийся в разнообразных формах [11, с.92]. Под ***лингвокреативностью*** мы, вслед за Еленой Николаевной, будем понимать творческое преобразование семантики и структуры языковых единиц, использующихся для номинации [11, с.89].

Факт широкого внедрения латиницы в городскую среду Е.Н. Ремчукова объясняет стремлением владельцев различных заведений привлечь как можно больше посетителей, а тенденцию к латинизации как общую черту всего коммуникативного пространства России связывает с процессами глобализации, широким распространением Интернета и английского языка как рабочего в разных областях жизни современного общества. Отношение к этому факту общественности, как пишет Е.Н. Ремчукова, неоднозначно: преобладание критических тенденций характерно для «наивных лингвистов», произвольно обобщающих весьма разнородные, с точки зрения профессионального лингвиста, факты [11, с. 90]. Существующая на улицах наших городов мода на иноязычные элементы, которая проявляется в сфере коммерческой номинации, когда на вывесках различных заведений латинская графика выполняет аттрактивную или декоративную функцию, внедряется в русские наименования, разрушая орфографический облик слова (*БуLка; VSЁ; РАDОСТЬ*), вызывает, как правило, негативную реакцию и «наивных», и профессиональных лингвистов [там же].

Данный тип графогибридизации классифицируется лингвистами как *асемантический*, к нему относятся а) замена отдельных кириллических букв латинскими (диско-бар «*MESTO VSTРЕЧИ»* в Санкт-Петербурге); б) транслитерация русского слова (*KVADRAT; Leto*); в) использование иноязычных типографических знаков (&; @; ’ и др.). «Урбанонимы такого типа представляются эстетически непривлекательными и этически некорректными, особенно в тех случаях, когда латиница используется в словах, обладающих ярко

выраженным национально-культурным компонентом» [11, с.93] (*Katiusha*).

Семантический тип графогибридизации может рассматриваться, по мнению Е.Н. Ремчуковой, как средство реализации стратегии «повышения статуса» (например, при употреблении английского определенного артикля the в наименованиях типа «The Веранда», «The Сад») либо как средство для выполнения информативной функции (салон красоты «*ИSPАНИЯ*» : SPA и Испания) [там же]. Графогибридизация и латинская графика играют важную роль в городской номинации, что обусловлено коммуникативной стратегией «повышения статуса», однако злоупотребление этими приемами как средством создания креативной номинации объясняется отсутствием «сдерживающих механизмов» – серьезных регуляторов в сфере нейминга, – делает вывод Е.Н. Ремчукова [11, с.94].

Об употреблении латиницы в русском тексте еще в 90-е годы писал В.Г.Костомаров [5]. По мнению многих учёных, основными причинами использования латиницы в русском письме являются её престижность, языковая игра, привлечение внимания за счёт разнообразия внешнего облика названия, актуализация дополнительных смыслов, выстраивание ассоциативного ряда, экспрессивность [8]. Лидерами графического иноязычия считаются буквы D и Z. «Самой важной причиной появления заимствований и, тем самым, изменения языковой среды является престижность английского языка по отношению к русскому. Это может привести к дальнейшему изменению ценностных ориентиров в обществе, когда все, что каким-либо образом связано с английской культурой, считается более ценным» [7, с.132]. Действительно, название фирмы одежды, написанное, например, русскими буквами не привлекает покупателя, а та же одежда с непонятным «иностранным» наименованием, написанным латинскими буквами, воспринимается как «импортная»[4].

[4] Например, мужская одежда украинского производства скрывается за «нейтральным» названием фирмы Arber, вводя потребителя в заблуждение относительно страны происхождения товара. Российская компания, владеющая сетью магазинов обуви и аксессуаров, с той же целью названа ZENDEN.

Таким образом, то, что многими исследователями определяется как лингвокреатив и языковая (графическая) игра, представляется мне явной **манипуляцией**, определяемой как «вид речевого воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [6, с.566].

«Вербальную манипуляцию понимают по-разному, однако есть позиции, которые незыблемы. Во-первых, манипулятивное воздействие носит скрытый характер (отправитель речи делает все возможное, чтобы скрыть истинные цели высказывания). Во-вторых, манипулятивное воздействие заведомо осуществляется не в интересах адресата, наносит ему моральный и/или материальный ущерб. Использование современных англо-американизмов нередко служит именно манипулятивным целям» [3, с.61]. Применительно к графогибридизации использование на улицах городов, в наименованиях магазинов, кафе, баров и ресторанов латинских букв, символов и слов английского (французского и др.) языка манипулирует сознанием потребителя (в том числе – детей и подростков), деструктивно с точки зрения экологии языка, разрушает графику и орфографию русского языка, стремится воздействовать на эмоциональную сферу человека, имея целью создание «атмосферы богатства, роскоши, успеха», одним из атрибутов которых якобы является данное заведение/товар/услуга.

Основные характеристики манипуляции – неосознанность ее объектом осуществляемого над ним воздействия; воздействие не только на сферу сознательного (разум), но и на сферу бессознательного (инстинкты, эмоции), создание иллюзий и мифов и т. д. [14].

Распространенность данного вида манипуляции (латиница, графогибридизация, иноязычные номинации на вывесках городов и поселков) столь велика, что не обращать внимания или полагать, что это явление временное и будет преодолено самим русским языком, что оно не представляет опасности для русской графики, орфографии и экологии языка, больше нельзя.

Исследования лингвистов показывают, что в разных регионах (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Томск, Крым и др.) «ономастический ландшафт» (Е.Н.Ремчукова) имеет свою специфику, но общая тенденция употребления латиницы (и прямых англо- и

иноязычных наименований) налицо. Так, в Санкт-Петербурге более 46% названий ресторанов передается латиницей, что существенно выше, чем в Казани (30%) и Москве (35%) [11, с.91]. В Томске более 3700 (!) наименований иностранного происхождения [2, с.5]. Исследование прагматонимов Крыма осуществила Сунь Юйминь [13; 14].

Справедливо отмечая активизацию появления иноязычных надписей с использованием латинской графики во всех славянских постсоветских государствах, автор разграничивает разные явления: 1) названия представительств иностранных компаний; 2) названия ресторанов и других пунктов питания, представляющих национальные кухни; 3) названия фирм, существующих в других странах и, соответственно, в других языках [13]. По данным Сюнь Юйминь, в номинациях различных крымских фирм и разного рода заведений заимствования из английского языка составляли 70% (что вполне отражает динамику процессов глобализации); на втором месте – заимствования из французского языка, далее следуют заимствования из итальянского и испанского языков и единичные – из немецкого [13].

Разумеется, за прошедшие со времени исследования Сунь Юйминь 6 лет многие наименования исчезли вместе с фирмами и заведениями (о недолговечности таких коммерческих урбанонимов сказала Е.Н. Ремчукова [11]), однако в целом ситуация на улицах города Симферополя изменилась мало и не в лучшую сторону. Даже беглый взгляд на вывески центральных улиц и площадей города обнаруживает засилье иноязычной **графики** (графогибридизация и транслитерация), но что еще удивительнее – иноязычной **лексики**. Наш материал, собранный, что называется, не сходя с места, дает основания говорить о том, что в г. Симферополе ***графогибридизация*** встречается редко (***Z****оологія* – вывеска, оставшаяся с «украинских» времен, здесь латинская только первая буква; *ЭЛЬ**D**ОРА**D**О* – сеть магазинов электроники; *Бу**L**ка* – полное название *БуLка&Coffee* включает заимствование из английского языка); ***транслитерация*** применяется чаще: *PANDA* (кафе); *Kofein* (кофейня); *KVADRAT* (кальянная); *LETO* (кафе); *Ulichnaya eda halal*; *FORMA* (сеть аптек); *Mama Lena pizza.*

Встречаются «креативные» наименования, неологизмы, которые написаны на вывесках латиницей: *RIBIZA* (***Рыбица*** – летний

ночной клуб в «Рыбацкой деревне»); *Ssera* (мебельные салоны); *TATLY* (на вывеске маленькими буквами также написано слово *Divan*, что не добавляет информации несведущему прохожему, однако судя по тому, что рядом есть вывеска «Крымская кофейня», можно ощутить национальный крымскотатарский колорит). Есть вывеска букмекерской конторы *BETCITY*, которую можно прочитать как английскую ([бэтс'ит'и] – «город ставок», однако это должно быть написано раздельно), либо как гибридную [в'етс'ит'и]. Стоит заметить при этом, что другая сеть букмекерских контор называется *ФОНБЕТ*, что представляется гораздо более приемлемым вариантом написания.

Однако подавляющее большинство «нерусских» вывесок составляет полностью заимствованное (написанное на языке-источнике) и смешанное написание – это примерно 75% вывесок с использованием латинских букв. Больше всего, бесспорно, английских наименований: точки продажи кофе – *Coffee Point; Coffee & Cakes; Anush Coffee House; Black coffee*; различные магазины – *PAUL&SHARK; Jingle* (галерея мобильных технологий); *ALTA MODA Italy; In TIME; MARKET.**DO4A.COM*** (спортивный супермаркет); *GLAMOUR bags&shoes; Monet* (по-французски) и т.п. Кафе и другие точки питания: *AQUA Premium Lounge; NYSP : NEW YORK STREET PIZZA; MERRY BERRY CAFE; Grill Bar; Black Fox Lounge; PANINI HOUSE; Party Bordo Cafe; LIGHT HOUSE Lounge Cafe; HAPPY BURGER; Divan cafe Halal; PIZZA* (итал.); булочная-кафе *Boulangerie* (франц.), малопонятные, но с национальным колоритом *Doner kebab* и мн. др.

Еще более впечатляющими являются смешанные наименования (смесь «французского с нижегородским»): *Чебурек-HOUSE; Katiusha sky; SMILE шар; NEW Казанова; ShaModa*. Встречаются и ошибки, свидетельствующие о неграмотности хозяев заведений – *restauran* вместо *restaurant.* Все это пестрит разными красками, бьет в глаза и вызывает недоумение: где мы находимся? в какой стране, каком городе, почему мы здесь оказались? Как город Симферополь превратился в какую-то «заграничную» провинцию? Особенно нелепо выглядят как бы «престижные» иноязычные названия и вывески на обшарпанных стареньких домах (в Симферополе: вывеска INDIGO, за которой кроется непонятно что – студия, школа, магазин? – все эти слова тоже есть на вывесках рядом,

и расположено все в квартире старого одноэтажного дома; кафе в доме с облупившейся штукатуркой – см. фото).

Лингвисты отмечают причины употребления латиницы и функции, которые такой прием выполняет. Основными причинами называют повышение престижности, статуса заведения, глобализацию, распространение Интернета и английского языка; приемами – языковую (графическую) игру и лингвокретивность. Основные функции – привлечение внимания (аттрактивная), актуализация дополнительных смыслов, выстраивание ассоциативного ряда, экспрессивность, декоративность, выделение из ряда подобных (информативность) и др. [1; 2; 4; 8; 11; 12; 16]. Со всеми ними нельзя не согласиться, однако если в 90-е годы XX века, когда все это только начиналось и развивалось в нейминге, аттрактивная, экспрессивная и эмотивная функции действительно реализовались с помощью таких приемов, то в современной ситуации, как кажется, их эффективность значительно сокращается: утрачена новизна, сами номинации и приемы их создания повторяются (все они уже описаны в научной литературе). Вывески с латиницей привлекают к себе внимание тогда, когда они являются единичными на фоне всех остальных, если же общее количество вывесок на русском языке (с кириллицей) и на «нерусском» языке (с латиницей) становится почти равным, функция экзотизма не выполняется.

С другой стороны, манипулятивное воздействие иноязычной графики на сознание и подсознание потребителя (эффект «иноязычности», стратегия «повышения статуса», престижность английского языка по отношению к русскому) может привести к весьма негативным последствиям: носители языка (прежде всего, молодежь, владеющая английским языком) не всегда успевают «переключать коды», возникает интерференция (сначала графическая), размываются нормы (языковые и речевые, графические и орфографические), развивается пренебрежение к родному языку и его графике (она не престижна!), нарушается экология языка.

Разумеется, противостоять глобализации нелегко и запретами в языке ничего не добьешься. Есть и объективные причины проникновения латиницы в нашу жизнь: английский алфавит короче русского, в первые годы распространения мобильных телефонов количество символов в СМС-сообщениях имело большое значение: число кириллических знаков в СМС было в 2 раза меньше, чем количество латинских букв, и транслитерация получила широкое распространение. Молодежь (которая сейчас уже стала людьми среднего возраста, наиболее активного и трудоспособного) свободно владеет этим приемом и, в большинстве своем, знает иностранные языки, поэтому вывески кириллические или гибридные воспринимаются ими практически одинаково, графика не отвлекает их внимание. Таким образом, «страдают» от графогибридизации младшие и старшие слои населения, о которых следует позаботиться.

Запретить лексические заимствования невозможно и бесперспективно, однако запретить использование латиницы на улицах наших городов, в наименованиях наших (отечественных) фирм, как кажется, не просто можно, но и необходимо. Сохранив при этом транслитерацию топонимов на дорожных указателях, перевод на английский язык названий улиц, достопримечательностей, остановок общественного транспорта – всего того, что необходимо иностранным гражданам для того, чтобы ориентироваться в наших городах. Кроме этого, на вывесках могут (и должны) быть написаны на языке оригинала названия представительств иностранных компаний и фирм, которые являются товарными знаками (например, Apple; Samsung). Это так называемые прагматонимы-глобализмы (О.С.Фоменко), которые распространены в

транснациональных масштабах и известны в разных странах, прочно закреплены в языковом сознании представителей различных лингвокультур, связаны ассоциативными связями с номинированными ими товарами (услугами) [13]. Эти прагматонимы могут использоваться на вывесках города как в оригинальном (аутентичном) графическом виде – Sony; BMW; L'oreal, так и в транслитерации – Ниссан; Найк; Кока-Кола.

Органы местного самоуправления могут рекомендовать бизнесменам при регистрации фирм не использовать буквы латинского алфавита в официальных названиях, что вовсе не исключает ни креативности, ни языковой игры в этих наименованиях. Так, в Симферополе есть *Пивляндия; Пивоpотти; Коффишка;* оригинальные названия *Братья пекари* (пекарня-кофейня); *Чудо-пекарь;* транслитерация иноязычного слова кириллицей: пекарня *Чао!*, кафе *Амиго*; *Амиголенд*. Много лет назад были открыты сети продуктовых магазинов «Везун*Чик*», «Магазин***чик**», супермаркетов «*Яблоко*», тогда как сейчас в городе появляются гастрономы (вернее, «marketы») *GREEN*…

Хорошо ли это? Крым – многонациональный регион, с 2014 года здесь законодательно закреплены три государственных языка, и если бы вывески на улицах крымских городов пестрели названиями на этих языках (все они, кстати, в основе имеют кириллический алфавит) – русском, украинском и крымскотатарском – их самобытность и привлекательность была бы, на наш взгляд, значительно выше.

Таким образом, «креативность» и «языковая игра» с латиницей превращаются в манипуляцию, а «повышение престижности» – в низкопоклонство.

Литература

1. Бутакова Е. С. Лингвистическая креативность в томской эргонимии // Вестник ТГПУ. 2013. № 3 (131). С.146-152

2. Бутакова Е.С. Эргонимы иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города. Автореф. дисс. … канд. филол. наук 10.02.01. – русский язык. Томск, 2013. – 27 с.

3. Гуторова Н. С. Англо-американизмы и речевые стратегии // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). — М.: Буки-Веди, 2014. — С. 61-63.

4. Иванова Ж.В. Графогибридизация как разновидность графической игры // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Мат-лы междунар. науч. конф. Вып. I. Ростов н/Д: НМЦ “Логос”, 2007. 360 с. С. 191–193.

5. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.

6. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2007. – 840 с.

7. Ломтева Т.Н., Пахаренко С.В. Процессы языковой гибридизации в картине мира принимающей лингвокультуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12(54) часть 4. С.129 – 133.

8. Лохов С. Латиница и кириллица в структуре русского слова [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://verbis.isu.ru/2012/11/blog (Дата обращения 29.01.2018).

9. Попова Т.В. Графодеривация в русском словообразовании конца XX начала XXI века // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. М: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 230-231.

10. Ремчукова Е.Н. Прагматическая и эстетическая ценность «массового креатива» // Труды Института русского языка имени В.В.Виноградова. 2016. Т.7. № 7. С.157-168.

11. Ремчукова Е.Н., Замалетдинова Л.Р. Коммерческие урбанонимы России в аспекте креативной речевой деятельности // Ценности и смыслы. 2016. Т.1 № 6 (46). С.87-95.

12. Руденко О. Ю. Феномен иноязычности в современном русском языке (на материале словарей и языка СМИ). Автореф. дисс. … канд. филол. наук, Ростов-на Дону, 2012. 27 с.

13. Сунь Юйминь Номинация объектов оказания услуг в русскоязычном прагматиконе Крыма: лингвопрагматический и лингвокультурологический аспекты. Дисс. … канд. филол. наук по спец. 10.02.02 – русский язык. Днепропетровск, 2012. 209 с.

14. Сунь Юйминь Прагматонимы Крыма (лингвопрагматика и лингвокультурология) – Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 140 с.

15. Треблер С.М. Об инструментах языкового манипулирования // Русский язык: исторические судьбы и современность : Ш Международного конгресса исследователей русского языка. (М., МГУ им. М.В.Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.) Труды и материалы. – М.: Макс Пресс, 2007. – С.533-534

16. Федосеева А.В. Графические игры в аббревиации // Русский язык: исторические судьбы и современность : Ш Международного конгресса исследователей русского языка. (М., МГУ им. М.В.Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.) Труды и материалы. – М.: Макс Пресс, 2007. – С.535-536

17. Ященко Т.А., Сунь Ю. Прагматонимы как отражение языковой картины мира крымчанина / Современная картина мира: крымский контекст // коллективная монография. Симферополь, 2017. С. 68-89

АВТОРСКИЙ ПОЭТОНИМИКОН И ЯЗЫКОВАЯ ДИХОТОМИЯ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ПАРАЛЛЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Н. ГУМИЛЕВА)

К.С. Федотова
ks-weiss@mail.ru
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

В несколько менее значимом смысле, нежели тот, в котором поэзия, по словам И. Бродского, является «высшей формой существования языка», она является и его воплощением, претворением в речи. С одной стороны, художественное произведение отражает особенности индивидуально-авторской речи, с ее внутренним ритмом и темпом, с другой, оно «рождается» в языке определенного периода времени и потому, несомненно, фиксирует языковые черты своей эпохи. Изменения в общенародном ономастиконе неизбежно отражаются в авторском поэтонимиконе, а наблюдение над этими изменениями может быть небезынтересно для понимания причин выбора тех или иных собственных имен, понимания законов онимного пространства языка писателя.

В рамках этой статьи мы остановились на некоторых функционирующих в произведениях Н.С. Гумилева поэтонимах, которые отразили изменения в реальном именнике эпохи.

В монострофе «Не Царское село – к несчастью», написанной 12 июля 1919 г., содержится противопоставление двух названий современного города Пушкин: «Не *Царское Село* – к несчастью, / А *Детское Село* – ей-ей! / Что ж лучше: жить царей под властью / Иль быть забавой злых детей?» [2, т. 4, с. 57]. Смысл приведенной эпиграммы кажется достаточно прозрачным: после Октябрьской революции город, в котором ранее была расположена императорская резиденция, получил новое название, связанное, вероятно, с тем, что в нем находился знаменитый лицей. Образное выражение «*злые дети*» характеризует новую власть, к которой, как известно, поэт относился иронично.

Следует сказать, что в целом топопоэтонимикон Н. Гумилева отличается географической точностью – количественно в нем преобладают названия населенных пунктов и стран, которые в действительности посетил поэт. Однако это не значит, что все географически «точные» топопоэтонимы являются безóбразными, то есть аниконическими. В приведенной выше эпиграмме каламбур построен на обыгрывании значений и противопоставлении притяжательных прилагательных «царское» и «детское». В стихотворении «Нигер» поэт слышит в звуковом облике названий африканских городов монотонные и уверенные звуки барабанов: *бу-сса, гом-ба, тип-бук-ту*: «А вокруг города, точно горсть виноградин, / Это – *Бусса*, и *Гомба*, и царь *Тимбукту*, / Самый *звук* этих слов мне, как солнце, отраден, / Точно *бой барабанов,* он будит мечту» [2, т. 4, с. 48].

На современных картах нам не удастся отыскать города с названиями Бусса и Гомба: Бусса затонул в 1968 г. во время строительства плотины на р. Нигер, а Гомба, по всей видимости, в настоящее время представляет собой небольшое поселение Gwamba, хотя на картах XIX в. этот населенный пункт изображался как достаточно крупный город. В начале XX в. все три упомянутые населенные пункты существовали и располагались по течению р. Нигер, которая и описана в стихотворении.

В стихотворении «Сестре милосердия», написанном в 1915 г., встречаем топопоэтоним *Вильна*: «И вы верьте в здоровье духа, / В молньеносный его полет, / Он от *Вильны* до самой Вены / Неуклонно нас доведет» [2, т. 3, с. 69]. Название *Вильна* столица Литвы носила до 1918 г. В данном случае можно говорить об аниконичности собственного имени, так как оно не имеет какой-либо стилистической окраски.

В произведении «Занзибарские девушки» использовано арабское название страны Абиссиния (совр. Эфиопия) – *Габеш*: «А ему давно надоели / Жирные женщины Габеша, / Хитрые и злые сомалийки / И грязные поденщицы Кафы» [2, т. 2, с. 15]. Представляется, что употребление топоэтонима *Габеш* обусловлено сюжетом стихотворения: речь идет об абиссинце, который решил отправиться в Каир в поисках женщин свободного поведения, то есть причиной выбора собственное имени стала точка зрения, с которой ведется лирическое повествование.

Стихотворение «Судан» описывает внутреннюю атмосферу этого государства в современную для поэта эпоху: дикая самобытность местных нравов сопоставлена с цивилизованным спокойствием колонизаторов-французов: «И спокойно проходят французы, / Гладко выбриты, в белой одежде, / В их карманах бумаги с печатью, / И пред ними *владыки Судана* / Поднимаются с тронов своих» [2, т. 4, с. 25].

Топопоэтоним *Борну*, употребленный в первой строфе стихотворения, является древним названием средневекового государства, территория которого частично совпадала с территорией современного Судана. Как и в «Занзибарских девушках», выбор формы *Борну* обусловлен точкой зрения – лирический герой как бы «изнутри» наблюдает за жизнью в стране, и, чтобы передать культурную атмосферу этой жизни, поэт использует устаревшую и малоупотребительную форму собственного имени: «В белой пене зеленое море, / А за ним сикоморы *Дарфура*, / Галереи – леса *Кордофана* / И спокойные воды *Борну*» [2, т. 4, с. 24]. *Кордофан* – это регион в современном поэту Судане, известный тем, что в нем вспыхнуло восстание местного населения против колонизаторов. *Дарфур* – название еще одной области страны, некогда представлявшей собой автономное образование, как и *Борну*. Обращая внимание на неоднообразное географическое пространство трех регионов (сикоморы *Дарфура*, леса *Кордофана*, воды озера Чад в *Борну*), поэт подчеркивает этническое и культурное разнообразие Судана, который стал единым государством в результате арабских завоеваний, но и сами арабы – «*короли и владыки*» – преклоняются перед новыми завоевателями – европейцами.

Рассмотренные примеры, взятые из поэзии Н. Гумилева, показывают, что поэт стремился к тому, чтобы очерченное географически пространство его произведений соответствовало пространству реальной действительности, однако собственно аниконических поэтонимов в произведениях Н. Гумилева мало. Поэт подчеркивает семантику (*Детское Село – Царское Село*), фонетическую структуру (*Бусса, Гомба, Тимбукту*) поэтонимов, имеющих эквивалент в реальном именнике, использует малоупотребительные и устаревшие формы собственных имен для того, чтобы передать художественный смысл с точки зрения лирических субъектов. Обращение к семантике, фонетической структуре имени помогает воплотить поэтический замысл.

Литература
1. Бродский, И. Поэт и проза. – URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/ br_poetprosa.txt (дата обращения: 27.02.2018).
2. Гумилев, Н.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – М.: Воскресенье, 1998–2007. – 8 т.

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ГЕМЕРОНИМОВ В АСПЕКТЕ МОТИВАЦИИ И ПРИНЦИПОВ НОМИНАЦИИ

Т. В. Федотова
Fedotova66@mail.ru
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
(*Краснодар*)

Имянаречение в любой сфере – сложный и многогранный процесс, который состоит из набора коммуникативных актов, отражающих отдельные ситуации, события [6, с.7]. Номинация и реноминация зависят не только от мыслительных и коммуникативных процессов, но и от познавательной и творческой деятельности номинатора, включенного «в конкретный исторический и социальный континуум и приобщённого к общему языковому сознанию, к знаниям и представлениям своей эпохи» [3, с.5].

Если же говорить об ономастической номинации, то в данном случае следует согласиться с точкой зрения М.В. Голомидовой, что «ономастическая номинация завершается выработкой особого языкового знака – имени собственного, знака, который в системе языка наделён специфическими языковыми полномочиями» [3, с. 11].

Средства массовой информации, как в региональном, так и в общероссийском масштабе, являясь институциональным феноменом, все активнее привлекают внимание лингвистов в аспекте форм репрезентации. На сегодняшний день можно с уверенность сказать, что региональные медиаисследования формируются как особое научное направление.

Достаточно справедливо в данном отношении замечание Т.В. Шмелевой, что онимы, обозначающие институции медиаполя, способствуют созданию особого ономастикона, или специфического оно-

мастического пространства, изучение которого особенно необходимо для понимания регионального ономастического ландшафта в целом [11]. Причем, все онимы соединяются, взаимодействуют, отражая культурную закономерную связь пространственно-временных координат.

Таким образом, ономастикон региональных средств массовой информации функционирует в пространственно-временном поле, в результате чего обнаруживаются горизонтальные (в составе регионального ономастикона) и вертикальные (в составе медиаономастикона) связи, влияющие на увеличение различных подходов к его исследованию [12, с.42].

Цель статьи – проанализировать мотивацию и принципы номинации гемеронимов Кубани, результатом чего является возможность характеризации субъектных особенностей конкретного ономастического массива, включающего более 700 видов средств массовой информации.

В последнее время значительно активизировался интерес исследователей в области изучения периферийных имен собственных: эргонимов, прагматонимов, геортонимов, порейонимов, гемеронимов. В отличие от основных разрядов, а именно антропонимов, топонимов, гидронимов, названные разряды имеют свою специфику. Указанные имена собственные в силу своей производности формируются в более поздний временной период, практически не являются производящими для других именных единиц, но одновременно с этим они находятся в большой зависимости от дискурсов тех сфер деловой активности, в границах которых осуществляется их создание [4, с.113]. Следовательно, актуальность исследования гемеронимов в любом аспекте не вызывает сомнения.

В ономастике для названий средств массовой информации существует специальный термин – гемеронимы. Термин был предложен Н.В. Подольской, а затем понятие было расширено И.В. Крюковой. Гемеронимы (от *греч.* «гемеро», что означает *день, сутки* и «оним» – *имя*) – «собственное имя органов периодической печати, в том числе газет, журналов, информационных бюллетеней» [8, с.46].

Необходимость изучения подобных онимов связана, во-первых, с тем, что в последние десятилетия наблюдается рост изданий

СМИ различной направленности; во-вторых, гемеронимы являются частью ономастических реалий, свидетельствующих о речевой и духовной культуре народа; в-третьих, область гемеронимии мало изучена и требует анализа системы гемеронимов как в общем, так и в региональном аспектах. В связи с этим, можно говорить об актуальности исследования наименований средств массовой информации.

Процесс создания гемеронимов – процесс искусственный и мотивированный, в котором номинаторы интуитивно ориентируются на объективные языковые закономерности и модели естественной номинации.

Обозначая целые серии, тиражи, гемеронимы тем самым имеют особый тип индивидуализации. По мнению О.И. Федосовой, «гемероним осуществляет особую индивидуализацию права на выпуск определенной печатной продукции» [9, с.78]. Кроме того, О.И. Федосова относит гемеронимы к разряду идеонимов, так как названия средств массовой информации являются репрезентантами результатов умственной сферы деятельности человека.

Исследуя факторы, влияющие на появление того или иного гемеронима, необходимо отметить, что в данном процессе велика роль экстралингвистических факторов, а именно связь с историко-культурным наследием и различного рода законодательными актами. Данный фактор влияет не только на информационную наполненность гемеронимов, но и в большей степени на эмоциональную окрашенность, идеологическую и этнокультурную насыщенность.

Специфичность гемеронимов как одного из разрядов ономастической лексики определяется прежде всего тем, что:

– обозначают не отдельные предметы (ср. антропонимы и топонимы);

– имеют особый тип индивидуализации, так как называют объекты, объединенные общей тематикой и идеей;

– содержат наибольшую идеолого-политическую направленность;

– выполняют рекламную функцию;

–недолговечны и изменчивы в зависимости от изменений политической, экономической и общественной жизни;

– содержат специальную лексику, находящуюся в частичной оппозиции к общей лексике;

– представляют собой вторичную номинацию с новым назначением («искусственная номинация»);

– содержат целенаправленность создания;

– привязаны к дискурсу массовой коммуникации;

– имеют адресатную направленность;

– влияют на формирование типового адресата.

Говоря о процессе создания гемеронимов как результате искусственной номинации, необходимо отметить существование различных точек зрения на толкование терминов «естественная номинация» и «искусственная номинация».

Так, В.Г. Гак, обращаясь к обоим понятиям, обозначает ситуацию называния как некую совокупность элементов, которые присутствуют как в сознании говорящего, так и в объективной действительности в момент «сказывания» и обусловливают в некоторой степени отбор языковых элементов при формировании самого высказывания [1, с.358].

В свою очередь, М.В. Голомидова уточняет критерии определения как естественной, так и искусственной номинаций в аспекте содержания, в формальном отношении, в функциональном и гносеологическом аспектах [3, с.4]. Так, по ее мнению, естественная номинация – это процесс неконтролируемого выбора языковым коллективом наиболее оптимального варианта двусторонней (с точки зрения содержания и формы) языковой единицы с позиции использования ее в актах речевой коммуникации; а искусственная номинация, в свою очередь, – это «осознанный и целенаправленный номинативный акт, ориентированный на априорную узуализацию созданной номинативной единицы» [3, с.7].

Таким образом, можно утверждать, что создание гемеронимов – процесс искусственной номинации. Создание имени для какого-либо средства массовой информации предполагает творческую работу коллектива, целью которого является создание такого гемеронима, который бы, в первую очередь, был ориентирован на адресата с его конкретными социальными характеристиками и в то же время учитывал объективные языковые закономерности и модели естественной номинации.

О.И. Федосова, проводя параллель между российскими и британскими названиями СМИ, выделила следующие характерные особенности процесса создания гемеронимов как результата искусственной номинации:

– любой гемероним – это имя собственное, которое создается в результате целенаправленного номинативного акта, ориентированного на рефлексию реципиента (адресата);

– исполнителем данного акта является конкретный автор;

– рекламность, информативность и эстетичность гемеронима являются результатом учета восприятия предполагаемого реципиента;

– свобода номинатора ограничена общепринятой моделью «номинативного поведения» и ориентацией на восприятие адресата [5];

– номинативные интенции автора зависят от цели номинации, стремления «выделиться» на фоне общего номенклатурного ряда, одновременно «угодить» вкусам и интересам реципиента (отобъектные и отадрестные интенции);

– стремление к поиску неординарных, эмоционально-маркированных средств репрезентации интенций номинатора, к экспериментированию в выражении способов языковой игры;

– узуализация гемеронимов сочетается с обязательной письменной фиксацией в средствах массовой информации: печати, рекламных проспектах и вывесках, которые рассчитаны на массовое восприятие и дальнейшее использование всеми членами языкового коллектива [9].

Таким образом, гемеронимы относятся к периферийному разряду ономастической лексики, обладающему определенной самостоятельностью, которая проявляется в способности к индивидуализации. Анализ гемеронимов на региональном уровне позволит получить специфическую информацию о медиасфере региона в аспекте регионального ономастического пространства.

Как уже было отмечено, гемеронимы – ономастический разряд лексики, обладающий периодической изменяемостью, семантической прозрачностью, искусственностью создания, рекламностью и адресатной обусловленностью.

Эта подвижность обусловлена как принципами номинации, так и мотивированностью имятворчества.

Мы опирались на определение принципа номинации, предложенное Н.Д. Голевым, который характеризует принцип как своеобразную ономасиологическую модель, обобщающую наиболее характерные аспекты и признаки в процессе номинации [2, с.12].

В качестве основных принципов номинации для анализа гемеронимов Кубани мы взяли принципы, предложенные И.В. Крюковой [7, с.169-170]:

– идентифицирующий;

– условно-символический;

– символический.

На Кубани зарегистрировано более 700 СМИ. Действуют около 250 типографий различной формы собственности. Разовый подписной тираж газет и журналов во втором полугодии 2006 г. составил 1 млн. 862 тыс. экз., большая часть которых (52,2%) приходится на местные (краевые, районные, городские) издания. Безусловно, для анализа были выбраны не все названия газет и журналов Кубани, а лишь наиболее распространенные.

С точки зрения мотивации, названия газет значительно отличаются от названия журналов.

Самой распространенной группой гемеронимов являются названия, которые мотивированы топонимами, где место издания и функционирования печатного издания является основным мотивационным признаком: *«Горячий Ключ», «Тамань»*.

Большую часть составляют названия с указанием места издания, а также идеи и тематики СМИ: *«Краснодарские известия», «Кубанские новости», «Кубань сегодня», «Вольная Кубань», «Анапское Черноморье», «Апшеронский рабочий», «Армавирский собеседник», «Белоглинские вести», «Огни Кавказа», «Огни Кубани», «Каневские зори», «Кореновские вести», «Новороссийский рабочий», «Заря Кубани», «Прикубанские огни», «Тихорецкие вести», «Туапсинские вести», «За рулем - регион. Краснодар», «Агропромышленная газета Юга России», «Кубанская неделя», «Новая газета Кубани», «Небо Кубани», «Мир Кубани», «Краснодарский курьерЪ».*

Такие гемеронимы, с точки зрения указанной классификации, «относятся к идентифицирующим, так как идентифицируется как место, где данное средство массой информации издается, так и основная идея или тематика печатного издания» [10, с.146].

Доминирование мотивации по месту является основным признаком. По мнению Т.В. Шмелевой, это объясняется тем, что для регионального медиаполя важна фиксация своего региона, «тогда как тематические характеристики региональных изданий весьма предсказуемы, а тематическая дифференциация изданий практически отсутствует» [12, с.43].

Как правило, эти гемеронимы образованы лексико-синтаксическим способом. Это атрибутивные словосочетания с согласованием, в состав которых входят оттопонимистическое прилагательное и родовое определяемое: *«Агропромышленная газета Юга России», «Кубанская неделя», «Новая газета Кубани»* и др.

Другую группу представляют идентифицирующие названия, указывающие на тематику печатного издания, образованные лексико-семантическим способом путем онимизации аппелятивов. Данная группа менее популярна по сравнению с оттопонимическими гемеронимами: *«Обустройство», «Shopping. Люди и вещи», «МАКЛЕР», «Pro свадьбу», «BLIZKO Ремонт».*

Как правило, процессу онимизации подвергаются номенклатурные термины, специальные слова, употребляемые в той или иной отрасли науки или техники, основное назначение которых – конкретизировать тематику того или иного средства массовой информации.

Условно-символический принцип характерен для гемеронимов, которые, «не называя реальных свойств объектов, отражают их косвенно (или условно) посредством метафоры» [7, с.169]: «Гоool!» – журнал для любителей спорта; *«Искусство потребления» – журнал* предназначен для современного жителя большого города, который с интересом следит за тем, как развивается потребительская сфера, принимает участие в светской жизни города и занимает активную потребительскую позицию; «КлючАвто» – журнал для автолюбителей и т.д.

Символические названия – самая немногочисленная группа. К символическим относятся названия «с общим значением положительности, не имеющие никакой смысловой связи с именуемыми объектами» [7, с.170]. Как правило, основной способ образования символических гемеронимов – лексико-семантический: «Единство», «Вперед», «Авангард», «Свет маяков», «Человек труда», «Знамя труда» и т.д.

Т.В. Шмелева называет такое свойство медиаполя «советским наследием». Она считает, что если изучение функционирования региональных СМИ в этом аспекте выявляет нерыночность, отсутствие маркетинговых стратегий, зависимость от региональных властей, то ономастикон говорит о том же наличием символических наименований газет типа ВПЕРЕД, ЗАРЯ, АВАНГАРД» [12, с.45].

Таким образом, условно проанализированные гемеронимы можно разделить на два типа: реальные и условные.

Реальные названия выполняют прагматическую функцию: «имя служит инструментом, открывающим общение с адресатной аудиторией, и фактор адресации, или «настройки» адресата на нужное восприятие названного гемеронимом печатного продукта, неизбежно выступает в качестве значимого коммуникативного ориентира номинативной активности» [4, с.113].

М.В. Голомидова, В.А. Мясникова выделяют принцип индексальности, основанный на отношениях смежности означаемого и означающего, где «актуализируются различные виды содержательных мотивов, причем их актуализация может быть как прямой, так и опосредованной, косвенной» » [4, с.115].

В свою очередь, условные гемеронимы репрезентируют адресата по типу символичности, где осуществляется установление условной связи между означаемым и означающим. Кроме того, гемеронимы, имеющие в своей основе символическое обозначение, вызывают трудность у реципиента в плане их интерпретации, однако они в большей степени дифференцируют объект имянаречения и работают на уникальный имидж издания.

Подводя итоги, можно констатировать, что на территории Краснодарского края преобладают идентифицирующие гемеронимы, которые несут определенный минимум информации о содержании средств массовой информации, об основных проблемах, задачах. Количество условно-символических и символических названий составляет значительное меньшинство. Следовательно, для издателя при создании названия важным фактором остается информативная насыщенность названия в сочетании эмоционально-экспрессивной выразительностью и оригинальностью.

Литература

1. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998.

2. Голев Н.Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны // Русские говоры Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. – С.12-20.

3.Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург: Урал.гос. пед. ун-т, 1998.

4. Голомидова М. В., Мясникова В. А. Образ адресата в названиях периодических изданий // Вопросы ономастики. 2014. No 2 (17). – С.112-119.

5. Горяев С.О. Номинативные интенции субъекта ономастической номинации (на материале русских прагмонимов): дис… канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. – 20 с.

6. Климкова Л. А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ. Москва Арзамас, АГПИ, 2008. – С. 7.

7. Крюкова И.В. Основные номинационные процессы в периферийной зоне ономастического пространства // Ономастика Поволжья. Москва, 1997. – С. 168-172.

8.Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.,1988. – 192с.

9. Федосова О. И. Лингвистический статус гемеронима (на материале российских и британских названий сми) // Известия ВГПУ. 2010. №5. – С. 76-80.

10. Федотова Т.В. Динамика культурно значимых смыслов онима в лингвистических и прагматических аспектах (на материале эмпоронимов Краснодара) // Социально-экономический ежегодник-2015. Краснодар, 2015. – С. 145-149.

11. Шмелева Т.В. Ономастический ландшафт Великого Новгорода. Великий Новгород, 2007. – С. 132–140.

12. Шмелева Т.В. Ономастика : учеб. пособие. Славянск-на-Кубани, 2013. – 161 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ, ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

НОВЫЙ ТИП УЧЕБНОГО ТЕКСТА ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: КИБЕРТЕКСТЫ и КИБЕРОБРАЗЫ

А.А. Акишина
akishina26@gmail.com
ОУПВО АТиСО «Академии труда и социальных отношений»
(Москва)
А.В.Тряпельников
tryapelnikov@yandex.ru
ФГСН РУДН «Российский университет дружбы народов»
(Москва)

Сегодня в сфере преподавания иностранных языков и русского как иностранного, как и в других сферах образования, проявляет себя электронный (информационный [5, с.51]) формат. Такие понятия, как киберпространство, киберсреда, информационное поле и др., уже проникли в лингводидактику. Киберпространство стало новой естественной средой языкового функционирования. Разрастается количество терминов, связанных с понятием «текст»: гипертексты, кибертексты, технотексты, цифровые повествования и т.д. И при этом, к сожалению, у этих терминов до сих пор нет однозначного понимания.

Кибертекст и киберобраз как новые термины в компьютерной лингводидактике привлекают к себе все большее внимание методистов-исследователей. Сегодня уже можно не сомневаться, что в качестве основной единицы обучения в киберобучении (этот термин также уже можно встретить в литературе и учебной практике, так, во Франции существует Ассоциация преподавателей ИЯ, использующих в преподавании цифровые технологии, которая носит название Cyberlangue [4]) выдвигается киберобраз. Киберобраз может быть естественным средством воздействия на обучаемого. «Просто подключите образное мышление» – советуют сегодня профессионалы e-Learning [3].

Невербальным текстом, но визуализированным образом с экрана вызывается большее соучастие зрителя, его непосредственный внутренний творческий отклик и отклик его языкового сознания. Учет таких наступивших и наступающих инноваций в образовательной сфере крайне важен в современном образовании, в том числе и при обучении иностранному языку. Сегодня необходимо различать эти новые явления, определять их и вводить эти новые термины в оборот.

Мы различаем понятия: текст, гипертекст и кибертекст. Кибертекст – это единый, цельный, связанный, завершенный новый тип мультимедийного текста, порождаемый в кибепространстве и из киберпространства, выраженный разными символами, охватывающий большое семиотическое поле, но с единым содержанием и единым смысловым образом. Опираясь на ресурсы Интернета (киберпространство, информационное поле), создаётся новый тип текста, кибертекст. Он собирается в одном кадре из разных видов текстов: видеофрагмент, живописное полотно, фотография, музыкальное произведение, вербальный текст. При этом несет в себе и новый образ, киберобраз, который вызывает внутренний отклик у реципиента. Конечно, в меру его способности и подготовленности к восприятию лингвокультурного кода, в нашем случае – русского языка.

Это принципиально новая текстовая организация, новая образная архитектура, это сплав словесного и образно-эмоционального восприятия мира, которая стала возможна благодаря информационному техническому прорыву (киберпространство, Интернет).

В чем же отличие предлагаемого нами термина *кибертекст* от таких традиционных терминов, как *текст, интертекст* и от относительно нового термина – *гипертекст*? Кибертекст, во-первых, включает в себя все эти виды текста: в нем одновременно представлены и собственно тексты, выраженные различными знаками (словесными, звуковыми, зрительными), в кибертексте наличествуют и гипертексты, то есть ссылки на другие тексты, в нем присутствуют и интертексты, то есть аллюзии на иные тексты. Все это тематически объединено (сплавлено) и представлено в одном объемном тексте-кадре со своим новым киберобразом. Во-вторых,

кибертекст создается и живет только в киберпространстве, поэтому мы и называем его «КИБЕРтекстом», а образ, который он создает, «КИБЕРобразом».

Кибертексты актуальны в преподавании иностранных языков, в том числе русского как иностранного, потому что: а) кибертекст – сплав многих разноплановых текстов, б) одновременно задействованы все каналы восприятия: словесный, зрительный, слуховой, в) к логическому восприятию текста подключено эмоционально-образное восприятие, г) расширены рамки самостоятельной работы студента, благодаря возможности выхода в Интернет, д) кибертекстом легко пользоваться, поскольку он функционирует в электронной среде и при необходимости может быть трансформирован, е) расширяются возможности раннего информационного включения страноведческого материала, когда у студента еще нет достаточно хорошего владения русской речью, ё) расширены возможности интерактивной учебной работы с использованием Интернета и мобильных коммуникаций.

Создание учебников и учебных пособий с мультимедийным приложением теперь становится острой необходимостью. Авторами данной статьи созданы мультимедийные учебные комплексы по русскому языку на материале русской истории и культуры, начиная с VIII века и до конца XX века [1]. Почему авторы обратились к истории и культуре?

XXI век определил новый поворот в изучении языков, этот поворот – антропоцентрический. Язык нации – не просто способ общения, но концентрат культуры, концептосфера. В ответах на вопрос, почему язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры: культуры нации и её воплощения в разных слоях, вплоть до отдельной личности, можно найти ответы на многие вопросы по педагогической, методической и практической организации билингвального обучения языку.

Важные исходные положения, на наш взгляд, заключаются и в следующем. «Язык нации сам по себе является сжатым, если хотите, алгебраическим выражением всей национальной культуры» [2, с. 9]. Нет языка без культуры изучаемого языка. И не будет успеха в освоении культуры без владения языком изучаемой культуры. Язык, культура и этнос неразрывно между собой связаны – это место сопряжения физического, духовного и социального. И

поэтому знание истории, культуры и обычаев народа, язык которого изучается, в сравнении с собственной культурой, с нашей точки зрения, обязательно. Наш принцип: язык через культуру, культура через язык.

Один из естественных путей освоения языка через культуру состоит в непосредственном пребывании в культурной среде изучаемого языка. Другой путь – моделирование языковой среды, этого языкового ситуативно-семантического поля, через представление обучаемым дидактических возможностей длительного и активного пребывания в нём посредством аутентичных текстов, несущих в себе культурные коды и образы.

Тексты и образы, коды культуры (в киберпространстве, то есть в новой естественной русскоязычной языковой среде, – это кибертексты и киберобразы) живут и функционируют сегодня в новой поддерживающей их технологической и инструментальной среде.

В современной образовательной среде существуют разные формы обучения русскому языку как иностранному (РКИ), предполагающие различные способы и пространства организации процесса обучения. Это, конечно, в добавление к традиционному различению организации обучения, в среде языка и вне языковой среды, это и специфические формы и способы представления содержания обучения посредством экрана – видео, электронное, компьютерное представление информации, это кино в Интернете: на сайтах СМИ, публикации фрагментов фильмов в социальных сетях и блогах, в глобальном виртуальном информационном пространстве и др.

Естественная языковая среда существует в Интернете как виртуальная. И это не модель, а проекция в киберпространство живой естественной языковой среды, которая конвертируется в контент как «оцифрованное, готовое к распространению, не стесненное формой содержание» [5, с.17].

Эта проекция несет в себе посредством триединства «текст–гипертекст–кибертекст» культурные и языковые коды и образы. Подобно тому, как это происходит в естественной среде, коды и образы считываются, понимаются и воздействуют на реципиента, возвращаясь к нему с экрана посредством контента из киберпространства, в новом уже – киберобразе.

О характере и силе воздействия киберобраза на реципиента мы знаем из масс-медиа и личного опыта, который сейчас есть у каждого, кто работает с Интернетом. Сила воздействия велика.

Отметим, что профессионально не использовать силу информационного воздействия киберобраза в целях обучения языку, в частности русскому языку как иностранному, в современном образовании мы просто не в праве.

В заключение приведем кадр кибертекста одного из модулей нашего пособия по развитию русской речи и страноведению, находящегося в открытом доступе [1].

Рис. Образец кибертекста. Из серии «Великая Отечественная война»

Литература

1. Акишина А.А., Тряпельников А.В. Url:http://taresurs-ru.1gb.ru/6_r-r-r_yzyk/3_zor_v_5-ti chastych_2knigi/P_2/sssr_1941_1945/index.html

2. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука,1993. Т.52, №1. С.3—9.

3. Образное мышление в e-Learning: советы для профессионалов.Url: http://www.ispring.ru/elearning-insights/obraznoe-myshlenie-v-e-learning-sovety-dlya-professionalov/

4. Центр обучения иностранным языкам Cyber Langues в Ницце. Url: http://www.cyber-langues.com/accueil-1.html

5. Тряпельников А.В. Интеграция информационных и педагогических технологий в обучении РКИ (методологический аспект). М., 2014.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В.В. Борисенко
ohi07@mail.ru
Белградский университет, Республика Сербия
(*Белград*)

Перестройка в современном русском языке проявляется прежде всего в том, что новой продуктивной словообразовательной моделью становится слово как синтагма морфем [4, с.290-291], вытесняя или перетолковывая старый тип слова как парадигмы словоформ. В современной лингвистике имеются по крайней мере два разных определения морфемы и в связи с этим две разных единицы, претендующих на главную роль в грамматике. Речь идёт о морфеме и о слове. По одному определению, морфема – это минимальная значимая часть слова, т.е. морфема рассматривается как производная от слова, здесь слово – центральная единица грамматики. По другому определению, морфема – это минимальная значимая единица языка, т.е. постулируется первичность морфемы по отношению к слову, и здесь уже само слово оказывается лишь соединением морфем [2, с.27-39]. Отсюда и два разных способа толкования и описания слова: 1) слово как парадигма словоформ, и 2) слово как синтагма морфем. Парадигма как позиционная мена словоформ не требует фонемного тождества корней, она допускает чередование гласных и согласных, удлинение или укорочение корня, фузию на стыках морфем, из-за которой эти самые стыки порой так трудно определить; парадигма даже может включать как супплетивизм, так и нулевую реализацию одной из своих словоформ.

Парадигматический характер устройства слова наиболее типичен для славянских языков и прежде всего для русского языка. И пока в языке присутствуют мены такого типа, центральной единицей этого языка является слово как парадигма словоформ, потому что только парадигматическая функция отождествления обеспечивает целостность такого слова, его фразеологичность. При таком синтагматическом подходе к слову нет принципиальной разницы между словообразовательными и словоизменительными формами. Все они просто разные синтагмы. Да и само слово

при таком подходе – вторично, а исходной семантической единицей оказывается морфема [См. 3].

Парадигматичность русского слова в плане его формального устройства поддерживается и в плане семантики его фразеологичностью. М.В.Панов отмечает, что «слово, называя, сообщает больше, чем его состав" [10, с.67]. Обычное русское слово многого недоговаривает, оно только намекает на возможные значения. Напротив, в слове как синтагме морфем присутствует чисто механическая склейка морфем, агглютинация вместо фузии, с чётко выделяемыми стыками морфем, и семантика такого слова – это просто сумма значений составляющих его морфем. К языкам синтагматического типа слов относятся, например, германские языки.

М.В. Панов определил основной тип слова в синтагматических языках как слово-юрту: собрал – разобрал – всё легко. «В русском языке по-другому. Слово – не юрта, которую – соскочил с коня и построил. Слово – строение со своими традиционными присущими особенностями, отдельно спроектированное. В нём должно быть обозначено, что оно – индивидуальность, с которой надо иметь знакомство за пределами мимолётно разговорной встречи» [10, с.77].

Согласно предложенному толкованию такой тип слова можно обозначить как слово-особняк в отличие от слова-юрты. Так вот, современной словообразовательной тенденцией в русском языке является перестройка от слов-особняков к словам-юртам [5, с.201]. Однако здесь следует вспомнить, что именно отсутствие фразеологичности и наличие отдельного ударения на первой части таких слов, как *радиопередача, киносценарий, электроприборы, фотоматериалы*… или *экс-президент, ультра-правые, псевдо-открытие* и т.п., позволило М.В.Панову ещё в 1971 году признать все эти слова словосочетаниями и обозначить в русском языке новый грамматический тип частей речи – аналитические прилагательные [10, с.153-160]. Вопрос оценки таких слов-синтагм как раз в том и состоит: являются ли эти новообразования новыми словами русского языка или здесь речь идёт о словосочетаниях с аналит-прилагательными?

У разных авторов можно найти самые противоречивые ответы на этот вопрос. Так, например, Е.А. Земская в своей книге

признаёт аналит-прилагательными «сокращенные первые элементы слов таких типов, как теле-, радио- и подобные…, превращение подобных элементов в аналитические прилагательные – реальный факт языка. Идёт активное пополнение языка новыми элементами (видео, диско и др.)» [7, с.77]. Другой известный лексиколог И.С. Улуханов спокойно относит подобные примеры к словообразовательным способам префиксации [11, с.102; с.108].

Именно для таких случаев следует вспомнить комментарий М.В.Панова: «Извращённое сознание ультра-диахрониста может видеть в таких прилагательных приставки. Как были, так-де и остались. Эта квази-осторожность не идёт на пользу дела. Действительно, по происхождению – это приставки-интернационализмы. Но сейчас-то они уже псевдо-префиксы, обрели все признаки слова, а, став словами, они неизбежно попадают в класс аналитических прилагательных. Какие признаки? Свободная нефразеологическая сочетаемость с существительными. (Приставки-то фразеологичны! Это в их природе). Сочетаемость с частицами. Фонетическая примета слова: особое, персональное ударение» [10, с.156].

В данной цитате особенно важно подчеркнуть статус слова, который утверждает для этих экс-приставок М.В. Панов, отмечая при этом отсутствие у них фразеологичности. А какой частью речи они являются, это зависит от их позиции во фразе: перед существительными – они прилагательные, но без них – уже существительные (напр., ср. «ультра-правые» и «итальянские ультра»), или даже оценочные наречия (напр., «было супер!»), или даже – «суперски!». То, что отличает эти слова от нормальных слов русского языка – это отсутствие фразеологичности. Именно поэтому у них только позиционное отличие от морфем. При этом возможно даже семантическое противопоставление между старым и новым словом из тех же корней: ср. «интернационализм» как признание равенства разных наций и «интер-национализм», где «интер» – тот же, что и в «интер-талант», «интер-химия», «интер-космос», т.е. где «интер» означает «международный».

С новыми словами как синтагмами морфем связана и сложность их лексического статуса: являются ли эти новые синтагмы морфем словами или словосочетаниями? Все эти *реалити-шоу, шоу-бизнес, шоп-тур, фиш-пикник, фейс-контроль*, если считать

их словосочетаниями, то следует отметить, что в них отсутствуют такие характерные для русского языка синтаксические связи, как согласование и управление. Всюду присутствует лишь один тип грамматической связи – примыкание и один способ соединения – агглютинация вместо типичной для русского слова фузии. Если же признать за такими новообразованиями статус слов, а не словосочетаний, то тогда необходимо признать, что это особый, новый тип слов для русского языка – это слова-синтагмы, слова-юрты, лёгкие для сборки и для разборки, построенные по модели германских языков: они легко распадаются на составляющие морфемы и по форме, и по семантике. И поскольку морфемы в таких словах обладают свободной сочетаемостью, они могут занимать разные места в подобных словах: напр., *шоу-бизнес и ток-шоу, капитал-шоу и шоумен* и т.п. К ним прибавились новые словообразования по той же модели: *мачомен, гадмен, факмен* и *лохмен*. Интересно, что стали более делимыми и старые слова: рядом со словами «спортсмен», «спортсменка» появились «спорт-вумен», «бизнес-вумен», «бизнес-леди». Речь идёт не только об иностранных корнях, приставках и суффиксах: лёгкость склеивания, расклеивания и переклеивания отразились и на давно освоенной лексике: *пресс-центр, центро-банк, спец-наз, литрбол, хохло-баксы*… Здесь можно вспомнить и старые «самиздат» и «тамиздат», да и многие другие аббревиатуры, которым может быть отведена ведущая роль в появлении слов нового типа: слов-синтагм.

Итак, современная тенденция в русском языке – получать новую семантику путём разрезания, рассечения старого слова и превращения его в сумму свободно сочетаемых морфем: напр., название «Жар-птица» даётся палатке, где продают жареных кур, или предлагается название для туристического агентства – «Штука – тур» и т.п. Конечно, можно сказать, что это только словесные игры, но любопытен сам способ такого обыгрывания слов: всюду – это разделение, разрезание. На любое слово можно посмотреть как на слово-юрту: легко разобрал, расклеил, расчленил, а потом легко заново собрал, по-новому склеил. Агглютинация! Например, журнал «Семья» подаётся как «7+Я» или название ансамбля даётся как «ВИА-ГРА», а имя вокальной группы «Тату» обыгрывается как предложение «Та – ту». Рядом с такими словами-расчле-

нёнками соседствуют и давно привычные слова-склейки из аббревиатур своих: Ростелеком, ОМОН, МЧС, спецназ, или слова–склейки из иностранных аббревиатур: PR (пиар): пиарить; VIP-персоны, ВИП-тур…

Некую игру смыслов предполагает и замена старых названий: напр., кафе «Блинная» на «Блин-хаус». Там, где есть слова-расчленёнки и слова-склейки, должны быть и слова-обрубки: *нал, мерс, деза, алик* (алкоголик), *жесть* (оценочное от жестоко), *экстрим, фанат, фан, прикол, беспредел, интим*….

Как уже отмечалось, в появлении слов-синтагм прежде всего виновата американизация нашего общества, поскольку все эти англо-заимствования пришли к нам не только вместе с новыми достижениями цивилизации в виде интернета и интернет-техники заодно с «ай-кью», «бэтменом», «спайдерменом», «топ-менеджером», но они пришли и в виде английских моделей слов и словосочетаний, т.е. в виде агглютинативного нанизывания морфем: напр., «евро-хоккей-тур», «нано-технология», «плазмо-центр», «евро-спорт», «кибер-атака»… С другой стороны, ради экономии усилий говорящего в нашем устном неофициальном общении мы тоже прибегаем к словам-обрубкам. Ведь недаром говорится о близких друзьях-приятелях, что они понимают друг друга с полуслова. Такие слова всегда были яркой чертой молодёжного школьного и студенческого жаргона: лит-ра, физ-ра, препы, госы, истграм, физ-мат, фил-фак. Теперь к ним присоединились ЕГЭ, клава, фотка, фак-мен. Разумеется, что телеграфный стиль языка спровоцирован убыстрённым ритмом жизни, но причина не только в этом. «Саундтрек» сказать быстрее и престижней, чем «музыка к кинофильму». Короткие английские слова-синтагмы хорошо вписались в этот убыстрённый ритм жизни.

Демократизация нашего языка превратилась в плебеизацию языка. Жаргон царит повсюду: в газетах, на телевидении (или «на ТиВи», как сейчас принято говорить), в речи политиков, и в речи телеведущих. Если раньше образцом был язык классических художественных произведений, то теперь тон задают масс-медиа. Для журналиста чем форма подачи материала нестандартней, чем она скандальней, тем лучше, ибо в таком случае привлекается больше

внимания, а значит, и больше читателей. С этой точки зрения, жаргонная лексика оказывается гораздо привлекательнее нормативной.

Английский язык вышел сейчас на роль главного иностранного языка в мире и в российском обществе. Здесь он вступил в отношения билингвизма или, по крайней мере, диглоссии с современным русским языком. Однако следует различать заимствования из английского языка: компьютерную лексику, например, и американизмы, взятые из американского жаргона: например, *баксы, киллер, дринк-сейшн, пижама-пати* и т.п. Как правило, в таких случаях идёт быстрая адаптация к русской грамматической системе, т.е. добавляются не только русские окончания, но и русские суффиксы разговорного стиля: напр., *бёздник, дринкач, олдуха, дринчуга, ньюрашка, шоу-мэнша*.

Таким образом весь этот словесный секонд-хэнд стал частью современного русского языка. Причём, прежде всего в этом процессе отразился диктат современного языка СМИ, которые несмотря на своё название, основной задачей всегда считали функцию убеждения, агитации, а не передачу информации. Собственно говоря, такая функция всегда была главной в риторике, поскольку именно в риторике всегда целью было не сообщить, а убедить. И чисто риторические приёмы всегда использовались в языке масс-медиа: сокращения, политические ярлыки, неологизмы, газетные клише и штампы, слова-идеологемы. Сейчас парадоксы современного русского языка вызваны ещё и тем, что мы благодаря достижениям современной техники возвращаемся в Культуру Устного Слова, возвращаемся после долгих веков существования в Культуре Письменного Слова и при сохранении авторитета этого письменного слова [6, с.39-44]. Именно поэтому так резко возросла в наши дни роль риторики, которая ещё недавно значила «пустая болтовня» [ср. 9, с. 627].

С.С. Аверинцев обратил внимание на «постоянство, с которым термины определённого ряда тяготеют к негативному переосмыслению. Над этим фактом стоит задуматься». С.С.Аверинцев далее объясняет этот факт следующим соображением: «Слова принуждены расплачиваться собственным «добрым именем» за чрезмерный ценностный ореол вокруг культуры речи и мысли» [1, с.7;

с.9]. Это очень глубокое наблюдение. Поскольку точно так «расплатились своим добрым именем» все пафосные слова-идеологемы из советского языка в период перестройки и перехода из СССР в РФ. Теперь в российском языке СМИ соседствуют ненормированная (жаргонная) лексика и рядом с ней – иноязычная и супер-престижная: например, заголовок в газете: «Новая тусовка в парламенте» или «Киномэн для киноманш». При этом появился новый тип слов; происходит грамматическая перестройка от слов-парадигм – к словам-синтагмам морфем, где стыковка морфем – такая слабая (агглютинация вместо фузии), что порой теряется разница между словом и словосочетанием. Очень красочно выразился об этом явлении в своей блестящей статье В.В. Колесов: «Агглютинативное усилие слабеющей мысли прибегает к шедеврам типа лже-квази-псевдо-демократ» [8, с.100].

Итак, в нашем нынешнем разделённом, расчленённом мире меняется сам тип мышления носителей русского языка. Синтагматическое мышление отражается в новых словах-юртах, словах-синтагмах морфем.

Литература

1. Аверинцев С.С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Аверинцев С.С. Образ античности. СПб.: Азбука-классика, 2004.
2. Алпатов В.М. История лингвистических учений. М., 1998.
3. Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные работы по общему языкознанию. М., 1963. Т.2
5. Борисенко-Свинарская В.В. Этюды о русском языке (Взгляд со стороны). Белград, 2012.
6. Борисенко В.В. Парадоксы филологии. Москва, Издательство «Импэто», 2015.
7. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 2005.
8. Колесов В.П. Синтаксис превербов как формула новой ментальности // Славистический сборник / Под ред. Г.И. Сафронова (В честь 70-летия проф. П.А.Дмитриева). СПб., 1998.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1973.
10. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: «Наука» - Школа «Ярк», 1999.
11. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В ПАМЯТНИКАХ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА ЗАБАЙКАЛЬЯ XVII–XVIII ВВ.[5]

Ю. В. Биктимирова
Забайкальский государственный университет
(Чита)

Деловая письменность занимает особое место в решении многих задач, связанных с изучением процесса становления и развития русского литературного языка нового типа. Возрастающая роль делопроизводства в период XVII-XVIII веков, все более расширяющаяся сфера применения делового языка обусловили огромное жанровое и функциональное разнообразие деловой письменности. Особый интерес в этом отношении вызывают переводные документы дипломатического характера, отражающие время языковых контактов, интенсивного заимствования и усвоения иноязычной лексики. В основном учеными изучаются переводные памятники разных жанров и периодов из Посольского приказа, присланные из стран Европы и Ближнего Востока [1, 2, 7]. Активно исследуются орфографические способы передачи иноязычных названий, особенности построений синтаксических конструкций. На фоне этих исследований привлечение в научный оборот переводных произведений отдаленных государств, а именно, древних государств Дальневосточного региона практически не ведется. Между тем изучение переводных документов могло бы восполнить недостающие факты истории освоения Сибири и Дальнего Востока, а также представить полную картину развития русского национального языка на периферии Московского государства. В этом плане неизученными с точки зрения лингвистического источниковедения остаются переводные документы дипломатической переписки китайского императора с русским царем. Если в европейской части Московского государства контакты с различными государствами были делом обычным, то на востоке государства каждое письмо от китайских правителей вызывало

[5] Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 2018 г. № 18-012-00270-а «Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект».

недоумение, а за неимением переводчиков обычно оставалось непрочитанным.

Объектом нашего исследования явились документы из корпуса памятников письменности Восточного Забайкалья XVII–XVIII вв., переведенные с китайского (или маньчжурского) на русский язык с помощью латинского языка-посредника, проходящие под одним названием – «Список с переводу латинского письма» из фонда Сибирский приказ Российского государственного архива Древних актов [6].

Статья посвящена выявлению следов языковых контактов канцелярии Нерчинского воеводства и Даурских острогов с правителями и представителями Цинской империи, зафиксированных в языке памятников делового письма Забайкалья XVII–XVIII вв.

Степень достоверности источников подтверждается, во-первых, пространственно-временными характеристиками изучаемых памятников – «листы» изначально находились в склейке «столпа» документов, который был отправлен в Сибирский приказ Нерчинским воеводой. Во-вторых, в наименовании «столпа» присутствует датировка 7194 (1686) г. и указание «в столпе» царствующих особ – «царствование Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича». В-третьих, палеографическими особенностями [8].

В основе «Списка с переводу латинского письма» исторические события, связанные с освоением Московским государством сибирских земель за Байкалом. Усиление позиций России на малозаселенных территориях вызвало большую обеспокоенность у Цинской империи. Император Канси опасался соперничества России в борьбе за влияние в этом обширном районе и укрепления ее позиций вблизи границ создававшейся своей империи.

В документах говорится о немирном соседстве «русов», «которые в рубежи нш©и вступили обиды jибытки чиня жены идhти и^{х}вплh^{н}, Похищахu всеконе^{ч}но, смuщения jкрамолу во^{з}буждати непри^{с}тали» [6], бесплодных посылках своих грамот в Москву через русских пленников, которые письма уносили, а вести не приносили; возвращении «народовъ которые нарuс бежахъ живuть нехчешь ихъ впелен во^{з}вратити» [6]; пограничных делах на Амуре и относительно своих желаний по этому предмету – «имhсто яччя имянованное рuбежъ положа ме^{ж} тh^{х} рuбhже^{и}» [6].

Исследуемые тексты начинаются с наименования документа и истории их появления в Нерчинском приказе и определения *адресат – адресант*: «Перево^дъ лати^нского пи^сма слисто^в каковы При^сланы в Гдр^твенно' Посо^лско' прика^з ј^зсибирского Прика^зу, Тата'рскиі и хинскиі императір ума своего немhрение крискому ха та^нха^н …» [6].

В нескольких «листах» содержится близкий к тексту оригинала пересказ писцами трех писем императора Канси «белому царю», китайских вельмож воеводам. Исследуемый памятник вольного пересказа «листов», переведенных с китайского (маньчжурского) на латинский, а затем на русский состоит из трех значительных частей: в полной мере представлен переведенный текст трех писем. Об этом исполнитель документа или переводчик сообщает: «…Вдрugомъ латинско^м пи^смh написано то^ж что јвыше сего вперво^м написано в третье^м латинскомъ письмh написано …» [6].

Первое письмо к русскому царю написано от имени императора Канси: «Тата'рскиі и хинскиі императір ума своего немhрение крискому ха та^нха^н…»; третье письмо – от группы вельмож: «Кра'ный воиснскиі нача^лник кин пингъ хенъ кра'няго совh$_{т}$ совhтникъ и кра'нехъ snак и я^з тунгъ Пао намhстникъ кра'немu нача^лнику товарыщ Панда^жса намhстникu и кра'нему начальникu итоварыща титul исанъ носяще мала и прочи…» [6]; четвертое письмо в Нерчинский острог, а обращение «к вам воеводам», предполагает, что такие письма был разосланы всем воеводам острогов Даурии. Дается и описание латинских писем: «И на thхъ листа^х печати приложены киноваремъ а впечатехъ слова кита'ские и богдоиские А на полотнh написан та^нГuцкимъ писмомъ на •л©д• строкахъ, Гди помилu' и спаси на^с все одно, а бо^лши^х thхъ рече' ничего ненаписано …» [6].

Исследуемые документы с точки зрения жанровой регламентации обозначены писцом или копиистом как «список с переводу латинского письма». Приблизительный перевод-пересказ писем китайского императора и его подчиненных с китайского на латинский, с латинского на русский имеет ряд жанровых особенностей, характерных для посольских документов [7].

Структура «листов» состоит из нескольких клаузул: обращения, изложения основного содержания письма и заключительного блока, включающего в себя дату написания и имя автора. Во всех

письмах отражена формула адресата и адресанта. Сравнивая «листы» с другими письмами приказного делопроизводства, можно сказать, о минимальном использовании формул и клише приказного языка. Связано это как с особенностями перевода, так и с разными традициями составления документов. Исходя из этого можно предположить, что формулы типа – *душа моя неповолила, ума своего намерения, листы моего хотения* и пр. являются клаузулами оформления деловых бумаг в Цинской империи. Также в традициях составления документов в Цинской империи не было принятой в европейских государствах записи наименования правителя с перечислением земель, что фиксируется в исследуемых «листах».

Жанром во многом определяется лексика документа. Лексика характеризуется несколькими пластами, которые присущи переводным памятникам дипломатического характера: общественная, политическая, юридическая, дипломатическая, военная.

В исследуемых памятниках обширен иноязычный материал ономастического характера. Значительное количество собственных имен, географических названий предметов обихода в различных графических и фонетических вариантах дает представление об адаптации иноязычных слов как из европейских языков (императір), так и из китайского и маньчжурского (Гантимир'ка, нача^{л}ник кин пингъ хенъ, Императора ка^{м}хи, которые были во хе^{н}гбh jвтаких jны^{х} мhсте^{х}), в русском языке и нормах произношения на русском языке и языке переводимого текста. Например, «мhсто оноё имянованное ягучя» представлено в вариантах – яч-чя, яччя, ячи-чя.

Исследуемые документы отражают в написании, с одной стороны, облик живой народно-разговорной речи XVII в. (чюжи не хочютъ, чюжую, сылы, жалая, естли, императир), с другой, намеренную и порой надуманную архаизацию, отражающуюся написании слов, возможно, для создания эффекта текста высокого стиля (хощи, пелен, древле, будучие, народя). Судя по многочисленным фактам путаницы написания буквы ***а*** на месте ***о*** в слабых позициях в корнях, приставках, суффиксах и окончаниях слов, например, *сабак, токой досады, гроницы, воевоти*, писец не был носителем русского языка, но возможно, был славянином.

Вопрос вызывают многочисленные заимствования из других языков, фиксируемых в русских деловых литературных памятниках

начиная середины XVII в. – *шеренги, королевство, император, царское величество* и др. Эти слова не фиксировались автором статьи в корпусе памятников Восточного Забайкалья XVII в. Также эти слова не нашли своего отражения и в «Словаре русского языка XVIII Восточная Сибирь. Забайкалье» [3]. Тройной перевод текста позволяет проникновению не только западных элементов, но и восточных – так, русский царь именуется танханом, что можно перевести с монгольского как *белый князь* и пр.

Как видим, исследуемые переводные «листы латинского письма» являются интересным лингвистическим источником с точки зрения отраженных в них явлений языковых контактов Русского государства с Цинской империей в период формирования языка русской нации. Анализ языка памятников показал последовательность в намеренной архаизации путем употребления церковнославянских слов и форм писцами, что, вероятно, являлось маркером дипломатических документов. Между тем живые формы и произносительные варианты, отраженные в языке памятников, могут свидетельствовать о том, что переводчик диктовал текст писцу, переводя устно с латинского языка. Тексты «листов» отразили эти две, казалось бы, взаимоисключающие тенденции – намеренная архаизация и тонная передача живой звучащей речи, что, конечно, оправдывается как жанром документов, так и отнесенностью к языку переводной литературы.

Вопрос об авторе писем перевода с латинского остается открытым, намеренно архаичные книжные формы, лексика, незнакомая писцам Нерчинского воеводства, труднообъяснимые фонетические явления, отраженные в орфографии – все это наводит на мысль, что автором перевода на русский язык латинских писем мог быть иезуит, славянского происхождения, находивший на службе у китайского императора, или же плененный русский, долгое время проживавший на территории Цинского государства в чуждой языковой среде.

Язык и культура первых переселенцев Забайкалья испытали влияние иноязычного и инодиалектного окружения, территориальное соседство русских, эвенков, бурят, маньчжуров, китайцев, их экономические и культурные связи, а также бытовые и семейные отношения неизбежно создавали благоприятные условия для многочисленных заимствований. Памятники деловой письменности

Нерчинского воеводства, несмотря на жесткую регламентацию и стилистическую маркированность, отражают многочисленные языковые контакты разных народов Забайкалья.

Литература

1. Демьянов В.Г. Отражение языка оригинала в иноязычных словах перевода (по материалам вестей-курантов) // Источники по истории русского языка XI-XVII вв. – Москва, Наука, 1991 - С. 99 -109

2. Документ в российской истории / А.Я. Александрова [и др.]; под научн. ред. П.В. Чеченкова; Нижегород. гос. тех. ун-т. – Нижний Новгород, 2012. – 192 с.

3. Майоров А.П. Словарь русского языка XVIII Восточная Сибирь. Забайкалье. Москва, Азбуковник, 2011 – 584 с.

4. Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII-м веке // Записки восточного отделения императорского русского археологического общества. Том XXI. Вып. 2-3. СПб. 1912 http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Manc_rus_kit/pred.htm

5. Попов И. М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны [электронный ресурс]. URL: http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/popov-igorj-mihajlovich/rossiya-i-kitaj-300-let-na-grani-vojni/4 (дата обращения – 20.04.2017).

6. Российский государственный архив Древних актов – РГАДА. Ф. 214. Стб. 973. Л. 93-96. 193-194. 1685-1686 гг.

7. Старикова Г.Н. Посольские отчеты XVII в.: жанровое разнообразие, лингвистическая содержательность // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. №1 (33). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/posolskie-otchety-xvii-v-zhanrovoe-raznoobrazie-lingvisticheskaya-soderzhatelnost (дата обращения: 21.08.2017)

8. Христосенко Г. А. Палеографический альбом (учеб. сб. снимков с рукописей Нерчинских документов делового письма конца XVII–перв. пол. XVIII вв.) / под ред. Н. А. Цомакион. Чита, 1973. - 112 с.

ИЛЛОКУТИВНЫЕ ЦЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ ДОНЕЦКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ И СПОСОБЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

О.В. Блюмина
olya00700@mail.ru
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(Горловка)

Современная проповедь стала объектом пристального внимания лингвистов. При этом главным объектом рассмотрения становится речевая организация проповеди. Этому посвящены исследования Н.Ю. Ивойловой, О.А. Прохватиловой и мн. других. В нашей работе предпринимается попытка определения основных иллокутивных целей современной донецкой православной проповеди. Объектом исследования послужили проповеди архимандрита Паисия (Шинкарёва), главы миссионерского отдела Горловской и Славянской епархии.

Как известно, «церковная проповедь – это речь религиозно-назидательного характера, с которой священнослужитель обращается к верующим во время богослужения» [3]. Вполне очевидна иллокутивная цель любой проповеди: раскрыть и донести до сознания верующих истины христианской веры, побудить слушателей сообразовать свою жизнь с христианским учением, переосмыслить свою жизнь и найти путь к свету [2].

Рассматриваемые нами проповеди связаны с тремя праздниками Богородицы: Покров Пресвятой Богородицы, Благовещением Богородицы и Успением Богородицы.

Напомним, что Церковь ставит Мать Иисуса Христа, Богородицу, выше всех святых, выше всех ангелов. Это вполне объяснимо: от земной Матери воплотившегося Бога требовался величайший подвиг. «И Дева Мария добровольно и свободно пошла на это. Богородице хватило веры, чтобы не усомниться в Своем предназначении, у Нее было достаточно духовных сил, чтобы не возгордиться, и достаточно смирения, чтобы нести Свой крест. Ведь она с самого начала знала, что земное служение Ее Сына окончится трагически. И как верующий человек, и как Мать Она перенесла немыслимые страдания. А пошла Она на это, потому что хотела спасения всем нам, всему человеческому роду» (https://foma.ru/o-pochitanii-bogorodiczyi.html).

Три праздника в честь Богородицы – это три иллокутивных акта, определяющих поведенческие правила православного христианина.

Первый иллокутивный акт: Покров Пресвятой Богородицы. Проповедь построена по классической модели. В начале рассказывается об истоках праздника: осада русами Константинополя в 930 году и спасение Богородицей жителей Константинополя. По мнению архимандрита Паисия, «по некоторым данным, предводительствовали войсками Аскольд и Дир, которые не щадили никого и с особой жестокостью грабили и убивали жителей». Это, правда, некоторая историческая несуразность, поскольку, как известно, Дир и Аскольд погибли за 50 лет до этого – в 882 году. Но для проповедника историческая правда отступает на задний план: важнее становится иллокутивно маркированное событие – раскрытие над молящимися Богородицей омофора, широкого плата, который укрыл их от зла.

Иллокутивные цели проповеди раскрываются самим проповедником.

Первая цель. Проповедник определяет особый статус церкви: «Церковь не сооружение, не храм. Церковь – это мистическое Тело Христа, где каждый из нас – частичка этого Тела». Иллокутивным маркером в этом случае становится упоминание храма, который выступает в качестве центра единения сил, вход в храм Богородицы, раскрытие ею в Храме омофора. Иллокутивную цель в данном случае можно определить как подчёркивание особого статуса церкви и храма в борьбе с напастями.

Вторая цель. Утверждение того, что «Бог открывается чистым сердцем – Богородицу увидел только блаженный Андрей, хотя храм был наполнен многими людьми различных сословий». Открытие Бога определяется здесь через явление Богородицы – вместившую в себя Господа, и являясь предвечной ходатаицей за людей перед своим Сыном – мать Бога, как мы уже говорили ранее, ставится выше всех святых.

Третья цель – подчеркнуть, что «Богородица, действительно наша общая Матерь, Матерь всего человечества».

Вторая проповедь имеет своей иллокутивной целью на основе описания праздника Благовещения привести нас к идее Божественной Евхаристии – Причастии Тела и Крови Христовой.

Проповедник говорит о том, что чудо божественного зачатия воплощает идею присутствия в каждом из нас Бога.

При этом в тексте появляется вторичная (имплицитная) иллокутивная цель: признание того, что душа у человека есть с момента его зачатия: «Пресвятая Дева Мария поспешила поделиться Своей радостью со своей родственницей праведной Елизаветой, матерью Иоанна Крестителя, которая была уже на шестом месяце беременности. И не только Елизавета, но даже младенец, находящийся в утробе, почувствовали особую благодать – пребывание Бога рядом. Сегодня для тех «мам», которые говорят, что до двух месяцев эмбрион – это ещё ничто, этот текст должен стать особым напутствием, уверить их в том, что жизнь, душа даётся Богом сразу в момент зачатия ребёнка. И мы должны с благоговением относиться к этому Божьему дару жизни!»

Идея существования Бога в душе каждого из нас каким-то образом связывается с идеей моления Богородицы о людях: «быть христоносцами — значит жить так, как жила Пресвятая Дева, чья жизнь была только для Бога и других. Все мольбы Её Сыну были о других, а не о себе».

Третья проповедь – на Успение Богородицы. Она продолжает иллокутивные цели предыдущих двух проповедей. С одной стороны, проповедник утверждает, что быть Богородицей – «полицу всей земли согревать Своей незримой поддержкой души, которые пребывают в унынии и покрывать от всех бед Своим пречистым омофором оказавшихся в беде. Быть надеждой для тех, кто уже потерял всякую надежду» (проповедь 1). С другой стороны – по его мнению, каждый из нас, так же, как и Богородица, «имеет такой же шанс – иметь в себе Тело и Кровь Того же Самого Бога, участвуя в таинстве Евхаристии, причащаясь Его Тела и Крови» (Проповедь 2). При этом появляется третья цель: утверждение не-боязни смерти, возникающей, если следовать предыдущим двум идеям: «Такой человек, по примеру многих святых, опираясь на свой собственный опыт Богообщения, уже не боится смерти. Для него смерть – это не страшное, ввергающее в отчаяние событие, которое полностью лишено какого-либо радостного содержания, как это бывает для неверующих людей, а только новый этап жизни, которая продолжается вечно. Человек может умереть страшно

и бессодержательно, бессмысленно, если так жил на земле. За порогом смерти душу человека, как и душу Богородицы, встречает Христос: вопрос, обрадуется ли человек этой встрече или нет»

Таким образом, в проповеди донецкого священника проявляются три главные иллокутивные цели: призыв быть защитником для обездоленных, призыв обрести в себе Бога и призыв не бояться смерти.

Литература

1. Ивойлова Н.Ю Строй текста современной христианской проповеди. Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ярославль, 2003. 30 с
2. Прохватилова О.А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы: Автореф. дисс. … д- ра филол. наук. Волгоград, 2000. 34 с.
3. Робинсон Х. Библейская проповедь. СПб.: Шандал, 2005. 14 с.

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА ДОНСКИХ КАЗАЧЬИХ ГОВОРОВ: СЛАВЯНСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Е.В. Брысина
filolog@vspu.ru
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(*Волгоград*)

Современные донские говоры – активно функционирующая языковая система, обнаруживающая свою самобытность, яркость, оригинальность, свою способность к самостоятельному развитию. Диалектная речь в течение веков сохраняет, удерживает и регулярно воспроизводит культурную информацию, особым образом закодированную в языковом знаке.

С одной стороны, в семантике диалектных единиц отражаются все основные стороны жизнедеятельности человека. Здесь представлено значительное количество диалектных лексем и фразем, репрезентирующих различные сферы жизни народа – социальную, культурную, конфессиональную и др., а также значительный по объему мир артефактов, явления окружающего мира, разные формы контактов с другими народами. Если говорить о языке донского казачества, то следует отметить, что и в содержании, и в

формах диалектных единиц содержатся указания на родство донского диалекта с общенародным языком и другими славянскими языками, так и на многочисленные многоаспектные отношения казаков с другими народами.

Наиболее широко представлены в диалекте наименования, связанные с социальной сферой (*Круг, казак, пай, атаман*), военной сферой (*полчане, односумы, урядник, сотник, атаманец*), социальным расслоением (*ни сохи ни бороны ни кобылы вороны, жировать, запирать ворота пирогами)*, верованиями и мифологическими представлениями народа (*читать молебну, глазить, жить за Богородицей, дуться как среда на пятницу)*, межличностными отношениями (*не давать в трату, не надышать живота, изваляться в перьях, и гав не брехал* о ком-л., *затянуть уздечку, отмутузить*), межэтническими контактами (*калмычина, сарынь-девка, сарай-ломай-оглы, жить как хохол на отживе, завязать в калмыцкий узел*), трудовой деятельностью (*ледащий, моторный, не выходить из оглоблей, быть и в сохе и в бороне, лепить кизеки*) и др. Здесь в однородном единстве представлены слова и фраземы, разные по происхождению.

Проблема оригинальности казачьего диалекта напрямую связана с вопросом об этническом статусе казаков. История казачества складывается из множества составляющих, обеспечивающих самобытность и оригинальность их культуры и языка. Большинство исследователей отмечают, что в формировании Донского войска значительную роль сыграли русские, особенно выходцы из Рязанского княжества и из Новгородских земель, а также украинцы, как восточные, так и западные.

Уже в XVI столетии донские казаки вместе с запорожскими разбили татар на Донце. С тех пор запорожцы ежегодно ранней весной приходили на Дон для совместных морских походов в Крым и в Турцию. Часто они оставались зимовать на Дону, особенно в Черкасске и станице Манычской. Многие оставались совсем. Западные украинцы в большом количестве хлынули на Дон в XVII столетии, после Берестейской унии и преследования православных. Из этих переселенцев, по мнению многих исследователей, происходит большое количество фамилий *Поляковых* на Дону. Конечно, их предки не были поляками. Поляки всегда испытывали давление со стороны Москвы и поэтому эмигрировали

только на запад. Поляками на Дону называли западных украинцев, галичан, потому что тогда Галичина входила в состав Польши и галичане говорили западно-украинским диалектом, находившимся под влиянием польского языка. К галицким фамилиям на Дону принадлежат *Яновы* и *Процыковы*. Эти фамилии известны только в Галичине и на Дону. Ни в восточной Украине, ни в России их не существует. После разгрома Запорожской Сечи большое количество запорожцев переселилось на Дон. Но уже с половины 18-го столетия на Дон стали переселяться массами украинские крестьяне. Они селились в станицах и числились «станичными малороссиянами». Из украинцев выдвинулся ряд известных на Дону фамилий — *Хрещатицкие*, *Мальчевские*, *Хохлачевы*, *Жученковы*, *Юшенковы*, *Ханженковы*, и затем идут сотни таких фамилий, как *Переселенковы*, *Шинкаренковы*, *Тесленковы* и т. д.

Украинский язык сильнее всего отразился на нижнедонском диалекте. Однако и в языке верховых казаков прочно укоренились украинизмы, которые полностью освоены носителями диалекта и не осознаются ими как заимствования. Среди них наиболее употребительны глаголы *вечерять* – есть вечером, съедать ужин, ужинать; *гребовать* – испытывать отвращение, брезговать; *кохать* – любить кого-л.; пестовать, заботиться о ком-л.; *позычить* – **1.** Попросить, взять что-л. в долг, одолжить, занять; 2. *Перен*. Взять без разрешения, утащить незаметно, украсть.; *репаться* – Покрываться трещинами, трескаться, лопаться.; *трусить* – **1.** Трясти, тормошить, дергать. **2.** Трясти (о лихорадке); *шукать* – стараться найти, обнаружить, искать, разыскивать (ср.: *Вичерять пара, а то уш тимнеить*. *Щё ш ты гребаваиш-та апасля атца-та! Растил, кохал, холил, а она остраматить меня захотела* (Е. Кулькин. Смертный грех); *Пятки ад грязи репаюцца. Дыни чавой-т репаюцца; Лихаратка нас трусить и трусить;* существительные *гас* – 1. *Устар.* Горючая жидкость, получаемая перегонкой нефти; керосин. 2. Используемое в быту горючее газообразное вещество – газ; *груба* – кирпичная печь, служащая для обогревания дома или (с конфорками) для приготовления пищи; а также многие другие слова разной частеречной принадлежности: *корец, трошки*, *нехай, охлюпкой*, *дюже* и др.

После русских и украинцев значительную роль в формировании Донского войска играли татары. В XIII столетии татары построили в устьях Дона крепость Азак, или Азов и образовали Азовский ханат. В состав ханата входили татарские поселения, расположенные главным образом в бассейне Нижнего Дона, а также и кочевые татары. С продвижением казаков вниз по Дону эти татарские поселения были ассимилированы казаками, но от них остались названия с корнем *мечет*-: Мечетинская станица, река Мечётка, курган Мечётка возле Калача и т. д. Все эти названия – воспоминания о том, что здесь когда-то находилось татарское поселение с мечетью. Названия рек на Дону также сохранились татарские: *Чир, Сал, Арпачай, Аксай, Миус, Еланчик* и т. д. Татары образовывали целые большие станицы — Курмоярские (Курман-яр), станица Татарская в Черкасске. Татарского происхождения на Дону были из более известных и распространенных фамилий *Машлыкины*, *Сариновы*, *Алимовы*, *Будановы*, *Манякины*, *Зембулатовы*, *Байбаевы* и т. д. Казачьи костюмы, и мужской, и женский, были татарские, и их части носили татарские названия: *папах*, *зипун*, *чекмень*, *шуба, кушак, шаровары*. У женщин — *колпак, чикилики, кубелек*, *чирики*, *чулки*. Также много татарских слов вошло и в казачьи диалекты: *чумбур*, *арчак*, *аркан*, *чепрак*, *курень*, *майдан*, *чинак*, *каймак*, *сюзьма*, *арьян* и т. д.

Известную роль в формировании Донского казачьего войска играли также калмыки. Кроме того, на Дону был ряд фамилий, прямо указывавших на свое национальное происхождение: *Грековы, Греченковы, Туркины, Турчаниновы, Персиановы, Грузиновы, Волошиновы*.

В числе предков казаков были русские, украинцы восточные и западные, татары, черкесы, турки, грузины, персы, армяне и калмыки. Все это не могло не отразиться и в языке донского казачества, ставшем той толерантной средой, попадая в которую лексемы нерусского происхождения полностью осваивались носителями диалекта на всех его уровнях – фонетическом, словообразовательном, морфологическом.

В этом и состоит особенность казачьих говоров: они органично соединили в себе общеславянские, собственно русские и заимствованные из других языков единицы. В некоторых лексемах

и грамматических формах ярко проявляется древнерусское наследие донских казачьих говоров, подтверждающее их общеславянские корни.

В донских говорах широко употребляются древнерусские формы местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа и возвратного местоимения в родительном и винительном падежах – у *мене, тебе, себе,* отмечаются формы дательного и предложного (местного) падежей местоимений 2-го лица единственного числа и возвратного – *табе, сабе* (ср. др.-рус. *тобѣ, собѣ*). То же мы можем наблюдать, например, в чешском языке, в украинском (с другой фонетической огласовкой).

В речи донских казаков можно услышать формы родительного падежа единственного числа имен существительных женского рода на -а с флексией **-е** (чаще с предлогом: *у семье* – и под влиянием мягкого варианта – *у жене, у сестре*). Повсеместно в донских говорах распространена древнерусская форма глагола 3-го лица единственного и множественного числа с мягким конечным [*т'*]: *идё[т'], поё[т'], ходю[т'], смотрю[т'].* В образовании возвратных глаголов участвует не только постфикс -ся (бывшая энклитическая форма винительного падежа возвратного местоимения), но и -си (бывшая форма дательного падежа), который активно употребляется после основ на согласный: *родилася*, но – *родилси*, *умылси*, *боимси*, *учисси* и т. п.

Среди слов, бытующих в современных казачьих говорах, можно найти диалектизмы, которые либо полностью сохранили древнюю семантическую структуру (заметим, что в литературном языке этот класс слов, по свидетельству исследователей, является самым малочисленным [2, с. 50]), либо сохранили часть древнерусских значений в своей семантической структуре [1], параллели которым находим в других славянских языках. Это лексемы *хмара, колодезь, кошель, перебродить, студа* и др.

В Словаре донских говоров Волгоградской области отмечены лексемы, указывающие на состояние погоды: имена существительные *хмара, хмарка, хмарь* (ср.: *Хмара заходить, дошть будить; Хмарки идуть, патом дощ*; *Када хмарь, тимно как-та визде*), глаголы *хмарить* и *хмариться* (ср.: *Хмарить – так гаварять, кагда становицца пасмурна*; *Што-та хмарицца за акном*),

имена прилагательные *хмаркий, хмарный* (ср.: *Жалка, фсе празники хмарныи были; Хмарная пагода, неба; гаварять и хмарная сонца: то закрываицца, то аткрываицца*), предикативное наречие *хмарно*, которые употребляются и в других славянских языках. Существительное *хмара* в значении ‘туча’ и глагол *хмариться* ‘покрываться облаками’ известны украинскому, белорусскому, польскому, словацкому языкам.

На Дону возникли и переносные значения указанных слов, связанные с настроением, внутренним состоянием человека. *Как чёрная хмара* – скажут о ком-либо очень мрачном, хмуром. Печального, мрачного, невесёлого, хмурого, угрюмого человека называют *хмарным* (чаще) или *хмарым*.

Широко представлены в донских говорах и лексемы с корнем ***студ-***, ср.: *студёнка* ‘отверстие, прорубленное во льду замёрзшего водоёма; прорубь’; *студено, студёно, стужено, студно* ‘холодно, морозно’. *Старики гаварять, будить скора студино. Стужыно-та на улицы, адивацца типлей нада; студный* – ‘очень холодный, морозный, студёный’. *Студная метелица; Застудивать* – ‘остужать’. *Рыбу атварим, в блюди застудиваим – вот и студинь; остуда* – ‘простуда’.

Данный корень известен многим русским диалектам и славянским языкам. Существительное *студа* в значении ‘холод’ известно архангельским говорам, *студь* – северновеликорусским диалектам, как и старославянскому и болгарскому, сербохорватскому языкам. В значении ‘родник, колодец’ в славянских языках употребляются существительные *студенец* (болг., в старосл. – *стоуденьць*), *студениця* (укр.), *студзень* (блр.), *студенац* (сербохорв.), *studně* (чеш.), *studnia* (польск.) и т.п.; в значении ‘простуда’ в польском языке используется, как и донских говорах, лексема *ostuda*. В русском литературном языке также представлены лексемы с корнем *студ-//стуж-*, (с интегральной семой «холод») – как собственно литературные, так и разговорные, просторечные: *студить, студенеть, остудить, остужать* и др., однако в говорах наблюдается большее количество образований от указанного корня.

Существительное *колодец* пришло на смену лексеме *колодезь*, которая в русском литературном языке является устаревшей, хотя имя прилагательное *колодезный* по-прежнему в активном

употреблении. В современном донском диалекте используется как слово *колодезь* в значении ‘колодец’ (мн.ч. – колдезья, колдезя), так и суффиксальный дериват – колодезник ‘мастер по рытью колодцев’, ср.: *Ис калодизя ведрами паливали* (х. Черкесовский). *Сами рыли калодись, а типерь знаити, скока вады – тёмная сила* (х. Перекопка). *Так у нас и калдизья, вырыты и раньшы калдизья были* (ст. Клетская). *Калодизьник спярва яму роить, а патом туды струп спускаить* (ст. Нехаевская). Уменьшительное *колодезька* обозначает в донских говорах канаву, овраг, промоину: *Калодиськи — нибальшыи балки. Дажди идуть, тагда ани бурныи* (ст. Богоявленская).

Лексема *колодезь* известна украинскому (*колодязь*) и белорусскому (*калодзеж*) языкам; древнерусское – *колодязь*, старославянское клад#sь.

Не менее интересной оказывается история функционирования глагола *перебродить***.** В современных донских говорах Волгоградской области имеет значение ‘переходить вброд’: *Пирибрадили чириз речку, а за речкай были ливады, агародаф у двара ни было*. То же значение отмечается в Словаре русского языка XI – XVII вв.: *перебродити*[1] «переправляться (переправиться) вброд» [5, с. 212] и в Материалах для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского: *перебродити, переброжу* «перейти вброд через воду, через реку» [6, т.II, с. 896]. В Словаре XI – XVII вв. зафиксирован и возвратный глагол *перебродитися* с тем же значением «переправиться вброд» [5, с. 212]. В современном литературном языке глагол с данным значением не используется, употребляется отмеченный и в Словаре XI – XVII веков его омоним со значением ‘стать крепким, готовым к употреблению после брожения. *Вино перебродило*’.

По происхождению глагол *брести /бродить* является общеславянским (*bresti//*broditi). Первоначальное его значение – «переходить (реку или вообще мелкое место) вброд». В дальнейшем семантическая структура глагола расширилась. В других славянских языках отмечается употребление указанного глагола в значении ‘переходить вброд’. Например, в сербохорватском одно из значений глагола *бродити* – «переходить вброд». То же – в словенском, чешском, польском, верхне- и нижнелужицком [7, т. 1, с. 111].

Обращение даже к небольшому количеству лексем свидетельствует о том, что в донских казачьих говорах, как и в любом территориальном диалекте, запечатлена история русского языка. В системе донских говоров наличествуют черты, которые, с одной стороны, свидетельствуют о многочисленных культурно-исторических и языковых контактах с другими – неславянскими – народами и, с другой, – являются наследием древнерусского языка, отмечаются в других славянских языках и свидетельствуют о родстве славянских языков.

Литература

1. Калинина А.А. Древнерусское наследие в современных говорах Волгоградской области (фонетические, морфологические, лексические особенности). – Автореферат. дисс… кандидата филол. наук. – Волгоград, 2008. – 28 с.

2. Никифорова, Е. Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. – 327 с.

3. Орлов Л. М. Русские говоры Волгоградской области: учеб. пособие. – Волгоград, 1984. – 94 с.

4. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. – Изд. 2-е, перераб. и доп.– Волгоград: Издатель, 2011. – 704 с.

5. Словарь русского языка XI – XVII вв. – М: Наука, 1975. (СДРЯ)

6. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. / И.И. Срезневский. В 3-х т. – М.: Знак, 2003.

7. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: Т.1-2. – М.: Рус. яз., 1994.

РЕЛИКТОВАЯ КОРНЕВАЯ МОРФЕМА КАК ЯЗЫКОВАЯ УНИВЕРСАЛИЯ

Н.И.Букетова
nursulu.buketova@mail.ru
Центрально-Казахстанская Академия
Научно-образовательный Центр «Лингва»
(Казахстан, Караганда)

Развитие теории словообразования и рассмотрение его как самостоятельной лингвистической дисциплины явилось основой

для нахождения статуса таким языковым явлениям, которым в традиционной науке не находилось места, и они выводились в «исключения», трактовались как изолированные, нетипичные для системы языка. Спор о членении таких слов как «малина», «говядина» происходил потому, что одни лингвисты исходили из позиций морфологического, а другие словообразовательного анализа [11, с.260; 3, с.295–298]. Зарубежные лингвисты посчитали возможным членение слов типа «cranberry» с «уникальными компонентами» [1, с.566; 4, с.485], более того, признали, например, остаток «у» в «обуть» значимым в словообразовательном ряду «обуть, разуть» [2, с.205], в то время как в отечественной лингвистике «остатки» с трудом были признаны корневыми морфемами. В синхронической словообразовательной системе некогда полнозначные корневые морфемы являются реликтом, поэтому к ним возможно применение термина реликтовая корневая морфема. Слова, содержащие реликтовые корневые морфемы, удерживаются в синхронической словообразовательной системе под влиянием действия «выравнивания языковой системы», что выражается в том, что они вступают в словообразовательные отношения с продуктивными аффиксами, образуя многочисленные словообразовательные гнезда.

При рассмотрении словообразования в полевом структурировании реликтовые корневые морфемы в составе производных и сложных слов занимают определенные места в иерархии словообразовательных единиц и находятся на переходных линиях от ядра к периферии. Под влиянием структурной изменчивости языковой системы происходят сдвиги в единицах элементарной и неэлементарной номинации: производные слова с реликтовыми корневыми морфемами в какой-то из временных срезов могут перейти в простые слова, сложные с РКМ в производные, производные с РКМ и аффиксами характеризуются связанностью, а некоторые из них находятся на грани перехода в простые слова (привет, обуть, Draht, айт).

Процесс эволюции корневых морфем в реликтовые происходит с развитием языка, так как языковая система характеризуется открытостью, незамкнутостью. Для системы языка типична полная изоляция некоторой части лексики, превращающейся в архаизмы, регистрация которых также необходима для сравнения

«языков разных поколений» [12, с.129; 15, с.25], с одной стороны, с другой стороны, налицо образование новых слов. Слова с реликтовыми корневыми морфемами находятся как бы между двумя этими характеристиками: потеря внутренней мотивации слова приближает их к архаичной лексике, но превращение их в простые слова, сложные поясняющие, пополняет запас новых слов.

Рассмотрение слов с РКМ как производных позволяет говорить о семантической значимости РКМ в синхронии. Семантика уникальных РКМ в словах типа «говядина», «Brombeere», «жосы» выводится из словообразовательного ряда, в который они входят, из отношений отсылочной и формантной частей. Семантика РКМ-*brom*, таким образом, заключается в уточнении родо-видовых отношений, т.е. Brombeere «ежевика» обозначает один из видов ягод. Суффикс -*ина* в слове «говядина» указывает на то, что это слово из ряда слов, обозначающих мясо «свинина, телятина», но отличающее его от них именно тем, что сохранилось в РКМ-*говяд*, которое в диахронии ведет в индоевропейский период. В казахском слове «қараторғай» первый компонент вследствие потери внутренней мотивации из обозначения вида, т.е. атрибута, превратился в часть сложного слова для обозначения рода птиц, затем для возвращения определения вида к слову прибавляется для придания вторичной мотивации «қара» и слово принимает форму «қара қараторгай».

Обращение к универсалиям является естественной потребностью мышления человека, стремящегося провести аналогии от одного явления действительности к другому, от единичного ко всеобщему и наоборот. Отправной точкой универсального рассмотрения языков следует считать существование в сравниваемых языках целого ряда сопоставимых систем, состоящих в нашем исследовании из тождественных по происхождению морфем. В данном случае сопоставляются системы словообразования современного немецкого, русского и казахского языков. Следует отметить, что, несмотря на автономность развития каждого из названных языков, имеется много общего в становлении и развитии теории словообразования.

Система словообразования современного языка, к какой бы семье или группе он ни относился, является исторически многослойной. Ее развитие можно представить как спираль, где каждый

виток, каждый слой, может быть совершенно новым, но в то же время продолжением старых систем словообразования в диахронии. Самое сильное влияние систем испытывают при этом корневые морфемы, которые являются основными средствами словообразования. Одни из корневых морфем видоизменяются, архаизируются и переходят на периферию языковой системы, другие активно участвуют в образовании новых слов, третьи же существуют в современной системе словообразования только за счет префиксов, суффиксов или компонентов сложных слов, т.е. они ведут «жалкое существование». Несмотря на то, что эти лексические единицы, казалось бы, мертвы, они крепко связаны с синхронной системой словообразования, даже, наоборот, в некоторых случаях наблюдается их спорадический ренессанс — участие в новообразованиях, т.е. исследователь, стоящий на синхронных позициях, сталкивается с тем фактом, что язык во многих отношениях не является гомогенной системой.

Реликтовые корневые морфемы как лексические остатки находят место во всех языках, так как это один из характерных признаков динамических процессов словообразования. Вместе с тем, вследствие кажущейся немногочисленности и бесперспективности исследования, реликтовые корневые морфемы определялись как «мертвые корни» «радиксоиды», «языковые окаменелости» и др. Еще менее успешным казался поиск их семантики.

Автор, опираясь на теорию Ф.де Соссюра, выводит названные языковые единицы за рамки слова и рассматривает их как языковой знак. Совершенно очевидно, что поиск семантики реликтовых корневых морфем в синхронии, возможен только с позиций когнитивной семантики [14, с.44,133].

В рассматриваемых нами языках — немецком, русском и казахском корневые морфемы, которые мы называем реликтовыми, в производных словах входят в синхронное словообразование либо полнозначной корневой морфемой, если это сложное слово, напр. нем. *Brombeere*, русс. *великолепие*, либо присоединяются аффиксом каз. *балгын*, рус. *буженина*, нем. *beginnen* и др.

Несмотря на то, что названные три языка относятся к разным семьям и группам, они имеют много общего: и типология в сфере изучения универсалий (универсологии) смыкается с общим языкознанием, занимающимся выявлением всеобщих закономерностей

строения языков. Как известно, немецкий и русский языки относятся к флективным, а казахский — к агглютинативным языкам. Но в последнее время лингвисты во флективных языках отмечают тенденцию к агглютинации. Так, для немецкого языка примером агглютинации может служить суффикс претерита слабых глаголов *-t (e),* суффиксы множественного числа существительных, суффиксы степеней сравнения прилагательных и др. Таким образом, налицо политипологичность названных языков, где морфологическая классификация на флективные и агглютинативные языки недостаточно четко выражает их сущность. Поэтому оправданным является обращение языковедов к контенсивной типологии [9] (английское *content* — «содержание», латинское *contenire* — «содержать»). Контенсивная типология исходит из содержания языковых единиц и ориентируется на углубленное изучение противоречивых отношений значения и формы в языке [6–7; 10].

Проблема универсалий в русском языкознании рассмотрена Б.А.Успенским [13]. Следует отметить, что в нашем конкретном случае, где утверждается, что «...Для большинства языков имеют место реликтовые корневые морфемы», нами рассматриваются индуктивные универсалии, по строению — элементарные, по характеру утверждения — статистические, для записи которых применяется квантор вероятности (d).

Квантор вероятности (d) читается: «Для большинства языков имеет место». В нашем случае это звучит так:

– «В большинстве языков имеет место реликтовая корневая морфема как признак языковой динамики».

– «В большинстве языков реликтовая корневая морфема находится на переходных линиях ядра и периферии полевого структурирования словообразования».

– «В большинстве языков производные слова с реликтовой корневой морфемой являются переходной единицей в иерархии от единиц элементарной номинации «морфема — простое полнозначное слово, в ряд единиц неэлементарной номинации — «производное слово — сложные слова разных типов, включая сложные слова с РКМ, — словосочетание – предложение – текст».

– «В большинстве языков имеется некий континуум переходов от полнозначной корневой морфемы до реликтовой».

– «В большинстве языков хотя бы одно из множества семантических вариантов корневой морфемы сохраняется в ассоциативном образе концептосферы языков, даже если она превращается в реликтовую».

– «В большинстве языков реликтовая корневая морфема приближается к универсальной праформе корневой морфемы СГС, СС, СГ, ГС, Г, ГГ и др.».

Обычно в современной типологии употребляется понятие языка-эталона. В данном случае употребляется как универсальный эталон структурное поле словообразования.

Понятие «поля», усовершенствованное и разработанное в работах отечественных лингвистов, является подтверждением тому, что оно стало объектом лингвистики уже в начале XX века.

Предварительные исследования «лексических остатков», «затемненных морфем», «мертвых корней» позволяют предположить, что, несмотря на периферийность данных единиц в системе словообразования, их систематизация стала возможной лишь с достижениями общей теории словообразования сегодняшнего уровня.

В русском языке были исключены слова типа *попадья, рисунок* и др., в которых остатки после выделения корня трактуются как аномальные суффиксы [8, с.11], а суффиксы нами не рассматриваются.

При составлении инвентаря морфем немецкого и русского языков авторы словарей использовали морфемный анализ и систематизировали их в словообразовательных гнездах, поэтому в наших списках слева жирным шрифтом дается корневая морфема, которая по нашему предположению является реликтовой. Справа дается словообразовательное гнездо или словообразовательный ряд, в котором выделяется реликтовая корневая морфема (РКМ). Что касается словника казахского языка, то, уже само название книги А.Т.Кайдарова «Структура односложных корней и основ в казахском языке» заставляет задуматься, т.к. видится некое противоречие в самом заглавии. А.Т.Кайдаров объясняет это тем, что в тюркологии под термином «корень» обычно понимается неразложимая часть слова, которая может быть не только односложной, но и двусложной, даже трехсложной. Направление развития тюркского корня от простейших моносиллабичных форм к сложным

полисиллабичным или наоборот остается все еще спорным. По мнению А.Т.Кайдарова, односложный лексический элемент, кажущийся на первый взгляд неразложимым при более тщательном анализе (этимологическом — Б.Н.) может распадаться на реальные составные части, а в другом, наоборот, оказаться «продукцией» сплавления, слияния, опрощения, стяжения, фузии и прочих структурных изменений и модификаций. Именно поэтому он считает, что односложная лексема, квалифицируемая в плане синхронии как корень, в плане диахронии может оказаться основой, состоящей из производящей и производной морфем [5, с.4–5].

Исследование реликтовых корневых морфем на материале немецкого, русского и казахского языков позволяет сделать вывод, что переход полнозначных корневых морфем в реликтовые является закономерным и системным процессом. Во всех языках можно констатировать явления, которые сопутствуют процессу фономорфологической переинтеграции. Среди них явления **фонетического** порядка, как то: ассимиляция, закон конца слов, принцип экономии; **структурного** — деструкция производного слова, **семантического** — народная этимология, придание дополнительной мотивации демотивированной корневой морфеме. Таким образом, процесс превращения слова в лексический «остаток», реликт, несмотря на периферийность данного явления в полевом структурировании словообразования, является универсальным для таких разносистемных языков, как немецкий, русский и казахский, а корневая морфема, множественность значений которой определима только при рассмотрении по вертикали — диахронической глубине, является языковой универсалией.

Реликтовая корневая морфема как языковая универсалия, возможно, и есть та точка пересечения вертикальной и горизонтальной проекций, где происходит соприкосновение языковых явлений во времени и пространстве.

Литература

1. Bloomfield L. Language. London: g.Allen Unwin, 1955. — 566 S

2. Dokulil M. Zur Theorie der Wortbildung. In: Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. Gesellschafts und sprachwisseuschafthche Reihe 17, 1968, H. 2/3, S. 205.

3. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию. // Березин Ф.М. История советского языкознания. Хрестоматия. М.: Высшая школа, 1981. — С. 295–298.

4. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М.: Изд-во ин. лит., 1959. — 485 с.

5. Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986. — С. 4–5.

6. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. М.-Л., 1972.

7. Климов Г.А. О понятии языкового типа. Вопросы языкознания, 1975.

8. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Рус. яз., 1986.

9. Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. Л., 1975.

10. Панфилов В.З. Языковые универсалии и типологические исследования. Вопросы языкознания. 1974. № 5.

11. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во ин. лит-ры, 1956. — 260 с.

12. Nabil O. Wortuntergang seit Adelung. Inauguraldissertation. München, 1970. — 129 S.

13. Успенский Е.А. Отношение подсистем в языке и связанные с ними универсалии. Вопросы языкознания, 1968. № 6.

14. Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977. — С. 44, 133.

15. Ялышева А.П. Функционирование устаревших слов в современном немецком языке (К вопросу о языковой статике и динамике). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. — 25 с.

ДОКТОР ФИЛОЛОГИИ ЙОХАННЕС БААР: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В.В.Васильев, О.А.Васильева
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»
(Симферополь)

Жизнь и деятельность доктора филологии Йоханнеса Баара, патриарха немецкой русистики, вызывают большой общественный интерес, что нашло отражение в ряде публикаций последних лет [4; 5; 7; 8]. Его судьба – это летопись целой эпохи, а сам доктор Баар при жизни стал Человеком-легендой. Бывший немецкий офицер, он прошёл горнило второй мировой войны и плен, однако не только не очерствел душой, но и полюбил советских людей, стал выдающимся популяризатором русского языка в послевоенной Германии.

Важным источником новых сведений о докторе Йоханнесе Баре стала его анкета, подготовленная в июле 2014 года для Генерального консульства Российской Федерации в Гамбурге (ФРГ). Анкета была любезно предоставлена его ученицей Кристиной Мильш, которая в настоящее время является руководителем семинара русского языка в Тиммендорфер Штранде. Основываясь на данных анкеты, мы можем уточнить некоторые этапы и факты его биографии.

Йоханнес Баар родился 7 февраля 1921 года в Германии в земле Нижняя Саксония в деревне Хайсенбюттель. В том же году его семья переехала в посёлок Эльбек недалеко от Люнебурга. Йоханнес был вторым ребёнком в семье школьных учителей Фридриха и Катарины Баар.

Родители оказали огромное влияние на формирование личности своего сына Йоханнеса. Уже в детские годы у него обнаружились способности к изучению иностранных языков. В то время в их посёлке единственным иностранным языком был польский. Йоханнес со сверстниками придумал необычную игру, чтобы менять конфеты на польские слова и радовался, что за короткое время выучил таким образом 55 польских слов. Французский язык он учил в гимназии, а итальянский – по радио. Поддерживая интерес сына к языкам, родители стали выписывать газеты из Италии и Франции. Молодой Йоханнес очень гордился своими лингвистическими успехами.

В 1940 году Йоханнес Баар окончил гимназию в Люнебурге. Взросление юноши произошло очень быстро: шла вторая мировая война. В октябре 1940 года он стал солдатом вермахта и 22 июня 1941 года с немецкими войсками вступил на территорию Советского Союза. «В это время, — писал Йоханнес Баар, — я испытывал смешанные чувства: уверенность в победе и страх перед неизвестностью. Хочется верить, что на фронте судьба берегла меня для чего-то очень важного в будущей жизни. Но одно я знаю точно: без личных переживаний на войне и в плену меня бы никогда так не увлекли русский язык, Россия и ее люди» [2, с.124].

На советско-германском фронте в 1941–1945 гг. Йоханнес Баар прошел долгий и трудный путь прозрения молодого немецкого солдата, который пришел в Россию с верой в правоту миссии

«похода на Восток», многое пережил и сумел «за рамками собственного «я» увидеть, понять и полюбить чужую страну» [7, с.7].

Летом 1944 года, будучи в отпуске дома в Люнебурге, лейтенант Йоханнес Баар женился на милой девушке Кристель-Марии Ститцинг. Они вместе счастливо прожили 63 года, воспитали двоих прекрасных сыновей и внучек.

Война для обер-лейтенанта Баара закончилась 8 мая 1945 года после капитуляции немецких войск в Курляндии («Курляндский котёл»). В первые месяцы плена немецкие офицеры основали «лагерный вуз», в котором Йоханнес Баар начал изучать русский язык. Ему очень повезло, что в плену его учителем русского языка был известный немецкий филолог–русист доктор Ганс Оршель, автор учебного пособия «Русский язык для начинающих». И сегодня в Германии очень популярен его карманный русско-немецкий словарь издательства Лангеншайдт [2, с.124].

После освобождения из плена в ноябре 1946 года Йоханнес Баар приехал домой в родной Люнебург. В 1947 году он поступает на филологический факультет Гамбургского университета, где изучает греческий, латинский и русский языки. В 1952 году в этом университете он защищает диссертацию и получает учёную степень доктора филологии.

В 1953 году молодой доктор Йоханнес Баар стал работать в гамбургской городской гимназии, где наряду с преподаванием греческого языка и латыни вёл уроки русского языка. С этого времени вся его трудовая и творческая деятельность была связана с преподаванием и популяризацией русского языка в ФРГ. В 1964-1971 гг. он являлся руководителем профессионального семинара по подготовке учителей русского языка в Гамбурге. Кроме того, в течение двадцати лет преподавал русский язык в вечерних школах Гамбурга и Люнебурга.

Двумя самыми памятными событиями тех лет для доктора Баара стали: поездка в 1964 году на четырёхнедельный семинар русистов в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова и пятинедельная туристическая автомобильная поездка в СССР, которую в 1966 году он с женой совершил по маршруту: Хельсинки – Ленинград – Москва – Тбилиси – Киев – Будапешт. Эти поездки произвели неизгладимое впечатление и остались в памяти на всю жизнь.

В начале 1968 года Йоханнес Баар предложил Гамбургскому институту повышения квалификации учителей организовать путешествия в Советский Союз с тем, чтобы не только знакомиться с культурными достопримечательностями страны, но и иметь возможность говорить по-русски. Это было очень важно для успешного совершенствования языковых навыков немецких учителей-русистов. Доктор Баар в ходе таких поездок был прекрасным экскурсоводом и до 2001 года с более чем 100 группами неоднократно посещал Москву, Ленинград, Киев, Тбилиси, Ереван, города Золотого кольца России, а также Сибирь, Дальний Восток и республики Средней Азии.

В 1968 году доктор Й. Баар стал руководителем семинара русского языка в Тиммендорфер Штранде. В течение почти 30 лет он осуществлял эту многогранную, благородную и нелёгкую деятельность. Важнейшей своей задачей доктор Баар считал приглашение на семинар высококвалифицированных преподавателей из ведущих университетов Советского Союза. С 1972 года они стали приезжать на семинар как по линии Министерства высшего и среднего специального образования СССР, так и по линии Союза советских обществ дружбы с народами зарубежных стран. Всего за период с 1972 по 2014 год в Тиммендорфер Штранде работало более 440 преподавателей из СССР, а после 1991 года —Российской Федерации и Украины [3, с. 4].

Следующей своей важнейшей задачей доктор Й. Баар считал создание семинаров для немецких русистов в Советском Союзе. В 1973 году по его инициативе был организован первый в СССР семинар по русскому языку для слушателей из ФРГ в Симферопольском государственном университете. В 1977-1989 гг. подобный семинар работал в Киеве на базе Киевского государственного университета им. Т. Шевченко. В период советской перестройки *«бааровские семинары»,* кроме Симферополя, активно функционировали в Москве, Ленинграде, Минске, Смоленске, Твери, Иркутске.

В 1990 году доктору Йоханнесу Бару удалось открыть новый языковой семинар в Тиммендорфер Штранде для советских студентов-германистов. Первыми его участниками были тридцать студентов из Ленинграда, Симферополя и Смоленска. Этот семинар успешно работает уже более четверти века.

Благородная деятельность Йоханнеса Баара, связанная с преподаванием и популяризацией русского языка, получила мировое признание. В 1985 году он был удостоен высшей награды Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) — медали А. С. Пушкина, в 1990 году был избран Почётным доктором Ленинградского (ныне — Санкт-Петербургского) государственного университета, в 1996 году награждён Федеральным Крестом «За заслуги» (ФРГ). В 1970 —1995 гг. являлся вице-председателем Федерального союза преподавателей русского языка ФРГ. По мнению Почётного директора Европейской комиссии Лотара Флосса, «доктор Баар стал уникальным строителем мостов взаимопонимания, своего рода светским понтификом» [6, с.130].

В 2018 году доктору Йоханнесу Бару исполнилось 97 лет, и по-прежнему он остается душой и моральным авторитетом Тиммендорфского семинара – старейшего действующего семинара русистов в Западной Европе. Оглядываясь на свой жизненный путь, доктор Й. Баар в статье «Мужество вспоминать» написал: «Меня всю жизнь сопровождала мысль: *я* пришёл в Россию, эта война была и *моей* войной, это была большая часть *моей* юности. Может быть, миллионы погибших с той и другой стороны помогут нашей памяти сохранить не фашистов и большевиков, а немцев и русских, а также тому, чтобы наша молодежь сблизилась, чтобы ей было хорошо в Европе — общей Европе и общем мире. Лучшего примирения, заставляющего забыть о могилах и окопах, я не могу себе представить» [1, с. 179].

Литература

1. Баар Й. Урок русского: Фронтовые письма немецкого лейтенанта / Предисл. Л. А. Вербицкой. СПб., 2005. – 184 с.

2. Баар Й. Язык до Симферополя доведет (из истории семинаров немецких русистов) // Черное море. 2005. № 1. – С.124-129.

3. Васильев В. В., Васильева О. А. К 50-летию международного семинара русистов в Тиммендорфер Штранде (Германия) // Теория и технология иноязычного образования. Материалы II (VI) международной научно-практической конференции. Симферополь, 2014. – С.3-6.

4. Васильев В. В., Васильева О. А. Язык до Симферополя доведёт. К 90-летию со дня рождения доктора филологии Йоханнеса Баара // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

– Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 24 (63), №1, часть 1. – Симферополь, 2011. – С. 411-415.

5. Васильев В. В., Коваленко Б. Н. Доктор Йоханнес Баар – патриарх немецкой русистики // Русский язык за рубежом / Специальный выпуск / Русистика Германии. 2017. — С.90-95.

6. Васильев В. В., Шарапа В. Ф. Из истории международных семинаров русистов в Таврическом национальном университете им. В. И. Вернадского (1973–2013 гг.) // Культура народов Причерноморья. 2013. № 262. – С.129-132.

7. Вербицкая Л. А. Доктор Баар — Почетный доктор Санкт-Петербургского государственного университета // Баар Й. Урок русского: Фронтовые письма немецкого лейтенанта / Предисл. Л. А. Вербицкой. СПб., 2005. – С.7-9.

8. Коваленко Б. Н. 95 лет Почётному доктору Санкт-Петербургского университета доктору филологии Йоханнесу Баару // Мир русского слова. 2016. № 1. –С.112.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В «АНАТОМО-ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ» Н.М.МАКСИМОВИЧА-АМБОДИКА (1783 г.)

Н. Е. Касьяненко
kasyanenko_natusya@mail.ru
ГОУ ВПО Донецкий национальный университет
(Донецк)

В истории русской лексикографии особое место занимает XVIII век, когда происходят глубокие изменения в русской науке. Это касается и словарного дела, которое развивается особенно интенсивно. Среди многих факторов, определяющих развитие национальной лексикографии в этот период, следует отметить и становление систем научных терминологий, в том числе и медицинской. Несмотря на древность медицины и опыт, накопленный в описании ее лексики (см. об этом подробнее у А. Е. Симоненко [9]), в XVIII веке собственной сложившейся системы медицинских терминов еще не было. Это обусловило активизацию терминологического творчества ученых, врачей-практиков, переводчиков медицинской литературы, а также необходимость составления соответствующих специальных словарей. Среди лексикографических памятников такого типа следует назвать «Анатомико-физиологический словарь» Н. М. Максимовича-Амбодика 1783 г., до настоящего времени детально не описанный.

«Анатомико-физиологический словарь» был задуман как первый из трех словарей терминов «до разных врачебных наук относящихся», которые, по замыслу автора, должны были войти во Врачебный словарь. О нем, как правило, исследователи только упоминают (см., например,[2]|, [3], [5], [6]) или используют фрагментарно [9]. Второй – «Медико-хирургический словарь – также не описан. Третий «Естественно-химико-исторический словарь», по свидетельству В. П. Вомперского, в печати не появился [3, с.69]. Все сказанное и обусловило актуальность настоящей статьи.

Рассматриваемый словарь является терминологическим словарем переводного типа, включающим две части: первую – русско-латинско-французскую и вторую – латинско-русско-французскую [8].

В «Предуведомлении о словаре», которое предшествует рассматриваемому памятнику лексикографии, автор замечает, что источники его многообразны: это «изъ различныхъ источниковъ мною почерпнутыя славянскїя и российскїя слова, до разныхъ частей врачебныя науки относящїеся» [8, с.II]. Помимо этого, обильный материал как основу для словаря давала собственная врачебная практика Н. М. Максимовича-Амбодика. Получив за границей медицинское образование и степень доктора медицины, Н. М. Максимович-Амбодик работал лекционным доктором при Главной Адмиралтейской Кронштадской школе, а затем акушером Петербургского воспитательного дома и «профессором повивального искусства». Именно там, по словам самого Амбодика, он обучался «преподаванным тогда врачебным наукам» [4, с.40]. Кроме того, не следует забывать, что первые медицинские научные книги в своем большинстве были переводными, а Н. М. Максимович-Амбодик был одним из первых немногих переводчиков медицинской литературы. В частности, В. П. Вомперский в аннотированном указателе лексикографических трудов XVIII века упоминает о книге И.–Ф. Шрейбера «Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих наружных и внутренних с прибавлением главных немощей женского пола и малолетних детей» (1781г.) и приводит следующее к ней замечание: «На российский язык перевел врачебной науки доктор Нестор Максимовичь Амбодик» [3, с. 59]. Переводческая деятельность лексикографа, на счету которого значительное количество переведенных медицинских книг, также

способствовала формированию комплекса медицинских понятий, нашедших отражение в словаре и закрепленных терминологически.

В процессе создания собственной медицинской терминологии одной из сложных задач, стоящих перед Н. М. Максимовичем-Амбодиком, была необходимость как можно точнее обозначить средствами языка медицинские понятия. В каком-то смысле это была экспериментальная работа, так как, например, анатомическая лексика *на русском языке* в то время была представлена весьма ограниченно. Об этом писал в свое время один из переводчиков медицинской литературы XVIII в., известный ученый, врач-практик П. И. Погорецкий: «На Русском языке существенных анатомических слов немного; на славянском, впрочем преизобильном, языке оные забвенны…» [4, с. 61].

В словаре Амбодика нашли отражение процессы, происходящие в русском литературном языке XVIII в., в частности вариантность терминов. Следует заметить, что явление вариантности вообще было центральной проблемой русской терминографии того времени, о чем подробно рассказывает А.Е. Симоненко, приводя многочисленные примеры варьирования в словарях разных типов, в том числе и в специальных (см. [10]).

В поисках наиболее точного специального обозначения Н.М. Максимович-Амбодик стремился как можно полнее передать значение терминируемого слова, прежде всего, путем представления лексических вариантов, или синонимов**,** предполагающих использование одной лексемы вместо другой при передаче одного и того же понятия.

В обеих частях «Анатомико-физиологического словаря» передача смысла научного понятия чаще всего осуществляется цепочкой терминов, обычно двумя-тремя, реже – четырьмя: *Cavitates ossium*. ***Впадины, дупла, пустыри*** *тнлесныя* [8, I,с.22]. Или: *Abdomen*. ***Брюхо, живот, чрево*** [8, II,с.1]. В единичных случаях название терминируется более значительным количеством вариантных единиц: *Velum*. ***Завнса, занавнска, застнинь, закрывало, перепонка, перемычка, перегородка*** [8, II,с. 128]. При этом можно заметить, что такое обилие лексических вариаций иногда отражает наличие синонимии и в латинском языке, ср.: ***Coalescentia****, partium*

solidarum ***unio***. *Твердых частей* ***связь, соединение, сплочение, союз***[8, II,с.26].

Лексические варианты в словаре Амбодика представлены несколькими типами.

Первая разновидность лексического варьирования основана на использовании иноязычного и русского слов в процессе передачи значения термина в обеих частях словаря. Речь идет, прежде всего, о латинских и греческих обозначениях, которые уже были введены в научный обиход западноевропейской наукой в предшествующие периоды и зафиксированы более ранними лексикографическими трудами или переводной медицинской литературой: *Желудокъ,* ***стомах***. ***Stomachus***, *ventriculus* [8, I,с.27]; ***Ductus Дуктъ***, *потокъ, протокъ, токъ, ходъ, каналъ* [8, II, с. 38]; *Gallreda,* ***gelatin***. ***Желе***, *студень, застуженное клейкое вещество* [8, II, с. 49]; ***Canales. Каналы***, *протоки* [8, II, с.18]. При этом в ряде случаев прослеживается отчетливое стремление автора медицинского словаря поставить заимствование на второе место и отдать предпочтение единице собственного языка, потеснив латинское слово: *Urina, uron. Моча, сцаки,* ***урина*** [8, II,с.134]. Вскользь заметим, что в процессе создания новой клинической терминологии наблюдается использование в составе вариантной цепочки дословного перевода иноязычного слова, кальки: *Capsula cordis,* ***pericardium***. ***Околосердїе***, *околосердечная сумочка,* ***оболочка***, ***сорочка*** [8, II, с.20].

Вторая разновидность варьирования представлена использованием русского и церковнославянского слов, например, в латинско-русско-французской части словаря: *Ala. Крыло,* ***рамо*** [8, II,с.4]*; Antrum. Пещера, нора,* ***вертепъ*** [8, II,с.8]; *Cena, maia. Щека,* ***ланита*** [8, II,с.50]. То же в русско-латинско-французской части: ***Выя,*** *шея. Collum. Lecol* [8, I, с.16]; *Истесы,* ***чресла***, *поясница. Lumbi, lumbus* [8, I, с. 43]. Церковнославянские лексические соответствия к русским словам присутствуют в этой части словаря в 12 % лексических вариантов (не считая статей, где даны единицы общего лексического фонда для русского и церковнославянского языков). Примечательно, что церковнославянский вариант занимает чаще второе место в цепочке терминов, но эта особенность не является абсолютной.

Наконец, источником варьирования могли быть и ресурсы собственного языка в его стилистических вариациях, жесткие границы между которыми к концу XVII – началу XVIII в. уже нивелировались. «С этим, – отмечает Л. Л. Кутина, говоря о формировании языка русской науки вообще, – связано общее для языка этого времени усиление синонимичности выражения, причем слова, входящие в синонимические ряды, очень мало дифференцированы в смысловом и стилистическом отношении» [7, с. 195].

Действительно, в большинстве случаев лексические варианты основаны на использовании близких по значению слов общенационального языка. При этом синонимические единицы чаще всего называют один и тот же признак терминируемого понятия: ***Взглядъ, взоръ***. *Aspectus* (с.10); *Влажность* ***стеклянная, хрустальная*** *[прозрачная – Н. К.]. Humor crisnallinus, vitreus oculi* [8, I, с.12]*;* ***Ноздреватая, диравая*** *кость. Os ethmideum, cribrosum, spongiosum* [8, I, с.81]. Зафиксированы в словаре и случаи, когда варьирующиеся единицы характеризуют понятие с разных сторон: ***Владhтельная, крововозвратная, царская*** *жила. Vena basilica* [8, I, с.12]; ***Кострешная, подвздошная*** *жила. Art. iliaca* [8, I, с. 7]; *Зубы* ***коренные, кутные****. Тожъ* [8, I, с. 40].

В составе вариантного ряда могут присутствовать и слова народно-бытовой медицины: *дуга, дужка, харя, кукишъ, блонка* и пр., например: *Didymi*. ***Шулята****, ядра, яица у челов**h**ка* [8, II, с.36]; *Возгри****, сопли***. *Mucuspituita* [8, I, с.13]; *Plegma. Мокрота,* ***харкотина*** [8, II, с.103].

Обращают на себя внимание способы регистрации вариантных отношений в словаре Н. А. Максимовича-Амбодика. В подавляющем большинстве лексические варианты даются в словарной статье через запятую. Но помимо этого, варьирующиеся единицы иллюстрируются также с помощью отсылочных слов (или *помет вариантности* – см. об этом у Симоненко А.Е. [14]) **зри, или, тожъ.**

В лексикографическом памятнике представлены несколько типов вариантных помет. Наиболее целесообразными, и даже идеальными, представляются пометы, регистрирующие наличие *всех* вариантных слов в обеих статьях – основной и отсылочной. Например, в отсылочной статье: ***Голень****. Зри* ***берцо*** [8, I, с.18], в основной статье: ***Берцо, голень****. Crus* [8, I, с.3]; в отсылочной: ***Дупло****. Зри*

впадина [8, I, с.24], в основной: ***Впадина, дупло***. Cavitas [8, I, с.15]; *Зѣница*. Зри ***зрачокъ*** [8, I, с.41] и **Зрачокъ**, ***зѣница*** [8, I, с.39]. Такого рода фиксация дает пользователю наглядную возможность оценить имеющуюся совокупность вариантов и отдать предпочтение нужному. Подобные отсылки, помимо этого, сокращают объем словаря.

Однако чаще можно наблюдать пометы, когда в отсылочной статье представлены оба варианта, а в основной один из вариантов отсутствует. Вот некоторые из многих примеров. В отсылочной (служебной) статье: ***Крик***. *Зри* ***велегласїе*** [8, I, с.52]; основной: ***Велегласїе***. *Clamor. Vocisersatio* [8, I, с.9]; в отсылочной статье: *Желѣзы* ***пахучїя***. *Зри желѣзы* ***душистыя*** [8, I, с.30]; в основной: *Желѣзы* ***душистыя.*** *Glandulae odorisere* [8, I,с.29]; в отсылочной: ***Дверцы*** *печени. Зри* ***ворота*** *печени* [8, I, с.22]; в основной: ***Ворота,*** *врата,* ***входъ*** *печени. Porta hepatis* [8, I, с. 14]. В последнем примере присутствует еще и новый вариант, не зафиксированный в отсылочной статье.

В отдельных случаях в словаре Амбодика имеют место ложные отсылки, когда после пометы «зри» в адресной части фиксируется вариант, а основная статья с ним вообще отсутствует: ***Няня.*** *Зри* ***дѣтоводица*** [8, I, с.82]. Статьи ***дѣтоводица*** в словаре нет, присутствует статья ***кормилица***, в которой лексема ***дѣтоводица*** представлена как вариант на втором месте. Кроме того, следует отметить, что и заглавное слово ***кормилица*** подано в нарушение внутреннего алфавита, после лексемы ***корчагъ*** [8, I, с.48], правда, подобные факты носят единичный характер. Или: в служебной статье – *Женскїя* ***плодородныя*** *части*. Зри ***дѣтородныя*** [8, I, с.33]. Ожидаемой основной статьи при этом нет. Не присутствует основная статья и для варианта ***познанїе***, приведенного в адресной части в следующем примере: ***Разуменїе***. *Зри* ***познанїе*** [8, I, с. 112]. Такие факты, безусловно, свидетельствуют о недостатках словаря.

Иногда вариативная единица, к которой отсылает адресная часть служебной статьи, употребляется скрыто. При этом скрытый характер отсылки обнаруживается в нескольких разновидностях:

1) вариантное слово адресной части отсылочной статьи представлено в основной не на первом месте, что, конечно, затрудняет пользование лексикографическим источником, например:

Рекло *частей. Зри* ***наименованїе*** [8, I,с. 113]. В основной статье вариант ***наименованїе*** находится на втором месте: *Названїе,* ***наименованїе*** *частей человѣческаго тѣла* [8, I, с.77]; ***Чпагъ.*** *Зри* ***сумочка*** [8, I, с.151]. В основной статье – *Сумка,* ***сумочка*** **–** искомый вариант занимает второе место [8, I, с.131];

2) термин в адресной части отсылочной статьи представлен в неполном, сокращенном виде, а основная статья включает его полное название: ***Фундаментъ***. *Зри* ***основанїе*** [8, I, с. 144]. Основная статья: ***Основанїе частей*** [8, I, с.77];

3) в отсылочной и основной статьях порядок следования компонентов терминологического словосочетания нарушен: в отсылочной статье: ***Бьющая*** *сердечная вѣнечная жила. Зри* ***вѣнечная*** [8, I, с. 8]**.** В заглавной части основной статьи: ***Вѣнечная бьющая*** *и крововозвратная сердечныя жилы* [8, I, с.16].

Что касается пометы «или», то с ее помощью вариантные отношения лексем в первой части словаря регистрируются крайне редко, в единичных случаях, например: *Диры* ***несквозныя*** *или* ***слѣпыя*** [8, I, с.33]. Более употребительна упомянутая помета во второй части: *Angulus canthus oculi major et minor.* ***Кутокъ*** *или* ***уголъ*** *глазный большїй и меньшїй* [8, II, с.7]; *Foramina supraorbitaria. Диры надъ очными* ***впадинами*** *или* ***ямками*** [8, II, с. 48].

Таким образом, анализ лексических вариантов свидетельствует о том, что в «Анатомо-физиологическом словаре» 1783 г. все еще имеет место множественность обозначений научных понятий, что является показателем не окончательной сформированности терминосистемы медицины.

Кроме того, в труде Н. М. Максимовича-Амбодика отражены попытки составителя не только дать адекватные соответствия в процессе перевода иноязычных специальных слов, но и выработать собственные решения при создании клинической терминологии, уточнить и обогатить ее, внеся элемент самобытности. При этом проблема регистрации вариантов и их выбора приобретает значение и для решения проблем современной лексикографии вообще и терминографии в частности.

Литература

1. Биржакова Е. Э. Русская лексикография XVIII века / Е. Э. Биржакова / Российская академия наук: Институт лингвистических исследований. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 212 с.

2. Большая медицинская энциклопедия: в 35-ти томах / Под ред. Н. А. Семашко – Т. 17. – М.: ОГИЗ РСФСР, 1936.
3. Вомперский В. П. Словари XVIII века / Отв. ред. Н.И. Толстой / В. П. Вомперский. – М.: Наука, 1986. – 136 с.
4. Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века / С.М. Громбах. – М.: Изд-во АМН СССР, 1953. – 283 с.
5. Лексикография русского языка: учеб. пособие / Дубичинский В.В. – М. : Наука: Флинта, 2008.– 432 с.
6. Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. – 2-е изд., испр. и доп. / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. – 631 с.
7. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки / Л. Л. Кутина. – М.–Л.: Наука, 1964. – 219 с.
8. [Максимович-Амбодик Н.] Анатомико-физиологический словарь, в коем все наименования…– [Ч. 1–2]. – СПб: Тип. Морск. шляхетн. кад. корпуса, 1783.– [10], LXVIII,160; 136, [1] с.
9. Симоненко А. Е. Из ранней истории описания русской медицинской терминологии / А. Е. Симоненко // Очерки по истории и теории русской терминографии XVIII – первой половины XIX вв. / А. Е. Симоненко. – Донецк: Юго-Восток, 2009. – С. 216 –246.
10. Симоненко А. Е. Лексикографические проблемы вариантности (на материале русской терминографии XVIII – нач.XIX вв.) / А.Е. Симоненко. – Очерки по истории и теории русской терминографииXVIII – первой половины XIX вв. – Донецк, 2009. – С.76–119.
11. Якимович Ю. К. Очерк истории переводной лексикографии в России / Ю. К. Якимович // Переводная и учебная лексикография / Сост. В.Д. Уваров. – М., 1979. – С. 149–175.

КАТЕГОРИЯ «ПРАЗДНИК» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

М.Н. Коннова
maria.konnova@rambler.ru
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»
(*Калининград*)

Цель настоящей статьи – анализ когнитивных сдвигов, происходящих в темпоральной категории «праздник» в русско- и англоязычной картинах мира в исторической динамике, а также вы-

явление основных тенденций их словесной объективации в русском и английском языках на основе лексикографических и корпусных данных.

Как свидетельствуют языковые данные, на протяжении длительного времени центральным элементом категории «праздник», общим для картин мира носителей русского и английского языков, выступает концепт «христианский праздник». Проникновение христианства в глубины народного бытия, оказавшее решающее влияние на выбор исторических путей развития русской и английской культур, приводит к формированию совершенно нового ментального образа праздника, не существовавшего ранее в языческих древнеславянской и англосаксонской парадигмах.

Включающий три основные подфрейма – темпоральный («день праздника»), событийный («прецедентное событие») и событийно-процессуальный («празднование»), концепт «христианский праздник» всегда соотносится с прецедентным событием Священной истории. Оно представляет собой незыблемую точку вечности, через которую проходит вся сотворенная вселенная и к которой человек имеет возможность приобщиться через богослужение [3, с. 160-161]. Празднуемые события не исчезают, «они существуют в вечном мире и продолжают существовать во временном, повторяясь в христианском календаре. Поэтому христианское богослужение не только их “вспоминает”, но считает совершающимися в момент празднества» [1, с. 66].

В русскоязычных именах праздников прецедентные события отражаются по-разному, будучи представлены эксплицитно или оставаясь словесно не выраженными. К числу имен, включающих эксплицитное указание на прецедентное событие, относятся названия двенадцати важнейших праздников, соотносящихся с наиболее значимыми событиями Священной Истории, напр., *праздник Рождества Христова, праздник Рождества Пресвятой Богородицы, праздник Богоявления, праздник Вознесения Господня, праздник Преображения Господня.*

В именах праздников святых, состоящих из существительного *праздник* и имени собственного, прецедентное событие – праведная кончина святого, послужившая началом его почитания, церковное прославление, обретение или перенесение святых мощей – может оставаться не вербализованным, но возможность его

актуализации всегда сохраняется, напр.: *праздник Николая Чудотворца – праздник перенесения мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар*.

Ментальному образу каждого из праздников Церкви присуща своя неповторимая конфигурация когнитивных признаков. Отражающие многовековую традицию осуществления праздника в реальной действительности, они находят свою экспликацию в детальном описании событийной и эмоциональной наполненности дня праздника. Ср.: «Едем полегоньку, с яблоками. Гляжу на яблоки, как подрагивают они от тряски. Смотрю на небо: такое оно спокойное, так бы и улетел в него. *Праздник Преображения Господня*. Золотое и голубое утро, в холодочке» (Шмелев И.С. Лето Господне, 1927-1944) [4].

Темпоральное пространство календаря не знает «пустых», «незаполненных» периодов. Событийная насыщенность каждого дня делает церковный календарь естественной темпоральной «шкалой», с которой в России XI-XIX вв. соотносятся явления общественной и личной жизни. Имена христианских праздников уточняют, дополняют или замещают календарные даты в текстах различной дискурсивной принадлежности – официальных документах, исторической, мемуарной прозе, частной корреспонденции. Ср.: «Для того позволяем нашей Академии Наук вместе учащим и учащимся быть свободным от своих должностей на весь июль месяц, начиная *после праздника святых апостол Петра и Павла* до первого числа августа без вычету жалованья» (Ломоносов М.В. Проект привилегии Академии Наук, 1764-1765) [4]. Будучи ведущим средством упорядочивания событий на темпоральной оси бытия, праздники не растворяются в повседневности, но освящают её, делая осмысленной.

В англоязычной картине мира концепт «христианский праздник» исторически имеет бо́льшее число лексических репрезентантов, чем в русском. Вплоть до конца XVIII в. он регулярно ословливался тремя синонимическими лексемами – исконно английским субстантивом *holiday* (*hāliʒ-* «святой» + *dæʒ* «день») и заимствованными в XIII-XIV вв. из французского языка существительными *feast* (ст.-фр. *feste*, лат. *festum* – «праздник»), *festival* (от ст.-фр. *festival* – «праздничный») [7]. Максимально приближенные

друг другу с точки зрения передаваемого ими смыслового содержания в среднеанглийский и ранненовоанглийский периоды, эти слова с течением времени начинают номинировать различные сегменты концепта «христианский праздник». В современном английском языке лексема *holiday* служит средством вербализации ядерной части концепта, указывая на ограниченное число официальных государственных праздников, являющихся нерабочими днями (напр. *Christmas holiday, Easter holiday, Thanksgiving holiday, Whitsuntide holiday*). Существительные *feast, festival* именуют те христианские праздники, которые являются принадлежностью иных, не основанных на протестантском вероучении, культурных традиций (напр. *feast of Transfiguration, festival of St. Benedict*) [6].

Отличительной особенностью концепта «христианский праздник» в англоязычной картине мира является начавшийся в XIX в. процесс активного проникновения в его мыслительную структуру информации экономического, «коммерческого» характера. Результатом становится изменение содержательного наполнения входящих в концепт подфреймов. Наиболее существенные трансформации затрагивают событийно-процессуальный подфрейм «празднование», в котором на первый план выдвигается инферентная информация о торгово-коммерческой составляющей праздника. «Коммерциализация» праздника находит свое языковое отражение в дистрибуции имени *Christmas* («Рождество»), которое с 1860-х гг. употребляется в сочетаниях с именами экономической семантики, напр., *Christmas shopping* («предрождественское хождение по магазинам», 1863), *Christmas rush* («ажиотаж», 1915), *Christmas sales* («продажи», 1932), *Christmas trade* («торговля», 1962), *Christmas displays* («витрины», 1996) [6].

Наряду с универсальным, сформировавшимся в рамках общехристианской парадигмы мышления концептом «христианский праздник», категория «праздник» в русском и английском языках включает специфические для каждой языковой традиции концепты, возникшие под влиянием многообразных социокультурных факторов. Рассмотрим особенности процесса содержательной перестройки категории «праздник» в сопоставляемых языках.

В русскоязычной картине мира трансформация анализируемой категории начинается в XVIII в. Изменение мировоззренческих устоев во всех сферах российской жизни, вызванное в первой

четверти XVIII в. реформами Петра I, приводит к появлению в рамках категории «праздник» нового концепта «государственный праздник». В текстах XVIII в. средствами его лексической номинации выступают субстантивные конструкции событийной семантики, напр., *праздник восшествия Ея Императорского величества на престол*. Прецедентное событие переносится из атемпорального пространства Священной Истории в исторический план бытия нового, реформированного государства петровской и послепетровской эпохи. Аксиологическая структура концепта меняется: мысль о Боге как первичной абсолютной положительной самоценности [2] вытесняется мыслью о государстве – ценности объективной, но вторичной, производной. Вместе с тем новые светские торжества не утрачивают связи с традиционным христианским праздником, впитывая элементы последнего и входя в единое темпоральное пространство церковно-государственного календарного цикла.

Неотъемлемыми элементами концепта «государственный праздник» со времени правления Петра I выступают ментальные образы памятных дней, связанных с прецедентными событиями русской военной истории. На словесном уровне субконцепт «памятная дата» актуализируется посредством темпорального сочетания, состоящего из хрононима *день* и указания на памятное прецедентное событие, ставшее основанием праздника. В новейшей истории России наибольшим аксиологическим потенциалом обладает мыслительный образ торжества в честь победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.. Именуемый устойчивыми конструкциями *День Победы*, *праздник Великой Победы*, этот праздник не только не утрачивает своей актуальности с течением времени, но расширяет свои пространственные, национальные и временн*ы*е границы («*Бессмертный полк*»).

Резкие изменения в концептуальной структуре категории «праздник» вызывают социально-политические сдвиги, порожденные событиями 1917 г. Насильственное вытеснение веры из всех сфер государственной жизни приводит к тому, что первенствующее место в категории начинает отводиться формирующемуся в 1920-е гг. концепту «идеологически маркированный праздник», в котором в фокусе внимания говорящих оказываются представления о ценностях нового политического строя.

Примером языковой актуализации данного концепта является сочетание *праздник первого* (*Первого*) *мая*. Первые упоминания хрононима *день 1-го мая* в связи с идеей праздника датируются первой четвертью XIX в. и не несут никакой идеологической нагрузки. Ср.: *День 1-го мая* есть *условный праздник весны*, которую жители всех европейских городов привыкли встречать в поле (Булгарин Ф.В. Прогулка в Екатерингоф 1-го мая, 1824) [4]. В начале XX в. день 1-го мая начинают соотносить с «*праздником рабочих*»: «По поводу *заграничного 1-го мая, праздника рабочих*, полная забастовка на всех фабриках» («Русское слово», 1906) [4]. Окончательное закрепление именного сочетания «*праздник Первого мая*» в общеязыковом узусе происходит в начале 1920-х гг., когда одновременно с последовательным уничтожением традиционной праздничной культуры начинают внедряться образы новых государственных торжеств. Ср.: «Снимая свои *новые значки*, Иван Потапыч, желая *праздник Первого мая утвердить в домашнем быту*, крикнул громко, как на улице: “Да здравствует красный пролетариат!”» (Форш О. Д. Одеты камнем, 1924-1925) [4].

В англоязычной картине мира категория «праздник» также претерпевает ряд изменений, специфические черты которых отражают особенности национальной аксиосферы. Процесс трансформации категории «праздник» начинается здесь значительно раньше, чем в русскоязычной картине мира – уже в конце XIII – начале XIV вв. анализируемая категория утрачивает свою первоначальную целостность. Праздник перестает соотноситься с областью «освященного» времени.

Возникает новый концепт «праздник как досуг», в основу которого положена темпоральная метонимическая проекция «период [ЦЕЛОЕ] *вместо* деятельности, наполняющей данный период [ЧАСТЬ]». Здесь в фокус внимания говорящих выдвигается слот «отсутствие трудовой деятельности», выступавший в рамках концепта «христианский праздник» элементом темпорального подфрейма «день празднования». На языковом уровне когнитивный сдвиг отражает значение «день, свободный от работы», возникающее у существительного *holiday* в XV в.: “Necessite nath neuere *halyday*/ У нужды нет свободных дней (букв. *праздников*)” (*Pallad. on Husb.* I. 176, 1420 г.) [6].

В XVIII в. концепт «праздник как досуг» выделяется из категории «праздник», что приводит к формированию самостоятельного концепта «отпуск», тяготеющего к категории «повседневность». Его ведущим средством вербализации является собирательное существительное *holiday* («отпуск»). В XIX в. широкомасштабная индустриализация приводит к экспансии указанного концепта, языковым свидетельством чего является значительное расширение сочетаемости лексемы *holiday*. Ср., *holiday making* («отдых на каникулах», 1792), *holiday camp* («летний лагерь», 1870), *holiday resort* («курорт», 1936). В XIX в. от сложной основы *holiday* образуются лексемы *to holiday* («брать отпуск»), *holidayer* («отпускник»), *holidayish* («развлекательный») [6].

Секуляризация англоязычного сообщества, усиливающаяся в эпоху индустриальной революции, приводит к утрате религиозного чувства и интереса к традиционным праздникам. В середине XIX в. категория «праздник» пополняется концептом «праздник как мероприятие». Последний возникает в результате метонимического проецирования «праздник [ЦЕЛОЕ] *вместо* мероприятия, проводимого в рамках праздника [ЧАСТЬ]», а точнее, в ходе профилирования в рамках подфрейма «празднование» наиболее формализованного его сегмента – слота «мероприятие [в рамках празднования]».

Для номинации нового концепта используется субстантив *festival*, приобретающий в 1860-е гг. метонимическое значение «музыкальное представление», напр.: “At the present moment, when a *grand Tercentenary Festival of the birth of Shakespeare* is about to be celebrated at his native place / В настоящее время, когда *торжественный фестиваль* (букв. «праздник»)*, посвященный трехсотлетнему юбилею Шекспира*, должен начаться в родном городе драматурга” (Chambers's Jrnl. Shaks. Tercentenary, 1864 г.) [6].

Ментальное пространство, занимаемое концептом «праздник как мероприятие» в структуре категории «праздник», значительно расширяется во второй половине XX в., аккумулируя представления о пёстром разнообразии событий в различных областях торгово-туристического мира «индустрии развлечений». Субконцепт «праздник творчества» эксплицируют субстантивные конструкции, отсылающие к различным видам искусства, напр., *Boston Arts Festival, American Dance Festival, Fringe Festival*. Субконцепт

«праздник еды» ословливается сочетаниями с лексемами ЛСГ «пища», напр., *Sweet Corn Festival* («праздник сладкой кукурузы»), *Hot Dog Festival* («праздник хот-дога»), *National Peanut Festival* («национальный праздник арахиса»). Субконцепт «праздник вещей» объективируют конструкции с именами артефактов, напр., *International Quilt Festival* («праздник стёганых одеял»). Репрезентантами субконцепта «праздник явлений природы» выступают сочетания с названиями растений и животных, напр., *Festival of Cats* («праздник кошек»), *Pinecone Festival* («праздник сосны») [6].

В русской языковой картине мира концепт «праздник как мероприятие» появляется в первой декаде XX в. и окончательно закрепляется в 1920-1930-е гг. Среди реализаций последнего устойчивый характер приобретают словосочетания *праздник искусств* (1918), *физкультуры* (1927), *песни* (1935), *гимнастики* (1957), *фейерверков* (1975), *бега* (1988), *музыки* (1996), *фольклора* (2004), регулярно сопровождаемые уточняющими определениями пространственной и временной семантики (напр., *национальный, межрегиональный, городской, весенний, очередной, традиционный, первый, детский*) [4]. В XXI вв. ведущим средством экспликации концепта «праздник как мероприятие» становятся сочетания с существительным *фестиваль* (англ. *festival*). Стремительный рост его частотности сопровождается максимальным расширением смыслового спектра его субстантивных определителей. Это слова ЛСГ «Пища», напр., *фестиваль меда* (2013), *шашлыков* (2013), *варенья* (2014); ЛСГ «Спорт», напр., *фестиваль айкидо* (2012); ЛСГ «Природа», напр., *фестиваль цветов* (2014); ЛСГ «Техника», напр., *фестиваль роботов* (2013); ЛСГ «Человек», напр., *фестиваль флешмобов* (2012) [4].

Сопоставительный анализ русско- и англоязычных источников позволил выявить те общие и национально-специфические особенности категории «праздник» в картинах мира носителей двух языков, которые могли бы остаться незамеченными при изучении только одного языка. Как показало исследование, статус универсального, общего для двух лингвокультур ментального образования имеет концепт «христианский праздник», аксиологический потенциал которого заключается в способности связывать воедино категории «время» и «вечность». Возникновение в ходе де-

аксиологизации категории «праздник» национально-специфических концептов (напр., концепта «идеологически маркированный праздник» для русской языковой картины мира или концепта «отпуск» для англоязычной картины мира) отражает особенности изменения аксиосфер русской и англо-американской культур. Происходящая в настоящее время как в русской, так и в англоязычной картине мира стремительная экспансия концепта «праздник как мероприятие» отражает глобальный процесс инфильтрации значений праздника в повседневную жизнь. «Праздник больше не противопоставляется повседневной жизни, не противоречит ей: напротив, праздник теперь сама повседневность, вся повседневность» [5, с. 108].

Литература

1. Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. М.: Изд-во «Алетейя», 1997. – 584 с.

2. Лосский Н.О. Ценность и Бог. Бог и Царство Божие как основа ценностей. Харьков: «Фолио»; М.: «АСТ», 2000. – 864 с.

3. Мечев Сергий, священномученик. Тайны богослужения. Духовные беседы. Письма из ссылки. М.: Храм святителя Николая в Кленниках, 2001. – 383 с.

4. Национальный корпус русского языка. URL: http://ruscorpora.ru. Дата обращения: 30.06.2017

5. Розенберг Н.В. Культура повседневности Поволжья: философско-герменевтический анализ. Пенза: Издательство ПГУ, 2010. – 280 с.

6. Corpus of Historical American English [Сайт]. URL: http://corpus.byu.edu/coha/. Дата обращения: 26.11. 2016

7. Oxford English Dictionary. [Сайт] URL: http://dictionary.oed.com/cgi/entry. Дата обращения: 28.06.2014

ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИНГВО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ АРАБСКОГО МАТЕРИАЛА НА ФОНЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА БАЗЕ СЛОВАРЯ " ШИРЕ КРУГ ")

Мансур Салех Алкади
mansuralkady1@gmail.com
Амранский государственный университет
(Йемен, Санаа)

Реалии сегодняшнего дня доказывают, что каждому современному человеку, помимо национального языка, необходимо владеть как минимум еще одним международным языком. Такой тип личности постепенно приближается к норме.

Изучая другой язык, человек погружается в другой мир, обретает возможность воспринимать этот мир и понимать его. Ведь все дело в том, что в языке отражается вся история народа, говорящего на нем. В структуре языка заложен тот способ мышления, который свойствен данному народу.

Изучение иностранного языка просто немыслимо без работы с различными словарями. За последние десятилетия были созданы новые типы словарей, определены базовые принципы их построения, усовершенствованы способы семантизации словарных единиц, созданы новые формы представления словарного материала. Многообразие словарей помогает решать разные проблемы, возникающие в процессе учебной деятельности.

Учебная лексикография благодаря работам В. Г. Гака, В. В. Морковкина, П. Н. Денисова, Ф. Л. Сороколетова, В. В. Дубчинского, Л. Г. Саяховой, А.И.Супрун и др. накопила значительный теоретический опыт и обладает широким спектром словарных изданий.

Выбор того или иного словаря зависит от цели, которую ставит перед собой человек.

Чаще всего используются двуязычные словари. Они выполняют не только информативную, но и коммуникативную функцию, то есть помогают межъязыковому общению, способствуют обучению языку (и родному в том числе, ведь недаром один из классиков сказал: " Человек, не знающий ни одного иностранного языка не знает и своего").

Новой тенденцией в развитии учебной лексикографии является создание (отличных от традиционных) словарей особого типа – двуязычных тематических.

Весьма актуальным является создание двуязычного русско-арабского учебного тематического словаря. Он предназначен для переводчиков, научных работников, специалистов, работающих в странах Арабского Вастока (арабские страны достаточно часто приглашают на работу сотрудников и знание арабского языка в такой ситуации будет востребовано и перспективно), преподавателей и студентов востоковедческих специальностей, а также для арабов, изучающих русский язык.

Словарь имееет ярко выраженную коммуникативную направленность, что особенно ценно для Крыма, которому самим историческим прошлым предопределено быть многоязычным и

поликультурным. Не стоит забывать, что на территории полуострова проживают представители разных религий, одна из которых – ислам, а арабский язык является языком Корана и знаком представителям всего мусульманского мира, поэтому было бы неплохо познакомиться с образом мышления, с обычаями и культурой этой части населения полуострова. Сделав это, вы поймете, что они замечательные люди, такие же, как и русские, в чем-то отличные, в чем-то похожие.

Именно в языке отражается культура, и поэтому сопоставление двух языков, собранных вокруг общих тем, дает возможность увидеть две стороны медали. Поможет в этом двуязычный русско-арабский учебный тематический словарь "Шире круг "[3].

Арабский язык генетически не родственен русскому, значит, и различия между ними весьма существенны, и это порождает сложности при составлении двух паралельных универсальных лексических минимумов.

Вкратце остановимся на наиболее интересных моментах, которые учитывались при описании арабского языка.

1. При необходимости дифференциации значения одного и того же слова вариативные соответствия получают свое конкретное значение (из ряда многих вероятных) только в определенном контексте. Для этого указываются соответствия с пояснением курсивом в скобках контекста употребления каждого из них. Например, русскому слову *оценка* соответствует пять слов в арабском:

تقدير *(обстановки)*

تقييم *(ценит)*

تسعير , تثمين *(высокая)*

علامة , درجة *(отметка*)

2.Особенно большое расхождение наблюдается в системе частей речи. Варианты замены одной части речи другой весьма разнообразны. Они многочисленны ввиду того, что оба рассматриваемых языка располагают обширным запасом выразительных средств. В связи с этим я руководствовался принципом максимально полной и точной передачи смысла в соответствии со стилистическими нормами. Например:

а)Замена имени прилагательного именем существительным:

جائع *голодный*

فارغ *пустой*

ناوي *сырой*
حار *горячий*

б) В роли наречий в арабском языке довольно часто выступают имена существительные, например*:*

тепло حر
всё равно ما فيش فرق

При совпадении частей речи известную трудность представляет то, что при переводе не совпадают их формы и грамматические категории.

а) Категория вида – специфическая категория русского языка и провести какие-либо аналоги с арабским языком достаточно сложно.

б) Вместо инфинитива употребляется личная форма глагола, например :

تمَدُد*ложиться*
تعبير *выражать*
ترجيح *предположить*
بَرهَ *доказать*
غَلِطَ *ошибаться*

в) Арабскому языку не свойственны существительные со значением профессии, относящиеся к лицам как мужского, так и женского пола. В этом языке они различаются по родам, например:

врач женщина طَبيبة
врач мужчина طَبيب
хирург женщина جَراحة
хирург мужчина جَراح
директор женщина مُديرة
директор мужчина مُدير

3. Национально-культурная специфика отдельных слов нашла свое отражение в конкретных комментариях. Так, при описании слова *верблюд* комментируются также лексические единицы, которые используются в языке как семантические синонимы. Например :

взрослый верблюд جمل
молодой верблюд قعود
старый верблюд بعير
быстроходный верблюд هجين
двугорбый верблюд قرموش

верблюдица ناقة

ездовая верблюдица راحلة

4. В связи с тем, что в арабском языке распространены синонимические дублеты в ряде случаев мы приводим в качестве эквивалента дублетные пары. Достаточно часто вторым словом в дублетной паре выступает диалект, имеющий равноправное употребление, например:

еда طعام , أكل

глухой أصم , أدور

лоб جبين , جبهة

умываться طهور , اغتسال

вкусный طَعِم , لذيذ

5. Очень сложно перевести на арабский язык традиционные русские блюда, ведь арабская кухня необъятна, как необъятен арабский мир. Здесь едят примерно одно и то же, но совсем не то, что у русских. В подобных случаях часто перевод напоминает объяснение значения слова, как в толковом словаре, например:

гуляш – сваренные кусочки порезанного мяса

قطع لحم صغير مغلي

шашлык – кусочки мяса, запеченные на шампурах

قطع لحم مشوي يالسنار

тефтели – запеченные кружочки из фарша

كُرَيات من اللحم المفروم المقلي

6. Перевести названия растений, свойственных региону России, тоже непросто, так как у арабов они не растут и часто встречаются незнакомые виды. В этом случае возможен вариант перевода по принципу толкового словаря, изредка к этому добавляется перевод слова тем же набором звуков, что и в русском языке. Например:

астра- вид растения, астар

أَسْطرٌ (نوع من أنواع النباتات)

смородина - черный лисий виноград

عنب الثعلب الأسود

крыжовник – лисий виноград

عنب الثعلب

7. У большей части фразеологических единиц, содержащих культурные реалии на одном языке, нет лексически эквивалентных единиц в другом языке. Они могут совпадать и совпадают

лишь концептуально. И несмотря на тождество понятийной части их значения, выразительный колорит не позволяет вести речь о полной семантической эквивалентности. Например:

Валять дурака – много болтает, но ничем не занят

أمعن - بالتهريج لا شغل ولا مشغلة

Ставить на карту – заложил все карты и остался в руках черта

وضع على كف عفريت - راهن بكل أوراقه , حط على كف عفريت

Сколько лет, сколько зим – сколько времени прошло (твое лицо лучше света луны)

كم من الوقت أنقضى ما التقينا (وجهك ولا ضؤ القمر)

Не лезет за словом в карман – быстр в разговоре и в даче комментариев

سريع البديهية في الحديث أو الجدال

Есть совсем малочисленная группа фразеологизмов, которые абсолютно эквивалентны, например :

Медовый месяц – медовый месяц

شهر العسل

Фразеология – наиболее трудная область лингвистического описания для адекватного сопоставительного анализа. Она включает в себя единицы, несущие огромную экстралингвистическую нагрузку, что существенно влияет на поиск эквивалентов в процессе перевода их на иностранный язык.

Требования к объему данной статьи не позволяют описать все трудности, с которыми я столкнулся при оформлении русско-арабской версии словаря "Шире круг "[3], поэтому я предложил вашему вниманию лишь некоторые из них.

Выучив арабский язык, вы неожиданно начнете обнаруживать арабов вокруг себя. Приятно общаться с тем, кто прибыл издалека. Осознание того, что вы понимаете людей, живущих по всему миру, делает этот мир "домашним". И плюс к этому, изучая и сравнивая язык двух разных народов, человек имеет хорошую возможность расширить свои знания о собственной культуре и языке.

Литература

1. Борисов В.М. Русско-арабский словарь . – М., 2004.
2. Учебный русско-арабский фразеологический словарь / М.А.Фавзи, В.Т.Шкляров . – М : " Русский язык ", 1989.

3. Шире круг : русско-украинско-крымскотатарский учебный тематический словарь / авт.-сост. Т.Ю.Новикова , Г.Ю.Богданович , И.Г.Балашова , Н.В.Буц , Л.С.Оказ , Р.Р.Девлетов . – Симферополь : ЧП " Предприятие Феникс " , 2011.

ГЛАГОЛЬНАЯ УНИВЕРБАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ СЛАВЯНСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Е. М. Маркова
Elena-m-m@mail.ru
Московский государственный областной университет
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Москва – Нижний Новгород)

Стремительные изменения в экономической и социально-политической жизни общества, происходящие на наших глазах, неизбежно приводят к усилению лингвокреативной деятельности человека. Активно происходит поиск языковых, в том числе деривационных, возможностей, которые помогают выразить отношение к изменяющимся явлениям и процессам действительности. Мода на словотворчество распространяется все шире, привлекая внимание лингвистов к проблеме исследования новых слов в плане их деривационной, коммуникативной, когнитивно-прагматической и социолингвистической специфики. Деривационная активность касается в большой степени и глагольной лексики, т. к. русский язык, как и все славянские языки, отличает тенденция к повышенной глагольной деривации.

В сфере глагольной деривации обращает на себя внимание такое популярное деривационное явление, как универбация, которая, с нашей точки зрения, среди глаголов также имеет место. Универбация – образование однословной номинации на основе словосочетания, глагольная универбация состоит в стяжении словосочетания в однословное глагольное наименование. В энциклопедии «Русский язык» универбация понимается как «образование слова на базе словосочетания, которому оно синонимично» [5, с.577]. Хотя многие исследователи не относят подобные случаи к универбации, считая, что таким образом образуются только имена существительные (см., напр. [6]), глагольная универбация, по мнению

ряда учёных (напр., [3]), имеет все признаки этого способа деривации: формальное и семантическое сжатие словосочетания в одно слово, использование корневой морфемы одного из компонентов словосочетания, несущего основную смысловую нагрузку, оформление при помощи определённых деривационных средств. При этом в языке остаются представленными две формы обозначения одного и того же плана содержания: расширенная, в виде мотивирующего словосочетания, и сжатая, как результат его стяжения. Последняя характеризуется, как правило, разговорным характером. При суффиксальной универбации, наиболее характерной для разговорной и профессиональной речи, происходит образование стилистически сниженного синонима к стилистически нейтральному словосочетанию, хотя со временем однословный синоним может войти в общелитературное употребление.

Глагольная универбация принадлежит к исконно славянским продуктивным способам деривации, однако активизация его в последнее время спровоцирована и все убыстряющимся темпом жизни, динамикой научно-технического прогресса, и влиянием английского языка, в котором наиболее частотными способами словообразования являются конверсия – использование одного и того же знака и для наименования явления или артефакта, и для наименования действия, свойственного ему или производимого с ним (*water* ‘поливать’← *water* ‘вода’) и универбация как результат стяжения словосочетания в одно слово (*overnighted* ‘заночевать’ ← *stayedovernight* ‘остаться на ночь’). Универбаты, образующиеся путём преобразования глагольного словосочетания в один глагол, встречаются среди фразеологизмов (*попасть впросак → попасть* (напр., в выражении: «Ну я и попал!»), *приносить жертву → жертвовать, бить баклуши → баклушить, делать упор → упирать* (на что-либо) и т. п.). «Большинство обозначенных универбов характеризуется включением глагольной семантики и образовано путём аффиксальной деривации от прямого или косвенного дополнения в глагольном словосочетании» [4, с. 117-118].

При этом глагольная универбация имеет и свою специфику. Универбализованная глагольная номинация позволяет объективировать целую *ситуацию*, причём отразить её часто в динамике, в компактной языковой форме запечатлеть *процесс*, отразив при этом

субъективное отношение говорящегок нему. Эти возможности глагольной номинации делают её чрезвычайно активной и в повседневном общении, в том числе в интернете, и в телекоммуникации, и в рекламе, и в языке СМИ. Так же как и универбация в целом, глагольная универбация во многом вызвана усилением тенденции к экономии языковых усилий. Вместе с тем можно выделить и ещё ряд причин, обусловивших это явление.

Универбализованная форма может быть результатом заполнения лакуны: лакунарными являются, например, некоторые глагольные формы, представленные в русском языке только словосочетаниями, например, *стать равнодушным*, которое получило в речи и однословную вербализацию – ***оравнодушеть***: «*Иржи даже перчаток не снял – заледенел, бедняга,* ***оравнодушел***» (Д. Рубина).

Активны глагольные окказионализмы со значением изменения действия, передаваемого глаголами *изменить, сделать, превратить* в основном словосочетании, а также префиксами *о-* или *у-* в глаголе-универбате: ***очеховит****ь* (т. е. изменить в духе *Чехова*), ***ускромнить*** (‘сделать более *скромными*’), ***оженственяться*** (‘превращаться в женщину, становиться женственным’ - 1 канал ТВ, «Жить здорово!»), ***обуючивать*** (‘делать уютной’: «Мама обуючивала нашу квартиру» - ТВ, канал «Россия», из передачи «Судьба человека»), ***окультуривать*** (‘делать культурным’: «Сейчас человека никто не будет *окультуривать,* большая ответственность за это ложится на самого человека» - Л. Ганапольский, 1 канал ТВ).

Не только в бытовой сфере активна данная модель, она популярна и в научном дискурсе. Лингвисты, когнитологи часто говорят о языковых знаках, что они способны ***овеществлять*** (‘превращать в *вещь*, в материю’), ***овнешнять*** (‘переводить из внутренней во *внешнюю* сферу’), ***оязыковлять*** (‘переводить из плана ментального в *языковую* форму’) смыслы. Например: «*Язык овеществляет ментальное»; «Семантика» лингвокультуры – это культуроносные смыслы, овнешнённые в знаках языка»; «Но чаще всего они <знаки культуры>оязыковляются, т. е. воплощаются в знаках именно языка*» [1, с. 180-181, 184]).

Универбализованная форма может объективировать и значения темпоральные: начала или завершения, результата действия, часто сопровождаемого семантикой большого количества, избыточности, передаваемого циркумфиксом *на-…-ся*: ***накорвалолились***

(‘напились *корвалола*’)**, *навалокординились*** (‘напились *валокордина*’) - из передачи 1 канала ТВ «Жить здорово!».

Часто основой для глагольного универбата является словосочетание с английским компонентом: ***гуглить*** ‘искать информацию при помощи поисковой системы Google или, расширительно, с помощью любого другого аналогичного средства’ («*Прогугли»).* Глагол ***лайкать*** является результатом стяжения словосочетания *ставить лайки*, от англ. *to like* ‘нравиться’, т. е. ‘помечать сообщение, публикацию с помощью специальной кнопки с пиктограммой или надписью *Like* «Мне нравится» («*Лайкнуть фото в инсте»*). Встречаются также случаи универбации с помощью заимствованных слов, которые формально отсутствуют в исходном словосочетании, но имеют место в однословном деривате, например: *играть в* (компьютерную) *игру* → ***геймить, гамить*** (от англ. *game* ‘игра’).

На основе универбации созданы, например, окказиональные глагольные образования ***сбоять*** (из сочетания *давать сбой*): «Почему так *сбоят* дорожные навигаторы?» (Инф. программа на 1 канале ТВ, нояб. 2017); ***гекльберрифиннить*** (из сочетания *вести себя как Гекльберри Финн* – герой романа М. Твена) в значении ‘выпустить детей за городом на свободу, дать им возможность много гулять и ничего не делать’ (передача «Растём вместе» на ТВ, 2017), ***романить*** (← *иметь любовный роман*): «А когда вы *романили* с ней, все было хорошо?» - из передачи «Давай поженимся», 1 канал ТВ и др.

Словацкие глагольные номинации также часто прагматически заряжены, напр., ***letovať*** ‘проводить лето’, ***dovolenkovať*** «проводить отпуск» (от слвц. *dovolenka* ‘отпуск’), ***premierovať*** ‘провести премьеру спектакля, фильма’, ***hranit’ sa*** (‘чесать спину о дверной косяк’ от *pošuchať saohrani*), ***vidličkovať*** (‘взбивать вилкой’ от *vidlička* ‘вилка’) и т. п.

Нередко новая глагольная форма как результат стяжения глагольного словосочетания появляется как синоним к уже существующему в языке глаголу, при этом она отличается от старого глагола ярко выраженным экспрессивным, эмоционально-оценочным компонентом значения. В частности, как синоним глагола *благодарить* возник глагол ***мерсикать***, отличающийся от первого своим коннотативным компонентом: «униженно, многократно благодарить кого-то, стоящего социально выше» («Потом долго *мерсикала* и делала

книксены, отступая к бронированной двери» - Т. Устинова). ***slnít'sa*** («лежать на солнце» от *slnce*, при том, что в словацком языке существует глагол, соответствующий нашему *загорать – opalovať*). При этом синоним чаще всего образуется от иноязычного корня, напр., в качестве синонима к уже существующему универбату ***задружиться*** (*стать другом*) возник глагол ***сфрендиться*** (от англ. *friend*).

Активно глагольная универбация проявляет себя в интернет-общении, в языке делового общения. Об этом свидетельствуют примеры из словацкого языка: ***zakatalogizovať*** ('занести в каталог'), ***zavírit'*** ('запустить вирус', от слвц. *vírus*), ***zaheslovať*** ('установить пароль', от слвц. *heslo* 'пароль'), ***zafaxovať*** ('отправить по факсу'), ***zadefinovať*** ('определить, дать определение', от слвц. *definícia* 'определение'), ***zakružkovať*** ('обвести кружком что-то в анкете') и др. Последний глагол имеет ярко выраженную словацкую специфику: в словацкой культуре принято обводить «кружком» выбранный в каком-л. перечне элемент, в отличие от русской традиции, где чаще ставят «галочку» около выбранного варианта, что вербализовалось в русском общении в универбате ***галковать / галкнуть*** (←*ставить / поставить галочку*). Много подобных образований в речи автомобилистов, компьютерщиков – людей, имеющих дело с техникой: *нажимать на педаль газа* → ***газовать***, *ставить машину под домкрат* → ***домкратить***, *печатать на принтере* → ***принтить***, *использовать архиватор* → ***архивировать***, *делать копии на ксероксе*→***ксерокопировать, ксерить*** и др.

С точки зрения функционирования популярны глагольные новообразования-универбаты в рекламных текстах. «Актимель! Монстры атакуют. ***Актимелизируйся***» (реклама напитка «Актимель») – глагол *актемилизироваться* образован из сочетания 'выпить *Актимель*'. По аналогии со *сникерснуть* (из сочетания 'съесть *Сникерс*') образован и глагол ***фруктануть*** (из сочетания 'выпить *фруктового* сока'), используемый в рекламе соков и напитков фирмы «Яблочкин»: «*Фруктанём* на всю катушку».

Не только в рекламе, но и в экономической, политической сферах жизни образуются и находят распространение глагольные универбаты. Глагол ***bankovať*** 'держать деньги в каком-л. *банке*' (слвц. *banka* 'банк') появился в словацком и других славянских языках в

связи с активной работой банков по привлечению клиентов и распространению слогана *S kym bankujete?*(хорв. *S kim bankarite?*). В словацком языке слово *tunel* стало использоваться в новом переносном значении ‘незаконная перекачка денег, финансовые махинации’, а это значение стало мотивом для новых дериватов, в том числе и глагольного: ***tunelovať*** ‘туннелировать, заниматься финансовым мошенничеством’ (от *zabyvať sa tunelem*). В словацком языке имеется целое словообразовательное гнездо и от существительного *tolerantnosť,* включающее и глагол ***tolerovať*** (‘проявлять толерантность’), а также девербатив *tolerovanie* (‘проявление толерантности’). Немаловажную роль в процессе внедрения терминов в повседневную речь играют печатные СМИ, где активно проявляется тенденция к усилению информативности. Как уже подчёркивалось, язык газет в наши дни стал сферой наиболее яркого проявления происходящих динамических процессов [2, с. 27].

Приведённый материал, иллюстрирующий одну из тенденций в сфере глагольной лексики, демонстрирует его соотнесённость с важными явлениями общественной или социальной жизни, а также с бытовыми ситуациями, актуальными для живой разговорной речи, сопряжёнными, в основном, с отрицательной оценкой явлений и событий, иронией, насмешкой, осуждением происходящего, а также служит для заполнения языковых лакун. Экспрессивизация лексиконов славянских языков поддерживается и усиливается экспрессивностью новообразований, в том числе глагольных, которые из средств массовой информации, из телепередач, рекламных слоганов, речи поп- и телезвёзд активно проникают в речь обычных носителей языков. Игра со словами, фразами и с их дериватами свидетельствует о «высокой эмоциональной температуре» (А. Вежбицка) не только русской речи, но и разговорных сфер других славянских языков.

Литература

1. Красных В. В. Что день грядущий нам готовит? (К вопросу о современной научной парадигме в области гуманитарного знания) // Жанры речи. Международный научный журнал. – 2017, № 2 (16). – С. 172-193.

2. Маркова, Е. М., Григорянова, Т. Динамические аспекты лексики современных славянских языков. – Brno: Tribun EU, 2016. – 187с.

3. Нещименко Г. П. Словообразование разговорного языка в свете тенденции языковой экономии (на материале русского и чешского языков) //

Wortbildung: interaktivim Sprachsystem. Materialender 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim internationalen Slawisten komitee. Innsbruck, 2000. – С. 253–270.

4. Романов Ю. А. Универбация на основе глагольных словосочетаний в английском и русском языках. Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер.: Філологія. – 2015, № 18, том 2. – С. 117-120.

5. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.

6. Теркулов В.И. Универбализация: постановка проблемы / В.И. Теркулов // Учёные записки Забайкальского гос. гуманитарно-педагогического ун-та им. Н.Г. Чернышевского: Серия «Филология, история, востоковедение». – 2010, № 3. – С. 135–142.

Источники

1. Словарь перемен [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/notes/ 2015/776172429135957 (дата обращения: 06.04.2017)

2. Рубина Д. Синдром Петрушки. Роман. М., 2014.

3. Устинова Т. Подруга особого назначения. Роман. М., 2015.

4. Программы ТВ (1 канал и канал «Россия»): «Жить здорово!», «Судьба человека», «Давай поженимся», «Растём вместе».

ПРОЦЕССЫ ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ФОРМАНТОВ[6]

Е.В. Петрухина
elena.petrukhina@gmail.com
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(*Москва*)

1. Десакрализация лексики и ее причины. Под десакрализацией (от лат. *sacrum* – ‘священное’) понимают «обесценивание сакральных (священных) образцов, религиозных представлений, мировоззренческих установок» [20]. В языке это проявляется как устранение или затемнение в языковых единицах семантических компонентов, связанных с высокими, как правило религиозными,

[6]Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00532а "Исконные и заимствованные форманты и модели в русском словообразовании на славянском фоне: семантические отношения, типы взаимодействия, стилистический потенциал".

смыслами и соответственно перенос изначально религиозной лексики в светские дискурсы разного типа – художественный, публицистический, обиходный, интернет-коммуникацию и др. [12]. Процессы десакрализации лексики связаны с ослаблением и утратой христианского мировоззрения, секуляризацией культуры и картины мира (КМ). Этот процесс, общий для всей Европы, был начат Ренессансом, а в России он был связан с историческими особенностями формирования светской культуры в петровскую эпоху и с ее противопоставлением религиозной культуре, отразившемся на формировании русского литературного языка и обусловившем резкое разграничение языковых стилей [5, с. 924-932]. Поэтому десакрализация русской религиозной лексики этого периода имеет некоторые особенности.

Тесное взаимодействие в течение нескольких веков великорусской и старославянской языковых стихий предопределило характер культурно-языковой ситуации в 17-18 вв. как потрясение, «когда на роль высшей литературы стала претендовать литература светская» [4, с. 259], пытающаяся порвать с церковнославянской книжной традицией [5, с. 930-931]. В области лексики подобные потрясения В.В. Виноградов осторожно называл «борьбой омонимов»: «одинаковые по своему внешнему облику слова приобрели различные значения в пределах каждого слога» [3]. Можно сравнить, например, церковнославянские *воня* (‘аромат’) «*воня благоухания*», *благовоние*, *благовонный* и русские однокоренные соответствия *вонь, вонять*, *вонючий*, *вонючка* в значении ‘смрадный запах’.

2. Осмеяние. «Борьба омонимов» отражает сложные процессы в русской культуре и в русском языке 17-18 вв. Большую, причем разрушительную, роль в этих процессах сыграла народная смеховая, карнавальная культура, осмеивающая все официальное, когда десакрализация, достигая дна, выворачивала наизнанку христианские образы [11, с. 27], а сакральному слову приписывалось прямо противоположное содержание и антонимическая оценка [10]. Приведем еще некоторые примеры такой омонимии, отмеченной в «Истории слов» В.В. Виноградова [3].

Вертеп – церксл.: ‘овраг, провал, ущелье, пещера'; в житийной литературе XVI – XVII вв.: «изрыть келейцу на брегу сиречь *вер-*

тепецъ мал». С 17-го века в русском языке у этого слова развивается значение ‘притон’:‘подземный или иного устройства скрытный притон’ [13]. Это значение отмечается во всех толковых словарях русского языка второй половины 20-го в., а в МАС [19] значение ‘притон, убежище преступников, развратников’ является основным. *Благой*–цркcл. ‘добрый, хороший, полезный, добродетельный’; в просторечии же ‘злой, упрямый, дурной, тяжелый’. *Тварь* – его двойное значение отмечено уже в Словаре Даля: *тварь* –‘творенье, божеское созданье, живое существо, от червячка до человека’ *Проповедите Евангелие всей* ***твари***! (Евангелие от Марка). *Божья* ***тварь*** *Богу работает* || Бранно: скотина, животное. *Экая* ***тварь!*** [13]. В толковых словарях русского языка советского периода (в том числе в [19]) первое значение помечено как устаревшее.

3. «Борьба с религиозными предрассудками». Осмеяние некоторых высоких церковнославянизмов продолжалось и в последующие периоды. Так, В.В. Виноградов установил, что слово *злачный* «подверглось ироническому переосмыслению в языке разночинно-демократической интеллигенции», приведшее к «перевертыванию» значения церковнославянского сочетания *злачное место* ‘райские кущи, цветник’ на противоположное – ‘где кутят и развратничают’ [3]. Аналогично *прозябать* – цркcл. ‘произрастать’(в Словаре Даля это единственное значение [13]). МАС отмечает его как книжное и устаревшее при основном значении ‘вести малосодержательную, унылую, безрадостную жизнь’, например: *Чувствую, что я живу, а не* ***прозябаю*** (Белинский) [19].

В.В. Виноградов пишет и о других более поздних изменениях семантики высоких церковнославянизмов. «Распространение материалистических и атеистических идей, борьба с религиозными предрассудками сужает круг живых церковнославянизмов и поддерживает традицию иронического применения церковнославянской лексики и фразеологии, уже прежде нашедшую яркое выражение в публицистическом языке революционно-демократической интеллигенции (ср. образование таких слов, как *аллилуйщик, аллилуйский* и т. п.)» [3].

Подобные процессы замены высоких смыслов низкими при вхождении некоторых церковнославянизмов в русский язык отра-

жают накал размежевания духовной и секулярной культуры, который особенно возрастал в определенные исторические периоды [5, с. 924-932; 1140-1152].

4. Общие процессы деидеологизации и переносного употребления сакральных слов. Однако такое «выворачивание наизнанку» значения церковнославянизмов характеризует ограниченное число слов. В целом же процесс секуляризации русской религиозной лексики во многом сходен с подобными процессами в других европейских языках, более того – отражает общие языковые процессы, связанные с утратой мировоззренческого, «идеологического» значения и с сохранением денотативного, «технического». Как показал В.И. Абаев, такие изменения характеризуют динамику семантики больших пластов лексики в диахронии [1; 8].

Универсальное устойчивое «ядро» значения языковой единицы, суммирующее «эмпирический опыт, основанный на тождестве предметного эквивалента данного восприятия у людей различных эпох и формаций, может окутываться, обволакиваться рядом субъективных, привходящих идеологических представлений, настроений и ассоциаций, которые полностью обусловлены состоянием сознания и опыта людей данной эпохи и данной общественной среды …» [1, с. 37].

Наибольшую роль интерпретационный, мировоззренческий компонент играет в семантике «культуроспецифичных» слов, идентификаторов целостного мировоззрения, актуального для определенной исторической эпохи. Вместе со сменой мировоззрения ослабевает и даже полностью исчезает и мировоззренческий компонент в семантике языковых единиц. Например, в современном русском языке легко можно найти лексемы, которые когда-то были выразителями основных идей христианского мировоззрения, т.е. являлись идентификаторами религиозной, христианской КМ, но в настоящее время полностью утратили былую связь с этой КМ, хотя по внутренней форме лексем она легко может быть восстановлена. Так, в современном русском языке всякую связь со священным смыслом, через стирание внутренней формы, утратило этикетное слово благодарности *спасибо*, заменившее собой словосочетание *спаси Бог!*[7]

[7]Еще в первой четверти 20-го века не для всех людей сакральный смысл этикетного слова *спасибо* был утрачен полностью. Известны «тесты» Д.С. Лихачева на «чувство русского

Особый процесс десакрализации характеризует междометия, возникшие на основе священной лексики. Так, в Академической грамматике русского языка (1980) среди «непервообразных междометий, связанных с существительными», большую часть составляют номинации Бога, лишенные в современной речи многих людей сакрального смысла: *боже, господи, создатель*, а также междометные «устойчивые словосочетания»: *боже мой, господи боже мой, прости господи, боже упаси* (*упаси бог*), *боже сохрани, господи помилуй, слава богу* [9, с.732-733]. Но в речи верующих людей те же самые выражения наполнены исходным священным смыслом как обращения к Богу.

Утрата сакральных смыслов может быть выражена в разной степени. Мы рассмотрели крайнее проявление этого процесса – обращение сакральных слов в низкие, а также полную утрату христианской составляющей при сохранении нейтральной «технической» семантики. Но шире распространено развитие многозначности, когда семантика сакральных по происхождению слов зависит от типа дискурса, в котором они употреблены, а также от того смысла, который в них вкладывает говорящий. Такие сакральные слова, как *преображение, спаситель, мученик, благодать, икона, рай, ад*, употребляющиеся не только в религиозном дискурсе, но и вне его, в частности в публицистике, в беллетристике и обиходной речи, развивают многозначность. Например, в МАС ***преображение*** толкуется следующим образом: 1. Действие по знач. глаг. *преобразить –преображать*; действие и состояние по знач. глаг. *преобразиться – преображаться*. *Преображение Арктики. Преображение природы. Духовное преображение*. 2**.** Один из церковных праздников [19]. Аналогично *мученик*: 1.Тот, кто подвергается мучениям, страданиям; тот, кто перенес муки, тяжелые испытания. *Иногда я думаю об ушедших великих людях, о мучениках науки* (Куприн); 2. Канонизированный христианской церковью святой, подвергшийся мучениям за веру. *Христианские мученики* [19].

языка», которые он проводил среди заключенных, попавших, так же как и он, в Соловецкий лагерь. Одним из пунктов этого теста было использование выражения «большое спасибо», которое Д.С. Лихачеву представлялось абсурдным: ведь невозможно «большое «спаси Бог»» [7, с. 201].

По толковым словарям русского языка можно проследить процесс развития многозначности, т.е. мирских значений у религиозной лексики. Так, если в МАС лексема *икона* имеет лишь одно значение (‘живописное изображение бога или святого (святых), являющееся предметом религиозного поклонения; образ’) [19], то в Словаре Ефремовой кроме этого представлено еще два десакрализованных значения: ‘тот, кого боготворят, кого любят, перед кем преклоняются’; ‘пиктограмма, обозначающая доступный пользователю объект (файл**,** диск и т.п.)’ (в информатике) [14].

У других религиозных слов (таких как *алтарь, апокалипсис*) процесс десакрализации связан с их переносным употреблением вне религиозного дискурса. Например: *Более всего меня поразил не* ***апокалипсис****, разразившийся из-за дождя, а то, что женщина сразу после операции вышла на работу и погибла* («Русский репортер», 2015). *Тиражи даже тех авторов, что бросили всё своё существо на* ***алтарь самопиара****, ничтожно малы по сравнению с населением страны…* («Литературная газета» №35, 06.09.17). При этом переносное десакрализованное значение в Словаре Ефремовой отмечается только у лексемы *алтарь*: **«перен.** Место или сфера деятельности, которые внушают благоговение, которые очень дороги» [14].

Таким образом, переносное использование сакральной лексики – это общий процесс утраты или ослабления высокого мировоззренческого (религиозного) содержания лексемы. Даже имя Бога подвержено в междометном употреблении утрате религиозного содержания, а также переносному обмирщенному использованию. Например, метафорическое употребление лексемы ***бог*** в Словаре Ожегова – Шведовой (2006) представлено тремя значениями (3-5): 3.*перен.* Предмет поклонения, обожания (устар., книжн.). *Музыка – его бог. Эта девушка для него – бог.* 4.*перен.* Гений, необыкновенный талант (высок.). *На сцене этот артист – бог.* 5.*перен.* То, что главенствует, определяет собою что-н., является содержательным центром (высок.). *Артиллерия— бог войны* [16].

5. Роль словообразовательных моделей и формантов в сдерживании секуляризации слов. Но некоторые употребительные в религиозном дискурсе лексемы демонстрируют устойчивость к содержательному и стилистическому понижению и обмирщению. Они либо не употребляются вне религиозного дискурса, либо и вне

его сохраняют сакральный смысл. Большую роль в сохранении священных смыслов слова играют его словообразовательная структура и форманты церковнославянского происхождения – префиксы *пре-*, *пред-*, *из-/ис-*, *воз-/вос*, *со-*, суффиксы *-ство-*, *-ствu(j)-*, *-ейш/-айш-* и др. В следующем разделе анализируется несколько производных слов – *Богоявление*, *Рождество, Искупитель, Воскресение, житие* и др.

Сложные слова с компонентом *бог*, вошедшие в толковые словари современного русского языка (*Богочеловек, Богоявление, богослужение, Богородица, богословие, богохульник, богомолье* и др.), сохраняют сакральный смысл (кроме одного слова – *боготворить* ‘беззаветно любить, преклоняться перед кем-чем-нибудь’). Отметим также, что десятки сакральных слов, частотные в религиозном дискурсе, в толковые словари русского языка не вошли (*богопочтение, боговдохновение, богомыслие, богозрение, богозрящий* и др.).

Сохранению священного смысла способствует наличие в русском языке пары родственных слов – мирского и сакрального, различающихся суффиксами, как, например, *рождение* и *Рождество*. Все словари русского языка в толковании слова *Рождество* проявляют единство, представляя его значение приблизительно так, как в словаре Ожегова – Шведовой (1992):

РОЖДЕСТВО 1**.** Один из христианских (у православных – один из двенадцати основных) праздников в память рождения Иисуса Христа. 2. Само рождение Иисуса Христа. *Великое событие – рождество Христово,* а также: *Рождество Богородицы* – один из двенадцати основных православных праздников в память рождения девы Марии – матери Иисуса Христа (8/21 сентября) [15].

Во всех контекстах Национального корпуса русского языка (НКРЯ) *Рождество* употребляется только в этих значениях (515 вхождений).

На процесс десакрализации влияет появление вариантов суффиксов, выражающих обмирщение соответствующего понятия, с сохранением исходного родственного сакрального слова. Например, суффиксы *-тьё* и-*нье* в парах однокоренных слов *житие* /*житьё* и *воскресение* / *воскресенье*, в отличие от исходных суффиксов *-тие* и *-ние*, указывают на обыденный характер семантики соответствующих слов.

Судя по материалам книги Т.И. Вендиной, в старославянских и древнерусских текстах оба варианта – *житие* и *житье* – семантически и стилистически не различались [2, с. 49-52]. Это же подтверждает и Словарь русского языка XI – XVII вв., в котором оба слова входят в одну словарную статью [18, с. 116]. Но позднее сформировалось их размежевание, соответствующее корреляции славянизмов, маркирующих высокий стиль, и их русских нейтральных или разговорных вариантов. *Житие* – ‘повествование о жизни человека, признаваемого Русской Православной Церковью святым’, ср. *жития святых, житие преп. Сергия Радонежского*, и *житьё* – ‘обыденная жизнь’.

Связь почти дублетных слов *воскресение* и *воскресенье* более глубокая: общий день отдыха назван «*воскресеньем»* в честь Воскресения Иисуса Христа (https://foma.ru/den-rozhdeniya-voskresnogo-dnya.Html). Но эта связь в словарях русского языка не отмечается, при том что большая часть толковых словарей фиксирует основное значение слова *Воскресение* – «религиозное представление о возвращении к жизни Иисуса Христа», а в Семантическом словаре [17, т.1] отмечено также «религиозное представление» о «возвращении душ умерших к вечной жизни» – *воскресение из мертвых*.

В выражении сакральной семантики слова *Искупитель* также большую роль играет его словообразовательная структура и приставка *ис-*, являющаяся маркером высокого стиля в большинстве случаев ее использования. Ср. корреляции глаголов с этой церковнославянской по происхождению приставкой и исконно русской приставкой *вы-*: *изгнать, излить, испить, испивать, изгладить, исходить, изнести, израстить, испросить, исполнить, искупить // выгнать, вылить, выпить, выгладить, выйти, вынести, вырастить, выпросить, выполнить, выкупить.*

У последних двух глаголов с корнем *-куп- искупить* и *выкупить* речь идет не только о стилистических, но и семантических различиях. **ИСКУПИТЬ: 1**. Заслужить чем-л. прощение за что-л. *Ценою тяжкой* ***искупила*** *Она сомнения свои* (Лермонтов) **2**. Возместить, сделать незаметным какой-л недостаток. *Низкое качество кораблей судостроители пытались искупить множеством различных спасательных средств* (В. Кожевников). **ВЫКУПИТЬ: 1**. Возвратив деньги, залог, получить обратно заложенное. *Вот можно будет*

и платье ***выкупить***. (А. Островский), **2**. Освободить кого-л., уплатив за него деньги. *Костылина только еще через месяц* ***выкупили*** [*из плена*] *за пять тысяч*. (Л. Толстой). **3**. *Прост*. Скупить все без остатка. ***Выкупить*** *все товары* [19].

При этом имя деятеля образуется только от первого глагола с приставкой *ис-*: *искупитель,* которое во всех словарях русского языка толкуется сходным образом – ‘тот, кто, жертвуя собою, снимает с других вину, грех’. Словари, как правило, не фиксируют основное значение данного слова[8], в котором оно употребляется в русском языке, – как номинация Иисуса Христа. В НКРЯ было обнаружено 158 текстов, в которых эта лексема была употреблена 264 раза, причем в словарном значении менее чем в 20% употреблений, а в остальных текстах – в качестве одной из основных номинаций Иисуса Христа. Например: *Каждый должен сам совершить личный и свободный акт соединения со Христом, Господом, Спасителем и* ***Искупителем —*** *через исповедание веры, через выбор любви, через мистическую клятву верности* (протоиерей Георгий Флоровский).

6. Выводы. Проведенный анализ отраженных в словарях русского языка изменений семантики сакральных слов свидетельствует о ослаблении или утрате мировоззренческой составляющей их значения – об их десакрализации, которая может быть выражена в разной степени. При этом христианский религиозный дискурс сохраняет семантику сакральных слов и конструкций в неизменном, исконном виде, и все соответствующие выражения надо понимать буквально, во всей полноте их христианского смысла. Современные словари русского языка представляют сакральные значения рассмотренных слов, но не всегда последовательно (ср. *искупитель*).

Наше исследование показало, что большую роль в сохранении сакральных смыслов лексемы *бог* играют модели сложных слов, в которые она включается. Десакрализации препятствует также разделение, расщепление священной и мирской семантики в парах однокоренных слов при поддержке соответствующих формантов, как в проанализированных словах *Рождество* и *рождение, Воскресение*

[8] Только в [17] есть отсылка к Иисусу Христу: *Искупитель людских прегрешений* (об Иисусе Христе).

и *воскресенье*, *житие* и *житьё*, *искупить*, *искупление*, *Искупитель* и *выкупить*, *выкуп*.

Можно назвать и другие словообразовательные аффиксы церковнославянского происхождения, способствующие сохранению высокого стиля религиозной лексики и препятствующие ее десакрализации, например приставки *пре-, вос-/воз-, со*: *Пресвятая, Пречистая, Преблагословенная* (о Богородице), *восходить*, *вознести, вознестись, возлюбить, сотворец, соработник.*

Литература

1. Абаев В.И. Язык как идеология и язык как техника. Язык и мышление. Л.: Изд. АН СССР, 1934. С. 33-54.
2. Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 2007.
3. Виноградов В.В. История слов. Изд. Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М. 1994. http://wordhist.narod.ru/pred.html.
4. Винокур Г.О. Язык литературы и литературный язык // Контекст.1983. М.: Наука. С.255-282.
5. Живов В. М. История языка русской письменности: в 2 т. Том II. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.
6. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смеховой мир Древней Руси. Л.,1984.
7. Лихачев Д.С. Воспоминания. М.: Вагриус, 2007.
8. Николаева Т.М. Несколько слов о лингвистической теории 30-х: фантазии и прозрения // Слово в тексте и словаре. К 70-летию академика Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 591-607.
9. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
10. Успенский Б.А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковно-славянского и русского языка // Византия и Русь. М., 1989. С. 206-209
11. Юрков С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.). СПб, 2003.С. 15-35.
12. Nagórko A. Czy grozi nam zanik poczucia sacrum? Sekularyzacja polszczyzny na tle języków sąsiadów. Электронный ресурс: https://www.slawistik.hu-berlin.de/de/member/anagorko/poczucie-sacrum/

Словари

13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Москва, 1994.

14. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык. 2000.

15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М, 2006.

17. Русский семантический словарь / Ин-т рус.яз. им. В. В. Виноградова РАН. Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т.1-4. М., 1998-2007.

18. Словарь русского языка XI-XVII вв. (Сл РЯ XI-XVII вв.). Выпуск 5, М., 1978.

19. Словарь русского языка (Малый академический словарь): в 4 т./ под ред. А.П. Евгеньевой.4 изд., стер. М.: Рус. яз.,1999.

20. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ В ДИАХРОНИИ: ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ[9]

М. В. Пименова

pimenova-vgpu@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(Владимир)

Следует отметить, что если лексикографическое описание русских фразеологизмов в синхронии осуществлено целым корпусом фундаментальных словарей – толковых, аспектных, идеографических, этимологических, паремиологических и др. [9, с. 486-528], то в диахронии устойчивые единицы системно представлены только на материале XVIII в. [9, с. 512-513]. В имеющихся и продолжающихся исторических словарях нерасчлененные выражения встречаются от случая к случаю, не системно, хотя история изучения в древних текстах словосочетаний «…с особым значением, не сводящимся к обычному значению его компонентов» [8, с. 129]

[9] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Оценка и концептуальные формы русской ментальности в диахронии», № 16-34-00020 а1.

началась еще в XIX в. Данные единицы рассматривались под самыми разнообразными терминами, в том числе, указывающими на их «особость» по сравнению с современными фразеологизмами: заученные выражения (В. О. Ключевский), украшающие эпитеты (Ф. И.Буслаев), застывшие сочетания (А. М. Пешковский), стойкие литературные формулы (В. П. Адрианова-Перетц), литературные формулы (О. В. Творогов), словесные «сращения» (А. Н.Робинсон), словесные формулы (Д. С.Лихачев), устойчивые словесные комплексы – УСК (А. Г. Ломов), формулы-синтагмы (В. В. Колесов), коллокации (Е. М. Верещагин), формулы-матрицы (Ф. Н. Двинятин) и др. [10, с. 52]. Безусловно, данные термины справедливы и могут иметь право на существование, но все они используются в отрыве от лингвистической терминологической системы.

Мы для обозначения устойчивых лексико-семантических единиц древнего текста предложили термин **синкретемы** [10, с. 52-53], корень которого (*синкрет-*) указывает на особенности средневековой ментальности (*синкретизм, синкрета*), а суффикс (*-ем-а*) – вводит в ряд наименований единиц различных языковых уровней (*фонема, морфема, семема, лексема, синтаксема, фразема* и т.п.). На наш взгляд, главной отличительной чертой синкретем на фоне современных фразеологизмов является **синкретичное значение**, отражающее древнюю концептуальную форму русской ментальности – ***ментализацию***. Данное значение представляет собой *метонимический* перенос (а не *метафорический*, как у большинства фразеологизмов) [6, с. 13-14]. «Смежные» метонимические переносы предопределяют следующие дифференциальные признаки синкретем: а) относительную **системность** в связи с регулярностью метонимии (ср. с метафорической нерегулярностью, вторичностью и «единичностью» фразеологизмов); б) **синтагматический** характер структурно-семантических типов синкретем в связи с построением метонимией **синтагмы** (ср. с метафорической парадигмой; в) преимущественная связь значения с **денотатом** в соответствии с метонимической разработкой объема понятия (ср. с метафорической разработкой содержания понятия).

Рассмотрим особенности основных видов синкретем (подробнее см. [10, с. 53-66]).

Парные именования указывают на два денотата, предполагающих друг друга, на основе парности которых возникает новый денотат: нар.-литер. *горе не беда, клен-дерево, гуси-лебеди, путь-дорога, тоска-кручина, хлеб да соль*; делов. *воры и плуты, животы и статки, старина-пошлина, суд да дело;* книжн.-слав. *агньци и уньци, въпль и слезы, лѣпота и красота, нощь и день, радость и веселье, стыд и срам, сѣмо и овамо, честь и слава* и т.д.

Словосочетания с **постоянными эпитетами**, или **устойчивыми книжными атрибутами** обозначают «идеальный» денотат, такой, каким он должен быть: нар.-литер. *белые руки*, *добрый молодец, зелено вино, красна девица, красно солнышко, серый волк сизый орел, синее море, черный ворон, чисто поле, ярый воск*; делов. *воровское время*, *воровские люди*, *грамота вечная*, *грамота докончательная*; книжн.-слав. *дух святыи*, *благовѣрныи князь, бесовьскыя плъкы, крестъ честныи, поганыя половцы, слово божьствьное, святая богородица, святая троица* и т.д.

Этимологические фигуры называют количественно и качественно «удвоенный» денотат: нар.-литер. *мосты мостить, метлой мести, стрелой застрелить, темень темнеется, трубы трубят* делов. *воровством воровать, дело делать, повозы возити, сослужить службу;* книжн.-слав. *радоватися радостию, жить жизнию, красотою украсить, просвети просветивый свет*, *светлый свет* и др.

Описательные глагольно-именные обороты (ОГИО), связаны с одним «раздваивающимся» денотатом: нар.-литер. *взяти рать, въсѣсти на конь, одержати победу*, *отворити ворота*; делов. *выдавати без суда, труды творити, суд дати, челом бити*; книжн.-слав. *веру яти, говорити в срьдце (своем, имѣти любовь*, *источити слезы*, *приносити молитву* и под.

Устойчивые сравнения указываются на один денотат, уподобляемый другому: нар.-литер. *яко вьлци стояще, яко лебедь белая, яко сокол млады*; делов. *яко тать в нощи*; книжн.-слав. *аки агньць, аки звѣзда, акы звѣри дивии, акы нѣкаа ехидна, акы нетопыреве, аки пьси, аки свиниа* и т.д.

Сочетания с творительным падежом ограничения представляют собой одно из основных средств выражения оценки в древнем книжно-славянском тексте: *великъ славою, красен лицем,*

крѣпокъ тѣлъмъ, простъ умъмъ, одрьжим невѣриемъ, твръдый вѣрою, языкомъ сладокъ и др.

Следует отметить, что попытки лексикографического описания отдельных видов древних устойчивых единиц предпринимались нашими учениками – М.В. Артамоновой (парные именования) [2, с. 151-159], К.М. Богровой (устойчивые сравнительные обороты) [3, с. 115-120], Е.Ю. Рыкиным (сочетания с творительным ограничения) [11, с. 159-165]. Приведем некоторые примеры.

День и нощь. *Весь день, сутки*: «Ярославъ... книгамъ прилежа, и почитая è часто *в нощи и в дне*...» (Повесть временных лет); «Еже было творити отроку своему, то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ..., *ночь и день*, ... не дая собѣ упокоя...» (Поуч. Влад. Мономаха); «Бяше бо и книгамъ хытръ псати, сий по вся *дьни и нощи* писааше книгы въ келии у блаженааго отьца нашего Феодосия...» (Жит. Феод. Печ.); «Пребысть же блаженый Авраамий въ прежереченнѣм монастыри въ трудѣ ... и въ алкании *день и нощь*...» (Жит. Авр. Смол.); «... и плакалися грѣховъ своихъ *день и нощь* съ въздыханиемь...» (Лет. пов.).

Злато и сребро. *Деньги, богатство*: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити..., а *злата и сребра* ни мало того потрепати!» (Слово полк. Иг.); «...ты, княже, не въздержи *злата, ни сребра*, но раздаваи людем» (Моление Дан. Заточ.); «Егда възмужаетъ сынъ мой, дай же ему *злато и сребро*» (Киев. -Печ. Патерик); «Фрязи же и вси воеводы ихъ възлюбиша *злато и срѣбро*...» (Пов. взят. Царьград.); «И прибѣже Мамай в Кафу съ множествомъ имѣния, *злата и сребра*» (Пов. Кул. битв.).

Аки борове / боровѣ велицѣи / боровѣ величи. *Фолькл. О большом количестве воинов*. И поидоша полкове, *аки борове*, и не бѣ презрѣти ихъ (Повесть временных лет); Свѣтающи же суботѣ, начаша выступати полки половецкии, *акы боровѣ* (Ипат. лет.); Бяхуть бо полчи видениемь, *акы боровѣ велицѣи*; Пришедшимъ же полкомъ к городу, и сташа около города, *аки боровѣ величѣи*, и начаша ся пристраиваивати на взятье города (Гал.-Волын.).

Син.: *аки тучи силнии*.

Яко звѣрь / свѣрпый звѣрь / звѣрье свѣрьпии / звѣрье дивии / лютии звѣрие. *Фолькл. О жестоких воинах, врагах*. И се нападоша *акы звѣрье дивии* около шатра, и насунуша и копьи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на нем, прободоша с нимь (Повесть временных лет); И не понѣ единого словесе постыдѣшася, нъ *яко* же убо *сверѣпии звѣрие*, тако въсхытиша его (Сказ. Бор. Гл.); Батый же, *яко свѣрпый звѣрь* возьярися, повелѣ заклати, и закланъ бысть безаконьнымъ Доманомъ Путивльцемь нечестивымъ; Скомондъ бо бѣ волъхвъ и кобникъ нарочитъ, борзъ же бѣ, *яко и звѣрь*, пѣшь бо ходя повоева землю Пиньскую, иныи страны (Гал.-Волын. лет.); Мамай же, видѣвъ новыа люди, *яко лютии звѣрие* ристаху и изрываху, аки овчее стадо (Сказ. Мам. поб.).

Син.: *яко волкъ, яко левъ, яко пардусъ, яко рысь*.

Красенъ лицемъ. *Красивый на вид.* Видѣвъ же науклиръ жену Еустафиеву, яко *красна бѣ лицемъ* зѣло (Сказ. Евст. Пл.). Он же видѣвъ, яко *красна есть лицемь*, тѣло же ей бысть власато, яко щеть (Суды Соломона). Воистину, въ древнихъ царехъ нѣсть таковаго слыхати, ***красна лицемъ***, и ризами (Кир. Бел.).

Син.: *добръ лицемъ, красенъ образомь, красенъ видомь*. Ант. : *страшенъ лицемь, страшенъ образомъ, страшенъ видомъ*.

Крѣпокъ душею. *Стойкий, непоколебимый, сильный в духовном плане.* И въ дьни тыи нелзе прѣходити никаможе, и бѣ моляся Богу *крѣпкий той душею* (Патерик). Наутриа же в *понедѣлникъ* той же недѣли, на память святаго Кирила Александръскаго, тѣломъ начятъ изнемогати иже *душею крѣпкый* (Кир. Бел.). И съвершившеся служъбѣ, причастися блаженный Святых и Животворящих тайнъ, и пакы в суботу начат конечнѣ изнемогати тѣлом, иже *душею крѣпкый* (Корн. Ком.).

Син.: *силен душею, тверд душею*.

В современную нам эпоху, связанную с **идентификацией** как концептуальной формой русской ментальности [5, с. 406], продолжают функционировать устойчивые лексико-семантические единицы, восходящие к древним структурно-семантическим типам синкретем.

Приведем примеры. Использующиеся в современном русском языке парные именования: *базар-вокзал*, *вкривь и вкось*, *вокруг да около*, *житье-бытье*, *елки-палки*, *купля-продажа*, *любовь-*

морковь, песни-пляски, печки-лавочки, пошло-поехало, пьянка-гулянка, туда-сюда, увы и ах, шито-крыто, штучки-дрючки, *фигли-мигли* и др. [12]. Устойчивые сравнения: *как в аптеке*, *как варом обдало*, *как небо от земли, как горькая редька, как из-под земли вырос, как из рога изобилия, как в кино, как на картинке, как кошка с собакой, как маслом по сердцу, как мертвому припарки, как на вулкане, как на грех, как нельзя лучше, как одна минута, как пить дать, как по нотам, как прошлогодний снег, как угорелый, как часы, как штык* и т.д. [13, с. 189-191]. Словосочетания с устойчивыми атрибутами: *административный ресурс, голубые береты, голубые каски, горючая смесь*, *зачетная книжка, зеленые береты, зеленые насаждения, колючая проволока, красная книга, наружное наблюдение*, *санитарная книжка, фигурное катание, цветные революции* и т.п. [1, с. 7-8]. Этимологические фигуры: *гремит гром, варится варенье, капают капели, снится сон* [4, с. 109-116]. Описательные глагольно-именные обороты: *выделывать / выделать движения, скачки, фокусы; доставлять / доставить беспокойство, боль, затруднение, наслаждение, неприятность, неудовольствие, огорчения, ощущение, радость, страдание, счастье, удовольствие, хлопоты; задавать / задать вопрос(-ы), выволочку, страху; нагонять / нагнать страх (у), тоску, уныние; чинить препятствия, притеснения* и др. [7, с. 231-239].

Для того, чтобы описать не только отдельные виды синкретем, но и весь корпус устойчивых сочетаний в диахронии, предстоит решить еще целый ряд проблем: разработать алгоритм вычленения и идентификации данных единиц, выявить критерии их отграничения от свободных словосочетаний и смежных видов семантических сближений в диахронии, уточнить особенности представления в историческом словаре их семантики, структуры, варьирования и т.д.

Литература

1. Андрейчева М.В. Слова-стяжения на *-к(а)*: об их истории и функционировании // Историко-лексикологические заметки / Под ред. В. В. Краснянского. Орехово-Зуево: МГОПИ, 2002. – С. 4-8.

2. Артамонова М. В. Парные именования в древнерусском тексте. Владимир: ВГГУ, 2009. – 208 с.

3. Богрова К. М. Устойчивые сравнения в древнерусском тексте: семантика и структура: Дис. … канд. филол. наук. Владимир: ВлГУ, 2012. – 180 с.

4. Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII-XIX вв. М.; Л.: Наука, 1963. – 348 с.

5. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.

6. Колесов В. В. История русского языка. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; М.: Академия, 2005. – 672 с.

7. Лагузова Е. Н. Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации. М.: МГОУ, 2003. – 242 с.

8. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. – 225 с.

9. Лексикография русского языка / Под ред. Д.М. Поцепни. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 672 с.

10. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир: Изд-во СПбГУ; ВПГУ, 2007. – 415 с.

11. Рыкин Е. Ю. Сочетания с творительным ограничения как средство выражения оценки в древнерусском тексте: Дис. … канд. филол. наук. Владимир: ВлГУ, 2014. – 204 с.

12. У Ляньлянь. Парные именования и смежные явления в современном русском языке // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2016. № 5. – С. 145-157.

13. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1987. – 543 с.

«ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА» В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО И ШВЕДСКОГО ЯЗЫКОВ

Е.М. Чекалина
etch1@yandex.ru
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(*Москва*)

1. Введение.

Значительную часть словарного состава русского и шведского языков составляют параллельные иноязычные заимствования из общих источников, которые относятся к интернациональной лексике [4, с.347–348]. Эти слова были давно заимствованы, главным образом, из немецкого и французского языков, а также из

латыни и греческого языка. Они ассимилированы фонетически, графически и морфологически, а также обладают устойчивой денотативной отнесенностью и закрепленной в узусе лексической семантикой. Однако под влиянием экстралингвистических и внутрисистемных факторов их значения в некоторых случаях существенно разошлись. В аспекте теории и практики перевода такие интернациональные слова принято относить к полным или частичным межъязыковым омонимам, которые являются «ложными друзьями переводчика» [1, с.267-274; 5, с.7-12].

2. Полные межъязыковые омонимы.

К полным межъязыковым омонимам относятся лексемы общего происхождения, имеющие различную денотативную отнесенность. В русском и шведском языках таких слов достаточно много; б**о**льшую часть среди них составляют имена существительные. Они представлены двумя группами: а) полностью совпадающими и б) различающимися по своей морфологической структуре словами.

Первая группа является наиболее многочисленной и представлена словами, которые имеют длительную историю бытования и относятся к общелитературному языку. Несмотря на существенные лексические различия, которые на современном синхронном срезе носят как будто случайный характер, общий источник их происхождения сохраняется в «скрытой памяти» [2] обоих языков, проявляясь в сходстве определяющих номинацию семантических признаков. Так, существительное *port* с более общим значением ‘ворота; вход в подъезд’ является древним общегерманским заимствованием (от лат. *porta* ‘ворота’), которое вошло в основной словарный состав шведского языка через нижненемецкое *porte* (до 1520)[10] [6, 2, с. 778]. Русское слово *порт* с близким, но более специализированным значением было заимствовано через англ. или нем. из франц. *port* от другого латинского слова с тем же корнем (*portus*,1702)[11]. Более случайный характер в соотносительном плане имеют значения русского слова *батон* и шведского *batong* ‘резиновая дубинка’(1850) от франц. *bâton* ‘палка’, хотя в

[10] Даты первого употребления заимствованных в шведский язык слов и их источники даются здесь и далее по [6, 7].

[11]Сведения об источниках заимствованных в русский язык иностранных слов даются здесь и далее по [3], во многих случаях без указания на дату первого употребления.

процессе номинации в обоих языках был использован общий семантический признак.

Заимствованное из латыни существительное *semester* (от *semestris* ‘полугодие’) в шведском языке было переосмыслено и получило значение ‘отпуск’ (1872). В русском слове *семестр* (из франц. *semestre* от лат.), как и в западноевропейских, в том числе других скандинавских языках, напротив, сохраняется близкое источнику значение. На шведский язык оно переводится другим латинским заимствованием *termin* (от лат. *terminus* ‘пограничный знак, граница, конец’, 1556). Межъязыковым омонимом последнего в русском языке, в свою очередь, является существительное *термин* (из польск. от лат., 1705)[12], которое переводится на шведский язык словом *term* (от франц. *terme* с тем же значением, 1687).

Некоторые общие в русском и шведском языках иноязычные заимствования с различной денотативной отнесенностью имеют более специализированное употребление, не являясь при этом терминами в собственном смысле слова, как, например:

аванс/ *avans* ‘прибыль, выручка’ (от франц. *avance* ‘преимущество’, 1723);

альманах непериодический литературный сборник, антология/ *almanacka* ‘календарь, ежедневник, органайзер’ (из нем. *Almanach* от араб. через исп., 1540);

аспирант, швед. *doktorand*/ *aspirant* ‘кандидат (на получение престижной должности), стажер’ (из франц. от лат. *aspirare* ‘стремиться, содействовать’, 1837), например, *aspirantpå presidentposten* ‘кандидат на пост президента’ [8, с. 44];

конкурс (через польск. *konkurs*) / *konkurs* ‘банкротство’ (из нем. от лат. *concursus* ‘стечение, содействие’, 1769);

ордер (от нем. *order* ‘предписание’, при Петре I) / *order* ‘приказ, команда; заказ’ (из франц. *ordre* ‘порядок, приказ’ от лат. *ordo* ‘ряд, строй’, 1658);

пароль (1702) / *paroll* ‘лозунг’ (от франц. *parole* ‘речь, слово; обещание; пароль’, 1792);

спектакль (от франц. *spectacle*, с XVIв.) / *spektakel* ‘зрелище, неприятная сцена, скандал’ (из нем. *spektakel* от лат. *spectaculum* ‘зрелище’, 1559);

[12] В случаях общего для обоих языков источника в русской части он не указывается.

табель – ведомость учета явки на работу; ведомость учета школьной успеваемости (от голл. *tabel* ‘таблица’, при Петре I) / *tabell* ‘таблица’ (из нем. *tabelle* от лат. *tabella* ‘дощечка, табличка’, 1746);

фельетон / *följetong* ‘фрагмент повести или романа с продолжением, публикуемый в газете’ (от франц. *feuilleton* с тем же значением, 1843).

Сохранение непроизводной основы может приводить к тому, что имеющее общий источник заимствование закрепляется в русском языке как существительное, а в шведском – как прилагательное, например:

бланк (от нем. Blanco ‘незаполненный вексель’) / *blank* ‘блестящий, гладкий; чистый, незаполненный’ (из н-нем., 1548);

профан /*profan* ‘светский, не духовный’ (от лат. *profanes* ‘неосвященный, непросвещенный’, 1634).

К межъязыковым омонимам с различной денотативной отнесенностью относятся также производные существительные различной морфологической структуры, образующие в обоих языках типизированные словообразовательные ряды, например:

мультипликация / *multiplikation* ‘умножение’ (от лат. *multiplicatio* ‘увеличение, умножение’, 1727);

экскурсия / *exkursion* ‘экспедиция (научная, археологическая, часто в учебных целях)’ (от лат. *excursion* ‘поездка, экскурсия’, 1729) .

Особую группу образуют обозначения имен деятеля с идентичными суффиксами, заимствованными из латыни *(-tor*) или греческого *(-urg*):

драматург, швед. *dramatiker* (из нем.) / *dramaturg* ‘художественный руководитель в театре’ (от греч. dramatourgos ‘драматург’, 1802);

консерватор / *konservator* ‘хранитель (музея); таксидермист’ (от лат. *conservator* ‘хранитель’, 1840);

лектор / *lektor* ‘преподаватель в гимназии или высшем учебном заведении, преподаватель иностранного языка за рубежом’ (от лат. *lector* ‘лектор’, 1648).

Аналогичное русским лексемам значение в шведском языке может передаваться существительными с другими иноязычными суффиксами более позднего немецкого *(-iker*) или французского (-*tör*) происхождения [10, с. 108–110]:

инспектор (из польск. *inspektor* от нем. *Inspektor*, при Петре I), швед. *inspektör* (от франц. *inspecteur*, 1802) / *inspektor* ‘начальник, управляющий’ (от лат. *inspector*, 1635);

информатор, швед. *informatör* (из франц., 1962) / *informator* (уст.) ‘домашний учитель’ (от лат. *informator*, 1693);

кондуктор (из польск. *konduktor* от нем. *Konduktor*, при Петре I), швед. *konduktör* (от франц. *conducteur*, 1819) / *konduktor* (физ.) ‘проводник’ (от лат. *conductor*, 1757);

музыкант (от нем., 1570), швед. *musiker* (от нем. *Musiker*, 1578) / *musikant* ‘непрофессиональный, уличный музыкант’ (от нем. *Musikant*, 1614).

Классическим примером межъязыковых омонимов является пара:

академик (из польск. *akademik* от лат., при Петре I)/ *akademiker* ‘специалист с высшим образованием’ (из нем. *Akademiker* от лат. *academicus*,1843).

3. Частичные межъязыковые омонимы.

Среди частичных межъязыковых омонимов, в зависимости от объема и характера семантического соответствия, выделяется несколько групп:

а) однозначность – многозначность:

аттракцион / *attraktion* ‘притяжение; влечение, притягательная сила; достопримечательность’ (от франц. *attraction* ‘притяжение; притягательная сила; аттракцион, развлечение’, 1728);

календарь (из польск. *kalendarz* от лат.) / *kalender* ‘календарь (из нем. от лат.); ежедневник, органайзер; ежегодник’; *kalendarium* ‘календарь событий’ (от лат. *calendarium* ‘долговая книга, календарь’, 1581);

камера тюремная камера, швед. *cell*; камера хранения, швед. *förvaringsbox*; морозильная камера, швед. *frysfack*; камера шины, швед. *slang*; камера мяча, швед. *blåsa*; кинокамера, швед. *kamera* / *kamera* ‘фотоаппарат, кинокамера’ (от лат. *camera* ‘свод’, греч. *kamára*, 1841);

канцелярия (из польск. *kancelaria* от лат., 1633) / *kansli* ‘канцелярия, секретариат, администрация’ (из ннем. *kanzelie* от лат. *cancelli* ‘решетка, ограда’, 1526);

карта географическая, медицинская, игральная (из польск. *karta* от нем., при Петре I) / *karta* ‘карта, атлас, план, чертеж; блистерная упаковка; лист (марок)’ (из нем. *Karte* от лат. *charta* ‘лист папируса, бумага’, 1642);

кафедра структурное подразделение (в высшей школе), швед. *institution*; возвышение для чтения докладов и лекций/ *kateder* ‘кафедра для чтения лекций, учительский стол’ (от лат. *cathedra*, греч. *kathedra*, 1667);

квартал трехмесячный период; район города (из нем. *Quartal* от лат.), швед. *kvarter* (от нижненем. *quarter*, до 1520) / *kvartal* ‘трехмесячный период’ (от лат. *quartale* ‘четверть’, 1614);

манускрипт древняя рукопись /*manuskript* ‘рукопись (оригинального текста); сценарий (сокр. *manus*); манускрипт, древняя рукопись’ (от лат. *manuscriptum* ‘рукой написанное’, 1643);

медицина (из польск. *medycyna* или из лат., при Петре I) / *medicin* ‘медицина; лекарство’ (от лат. *arsmedicina*, до 1520);

паркет (из нем. *Parkett* от франц.) / *parkett* ‘партер’ (1778); ‘паркет’ (1848) (от франц. *parquet* с теми же значениями);

пост пункт наблюдения; ответственная должность (при Петре I) / *post* ‘почта; пункт наблюдения; ответственная должность’ (от франц. *poste*, 1597);

премия / *premium* ‘награда, премия (за особые успехи в школе)’ (от лат. *praemium* ‘награда, вознаграждение’, 1724); *premie* ‘награда, вознаграждение; (страховая) премия’ (от лат. *praemia*, plur. от *praemium*, 1724);

приз награда за достижение/*pris* ‘цена; приз (награда или денежное вознаграждение), премия (*Nobelpriset* ‘Нобелевская премия’); хвала (высок., религ.)’ (из нижненем. *pris* от старофранц., до 1520);

раса (от нем. или франц. *race*) / *ras* ‘раса; порода собак’ (от нем. *Rasse*, 1765);

реализация распродажа или сбыт товара; осуществление плана / *realisation* ‘реализация товара, распродажа (сокр. *rea*)’ (от франц. *réalisation* ‘реализация’, 1793);

ректор руководитель высшего учебного заведения (из польск. *rector* от лат., 1643) / *rektor* ‘ректор, руководитель высшего учебного заведения, директор школы, гимназии’ (от лат. *rector* ‘руководитель’, 1612);

флигель / *flygel* (этим. ‘крыло’ от *flyga* ‘летать’) ‘рояль (с декой в форме крыла); флигель, крыло дома, боковая пристройка; створка двери (особенно алтарной); фланг; фракция, крыло (полит.)’, например, *partiets liberal flygel* ‘либеральное крыло партии’, *höger flygel* ‘правое крыло’ (от нем. *Flügel,* 1635);

чек банковский, кассовый/ *check* ‘банковский чек’ (от англ. *check,* 1821);

б) более общее – более специальное значение:

компания торговая компания (из польск. *kompania* от лат. *compania*, 1634); группа лиц, общество, швед. *sällskap*/ *kompani* ‘рота’ (1615, воен.); ‘торговая компания’ (1618, уст.); (от франц. *compagnie* ‘общество, компания’);

номер порядковое число (1704); отдельное помещение в гостинице; отдельное выступление в концерте; неожиданный странный поступок / *nummer* ‘номер’ (из нем. *Nummer* от лат. *numerus*, 1679);

в) родовое – видовое значение:

кок (от голл. *kok,* 1698) / *kock* ‘повар’ (общегерм., от лат. *cocus*, до 1520);

анонс предварительное краткое объявление о гастролях, спектакле, концерте/ *annons* ‘(рекламное) объявление’ (от франц. *annonce* ‘объявление, анонс’, 1779);

бюллетень сводка, краткое сообщение в печатной форме; избирательный листок; больничный лист / *bulletin* ‘сводка’ (от франц. *bulletin* ‘бюллетень, сводка’, 1788);

формуляр учетный документ, библиотечная учетная карточка (от нем. *Formular*, при Петре I) / *formulär* ‘формуляр, бланк, форма для заполнения’ (от франц. *formulaire* с тем же значением, 1610);

г) живое – устаревшее значение;

ангажемент (уст.) приглашение артистов на работу по контракту на определенный срок (при Петре I) / *engagemang* ‘краткосрочный контракт, ангажемент’ (1726); ‘участие (предполагающее материальные вложения)’ (1896); ‘заинтересованность, ангажированность’ (1957) (от франц. *engagement* с теми же значениями);

пальто / *paletå* (уст.) ‘элегантное мужское (слегка приталенное) пальто; темная ткань на мужское пальто’ (из франц. *paletot* ‘*пальто*’ от исп. *palletoque* ‘плащ с капюшоном’, 1838);

помада (из нем. *Pomade* от франц., XVII в.) / *pomade* (уст.) ‘крем (для укладки, фиксации и блеска волос)’ (от франц. *pommade* ‘мазь’, до 1520);

фигурант свидетель или подозреваемый; статист; танцовщик кордебалета/ *figurant* (уст.) ‘танцовщик кордебалета’ (от франц. *figurant* с тем же значением, 1779);

д) стилистические различия:

презент (разг., шутл.) подарок (из нем. *Präsent* от франц., при Петре I)/ *present* ‘подарок’ (от франц. *présent*, до 1520);

рутина заведенный порядок, механическое следование заведенному порядку (от нем. *Routine* или франц.) / *rutin* ‘опыт, сноровка, навык; обычная процедура, сложившаяся практика; рутина’ (от франц. *routine*, 1757);

смак (разг., шутл.) (из польск. *smak* от ннем.)/ *smak* ‘вкусовое ощущение, привкус; склонность, пристрастие’ (от ннем. *smak*, до 1520);

е) термин – общелитературное слово:

артикль (грамм.) / *artikel* ‘статья; пункт, раздел в договоре или контракте’ (до 1520); ‘артикль’ (1650); ‘артикул, вид товара’ (1793) (от лат. *articulus* ‘сочленение, сустав’);

плац (воен.) место для военных парадов и строевых занятий (из польск. *plac*, нем. *Platz* от франц. *place*, 1705)/ *plats* ‘место’ (от ннем. *plâtse*, до 1520);

рапорт (воен.) служебное донесение (из польск. *raport* от франц., 1740) / *rapport* ‘рапорт, донесение; доклад, докладная записка, отчет’ (от франц. *rapporte*, 1613).

4. Заключение.

Расхождения в фонетическом облике и значениях русских и шведских иноязычных слов, выявленные при сопоставлении, в ряде случаев обусловлены тем, что они были заимствованы из разных языков – немецкого, голландского или французского; общим источником в обоих случаях чаще всего служила для них латынь. Заимствование нередко происходило через соседние близкородственные языки-посредники – польский для русского и датский для шведского. Вместе с тем, как показывает материал двух последних подгрупп, лексемы с более узкой и специализированной семантикой, маркированные функционально и/или экспрессивно-стилистически, преобладают в русском языке. Это обусловлено тем, что латинское письмо и исторически сложившиеся глубинные

связи европейской культуры и науки с латинской традицией способствовали процессам семантической ассимиляции иноязычной лексики, заимствованной в шведский язык из западноевропейских языков.

Литература

1. Будагов Р.А. Ложные друзья переводчика // Человек и его язык. М., 1976. С. 267-274.

2. Николаева Т.М. «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 25–41.

3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. М., 1964-1973. Т.1. (1964) 562 с. Т. 2. (1967) 671 с. Т.3 (1971) 827 с. Т. 4. (1973) 852 с.

4. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972. С. 344–382.

5. Чеснокова Т.А. Шведско-русский и русско-шведский словарь «ложных друзей переводчика». М., 2011. 197 с.

6. Hellquist E. Svensk etymologisk ordbok. Tredje upplagan, sjätte tryckningen. Band 1. 721 s. Band 2. 1484 s. Gleerups: Malmö 1993.

7. National encyklopedins ordbok. Utarbetad vid Språkdata, Göteborgs universitet. Band 1. 654 s. Band 2. 666 s. Band 3. 639 s. Göteborg, 1995.

8. Svensk ordbok. Utarbetad vid Språkdata, Göteborgs universitet. Tredje reviderade upplagan. Norstedts Ordbok: Stockholm, 1999. 1492 s.

9. Wessén E. Svensk språkhistoria II. Ordbildningslära. Andra upplagan. Stockholm, 1948. 122 s.

КАЗАК ЛУГАНСКИЙ: ТВОРЧЕСКИЙ ПСЕВДОНИМ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕЙНО-СТИЛЕВОГО ЕДИНСТВА

М. Б.Шипулина
shipa-mary@mail.ru
Луганский национальный университет имени Владимира Даля
(Луганск)

ВВЕДЕНИЕ

Творческое наследие Владимира Даля не одно десятилетие является предметом всесторонних исследований авторитетных ученых, в том числе, Порудоминского В. И., Бессараб М. Я., Фесенко Ю. П., Умаровой Г. С., а также Зражевского А. А., который занимался изучением наиболее популярных псевдонимов автора – Казак Луганский, В. Луганский, Владимир Луганский и Казак

Владимир Луганский [4]. Однако прежде чем остановиться на анализе данных псевдонимов, рассматриваемых уважаемым автором, следует отметить, что все они имеют первоисточник. Речь идет о разноаспектной, во многом уникальной Далевской подписи, которая была использована во время публикации первой широко известной газетной статьи автора – «Слово медика к больным и здоровым».

Владимир Луганский, отставной Флота Лейтенант и Доктор Медицины – действительно уникальная подпись, сложный многоуровневый способ позиционирования, необходимый не только для дополнительного осмысления, но и усиления публицистических, а также полемических составляющих последующих произведений. И цель данной статьи – всесторонне проанализировать семантику и этимологию данного псевдонима, а также проследить его дальнейшую трансформацию.

Сложность исследуемой подписи предопределена тем, что она в себе совмещает практически все типы известных в то время псевдонимов. Так, ознакомившись с указателем имен и литературных обществ, приведенным Мордовченко Н. И. в его «Русской критике первой четверти XIX века», складывается впечатление, что данный псевдоним, в каком-то смысле стал сочетанием несочетаемого. Но и это не дает ответа на вопрос, является ли он оригинальным изобретением Даля или уходит своими корнями в русский фольклор.

Викариальные имена собственные «считаются не только структурно, но и своими функциями заменой любого другого мужского или женского имени, выступая как «полномочные представители» всех остальных личных имен мужского или женского антропонимикона» [5, с.77]. Они повсеместно встречаются в произведениях русского фольклора, не позволяя их тексту «стать забытым или искаженным» [5, с.77]. Встречаем мы их и в «Пятке первом», вышедшем вскоре после публикации «Слова медика». Так, само название сказки «О Иване молодом сержанте, удалой голове, без роду, без племени, спроста без прозвища» не что иное, как составное прозвище, во многом схожее с исследуемым нами псевдонимом. Его звенья «взаимозаменяются, дополняются либо опускаются вовсе» [11, с.76], а «полный «титул» подразумевался сам собой и при иных наименованиях героя, что нередко бывает в народных сказках» [11,

с.76]. Получается, что уже тогда Даль был достаточно компетентным знатоком народного творчества, а его псевдоним наделен теми же свойствами, что и составные прозвища из русского фольклора.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Так как все существующие псевдонимы с семантической точки зрения можно разделить на те, что дают автору определенную характеристику, и те, что не ставят перед собой такую задачу, то в первую очередь следует отметить, что анализируемый нами псевдоним относится именно к первой категории. В его основе заложено стремление подчеркнуть «то или иное качество автора, например какую-либо особенность его наружности, национальность, место рождения или жительства, главную черту его характера или творчества, его профессию, звание, должность, социальное положение, партийность и т. д.» [3, с. 99]. И на основе всех этих характеристик псевдоним – Владимир Луганский, отставной Флота Лейтенант и Доктор Медицины – можно условно разделить сразу на несколько равнозначных по своей смысловой нагрузке частей.

Начать следует с имени, которое составляет ядро данного псевдонима – Владимир Луганский. Думается, что не случайно Далем был выбран именно такой вариант, представляющий собой контаминацию его настоящего имени, то есть автонима, и вымышленной фамилии. И это заключается не столько в эвфонии данного словосочетания, сколько в разнообразии смыслов, заложенных в самом эпитете «луганский». Так, с точки зрения псевдонимики, его можно отнести сразу к четырем различным группам псевдонимов.

1. Этноним (от греч. ethnos – народ) – псевдоним, подчеркивающий национальную принадлежность автора [3, с. 101]. В данном случае Даль указывает на то, что он выходец из Дикого поля, то есть вольный, свободный человек. Ведь, как он позже напишет в напутном к «Пословицам русского народа», воля – то же самое, что и нужда.

2. Геоним (от греч. geo – земля) – псевдоним, указывающий на место рождения или жительства автора [3, с. 102]. Имеется в виду название поселка, в котором Владимир Даль родился и прожил до четырех лет – «Луганский завод» (с 1882 г. – г. Луганск). Даль всегда гордился тем, что родился на русской земле и, несмотря на европейские корни, он всегда чувствовал себя скорее русским, нежели европейцем. Вспоминая морские плавания, он писал: «Когда я плыл к

берегам Дании, меня сильно занимало то, что я увижу отечество моих предков, мое отечество. Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился в том, что нет у меня ничего общего с отчизной моих предков» [7, с. 10]. Частично в своих исследованиях об этом упоминает и авторитетный далевед Фесенко Ю. П.

3. Гидроним (от греч. hydor – вода) – довольно распространенный вид псевдонимов, в основе которого лежат названия рек, морей, озер [3, с. 108]. Поселок, в котором родился автор, был расположен в месте слияния реки Лугани с рекой Ольховкой и назван в ее честь. Недаром народная мудрость гласит: «Которой рекой плыть, той и славой слыть».

4. Фитоним (от греч. phytos – растение) – как эмоциогенные псевдонимы часто применялись и названия цветов, деревьев, лесных массивов [3, с. 142]. В данном случае речь идет о происхождении самого названия «Лугань» – то есть совокупности заливных лугов – «мелкотравных (не ботвистых, не бурьянистых) равнин» [2], которые и составляли берега реки.

Кроме того, данный псевдоним имеет отношение и к псевдотитлонимам (от лат. titulus – титул) – подписям, указывающим на должность, звание или профессию автора, не соответствующим действительности [3, с. 159]. Это связано с тем, что поселок, в котором родился Даль, вырос вокруг Луганского пушечного литейного завода и жили в нем в основном рабочие и служащие этого предприятия. Стоит отметить и тот факт, что Иван Матвеевич Даль – отец Казака Луганского – также был врачом на этом заводе и вел активную борьбу с его руководством, направленную на улучшение условий работы трудящихся. Разумеется, родной поселок навсегда слился в памяти писателя с заводом, а слово «луганчанин» стало именем собственным, символизирующим простых заводчан, к которым Даль, конечно, не принадлежал, но которым он, как и его отец, всегда стремился помочь.

Таким образом, можно сказать, что прилагательное «луганский», на первый взгляд, простое и незатейливое слово, вобрало в себя все то, что Даль любил и без чего не мог жить: уникальность и красоту родной земли, трудолюбие и мудрость его народа, честную и вольную жизнь свободного человека.

Что же касается остальных слов-характеристик, входящих в состав псевдонима – отставной Флота Лейтенант и Доктор медицины

– то все они относятся к титлонимам, псевдонимам, указывающим на занятие, звание, общественное положение автора [3, с. 124]. И тем не менее, помимо прямого значения, каждое из них несет дополнительную смысловую нагрузку.

Так, словосочетание «отставной Флота», говорит о том, что автор был в прошлом моряком, имеет опыт морских путешествий и, следовательно, является сильным выносливым человеком, который не боится трудностей и готов преодолевать препятствия, выпадающие на его долю. Ведь согласно «Толковому словарю» Даля море – это «бездна или пропасть, необъятность» [2].

Похожее значение имеет и слово «Лейтенант». Здесь также идет отсылка к военной службе, но уже не на море, а на суше. А поскольку в конце двадцатых – начале тридцатых готов XIX века шло сразу несколько военных кампаний, да и Отечественная война закончилась всего за пару десятилетий до публикации «Слова медика», то и предположение о том, что автор бывал на полях сражений является вполне закономерным. И это делает его ближе к одному из самых смекалистых, простодушных и правдивых героев народного фольклора – рядовому русскому солдату. Именно о нем и пишет Даль в своих ранних произведениях – «Нападении в расплох» (позднее «Расплох»), «Цыганке», «Болгарке», «Подолянке» и многих других, а затем посвящает им и «Солдатские досуги». И такое пристальное внимание к солдатской службе не случайно, ведь сам Даль толкует слово «солдат» следующим образом: «Солдаты, что малые ребята: и много поедят, и малым сыты. Солдат и на том свете в воинстве Христовом служит» [2].

Что же касается третьей составляющей данного псевдонима – «Доктор Медицины» – то, она, в отличие от двух других титлонимов, указывает на то, что автор является светским человеком, а военное поприще для него осталось в прошлом. Теперь он врач – человек, который заботится о здоровье своих пациентов-читателей и в соответствии с клятвой Гиппократа отстаивает их интересы. Кроме того, будучи Доктором Медицины, а не аптекарем или студентом-медиком, авторское мнение в вопросах здоровья и лечения больных является сверхкомпетентным и, разумеется, имеет вес в глазах не только аудитории, но и его коллег. Но вне зависимости от того, кем Даль был – моряком, врачом или управляющим удельной конторы,

«смысл службы он видел не в карьеризме, а в достижении социальной справедливости» [9, с. 21], и уже в своих ранних публикациях он «развивает мысль, особенно ему близкую: главное в жизни – борьба за правду и свободу» [1, с. 75].

«Слово медика к больным и здоровым» было опубликовано в №127 и №128 «Северной пчелы» в отделе «Нравы» за 1832 год. И не смотря на то, что статья считается первой газетной публикацией Владимира Даля, содержание ее заставляет в этом усомниться. «Возникает предположение, которое невозможно подтвердить либо опровергнуть ввиду отсутствия выходных данных, будто Даль выступал в печати по данному вопросу» [6, с. 86]. Однако вне зависимости от этого, статья сопровождалась широкой полемикой и имела значительный успех у читательской аудитории.

Так с какой целью Даль взял столь сложный псевдоним? Конечно, можно объяснить это стремлением к оригинальности – подпись обращала на себя внимание и выделялась среди псевдонимов того времени. Или же, надо предполагать, что автор не хотел привлекать к себе излишнего внимания, ведь ранее он находился под судом и следствием. Однако с этим трудно согласиться, поскольку в 1827 году он опубликовал два стихотворения за своей собственной подписью. Тем более что в 1832 году он уже был героем русско-турецкой кампании и «за усердную службу в 1829 году награжден орденом Св. Анны 3-й степени и установленной на Георгиевской ленте серебряной медалью» [10, с. 146].

На наш взгляд, Даль максимально хотел подчеркнуть масштабность своего обращения к читателю, то есть к народу. Поэтому он и поделил человечество на «больных» и «здоровых». Естественно, автор желал всем здравствовать, и в этом содержалась основная мысль его статьи, в то время как сам псевдоним приобретал функцию месседжа – своеобразного послания ко всем людям. В этом обращении тесно переплеталось просветительское и возрожденческое начало, что и свидетельствовало о творческих установках автора. Через некоторое время он отказался от данного псевдонима, а затем перешел к Казаку Владимиру Луганскому и Казаку Луганскому. Думается, это связано с повышением писательского мастерства – Даль понял, что дело не столько в используемом псевдониме, сколько в текстах его произведений.

Слово «казак» поражает количеством смысловых оттенков и значений. Это и уроженец Дикого поля – простой, честный, свободный человек. И, в то же время, моряк, воин, солдат. Он и песню может спеть, и в пляс пуститься, и целебное снадобье приготовить. А если заглянуть в «Толковый словарь» Даля, то окажется, что помимо широко распространенного значения, «казак» – это еще и насекомое («Dytiscum marginalis»), и птица («Plectorhanes lapponicus»), и боров, и растение, и рукоять у сохи, и многое другое. Казалось бы, нет более близкого и понятного народу слова, а ведь именно стремление быть ближе ко всему русскому и подвигло Даля на труд всей его жизни – «Толковый словарь». И в то же время, ему понадобилось несколько лет, чтобы отбросить имя Владимир и стать просто Казаком Луганским, ведь казак – человек и без того вольный, который еще с рождения «владеет миром».

ВЫВОДЫ

В мировой литературе использование псевдонимов – достаточно распространенное явление. В русской культуре эта практика была не менее распространена, и одной из первоочередных задач современной псевдонимики является установление взаимосвязи автонима и псевдонима как отдельной составляющей творческой эволюции того или иного автора.

Детально исследовав первый газетный псевдоним Владимира Даля – Владимир Луганский, отставной Флота Лейтенант и Доктор Медицины – мы можем с уверенностью сказать, что данная авторская подпись была выбрана Далем не случайно и выполняла сразу несколько важных функций. Среди них – привлечение внимания аудитории, повышение авторитета в глазах коллег-медиков и коллег-журналистов, создание определенного авторского имиджа в культурной среде того времени. А последующая трансформация в более емкий и запоминающийся псевдоним путем сокращением титлонимов «отставной Флота Лейтенант и Доктор Медицины» и заменой их титлонимом «казак» является показателем тех внутренних изменений, которые Владимир Даль претерпевал и как писатель, и как человек.

После распада СССР и системы авторитарной прессы, когда к нам стали проникать достижения в сфере пиара и свободы печати, в хорошем, а не нынешнем смысле слова, создалось впечатление, что

до этого момента они не были известны на территории России. Однако это не так. И Далевский псевдоним-месседж, который он послал потомкам, методично уточняя его, в первую очередь, за счет усиления тематики и проблематики своих произведений – тому подтверждение. Он углубляет изображение жизни народа, и эволюция этого понимания проявилась следом и в эволюции авторского псевдонима.

Литература

1. Бессараб, М. Я. Владимир Даль [Текст]: книга о доблестном гражданине России и великом борце за русский язык / М. Я. Бессараб. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Современник, 1972. – 288 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]: Толковый словарь Даля онлайн. – Режим доступа: http://slovardalja.net/word.php?wordid=15156. – (Дата обращения: 17.02.2018).
3. Дмитриев, В. Г. Скрывшие свое имя [Текст]: из истории анонимов и псевдонимов / В. Г. Дмитриев. – Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 1977. – 313 с.
4. Зражевский, А. А. О литературных псевдонимах В. И. Даля/ А. А. Зражевский // Русская речь. – 1991. – №6. – С. 18–23.
5. Отин, Е. С. Варианты и функции личных имен в русских пословицах, поговорках и загадках (по материалам В. И. Даля) [Текст] / Е. С. Отин //Далевские чтения 2014: мат.межд. науч.конф. / Луганск. Луганский университет имени Владимира Даля. – Луганск, 2014. – С. 76–84.
6. Половинко, В. В. Журналистика В. И. Даля и читатели: начало диалога [Текст] / В. В. Пловинко // Полифоническая культура Украины: Даль и Пушкин. – Луганск, 2012. Вып. 4. С. 86–94.
7. Порудоминский, В. И. Даль. 1801-1872 [Текст] / В. И. Порудоминский. – Изд. 2-е, доп. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 384 с.
8. Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля [Электронный ресурс] // Викитека. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/ Пословицы_русского_народа_(Даль)/Напутное. – (Дата обращения: 17.02.2018).
9. Умарова, Г. С. В. И. Даль: мир казахского этноса в документально–научных и художественных текстах [Текст]: Монография / Г. С. Умарова. – Уральск: Редакционно-издательский центр ЗКГУ им. М. Утемисова, 2012. – 305 с.
10. Фесенко, Ю. П. Два рукописных наброска В. И. Даля «Силистрия» и «Кулевчи»/ Ю. П. Фесенко // Русская литература. – 1990. – № 3. – С. 146–150.
11. Фесенко, Ю. П. Проза В.И. Даля. Творческая эволюция [Текст] / Ю. П. Фесенко. – Луганск; Санкт-Петербург: Альма матер, 1999. – 262 с.

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ МЕТАФОР (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО, ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ)[1]

Е.А. Юрина
yourina2007@yandex.ru
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»
(Томск)

Актуальность лексикографического описания образных слов и выражений различных языков, разработки новых способов и приемов словарного представления образных систем обусловлена интересом современной лингвистики к проблемам метафорического мышления и его отражения в языке и речи [1–3, 5, 6, 9–11]. Результаты теоретических исследований приводят к созданию словарей нового типа, так как лексикографический формат позволяет систематизировать эмпирический материал, представить его многоаспектную характеристику, реконструировать языковую картину мира.

За последние двадцать лет вышло в свет около 50 разнообразных словарей, описывающих различные фрагменты образной системы языка и демонстрирующих новые подходы к лексикографической презентации языковой образности. Самым разработанным направлением фигуративной (образной) лексикографии является фразеография [4–6]. Вместе с тем появляются словари, комплексно описывающие образный лексический, фразеологический и паремиологический фонд в его целостности, обусловленной концептуальной общностью образов, выраженных в языковых единицах разного структурного типа [10].

Проект создания электронного полиязычного словаря метафор нацелен на решение задачи системного словарного описания соотносительных по значению и образно мотивирующей семантике языковых единиц в двух и более языках, которое позволило бы выявить универсальные и культуро-специфические черты реализованных в них метафорических картин мира. В основе словарной концепции лежат два взаимодополняющих подхода: когнитивная теория метафоры [2, 8, 13] и семасиологическая теория языковой образности [1, 3, 7, 11, 12].

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда по приоритетному направлению деятельности «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» в рамках проекта № 18-18-00194 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» (2018-2020 гг.).

Термин «метафора», вслед за Дж. Лакоффом, М. Джонсоном [8] и их последователями [2, 13], понимается в когнитивном ключе как устойчивая модель осмысления явлений одних концептуальных сфер-мишеней (target-domains) по аналогии с явлениями других концептуальных сфер-источников (source-domains). Например, пищевая метафора, примеры языкового воплощения которой в русском, английском и итальянском языках представлены в данной статье, построена по модели «X – это Еда», где сфера *Еда* выступает источником метафорических проекций в различные концептуальные области-мишени.

На вербальном уровне метафора как когнитивный механизм уподобления выражена в образных средствах языка и речи:

1) «языковых метафорах» [11] – метафорически переносных ЛСВ (***пампушка*** ‘полная женщина’, англ. ***doughnut*** «пончик» ‘о предмете в форме кольца’, итал. ***pasticcio*** «запеканка» ‘неприятность, неразбериха’);

2) метафорических дериватах (***нахлебник*** ‘человек, который живет за чужой счет’, англ. ***breadwinner*** «победитель хлеба» ‘тот, кто обеспечивает семью, кормилец’, итал. ***pasticcione*** «большая запеканка» ‘растяпа’);

3) двухкомпонентных образных номинациях (***адамово яблоко*** ‘кадык’, ***piece of cake*** «кусок пирога» ‘что-либо легко достижимое или получаемое’, итал. ***farina di ossa*** «костная мука» ‘порошкообразный продукт переработки костей домашних животных’);

4) сравнительных оборотах различной структуры (***как огурчик*** ‘о бодром, здоровом человеке’, ***пельмешком*** ‘о форме уха’, англ. ***like a bun*** «как булочка» ‘о предмете округлой формы’, итал. ***(magro) come uno stoccafisso*** «(худой) как таранька» ‘о худом человеке’);

5) образных фразеологических единицах (***старой закваски*** ‘о человеке с устаревшими, несовременными взглядами, привычками’, англ. ***take the bread out of the mouths*** «забрать хлеб изо рта» / итал. ***levare il pane da sotto i denti*** «вырвать хлеб из зубов»; ‘лишить кого-л. денег, материальных благ’; итал. ***avere gli occhi foderati di prosciutto*** «иметь побитые ветчиной глаза» ‘закрывать глаза на что-л., не видеть или не желать видеть чего-л.’);

6) пословицах и поговорках (***кто успел, тот и съел*** ‘тот, кто раньше других сумел воспользоваться ситуацией, получает выгоду’,

итал. ***non tutte le ciambelle riescono col buco*** «не всякий бублик выходит с дыркой» ‘не все получается так, как хочется’).

Макроструктура словаря строится по идеографическому (концептно-ориентированному) принципу, предполагающему группировку материала в соответствии с получившей вербализацию базовой и частной метафорической моделью. Каждая языковая единица с метафорической семантикой маркируется в электронной базе словаря по типу категориального класса явлений из концептуальной сферы-источника и категориального класса явлений из сферы-мишени. Благодаря такой разметке из словарной базы будут отбираться образные единицы, построенные в разных языках по общим глобальным, базовым и частным метафорическим моделям.

Например, образная лексика и фразеология, выражающая метафорические характеристики внешности человека через образы кулинарных изделий из теста, будет маркироваться по следующим параметрам: глобальная сфера-мишень «Антропосфера» (“Human Being”), базовая сфера-мишень «Человек» (“Person”), категориальный класс «Внешность» (“Appearance”) – глобальная сфера-источник «Еда» (“Food”), базовая сфера-источник «Блюда и продукты» (“Product&Dishes”), категориальный класс «Мучные продукты и изделия» (“Flour products”).

Этим параметрам соответствуют следующие образные единицы:

В русском языке: ***как блин*** ‘о круглом, плоском лице’– *Внимательность при разговоре и умение слушать как-то не вязались у меня с образом первого секретаря и его круглой,* ***плоской, как блин****, с маленькими глазками, не очень-то выразительной физиономией (В. Некрасов. Взгляд и Нечто)*[13];

блинчатый ‘многослойный, состоящий из нескольких расположенных друг над другом складок’ – *Там стояла невысокая тяжеловесная женщина с тройным* ***блинчатым подбородком****, как бы в тройном ожерелье, да еще с двумя нитками красных крупных бус (В. Дудинцев. Белые одежды)*;

булка ‘о полном человеке’ – *Здесь его разглядела здоровая, белозубая официантка, просто сдобная* ***булка*** *– вот такой в девках была Ева (В. Синицына. Муза и генерал)*;

[13]Контексты взяты из электронного ресурса «Национальный корпус русского языка» [9].

квашня ‘толстый неповоротливый человек’ – *Он рыхлой* ***квашнёй*** *лежал в чёрном офисном кресле, утопив плоскую голову в квадратные плечи, посверкивал маленькими злыми глазками, как из норки (В. Левашов. Заговор патриота)* и др.

В английском языке:

As flat as a pancake «плоский, как блин» ‘о женщине с плоской грудью’ – In my early teens I was flat as a pancake (Будучи подростком, я была плоская как блин) (As Holly Willoughby wins boob poll, Katie Price, Jodie Marsh and);[14]

buns «булочки» ‘ягодицы’ – *With the use of this program, you will be able to burn fats, achieve those fabulous six packs you want, plus shapely* ***buns*** *and thighs with the use of cardiovascular exercises combined with light resistance moves (С помощью этой программы Вы сможете сжечь жиры, достичь эти сказочные шесть кубиков, которые Вы хотите, плюс изящные* ***булочки*** *(ягодицы) и бедра с помощью сердечно-сосудистых упражнений в комбинации с легкими упражнениями с отягощением)(Achieving Fabulous Physique With the Use of Ten Minute Trainer)*;

like a bun «как булочка» ‘о человеке с круглым лицом’ – *James Corden, with his face* ***like a bun****, who manages to look both doleful and mischievous, to lumber around but flit across the stage as nippily as an Essex Nureyev (Джеймс Корден, с его лицом, как булка, которому удается выглядеть одновременно печальным и злобным, тяжело двигаться, но перелетать через сцену так же проворно, как Эссекский Нуриев)*(*One Man, Two Guvnors; Lord of the Flies; The Acid Test)*;

muffin «кекс» ‘о фигуре человека с излишним жиром на животе, в области талии’ – *A'****muffin belly****'may not only look ugly but is also associated with problems like type 2 diabetes and heart ailments (Живот в виде маффина может выглядеть не только ужасно, но и также ассоциироваться с проблемами, такими как сахарный диабет 2го типа и заболевания сердца)* (How to lose weight from the bottom of your belly? - Yahoo! UK) и др.

В итальянском языке:

gnocco «галушка» ‘неуклюжий человек’ – *E gli azzurri si sono ingegnati di agire secondo che avrebbe gradito Enzo Bearzot, loro imperturbabile condottiero. Il quale è fermo sugli archetipi gloriosi dei*

---

[14]Контексты взяты из электронного ресурса «Corpus of Global Web-based English (Корпус глобальной сетевой базы английского языка)» [14].

propri preferiti moduli di gioco: e io l' ho capito quando ha messo fuori Altobelli, ***gnocco*** *e svogliato come uno che si trovasse lì per caso, e al suo posto ha immesso Fanna. Perdio! (La Repubblica)*[15];

avere le mani di pasta frolla «иметь руки из песочного теста» ‘о слабом человеке’ – *Perchè Holmes è stato davvero grande, ma ai suoi tempi. Si doveva accontentare, invece no, invece si è messo in testa di dimostrare a tutti che io ero* ***un ragazzino viziato, di pastafrolla****, un campione incompiuto. E' tornato per rubarmi la fama (La Repubblica)*;

maccherone «макароны» ‘о глупом, неповоротливом человеке’ – *#Chi non vota è un maccherone senza sale (кто не голосует, тот макароны*) *(сообщение на facebook, 10.06.2011)*. Эта метафора редко употребляется, будучи регионализмом, который используется в южной Италии.

Представленная концепция словарного описания образных систем двух и более языков с возможностями сопоставительного лингвокультурологического исследования языковых единиц с метафорической семантикой реализует следующие принципы:

1. На уровне отбора языкового материала – максимально полный охват слов и выражений в метафорических значениях из обширных текстовых формаций с использованием электронных ресурсов.

2. На уровне макроструктуры словаря – идеографический и концептный принципы систематизации материала по разделам и рубрикам.

3. На уровне микроструктуры словаря – расширенные зоны изъяснения, интерпретации, иллюстрации семантики толкуемых единиц.

Созданный в виде электронного скачиваемого desktop-приложения полиязычный словарь метафор может быть использован как источник материала для дальнейших теоретических разработок в области лингвокультурологии, концептологии, теории метафоры, теории образности. Он может послужить в качестве информационно-справочного и дидактического средства в научно-исследовательской и образовательной деятельности, в том числе при чтении лингвистических курсов, обучении русскому языку как родному и иностранному, в практике перевода и межкультурной коммуникации.

Литература

[15]Контексты взяты из электронного ресурса «“La Repubblica” Corpus» (Корпус газеты «La Repubblica») [15].

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Академия, 2002. – 394 с.

2. Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М., 1991. – С. 184-193.

3. Блинова О. И. Образная лексика русского языка / О. И. Блинова, Е. А. Юрина // Язык и культура. – Томск, 2008. – № 1. – С. 5-13.

4. Большой словарь русских пословиц: ок. 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общ.ред. В. М. Мокиенко. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

5. Большой словарь русских сравнений: Более 45 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общ.ред. В. М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.

6. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

7. Илюхина Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации: монография / Н. А. Илюхина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 320 с.

8. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387-415.

9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Электрон.дан. – [Б. м.], 2003-2016. – URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 06.04.2016).

10. Словарь русской пищевой метафоры / сост. А. В. Боровкова [и др.]; под ред. Е. А. Юриной. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2015. – Т. 1: Блюда и продукты питания. – 428 с.

11. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – 2-е изд., стереотип. – СПб.: Изд-во Филол. фак. СПбГУ, 2004. – 166 с.

12. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173-204.

13. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

14. Corpus of Global Web-based English (Корпус глобальной сетевой базы английского языка) [Электронный ресурс] – URL: URL:/ http://corpus.byu.edu/glowbe (дата обращения 20.12.2017).

15. “La Repubblica” Corpus (Корпус газеты «La Repubblica») [Электронный ресурс] – Электрон. дан., 1985–2000. – URL: http://sslmit.unibo.it/repubblica (дата обращения 13.01.2018).

СОЦИОЛИНГВИСТИКА. МЕДИАЛИНГВИСТИКА. ЮРИДИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ СТИЛЬ КАК ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Л.П.Авдонина
lucy.avdonina@mail.ru
МБОУ «Алупкинская СШ № 2»
(Алупка)

Современный социум, осваивающий новые реалии, новые технические феномены в организации коммуникации, более сложные формы и каналы коммуникации в силу лингвистического, культурного разнообразия, связанности современного мира вынуждает человека коммуницировать в новых, непривычных для него коммуникационных системах и при этом осваивать новый тип взаимосвязи между жизненной средой и речевым поведением [1]. Успешность в выбранной коммуникационной системе зависит и от овладения новой грамотностью, к которой можно отнести и освоение сетевых функциональных стилей речи [3].

По этой причине целью настоящей работы стало выявление конститутивных признаков современного сетевого научного функционального стиля (Сет-НФС) как элемента новой грамотности специалиста.

Мир «зримой» культуры информационного общества XXI в. в первую очередь требует *визуальной грамотности* для восприятия информации через «термины изображений», через анализ и синтез визуальной реальности.

Новые виды грамотности в XXI в. на основе культуры модерна (*медиаграмотность, компьютерная, информационная, аудиовизуальная грамотность)* позволяют формировать способность читать, оценивать медиатекст, работать с ним за компьютером, в глобальной сети. Практика коммуникации стала следовать идеям субъективности суверенного субъекта. В результате традиционная стилистика вынужденно уступает место интернет-стили-

стике с ее новыми маркерами (гипертекстуальность, интертекстуальность, мультимедийность, интердисциплинарность, симбиоз письменных и устных форм, конвергенция с медиа). Строение дискурса в конце XX в. характеризует рост личностного начала и диалогичности. Исчезает безличная и безадресная речь, возникает речь личная, направленная конкретному адресату. Изменилась и научная речь. Исследователи вопроса утверждают, что уже нет необходимости в безликом авторском «мы», вполне возможно личное «я». В научную речь все чаще вовлекаются элементы образности, шутки, позволяющие ярко выразить личное отношение к фиксируемым феноменам. Образно-экспрессивные средства уже присутствовали в языке управленческих документов в 1920-е годы, однако затем были изгнаны в связи с изменениями структуры дискурса и условий функционирования языка.

Научные тексты, размещенные в интернете, делят обычно на две группы: тексты, имеющие печатную версию, и тексты, которые существуют только в Сети. По форме и содержанию электронные версии традиционных научных работ обычно тождественны опубликованным изданиям, однако замечены и отличия: нерелевантность понятия страницы, гиперссылки, возможность поиска, возможность обсуждения, наличие обратной связи, что расширяет функциональную сферу научного языка. Кроме того, научно-учебная литература, широко представленная в Сети, обычно разработана на высоком технологическом уровне при помощи гипертекстовых и гипермедиальних технологий, что усиливает ее привлекательность для пользователя. Один из крупнейших интернет-массивов научно-учебной литературы – работы для студентов: курсовые, рефераты, магистерские, дипломные.

Интересный материал для отслеживания изменений в интернет-варианте научного стиля предоставляют и персональные страницы ученых, что обеспечивает возможность систематизации собственного научного потенциала и обсуждения результатов своих исследований с научной общественностью.

Сложившаяся к началу XXI в. онлайн-стилистика уже способна представить информацию о стилистических феноменах в ситуации революции в коммуникации, она изучает явления стилистики в новых видах коммуникационного пространства и считает гипертекст основной формой организации коммуникации.

Гипертекст позволяет избирать последовательность чтения и вид информации, обеспечивает возможность выходить за пределы научного дискурса, переходить к другим типам и уровням информации, реализовываться в других стилевых разновидностях языка и речи. Кроме того, возможность дистанционного использования позволяет вести активный диалог между субъектами учебного процесса. Гипертекст – феномен, находящийся в ситуации реального общения, в процессе своего создания и развития. Официальная и неофициальная части современного научного дискурса постоянно взаимодействуют, и при этом научная речь получает право быть эмоциональной, субъективной, выразительной.

Анализ показал, что стиль жанров Сет-НФС имеет два варианта: экспрессивно и функционально-стилистически гомогенный, когда в тексте нет иностилевых включений, и чаще гетерогенный, когда такие включения есть. Экспрессивно гомогенным является канонический академический подстиль. Экспрессивно гетерогенным считают научно-популярный подстиль [2].

Однако в Сети есть и эмоциональные квазинаучные тексты, которые, однако, оказывают сильнейшее убеждающее воздействие на адресата:

«Ну ладно, мое образование тоже должно принести какую-то пользу, верно? Реально *прикольный* факт о языках мира (например, русском). Сколько в современном русском языке падежей? шесть? (*грубое выражение*) есть еще, например, звательный: «Саш! Петь!»… Есть второй родительный, он же партитивный, означает долю некой субстанции и имеет другое окончание: «крыша дома», но «чашка чаю»… А сколько в русском языке частей речи? десять? (*грубое выражение*) Есть, например, категория состояния: «мне грустяво» (окказионализм)... *короче*, в языках мира есть два стула, номинативный и эргативный, то есть все языки, где вообще есть падежи, делятся на эти два типа…Одно из таких преобразований – это т.н. палатализация. Дословно это *тупо* «смягчение», но был такой процесс в праславянском. .. В мире настолько много (*нецензурное выражение*) вариаций звука «р», что я *ваще* даже не знаю, почему их так часто называют одним звуком» [4]. «Будем расширять кругозор друг друга и параллельно получать от *энтого* хотя бы некоторое удовольствие: (я так надеюсь). Всем привет! Я

свободный исследователь... Существует огромное количество учений и теорий, придуманных людьми для объяснения происходящего…Их можно разделить на две группы: смешные… и очень смешные. Подозрительно много *развеселых* теорий для одного мира. Однако одно дело – мучить терпеливую бумагу и совсем другое – пытаться проверить найденные «истины» на практике» [4].

В сети возникает некий научный новояз (как по Д.Оруэллу) с использованием неологизмов, окказионализмов, пародирования, вышучивания, травестирования официальной фразеологии, лозунгов, призывов, всем известных цитат. Официальный текст, идеологически нагруженный, известный всем, деформируется вставкой элементов из других тематических пластов, с другой идеологической ориентацией и, помещенный в чуждый ему идеологический контекст, приобретает пародийное звучание. Такие приемы привлекают особое внимание пользователей. Б. Тошович предложил даже выделить особую стилистическую единицу, поддерживающую это направление, т.е. интернет-стилему, стилистически окрашенный элемент, возникающий в интернете или закрепленный за ним: блогостилемы, форум-стилемы, смс-стилемы, чатостилемы, и именно эта единица обеспечивает создание современных активно воздействующих интернет-текстов любого стиля, в том числе и научных [5].

Во всех жанрах научного стиля в Сети уже заметно проявляются и общеязыковые изменения: рост аналитизма (ослабление склонения и активизация конструкций с предлогами, вытесняющих конструкции без предлогов); рост количества несклоняемых имен, т.е. аналитических прилагательных, и аббревиатур. Можно добавить и экспансию именительного падежа.

Сетевой функциональный научный стиль (Сет-НФС) и в Сети имеет три подстиля: академический, научно-учебный, научно-популярный. Они отличаются друг от друга количеством отступлений от канонических правил. Анализ показал, что в корпус текстов Сет-НФС входят тексты монографические, информационные, документационные, манифестационные, образовательно-монографические, учебные, оценочно-аналитические, дискуссионные. При этом мономедийный Сет-НФС использует только один код: буквенный (онлайн тексты), аудитивный (радио-

интернет), визуальный (онлайн фотографии, иллюстрации, схемы, таблицы, диаграммы).

Мультимедийный Сет-НФС характерен сетевыми бикодовыми комбинациями (буквенный код сочетается с одним из небуквенных – аудиальным или визуальным) и поликодовыми комбинациями (текст + аудио + видео). Такими, например, являются школьные учебники, выложенные в сети.

Сет-НФС имеет письменные, письменно-устные, устные формы реализации. Каждый жанр закрепляет за собой одну из этих форм: а) письменные: монографические, информационные, документационные, образовательно-монографические, оценочно-аналитические; б) устные: учебные, дискуссионные; в) письменно-устные: информационные, дискуссионные, манифестационные, учебные оценочно-аналитические [5].

В сетевых учебниках обычно представлены теоретический материал, упражнения, контроль. Созданы также сетевые пособия для организации самостоятельной работы с интерактивными компонентами для самостоятельного получения знаний, для дистанционного обучения, обеспечивающие виртуальное общение с преподавателем.

Специфический жанр Сет-НФС – генератор научных текстов, который пока еще ограничен одним жанром – рефератами. Созданы также генераторы тем курсовых, дипломных работ.

Сочетание порядка и хаоса в интернет-текстах привлекает и убеждает своей неожиданностью. Всем известная стенфордская модель коммуникационного акта (отправитель – сообщение – канал – получатель) уже не отражает особенностей современной интернет-коммуникации, т.к. коммуникационная цепочка в процессе интернет-коммуникации, как полагают исследователи, более длинная: отправитель (программист, модератор, администратор) – узел (программного обеспечения, управления, отправления, распределения, распространения, конусирования) – средство (программа, программное обеспечение, базы данных, провайдер, браузер) – структурный элемент (веб – страница, сайт, портал) – пользователь (клиент) – блоки клиента (поисковые средства) [2]. Кроме того, интернет-стилистика и традиционная стилистика публичны, индивидуальны, но пока еще только интернет-стилистика позволяет реализовать субъективность, эмоциональность и возможность

нарушать существующие в речи правила во имя достижения замысла. Например, традиционная стилистика не позволяет повторять языковые средства без особой стилистической задачи, а в интернете необходима определенная плотность повторов ключевых слов для обработки текста роботами.

В научных интернет-текстах уже нейтрализуется граница между устной и письменной речью, создаются условия для интернетовского блиц-стиля общения, т.к. часто требуется неподготовленная, но молниеносная реакция. Несомненно, новые средства и возможности научной коммуникации трансформировали научный дискурс в Сети. Теперь можно видеть интернет-тексты с информацией, представленной в удобном и привлекательном виде, с гиперссылками, с научной речью, приближенной к стандартам разговорного стиля, с использованием первого лица, эмоционально-оценочных единиц, с разговорной лексикой, а также часто с жаргонными, сленговыми названиями, эмотиконами.

Итак, современные научные интернет-тексты подтверждают возможность сосуществования в них объективного и субъективного, узуального и окказионального, нормы и антинормы, сдержанности и бесконтрольности, порядка и хаоса, гармонии и дисгармонии. В интернет-жанрах отсутствует граница между личным и публичным, текст часто становится поликодовым, объединяет слово, звук, голос, картину, сигнал, графику, иллюстрацию.

Литература

1.Авдонина Л.П. Организация коммуникационного пространства в современном социуме // Теория и практика формирования коммуникативной культуры: традиции и инновации. Сборник научных статей. Новокузнецк: КузГПА, 2013. – С. 6 – 10.

2.Авдонина Л.П. Научный стиль и его функционирование в Сети // Актуальные проблемы коммуникативного образования в 21 веке : Сб. статей по материалам VII Международной научно – практической конференции. Новокузнецк: РИЦ НФИ КемГУ, 2016. – С. 6 – 10.

3.Авдонина Л.П. Феномен новой грамотности // Вестник горно-металлургической секции Российской академии наук. Отделение металлургии. Вып. 35.Москва – Новокузнецк: СибГИУ, 2015. – С. 210 – 215.

4.https://threadreaderapp.com/thread/907984171880120320.html [Электронный ресурс]. Состояние на 28.01.2018.

5.Тошович Б. Интернет-стилистика. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 238 с.

ПСИХОЛИНГВИСТИКА УЧЕБНОГО ТЕКСТА: ФУНКЦИИ, СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ, ДИНАМИКА СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

И.А.Бубнова
aribubnova@gmail.com
ГАОУ ВО города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
(Москва)

Одной из актуальных проблем, исследуемых в рамках современной психолингвистики, является проблема изменения индивидуального *образа мира* человека, переформатирования мировоззренческих основ этноса, определявших на протяжении веков национальную идентичность каждого его представителя. Все эти вопросы теснейшим образом связаны с феноменом глобализации как процессом «трансформации символов и символических форм, в ходе которого опровергаются, подтверждаются, и/или переопределяются существующие в каждом обществе ценности, нормы, социокультурные практики, конституирующие общество» [2, с.12].

Результаты многих психолингвистических работ, проведенных в последние десятилетия, красноречиво свидетельствуют: в современной России на смену личности, без внутренних сомнений идентифицирующей себя как носителя русской культуры, постепенно приходит человек «глобальный», главными характеристиками которого являются невероятная гибкость, использование английского языка, отсутствие собственной идентичности и способность легко адаптироваться к условиям жизни в любом мегаполисе. Именно этот новый тип человека, «ориентированный лишь на «индивидуальный жизненный проект» с гедонистическим уклоном и не отягощённый национальной идентичностью» [3,URL], должен, по мнению некоторых ученых, заменить человека «национального» в грядущем глобальном обществе (см., например, [6]). И такие прогнозы, как представляется, имеют под собой веские основания, по крайней мере следует признать, что такой человек активно создается сегодня в нашей стране с помощью языка, выступающего главным средством конструирования новой социальной реальности.

Подчеркнем, что метроэтничность – основополагающее качество личности XXI века – формируется в различных типах дискурсивных практик, которые объединяет то, что они непосредственно связаны с глобализационными процессами. Сфера образования оказалась в этом ряду сразу же после распада СССР, и к настоящему моменту результаты ее перестройки очевидны не только для профессионального сообщества.

Одним из действенных средств переформатирования личности стали школьные учебники, так как их содержание, являясь в значительной степени основой для понимания окружающего мира, фундаментом для формирующейся в индивидуальном сознании системы ценностей и, соответственно, для самоосознания себя и своего места в этом мире, для построения личностной траектории жизни, оказывается существенной стороной «личностнообразующих» деятельностей в той «социальной ситуации развития» (см. подробнее в [1]), которую представляет собой образовательный процесс.

С точки зрения психолингвистики учебник, как и любой текст, всегда обладает определенным потенциалом воздействия, сила и направление которого зависят от нескольких основных характеристик:

1. Психолингвистической организации содержания учебника как таковой, т.е. связностью и цельностью, выражающимися в том, чтобы, во-первых, одна часть курса (текста) плавно переходила в другую, была основана на логике познания, и, во-вторых, чтобы эта связь не просто ощущалась, но была понята учеником. Иначе говоря, содержание может быть системным, объединенным внутренней логикой изложения, либо представлять собой просто набор фактов, связанных ассоциативно и поддержанных визуальным рядом. Именно последний способ изложения служит средством формирования ассоциативного, клипового и фрагментарного мышления, требуемого сегодня от типичного потребителя услуг, типа, предопределяющего, в конечном итоге, во-первых, содержание сознания человека и, соответственно, его *образа мира*, и, во-вторых, возможности внушения получателю информации любых идей, обеспечивающих господство определенной социальной группы, назначившей себя «элитой общества».

2. Ориентации курса на конкретные цели и задачи, на выработку четкого и однозначного отношения к заданной извне системе смысловых координат, основанной либо на ценностях национальной культуры, либо на иных ценностях, не имеющих под собой культурных основ.

Такая система, как и отношение к собственной культуре, истории страны, создается двумя способами.

Во-первых, эксплицитно, прежде всего, в процессе изучения литературы, которая отражает жизненное единство культурного знания и, в силу этого своего качества, сплачивает людей в единую нацию. С точки зрения воспитания личности в этом курсе в сознание школьника закладываются как модели поведения, так и понимание семантики группы лексики, контролируемой извне: *совесть, честь, дружба, любовь, предательство, подвиг, мужество, патриотизм, отечество, достойная жизнь, карьера* и т.д. Именно эти понятия составляют затем ядро системы смысложизненных ориентаций человека и его *образа мира*.

Во-вторых, имплицитно влияние на формирование смыслов в сознании школьника оказывается контекстом, куда относится и выбор самих произведений для изучения, и способы подачи фактической информации, которая, как правило, чередуется с авторскими комментариями, всегда окрашенными эмоционально. В данном случае важно то, что контекст, как экспериментально доказано в рамках психолингвистики (см. об этом подробнее в [4]), во многом определяет понимание конкретных социальных ситуаций, включая и описываемые в художественных произведениях, и, таким образом, воспитывает отношение личности к своей культуре, проявляющееся затем в полной мере в зрелом возрасте.

3. Когерентностью содержания учебного курса, влияющей не только на формируемый тип мышления, что отмечалось выше, но и на конструирование и поддержание социальных стереотипов, детерминирующих поведение человека, обусловливающих, при отсутствии сознательной рефлексии, его мировоззрение, систему ценностей, самосознание и самооценку и, что очень важно, позволяющих управлять его поведением. Именно о последнем свойстве социальных стереотипов и их непосредственной связи с процессом обучения практически сто лет назад писал У.Липпман, отме-

чая, что стереотипы являются самым тонким и обладающим исключительной силой внушения средством в силу того, что наше знакомство с миром и большинством вещей в нем происходят раньше, чем мы их увидим или познакомимся с ними на опыте, поэтому «эти предварительные представления, если нас не насторожит в этом наше образование, из глубины управляют всем процессом восприятия» [5]. Отсюда следовала и одна из главных задач классического образования – обучение критическому мышлению, которое не позволяет действовать шаблонно, заставляет человека думать над внутренней сутью той или иной социальной ситуации, интенциями ее участников, что в полной мере относится и к изучению национальной литературы, однако не ограничивается только этим.

Помимо развития критического мышления, формирования системы ценностей и смысложизненных ориентаций, формирования социальных стереотипов, национальная литература выполняет еще одну, не менее важную задачу – задачу создания автостереотипа и гетеростереотипов, также закладываемых в сознание в раннем школьном возрасте. Важно, что эти феномены, укорененные с раннего детства, уже практически не поддаются не только разрушению, но даже частичной корректировке в том случае, если логическое мышление не сформировано.

Кроме общих характеристик, которые, с точки зрения психолингвистики, необходимо учитывать при анализе учебных курсов в целом либо при анализе отдельных текстов для оценки потенциала воздействия и его направления (а обучение всегда направлено на реализацию двух основных целей – информационной и пропагандистской, связанной с созданием определенной установки, формированием системы ценностей) интерес представляют также следующие параметры учебников:

а) конструкция учебника, т.е. его внешние характеристики;

б) архитектоника учебника, внутренняя организация его содержания;

в) структура учебника, т.е. то, каким образом содержание соотносится с внешними выразительными средствами, используемыми для его маркировки.

Таким образом, анализ содержания учебников по всем выделенным параметрам позволяет сделать достаточно точные выводы

о том, какое содержание транслируется через тот или иной учебный предмет в сознание школьника, насколько это содержание соответствует когнитивной базе русского лингвокультурного сообщества, какие ценности и какой индивидуальный *образ мира* формируется определенным учебным курсом и, наконец, какую личность мы получаем «на выходе».

Учебники русской литературы оказались в фокусе нашего внимания в связи с тем, что, как уже отмечалось ранее, национальная литература, отражающая культуру того или иного народа, рассматривается как основное средство воплощения национальной идеи и, соответственно, формирования национальной личности. С другой стороны, изучение классики уже предполагает наличие субъекта культуры, и только при соблюдении этого условия обеспечивается связь поколений и, в конечном итоге, сохранение национального государства. Однако в настоящее время экспериментальные данные свидетельствуют о том, что содержание когнитивной базы русского лингвокультурного сообщества, модели поведения, которые существовали длительное время, неуклонно изменяются, что вполне может объясняться содержанием именно курсов русской литературы.

Проведенный нами анализ учебников по литературе для 9 класса, используемых в данный момент в школе, показал, что в большинстве случаев они не могут быть признаны соответствующими основным психолингвистическим критериям: *связности, цельности* и *когерентности*.

В наибольшей степени это проявляется в содержании учебника «В мире литературы» под ред. А.Г. Кутузова, которое является отражением субъективного взгляда его авторов на значимость тех или иных литературных произведений и, следовательно, на тип личности, требуемый обществу. На первый взгляд, некая связность курса присутствует: литература Средневековья сменяется литературой эпохи Возрождения, эпохи Просвещения и, далее, литературой XIX и XX веков. Однако вряд ли для ученика понятна внутренняя логика изложения учебного материала, когда «Белые ночи» Достоевского соседствуют с «Кентервильским приведением» О.Уайлда, вслед за которым авторы предлагают школьникам поразмышлять над А.П.Чеховым и «Словом на Светлой пас-

хальной седьмице» Архимандрита Иоанна, т.е. говорить о цельности и когерентности вышеназванного курса не представляется возможным.

Другие предлагаемые школе линейки учебников (под ред. Р.Н. Бунеева, Е.В. Бунеевой, О.В. Чиндиловой, под ред. В.Я. Коровиной, учебник С.А. Зинина, В.И. Сахарова, В.А. Чалмаева) кажутся, на первый взгляд, связными и цельными: путешествие по эпохам в первом учебнике, как и последовательность изложения материала во втором и третьем, вполне понятны школьнику. Однако при анализе выявляется, что многие элементы в содержании упущены, т.е. их цельность и связность оказывается чисто формальной.

Критерию когерентности не отвечает ни один из проанализированных учебников. Отмечая, что на завершающем этапе основного общего образования полученные ранее знания выстраиваются в стройную систему, а сам курс предполагает встречу школьников с художественными произведениями, составляющими «золотой фонд» русского художественного творчества, авторы, тем не менее, весьма своеобразно подходят к отбору этих произведений. Некоторые из них, считающиеся классическими и являющиеся источником для многих прецедентных для русской культуры имен, исключены из списка «значительных», по мнению авторов учебников, текстов. И прежде всего это замечание касается советской литературы, описывающей повседневную жизнь, а также героизм и подвиги советского народа в годы индустриализации, Великой Отечественной войны и в послевоенный период, т.к. она практически отсутствует в анализируемых курсах. Те же произведения, которые предлагаются для изучения, формируют резко отрицательное отношение к советской истории и строю, что поддерживается и лексикой, используемой для характеристики героев, описания творческого пути авторов, формулировки вопросов, предлагаемых для обсуждений. Все это вместе создает определенный контекст, на фоне которого советский период в истории России воспринимается только в негативном ключе. Конструируемые негативные стереотипы СССР как концлагеря, где люди выживали вопреки обстоятельствам, советского народа как бессловесного стада и т.д., подкрепляются и тем, что на различных уровнях текста учебников постоянно происходит чередование стандартных

информативных и экспрессивных, фиксирующих отношение авторов, компонентов. Часто это отношение выражено имлицитно, при помощи тщательного отбора лексических средств, имеющих негативный коннотативный потенциал, причем если у авторов нет уверенности, что школьникам знакома данная единица, она объясняется отдельно, т.е. смысловое понимание текста, формирование и закрепление требуемых стереотипов, контролируется постоянно.

В целом анализ учебников по литературе, которые широко используются в настоящее время в школьном образовании, показал, что существуют веские основания для утверждений об изменении содержания русской языковой личности, о нарастающем разрыве между поколениями представителей русского лингвокультурного сообщества и утрате специфических черт русской культуры, и содержание курса литературы играет в этом процессе не последнюю роль.

Главным следствием «изъятия» из учебников произведений писателей советского периода (Н.Островского, Б.Полевого, В.Катаева и многих других) является исчезновение из когнитивной базы молодого поколения почти всех имен героев, которые являются прецедентными, символизируют в сознании национальной личности идеи патриотизма и любви к Родине и были хорошо известны ранее.

Эксперименты свидетельствуют, что результатом тенденциозного представления советского периода в школьной программе в течение нескольких десятилетий стало отрицательное восприятие и оценка истории своей страны, стремление многих молодых людей дистанцироваться от русского этноса, а подмена национальной культуры как органического целого механическим соединением отдельных ее частей уже привела (по крайней мере, частично) к переходу от мышления в категориях ценностей русской культуры к мышлению в категориях практического применения.

Таким образом, логично предположить, что в случае продолжения использования таких учебников в образовательном процессе в ближайшее время могут произойти необратимые изменения в содержании когнитивной базы русского лингвокультурного сообщества, следствием таких изменений станет утрата определенных культурных ценностей, зафиксированных в именах героев литературных произведений советского (и не только) периода и, в

конечном итоге, утрата специфических черт, характерных для русской языковой личности.

В заключение следует подчеркнуть, что сегодня в нашем обществе сложилась уникальная ситуация. С одной стороны, на самых разных уровнях все чаще раздаются призывы к сохранению национального своеобразия, собственных ценностей, к воспитанию патриотизма и любви к своей стране. С другой, все эти призывы так и останутся декларациями, если подрастающее поколение будет обучаться по учебникам, содержание которых не нацелено на сохранение традиции, а, напротив, воспитывает личность «глобального» мира, в чьем сознании направленно формируется тенденциозное представление о собственной истории и культуре.

Литература

1. Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 4. Детская психология /под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. – 432 с.

2. Кардонова И.А. Глобализация как социокультурная трансформация институциональная перспектива: автореф. дис. … канд. философ. наук. Иркутск, 2007. – 22 с.

3. Кирилина А.В. Глобализация и судьбы языков URL: http://lgz.ru/article/N5--6356---2012-02-08-/Globalizatsiya-i-sudy (Дата обращения 21.02.2017)

4. Леонтьев А.А. Основные направления прикладной психолингвистики в СССР // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. // Сборник докладов на III симпозиуме по психолингвистике. М.: «Наука», 1972. –142 с.

5. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. –384 с.

6. Maher J.C. Metroethnicities and Metrolanguages // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). - Blackwell Publishing Ltd. – 2010.

РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Т.И. Вендина
vendit@rambler.ru
Институт славяноведения РАН
(Москва)

В современной литературе по диалектологии уже традиционной стала констатация факта, что «диалекты находятся на пороге исчезновения». Причины этого процесса видят, с одной стороны, в экстралингвистических факторах (в разрушении социальной инфраструктуры общества, в его социально-демографических изменениях, в урбанизации сельского населения, в языковой политике государства и т.д.), а с другой – в собственно в лингвистических, в частности, в размывании языковой системы диалектов волнами литературного языка.

В российском языкознании постулат о быстром отмирании диалектов при социализме получил особенно широкое развитие в связи с тем, что в стране долгое время господствовала социальная теория развития этнического языка, в соответствии с которой диалекты должны будут исчезнуть в условиях бесклассового общества. В основе этой теории лежал тезис об отмирании элементов «старого качества» (носителем которых было «отсталое крестьянство», которое в силу своей «мелкобуржуазной сущности» тормозило движение общества вперед) и развитии элементов «нового качества». Позднее этот тезис получил теоретическое обоснование в известной сталинской статье «Марксизм и вопросы языкознания», где заявлялось, что диалекты, представляющие собой ответвления от общенародного национального языка, «лишенные какой-либо языковой самостоятельности, обречены на прозябание». Поэтому интерес к изучению народного языка расценивался как реакционный, «тянувший язык к отсталым формам быта, к отсталой идеологии эксплуатируемых и невежественных масс» (Предисловие к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И.Даля. М., 1935. Т. I. С.14).

Однако, как показала история, эти лингвистические прогнозы вступают в противоречие с процессами, реально протекающими в диалектах, а потому они нуждаются в серьезной корректировке.

Об этом красноречиво свидетельствуют материалы «Общеславянского лингвистического атласа», а также «Лексического атласа русских народных говоров», которые позволяют по-новому взглянуть на современное состояние и развитие этой языковой ситуации. На картах атласов устойчиво повторяется один и тот же ареальный сценарий распределения диалектной и литературной лексики, свидетельствующий о лексической дробности диалектного ландшафта всех славянских языков, что говорит о высокой степени лексической вариативности единиц, находящихся в отношениях дополнительного распределения. Случаи, когда литературная лексема полностью покрывала бы всю территорию того или иного славянского языка, встречаются крайне редко: в южнославянских языках эта ситуация представлена, например, на карте 62 ‘ужин, вечерняя еда’ в распространении лексемы *večer-j-a*; в западнославянских, в белорусских и русских диалектах на карте 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ в распространении лексемы *mèk-a*. (см. т. 6 «Общеславянского лингвистического атласа» «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»). Все эти факты, как представляется, свидетельствуют об устойчивости лексических диалектизмов во всех славянских языках.

Карты этих атласов свидетельствуют еще об одной яркой особенности славянских диалектов – их динамичности. Она проявляется в том, что все славянские диалекты способны к активному порождению эксклюзивных лексем, которые отличительно характеризуют каждый славянский язык либо на всем пространстве Славии, либо в пределах его языковой группы. Примечательно, что многие из этих эксклюзивных лексем имеют обширные ареалы, что является еще одним свидетельством пассионарности славянских диалектов. Особенно ярко это лексическое своеобразие проявляется в русских диалектах (подробнее см. [2]).

Количество отличительно характеризующих русские диалекты эксклюзивных лексем во много раз превышает их число в любом из диалектов Славии, ср., например, такие лексемы, как: vod-o-nos-ъ (*vodo'nos*) к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’; для сравнения в польских диалектах для обозначения коромысла используются лексемы nos-i-dl-a (*nos’id1a*), šand-y (*šọńdy*); в сербских – ob-oìrím-ic-a (*ob'ramica*), čьbьr-ьn-j-ak-

ъ (*ča'bRńak*), в болгарских – kobyl-ic-a (*ko'bilica*), в чешских и словацких – vag-y (*va:hi, wa:hi*) и др.; или prost-o-kyš-a (*prosto'k'iša*) к. 35 ‘сырое кислое молоко’; у большинства южных и западных славян – это понятие передается описательной конструкцией типа kys-ěl-o meìlík-o (*'kiseło m'leko*);

Понятно, что эти эксклюзивные лексемы образовались в русских диалектах не вчера и не сегодня. Многие из них сформировались в глубокой древности, однако их жизнь продолжается и в настоящее время. Это, как правило, лексемы, отличительно характеризующие говоры севернорусского наречия. Они имеют так называемые «маргинальные» ареалы, которые довольно равномерно расположены в периферийных областях севернорусского наречия. Эти ареалы имеют обычно неровные контуры границ, что в соответствии с теорией лингвогеографии, свидетельствует об архаичном характере данной лексемы, оттесненной «иррадиацией волн» из центра на периферию. Такой тип ареала характеризует, например, лексему prost-ъ (*pros'toj*) на к. 3 ‘пустой, ненаполненный’, распространенную в архангельских, вологодских и костромских говорах. На ее былое существование в русском языке указывают памятники древнерусской письменности, ср.: простыи ‘пустой’ – Срезн. II: 1583.

Однако среди эксклюзивных лексем немало и таких, которые сформировались значительно позднее, т.е. они являются уже фактом собственной истории русских диалектов (ср., например, распространение в русских диалектах таких лексем, как *u-stoj-ьk-ъ, sъn-jьm-ъk-y* к. 36 ‘сливки’ или *gъÆrÇb-ъk-ъ* к. 18 ‘горбушка’ и др.).

Обращение к древнерусским словарям подтверждает это предположение, так как большинство из эксклюзивных лексем либо отсутствует в памятниках древнерусской письменности, либо фиксируется в ином значении (ср., например, лексемы *vod-o-nos-ъ* к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ и др.-рус. водоносъ ‘ведро’ Срезн. I: 278). Таким образом, материал «Общеславянского лингвистического атласа» свидетельствует о том, что в диалектах идет процесс перманентного обновления их лексического состава. Одни лексические единицы с течением времени теряют свою образность и свежесть и уходят на периферию, тогда как на их место приходят другие, более яркие и выразительные.

О жизнестойкости диалектов, и в частности лексических диалектизмов, свидетельствуют и материалы национальных атласов славянских языков, особенно лексических атласов. В качестве иллюстрации можно привести ситуацию в русских диалектах, отраженную на картах «Лексического атласа Московской области» А.Ф. Войтенко. Находясь в непосредственной близости к крупнейшему административному и культурному центру, способствующему утрате или нивелировке диалектных особенностей, эти говоры как будто бы должны были давным-давно исчезнуть, однако они довольно хорошо сохранили свою лексику, демонстрируя жизненную силу, богатство и образность народного языка (ср., например, такие диалектизмы подмосковных говоров, как *пу́нька* ‘постройка для хранения мякины’, *твори́ло* ‘подъемная дверь в погреб’, *го́лбец* ‘деревянная пристройка к печи в виде лежанки’, *по́лденка* ‘ведро, в которое доят корову’, *снаря́да* ‘одежда’ и др.). И если это богатство сохранилось в условиях наименее «благоприятных» для выживания диалектного слова, то есть надежда его обнаружить в местах более удаленных от центра.

Справедливость этого предположения доказала развернувшаяся работа по созданию «Лексического атласа русских народных говоров» (материалы для которого собирались в полевых экспедициях в 80-90 гг. XX в.). Карты этого атласа демонстрируют довольно хорошую сохранность лексических диалектизмов (ср., например, распространение таких лексем, как *ве́кша, мысь* ‘белка’; *бирю́к* ‘большой медведь’; *бача́жник* ‘густые заросли кустарника’; *га́йна, гарно́,* ‘нора небольшого зверя’; *голощёка, ела́нь, палести́на,* ‘поляна, открытое место в лесу’ и др.), причем многие из этих диалектизмов были зафиксированы впервые, ибо их нет даже в таких солидных изданиях, как «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и академический «Словарь русских народных говоров», ср., например, такие лексемы, как *леша́к, лесови́к* ‘медведь’; *голощёка* ‘поляна’; *берла́, верло́г, зале́жина* ‘берлога’; *виш, о́морозь* ‘иней’ и т.д.

Несмотря на то, что после выхода в свет словаря В.И. Даля прошло более ста пятидесяти лет, русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия, что особенно ярко проявляется в наличии в них таких слов, которым в литературном языке нет

однословного эквивалента, а имеются лишь описательные конструкции (ср., например, лексемы, представленные на карте ‘густые заросли кустарника’: *бача́жник, густа́рник, за́растель, куста́рщина, пале́жник, чапары́жник, часте́льник* и др.). Следует отметить, что эта ситуация не является исключительной. Материалы «Общеславянского лингвистического атласа» также показали, что во всех славянских диалектах, в пунктах, непосредственно прилегающих к столице того или иного государства, часто фиксируются диалектные, а не литературные лексемы.

Таким образом, и национальные атласы славянских языков, и «Общеславянский лингвистический атлас» свидетельствуют о консервативности славянских диалектов, на протяжении многих веков успешно противостоящих внешним влияниям, а также тенденции к стандартизации. Эта сопротивляемость славянских диалектов в процессе их контактирования между собой и с литературным языком способствует консервации отдельных узколокальных лексем, что ведет к появлению эксклюзивов. Более того, наличие эксклюзивных образований свидетельствует не только о высокой степени сопротивляемости славянских диалектов, но и об их саморазвитии, так как возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия, как от литературного языка, так и от других диалектов. В этой связи закономерно встает вопрос: в чем причина этой лексической устойчивости диалектов в условиях процессов социальной интеграции, протекающих во всех славянских странах?

Ответ, по-видимому, следует искать в самой традиционной культуре, в своеобразии ее языковой картины мира, поскольку восприятие и осмысление человеком мира является производным от его культурно-исторического бытия (подробнее см. [1]).

Необходимо принять во внимание и такую важную особенность диалектов, как их консерватизм. Сочетание в лексической системе диалекта двух прямо противоположных тенденций – динамики и консерватизма – является следствием общего механизма эволюции словарного состава любого языка, основанного на кумулятивном принципе. Именно этот принцип позволяет сохранять лексическую систему диалектов во времени в значительно боль-

шей степени, чем фонетическую или морфологическую. И это хорошо видно на картах «Общеславянского лингвистического атласа», которые продемонстрировали высокую степень сохранности праславянского лексического элемента во всех диалектах славянских языков.

Поэтому пока будет жива традиционная духовная культура, до тех пор будут существовать и диалекты. В этой связи нельзя не вспомнить слова Ф. де Соссюра, говорившего о том, что «нельзя найти в самом языке возможности прекращения его существования, только случайное событие, насилие или непреодолимая высшая сила внешнего характера могут уничтожить его» [5, с. 17].

Кроме того, оптимизм вселяет сама лексическая система диалекта, с ее своеобразной номинативной логикой когнитивного освоения мира. Диалект – это такой же язык, как и любой другой, обладающий свойствами социальной предназначенности, выполняющий коммуникативную, когнитивную и эпистемическую функции. Благодаря этим функциям осуществляется межгенерационная диахроническая трансляция духовных ценностей, достигается духовная преемственность нации, сохраняется этническое самосознание, стабильность этнической традиции.

Оптимизм поддерживают не только внутрилингвистические факторы, но и экстралингвистические, в частности сама история славянских диалектов в XX в. Социальные потрясения, которые пережили все страны в связи с двумя мировыми войнами, локальные войны в южнославянских странах, миграционные потоки населения, диалектные смешения, политическая компрометация крестьянства, драматические по своим последствиям социальные эксперименты (революция, коллективизация, раскулачивание, сознательное уничтожение бесперспективных деревень, как это было в России в середине XX в.), – все эти социальные катаклизмы не смогли уничтожить диалекты. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, национальные и лексические атласы славянских диалектов, а с другой – «Общеславянский лингвистический атлас». Все они демонстрируют огромные пласты сохранившейся диалектной лексики, что говорит о том, что прогнозируемое стремительное исчезновение диалектов в условиях индустриализации общества, повышения уровня жизни населения не подтвердилось даже у этно-

сов с компактным языковым пространством (см., например, ситуацию в словенских или хорватских диалектах). Во всех славянских языках территориальные диалекты довольно хорошо сохраняются и имеют своих активных носителей.

Следует, однако, отметить, что все эти факты нельзя абсолютизировать. Процессы нивелировки диалектов под влиянием, прежде всего, социальных факторов, конечно, протекают. Об этом свидетельствует и изменение образа жизни деревни (и здесь немалую роль играет процесс индустриализации общества), и сужение круга диалектоносителей, и высокий процент среди них образованных людей, и утрата прежней социально-демографической и территориальной замкнутости, локальной ограниченности, и отсутствие социальной коммуникативной престижности диалекта, и т.д.

Нельзя не учитывать и фактор влияния литературного языка. Однако, не отрицая значимости этого фактора, следует признать, что «диалекты и литературный язык представляют собой разнопорядковые явления, взаимодействие которых вряд ли можно интерпретировать столь упрощенно. Тем более, если учесть, что значительная часть сельского населения является лишь пассивным, а отнюдь не активным пользователем литературного языка» [4, с. 170].

Вместе с тем нельзя не признать, что в последнее время все более широкое распространение получила идея престижности диалекта как языка т.н. «малой родины», способствующего этнолокальной идентификации. Об утверждении этой идеи свидетельствует, прежде всего, художественная литература (в частности, такой ее жанр, как «деревенская проза», в которой писатель сознательно использует диалектизмы, чтобы передать своеобразие языка деревни). Понимание того, что диалекты – это культурное наследие этноса, рождает настоятельную потребность их ревальвации, ср., например, опыт сельского учителя Сергея Темняткина из д. Мышкино Ярославской обл., который создал этнографический музей жителей д. Кадки – кацкарей, организовал выпуск газеты «Кацкая летопись» (в которой на диалекте рассказывается о всех деревенских новостях, печатаются различные сказы, предания, частушки и проч.), а в школе ввел уроки по краеведению с изучением местного диалекта [7]. Программа ревальвации диа-

лекта, которую еще в середине прошлого века предложили немецкие ученые Й. Вайсгербер, Х. Амманн [10, с. 147; 9, с. 41], преследует задачу культивирования диалектов, преодоления презрительного к ним отношения, поддержания гордости диалектоносителя за свой родной диалект, введение в старших классов основ диалектологии, привлечение молодежи к сбору диалектного материала и т.д. Реализация этой программы поможет сформировать новое отношение к диалектам, повысить их коммуникативную престижность. Понятно, что в этом контексте особое значение приобретает развитие диалектологии, поэтому существующая до сих пор инерция негативного отношения к изучению диалектов (особенно в педагогических вузах, следствием чего является сворачивание курса диалектологии, отмена диалектологической практики) должна быть преодолена как мешающая поступательному движению вперед.

Поэтому сегодня следует возродить интерес к изучению диалектов, повысить их ценность как памятника культуры и истории, ибо «только так, – по мысли А.А. Шахматова,– мы сможем привить любовь к своему отечеству, уважение к его прошлому, а также веру в его будущее [8, с. 89].

Литература

1. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

2. Вендина Т.И. Русские диалекты в общеславянском контексте. М., 2009.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV, М., 1978-1980.

4. Нещименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.

5. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.

6. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 2003. Т. I–III.

7. Темняткин С.Н. Моя кацкая Русь. Ярославль, 2003.

8. Хрестоматия по методике русского языка. М., 1982.

9. Ammann H. Schutz und Pflege der heimischen Mundart //Nachgelassene Schnften zur vergleichenden und allgememen Sprachwissenschaft. Innsbruck. 1961.

10. Weisgerber J.L. Die Leistung der Mundart im Sprachganzen Vortrag bei der Arbeitsbesprechung uber die Pflege der Mundarten in Recklingshausen am 17 Marz 1956 Munster (Westf).1956.

ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА И ИМПЛИЦИТНЫЙ ХАРАКТЕР КОМИЧЕСКИХ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Н.В. Гладкая
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Креолизованные тексты представляют собой довольно сложное визуально-текстовое единство, в котором вербальные и невербальные элементы синтезируются в визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, целью которого является комплексное воздействие на адресата. Таким образом, информационная составляющая невербальных средств намного превышает вербальные. Основными компонентами креолизованного текста являются вербальная часть (надпись/подпись, вербальный текст) и иконическая часть (рисунок, фотография, таблица). В разных типах текстов они встречаются в различных комбинациях. Процесс восприятия креолизованного текста можно представить в виде двойного декодирования: когда мы извлекаем скрытую (имплицитную) информацию изображения и накладываем ее на вербальный концепт текста – все это приводит к созданию единого смысла креолизованного текста.

Появление подобного рода текстов в интернет-дискурсе обусловливается общими тенденциями интернет-коммуникации: сжатость текста (для экономии времени), наличие feedback (обратной связи, т. е. возможности дальнейшего распространения понравившегося текста, цитаты), оценочность (возможность выразить свое отношение к тексту в категориях нравится / не нравится / репост), объединение текста и изображения, анонимность (позволяет участникам свободно высказываться и самоутверждаться), гипертекстуальность (расширение и развитие любой темы), глобализация (возможность постоянного расширения круга участников коммуникации).

Причиной популярности креолизованных текстов является их развлекательно-юмористический характер. Игра является одной из основных форм коммуникации в сети Интернет, причем она формирует особое виртуальное пространство со своими характерными качествами: обособленностью от времени и пространства,

эмоциональность (как правило, позитивная), свобода самовыражения и т.д. Игровой компонент служит реализации творческих целей, которые предполагают эксперименты над языком, выводят его за рамки общепринятых норм и канонов, а языковая личность в интернет пространстве очень креативна в выборе и использовании речевых средств общения. Интернет – идеальное пространство для формирования и развития смеховой стихии. Игра, как форма коммуникации, выходит за пределы обычного развлечения и формирует отличительные черты самого общения: обособленность виртуального пространства и времени от повседневности, свободу самовыражения, наличие добровольно принятых правил (например, этикетных норм), позитивную эмоциональность и т.д. [4].

Как правило, игровой компонент тесно связан с различными комическими речевыми жанрами. Подобные тексты составляют достаточно большой пласт виртуального пространства. Демотивационные постеры или демотиваторы охватывают достаточно большой процент креолизованных текстов в Интернет-дискурсе. Все демотиваторы создаются по определенному образцу: изображение в черной рамке с комментарием или лозунгом, набранным крупным шрифтом и поясняющей надписью, набранной более мелким шрифтом, но иногда поясняющая надпись может отсутствовать.

Жанр демотиватора соединил в себе как традиционные, так и новые культурные свойства. Как правило, для создания комического эффекта используется смысловая неоднозначность. То есть, демотиватор несет в себе определенный скрытый, имплицитный смысл, который адресат может понять не сразу, а в результате некой мыслительной операции, кроме того, интерпретация полученной информации может быть разной. Имплицитная информация не имеет своего собственного, прямого вербального выражения, ее содержание не получает непосредственного словесного воплощения, но оно становится известным, доступным для адресата сообщения благодаря речемыслительной операции импликации (вывода), извлечения невысказанного из высказанного, то есть из компонентов семантики, представленных в значении материально-языковой формы единиц речи или их элементов.

Этот вывод может зависеть от многих факторов: воспитания реципиента, его культурного уровня, фоновых знаний, общей экстралингвистической информации и др. Поэтому для максимально полного понимания демотиватора крайне важна пресуппозиция: адресат формирует определенный смыл на основе личного опыта и фоновых знаний.

В нашем исследовании представляется уместным понимать явление пресуппозиции в качестве компонента смысла текста, являющегося предварительным знанием, необходимым для адекватного восприятия текста. Иными словами, пресуппозиция когнитивно предшествует высказыванию и предполагает у слушающих наличие фоновых знаний. Понятие пресуппозиции включает в себя как контекст, так и ситуацию, в которой сделано некоторое высказывание.

Для достижения наибольшего успеха демотиватора он должен содержать диссонанс между надписью, бросающейся в глаза, и изображением. Спонтанному распространению подвержена та информация, которая не оставляет равнодушным пользователей по тем или иным причинам (острые социальные вопросы, политические проблемы, игра слов и проч.). То есть личные проблемы и опыт, знания экономической и экологической ситуации в стране, а также социальное окружение определяют комментарии пользователей социальных сетей.

Таким образом, демотиватор обладает культурной коннотацией, благодаря которой адресат может идентифицировать прецедентный феномен. Основываясь на когнитивной лингвистике, комический эффект во многих демотиваторах можно интерпретировать исходя из фреймов-сценариев – структуры данных, предназначенной для представления стереотипной ситуации [6, с.289]. «Самым общим элементом для всех видов юмора является неожиданная смена фреймов: сначала сцена описывается с одной точки зрения, а затем неожиданно (для этого часто достаточно одного единственного слова) предстает совершенно в ином ракурсе» [6, с.293–294]. В случае прецедентности фрейма-образа активируется, как правило, не вся базовая часть фрейма, а только его элементы.

Рис. 1

Рис. 2

К примеру, всем известное выражение *Не трогай – это на Новый год* (Рис. 1) является прецедентным, так как отсылает нас к реалиям нашей жизни, в частности активной подготовке праздничного стола и условной невозможности начать празднование раньше положенного срока, а иконический компонент отсылает нас сразу к нескольким ассоциативным рядам: во-первых – особенности поведения животных в дикой природе, во-вторых – всем известная история «дружбы» тигра Амура и козла Тимура в Приморском сафари-парке. В то же время данный пример содержит в себе четкую концептуально-прагматическую составляющую, имплицитный смысл, т. е. он может быть понят только теми адресатами, которые либо сами являются представителями русской культуры, либо знакомы с национальными особенностями русских граждан. Демотиватор находится на стыке когнитивной и коммуникативной пресуппозиций. Для корректной интерпретации вербального и иконического компонента адресат должен обладать определенными фоновыми знаниями и знаниями в области языка. Смысл любой коммуникативной единицы определяется относительно конкретной ситуации (в данном случае иконический компонент указывает на то, что в природе в непосредственной близости друг от друга находятся тигр и козел, при этом хищник не трогает представителя млекопитающих), а внутренним фактором, обусловливающим действие пресуппозиции в тексте, является неоднородность смысловой структуры высказывания, которая расчленяется на пресуппозицию и сообщение.

Иконический компонент изображения (Рис. 2) отсылает нас к прямому назначению мышеловки – ловля грызунов. Однако вер-

бальный компонент заставляет нас обратиться к когнитивным знаниям, в частности сначала узнать логоэпистему, затем воспроизвести в памяти первоначальный текст, сопоставить исходное значение с производным, а затем только осмыслить трансформированный вербальный компонент и его философское смыслосодержание. Таким образом, мы получаем «эффект обманутого ожидания», а смысловое заключение является результатом взаимодействия семантики сообщения со знаниями слушающего о мире. Кроме того, важно отметить, что трансформированную логоэпистемную единицу *Бесплатный сыр бывает только для второй мышки,* мы можем воспринять без соотнесения с визуальной составляющей, т.е. вербальный компонент является автономным, а следовательно, изображение только усиливает глубинное философское содержание, не вызывая диссонанса между вербальной и визуальной частью демотиватора.

Жанр демотиватора представляется наиболее актуальным для отображения реалий современной жизни, так как в нем соединены вербальная составляющая, которая предполагает сконцентрированную в нескольких фразах мысль, идею и иконический компонент. При этом для достижения наибольшего успеха демотиватор должен содержать диссонанс между надписью, бросающейся в глаза, и изображением. Кроме того, данный жанр отличает высокая прагматическая функция, которая выражается на уровне пресуппозиций. Пресуппозиция не только способствует раскрытию имплицитного смысла высказываний или подтекста отдельных частей высказывания, но также сама пресуппозиция может основываться на знании имплицитного смысла предыдущего высказывания и подтекста предшествующих отрезков текста. Демотиватор, как один из наиболее часто используемых видов креолизованного текста, представляет сложное образование, в котором объединяются и синтезируются вербальные и невербальные элементы и образуют визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, целью которого является комплексное воздействие на адресата. В таком случае информационная составляющая невербальных средств намного превышает вербальные. Процесс восприятия креолизованного текста можно представить в виде двойного декодирования: когда мы извлекаем скрытую (имплицитную)

информацию изображения и накладываем ее на вербальный концепт текста – все это приводит к созданию единого смысла креолизованного текста (демотиватора). Дальнейшее исследование данных явлений представляется актуальным.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М., 1973. - Т. 32. - Вып. 1. - С. 84-90.

2. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – М., 1996. - № 5. – С. 74-85.

3. Бабина Л. В. Об особенностях демотиватора как полимодального текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – М., 2013. – № 2 (20). – С. 28-33.

4. Захаренко И. В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1 –М. : МАКС-Пресс, 1997. – С. 100-115.

5. Канаева Е. Н. Текстовые функции логоэпистемы (на материале газетных заголовков): автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.10 “Русский язык” / Е. Н. Канаева. – Москва, 2007. – 19 с.

6. Минский Н. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / Н. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1998. – 320 с.

7. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Сорокин Ю. А., Тарасов Е.Ф. // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180–186.

8. Щурина Ю. В. Комические креолизованные тексты в интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Вестник Новгородского государственного университета. - № 57. – 2010. – С. 82-86.

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

М.А.Грачев
ma-grachev@mail.ru
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова»
(Нижний Новгород)

В связи со стремлением России к демократии и правовому государству усиливается роль новых дисциплин, связанных с юриспруденческими основами. Возрастает в настоящее время роль суда и судопроизводства, института присяжных заседателей. Многие дела теперь стали рассматриваться в правовом аспекте с учётом различных обстоятельств, в том числе и лингвокриминалистики.

Юридическая лингвистика должна отвечать следующим важнейшим качествам: *быть грамотной, релевантной, информативной, содержательной, понятной, доступной для восприятия, объективной, точной, эмоционально уравновешенной*.

Юридическая лингвистика требует умения создания многих видов документов, без которых невозможно нормальное функционирование физических, юридических лиц и даже государства. Ошибки в составлении документов могут повлечь за собой непредсказуемые последствия. Существует мнение, что основная задача юрислингвистики – исключительно судебные экспертизы или идентификация личности по её языковым особенностям. Но было бы ошибочно полагать, что круг данных экспертиз этим и ограничивается. Практически все спорные вопросы, связанные с языком, могут быть предметом рассмотрения лингвиста-эксперта [2, с.5]. Юрислингвистика как раздел науки о языке в широком смысле преследует цель изучения текста, в узком понимании – это составление лингвистических экспертиз. «…право также ищет ответы на многие вопросы в языке», – справедливо утверждают учёные-эксперты [1, с.146].

Несомненно, обучение проведению судебных лингвистических экспертиз занимает основное место в подготовке эксперта-лингвиста. Но, думается, основы знаний по юрислингвистике должны иметь и практические работники правоохранительных органов. Так, исследователь О.Н. Кравчук справедливо считает, что «значительная часть материалов, направляемых для производства

фоноскопических экспертиз в ЭКУ ГУВД Нижегородской области, не пригодны для идентификации человека по голосу и устной речи ввиду низкого качества записи». Она считает, что в этом повинна не только слабая техническая оснащённость ОВД, но и неподготовленность сотрудников правоохранительных органов [3, с.7].

Наиболее распространённые виды судебных лингвистических экспертиз связаны с оскорблением, негативной информацией (защитой чести и достоинства), установлением авторства, определением содержания понятия товарного знака и экстремизмом.

Иногда можно услышать даже возражения от языковедов и юристов о целесообразности языковой дисциплины «Юрислингвистики».

Перед юрислингвистикой стоит много проблем, решение ряда из них является безотлагательным. Главное, нужно создать специальные комплексные коллективы – лингвистические и юридические – на государственном уровне. Прежде всего, это должно быть связано с лингвистической реформой в области права, то есть язык юриспруденции должен быть понятным, соответствовать требованиям времени. Между тем полицейские протоколы, следственные дела, обвинительные заключения не только неграмотны, но и содержат многочисленные двусмысленности, создающие юридические казусы. В законах мало внимания уделяется правовой стороне языка (например, о суггестивных явлениях в области рекламы, в брошюрах сектантов, в предвыборных кампаниях и проч.). Правовая регламентация использования языка сняла бы напряжённость в межнациональных отношениях, способствовала бы устранению конфликтов, устранила бы экстремистскую (или околоэкстремистскую) лексику в СМИ.

Отрадным фактом взаимодействия является сотрудничество правоохранительных органов с Гильдией лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС): её члены проводят многочисленные заключения и судебные экспертизы, дают консультации правоведам по разнообразным языковым вопросам.

Для юриста очень важно правильное применение всех коммуникативных качеств речи (точность, богатство, логичность, уместность, правильность, чистота, понятность и выразительность), так

как данная профессия подразумевает широкое языковое образование. Эти факторы связаны с языковой нормой и правилами словоупотребления. Соблюдение всех коммуникативных аспектов речи будет способствовать успешной работе правоохранителя.

Именно на этих факторах речи сосредотачивает внимание большинство вузовских учебников по дисциплинам «Русский язык и культура речи» и «Русский язык в деловой документации». И с этим нельзя не согласиться. Знание русского языка для правоохранителя представляет особую значимость: ему приходится вести допросы, переговоры с коллегами, начальством, деловую переписку с различными юридическими организациями, общаться с населением, он вынужден составлять многочисленные документы, причём помогать гражданам в их написании. Кроме того, ему приходится выступать в суде в различных ипостасях: защитника, судьи, государственного обвинителя, свидетеля. Поэтому коммуникативные качества речи имеют огромное значение в деятельности юриста. Между тем, как показывают наблюдения, речь правоохранителей оставляет желать лучшего: неправильное произношение, низкая грамотность, многочисленные стилистические ошибки – все эти речевые недочёты вредят коммуникативным качествам речи.

На первом месте в речи юриста должна быть **точность**. Известно, что официально-деловой язык ради точности порой отказывается от компрессии и даже в некоторых случаях от культуры речи.

К сожалению, часто юристы не только не умеют правильно поставить вопросы перед экспертом-лингвистом, но и не знают элементарных языковых терминов, допускают стилистические, орфографические и пунктуационные ошибки. Юристы плохо знакомы с лингвистическими элементами субкультуры криминального мира. Языковеды же при проведении судебных лингвистических экспертиз до конца не понимают значимости их исследования для юристов, не владеют терминами юриспруденции.

Из всего сказанного напрашивается логичный вывод: нужен единый Центр, который координировал бы действия лингвистов и юристов в области юриспруденции.

Перед юрислингвистикой стоит ряд важнейших проблем, которые нужно решить в ближайшее время: уточнить её место в системе языковедения и криминалистики; очертить круг научных и учебных

дисциплин, связанных с лингвокриминалистикой; определить степень их полезности при решении конкретных задач, в частности, для реформы суда; выработать критерии лингвистической безопасности в СМИ; провести анализ интонации и знаков препинания в судебной лингвистической экспертизе; уточнить особенности негативной информации в СМИ; выявить проявления экстремизма в современных СМИ; описать опыт судебных лингвистических экспертиз, связанных с экономическими вопросами (уточнение значения товарного знака, нарушение законов о рекламе и проч.); разработать основы лингвистических экспертиз, связанных с документами; исследовать особенности речеведческой экспертизы; проанализировать степень влияния элементов криминальной субкультуры на законопослушное общество.

Юрислингвистика имеет связь непосредственно с официально-деловым стилем. Учебная дисциплина «Русский язык в деловой документации» как система знаний и навыков, как одна из составных частей юрислингвистики, обеспечивает эффективное общение между коллегами и партнёрами по работе, руководящим составом, организациями и отдельными лицами. Во всяком случае, в основе её преподавания упор сделан на унификацию, стандартизацию, клишированность, терминированность, логичность, обеспечение усвоения разных видов документализированного текста и собственно документов.

К речи юриста предъявляются повышенные требования с точки зрения грамотности, содержательности, логичности, релевантности (уместности) и коммуникативной целесообразности, эстетики высказывания.

Работа юриста неизбежно требует создания многих видов документов, без которых невозможно функционирование и жизнедеятельность отдельных физических и юридических лиц и даже государства. Ошибки в составлении документов могут повлечь за собой катастрофические последствия. Поэтому очень важно правильно составить документ. И это также одна из проблем, относящаяся к юрислингвистике.

Литература

1.Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства

и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерия, 2002. С.114-122

2.Грачев, М.А. Лингвокриминалистика / М.А. Грачев. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2009. – 280 с.

3.Кравчук О.Н. Научные основы работы со звуковыми следами преступной деятельности. Автореф. дис… канд. филол. наук. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. 24 с.

СИНЕРГЕТИКА ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИНДУСТРИЯ ЛОКАЛИЗАЦИИ

С. С. Дикарева
Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»
(Симферополь)

Современное сетевое пространство представляет собой информационную синергетическую среду функционирования языков в цифровом поликультурном мире. Принципы и цели лингвистической синергетики заключаются в исследовании синергетических функций самоорганизации и саморегуляции всех составляющих модулей языковых систем, включая модуль адаптации к культуре.

Как справедливо отмечал Р. Г. Пиотровский, «лингвисты <…>, начиная с К. Беккера и В. Гумбольдта, не перестают утверждать, что язык является самоорганизующимся организмом. Однако механизмы, обеспечивающие нормальное функционирование РМД (речемыслительной деятельности — С.Д.) при порождении текста индивидом и устойчивое обращение языка в целом и входящих в него терминополей и систем, практически не выявлены. И это неслучайно. Система общенародного языка и РМД отдельного человека функционируют в нейрофизиологической норме удивительно слитно и слаженно, наглухо закрывая «окна» от экспериментатора, через которые можно было бы наблюдать их синергетику» [4, с. 30-31].

Лингвистические технологии наблюдения и изучения синергетики языков и культур в сетевом пространстве включают в себя разработку индустрии локализации как форме культурной адаптации в

задачах технического перевода [2] и когнитивного моделирования сценариев диалогического общения web-аудитории [3].

Необходимым становится включение методов индустрии локализации в университетские программы подготовки переводчиков, формирование у будущих переводчиков профессиональной компетенции о локализации как о форме культурной адаптации, развитие навыков активного использования средств автоматизации технического перевода [1].

Перспективным представляется кроссдисциплинарное изучение синергетики русского языка в контакте с другими языками поликультурного сетевого пространства Крыма. Кроссдисциплинарность предполагает объединение специалистов социо-гуманитарного и естественно-научного профиля (компьютерная лингвистика, веб-инжиниринг, веб-дизайн).

Приводится опыт паспортизации и систематизации сетевого пространства музеев Крыма, анализируется информационная среда, мультимодальность, аудиогиды и видеоресурсы, функции официальных веб-сайтов музеев. В аспекте синергетики интерес представляет локализация информации о музее «Феодосийская картинная галерея имени И. К. Айвазовского на портале Компании **izi.TRAVEL. ПЛАТФОРМА STORYTELLING.** Городские и музейные технологии. Бесплатный Аудиогид. О музее (см. Изображение 1 и Изображение 2.).

Изображение 1. Главная страница официального сайта ФКГА http://feogallery.org

Изображение 2. Web-ресурс Izi. Travel Городские и музейные технологии https://izi.travel/ru/4489-feodosiyskaya-kartinnaya-galereya-imeni-i-k-ayvazovskogo/ru

Литература

1. Ачкасов А. В. Параметры Г. Хофстеде в курсе "Локализация вебсайтов" // Актуальные проблемы переводоведения. Санкт-Петербург, 14-19 марта 2016. Материалы 45 Международной филологической конференции. Под ред. В.И. Шадрина. СПб , 2016. – С. 11 – 15.

2. Беляева Л. Н. Лингвистические технологии в современном сетевом пространстве: *languageworker* и индустрия локализации: монография. СПб.: ООО «Книжный дом», 2016. 134 с.

3. Дикарева С. С. Сценарное моделирование диалогических систем. Принципы лингвистической теории: монография. 2-е изд., перераб. и дополн., Симферополь: «ДиАйПи», 2015. 310 с.

4. Пиотровский Р. Г. Лингвистическая синергетика – автоматическ. переработка текста – терминология // Язык: История и современность. Сборник науч. статей. Под ред. В. В. Богданова. С.-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1996. – С. 30 – 46.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА (НА ПРИМЕРЕ ТИПАЖЕЙ «ЧЕЛОВЕК БОГЕМЫ» И «БОГЕМНАЯ ДЕВУШКА»)

Е.М. Дубровская
schitat.do.sta@gmail.com
Новосибирский государственный технический университет
(Новосибирск)

Отличительной особенностью динамично развивающейся теории лингвокультурных типажей (ЛКТ) является то, что исследования в этой науке находятся на стыке социолингвистики, когнитивистики и лингвокультурологии, что свидетельствует о неоднозначности и сложности исследуемых объектов, требующих привлечения методов разных областей знания. Заинтересовавшись бытованием и динамикой лингвокультурного типажа «человек богемы», мы решили провести многоэтапный социолингвистический эксперимент с целью узнать, является ли рассматриваемый нами типаж актуальным и в каком виде он существует в сознании современных носителей русского языка.

Лингвокультурное моделирование типажей семантического поля «богемный образ жизни» представляется нам интересным по следующим соображениям: 1) ЛКТ «человек богемы» и ЛКТ «богемная девушка» являются в значительной мере идеологически маркированными во временном промежутке, описываемом в художественных текстах XIX-XX вв.; 2) неоднозначное отношение к представителям «людей богемы» со стороны общества сохраняется и в наше время (несмотря на то, что типаж со временем претерпел некоторые изменения).

Под **лингвокультурным типажом,** мы, вслед за В.И. Карасиком, понимаем узнаваемый образ представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества (ср. ЛКТ «английский чудак», ЛКТ «новый русский», ЛКТ «звезда Голливуда» и т.п.) [6, с.8].

В качестве яркого примера демонстрации людей богемы, их мироощущения и поведения в обществе и в кругу подобных себе служит текст романа Б. Акунина «Любовница смерти», поскольку именно в нем наглядно представлена та самая эстетика декаданса,

которая, является утрированным воплощением стремления к богемности того времени, или, иначе говоря, пародией на богемную ментальность. Роман этот построен на игре знаками / приемами / образами поэтики и эстетики декаданса, выразившейся в пародировании такого литературного течения, как модернизм [5, с.39]. Ключевым понятием в данном романе является богема, под которой обычно понимается «артистическая среда с присущей ей особой атмосферой, нравами, жаргоном, манерой одеваться, способами общения» [1, с.273].

Действительно, российская богема того времени (начала XX века) – это творческая (художественная, музыкальная, поэтическая) элита, и, в то же время, её подражатели и обожатели, стремящиеся приблизиться к идеалам, музы художников и поэтов, не создающие ничего принципиально нового, но вдохновляющие на создание шедевров. В этот период любая творческая личность (если она действительно творческая, а не стремится казаться таковой), воспринимается как некий образец и ролевая модель для окружающих, хотя, несомненно, подражатели осознают и неприглядность изнанки артистической жизни. В то же время в Европе «богема» являет собой нечто совсем иное, то явление, которое сегодня принято называть «золотой молодёжью», поколение, не ограниченное ничем и никем, живущее в своём, особом мире, где высшими ценностями является получение удовольствия любыми легальными, а зачастую и нелегальными способами.

Нельзя не отметить, что на российской почве богема обрела куда большую экзистенциальность, что отражено в романе Б. Акунина «Дети Луны», где подчёркивается, что тяготение к смерти, всему декадентскому и увядающему, употребление алкоголя и наркотиков, пассивность по отношению к собственной жизни и всему, что окружает человека, вызваны, в первую очередь, непониманием в семье и отсутствием веры в людей, вызванным холодностью близких и родных. Именно в таких условиях зарождается идея смерти как высшего наслаждения и пиковой, кульминационной точки в жизни, к которой нужно стремиться, и счастлив лишь тот, кто её достиг.

На наш взгляд, человек богемы в сознании носителей языка – неоднозначный образ, основанный на определенных стереотипах,

формируемых, как правило, под влиянием именно художественной литературы, поскольку понятие богемы, бытовавшее в советский и даже постсоветский период, пропитано достаточно искаженными идеологическими установками социалистического реализма. С другой стороны, статус «человека богемы» требовал соответствия определенному набору стереотипов, сложившемуся у современников, особенно обывателей, что порождало не столько последователей, сколько «слепых подражателей», запечатленных разными авторами. Все сказанное позволяет нам предположить наличие в русской лингвокультуре устойчивого образа-представления о том, каков он – человек богемы.

На одном из этапов нашего исследования был проведен социолингвистический эксперимент, целью которого было выявления гендерных различий в восприятии ЛКТ. Исследование показало, что женщины более чётко представляют себе представителя богемы и способны, углубившись в ретроспективу, дать ясные характеристики, касающиеся его внешнего облика и средств самопрезентации. Мужчины же, напротив, больше склонны находить примеры подобных людей в настоящем времени, что нередко приводит к описанию современных «светских львиц» или «гламурных девушек», чьи черты лишь периферийно могут пересекаться с образом «человека богемы».

Если в женских описаниях превалируют описания одежды (*не носит брюки*, *черное приталенное платье, черные перчатки до локтя, одежда от известных и малоизвестных дизайнеров, часто этот дизайнер она сама)*, макияжа (*яркий макияж, сделанный аккуратно, со вкусом, неброский макияж)* и аксессуаров (*маленькие жемчужные бусы вокруг шеи, большое количество браслетов на руках, сигарета и мундштук, кружево*), то мужчины склонны говорить о голосе *(глубокий, хриплый голос, гласные тянет)*, о поведении *(презрение к окружающим, пафос, высокомерность, искусственность)* и когнитивных процессах, характеризующих персонаж *(неприличный смех, туманные выражения, показная загадочность*).

Важно отметить, что мужчины старше 30 настаивали на различении богемного образа и реальной девушки, уточняя с первых слов, что она, прежде всего, драматическая актриса, королева

драмы. Среди мужчин 20-23 лет преобладали такие характеристики, как «*с большими выпуклостями на теле*», «*вся в брюликах*», «*просто очень качественная девушка*».

Интересно проследить спонтанные ассоциации информантов, выражающие их личное отношение, но при этом более точно показывающие их уровень понимания типажа: «*спать ложится рано утром, вечерами всё звонит кому-то*», «*длинные тонкие пальцы с длинной сигаретой*», «*бедняжка, ей так тяжело*», «*гламур, богомол, жеманность, дорогой алкоголь/дешевый алкоголь, пафос*», «*девушка из интеллигентной обеспеченной семьи*», «*экзальтация, сигариллы и мех, нищета, прикрывающаяся напускным лоском*», «*часто падает в обморок*», «*распущенные кудрявые волосы, цветок в волосах*», «*шарф, стихи, сигаретный дым, глааасные тянет и родинка*», «*гедонистка, не чуждающаяся сомнительных и не очень удовольствий*», «*элитарно-культурная барышня без определенного места жительства*», «*высший, но отверженный свет*», «*сколько нужно отваги, чтоб играть на века*», «*персидская шаль и монисто*», «*барышни и дамы, которые спят с поэтами-художниками и т.п., сами немного танцуют, немного рисуют, немного сочиняют, а в общем, чаще всего остаются в памяти потомства не своим творчеством*».

Вторая часть нашего исследования проводилась в два этапа: на первом этапе информантам были предложены пять фрагментов художественных текстов (из романа Б. Акунина «Любовница смерти» и рассказа Н. Тэффи «Демоническая женщина»), описывающих «богемных девушек» и «людей богемы». Испытуемых просили охарактеризовать описываемого человека и по возможности выразить своё отношение к подобным людям. На втором этапе участники должны были ответить на ряд вопросов о том, существует ли в их сознании подобный типаж и чем он характеризуется.

Сравнив полученные нами данные о ЛКТ «человек богемы», реконструированном на материале художественных текстов, и данные о восприятии описываемого представителя богемы современными носителями русского языка (важно отметить, что контексты, выдаваемые нами информантам, не содержали дополнитель-

ных комментариев, поэтому участники эксперимента воспринимали описанного человека как своего современника и выводы делали соответствующие), мы пришли к следующим выводам:

1) информанты отметили

- принадлежность героя к определённому сообществу, субкультуре, что вполне соотносится с выявленной нами понятийной характеристикой ЛКТ «человек богемы» «входит в какое-то сообщество, «кружок по интересам»;

- принадлежность героя к XIX веку – реальному или желаемому: удивительным образом информанты отразили здесь и правильный отрезок времени, представленный в предложенных нами контекстах, и ситуацию, когда люди, стремящиеся стать «людьми богемы», живут в некоем воображаемом мире, чем-то похожем именно на XIX век;

- принадлежность героя к достаточно молодому поколению: с определением возраста затруднений не возникло ни у кого из респондентов, хотя прямого указания на него в текстах не было;

- склонность к театральности, наигранности, неестественности в поведении: демонстративность поведения героев, намеренность и надуманность их действий;

- некоторого рода распущенность: здесь предположения информантов верны лишь отчасти, но, учитывая, что герои стремились позиционировать себя искушёнными людьми, как и положено богеме, своей цели они добились и в глазах обывателя выглядят именно так;

- изменения в жизни героя и в нем самом: предложенные фрагменты создают впечатление переломных и судьбоносных моментов в жизни героев, хотя это являлось лишь очередным проявлением театральности и эпатажности, что даёт нам основания считать, что выбранная героями тактика работает, притягивая внимание окружающих к их действиям [5, с.42];

2) информантами были подчеркнуты некоторые характеристики героев – богемных личностей, которые представляют особый интерес с точки зрения оценочных суждений. Прочитав лишь небольшой фрагмент (не более абзаца из всего текста), информанты дали такие оценки: а) психические отклонения, б) увлечение религией, в) наглость, г) алкогольная зависимость, д) глупость и манерность.

Все это говорит о том, что, видя что-то необычное и непохожее на привычный уклад жизни и привычное поведение окружающих, люди склонны делать скоропалительные выводы, которые далеко не всегда соответствуют реальности, однако формируют у них заведомо негативную оценку того, что, на их взгляд, отличается от привычных поведенческих норм.

На следующем этапе исследования респонденты должны были ответить на вопросы о «человеке богемы» на основании их личного опыта (человеческого и литературного). Итак, в сознании современных носителей русского языка «человек богемы» обязательно принадлежит к сфере искусства (причём как напрямую, являясь поэтом-музыкантом-художником-актёром, так и опосредованно – являясь музой или спутником жизни творческого человека), обладает хорошим образованием, приличными манерами, интеллигентен, но при этом всегда высокомерен, считает себя лучше окружающих и не стесняется это демонстрировать; также информанты отмечают манерность, наличие украшений и аксессуаров, великолепный внешний вид, безупречный вкус и чувство стиля, но не забывают и о вредных привычках и зависимостях.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что, в случае полного незнания о том, какой типаж описывается в тексте, не имея о нем никаких сведений, информанты, опираясь только на свое отношение к описываемому герою, видят в нём преимущественно негативные черты и либо порицают, либо жалеют, четко выражая свою оценку. В случае же предъявления информантам конкретного типажа (в форме вопросов о внешности, поведении, качествах и т.п. человека богемы), но уже без каких-либо контекстов / подсказок, их оценка резко меняется, и респонденты признают, что «человек богемы» – это нечто таинственное, загадочное и вызывающее интерес, при этом они не могут не отметить высокий уровень образования и творческих способностей такого человека. Напрашивается вывод о том, что в обществе нет негативного отношения к человеку богемы как таковому, но существует негативное восприятие тех, кто чем-то (привычками, внешностью, поведением и т.п.) отличается от других.

Лингвокультурный типаж «человек богемы» представляет собой зафиксированное в языковом сознании представление о поведении человека, отличающегося от других в рамках российской

ментальности и действительности. Эти отличия предполагают соотнесение поведения такого человека с «усредненной нормой», и, на основании найденных расхождений, можно определить дифференциальные признаки исследуемого ЛКТ.

Выявление представлений о типовом поведении и дифференциальных признаках «человек богемы» в языковом сознании носителей языка потребовало проведения эксперимента, в котором респондентам предлагалось выявить наиболее яркие и значимые черты данного типажа. На основании: а) анализа полученных результатов (на обоих этапах эксперимента) и б) в соответствии с трёхэтапной моделью выделения лингвокультурного типажа, предложенной В. И. Карасиком, мы смогли составить представление о типаже «человек богемы» в сознании современных носителей русского языка.

Таким образом, на основании анализа результатов социолингвистического эксперимента мы можем сделать следующие общие выводы.

1. Лингвокультурный типаж «человек богемы» представляет собой узнаваемый образ человека, строящийся на ряде определенных черт.

2. Несмотря на то, что типаж этот достаточно шаблонный, основными его характеристиками являются ярко выраженная индивидуальность, творческая натура и интеллигентность.

3. Описанные нами признаки данного типажа, хотя и различаются при описании людей богемы из разных временных периодов, но ядерные признаки типажа являются вневременными и могут быть отнесены как к героям текстов Б. Акунина (стилизация XIX–начало XX вв.), так и к современным образцам «человека богемы», позволяя дифференцировать их как отдельный лингвокультурный типаж, однако на разных временных этапах типаж приобретает новые признаки и особенности, соответствующие времени его бытования, в главном все же оставаясь ЛКТ «человек богемы».

4. «Человек богемы», судя по реакциям информантов, является ещё одним типом интеллигента в современной российской ментальности и практически не вызывает негативных реакций среди респондентов (в отличие, например, от «богемной девушки», которая воспринимается скорее как «девушка гламурная»).

В то же время отношение носителей русского языка к описываемому типажу чётко меняется в зависимости от времени бытования типажа – от понимания и принятия «человека богемы» как творца и человека искусства, до резкого отрицания – в ситуациях, когда человек пытается слепо подражать какому-то существующему в реальности или лишь в его сознании образцу, сам при этом ничего собой не представляя или – как в советское время – не принимая тип «творческого» тунеядца.

Как представляется, полученные результаты позволяют говорить о том, что изучение лингвокультурного типажа не может ограничиваться анализом различного рода текстов (в первую очередь художественных), как это обычно происходит в целом ряде исследований ЛКТ. Представления о лингвокультурном типаже необходимо выявлять с помощью социолингвистического эксперимента, поскольку разница подобных представлений существенна в разных социальных группах носителей языка. Таким образом, социолингвистический аспект изучения лингвокультурного типажа представляется важным этапом в моделировании изучаемых объектов – лингвокультурных типажей.

Литература

1. Бычков В.В. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века: Российская полит. энциклопедия, 2003. – 603 с.
2. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж “французский буржуа» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005.
3. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: Монография. Волгоград: Перемена, 2007.
4. Долгенко А.Н. Русский декаданс как социокультурный и литературный феномен //Русский язык за рубежом. – 2007. – №2.
5. Дубровская Е. М. «Человек богемы» в восприятии современных носителей языка // Идеи и идеалы. Новосибирск, 2016. – С.39-47.
6. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. – С.5-25.
7. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.
8. Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006.

ЛЕКСЕМА *ЩИРЫЙ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ)

Н.И. Иванюк
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского»
(Симферополь)

Одним из ведущих направлений современной лингвистики является изучение языка с позиции его участия в когнитивной деятельности человека. С этой точки зрения язык рассматривается как феномен культуры, а слово – как носитель национально-культурной информации. Следовательно, в лексическом значении слова выделяется **культурный компонент**. Об этом писал Н.Г. Комлев: «Признавая наличие «внутреннего содержания слова», то есть факта, что слово-знак выражает нечто, кроме самого себя, мы обязаны признать и наличие культурного компонента – зависимость семантики языка от культурной среды индивидуума» [3, с. 55.].

Данное языковое явление разными исследователями называлось по-разному. Так, В. фон Гумбольдт писал о внутренней форме языка, В.Н. Телия – о культурной коннотации, Л. Микулина также отмечает существование культурной коннотированности лексики. В работах В.И. Кодухова говорится о культурно-историческом компоненте. А.С. Мамонтов, В.И. Карасик, И.А. Стернин посвятили свои исследования **национально-культурному компоненту значения слов.** Наиболее широко распространенными терминами являются следующие: *культурный концепт* (Д.С. Лихачев, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов), *ключевое слово культуры* (А. Вежбицкая), *безэквивалентная лексика* (Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров), *логоэпистема* (Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров) и другие.

Отметим, что не все описанные выше термины являются абсолютными синонимами. Так, например, не все слова с культурным компонентом являются ключевыми словами культуры. В свою очередь в семантике всех ключевых слов культуры содержится культурный компонент.

Концептосфера русского языка достаточно хорошо описана отечественными лингвистами. Необходимо отметить, что культурных концептов выделяется ограниченное количество. В отличие от

ключевых слов, которые существуют в языке и культуре постоянно или долгое время, слова с культурным компонентом принадлежат определённой эпохе, срок их активной жизни более короток, нежели у концептов и, тем более, у констант [7, с. 84].

В данной статье мы будем оперировать термином национально-культурный компонент в семантике лексических единиц. В «Новом словаре методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)» дается следующее определение: национально-культурный компонент – (от лат. componens – составляющий) компонент значения слова, несущий информацию о национальной культуре народа» [1].

Темой нашей работы является исследование функционирования украинских лексем в русской речи. Мы относим рассматриваемые нами лексические единицы к **украинизмам**, считая последними слова или обороты речи в каком-нибудь языке, заимствованные или созданные по образцу украинского слова или выражения [5]. Многие из анализируемых нами украинизмов содержат национально-культурный компонент значения.

Материалом для нашего исследования послужили русскоязычные СМИ России и Украины.

Ранее мы выделили следующие тематические ряды функционирующих в русской речи украинских лексических единиц, содержащих национально-культурный компонент:

а) лексические единицы, относящиеся к сфере исторических событий, личностей: *гетьман, атаман, казак (однострой, шаровары, оселедець), майдан, чумак*и др. К этой же группе относятся прецедентные имена *бандеровцы, гайдамаки;*

б) лексические единицы, относящиеся к сфере культурной жизни украинцев: *бандура, булава, рушник*и др., прецедентное имя *кобзарь;*

в) лексические единицы, относящиеся к сфере быта украинцев (блюда, напитки, одежда): *борщ, вареники, вышиванка, галушки, горилка, хата, черевички*и др.;

г) лексические единицы, относящиеся к сфере традиций, обычаев украинцев: *вечорницы, колядки, писанка, щедривки* и др.;

д) лексические единицы, относящиеся к сфере государственных образований, становления украинской государственности: *не-*

залежный, помаранчевый, самостийный, рада, жовто-блакитный, мова, ненька (Украина) и др. [4].

Ни в одну из перечисленных групп не вошла лексема *щирый*. Данная лексическая единица является предметом исследования настоящей статьи.

В русском языке слово *щирый* имеет следующие значения: «1. Настоящий, подлинный. 2. Прямой, искренний, горячий». В словаре оно дается с пометами: *устар.* и *обл., а также в украинской речи* [6; с. 1695–1696]. Отметим, что данная лексическая единица зафиксирована в БАС [6] и отсутствует в более поздних толковых словарях русского языка.

В современном украинском языке лексическая единица *щирый* не является устаревшей или территориально ограниченной. Она функционирует в следующих значениях: «1. Прямо, бескорыстно, чистосердечно выражающий свои чувства, мысли; открытый, правдивый. 2. Настоящий, действительный. 3. Самоотверженный, старательный, упорный» [7, с. 585]. Как видим, 1-й и 2-й ЛСВ почти совпадают, однако следуют в разном порядке, 3-й ЛСВ в украинском языке имеет положительную коннотацию, как, впрочем, и все слово в целом.

Наиболее полное толкование слова находим у В.И. Даля: «*юж., зап.* Истинный, сущий, истый, точный, подлинный, настоящий; прямой, откровенный, искренний, чистый, нехитростный, задушевный» [2; 658].

В этимологическом плане лексема *щирый* родственна слову *широкий*. Оба слова имеют общеславянскую основу *ьir-. Польский ученый Брюкнер, использовав некоторые данные Младенова, возводил общеславянское *ьi-r- к индоевропейскому *skei- (r-) - «чистый», «прозрачный», «ясный», «отчетливый». Приходится при этом допустить, что начальные sk на славянской почве подвергались перестановке (sk>ks, kch>ch> ь), что позволяет объяснить происхождение и целого ряда других славянских слов с начальным ch и ь [10, с. 413]. М. Фасмер отмечает, что данная лексическая единица зафиксирована и в других славянских языках: *укр.* щирий «*настоящий, правдивый, прилежный*», *блр*. щыры, *чеш*. ыiry «*чистый*», *слвц*. ыiry, *польск*. szczery «*чистый, искренний*» [9, с. 507–508].

Таким образом, рассматриваемая лексическая единица является общеславянской и изначально не имела национально-культурного компонента значения. Подтверждением этому служат следующие примеры употребления слова *щирый*: *«Отец двоих Шванебахов был **щирый** немец»*; *«Доктор Борн имел все добродетели и пороки **щирого** немца: был трудолюбив, честен, верен своему слову, аккуратен в исполнении своих обязанностей, но притом упрям, своенравен, скуп, грубиян и т.д.»*; *«Булгарин* (польский журналист – примеч.автора), *как **щирый** поляк, не мог разделять этого движения умов»*. Данные примеры взяты из автобиографической книги Н.И. Греча «Записки о моей жизни», написанной в 1849–1856 гг. В них описываемая лексическая единица имеет значение ‘настоящий, истинный', что соответствует первому значению слова *щирый*, представленному в толковом словаре русского языка. Употребление описываемой лексемы во втором значении («искренний, горячий») находим в рассказе В.И. Даля «Круговая беседа» (1856 г.). В нем автор приводит народное белорусское предание об Иване и Анне и пишет: *«… она не могла и не хотела забыть своего **щирого** Иванька»*.

Анализ употребления лексической единицы *щирый* в русской речи в конце XX – начале XXI вв. показывает, что она воспринимается как украинизм. Данный факт обусловлен тем, что, во-первых, в современном русском языке в значениях данной лексемы, зафиксированных в словаре, функционируют эквиваленты этого слова (*настоящий, искренний* и др.), во-вторых, обычно она употребляется в таких сочетаниях, как:

щирый украинец: *«По убеждениям он – хитрый украинский прагматик («**щирый** украинец»)* (РИА Новости, 05.09.2007); *«На Украине сегодня вообще нет незаменимых людей. Даже среди **щирых** украинцев»* (РЕН ТВ, 29.08.2017); *«Там же осталось 2,5 миллиона русских, которых пытались изолировать, превратить в «**щирых** украинцев»* (АиФ, 26.07.2017); *«Среди верхушки Украины украинцев практически нет, тем более «**щирых**»* (РЕН ТВ, 02.08.2017)»; *«… Порошенко, Яценюка, Авакова, Коломойского и других «**щирых** украинцев»* (Рен ТВ, 01.03.2018);

щирый хохол: *«Думаю, что и с командармами в точку мы попали, кто тут не хохол **щирый**?»* (Г.Н. Владимов. Генерал и его

армия (1994)); *«Протестующих сейчас вроде как возглавляет гарный «хлопец», **щирый** хохол Мишико Саакашвили»* (РИА Новости, 24.10.2017); «*И любой некогда **щирый** хохол вынужден теперь потуже затягивать поясок»* (ТК Звезда, 18.10.2017);

щирый хлопец:*«Чтобы «получить стрелу» от **щирого** украинского **хлопца…**»* (Комсомольская правда в Украине, 25.08.2013).

Следует отметить, что слово *щирый* в последнее время приобрело в российской прессе ироническую, иногда негативную коннотацию, которой, как уже было сказано, нет в украинском языке. Так, лексическая единица *щирый* стала употребляться в сочетании с неологизмом *укр* – лексемой, не зафиксированной ни в одном словаре, однако активно функционирующей в разговорной русской речи и имеющей значение ‘украинец’ с негативной коннотацией: *«Это тоже «**щирый** укр» никогда не говоривший на мове, и не совсем славянского происхождения»* (Сегодня.ру, 21.06.2015 (http://www.segodnia.ru/content/162288); *«Майдан был проведен под руководством западных кураторов и местных олигархов, среди которых «**щирых** укров» не было вообще* (Сегодня.ру, 19.04.2016 (http://www.segodnia.ru/content/174965)); *«Этот самый Кобзарь для **щирых** укров – фигура не просто культовая…»* (Крымское эхо, 07.03.2018).

Так, в последние годы слово *щирый* стало употребляться в таких словосочетаниях:

щирый патриот: *«Военная и экономическая нестабильность, деиндустриализация и риск столкновения с «**щирыми** патриотами»* (Россия в глобальной политике, 09.04.2018); *«На Украине уверены, что это москали специально морили голодом **щирых** патриотов Незалежной»* (Комсомольская правда, 25.11.2017); *«Украинским властям приходится лавировать, чтобы как-то успокоить доморощенных «**щирых** патриотов»* (РИА Новости, 30.08.2017); *«… самого **щирого** и упертого свидомого патриота»* (Комсомольская правда, 23.10.2017);

щирый нацист: *«…обосновывают свою борьбу против России и русских «**щирые**» нацисты «під трізубом и жовто-блакитным прапором»* (Крымское эхо, 17.04.2018).

Встречаются примеры употребления лексемы *щирый* в сочетании с другими словами: *«хохляцкий **щирый** менталитет»* (Обозреватель, 07.11.2017); *«… обычные украинцы все-таки смогут дотянуться до опереточного оселедца чересчур **щирых** соотечественников и вернут их с кривых тропинок на нормальную дорогу»* (Беларусь сегодня, 20.11.2017); *«Вернувшийся в законное российское подданство полуостров Крым не дает покоя украинским властям – потеряли «**щирый** ломоть»* (ТК Звезда, 03.11.2017); *«**щирая** Украина»* (Совершенно секретно, 31.07.2017) и др.

Отметим, что лексема *щирый* может выступать в роли как обычного, так и субстантивированного прилагательного, обозначая как качество, так и его носителей: *«И эта кучка «**щирых**» держит за горло всю страну»* (Крымская правда, 22.05.2003).

Наряду с прилагательным *щирый* функционирует существительное *щирость*, употребляющееся в значении «искренность, подлинность чувств» *(«Она привлекала к себе своей **щиростью**»* (из разговорной речи)), либо с целью подчеркнуть, что данный человек является украинцем по национальности: *«Украинозвучащих фамилий было недостаточно, «иудам» требовались дополнительные доказательства их **щирости**»* (Обозреватель, 31.08.2006); *«А вот те, кто уже тогда гордились своей свидомостью и **щиростью…**»* (Комсомольская правда, 27.01.2015); *«…плюнули министры на **щирость** и свидомость и стали дальше розмовлять на русском»* (Комсомольская правда, 05.12.2014).

Анализ примеров употребления лексической единицы *щирый* позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемая лексема активно используется в русской речи. В XIX веке она употреблялась только в значении ‘настоящий, истинный, подлинный’, а также в значении ‘искренний’. Подобные примеры функционирования описываемой лексической единицы можно встретить и в настоящее время: *«щирые европейцы»* (Правда.ru, 22.02.2018); *«Он человек такой, создавал впечатление такого **щирого** русака»* (Говорит Москва, 25.01.2018)), однако они единичны.

В конце XX века в связи с политическими событиями, происходящими на Украине, произошла пересемантизация лексемы *щирый* в русском языке. Слово приобрело такие семы: ‘украинский’, ‘истинно украинский’, ‘имеющий отношение к Украине’. В связи с этим употребление данной лексемы являлось показателем

положительной оценки говорящего или пишущего украинцам. В данном значении зафиксированы примеры как в русскоязычных СМИ Украины, так и в российских. В последнее время в связи с очередными политическими изменениями на Украине и в России, наряду с названным выше семами, появилась их негативная коннотация. При этом любое употребление лексемы *щирый* и его производных в русской речи является фактом функционирования украинизмов в русском языке.

Литература

1. Азимов, Э.Г., Щукин, А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, Н.Ю. Щукин. – М.: Икар, 2009. – 448 с.

2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т./ В.И. Даль. – М, 1990. – Т.4.

3. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова/ Н.Г. Комлев. – М., Наука, 1969. – 192 с.

4. Николенко, Н.И. Украинизмы в русской речи / Н.И. Николенко // Русский язык и литература в учебных заведениях. – Киев, 2008. – №1. – С. 33–39.

5. Ожегов, С.Ю., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка/ С.Ю. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 2006. – 944 с.

6. Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти томах. – М.– Л., 1954. – Т.17.

7. Словник української мови: в 11 томах. – К.: Наукова думка, 1980. – Т. 11.

8. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М., 1997. – 824 с.

9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т./ М. Фасмер. – СПб., 1996. – Т.4.

10. Черных, П.Я.Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т./ П.Я. Черных. – М., 1999. – Т.2.

СТРУКТУРА ЯЗЫКОВОГО СМЫСЛА «УСЛОВИЕ» В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Т.В. Калугина
tvkalug@mail.ru
ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»
(Симферополь)

Современные ономасиологические исследования можно распределить а) по направлениям исследований – на когнитивную, функциональную, структурно-семантическую подпарадигмы антропоцентрической научной парадигмы; б) по описываемым уровням – на деривационную, лексическую, морфологическую и синтаксическую ономасиологию; в) по временному срезу – на синхронную и диахронную ономасиологию [1, с. 62].

В последние десятилетия считается актуальной теория языковых смыслов в интерпретации Н. Ю. Шведовой. Она позволяет определить стратегическое направление лингвистики на ближайшее время. По словам Н. Ю. Шведовой, данная категория может определяться как самое общее универсальное понятие, реализуемое при помощи разноуровневых языковых единиц [3, с. 466].

Е. Н. Сидоренко даёт следующее определение языкового смысла: «…Это семантико-функциональное объединение разнородных по структуре единиц именования» [2, с. 42]. В труде «Языковые смыслы и ономасиологические средства их выражения» автор выделяет 5 типов ономасиологических единиц, вербализующих языковые смыслы: 1) слово, 2) предложно-падежная форма, 3) словосочетание особого типа, семантически эквивалентное слову, 4) лексия или «составное слово», 5) фразовый номинант. Слово является нерасчленённой ономасиологической единицей, остальные единицы именования – расчленёнными [2, с. 62].

В медиадискурсе умение обозначить условие является неотъемлемой частью языковой компетенции журналиста.

Цель настоящей статьи – представить и охарактеризовать ономасиологическую структуру языкового смысла «условие» на материале современной публицистики.

В ономасиологический ряд, выражающий языковой смысл «условие», входят слова, предложно-падежные сочетания; лексии; фразовые номинанты. У этой категории отсутствует однословный

местоименный категоризатор. Его роль выполняет лексия *при каком условии?*.

Нерасчлененным ономасиологическим средством выражения языкового смысла «условие» в публицистике является слово. По частеречной характеристике это могут быть местоимения, деепричастия, глаголы.

К прономинальным средствам выражения категории «условие» относится местоименный ряд, включающий вопросительное местоимение *когда*, указательное местоимение *тогда*, отрицательное местоимение *никогда*, обобщающе-выделительные местоимения *всегда, иногда*. Термин «местоименный ряд» введен Е. Н. Сидоренко в 1972 г. и обозначает совокупность прономинативов разных семантических разрядов с одинаковой денотативной основой, условным началом которой является вопросительное местоимение.

Интересной особенностью публицистики является то, что при выражении условия активно используются глаголы в повелительном наклонении: *Он, разумеется, понимает, что* ***случись*** *что в Одессе, крайним назначат именно его и это может стать последней каплей, которая переполнит чашу терпения его американских работодателей* (http://news-front.info/2016/04/27/naskolko-velik-risk-novogo-krovoprolitiya-v-odesse-yurij-selivanov/). *Другого выхода у королевства не оставалось, так как,* ***сохранись*** *подобные темпы падения резервов и далее, уже к концу 2017 года можно было бы смело ставить на стране крест.* (http://news-front.info/2016/04/22/zhadnost-saudovskaya-araviya-dvizhetsya-k-katastrofe-).

К расчлененным ономасиологическим средствам выражения языкового смысла «условие» в политическом медиадискурсе относятся деепричастные обороты. Например: ***Вернувшись с деньгами и ярлыком****, Порошенко имел возможность сломать ситуацию в свою пользу* (http://news-front.info/2016/03/31/poroshenko-petlya-zatyagivaetsya-rostislav-ishhenko/). *Контролируя Берлин, союзники смогли бы установить контроль и над 80-90% территории Германии. ...****Получив такие козыри****, союзники бы вежливо вытеснили СССР из Германии* (http://news-front.info/2016/04/13/berlin-dolzhen-stat-rossijskim-rostislav-ishhenko/).

Кроме деепричастных оборотов, языковой смысл «условие» выражают предложно-падежные формы с непроизводными и производными предлогами *в, при, при условии, с условием, в случае, в*

случаях, в формате, на фоне. Однако ***в реалиях*** *нынешней Украины —* ***при*** *ожесточенной гражданской* ***войне*** *в Донбассе, огромном* ***количестве*** *«идейных отморозков», прошедших боевые действия и усиливающейся* ***дееспособности*** *центральной власти — предложение «Правого сектора» выльется в банальную махновщину и кровавую анархию* (http://news-front.info/2016/04/03/yarosh-xochet-prevratit-ukrainu-v-zonu-ato-). *Другое дело, что подобные делишки пока делаются полулегально, а* ***в случае принятия*** *"закона Яроша" получат дополнительную легитимность* (http://news-front.info/2016/04/03/yarosh-xochet-prevratit-ukrainu-v-zonu-ato-yurij-sergeev/). *Украина, во всяком случае —* ***в формате её галицко-католической ментальности****, это историческая колыбель и кузница профессиональных геополитических перевертышей, а попросту говоря — предателей* (http://news-front.info/2016/04/21/besslavnye-ublyudki-ukrainskaya-versiya-yurij-selivanov/). *Массовая армия военного времени – это и есть весь народ, который постоянно держать на армейской службе* ***в условиях мира*** *невозможно* (http://news-front.info/2016/06/15/opyt-v-otstavku-ne-uxodit-yurij-selivanov/). *Однако стоит какому-нибудь обиженному олигарху обеспечить таким акциям медиаподдержку, и* ***при наличии*** *на руках легального* ***оружия*** *их успех может быть куда более убедительным, особенно с учетом непопулярности нынешних властей у озлобленного нищетой населения* (http://news-front.info/2016/04/03/yarosh-xochet-prevratit-ukrainu-v-zonu-ato-yurij-sergeev/). *Поэтому ЕС и отдельные его страны готовы играть в регионе подчиненную по отношению к США роль —* ***при двух условиях****: учет европейских стратегических интересов и их военно-политическая автономия в вопросах защиты этих интересов на месте* (http://news-front.info/2016/02/24/ssha-teryaet-soyuznikov-iz-za-neftyanogo-bumeranga-rostislav-ishhenko/). ***На фоне несостоятельности*** *порошенковской «децентрализации», при общем понижении уровня жизни не надо удивляться, что «латентный сепаратизм» становится обычным явлением на Западной Украине* (http://news-front.info/2016/04/03/vetry-separatizma-na-zapadenshhine-andrej-).

Наиболее распространенным и традиционным расчлененным средством выражения языкового смысла «условие» является фразовый номинант в виде придаточной части сложного предложения

(придаточное условия): *Да и то – про Россию вспоминают только* ***если российские новости связаны с Украиной*** (http://news-front.info/2016/02/04/demokratura-v-ssha-kulya-v-lob-bez-fokus). *Так в каком же случае Россия может атаковать Прибалтику, или Польшу, или любую другую страну мира? В одном-единственном –* ***если возникнет серьезная угроза безопасности государства*** (http://news-front.info/2016/02/06/stalina-bez-gitlera-ne-byvaet-anton-krylov/).

Синкретизм языковых смыслов «условие» и «время» реализуется фразовыми номинантами с союзом *по мере того как*: ***По мере того как США оказываются не в состоянии обеспечить ЕС гарантии данных условий****, политика Евросоюза в регионе становится более самостоятельной (Меркель явно заигрывает с Эрдоганом), но одновременно менее внятной и последовательной, ориентированной на решение не стратегических, а сиюминутных проблем* (http://news-front.info/2016/02/24/ssha-teryaet-soyuznikov-iz-za-neftyanogo-bumeranga-rostislav-ishhenko/).

Желательное условие передают фразовые номинанты, состоящие из глагола *быть* в повелительном наклонении и имени существительного или местоимения в именительном падеже. Например: ***Будь моя воля****, я организаторов сходок надолго отправил бы валить лес* [Аргументы и факты, 2003.01.29].

При обозначении условия активно используются связанные словосочетания, состоящие из предлога, имени прилагательного / местоимения и имени существительного: *в критической ситуации, в лучшем случае, в худшем случае, в любом случае, в противном случае, при таких обстоятельствах, при таком раскладе.* Например: *Такое государство, не имеющее сильного внутреннего стержня, — духовных скреп, схватывающих общество подобно цементу и делающих его крепче, — уже не может сопротивляться серьезным вызовам и просто «рассыпается»* ***в критической ситуации*** (http://news-front.info/2016/03/30/duxovnye-skrepy-russkogo-mira-andrej-knyazev/). *Решение, которое будет принято в отношении Савченко, будет невыгодно для Украины* ***в любом случае*** (http://news-front.info/2016/04/01/nikto-ne-vspomnit-arina-matveeva/). ***В противном случае*** *через несколько лет, боюсь, ненависть поменяет направление с востока на запад, и галичанам при-*

дется затаиться в своих киевских квартирах, которые они отжали у хозяев, и постараться вообще никак себя не проявлять (http://news-front.info/2016/04/01/kogda-nuzhno-sobirat-majdany-pavel-shipilin/). *Поэтому на позитивный для «евроукраинцев» результат референдума* ***при таких обстоятельствах*** *рассчитывать не приходилось* (http://news-front.info/2016/04/07/zrada-zrad-tyulpany-protiv-sala-aleksandr-rodzhers/). *Более того,* ***при таком раскладе*** *шансы добежать до Ростова у правящей элиты будут равны нулю* (http://news-front.info/2016/04/05/ukraine-vsya-bezumnaya-bolnica-u-ekrana-sobralas-yuliya-vityazeva/).

Для выражения языкового смысла «условие» используются лексии *в случае чего, ни при каких обстоятельствах, ни при каких условиях, при каких условиях.* Например: *Таким образом, к активным действиям против Одессы предрасположен именно киевский режим. Который уже развернул соответствующую пропагандистскую «артподготовку», чтобы* ***в случае чего****, тут же все свалить на Россию* (http://news-front.info/2016/04/13/tochka-bifurkacii-dlya-ukrainy-yurij-selivanov/). *Вызывающую ненависть коррумпированностью, тупостью, предательским поведением, лживостью власть украинцы могут простить, но если ненавидимый политик ещё и еврей, то прощения он не дождётся* ***ни при каких обстоятельствах*** (http://news-front.info/2016/04/21/valcmanizm-grojsmanizm-kak-zaklyuchitelnyj-etap-majdana-rostislav-ishhenko/). *Личным побуждением это быть не может никогда и* ***ни при каких условиях*** (http://news-front.info/2016/03/29/strax-i-uzhas-v-moskovii-zaxar-prilepin). *Нацболы совместили то, что совмещаться не могло* ***ни при каких условиях*** *— и, тем не менее, партия была едина, крепка, организованна, взрывоопасна* (http://svpressa.ru/society/article/145330/). *Офшоры, кроме оптимизации налогообложения, обеспечивают анонимность владельцам активов — информация о реальных бенефициарах не раскрывается* ***ни при каких условиях*** (http://news-front.info/2016/04/11/ofshory-v-trende-andrej-manojlo/). ***При каких условиях*** *назначение Турчинова может стать реальным сценарием?* (http://news-front.info/2016/02/24/premer-turchinov-sposoben-pogruzit-ukrainu-v-novuyu-vojnu/).

Полученные результаты подтверждают то, что в структуру языкового смысла «условие» на морфологическом уровне входят

местоимения, деепричастия и глаголы, а на синтаксическом уровне – расчлененные ономасиологические единицы: предложно-падежные формы; фразовые номинанты; словосочетания, эквивалентные слову; лексии. При этом наибольшей популярностью в медиадискурсе пользуются предложно-падежные формы и фразовые номинанты.

Литература

1. Калугина Т.В. Ономасиология в современной научной парадигме / Т.В. Калугина // Система і структура східнослов'янських мов. – К., 2014. – Вып. 7. – С. 56–64.

2. Сидоренко Е. Н. Языковые смыслы и ономасиологические средства их выражения: монография / Е. Н. Сидоренко. – Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. – 127 с.

3. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы [Текст] / Н. Ю. Шведова / Рос. Акад. Наук; Отд-е историко-филол. наук; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 640 с.

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Т.Г.Крапотина
tgk_phil@mail.ru
ГБОУ ВО МО «Академия социального управления»
(Москва)

В настоящее время изучению особенностей функционирования фразеологических знаков и механизма их включения в высказывание, сообщение, текст отводится значительное место в разработке теории номинации, прагматики, текстологии. Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что для адекватной интерпретации любого текста (в том числе публицистического и художественного) необходим комплексный учет как эксплицитных значений, так и всевозможных имплицитных смыслов, к средствам актуализации которых можно отнести прецедентность как языковой феномен.

Впервые термин «прецедентный текст» был использован Ю.Н. Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на

VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 г. Ю.Н. Караулов называет прецедентными тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с. 216].

Под явлением прецедентности в данной статье понимаются как прецедентные тексты, так и прецедентная речь. Прецедентный текст (прецедентная речь) – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности. Прецедентный текст (ПТ) – это опорный текст, который служит основой для аппликации, аллюзии, парафраза, то есть фигур интертекста. Нельзя не признать, что использование приемов, связанных с опорой на уже известный текст (имя, событие и т.п.) служит созданию выразительности, экспрессивности вновь создаваемого текста[16].

Прецедентные феномены – это важная составляющая национальной картины мира, способствующая приобщению к национальной культуре и национальным традициям в рамках глобальной цивилизации и с учетом общечеловеческих ценностей.

При этом нельзя не учитывать, что неоднозначность фразеологического языкового знака позволяет говорить о глубинных смыслах фразеологической единицы (далее ФЕ), которая стремится к актуализации более или менее конкретного значения (этого требует смысловое эксплицирование ФЕ, как и любого языкового знака). Смысловое эксплицирование в свою очередь связано «с учетом в интерпретации содержания единицы позиции говорящего или пишущего, компетентности интерпретатора, а также социальных условий, характеризующих заданный текстовой отрывок» [9, с. 12]. Причем вербализация в высказывании (тексте) названных видов знания – «не что иное, как включение прецедентности в речетворческую деятельность пишущего и программирование актуализации прецедентных явлений в рецептивной деятельности читающего» [5, с. 221].

---

[16]Однако, как пишет В.П. Москвин, «выразительный эффект приемов, связанных с опорой на текст, не будет нулевым, если хотя бы один из возможных адресатов знает текст-ассоциат; в противном случае неизбежна коммуникативная неудача» [7, с. 503].

Итак, нельзя переоценить роль фразеологических единиц (в том числе и фразеологических выражений) в создании прецедентных текстов. Хранящиеся в коллективной памяти народа и воспроизводимые при создании новых текстов языковые единицы (в том числе пословицы и поговорки, крылатые слова и выражения) как репрезентанты прецедентных текстов в разных аспектах стали предметом изучения в последние десятилетия [См., напр.: 1; 2; 4; 5; 8; 11; 12; 13 и др.].

Можно утверждать, что явление прецедентности – одна из ярких примет современной прессы. Так, в последнее время активно используются прецедентные тексты-заголовки в газетно-публицистическом дискурсе, а также в дискурсе интернет-изданий, что связано прежде всего с важнейшими особенностями публицистического стиля – стандартом и экспрессивностью.

В современном публицистическом дискурсе можно назвать два основных варианта использования фразеологических средств: фразеологические единицы в средствах массовой информации (СМИ) могут быть представлены, во-первых, как буквальное воспроизведение фразеологизма и, во-вторых, как воспроизведение с известными модификациями.

1. Буквальное воспроизведение фразеологических единиц (нетрансформированные цитаты), при этом узуальный переносный смысл устойчивых оборотов, пословиц, поговорок, крылатых выражений и т.п. сохраняется. Напр.: ***раздача слонов:****Первые недели после Олимпиады – время* ***раздачи слонов.*** *Сегодня российские чемпионы и призеры Игр в Пхенчхане идут на торжественный прием к Президенту страны, после чего им будут вручены подарочные иномарки от Фонда поддержки олимпийцев России* (Интернет, сайт sport.mail); ***пойти по чьим-л. стопам:*** *Кейт Миддлтон* ***пошла по стопам*** *принцессы Дианы. Герцогиня Кембриджская стала главной героиней юбилейного номера популярного издания о моде. Сотрудничество с британским Vogue у Кейт произошло впервые. Для фотосессии Кейт надела кольцо Виндзоров – таким образом, Миддлтон выступает преемницей легендарной леди Ди* (Интернет, сайт regnum.ru); ***расставить точки над i.*** *Телеведущий сделал очередное сенсационное заявление. Вчера Борис Корчевников лишь намекнул, что пока не намерен уходить из «Прямого эфира», где работает с 2013 года. Сегодня он решил*

окончательно ***расставить*** *все* ***точки над «i».*** *Поклонникам Борис объяснил, что пока речи о смене работы не идет, а также рассказал, что зрителей ждут еще более интересные выпуски ток-шоу* (Интернет, сайт news-decent.com); ***кесарю – кесарево****: Я с уважением отношусь к тем, кто шьет сам. Но, как говорят,* ***кесарю – кесарево****. Все же отдадим предпочтение тем, кто шьет профессионально* (ТВ. 1-й канал. Передача «Модный приговор»); ***камня на камне не оставить / не останется****. В советское время был такой анекдот: «Армянское радио спрашивают: «Будет ли третья мировая война?» Армянское радио отвечает: «Нет, не будет, но будет такая борьба за мир, что* ***камня на камне не останется****»* (ТВ. Передача «Русский взгляд»).

2. Воспроизведение фразеологических единиц с различными модификациями, при этом источниками прецедентных выражений (в данном случае ПТ-заголовков) в современной прессе могут выступать: 1) литературные цитаты: ***Мороз и солнце, дом чудесный…***(ср.: «Мороз и солнце, день чудесный…», стихотворение А.С. Пушкина «Зимнее утро»); ***Ночь, девушка, велосипед*** (о велопараде в Москве); ***Ночь, дворники, фонарь, аптечка****: начали действовать новые правила техосмотра* (ср.: «Ночь, улица, фонарь, аптека…», стихотворение А.А. Блока); ***Десять технологий, которые потрясут мир*** *-2018* (ср.: название книги Д. Рида «Десять дней, которые потрясли мир»); 2) цитаты из художественных фильмов, песенные цитаты: ***СМИ, моя радость, усни*** (ср.: колыбельная песня «Спи, моя радость, усни!...», автор слов С. Свириденко); ***С чего начинается Турция?*** (ср.: «С чего начинается Родина?» из к/ф «Щит и меч», автор слов М. Матусовский); 3) лозунги советской эпохи, коммунистические лозунги: ***Интеллигенция всех стран, объединяйся! Жить стало лучше, жить стало веселее***; 4) пословицы и поговорки: ***Кто рано встает, тому дог подает***; ***Глаза боятся – ноги делают***; ***Мал кредит, да дорог***; ***Мал, да Урал*** (о екатеринбургской баскетбольной команде «Урал»); 5) библеизмы: ***Кесарю – кесарево, слесарю – слесарево***.

Исследование трансформационного потенциала ПТ показало активное использование в газетно-публицистическом дискурсе типовых трансформаций, в которых замена лексических компонен-

тов контекстуально обусловлена тематикой статьи. Известная цитата, образованная по модели «Х – звучит гордо» (А.М. Горький), способствовала образованию других типов модификаций: ***Специалист – звучит гордо***; ***Патриот – звучит гордо***. Цитата используется и в рекламе: ***Финансовый консультант – звучит гордо***. Приведем примеры типовых трансформаций ПТ «Особенности национальной охоты»: ***Особенности современного бракосочетания***; ***Особенности экзаменационного тестирования***; ***Особенности прибалтийского юмора***; ***Особенности строительной кухни***.

Типовые трансформации характеризуются новым семантическим содержанием, а также оценочностью и экспрессивностью. Способы трансформации заголовков-цитат различны, наиболее продуктивными являются следующие: 1) замена компонентов; 2) усечение компонентов; 3) добавление компонентов и др. Самым распространенным способом модификации ПТ, по нашим наблюдениям, является лексическая субституция: ***На воде и шапка горит*** – о разбазаривании государственных денег; ***Долг платежом страшен***; ***Его голыми ногами не возьмешь***; ***Друзья познаются в еде***.

Еще один способ преобразования ПТ-заголовков – усечение компонентов, напр.: ***Огонь, вода и…***; ***Тварь я дрожащая или…*** Могут одновременно реализовываться сразу несколько способов преобразования исходного текста, например, замена компонента и усечение части высказывания: ***Юристом можешь и не быть…***; или замена и добавление компонентов в пределах одного текста: ***Вечером деньги, о стульях – забыть***. Реже используется такой способ преобразования ПТ, как добавление компонента: ***Служить бы рад. Законов лишь не знаю***. Возможны ПТ повествовательного типа, преобразованные в вопросительные: ***Пешеход – это звучит гордо?*** Возможна контаминация: ***Протяну ноги в хорошие руки***; ср.: *протянуть ноги* и *отдать в хорошие руки*. Также возможно расширение лексического состава: ***Хватая за горло, береги зубы***; ср.:*хватать за горло.*

Еще один распространенный прием использования ФЕ в современном дискурсе – буквализация. Ср.: ***Мудрецы и зубные врачи всегда смотрят в корень***; ***Быть на побегушках*** (участвовать в соревнованиях по бегу); ***Плевое дело депутатов*** (подзаголовок: *Когда в зале заседаний дерутся, плюются, кидают друг в*

друга папками с бумагами…); *Быть привлекательной и* ***остаться с носом****: флешмоб носатых женщин*[17].

Рассмотрим проблему семантического варьирования фразеологизма и его функционирования в исследуемых текстах сквозь призму пресуппозиции и импликации. Во всех представленных нами случаях когнитивная обусловленность прецедентности как факта речи заключается в кодировании/декодировании информации, переданной от адресанта к адресату, при этом в процесс производства речи включаются хранящиеся в памяти когниции – знания прецедентных текстов.

Понимание (декодирование) текстов с фразеологическими оборотами вызывает определенные трудности, которые прежде всего связаны со знанием/незнанием дотекстовой информации, то есть со знанием/незнанием пресуппозиции, роль которой, безусловно, велика для процесса понимания высказывания в целом.

Рассмотрим пример высказывания с известной ФЕ ***прокрустово ложе:*** *ЕГЭ по литературе – это нонсенс. Несомненным и неувядаемым шедевром стал вопрос: «Назовите героя романа “Война и мир”, у которого самая длинная борода» (ЕГЭ по литературе 2007 г.). Специально или в силу своей убогости разработчики пытаются втиснуть в* ***прокрустово ложе*** *своих представлений о назначении литературы вечные вопросы русской классики, что отнюдь не способствует воспитанию нравственных представлений у «юношей, обдумывающих житье»* [Открытое письмо учителей г. Отрадное Самарской области. Газ. «Советская Россия»]. Для декодирования данного высказывания необходимыми являются предшествующие, дотекстовые (внетекстовые) знания содержания ФЕ ***прокрустово ложе*** *(книжн.*) – “то, что является мерилом для чего-л., к чему насильственно подгоняют или приспосабливают что-л.” [14, с. 221]. Более того, адресату может быть известен древнегреческий миф, в котором рассказывается о том, как разбойник Полипемон, сын Нептуна, по прозвищу Прокруст (др.-

[17] Заголовки и цитаты извлечены из изданий периодической печати: «Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Российская неделя», «Российские вести», «Независимая газета», «Огонек», «7 Дней», «КоммерсантЪ».

греч. букв. “растягивающий”), укладывал схваченных им путников и вытягивал ноги тем, кому это ложе было мало, или отрубал ноги тем, кому оно было велико [10, с. 397].

Или еще один очень яркий пример, который свидетельствует о том, что для декодирования высказывания необходимо воспроизведение уже известных знаний: *Нет сомнения, что коррупция давно проникла в систему образования. Здесь свои способы отмывания денег – новые реформы и их уродливые порождения: ЕГЭ, проекты, ФГОСы. И все это под видом инновационных технологий. Прав был корреспондент «Радио России», заявивший, что знаменитые* ***«Рога и копыта»*** *из известного романа Ильфа и Петрова – детсад по сравнению с ЕГЭ* [Открытое письмо учителей г. Отрадное Самарской области. Газ. «Советская Россия»]. ***«Рога и копыта»*** – название 15-й главы сатирического романа «Золотой теленок» советских писателей Ильи Ильфа и Евгения Петрова. В ней говорится о фиктивном предприятии – «конторе по заготовке рогов и копыт», организованной великим комбинатором Остапом Бендером. Следовательно, импликатура выглядит следующим образом: “иронически о заведомо мошенническом предприятии”.

Итак, как видим, адресат может полностью декодировать имплицитную информацию благодаря пресуппозиции, причем понимание информации здесь опирается не на формально-грамматические признаки, т.к. в данном случае «грамматический анализ может быть обойден и понимание сообщения может быть результатом простой догадки или, говоря точнее, простого воспроизведения прежнего опыта» [6].

Таким образом, понимание фразеологизма не ограничивается расшифровкой его внешней грамматической структуры, но включает и переход к его внутреннему смыслу, или «подтексту». Другими словами, «наиболее существенным условием понимания смысла целого текста является оценка внутреннего, скрытого смысла, стоящего за сообщением» [6].

Анализ употребления ФЕ в современном публицистическом дискурсе продемонстрировал динамичный характер фразеологии, определил тенденции к различным семантическим, структурно-семантическим и другим изменениям. Как показали наши наблюде-

ния, фразеологический образ исследуемых единиц может трансформироваться в двух направлениях: в направлении буквализации и в направлении усложнения, изменения отдельных фрагментов, а часто всего образа в целом.

В заключение можно сделать вывод о том, что «арсенал прецедентных текстов – это значительное проявление национального своеобразия языка и наиболее полное проявление взаимосвязи условий существования народа, его культуры, его языка и ментальности» [8, с. 11]. В результате, подтверждается мысль о том, что развитие прецедентной семантики у фразеологической единицы – это важная часть концептуализации и оценка действительности в рамках национальной картины мира.

Литература

1. Гудков Д.Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка. //Язык, сознание, коммуникация. М., 1998. Вып.4. Филология. – С.82-92.

2. Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. №4. – С.106-118.

3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

4. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // РЯЗР. 1994. №1. – С.73-76.

5. Лисоченко О.В. Риторика для журналистов: прецедентность в языке и речи. Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 318 с.

6. Лурия А.Р. Письмо и речь: нейропсихологические исследования. М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 352 с. [Электронный ресурс – режим доступа: http://i-u.ru//biblio/archive/lurija_pismo/06.aspx].

7. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 940с.

8. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: Монография. Екатеринбург: УралГПУ, 2007. – 207 с.

9. Помыкалова Т.Е. Дискурс как фактор эксплицирования семантики единиц фразеологического признака // Фразеология и когнитивистика: Материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4–6 мая 2008 года): в 2 т. / Отв. ред. Н.Ф. Алиференко. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. – С.9-17.

10. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / СПбГУ; А.К.Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; Под ред.

В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 926 с.

11. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: Автореф. …канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский ГПУ, 1999. – 18 с.

12. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000. – 128 с.

13. Соболева М.А. Прецедентные феномены как составляющая языковой личности// Язык образования и образование языка: материалы Междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 11–13 июня 2000 года). Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000. – С. 287-288.

14. Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Войнова и др.; Под ред. и с послесл. А.И. Молоткова. 7-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2006. – 542 с.

МУЗЫКА В РЕКЛАМЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Д.Г. Куренова, О.Е. Павловская
Кубанский государственный технологический университет
Кубанский государственный аграрный университет
(Краснодар)

«Без музыки жизнь была бы ошибкой»
Фридрих Ницше

Современные рыночные условия, характеризующиеся высоким уровнем конкуренции, диктуют необходимость постоянного поиска новых форм эффективного воздействия на потребителя. Одним из таких инструментов влияния является используемая в рекламе интермедиальность.

Интермедиальность как признанный «диалог культур» [4, с. 153] активно используется в рекламе, выполняя ряд задач и проявляя при этом определенную специфику [1]. Собственно рекламный текст, сплетаясь воедино с семантической неоднородностью разных художественных культур (литературы, театра, кино и др.), создает новое многослойное сообщение, которое определенным образом влияет на читателя / слушателя. Большое значение в этом новом сообщении играет музыка.

О влиянии определенных ритмов на организм человека известно давно. Так, в Древнем Египте нервные заболевания лечили при помощи музыки, считая, что мелодичные ритмы служат лучшим

средством от бессонницы. Древнегреческий философ Платон считал, что музыка восстанавливает гармонию души и соединяет ее со Вселенной; высокоэффективной считалась методика Авиценны в лечении душевнобольных музыкальными композициями. В Древней Руси активно использовали музыку от сглаза, музыкой снимали порчу, лечили разные хвори, но самой полезной музыкой считали колокольный звон и церковные песнопения [5].

Научные исследования, проведенные учеными Heriot-Watt University (HWU), доказали зависимость между предпочитаемыми человеком музыкальными жанрами и его характером. Так, ученые доказали, что поклонники блюза креативны, общительны, вежливы и высокомерны; среди любителей джаза чаще всего встречаются творческие, приветливые люди с завышенной самооценкой; любители ритмичной танцевальной музыки относятся к экстравертированному типу личности, обладают творческими способностями, но не отличаются хорошими манерами и т.д. [3]. Результаты данных исследований могут способствовать целенаправленному выбору музыкальных произведений, используемых в рекламе.

Анализ различных видов рекламы показывает, что музыка для озвучивания может использоваться по-разному: в качестве фона для поддержания хорошего настроения; в качестве комментариев к сюжету ролика; в виде песни с рекламным текстом; в качестве звукового товарного знака фирмы; в качестве привлекающего фактора к ролику [2].

Для фонового звучания чаще всего привлекаются популярные зарубежные и русские мелодии. Так, например, в рекламе кофе «Эгоист» фоном звучит мелодия известной группы Enigma – TNT for the brain. А в анимационном ролике от продакшн-компании Psyop и агентства Barton F Graf показана история уныния, надежды, поражения и победы под звуки песни «Калинка» в исполнении Ивана Ларионова, задорное исполнение которого изначально ориентирует зрителей и слушателей на победу. Видео этого рекламного ролика, размещенное на YouTube 25 декабря 2017 года, собрало более 22 млн просмотров. Для незатейливого видеоряда рекламы браузера Opera 50 фоном звучит зажигательная музыкальная композиция "Oh Wow!" в исполнении ZBRAS, призванная подчеркнуть все достоинства нового браузера.

Часто слова популярной песни подстраивают под тематику рекламного ролика, изменяя при этом текст полюбившегося шлягера, например, в рекламе KFC «Хиты меню по 50 рублей» (Россия, 2017) слова песни в исполнении Потапа и Насти «Чумачечая весна» («Пришла и оторвала голову нам чумачечая весна, И нам не до сна, И от любви схожу я с ума, чумачечая весна, чумачечая») заменены на следующие: «Пришла и оторвала голову нам чумачечая цена, И нам не до сна. И от цены схожу я с ума, чумачечая… Лонгер, курица и другие хиты по 50 рублей в KFC».

Сохранив мелодию в рекламе МегаФона «Безлимитные мессенджеры в роуминге (Россия, 2017), авторы рекламного ролика изменили текст песни «Пластилиновая ворона» в исполнении Григория Гладкова:

Пластилиновая ворона	Безлимитные мессенджеры в роуминге
Нам помнится вороне А может быть собаке А может быть корове Однажды повезло Прислал ей кто-то сыра Грамм думается двести А может быть и триста А может полкило	Кого бы ещё поздравить? А может быть пилота, с ним сели очень мягко. Тогда и стюардессу, да-да-да-да-да, через чатик наберём. А может капитана, сейчас кину ему селфи. Забыли футболистов, их ждёт тяжёлый год. Пиши без остановки, шли фото и видосы, Ведь в Мегафоне роуминг, доступный безлимит. Безлимитные мессенджеры в роуминге всего за 99 р в сутки. МегаФон.

Музыка в рекламе может быть не просто фоном, оттеняющим сюжетную линию, она становится частью сюжета, вплетаясь в коммуникативную канву повествования. Так, например, в рекламе Arko Men «Что выбрать?» (Россия 2018) новый трек исполнителя Коляна Наумова «ARKO Men BLACK. Ничего обычного» полностью раскрывает тему с помощью музыкальной композиции, которая становится неотъемлемой частью рекламы.

Именно так построен и сюжет рекламного ролика от бренда «Билайн» и креативного агентства Contrapunto «Безлимит для безлимитной русской души» (Россия 2017). Мелодия рекламы представляет собой русскую версию песни известного британского композитора Робби Уильямса «Party Like A Russian». Герой рекламного ролика, в роли которого выступил ведущий передачи «Орел и Решка»

Петр Романов, под авторский текст убедительно показал, что русский человек, оказавшись в отпуске, не хочет себя ни в чем ограничивать, и в общении по интернету также: «Вот и солнце на ладошке с попугаем на рассвете, И на пальме, и под пальмой, и с ослом, а между этим Сериалы на балконе с безлимитным интернетом. От души. Party Like a Russian, все пляжи наши, у бассейнов пляшем». В данном случае музыкальное сопровождение авторского текста стало основой рекламного сюжета, выполняя коммуникативную функцию ПРИЗЫВА обратить внимание на новую услугу Билайна (купить, заключить договор и т.д.).

Еще более сложную функцию выполняет музыкальное сопровождение рекламы М. Видео «С Новым годом нас!» (Россия 2017). Крупнейший российский продавец электроники и бытовой техники компания М.Видео запустила новогоднюю кампанию 2017 года, основным элементом которой стал праздничный имиджевый мюзикл-ролик. Компания сняла новогоднюю короткометражную историю, сюжет которой построен вокруг ряда случайных встреч незнакомых друг с другом людей. Связующим звеном между ними становится известная песня «Три белых коня» из культового фильма «Чародеи», напевая которую герои передают её от одного к другому вместе с отличным праздничным настроением.

Съёмки ролика происходили на ночных улицах Москвы, в кафе Coffee Room на Старом Арбате, в торговом центре "Гудзон" и в магазине "М. Видео" на Садовой-Спасской.

Главный лозунг компании «М.Видео» «Нам не все равно» имплицитно скрыт в песне, смысл которой лучше всего раскрывают слова руководителя департамента маркетинговых коммуникаций "М.Видео" Юлии Зариповой: *"Иногда все, что нужно, – это попасть в настроение. Передать тому, кто рядом, улыбку, радость, строчку из песни. Мы хотим не просто давать лучшие возможности для покупки. Мы хотим сердцем быть рядом с нашими клиентами в радостные минуты. Создавать эти минуты для них"* [6]. Думается, что в подобных случаях мелодия выступает в рекламе как звуковой товарный знак, использование которого можно рассматривать как элемент нативных коммуникаций.

Таким образом, интермедиальность в рекламе проявляется включением музыки в рекламный текст. При этом музыка выполняет ряд функций: служит фоном для создания определенного настроения; входит составной частью в сюжет рекламного ролика,

часто являясь его основой; выполняет роль звукового бренда, становясь основой рекламного сюжета. При этом все описанные функции музыки в рекламе выполняют и еще одну, самую главную функцию – мелодия влияет на покупательское поведение аудитории, стимулируя потенциальных покупателей проявлять интерес (выбирать, покупать, заключать договор, сделку и т.д.) к рекламируемому объекту.

Литература

1. Куренова Д.Г., Павловская О.Е. Специфика интермедиальных связей в рекламном дискурсе // Русский язык в поликультурном мире : Материалы I Международного симпозиума. Симферополь, 2017. С 294-297.

2. Роль музыки в рекламе [Электронный ресурс] // https://vuzlit.ruz/246502/ production_library / Дата обращения 22.02.2018

3. 8 фактов о влиянии музыки на работу головного мозга [Электронный ресурс] // https://lpgenerator.ru/blog/.../8-faktov-o-vliyanii-muzyki-na-rabotu-golovnogo-mozg

4.Тишунина Н.В. Специфика интермедиальных связей в рекламном дискурсе // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Выпуск №12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 149-154.

5. https://reproduktor.net/spravki/vlijanije-muzyki-na-chjelovjeka-intjerjesnyje-fakty/

6. http://www.rwr.ru/news/design/design_35707.html

РУССКОЕ СЛОВО В ПОЛЬСКИХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «NIE»)

М. Маршалек
marmarsz@ukw.edu.pl
Университет Казимира Великого
(Быдгощ)

Наши наблюдения над печатными СМИ 2000−2015 гг. убеждают в том, что тезис о широком применении русского слова в польской публицистике, который мы выдвинули ранее с известной осторожностью [1, 2, 3], сегодня находит себе прямое подтверждение в многочисленных фактах. Например, в журнале «Polityka», относящемся к наиболее влиятельным еженедельникам в сфере общественно-политической жизни, в исследуемый промежуток

времени выявлено 833 единицы (3596 словоупотреблений), из которых лишь 30 процентов приходится на давние заимствования (кодифицированные и узуального употребления). Остальные 70 процентов составляют «новые» языковые номинативные знаки, раньше в польских печатных массмедия – насколько нам известно – не отмечаемые [4]. Многие из них относятся в русском языке к разговорной лексике, находящейся на периферии литературной нормы, к собственно просторечным грубым и бранным экспрессивам, а также к нецензурным обсценизмам [12]. Активное использование таких слов является следствием, с одной стороны, тенденции к огрублению польской публичной речи, а с другой − особого интереса журналистов к сниженным пластам русской лексики [ср.: 12].

О том, что русское слово занимает в системе выразительных средств современного публицистического дискурса заметное место, убедительно свидетельствуют также те количественные данные, которые получены нами в результате изучения текстов, опубликованных в других всепольских периодических изданиях: «Wprost», «Newsweek Polska» или «Nie».

В данной статье мы ограничимся рассмотрением русскоязычных элементов только в одном из них – в сатирическом еженедельнике «Nie», поддерживающем политические организации социал-демократической направленности. Материал выбран из 780 номеров с 2000 по 2015 год.

Количество русизмов (языковых и речевых знаков) составляет 364 единицы с общим числом употреблений – 1467. Частота их повторений варьирует от 1 до 148.

К русизмам, употребление которых ограничилось одним или двумя случаями, относятся, например, следующие единицы: **agitka** (6/2013), **babuszka** (23/2012), **bez wodki nie razbieriosz** (46/2008), **bieri** (43/2011), **błat** (44/2011), **bradziaga** (51−52/2008), **choczet** (50/2012), **chołodno** (43/2011), **Czaj nie vodka – mnogo nie wypijosz** (1/2012), **da** (45/2009), **dogawor** (20/2013), **drug druga** (17/2015), **eurosojuz** (47/2012), **gaicznik** (17/2009), **gomosek** (1/2013), **izwinitie** (36/2014), **katiusza** (19/2000, 30/2011), **katorga** (44/2011), **katorżnik** (16/2010), **kazaczok** (25/2012), **kipiatok** (1/2010), **kołchoz** (38/2010), **komsomołka** (8/2011), **kułak** (26/2013), **kwartał** (43/2008), **lesbijanka** (1/2013), **matros** (21/2012), **mudak** (1/2013), **naczalstwo** (17/2009, 37/2010), **NEP** (3/2012), **nielzia**

(21/2010), **nrawstwiennost** (38/2011), **ochrana** (41/2012), **tak zażywiom** (38/2011), **otkat** (47/2008), **paszła won** (29/2014), **pieregońszczyk** (15/2012), **podarok** (47/2008), **podonok** (1/2013), **politruk** (49/2008), **rajkom** (1/2010), **razwiedka** (36/2009, 42/2012), **sambo** (42/2013), **skatina** (1/2013), **sotka** (17/2009), **stanica** (37/2013), **takoje bezobrazije** (41/2012), **towariszcz** (26/2010), **tuszonka** (43/2008), **ukaz** (47/2008, 1/2010), **uszanka** (3/2011, 3/2012), **wańka-wstańka** (25/2012, 50/2012), **wpieriod** (30/2011), **wredny** (25/2012), **wremienny wwoz** (2/2013).

Средней повторяемостью (от 3 до 9 раз) отличаются, например: **aparatczyk** (14/2010, 31/20102, 8/2011, 38/2012, 43/2011, 49/2013), **batiuszka** (23/2008, 51−52/2008, 41/2012, 48/2012, 8/2014), **bumaga** (39/2009, 31/2010, 1/2011, 19/2011, 7/2013), **chłyst** (51−52/2011), **czajnik** (10/2014), **eksy** (41/2012, 3/2015), **gensek** (5/2008, 25/2010, 43/2011, 48/2012), **gospodin** (15/2010, 26/2010), **ikona** (51−52/2011, 4/2012, 33/2015), **kobiel** (1/2013), **kolektywizacja** (3/2012, 45/2013, 13/2015), **krasnoarmiejec** (5/2003; 21/2008, 49/2008, 28/2009, 12/2010), **nielegał** (9/2000, 14/2010, 14/2010), **nieudacznik** (29/2010, 31/2010, 39/2010), **obłast** (26/2008, 32/2009, 51−52/2011, 4/2012, 17/2012), **pogranicznik** (38/2009, 14/2010, 16/2011, 17/2011, 34/2012, 1/2014), **Politbiuro** (29/2008, 15/2010, 46/2010, 16/2011, 43/2011, 25/2012), **raskolnik** (51−52/2011), **wierchuszka** (43/2009, 5/2011, 6/2011, 19/2011, 15/2012, 6/2015, 12/2015, 20/2015), **wziatka** (40/2008, 47/2008), **zagwozdka** (50/2008, 5/2010).

К числу русскоязычных элементов, характеризующихся наивысшей частотой повторений (10 и более раз), относятся, например: **car –** 10 (44/2011, 47/2011, 51−52/2011, 2/2014, 39/2014, 3/2015, 18/2015), **dacza** – 12 (17/2009, 38/2010, 31/2011, 26/2012, 33/2012, 6/2014), **łagier** – 12 (26/2009, 1/2010, 21/2010, 29/2010, 31/2010, 34/2010, 2/2011, 38/2011, 33/2014, 5/2015, 13/2015), **czerwonoarmista** ‘красноармеец’ – 18 (16/2010, 20/2010, 23/2010, 35/2010, 42/2010, 49/2010, 20/2011, 21/2011, 23/2011, 37/2012, 16/2013, 45/2013, 18/2015), **czystka** – 20 (14/2010, 15/2010, 25/2010, 28/2010, 31/2010, 38/2010, 9/2011, 16/2011, 36/2011, 4/2012, 17/2012, 48/2012, 25/2012, 3/2013, 7/2013, 8/2013, 6/2015, 13/2015, 29/2015), **Duma** – 31 (2/2000, 10/2000, 4/2000, 9/2000, 47/2010, 43/2011, 49/2011, 50/2011, 3/2012, 16/2012, 17/2012, 37/2013,

2/2014, 9/2014, 10/2015, 12/2015, 15/2015), **NKWD** – 49 (10/2000, 14/2000, 48/2009, 10/2010, 15/2010, 21/2010, 23/2010, 26/2010, 31/2010, 6/2011, 16/2011, 17/2011, 20/2011, 23/2011, 28/2011, 25/2012, 41/2012, 46/2012, 18−19/2013, 34/2013, 45/2013, 9/2014, 3/2015, 6/2015, 8/2015, 13/2015, 15/2015, 40/2015), **Tupolew** / **tupolew** – 67 (44/2010, 52−53/2010, 2/2011, 4/2011, 5/2011, 6/2011, 7/2011, 8/2011, 16/2011, 32/2011, 33/2011, 46/2011, 51−52/2011, 4/2012, 25/2012, 6/2013, 16/2013, 17/2013, 23/2013, 46/2013, 48/2013, 40/2014, 17/2015, 40/2015, 43/2015, 45/2015), **Ruski** / **ruski** ‘лицо, относящееся к русской нации’ – 148 (10/2000, 19/2000, 2/2008, 5/2003, 4/2008, 18/2008, 38/2008, 43/2008, 49/2008, 51−52/2008, 26/2009, 39/2009, 43/2009, 48/2009, 4/2010, 10/2010, 11/2010, 18/2010, 19/2010, 20/2010, 21/2010, 25/2010, 29/2010, 31/2010, 35/2010, 36/2010, 37/2010, 45/2010, 45/2010, 49/2010, 52−53/2010, 16/2011, 1/2011, 2/2011, 3/2011, 6/2011, 20/2011, 22/2011, 23/2011, 25/2011, 35/2011, 43/2011, 1/2012, 4/2012, 6/2012, 16/2012, 18/2012, 24/2012, 25/2012, 33/2012, 40/2012, 49/2012, 2/2013, 14/2013, 16/2013, 18−19/2013, 34/2013, 35/2013, 39/2013, 48/2013, 1/2014, 9/2014, 11/2014, 33/2014, 1/2014, 36/2014, 37/2014, 40/2014, 43/2014, 16/2015, 18/2015).

Как компонент публицистической речи русизмы представлены в еженедельнике двумя типами: системными заимствованиями, уже вошедшими в лексический запас польского языка (104 единицы с общим числом словоупотреблений – 680), и дискурсивными вкраплениями, то есть такими элементами (окказионального, временного употребления), использование которых продиктовано лишь коммуникативными потребностями конкретного субъекта во вполне определенной речевой ситуации (260 единиц, 787 употреблений) [подробнее о дискурсивных вкраплениях см.: 5]. Появление системных заимствований исследователи связывают с длительным периодом сосуществования польского и русского народов в пределах единого государства (1772−1918) и с образованием Польской Народной Республики – союзника СССР [ср.: 11]. К заимствованиям того времени, активизировавшимся в публицистических текстах «Nie», относятся, например: **batiuszka**: *Kupiłem u jakiegoś batiuszki pasek z wytłoczonymi słowami modlitwy* (23/2008); **bezprizorny**: *Walczył tam z nadmiarem polskich sierot bezprizornych* (7/2013); **blin**: *Bliny z Jelcyna* (2/2000); **bumaga**:

Matka odczekała 6 lat i poszła z bumagą do ichniego starostwa (39/2009); **chłyst**: *Nie wszyscy wiedzą, że nie do końca należał też do prawdziwego Kościoła, lecz do chłystów* (51−52/2011); **czerezwyczajka**: *Poeta nazwał ją „ruda Hajka z czerezwyczajki”* (7/2013); **czynownik**: *pokazuje się jako twardy oponent Ameryki i państw Unii, a dla swoich czynowników jako gwarant tego, że w kontaktach z Zachodem nic się nie zmienia* (12/2015); **katorżnik**: *musi się cackać z niedoszłym katorżnikiem i przymilać do „zbrodniarza”* (16/2010); **liszeńcy**: *Wcześniej „byli ludzie” (liszeńcy) nie mieli prawa głosowania* (13/2015); **matrioszka**: *Bierut nie był Bierutem, ale sowiecką matrioszką* (6, 2010); **naturszczyk**: *Zasadą SP Company jest, że aktorki i aktorzy to naturszczycy* (28/2009); **okroszka**: *Popularność zyskały: okroszka, typ chłodnika na kwasie chlebowym, wszelkiego rodzaju sałatki* (33/2012); **prospekt**: *Następnego dnia około 1000 kibiców Spartaka przeszło prospektem Leningradzkim* (2/2011); **rubaszka**: *Czas zaciskania pasa na rubaszce* (33/2012); **swołocz**: *Swołocz! – wołał ścigając utracone zyski menedżer wyszynku* (5/2003); **tuszonka**: *dżinsowe spodnie za puszki tuszonki* (43/2008); **ustrojstwo:** *Tego, że ferrari to ustrojstwo niebezpieczne, dowiódł dziennikarz Maciej Zientarski* (49/2010) [ср.: 6, 7, 10, 13].

Системные заимствованные единицы функционируют в публицистическом тексте или как инструмент передачи фактологической информации, ср.: *IPN będzie przez nadchodzące lata szukał dowodów winy* ***bolszewików*** (49/2008); *cała reszta rodzeństwa należała do* ***mieńszewików*** (26/2010); *Liderzy „****Komsomołu****” zaproponowali powołanie młodzieżowej przybudówki* (9/2000); *Zatrudniały 3 tysiące ludzi w systemie trójbrygadowym. W pierwszym 10-leciu po wojnie głównie* ***kułaków*** *uchylających się od kontyngentów dla wielkomiejskiej klasy robotniczej* (26/2013), или как средство выражения оценки. На оценочность таких единиц указывает, с одной стороны, наличие аксиологического компонента в толковании их значения, например: **wierchuszka** ‘*z* ***niechęcią*** o najwyższych kręgach władzy’ [ср.: 9]: ***Wierchuszka*** *białostockiego ZUS potwierdziła domniemania premiera* (43/2009), с другой – узаконенная оценка, выражаемая в словарях стилистическими пометами, сигнализирующими возможное экспрессивное воздействие определенного слова, например: **Ruski** ***lekcew***. a. ***pogard***. ‘Rosjanin’ [ср.: 8]: ***Ruscy*** *mieli w Legnicy swoją wojskową klinikę* (43/2008).

Специфическим следствием, вытекающим из наличия в семантике и прагматике давних заимствований эмоционально-оценочных компонентов, является тот факт, что они нередко включаются в заголовки и подзаголовки статей, чтобы пробудить любопытство читателей и желание узнать, что за данными названиями скрывается, ср.: *Prywatka dla* ***szpionów*** (9/2000); *Gen* ***genseka*** (5/2008); *Subtelna różnica między Iranem a* ***Iwanem*** (7/2008); *Mleko i* ***walonki*** (14/2008); *Hamburger z* ***Iwana*** (18/2008); *Zlot malkontentów i* ***nieudaczników*** (24/2012); ***Sukinsyny*** (19/2014).

Использование вкраплений имеет в отличие от «классических» заимствований свою специфику, которая выражается в следующем.

Вкрапления не воспроизводятся в исконном графическом облике, а приспосабливаются к новым условиям существования, ассимилируясь путем транслитерации, например: ***U nas dolary, drugich dienieg niet*** *– komunikują* (1/2014); *W* „***Odnokłassnikach***" *jest mnóstwo żartów o baćce* (27/2013); *dwóch młodych osiłków na nietanich motocyklach ściąga większe zainteresowanie bandziorów niż* ***diewoczka*** *przypominająca 12-letniego Rumuna* (34/2012), транскрипции, например: *W ciągu 2010 roku ją uchetali, nowy dzierżawca nalał tylko paliwa –* ***i pajechali***! (29/2011), или транслитерации с элементами транскрипции, например: *To tzw.* ***depresiwnyje goroda*** (38/2011); *przynajmniej trzy osoby katastrofę przeżyły* (*dawały* „***żizniennyje rieflieksy***") (38/2012). При этом они могут функционировать в нескольких графических вариантах, например: **Transneft** / **Transnieft**: *Podobny mechanizm Nawalny odkrył w przedsiębiorstwie* ***Transneft*** (50/2010); *Został akcjonariuszem takich firm, jak Gazprom,* ***Transnieft*** (50/2010); **innostronny** / **inostrannyj**: *rozbójnicy zakopiańscy upojeni winem i muzyką techno* na *masce* ***innostronnego*** *Mercedesa wydrapią gwoździem*: *dupa* (5/2003); *Przejęci deklaracją, że* ***inostrannyj*** *lyngłydż wykuje na blachę do 1 grudnia, postanowiliśmy pomóc premierowi* (36/2014).

Введение окказионализмов, правильное понимание которых затруднительно или невозможно, нередко снабжается комментариями авторов, поясняющими их значение, например: „***Bieżeńcy***" ***– tak nazywa się tutaj ludzi, którzy uciekli z byłych republik radzieckich, ale nie mogą się doczekać obywatelstwa*** (32/2009); *Mierkułow miał powiedzieć*: ***My s nimi sdiełali balszuju oszybku***

(***Popełniliśmy z nimi wielki błąd***) (16/2011); *Stalin swoją wczesną pozycję w partii bolszewickiej zawdzięczał* „**eksom**”, ***czyli napadom rabunkowym na instytucje państwowe w celu zdobycia funduszy dla partii*** (41/2012); *16 obywateli miejscowości Prioziersk zwróciło się do sądu, twierdząc, że nie zgadzają się posługiwać osobistym numerem identyfikacji podatkowej* (***INN***, ***odpowiednik polskiego NIP***) (4/2012); *A czy podczas* **maslenicy** (***to święto odpowiadające mniej więcej naszemu tłustemu czwartkowi***, ***tylko zamiast pączków zjada się bliny***) *wolno blinami przykrywać jeża*? (48/2012).

В отдельных случаях авторы снабжают вкрапления более развернутыми пояснениями, в которых указывают, с одной стороны, на ограниченные возможности полной передачи их значения с помощью польского языка, например: *Ludziska robią sobie z ojczulka Piotra jaja, zadają najdziwniejsze pytania, a on poważnie na nie odpowiada. Odpowiedź najczęstsza brzmi*: ***Griesznowato***. ***Jednym słowem nie da się tego przetłumaczyć***. ***Dosłownie znaczy to trochę grzesznie***, ***ale takie tłumaczenie gubi smak wyrażenia*** (48/2012), с другой – на социальный контекст высказывания, ср. комментарий к фрагменту известного стишка начала 80-х гг., появившегося в ответ на предстоящее подорожание водки: *W lutym media poinformowały o podwyżce cen na wódkę. Jewgienij Kisielow komentarz o tym doniesieniu zastąpił dowcipem z początku lat 80. o reakcji narodu na spodziewane podwyżki cen na alkohol*: ***„Jeśli budiet bolsze, sdiełajem kak w Polsze”***. ***Innymi słowy – jeśli cena na „połówkę” przekroczy granicę wytrzymałości kieszeni świata pracy, dojdzie do rewolucji*** (12/2000).

Многие вкрапления – как, впрочем, и системные заимствования – обозначают различные российские реалии, ср.: *struktury składające się z handlarzy, pracowników warsztatów i* „***pieregońszczyków***” *powiązane są z półświatkiem* (15/2012), *W tych pionierskich czasach ruskiej mafii najpewniejszym źródłem dochodu był* ***reket*** (15/2012), являются также средством выражения оценки. Однако на наличие в их семантике определенного эмоционально-оценочного оттенка указывает лишь контекстное окружение, которое в некоторых случаях способствует сохранению функционально-стилистической квалификации исходных лексем, например, уничижительных разговорно-сниженных экспрессивов, ср.: *Do akcji weszła milicja i cały plac stał się areną agresywnej walki*. „*Za*

to morderstwo odpowiedzą wasze dzieci!”, „*Bij* ***chacza***!” (2/2011); *67 procent jest zdania, że należy ograniczyć napływ* „***czarnych***” *do miasta* (2/2011); *Wzywano do rozprawy z* „***czurkami***”, *jak pogardliwie nazywa się w Rosji przybyszów z Kaukazu* (2/2011), оскорбительных слов и словосочетаний: *Otóż w Rosji słowo* ***kozioł*** *jest bardzo obraźliwe* (1/2013); *Nawiasem mówiąc, kozła można bliżej określić, np.* ***kozioł bezrogi***. *To jeszcze gorzej niż sam kozioł* (1/2013), или пренебрежительных слов-жаргонизмов: „***gołubyje***”, *czyli* „*niebiescy*” – *jest tu najpopularniejszym z pogardliwych określeń homoseksualistów* (26/2008); *A trzeba wiedzieć, że słowo* ***gomik*** *to jedno z wyjątkowo licznych i barwnych w języku rosyjskim określeń homoseksualisty* (30/2012); *Policjant* (*także drogowy*) *to* ***musor*** (*śmieć*) (1/2013).

В структурном плане вкрапления представлены (как и системные заимствования) отдельными словами и сверхсловными номинатами. Однако в отличие от системных заимствований, вкрапления нередко относятся к собственно просторечным грубым и бранным экспрессивам, а также обсценизмам и связанными с ними эвфемизмам, что указывает косвенно на раскрепощенность современной польской публицистической речи и терпимость к сниженному стилю, например: *Jedyne, co nieprzyjemne, to słyszysz od nich ciągłe* ***bladź*** *i* ***bladź*** (2/2013); *Jeśli znajdziemy się w Rosji w sytuacji, gdzie należałoby użyć słowa bladź, ale z jakiś względów nie wypada, mówimy* ***blin*** (1/2013); *kolejne popularne określenie kierowcy, który zawadza na drodze –* ***chujesos*** (1/2013); *Potem jest Smoleńsk i kompletna* ***chujnia*** (49/2010); ***Mudak*** *to dość łagodne określenie, ale bardzo obraźliwe* (1/2013); *Wszyscy mają nas w* ***żopie*** (30/2014). Единичные нецензурные слова служат даже «строительным» материалом для создания заголовков статей, ср.: *Kurwa wasza* ***bladź*** (1/2013).

Характеризуя корпус сверхсловных номинатов, необходимо отметить их разнотипность и внутреннюю дифференцированность, которые проявляются в использовании, с одной стороны, воспроизводимых устойчивых единиц необразного характера и клишированных высказываний типа поговорок, с другой – речевых знаков.

Воспроизводимые устойчивые единицы необразного характера, то есть аналитические номинации, представлены в материале в большом количестве, ср.: *termin pożytecznego idioty* (*z rosyjskiego*

polieznyj idiot) *wprowadził do polityki Lenin* (42/2010); *Królem wśród więźniów jest* ***wor w zakonie*** (15/2012); *przynajmniej trzy osoby katastrofę przeżyły* (*dawały* „***żizniennyje rieflieksy***”) (38/2012). Особое место в этой группе русизмов занимают: 1) эргонимы: *Prochorow był prezydentem* ***Oneksim Banku*** (32/2011); *Ładunki wybuchowe dostarczyła firma* ***Polit Elektronik*** (38/2012); *posiadacz kontrolnego pakietu akcji* ***Polius Zołoto*** (32/2011); *Jest właścicielem holdingu spożywczego* ***Russkoje Mołoko*** (37/2010); 2) прагматонимы: *przywiozłam 5 butelek prawdziwego* ***Sowietskogo Igristogo*** (1/2014); 3) названия знаменательных событий: *w latach* „***Wielkiej Czystki***” (16/2011); *z takimi lepiej nie zadzierać nawet weteranom* ***Wojny Ojczyźnianej*** (21/2012); 4) названия организаций: *Bojownicy inteligenckiej organizacji rewolucyjnej* ***Narodnaja Wola*** (3/2015); 5) названия сказочных персонажей: *Wiadomo, gdzie mieszka* ***Dziadek Mróz****, podobny do św. Mikołaja jak dwie krople wody* (8/2011); 6) лозунги болельщиков: *Uszy pękają od*: *Pol-ska*! *Pol-ska*! *I* ***Rassija wpieriod***! (25/2012); 7) выражения речевого этикета, напр.: ***Wasze Błagorodie****, Gospodin Prezident* (15/2010); *Poddanych zabraknie* ***waszemu wieliczestwu*** (47/2008); 8) заглавия периодических изданий, телепередач и песен, ср.: ***Moskowskij Komsomolec*** (17/2011); *dodatek do* „***Niezawisimoj Gaziety***” (43/2014); *opowiedział tygodnikowi* „***Niezawisimoje Wojennoje Obozrienije***” *o operacji* „*Kukłowod*” (6/2014); *Swój warszawski wykład bez kłopotu opublikuje na łamach* „*Nowoj Gaziety*” (40/2014); *niezależny ekspert cytowany przez* „***Nowyje Izwiestia***” (42/2011); *19 września*, „***Uczitielskaja Gazieta***” (40/2014); *Tłumy śpiewały nowy hymn zaczynający się od słów*: *Boże coś Polskę, polską odmianę* ***Boże caria chrani*** (2/2014); *Program był bardzo poprawny – ani* „***Zaszczytnikow Moskwy***”, *ani* „***Praszczaj lubimyj gorod***” (48/2015); *Historię tę poznałem dzięki programowi telewizyjnemu* „***Sledstwie wieli***” (51−52/2011).

Поговорки встречаются на страницах еженедельника намного реже, ср.: *A ponieważ wszystko działo się w Rosji – wiadomo,* ***bez wodki nie razbieriosz*** (46/2008); *Odpowiedzi, której udzielił MSZ,* ***nie rozbierzesz bez pół litra*** (21/2010); ***Kurica nie ptica***, ***Polsza nie zagranica***” (1/2014).

Большей употребительностью отличаются зато речевые высказывания, выполняющие идентификационную функцию, позво-

ляющую соотнести определенные суждения с носителями русского языка, например: ***O, tak zażywiom*** *– kreślili linie powyżej głowy* (38/2011); ***Ja rozdaju darom prezerwatywy*** (5/2012); *Jeśli na pytanie o to, co robił w wolne dni, odpowie*: ***żariłem szaszłyki***, *nie musi to nawet oznaczać, że jadł mięso z patyka* (26/2012); *powinienem cię za* ***takoje bezobrazije*** *kazać rozstrzelać* (41/2012); *Przenocujemy, nakarmimy i powiemy*: ***Praszczaj***, ***brat*** (11/2014). В некоторых высказываниях отражается модная тенденция к использованию сниженной лексики для создания грубовато-фамильярной атмосферы, ср.: *Otóż właśnie usłyszałam, że Władimir Władimirowicz zakazał używania brzydkich słów. Na razie w mediach.* ***No, bladź prakliata, sowsiem obałdzieł*** (19/2015).

Таким образом, основываясь на собранном материале, можно считать, что русское слово проникало в систему коммуникативно-выразительных средств еженедельника «Nie» весьма активно, становясь одновременно ее оригинальным и ярким компонентом. Поскольку подобная активизация наблюдается в исследуемый промежуток времени также в других печатных СМИ, можно полагать, что русское слово в польском публицистическом дискурсе 2000−2015 гг. – явление широкое по размаху и значительное по силе выражения.

Литература

1. Маршалек М. Русизмы в современной польской публицистике: опыт идеографического описания // Архангельская Э. (отв. ред.). Русистика и современность. Рига, 2011. − С. 283−287.

2. Маршалек М. O najczęstszych rusycyzmach leksykalnych w polszczyźnie współczesnej publicystyki // Люциньски К. (ред.). Язык, литература и культура России в XXI веке. Теория и практика. Кельце, 2011. − С. 151−157.

3. Маршалек М. Лексические русизмы в польском языке начала XXI века // Вербицкая Л. А., Лиминь Л., Юрков Е. Е. (ред.). Русский язык и литература во времени и пространстве. Т. 2. Shanghai, 2011. − С. 675−681.

4. Маршалек М. След не затерялся: русское в польском языке современности (на материале журнала «Polityka») // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. − С. 281–292.

5. Новоженова З. Польские вкрапления в русском дискурсе // Pstyga A. (ред.). Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza. T.4. Gdańsk, 2012. − С. 73−76.

6. Bielecka-Latkowska J. Rosyjskie zapożyczenia leksykalne we współczesnym języku polskim w świetle materiałów słownikowych i prasy powojennej (1945−1985). Kielce, 1987. –272 c.

7. Doroszewski W. (ред.). Słownik języka polskiego. T. VII. Warszawa, 1965.
8. Dubisz S. (ред.). Uniwersalny słownik języka polskiego. T. 1−6. Warszawa, 2003.
9. Dunaj B. (ред.). Słownik współczesnego języka polskiego. Warszawa, 1996.
10. Karaś H. Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie okresu zaborów. Warszawa, 1996. − 361 c.
11. Karaś H. Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie ogólnej – historia i współczesność // Poradnik Językowy. 2007. № 5. − C. 25−43.
12. Marszałek M. Dżinsa, wiertuszka и musor: русское разговорное слово в польскоязычном публицистическом тексте // Grabska M., Sładkiewicz Ż. (ред.), „Mówimy, jak mówimy…". Komunikacja w języku potocznym: podejście interdyscyplinarne. Gdańsk, 2014. − C. 89–99.
13. Trzaska, Evert i Michalski. Encyklopedyczny słownik wyrazów obcych. Warszawa, 1939.

ИМИДЖ СТРАНЫ В НАЦИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕКЛАМЕ

В.А. Омельяненко
omelianenko_va@rudn.university
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
(Москва)

Понятие «имиджа» является междисциплинарным, важным для ряда наук – психологии, философии, журналистики, истории, социологии, политологии и лингвистики. Сегодня в языкознании большое внимание уделяется лингвистическому моделированию в различных его аспектах. Роль языка в процессе моделирования имиджа подчёркивает и появление отдельного направления – лингвоимиджелогии, предметом изучения которой являются речевые средства создания имиджа.

Исследователи по-разному определяют понятие «имидж», поэтому на сегодняшний день общего устоявшегося определения не существует. Английские словари определяют слово "image" как понятие «образ», «репутация», «престиж», «общее впечатление, произведённое на окружающих» [12; с. 896]. «Имидж определяется как образ, который формируется в индивидуальном или массовом сознании медийными способами и методами психологического влияния» [11; с.65]. Учёные чаще всего рассматривают

имидж как «целенаправленно создаваемое представление о чьём-нибудь внутреннем и общем облике, образе» [3; с.295] или как средство речевого воздействия или манипуляции [1; с. 81, 2; с.193–198]. Образ формируется под воздействием многих факторов (включая медийные) в ходе социально-исторического развития, а имидж целенаправленно формируется специалистами по PR, журналистами, рекламистами, политическими технологами, дипломатами и т.д. Следовательно, образ страны является родовым понятием по отношению к имиджу. Под «образом» мы понимаем субъективно воспринятое отражение чего-либо, представление о качествах объекта, а под «имиджем» – результат внедрения образа в массовое сознание [9, 10]. Следовательно, «образ» – это стихийно созданное представление об объекте, а «имидж» – целенаправленное.

Особой популярностью термин «имидж» в современном русском языке начал пользоваться в середине 90-х г.г.: изначально он применялся непосредственно к власти и политикам. Сегодня термин «имидж» используется значительно шире (имидж рекламного продукта, имидж страны, имидж региона, имидж вуза и т.д.). Однако исследователи предполагают, что непосредственно к стране, государству понятие имидж впервые применил О.А. Феофанов ещё в 1974 г. [4; с. 16].

Формирование имиджа страны – одна из самых важных современных задач, ведь образ государства во многом влияет как на внешнюю, так и на внутреннюю политику, а также на развитие экономики, бизнеса и т.д.

Понятие «имидж» часто дополняется понятием «бренд». Иногда имидж определяется как часть бренда, который сегодня стал паролем, определяющим предпочтения и жизненные приоритеты. На российском рынке очень популярен бренд *российское*, который в рекламе может выражаться лексемами *российское, русское, наше, отечественное, родное* и т.п., и именно благодаря рекламе потребитель воспринимает эти понятия как синонимы качественному, полезному и надежному [8; с. 346].

Традиционно выделяют «внутренний» и «внешний» имидж субъекта. Первый направлен на внутреннюю целевую аудиторию (население России), второй – на внешнюю целевую аудиторию

(международный образ России) [4; с. 3]. Чаще всего научные исследования посвящены изучению международного имиджа страны, в то время как внутренний имидж страны недостаточно изучен на сегодняшний день. Таким образом, изучение внутреннего имиджа является актуальной задачей гуманитарных наук, так как для того чтобы иметь хорошую репутацию на мировой арене, необходимо сперва сформировать позитивный внутренний образ страны.

Именно внутренний позитивный имидж России активно эксплуатируется в современной российской рекламе самых разных товаров с целью воздействия на потенциального потребителя. Такую рекламу мы называем национально-ориентированной. Кроме того, реклама является полимодальным текстом, так как представляет собой единство вербальной и невербальной коммуникации. Следовательно, национально-культурный компонент передаётся с помощью разнообразных модальностей – путей восприятия информации, например, языковой, звуковой или визуальной. Такая реклама отличается богатством лингвокультурем – прецедентных текстов и фразеологизмов [6; с.423–446], приёмов устного народного творчества, метафоры, а также «актуального историзма» и эксплуатации патриотических и семейных ценностей, в отличие от рекламы товаров зарубежного производства, которая пестрит неологизмами и заимствованиями [8; с.346].

Анализ рекламной выборки показал, что чаще всего национально-ориентированной является реклама продуктов питания отечественного производства, которые имеют отношение к российской традиции (квас, водка, сметана, пельмени и т.п.). Так, в рекламных роликах «Вятского» кваса формируется имидж России – страны с богатой природой, производящей исключительно полезные для здоровья продукты питания. Эта идея выражается в сюжетных видеороликах и в ключевых эхо-фразах: *«Вот она – сила русской ржи», «Вятский квас – здоровье спас!»*. Имидж сильной, непобедимой и беспощадной страны формируется в рекламе водки «Русский лёд», где американский актёр Сильвестр Сталлоне, заявляя, что унаследовал характер от прабабушки, которая родилась в Российской Империи, отвечает уличным хули-

ганам на русском языке: *«Будет больно!»*. Имидж поддерживается и названием торговой марки и оформлением бутылки, на которой изображено Ледовое побоище на Чудском озере.

Кроме того, национально-культурный компонент всё чаще становится популярным в рекламе продуктов питания отечественного производства, которые далеки от русской традиции (шоколад, пиво, майонез, чипсы и т.п.). Так, в рекламном ролике майонеза «Ряба» эксплуатируется имидж необъятной страны и широты русской души: ребёнок, отвечая на вопрос «*Что такое Родина?»* – называет *чувства необъятные, поля бескрайние* и майонез – *«Ряба». Родной*. Давно уже функционирует в рекламе шоколада «Нестле Россия» эхо-фраза *Россия – щедрая душа,* которая одновременно является и названием бренда *«“Россия” – щедрая душа»,* и фабрики, которая с 1995 года принадлежит швейцарской компании Nestlé. В основу названия бренда взяты представления о характере русского народа, его национальные черты, главные ценности – душевность, открытость, широта и щедрость русской души, которые находят отражение в широком ассортименте продукции: «Российский», «Сударушка», «Родные просторы» и др.[6; с. 429]. Позиционирование «чужого» продукта в национально-патриотическом контексте преследует коммуникативную цель – перевести незнакомый продукт из категории «чужой» в категорию «свой» [5; с. 322].

Следует отметить, что патриотический, национально-культурный компонент появляется и в рекламе импортных брендов. Так, в рекламе немецкой автомобилестроительной компании *Audi* «Территория quattro» для российского рынка имидж России с уникальным географическим положением и климатом создаётся комплексом визуальных, языковых и звуковых составляющих. Директор по стратегическому маркетингу Audi Russia Норберт Шрофнер отметил, что «эта кампания – дань уважения России, в уникальных географических и климатических особенностях которой легендарный полный привод может наиболее ярко проявить все свои достоинства и гарантировать непревзойдённый комфорт при вождении в любой ситуации» [13].

На визуальном уровне имидж поддерживается демонстрацией необъятной дикой природы, российских дорог, произведений искусства, архитектуры. На звуковом уровне – музыкой Сергея Рахманинов – Симфония № 3, часть 2.

Вербальный ряд: *Ты бескрайняя, обжигающее холодная, ты горячая, не признающая компромиссов, ты можешь быть яркой и серой. Я думаю, что знаю тебя, но каждый раз убеждаюсь, что не до конца. Я хочу открывать тебя, быть ближе к тебе, мне по пути с тобой.Россия. Территория quattro*.

Имидж необъятной, разнообразной, сильной страны на языковом уровне создаётся с помощью стилистических средств художественной выразительности: эпитет *бескрайняя*; антитеза *холодная и горячая*, *яркая и серая*; оксюморон *обжигающе холодная*; олицетворение, которое усиливается морфологическим повтором, стилистическим приёмом – *полиптотом* (повтором одного и того же слова в разных падежных формах), который можно рассматривать как “грамматический контраст” [7; с. 32] – *тебя, к тебе, с тобой*.

Анализ современной рекламы показывает, что в рекламе эксплуатируется имидж надёжного государства-защитника, в котором живут люди с широкой, открытой, доброй душой, способной к искренним чувствам. Россия – страна национальных богатств (поля, леса, реки, горы, полезные ископаемые и т.п.). Национальными традициями в России являются семейные ценности, национальной гордостью – память о предках, победы в военных действиях, культурные памятники и спортивные достижения. Таким образом, целенаправленное формирование имиджа страны в рекламе используется с коммерческой целью как средство речевого манипулирования, с одной стороны, и как важное средство продвижения отечественных товаров для укрепления российского рынка.

Литература

1. Зирка В.В. Языковая парадигма манипулятивной игры в рекламе [Текст]: дисс. … доктора филол. наук: 10.02.02. Днепропетровск, 2005. – 462 с.

2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛЕАНД, 2015. – 304 с.

3. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. Москва: Русский язык, 2005. – 1210 с.

4. Мартынова Л.Г. Современный имидж России: проблемы и перспективы / дисс. ... канд. полит.наук: Рос.академия нар. хоз. и гос. службы при президенте РФ. Москва, 2011, 151 с.

5. Омельяненко В.А. Семантическая категория «свой круг» в национально-ориентированной рекламе. Русский язык в поликультурном мире. Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 1. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. –С.318–324.

6. Омельяненко В.А. Фразеологизм как средство создания имиджа страны в национально-ориентированной рекламе. Svět v obrazechave frazeologii. Praha, Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta, 2017.–С. 423–436.

7. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 224 с.

8. Ремчукова Е.Н., Омельяненко В.А. Языковые средства формирования имиджа России в современной рекламе. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. Т. 8. №2. – С. 341–349

9. Рожков И.Я., Кисемерешкин В.Г. Имидж России. Ресурсы. Опыт. Приоритеты. Москва: Рипол Классик, 2008. – 368 с.

10. Терских М.В., Малёнова Е.Д. Медиаобраз сибирского региона: лингвокогнитивное моделирование. Омск: ЛИТЕРА, 2015. –160 с.

11. Медіалінгвістика : словник термінів і понять / Л.І. Шевченко,. Д.В. Дергач, Д.Ю. Сизонов / за ред. Л.І. Шевченко. – Вид. 2-ге, випр. і доп. К.: ВПЦ "Київський університет", 2014. – 380 с.

12. The Oxford English-Russian Dictionary (1984) Oxford. New York. Oxford University Press.

13. Sostav.ru [Электронный ресурс]. URL: http://www.sostav.ru/news/2012/12/03/audi_reklama_rossiya/ (дата обращения: 10.03.2018)

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ НАУЧНЫХ НОВОСТЕЙ В РОССИЙСКИХ НОВОСТНЫХ МЕДИА

С.А.Петухов
proletkult@yandex.ru
Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова в Севастополе
(Севастополь)

Запрос общества на новости науки очевиден. Рост удельного веса новостей науки в российском медиаполе идет по экспоненте. Сегодня их ежедневное присутствие в топ-новостях ведущих российских новостных СМИ, в частности «большой тройки» - РИА Новости, ТАСС и Интерфакс, и итоговых новостных выпусках на федеральных каналах ТВ, стало правилом, а не исключением. Это совершенно новое явление, такого не было даже в советские времена, когда престиж науки в обществе был несоизмеримо выше.

Наш двухлетний мониторинг ведущих российских новостных СМИ показывает, что, например, на головной странице сайта РИА Новости в числе 6 наиболее «читаемых» новостей доля научных новостей может доходить до 4 (в разные дни и разное время суток). В «Картине дня», где размещено от 10 до 30 главных новостей текущих суток, не было ни одного дня без научной новости (в среднем их бывает от 2 до 4 в сутки).

«Научный крен» российских новостных СМИ нельзя не заметить. Вероятно, это стало одной из причин, заставивших социологов говорить о признаках «ренессанса» отечественной научно-популярной журналистики [1, с.111].

Ренессанс действительно происходит, свидетельство тому – появление в последние годы новых научно-популярных СМИ и рост их аудитории, например [3, с.319]. Но на самом деле это параллельный процесс, идущий независимо от крена новостной журналистики в область науки, хотя экстралингвистические (социально-политические) причины у обоих трендов во многом общие (их рассмотрение выходит за рамки данного исследования).

Подчеркнем лишь, что научно-популярные СМИ имеют сравнительно узкую аудиторию с довольно высоким образовательным цензом и определенными жизненными интенциями. Даже в советские времена, когда социальный статус ученого и

науки был высок, численность ядерной аудитории научно-популярных СМИ не превышала миллиона. Нет оснований считать, что в наше время она превышает этот уровень, скорее значительно ниже [4, с.212].

Аудитория новостных СМИ на два порядка шире, совокупная аудитории всех вместе взятых научно-популярных СМИ размывается в ней до гомеопатических доз. Но у новостных сайтов и ТВ совсем другая аудитория, разговор с ней о науке следует вести совсем другим языком, нежели с адептами научно-популярных изданий. И ведет этот разговор со своей аудиторией совсем другая когорта журналистов (профессиональные «новостники»), а не профессиональные научно-популярные журналисты.

В последние годы появились серьезные, исчерпывающие исследования лексико-стилистических и морфолого-синтаксических особенностей языка современных научно-популярных изданий, например [2, с.27], связанных как с изменениями самой науки и научного сообщества, так и СМИ, переживающих цифровую мультимедийную революцию. Аналогичных медиалингвистических исследований научного сегмента новостных СМИ, похоже, не было, во всяком случае, нам они не известны. Между тем, в новостной журналистике уже выработался и в последние годы отчетливо заметен новый, ранее не существовавший научно-популярный новостной подстиль, который и является предметом данного исследования.

Его главная особенность – максимальная приближенность к классическому публицистическому стилю по морфологическим и синтаксическим критериям при сохранении лексики чисто научного стиля, характерной для внутринаучных коммуникаций.

Вот три примера такого новостного научно-популярного стиля. 28 ноября 2017 г. новостные агентства сообщили, что *«второй в истории запуск с космодрома Восточный обернулся неудачей: несмотря на успешный старт ракеты «Союз», произошла неполадка в разгонном блоке «Фрегат». В итоге спутник дистанционного зондирования земли «Метеор-М» не достиг целевой орбиты и… упал вместе с головным блоком в Атлантический океан в районе Антарктиды»*.

Далее в сообщениях уточняется, что вместе с «Метеором-М» сгорело в атмосфере и затонуло в океане еще 18 отечественных и иностранных спутников («попутного груза» на ракете-носителе).

И наконец, сообщается о причине аварии: *«причиной неудачи стал человеческий фактор — ошибка привела к неверному развороту ракеты-носителя по тангажу и некорректному положению платформы разгонного блока»*.

Всего 20 слов объяснения, где последние 12 – сленг инженеров-ракетчиков, мало что говорящий непосвященному. Между тем, речь шла о событии, о котором уже доложили президенту РФ (наверняка более понятным языком), потере нескольких миллиардов рублей и серьезном ударе по престижу российской космической отрасли.

Через несколько суток научно-популярные СМИ разъяснили своим читателям, что «неверный разворот ракеты по тангажу» (тангаж – рыскание летящего объекта в вертикальной плоскости) в данном случае заключается всего-навсего в том, что ракета «клюнула» носом вниз, снова вошла в атмосферу Земли, где развалилась и сгорела. А «клюнула» ракета потому, что в компьютерную программу пуска было загружено исходно неверное полетное задание («некорректное положение платформы разгонного блока»).

Несколько десятков тысяч читателей научно-популярных СМИ пусть с опозданием, но получили картину аварии. Но к этому времени новость «умерла», новостные СМИ к ней уже не возвращались. В итоге более чем стомиллионная аудитория новостных СМИ и ТВ в основной массе осталась в неведении, что же произошло на самом деле.

Второй пример. 18 февраля 2018 г. новостные агентства сообщили, что *«физики ЦЕРН измерили точную массу одной из самых тяжелых частиц во Вселенной, W-бозона, и не нашли расхождений с предыдущими замерами и предсказаниями Стандартной модели, что стало самой строгой проверкой ее истинности»*.

Мы видим эталонный публицистический стиль, всем понятный, без обычных для научного стиля глагольно-именных конструкций, цепочек родительного падежа, безличных глагольных форм, страдательных конструкций и прочих морфолого-синтаксических особенностей научного стиля, в той или иной мере присутствующих в специализированных научно-популярных СМИ. Читателю новости остается только понять, что такое Стандартная модель и почему важна ее истинность.

Стандартная модель в современной физике – это таблица Менделеева для элементарных частиц, которая сейчас находится на стадии создания. Если клеточки этой таблицы действительно заполняются по определенным законам (аналогичным Периодическому закону Менделеева для химических элементов), физикам будет ясно, какие параметры имеют еще не известные им элементарные частицы, и поиск их наудачу (как это происходит сейчас) сменится целенаправленной их поимкой. Это будет грандиозным прорывом в физике высоких энергий. Таким же по масштабу, какой произошел в химии после появления таблицы Менделеева, которая привела хаос экспериментальных данных в химии в стройную систему и дала ей мощный импульс развития.

Физики из ЦЕРНа сделали важный шаг на этом пути: еще одна частица легла в ту клеточку Стандартной модели, в которую и должна была попасть исходя из теории. Помимо этого конкретного знания читатель новости мог бы лучше понять, почему Россия так сильно стремится стать ассоциированным членом ЦЕРНа и готова за это платить ежегодные взносы в 8 млн евро (помимо расходов на собственно научные эксперименты в ЦЕРНе). И почему за несколько дней до этого на праздновании Дня науки в Новосибирске президент РФ обозначил физику высоких энергий приоритетным mega-science-проектом (наряду с молекулярной биологией, нанотехнологиями и созданием «искусственного интеллекта») и тут же, на совещании с учеными, согласовал выделение из госбюджета 40 млрд. руб. на строительство в Новосибирске ближайшие 4 года синхротрона нового поколения.

Но ни этого знания, ни этих ассоциаций у читателя возникнуть не могло, хотя по сути то же самое было изложено в новости: *«Точная масса W-бозона интересна ученым по той причине, что она позволяет проверить выкладки Стандартной модели физики с рекордно высокой точностью, так как этот показатель можно вычислить теоретически, опираясь на три других значения – массу Z-бозона, постоянную тонкой структуры и константу Ферми».*

В этом пассаже в 40 слов, безупречном с точки зрения морфолого-синтаксических критериев публицистического стиля, содержатся сразу 4 научных термина, едва ли известных кому-либо,

кроме физиков. Это собственно и были слова одного из физиков-ЦЕРНа, переведенные на русский язык.

Третий пример. 14 февраля 2018 года на сайте федерального новостного агентства появилось сообщение с увлекательным заголовком *«Быстрее света: на что способна квантовая телепортация»*. В новости сообщалось, что «…*Для квантовой телепортации необходимы три кубита в состоянии суперпозиции. Допустим, нам нужно передать информацию с первого элемента на третий, причем взаимодействовать, то есть находиться рядом, они не должны. Тогда третий и второй кубиты запутывают с помощью логической операции — их состояния становятся взаимозависимыми, а сами они называются запутанными...»*. И далее в том же духе.

После пятого доскролла (перелистывания страниц на экране компьютера или смартфона), когда «логическая запутанность» (основа квантовой телепортации) явно приобретает для читателя буквальный смысл, он наталкивается на участливый вопрос автора новости: *«Запутались? Тогда представьте, что вы получили пятерку за экзамен и поделились радостью с папой. После чего отправились к маме и рассказали ей то же самое. А она сообщила вам, что поцарапала машину. И после вашего разговора папа неведомым образом узнает об этой неприятности. Квантовую механику понять трудно — лучше просто смириться с ее законами»*. Хорошо еще, что обошлось без парафраза хрестоматийного тютчевского: «Умом науку не понять,/ Аршином общим не измерить:/ У ней особенная стать —/ В науку можно только верить».

Это было бы смешно, если бы данная новость не была бы размещена на сайте новостного агентства из «большой тройки», не имела бы 36 тысяч просмотров и четыре десятка комментариев, самый мягкий из которых звучал так: «Ощущение, что статью школьник написал, начитавшись рекламных щитов».

Приведенные примеры не исключение. По нашим оценкам, в потоке научных новостей примерно каждая десятая имеет лингвистический брак, затрудняющий их понимание аудиторией новостных СМИ. Вроде немного, но проблема в том, что бракованным оказывается подавляющее большинство новостей о достижениях как раз в прорывных областях физики, молекулярной биологии, нанотехнологий и «искусственного интеллекта». Они исходно, по

своим объектам исследования самые сложные для понимания, а журналист-новостник не способен и не обязан их понимать.

Лингвистические истоки ущербности сложившегося в последние годы новостного научно-популярного подстиля мы уже сформулировали. Морфологически и синтаксически он максимально приближен к общепонятному публицистическому стилю, но лексически (терминологически) остается типичным научным подстилем, характерным для внутринаучных коммуникаций.

Экстралингвистические причины появления и распространения такого подстиля в новостных СМИ тоже понятны, если знать изнутри механизм работы новостных агентств. Наивысший приоритет для агентства – быть первым, этому в их работе подчинено все остальное. Основным источником новостей о работах ученых для журналистов-новостников служат публикации в научных журналах или релизы пресс-служб НИИ и университетов о тех же публикациях. Если данные об исследовании появятся в СМИ раньше ее публикации в научном издании, это автоматически влечет судебное преследование СМИ со стороны научного издательства и серьезные проблемы для авторов исследования, ведь речь идет о таком важном в науке предмете, как приоритет.

В итоге, все новостные агентства начинают работу над научной новостью одновременно, а выстрелом стартового пистолета для них служит появление научного сообщения на сайте научного издания или момент рассылки пресс-релиза. После этого время появления новости на сайте агентства колеблется, по нашим замерам, от нескольких десятков секунд до нескольких десятков минут.

За это время в агентстве успевают придумать общепонятный заголовок вместо чисто научного, устранить особо заметные морфологические и синтаксические конструкции научного стиля в пресс-релизе или аннотации научной публикации, иногда еще взять комментарий специалиста, который тоже изъясняется, как правило, число научным стилем. Ну и, конечно, сначала перевести исходную научную публикацию на русский язык, если она на английском языке, что для серьезных научных исследований, в том числе российских, сегодня норма. Чаще успевают сделать только первое – заменить заголовок в пресс-релизе.

После появления новости на сайте агентства корреспондент может еще некоторое время над ней работать и затем заменить ее

на обновленную версию. Но к этому времени новость уже разошлась по другим новостным и прочим СМИ и попала в работу на ТВ в своей первой версии, при перепостах в Сети ее последующие версии уже мало кого интересуют. Да и времени у корреспондента новостного агентства на ее совершенствование мало, его ждут следующие новости.

При таких условиях новостной научно-популярный стиль обречен оставаться таким, каков он сейчас. Изменить технологию подготовки научных новостей так, чтобы избежать медиалингвистического брака, можно, но объяснение, как это сделать, выходит за рамки данного исследования. Нашей целью было показать, к каким серьезным экстралингвистическим последствиям может привести нарушение законов лингвистики.

Литература

1. Абрамов Р. Н. Профессионализация научной журналистики в России: сообщество, знание, медиа // Вестн. Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2014, № 1 (25),с.111—121.

2. Минакова Н.А. О языке и стиле научно-популярного медиатекста // Вестник Российского университета дружбы народов, серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания, - М.: РУДН, 2011, №2, с.27—34

3. Резниченко Е.Г. Научно-популярный журнал в условиях медиатрансформации// Журналистика 2017. Творчество. Профессия. Индустрия. Материалы Международной научно-практической конференции. — 2018. — М.; МедиаМир; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. — с. 319—320.

4. Тертычный А.А. Быть ли научно-популярной журналистике // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2013, №2, с.212—217

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НЮАНСЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В НАЗВАНИЯХ СТАТЕЙ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УГОЛОВНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ

О.Ю. Прадид
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
(Симферополь)

Языковое оформление законодательных нормативных документов является залогом эффективного действия законов и подзаконных нормативно-правовых актов. На этот счет очень точно высказался М.С. Таганцев, когда отметил, что мысль, предложенная законодателем, но не нашедшая воплощения в тексте закона, не содержит закона [1, с. 91]. Данное утверждение вполне можно продолжить фразой: …а мысль, воплощенная неточно, неоднозначно или вопреки лингвистической норме – идентична невоплощенной.

Одна из причин недостаточной изученности языка законодательства состоит в том, что юристы не использовали данные лингвистики, и поэтому их мысли относительно языка права сводились в основном только к общим заключениям о необходимости писать законы четко, коротко и понятно. В свою очередь, в работах лингвистов пока что явно мало исследуется проблема законодательного языка как особенного функционального стиля литературного языка, не анализируются с лингвистических позиций законодательные тексты [2, с. 4].

Следует отметить, что популярность юридической лингвистики, исследования и систематизация, практическое применение и теоретическое обоснование в последние десятилетия развиваются стабильно и уверенно, как среди лингвистов, так и среди юристов.

Несмотря на некоторое сходство уголовного законодательства Российской Федерации и Украины на юридическом и лингвистическом уровнях, при более внимательном исследовании текстов, в данном случае названий статей, Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) и Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины) (лингвистический аспект) очевидными становятся и различия.

Среди существующих способов словообразования имен существительных наиболее продуктивными в названиях статей УК РФ и УК Украины выступают суффиксальный, реже используются префиксальный, суффиксально-префиксальный способы, а малопродуктивными являются основосложение, субстантивация, аббревиация.

Следует отметить, что частота словоупотреблений существительных, образованных каждым из способов, различна. При этом набор языковых средств русского языка разнообразнее, чем в украинском. Примером может послужить суффиксация в образовании отглагольных существительных суффиксальным способом.

Наиболее продуктивными для образования отглагольных существительных в названиях статей УК РФ являются суффиксы: **-ок-**: *Порядок определения сроков наказаний при сложении наказаний* (ст. 71); **-к-**: *Получение взятки* (ст.290); **-аниј- (-ениј-)**: *Уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы* (ст. 328)**; -ациј-**: *Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации* (ст. 312)**; -б-**: *Понятие преступлений против военной службы* (ст. 331)**; -ч-**: *Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней* (ст. 192), используемые для обозначения абстрактных понятий и опредмеченных действий; **-тель-**: *Нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений* (ст. 249)**, -ник-**: *Превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей* (ст. 203), используемые для обозначения лица как исполнителя определенного действия либо по роду занятия; **-ств-**: *Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования* (ст. 294)**, -иј-**: *Злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах* (ст. 185.1)**, -ож- (-аж-)**: *Неправомерный оборот средств платежей* (ст. 187), используемые для обозначения собирательного значения, значения отвлеченного действия, опредмеченного действия либо абстрактного понятия; **нулевая суффиксация** (сопровождается усечением глагольных суффиксов в образовательной основе):

Продление, изменение и прекращение применения принудительных мер медицинского характера (ст. 102).

Наиболее продуктивными для образования отглагольных существительных в названиях статей УК Украины являются суффиксы: *укр.* **–ник**, **-енн-**, **-нн-**, **аціj-**, **-ств-(-цтв-)**, другие же, например, **-атор**, **-тель**, **-іж**, **-иціj-**, **-ин-**, являются малопродуктивными (использование некоторых из них фиксируется один раз). Однако следует отметить случай, который для украинского языка вполне можно квалифицировать как нарушение нормы. Несмотря на то, что суффикс **-тель** используется в украинском языке для образования отглагольных существительных со значением лица, названого по роду деятельности, например: *укр. вчитель, гнобитель* и др., он имеет более продуктивные и традиционные аналоги, кроме упомянутых выше, к ним относится также суффикс **-ач** (например, *укр. спостерігач*, *викладач*, *діяч*, *завідувач* и т.д.), но очевидно, неуместным является образование и употребление в названии статьи УК Украины существительного *укр. засідатель* (*Погроза або насильство щодо судді, народного* ***засідателя*** *чи присяжного* (ст. 377) (правильнее было бы использовать словообразовательную модель **ОГ + -ач**, где ОГ – основа глагола).

В процессе анализа словообразовательных моделей и морфологических особенностей отыменных и отглагольных существительных на материале названий статей УК РФ и УК Украины также были сделаны некоторые наблюдения относительно специфики русского и украинского языков. Например, в русском языке существительное *самоубийство* (*Доведение до самоубийства* (ст. 110 УК РФ) образовано по модели **само- + ОСущ.** (где ОСущ. – основа существительного), а в украинском языке существительное *самогубство* (*Доведення до самогубства* (ст. 120 УК Украины) образовано по модели **само- + ОГ+-ств-** (где ОГ – основа глагола) (т.к. происходит от *укр*. губити), хотя значение слова имеют идентичное, но в русском языке существительное отыменное, а в украинском – отглагольное.

Подобное различие зафиксировано также в других существительных: *самоуправство* (*Самоуправство* (ст. 330 УК РФ) в русском языке образовано префиксально-суффиксальным способом по модели **само- + ОСущ. + -ств-** и является отыменным, а в украинском языке *укр. самоправство* (*Самоправство* (ст. 356 УК

Украины) – отглагольное существительное, образованное таким же способом, но по модели **<u>само- + ОГ + -ств-</u>** (значение слов в обоих языках идентично).

Характеристика языковых особенностей законодательных актов доказывает, что тексты законов и подзаконных нормативно-правовых актов призваны регулировать общественные отношения, отличаются официальностью, стандартизированностью, кодифицированностью, безличностью, предписательно-информативным характером, эмоциональной нейтральностью, отсутствием индивидуальных авторских черт. Также язык законодательства отличается простотой и понятностью в сочетании с точностью, объективностью и обоснованностью, аргументацией и обобщенностью.

Также не менее важной особенностью языка закона является обобщенность, отсутствие индивидуализации. Правовые акты обращены не к одному конкретному лицу, а к определенной группе лиц либо ко всем людям. В связи с этим язык законов и подзаконных нормативно-правовых актов абстрагируется от индивидуальных людских языковых особенностей, необходимым условием является стереотипность выражения мысли. Следствием данных требований является употребление в рамках правового подстиля и названиях статей УК РФ и УК Украины, в частности, нестандартных и в некоторой степени «неудобных», нетипичных для традиционной речи существительных, как, например: *оставление, дача (показаний), отбывание (срока), завладение, удержание (власти)* и под.

Одним из условий, продиктованных официально-деловым стилем, является отсутствие синонимии, несоблюдение которого в законодательстве может приводить к правовым последствиям. Следует отметить явное несоответствие данному требованию в исследуемом материале, чего, кстати, без особого труда возможно было бы избежать при привлечении лингвистов к совместной с юристами работе над формулировкой законодательной базы.

Литература

1. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. – Часть общая. – Т.1. / Н.С. Таганцев. – М.: Юрид. литература, 1994. – 316 с.;

2. Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Юридическая литература, 1990. – 192 с.

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов
timur@radbil.ru; sudexpert2011@mail.ru
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»
(Нижний Новгород)

0. Введение

Настоящее исследование продолжает совместный коллективный проект ученых Института филологии и журналистики и юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, посвященный внедрению передовых идей и методов современной русистики в методику и практику производства лингвистических экспертиз медиатекстов — подробнее об этом см. [6; 8; 9].

В работе описывается специфика выявления и экспертной квалификации слов и выражений как элементов «языка культуры» в спорных текстах по делам об унижении чести и достоинства, экстремизме, недостоверной и недобросовестной рекламе и пр.

Именно специальные знания лингвиста имеют решающее значение для выявления языковых признаков негативной информации в текстах российских СМИ как доказательной базы в делах по унижению чести и достоинства, оскорблению, экстремизму или противоречащей общественным интересам рекламе в случаях непрямого, «игрового» или маскировочного, т.е. манипулятивного использования возможностей языка и речи в конфликтогенных высказываниях [10].

Особую трудность, в частности, представляет экспертная квалификация контекстной семантики «прецедентных феноменов» [3], идеологем, мифологем, национально-культурных символов [5] и других элементов «языка культуры» в современной речевой практике, которые используются журналистами для отрицательной образно-метафорической и экспрессивно-оценочной характеристики героев медиатекста.

1. Цель исследования

Для установления диагностических лингвистических признаков «законодательно запрещенной» вербальной информации в этих случаях недостаточно стандартных методик анализа семантики слов по данным словарей, грамматических форм, синтаксических моделей и конструкций по данным авторитетных грамматик: необходим выход эксперта-лингвиста в сферу экстралингвистического (внеязыкового), культурно-ориентированного («фонового») содержания и ассоциативно-оценочной сферы указанных единиц.

2. Методы и материал исследования

Именно анализ культурного фона, культурно-значимой семантики конфликтогенных высказываний мы условно именуем «**герменевтический подход**» в лингвистической экспертизе, в рамках которого для решения указанных экспертных задач предлагается **комплексная методика**, включающая элементы лингвокультурологического, контекстуального и референциального анализа. Теоретической основой исследования выступают принципы анализа «языка культуры», разработанные в монографии одного из авторов [7].

Цель исследования — описать методику выявления и экспертной квалификации непрямого выражения диагностических лингвистических признаков негативной информации посредством апелляции к «культурному фону» аудитории в текстах российских СМИ.

Материалом для исследования послужили тексты реальных экспертных заключений по статьям в нижегородских СМИ, произведенных авторами настоящей работы по разным категориям дел.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его основные результаты могут быть использованы в качестве методических рекомендаций по выявлению и квалификации имплицитной культурно-значимой негативной информации в текстах российских СМИ при производстве лингвистических экспертиз по разным категориям дел.

В настоящей работе мы рассмотрим лишь один, на наш взгляд, один из самых значительных, аспект заявленной проблемы, а именно — специфика экспертной оценки негативной информации, выраженной посредством так называемых «интертекстуальных включений» в тексты СМИ, которая в наибольшей сте-

пени требует применения тех нетривиальных методов анализа, которые мы условно обобщили под терминосочетанием «**герменевтический подход**».

Лингвист-эксперт в этой ситуации реально занимается истолкованием «темных мест» текста, что и делает этот анализ герменевтическим. Как указывают Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский и И.В. Жарков, это требует от эксперта повышенной тщательности, филологической, культурно-исторической и общекультурной выверенности анализа содержания, композиционно-речевой структуры и языковых средств рассматриваемого текста на фоне исследования его коммуникативно-прагматического характера. При этом необходим максимальный учет: (а) культурно-исторического и социокультурного контекста эпохи (в целом и вплоть до частных деталей), «узких» идеологических смыслов, разного рода ассоциаций, аллюзий, актуальных для соответствующего исторического времени; (б) особенностей менталитета, фоновых знаний, актуальных для носителей языка (создателей изучаемого текста), этнокультурного своеобразия (или лингвистической картины мира) данного языка (прежде всего — его лексико-фразеологического состава) [1, с. 160–189].

3. Результаты исследования

Для переживаемой нами в настоящий период постиндустриальной, информационной эпохи интертекстуальность является важнейшим средством выражения авторской позиции в тексте, его выразительности и воздейственного эффекта [2]. Применительно к целям нашего исследования укажем, что использование интертекста является, на наш взгляд, одним из самых действенных приемов формирования негативного имиджа физических и / или юридических лиц, о которых идет речь в медийных материалах, потому что задействует фоновые знания читателя, эксплуатирует его культурную компетенцию. При этом интертекстовая подача информации часто является и своего рода средством маскировки, вуалирования журналистом прямой негативной оценки, за что могут последовать правовые санкции, потому что с трудом поддается однозначной экспертной квалификации.

В работе проанализированы интертекстуальные вхождения в медиатексты, принадлежащие разным культурным пластам: цитаты, аллюзии и «прецедентные имена» из авторских текстов или фильмов, трансформированные фразеологизмы, а также расхожие выражения, пословицы и поговорки, которые были использованы авторами СМИ в целях дискредитации героев своих материалов.

3.1. Авторские «прецедентные феномены»

Так, в одной из нижегородских газет для непрямой негативной характеристики представителя администрации Х. задействована аллюзия на систему образов и текст произведений И. Ильфа и Е. Петрова: в подзаголовке в кавычках использовано словосочетание «*кипучий лентяй*» (характеристика бездельника и приживала Полесова из «Двенадцати стульев»). Автор статьи имел в виду, что его герой только имитирует деятельность на высоком посту, а на самом деле не исполняет своих обязанностей.

В другой статье, критикующей Л., директора градообразующего предприятия районного города А., который попал в Законодательное Собрание с помощью незаконных и нечестных, по мнению автора, средств, использовано выражение «*Сбылась мечта идиота*» (напомним, что эту фразу говорит в «Золотом теленке» Остап Бендер, когда получает вожделенный миллион).

Статья, посвященная дискредитации деятельности Ф. — директора одного из знаковых культурных учреждений города, обыгрывает в заголовке фразу из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: «*Антракт, негодяи*!» (фраза из сна Никанора Ивановича, которая звучит на фантасмагорическом театральном зрелище, посвященном сдаче незаконно нажитой валюты). Автор данного материала имел в виду экспрессивный призыв к директору и его коллегам прекратить выпады против газеты в затянувшемся конфликте. Данная фраза, вынесенная в сильную позицию заглавия, формирует общую негативную тональность всего материала.

Негативно-оценочный культурный фон для создания негативного впечатления у читателей эксплуатируется в статье об инициаторе незаконной застройки на одной из улиц города — чиновнике Г., аллюзия на образы всем известного детского романа А.Н. Толстого про Буратино: в фрагменте: «*Вся эта шатия и устроила*

в городе ***театр марионеток имени Карабаса Барабаса***», — которая, с опорой на фоновые культурные знания читательской аудитории, трактует указанные события как управляемые чьей-то недоброй волей, а самих участников представляет как безвольных «марионеток» в чужих руках.

Негативная информация о сомнительных бизнес-схемах крупной энергетической компании, согласно которым доходы выводятся из оборота и обналичиваются за счет выдачи невозвратных кредитов подставным фирмам-однодневкам, выражена путем актуализации фоновых знаний читателей за счет употребления «прецедентного высказывания» из известного фильма «Большая перемена» — «*аттракцион невиданной щедрости*»: «*В итоге общая сумма займов составила свыше 3 миллиардов целковых.* ***Просто какой-то аттракцион невиданной щедрости.*** *Как в дальнейшем тратятся эти средства – тайна за семью печатями».*

Иногда для правильной атрибуции источника интертекстуального включения необходимо хорошо ориентироваться в культурных событиях и реалиях современной жизни. Так, например, негативно-сниженная метафора «***Бедный, бедный театр!***», вынесенная в подзаголовок материала об уже упомянутом выше директоре культурного учреждения, отрицательно характеризует результаты сотрудничества данного учреждения с академическим театром оперы и балета. Ее источником является «прецедентное название» знакового в свое время фильма «*Бедный, бедный Павел*» (2003) по пьесе Дмитрия Мережковского «Павел I» (повествующего о трагической судьбе императора). Более далекие культурные ассоциации, связанные с анализируемой фразой, отсылают нас к негативному фону, задаваемому знаменитым шекспировским «*Бедный Йорик!*» из «Гамлета».

3.2. Трансформированные фразеологизмы.

Трансформация фразеологизмов считается одним из самых эффективных средств актуализации культурно-значимой информации [4]. Особенную экспрессивность трансформированный фразеологизм приобретает в стилистическом приеме **амплификации** — нагнетании негативно-образных средств с целью формирования отрицательного имиджа героя.

Так, в цикле статей, дискредитирующих уже упомянутого директора градообразующего предприятия Л., используется массив трансформированных фразеологизмов снижено-оценочной окрашенности: *«зайти во власть с черного хода»* — о том, что Л., для того чтобы занять высокий политический пост, использовал разные закулисные махинации; всеми правдами и неправдами занявшего, *«поведение слона в посудной лавке»* — о том, что герой статьи в целях карьерного успеха предпринял ряд мер, вызвавших кризисную ситуацию в политической и экономической жизни районного города.

Негативная роль уже упомянутого выше Ф., директора одного из знаковых культурных учреждений города, в разного рода финансовых нарушениях и сомнительных управленческих решениях, которые, по мнению автора статьи, привели к закономерному спаду в деятельности учреждения, репрезентирована в тексте статьи посредством использования в подзаголовке трансформированного фразеологизма **«“*авгиевы конюшни” культуры*»**, который предваряет следующий текст: *«Вообще, данная тема годами замалчивалась и была известна только узкому кругу лиц. Мы первыми из СМИ приоткрыли над ней завесу тайны. В связи с этим и разразился такой шум. Кому-то совсем не хочется, чтобы посторонние люди совали нос* ***в финансовую составляющую культуры.*** *Но повторимся: речь идет о бюджетных средствах. Наши читатели-нижегородцы вправе знать, как и насколько эффективно таковые расходуются. Поэтому, даже несмотря на возникшее мощное противостояние, мы продолжим развивать тему».* — Нетрудно видеть, что именно подзаголовок формирует соответствующий негативный фон восприятия для всего, сказанного ниже.

3.3. Неавторизованные «крылатые выражения», поговорки и пословицы.

В статье, посвященной «виновникам» неоправданного завышения цен на электроэнергию, обыгрывается негативно-сниженный оттенок расхожего выражения «*заказывать музыку*»: «*Получается, что именно «ХХХ»* ***заказывает «музыку ценообразования»*** *в энергетической отрасли****».***

В уже упомянутом цикле статей о директоре градообразующего предприятия Л., ставшего крупным политиком, обыгрывается расхожее «крылатое выражение» *«Кто раскачивает лодку?»,* которое употребляется для негативной характеристики действий Л, приведших, по мнению автора статьи, к дестабилизации обстановки в районном городе.

В статье, направленной против высшего звена крупной энергокомпании, неоправданно завышающей тарифы на электроэнергию, пародируется рекламный слоган «*сладкая парочка*», уже давно ставший «народным выражением»: «***Сладкая парочка**. Повышение тарифов на электроэнергию».* — Данное выражение использует образ, основанный на прецедентном тексте из известной рекламы сладких шоколадных батончиков «Твикс», которые действительно представляют собой два компонента в одной упаковке. В данном случае автор статьи употребляет выражение *сладкая парочка* в переносном значении в ироническом плане с целью выразить негативное отношение к лицам, названным подобным образом. Его примерное иронически-сниженное значение, легко восстанавливаемое из предшествующего контекста: ‘Два известных и богатых лица, занимающих высокие посты и находящихся в сговоре с целью получения незаконного обогащения’.

4. Выводы

По итогам анализа были выработаны предложения для оптимизации лингвистической экспертизы медийных текстов российских СМИ. В этих случаях эксперт должен, обратившись к затекстовой информации, не только верно атрибутировать источник интертекстуального вкрапления, но и выявить характер апелляции к культурному фону адресата, способ взаимодействия семантики претекста и нового текста, коммуникативную направленность высказывания с «прецедентным феноменом», а также с максимальной достоверностью установить область референции спорного высказывания, т.е. определить, имеются ли в виду конкретное лицо / лица (в практике производства речеведческих экспертиз это — несколько нетерминологично — называется «адресный характер высказывания»).

Литература

1. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов. М.: ИПК «Информкнига», 2010. — 208 с.
2. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Пред. С. Гардзолио; Пред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2003. — 298 с.
3. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
4. Кронгауз М.А. Энергия клишированных форм // Лики языка: Сб. ст. к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской; отв. ред. М.Я. Гловинская. М.: Наследие, 1998. — С. 185-195.
5. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию: Учебное пособие. М.: Наследие, 1997. — 207 с.
6. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. – – С. 146–149.
7. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. — 592 с. (Язык. Семиотика. Культура.)
8. Радбиль, Т.Б., Юматов, В.А. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1–1. — С. 286–290.
9. Радбиль, Т.Б., Юматов, В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №3–2. — С. 18–21.
10. Радбиль, Т.Б., Юматов, В.А. Язык и метод в современной судебной экспертизе: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. каф. суд. экспертизы ННГУ им. Н.И. Лобачевского А.Ю. Арефьева. М.: Юрлитинформ, 2015. — 216 с.

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА *ГОРДИЕВ УЗЕЛ* В РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ 2007-2017 ГГ.

Сегал Н.А., Мищенко А.Н.
natasha-segal@mail.ru, anutik-anutik18@mail.ru
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
(Симферополь)

Древнегреческая мифология является важнейшим инструментом осмысления действительности, элементом истории и куль-

туры, который способен выявлять закономерности и транслировать информацию об образах и ситуациях, отношениях, поступках героев в различных мифологических сказаниях на современных социально-политических субъектов. Так, с одной стороны, при характеристике политических взаимоотношений современные СМИ часто обращаются к устойчивым конструкциям из мифологических сюжетов, отражающих особенности современного миропорядка. Приоритетными при этом являются устойчивые единицы, имеющие в денотативном содержании негативный компонент, так как для политической сферы свойственны конфликты, агрессия, что подтверждается негативно заряженными политическими контекстами. С другой стороны, политические лидеры пытаются решить ключевые проблемы государства и общества. Разнообразие проблем и неоднозначность в их решении, частотность сложных ситуаций приводит к поиску языковых номинаций, метафорически отражающих неразрешимость определенных действий, формирующих образы ключевых вопросов и проблем современного социума. Все это определяет активность и вариативность реализации устойчивой конструкции ***Гордиев узел*** и ее переход в состав прецедентных единиц.

Цель данной статьи заключается в выявлении семантико-прагматического и трансформационного потенциала прецедентной единицы ***Гордиев узел*** в текстах политических СМИ 2007-2017 гг.

Прецедентная единица ***Гордиев узел*** является одной из наиболее частотных и актуальных конструкций, функционирующих в политическом тексте. В первоначальном значении устойчивое выражение ***Гордиев узел*** определяется, согласно древнегреческой легенде, как чрезвычайно сложный узел, завязанный фригийским царем Гордием, а впоследствии рассеченный мечом Александра Македонского [1, с. 83]. Современные лексикографические источники дают следующее определение данной конструкции: некое чрезвычайно запутанное дело, сплетение обстоятельств, сложная проблема [6, с.145].

При реализации данной конструкции в политических текстах сохраняется денотативный компонент ‘разрешить дело, устранить проблему, прояснить ситуацию’и зачастую наблюдается положительное решение какого-либо политического вопроса: *Президент* ***«разрубил» гордиев узел.*** *Чиновники наперебой радуются, что*

слияние Крымского и Южного округов позволит быстрее развивать межрегиональные проекты (Кавполит, 30.06.2016). В медиатекстах объективируется не только положительное решение ситуации, но и возможность отсутствия результата, так как в политике важную роль играют решения глав государств в международных отношениях: *Дипломатия, как видим,* ***не в силах развязать или распутать*** *сирийский поистине* ***гордиев узел*** (ЕМ, 10.07.2015). Для текстов СМИ характерны случаи откладывания решения проблем: *Президент России Путин* ***«разрубил гордеев узел»,*** *... отложив решение пенсионной проблемы еще на год* (communitarian.ru, 13.02.2017). При анализе медиатекстов выявлены примеры, имеющие противоречивый характер, так как результат может быть разным (положительным или отрицательным) для отдельных государств: *Признав Иерусалим столицей,* ***Трамп*** *фактически* ***разрубил «гордиев узел»*** *притворства и двойных стандартов западного мира, которые в угоду своим интересам, всегда готовы объявить черное белым и наоборот* (Спутник, 07.12.2017).

Отметим, что конструкция ***Гордиев узел*** в первоначальном значении имеет негативную коннотацию, связана со сложностями и проблемами, которые требуют решительного и быстрого вмешательства. Исследуемая прецедентная единица характеризуетполитическое состояние многих государств и регионов, в частности, Республики Крым, что находит отражение в политических контекстах. При этом ядерной семой становится компонент «проблема». Подчеркнем, что в медиатекстах одни и те же проблемы могут решаться по-разному: а) без посторонней помощи: ***«Гордиев узел» может развязаться сам*** (Новости, 30.04.2014); б) без указания на конкретного политического субъекта: ***Кто разрубит гордиев узел*** *войны в Донбассе?* (russianpulse.ru, 03.06. 2016); в) с помощью конкретного политического субъекта: ***Ющенко разрубил «гордиев узел»*** *проблем Украины* (08.09.2015); *Аксенов* ***разрубил гордиев узел*** *политических* ***проблем*** *вокруг «Патриота»* (Национальный эксперт, 15.03.2017); ***Лукашенко*** *надеется* ***разрубить «гордиев узел проблем»*** (Суть событий, 22.04.2014); ***Гордиев узел*** *газовых* ***проблем*** (2000.ua, 08.11.2016). Последние примеры усиливают денотативное значение прецедентной конструкции ***Гордиев узел*** при помощи дополнения «проблема», так как уже означает

ситуацию, когда поставленная задача настолько сложна, что для ее решения требуется нестандартный, оригинальный подход. Подчеркнем, что весьма характерным для медиапространства является невозможность решения проблемы: *Виталий Портников:* ***Гордиев узел*** *между Трампом и Путиным* ***развязать невозможно*** (НГ, 17.08.2017).

Тематика проблем, репрезентированных через конструкцию ***Гордиев узел***, разнообразна. К ним можно отнести различные аспекты политической и социально-экономической жизни государств или регионов, военные, миграционные, экологические проблемы, проблемы международного сотрудничества, вопрос присоединения Крыма и его внутриполитические проблемы и т.п.: ***Гордиев узел Закарпатья.*** *Стрельба в закарпатском городе Мукачево стала очередным тестом для украинской власти на состоятельность, а для украинского государства – на выживаемость* (politcom.ru, 23.07.2015); ***Гордиев узел Минска*** *может разрубить только воля Кремля* (Новороссия, 26.02.2017); ***Гордиев узел Донбасса:*** *как развязать?* (Время, 06.02.2017).

В региональных СМИ, как показал анализ, наиболее полно конструкция ***Гордиев узел*** характеризует внутриполитическую ситуацию Крыма. Подчеркнем, что сам Крым не является ***Гордиевым узлом***, однако его внутриполитические проблемы становятся причиной затруднений и сложных ситуаций: *Кадровые перестановки в Крыму:* ***разрубили «гордиев узел»*** (В Зените, 29.07.2016); *ТБО –* ***гордиев узел*** *курортной Ялты.* ***Гордиев узел*** *мусорных проблем курорта Крым можно и нужно разрубить* (Отдых, 16.94.2015); ***Гордиев узел*** *Артековской земли* (Безформата.ру, 17.06.2015); ***«Гордиев узел»*** *севастопольских СМИ – сам чёрт ногу сломит* (Информер, 07.03.2017); ***Гордиев узел*** *крымских распрей* (Прессинг, 30.11.2014); ***Гордиев узел*** *транспортной отрасли* (Лига, 01.09.2016); ***Гордиев узел*** *маршруток* (privetsochi.ru, 08.08.2012).

При реализации в контекстах обращает на себя внимание вариативность глагольных сочетаний. Так, в «Словаре синонимов и антонимов современного русского языка» под редакцией А.С.Гавриловой глагол *разрубить* имеет такие синонимы: перерубить, раскроить, рассечь, изрубить [7, с.318]. Согласно данным лексикографических источников, «разрубить гордиев узел» – разрешить

какое-либо сложное, запутанное дело очень просто, волевым решением, без долгих размышлений [6, с.145].

Отметим, что при реализации прецедентной единицы ***Гордиев узел*** в сочетании с глаголом находят отражение не все языковые единицы, входящие в синонимический ряд глагола *разрубить*. Как показал анализ, в медиатекстах происходит расширение синонимического ряда за счет глаголов: 1. Развязать – разъединить (концы связанного), освободить от завязки. Р. узел; 2. Распутать 1.Разделить, разъединить (спутанное), размотать. Р. узел, клубок (также перен.: разобраться в сложном, запутанном деле) [4, с.837].

Для медиатекстов характерно использование динамических глаголов «разрубить», «развязать», «распутать» в разных временных формах: *Как Порошенко* ***разрубить «гордиев узел»*** *Второй украинской республики* (Антикор, 08.06.2014); Владимир Путин ***развяжет*** в Сирии еще один ***«гордиев узел»*** (blogger.ru, 03.07.2017); *Ближний Восток: можно ли* ***распутать Гордиев узел?*** (interaffairs.ru, 21.11.2017); *Нужно постараться аккуратно* ***распутать гордиев узел*** *на востоке Украины* (dw.com, 25.08.2014); ***Гордиев узел*** в московском небе: как его ***распутать***? *В этом году почти 300 километров проводов спрячут под землю. Там же должны проходить телевизионные и интернет-кабели, но, как выяснилось, даже специалисты порой не могут разобраться в беспорядочном скоплении проводов* (Вести.ру, 17.10.2017). Данный контекст не только в переносном значении характеризует проблемы Москвы, но и в прямом акцентирует внимание на «узлах», километров проводов, которые нависали над головами москвичей.

При моделировании противоположной ситуации (формирование проблемы или конфликта) в медиатекстах активно реализуется глагол *завязать*. В метафорическом переосмыслении глагол *завязать* означает произвести решительные действия в нестандартной ситуации или усугубить проблему: *США* ***завязали*** *трубы «Газпрома»* ***в гордиев узел*** (maxpark.com, 17.11.2017); *Депутаты херсонского горсовета* ***«завязали» Гордиев узел*** *[…] решили запретить рекламу пассажирских перевозок в Крым, на территорию ДНР и ЛНР* (Херсон, 20.10.2016). Такие конструкции в семантическом плане не требуют скорейшего решения проблемы, а

лишь констатируют факт ее наличия. При этом в большинстве случаев проблема требует вмешательства, даже если ее решение откладывали на потом: ***Гордиев узел завязывается*** *туго...* ***Но рубить все-таки придется****. […] Волгодонск посетил первый заместитель губернатора Виктор Гончаров. Цель визита –* ***пощупать*** *наш транспортный* ***гордиев узел*** *на месте* (Волгодонская правда, 15.09.2017). Данный контекст иллюстрирует ситуацию, когда нужно принять меры, но прежде, чем принять решение, необходимо оценить ситуацию, на что указывает глагол «пощупать» гордиев узел.

Еще одним примером моделирования противоположной ситуации может послужить следующий контекст: *О* ***крымский узел затупились*** *многие* ***мечи****.* ***Гордиев узел****, которым стал вдруг для всего мира крымский полуостров,* ***затягивается*** *всё туже* (donbass.ua, 24.03.2014). Как известно из мифологии, именно мечом А. Македонский разрубил Гордиев узел. В медиатексте мечи – государства или властные структуры, которые обсуждали вопрос принадлежности Крыма, предпринимали попытки его решения. В адъективном сочетании ***Гордиев узел*** адъектив ***Гордиев*** замещается адъективом ***крымский*** с целью акцентирования внимания на вопросе воссоединения Крыма с Россией, что усиливается за счет динамического глагола «затягивается». Такого рода конструкции в медиатекстах являются частотными, что еще раз доказывает значительное количество неразрешенных ситуаций вокруг Крыма: ***Крымский гордиев узел: рубить нельзя развязывать.*** *По сути, Россия разрубила Гордиев узел только для того, чтобы немедленно заменить его новым, еще более запутанным* (sputnikipogrom.com, 21.04.2014). В современных условиях фразы, подобные известной конструкции из рассказа Лии Гераскиной «В стране невыученных уроков» (2010) «казнить нельзя помиловать», подразумевают возможность неоднозначного толкования и часто используются, чтобы заострить внимание на важном вопросе. Конструкция «рубить нельзя развязывать» без постановки необходимого знака препинания демонстрирует две взаимоисключающие возможности для Крыма: после вхождения в состав Российской Федерации проблемы региона не исчезли. В зависимости от поставленного акцента принимается единственно верное решение:

рубить – агрессивное решение проблемы, которое является единственным правильным, или развязывать – мирное урегулирование вопроса «развязывать», что не решает проблемную ситуацию.

Как показал анализ, при реализации в медиатекстах происходят следующие структурно-семантические трансформации:

1. Расширение конструкции посредством адъектива без трансформации компонентов: ***Транспортно-гордиев узел*** (Новые известия, 10.11.2015); ***Каспийский гордиев узел:*** *юридические нюансы затянувшегося спора* (eadaily.com, 25.04.2017); ***Сирийский гордиев узел*** (Полит Навигатор, 27.07.2016); *Кто разрубит* ***закавказский железнодорожный «гордиев узел»?*** (voskanapat.info, 04.11.2015).

2. Замена первого компонента конструкции новым, окказиональным с изменением семантики: акцентируется внимание не на денотативном значении конструкции, а на объекте: ***Крымский узел:*** *кто его завязывает и как его развязывать* (timeua.com, 28.02.2017);*Удастся ли распутать* ***«гамбургский узел»?*** *Это стало символом того, что у некоторых сложных проблем есть достаточно простые решения* (РНЛ, 07.07.2017); *Владимир Путин постарается ослабить* ***карабахский узел*** (Известия, 18.04.2016); *Удастся ли развязать* ***турецкий узел?*** (РНЛ, 08.07.2016); *Развяжет ли Украина* ***газовый узел*** *сама или его разрубят?* (discred.ru, 27.07.2014).

Следует отметить, что конструкция ***Гордиев узел*** в медиатекстах может использоваться в форме множественного числа, что не является характерным для ее денотативного употребления: *Трамп «разрубает* ***Гордиевы узлы»*** *своих предшественников радикальным образом* (Новая газета, 2017.12.2014); *«Вместо того чтобы разрубить* ***«гордиевы узлы»*** *бюджетной политики, их запутывают и затягивают еще больше»* (dmitrieva.org, 13.06.2013).

В политических текстах конструкция ***Гордиев узел*** может предполагать наличие определенного объекта, который и видится проблемой, запутанной ситуацией. Такие объекты не являются однородными и представлены следующими тематическими группами:

1) территориально-административные объекты (государства или регионы): ***Украина: Гордиев узел*** (НГ, 23.04.2014); ***Гордиев узел: США, Иран и арабские страны*** (politeka.net, 16.05. 2015);

***Гордиев узел юга Сирии**: Американская коса на иранский камень* (Правда, 08.06.2017).

2) политические отношения: ***Гордиев узел** турецко-российских **отношений*** (zn.ua, 12.05.2017); *Российский газ на Украине: **Гордиев узел дружбы*** (Русская служба, 06.10. 2010); *Как Беларуси **разрубить гордиев узел** в отношениях с США?* (Виперсон, 08.08.2014).

3) политические организации: *Обама связывает ЕС и НАТО **в «гордиев узел»*** (Новости,13.10.2006);

4) ресурсы: ***Энергия – гордиев узел** российско-европейских переговоров* (minprom.ua, 22.05.2016); ***Гордиев узел** на украинской **трубе*** (Регнум, 16.08. 2017); *Владимир Путин распорядился развязать **«Гордиев узел» энергетики** Калининградской области* (Русский запад, 20.05.2013).

5) политические события: *Трагические **события, охватившие Донбасс** с 2014 г, являются неразрешимым для Украины **Гордиевым узлом**, который пока она не может распутать или разрубить* (Обозреватель, 22.04. 2017).

Таким образом, апелляция к мифологическим образам и сюжетам в текстах политических СМИ успешно иллюстрирует информативную и суггестивную функции. Прецедентная единица ***Гордиев узел*** эксплицирует современную политическую ситуацию: сложные, нерешенные проблемы государств или общества, требующие быстрого реагирования. Идея авторов медиатекстов выражается в имплицитной, метафорической форме, что дает возможность интерпретировать происходящее самостоятельно, при этом следуя известному мифологическому сюжету. Таким образом, использование прецедентной единицы ***Гордиев узел*** является удачным приемом для акцентирования внимания на политических проблемах различных государств и регионов, а также общества в целом.

Литература

1. Ашукин Н.С. Крылатые слова: литературные цитаты; образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Худож. лит., 1988. – 528 с.

2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 264 с.

3. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.

4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов.– Москва: Оникс, 2008 – 1200 с.

5. Сегал Н.А. «Троянский цикл» как источник прецедентности в масс-медийном дискурсе / Н.А. Сегал, А.Н. Мищенко // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. – Том 8, № 2. – С.367 – 377.

6. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В.В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 677 с.

7. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.

ДВУЯЗЫЧНЫЙ САЙТ ГАЗЕТЫ «ЕРКРАМАС»: ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В.В. Смеюха

Ростовский государственный университет путей сообщения

(Ростов-на-Дону)

В условиях информационной глобализации усиливаются проблемы формирования национальной идентичности, сохранения и развития национальных культур. Исследователи сходятся во мнении, что распространение западных ценностей, массовой культуры ведет к ослаблению национальных традиций, национального самосознания. Значительное влияние на процессы формирования идентичности оказывает медийная среда: массмедиа распространяют образы, модели поведения, идеи, которые активно использует аудиторный сегмент [2, 4, 6]. Однако данная среда может популяризировать ценности и идеалы, не всегда соответствующие духовным запросам аудитории, ее возможностям, что провоцирует конфликты, проблемы реализации идентичности. Можно выделить ряд факторов, препятствующих тематическому и функциональному равновесию массмедиа: это и утверждение поведенческих концепций постиндустриального общества, изменивших традиционные ценности индивидов, морально-нравственные установки, и усиление значимости статусных концепций, и модификация профессиональной среды и профессиональных ориентиров и т.д. Таким образом, массмедиа, которые могут и должны поддерживать и развивать информационные интересы аудитории, деформируют их. Исходя из чего, этнические и национальные СМИ, которые могут способствовать сохранению и развитию национальной культуры, национального самосознания, в настоящее время не

являются популярными и распространенными, что осложняет и затрудняет формирование национальной идентичности. В связи с чем «российская медиасистема пока недостаточно актуализирует информационные ресурсы этнического и межэтнического характера, не удовлетворяя в полной мере информационные потребности этнических аудиторных групп» [5, с. 89].

Основная проблема выпуска национальных и этнических СМИ – их финансирование. Проблема финансирования является одной из главных и для газеты армян России «Еркрамас». Издание было основано в 1996 г. и является одним из немногих армянских этнических СМИ, открывшихся в постсоветское время и продолжающих свое развитие. Газета «Еркрамас» издается в г. Краснодаре, распространяется на территории Российской Федерации. Выходит на русском языке с вкладкой на армянском языке. Сайт издания – двуязычный.

В России зарегистрировано более двух тысяч изданий на национальных языках, как отмечает доктор филологических наук, профессор Г.Ю. Богданович, «многоязычие во многом определяется культурным фоном, сформировавшимся в конкретных социальных, политических, экономических условиях, воспринимаемых и оцениваемых в связи с особенностями национального менталитета» [1, с. 13].

Большая часть периодических изданий диаспор издается на русском языке, «примерно пятая часть изданий − двуязычные, на русском и «родном» языке, причем материалы на «родном» языке составляют от 50 до 75% объема газеты» [3, с. 132]. В.М. Пешкова формулирует следующие причины выхода этнических СМИ преимущественно на русском языке: широкое использование диаспорами русского языка, дешевизна выпуска издания на одном языке, стремление расширить читательскую аудиторию и сформировать в русскоязычном медийном пространстве положительный образ диаспоры.

Выход издания «Еркрамас» на русском языке расширяет его аудиторию, оно доступно для чтения русскоязычной аудитории, интересующейся положением армянской диаспоры в России. Публикация материалов на армянском языке позволяет не только про-

водить информирование аудитории, владеющей армянским языком, но и ведет к сохранению армянского языка за пределами Армении.

Многолетняя деятельность газеты «Еркрамас» − заслуга ее основателя, редактора и издателя. Т. Тавадьян не имеет журналистского образования (окончил мединститут), но считает себя журналистом (см.: Быть полезным народу (Интервью с редактором газеты «Еркрамас» Т. Тавадьяном…), работал корреспондентом в различных изданиях, занимается общественной деятельностью. Довольно известным стал его обзор армянских СМИ юга России (Тавадьян Т. Армянские СМИ юга России и их влияние на вывод армянских общин региона из кризиса // Hayinfo.ru. 28.10.2010.URL: http://www.hayinfo.ru/ru/analytics/86139.html), в котором были представлены армянские издания, открывшиеся в южных регионах страны в постсоветский период, проанализированы причины их закрытия, а также обозначены задачи этнических СМИ (в частности, «преодоление разобщенности, организация обмена информацией и распространения, по возможности, согласованной информации по вопросам, имеющим общенациональное значение») и возможные варианты развития.

Цель издания напрямую связана с формированием национальной идентичности, что подразумевает духовное единение армян, проживающих на территории Российской Федерации, их знакомство с политической, экономической и культурной информацией, затрагивающей интересы армянского этноса. Сам редактор и издатель формулирует цель газеты «Еркрамас» следующим образом: «…пробудить в российских армянах чувство единения между собой и, в то же время, с Родиной, оставленной их предками не так уж и давно. Наш читатель не должен делать различий между армянином, проживающим, например, на Кубани, и армянином где-нибудь в Орловщине. И того и другого объединяет общая Родина, оставшаяся там, за вершинами Арарата» (см.: Быть полезным народу (Интервью с редактором газеты «Еркрамас» Т. Тавадьяном…).

Необходимо отметить, что «Еркрамас» − это не просто средство массовой информации, газета используется в качестве ресурса, способствующего организации общественной инициативы, этнических объединений. «“Еркрамас” − не только газета. Это еще

и общественная структура, потому что там, где у нас создается корпункт, одновременно образуется общественно-инициативная группа, которая ведет определенную деятельность. Мы инициировали и принимали участие в создании нескольких общественных организаций − научного центра “Амшен”, Центра культуры и образования “Нарек”, ряда молодежных объединений, которые занимаются вполне конкретной деятельностью. Подобная конкретизация деятельности приводит к тому, что организации быстро завоевывают авторитет и известность среди армян». (Григорян М. Для чего оставаться армянином, если нет связи с родиной? (Интервью с редактором газеты «Еркрамас» Т. Тавадьяном) // OpenArmenia. 4.08.2007. URL: http://openarmenia.com/index.php?/topic/18326).

Потрет читательской аудитории, по мнению издателя, выглядит следующим образом: это читатели, интересующиеся жизнью армянского населения, проживающего как в самой Армении, так и за ее пределами («их всех объединяет национальная принадлежность или, точнее сказать, отношение к армянской нации и Армении») (Степанян С. Важнейшей целью армянских организаций должна быть борьба с ассимиляцией (Интервью с редактором газеты «Еркрамас» Т. Тавадьяном) // ArmeniaToday. 17.12.2008. URL: http://armtoday.info/default.asp?Lang=_Ru&NewsID=7545). И если ранее редактор утверждал, что «“Еркрамас” читают люди самого различного социального статуса, образовательного уровня и возраста», то сегодня редакция издания детализирует социальные характеристики читательской группы: предприниматели, представители административных структур, студенты (Рекламодателям // Еркрамас. URL:http://www.yerkramas.org/ru/page/16/reklama/84977. (дата обращения: 28.03.2016.).

Исходя из целевой направленности издания, интересов читательской аудитории, на сайте газеты представлены следующие тематические разделы: «Политика», «Закавказье», «Экономика», «Армия», «Диаспора», «Общество», «Культура», «Спорт» и др.

География интересов авторов издания довольно широкая, и хотя здание позиционирует себя как СМИ армян России, оно освещает вопросы, связанные с жизнью армянского населения, независимо от его проживания: «О геноциде армян в Турции и связи ИГИЛ с Османской Турцией говорили на лекции в Армавире

(Краснодарский край)» (16.03.2016), С.С. Казаров «Вторая международная научная конференция «Армяне Юга России: история, культура, общее будущее» (Ростов-на-Дону, 26−28 мая 2015 г.)» (12.06.2015), «Монастырь Сурб Хач в Крыму − объект культурного наследия России» (21.10.2015), «Французский министр: ни одно должностное лицо не участвовало в антиармянском мероприятии в Париже» (10.03.2016), «Посол: Польша однозначно будет представлена на мероприятиях 100-летия Геноцида» (11.03.2015) и др.

Редакция издания использует как авторские материалы, так и информацию, предоставленную информационными агентствами. Среди авторов необходимо отметить аналитика Л. Амшенци («Лаврентий Амшенци о кризисе в Азербайджане, российско-турецких отношениях и новой Конституции РА» (7.12.2015), «“Турецкий поток”, еще не начавшись, уже буксует» (29.05.2015), «В. Путин построил сильную армию и теперь собирает союзников» (21.10.2014) и др.). В своих публикациях Л. Ашменци рассматривает проблемы армянских общин России, взаимоотношений Армении с другими странами; значительный отклик вызывают его материалы об Азербайджане («не один год задействован [Л. Ашменци] в информационной войне против Азербайджана»), а некоторые из высказываний аналитика редакция «Еркрамаса» посчитала недопустимыми в публикации («спустя несколько часов разоблачительные комментарии Лаврентия Амшенци были удалены с сайта газеты «Еркрамас» по прямому указанию его редактора Тиграна Тавадьяна» (Vesti.az.11.2014.URL:http://www.vesti.az/ news/225782).

Таким образом, можно заключить, что газета «Еркрамас» является ярким примером этнической прессы; основная цель издания − сохранение национальной идеи, защита интересов армянской диаспоры, поддержание и развитие национальной культуры, традиций. Выход издания на русском и армянском языках способствует реализации нескольких задач: расширяет читательскую аудиторию, привлекает аудиторную группу, не владеющую армянским языком, но интересующуюся жизнью армянской диаспоры в России, а также развитием Армении в современном мире; способствует сохранению армянского языка за пределами Армении.

Литература

1. Богданович Г.Ю. Еще раз о тексте, дискурсе, языковой картине мира в полилингвокультурной ситуации // Современная картина мира: крымский контекст: коллект. моногр. Кн. 1. Симферополь: Ариал, 2017. С. 12–30.
2. Коханая О.Е. СМИ и сохранность культурного ядра на постсоветском медиапространстве // Международная журналистика–2017: идея интеграции интеграций и медиа: матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. Минск: Белорусский государственный университет, 2017. С. 147–155.
3. Пешкова В.М. Диаспорные печатные издания как альтернативное медийное пространство для репрезентации этнокультурного разнообразия России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4 (69). С. 214–141.
4. Ханова А.Г. Роль русскоязычных зарубежных СМИ в сохранении национальной идентичности соотечественников // Этническая журналистика: история и современность. Ежегодник № 10. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. С. 47–52.
5. Шкондин М.В. Публичность этнического медиапространства // Этническая журналистика: история и современность. Ежегодник № 9. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2016. С. 86–93.
6. Яблоновская Н.В. Современная этножурналистика Крыма: основные тенденции развития // Этническая журналистика: история и современность. Ежегодник № 10. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. С. 63–75.

ИРОНИЯ КАК СПОСОБ ВЛИЯНИЯ НА СОВРЕМЕННОЕ МЕДИАСОЗНАНИЕ

И.А. Соболева
sobolevalugansk@mail.ru
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»
(*Луганск*)

Современный медиадискурс характеризуется активизацией различных проявлений иронического. При этом варианты воплощения иронии в языке дискурса реализуются в различных формах: это может быть репрезентация речевых жанров, относимых к области иронии (анекдотов, антифразисов, шутливых афоризмов, сентенций и т.д.), или придания иронической тональности жанрам, изначально не относящимся к комическим (очеркам, эссе, репортажам и т.д.).

Ирония в современном медиадискурсе чаще всего осуществляется с определенной иллокутивной целью, и для достижения

этой цели (или целей) участники коммуникации выбирают те средства языка, которые им кажутся оптимальными [7, с. 184]. Современной медиалингвистике еще предстоит исследовать иронический потенциал современного медиадискурса и классифицировать виды иронических стратегий и тактик.

В этой статье мы попытаемся, используя типологию коммуникативно-речевых стратегий М.Ю. Олешкова [3, с. 93], проанализировать иронический механизм медиадискурса телевизионных ток-шоу при реализации экспрессивно-апеллятивной, манипулятивно-воздействующей, оценочно-аксиологической стратегий.

Ирония – один из самых древних с точки зрения интереса к его применению и организации риторических приемов, о котором известно и много, и мало одновременно. Греческое происхождение этого термина отсылает нас к следующему его значению – «притворное незнание, притворное самоунижение» [4, с. 227], «притворство, когда человек притворяется глупее, чем он есть» [1, с. 405].

В Энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» приводятся два значения иронии: 1) «…выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение»; 2) «вид комического, в котором критическое отношение к объекту осмеяния носит осуждающий характер и выражается в несколько завуалированном виде» [1, с. 227-229].

Наиболее точно и емко специфику иронии интерпретирует, на наш взгляд, Л.Н. Синельникова, когда размышляет о специфике иронии в авангардной поэзии: «Ирония – всегда элемент культуры, свойство анализирующего, оценивающего сознания. Ирония сопровождает мысль о мире, вступившем в стадию переоценки… Иронизирующий поэт направляет внимание читателя на то, что суетное, ничтожное не может быть вечным, следовательно, надо менять сознание, чтобы поставить его в соответствие с истинным предназначением человека… Ирония скорее боль, чем осмеяние» [6, с. 157].

Современный иронический тип медиаповествования – многогранный, неоднозначный процесс. Это и способ личностного отстранения, дистанцирования от реальности, когда ирония современного медиадискурса выражает насмешку, лукавство, ставит

под сомнение объективность сказанного, но гораздо в меньшей мере выражает критическое или осуждающее отношение к изображаемому. Ирония медиадискурса частотно предполагает слегка завуалированные превосходство, снисхождение, скептицизм по отношению к описываемым реалиям, выражая ценностные ориентиры дискурсивной личности. Ирония медиадискурса – это семантический процесс переключения между отрицательной и утвердительной модальностями одного и того же высказывания (слова, словосочетания, предложения), или положительной и негативной оценкой объекта высказывания, осуществляющейся при помощи интонации, контекста.

Современные СМИ изобилуют иронией, в которых она на дискурсивном уровне проявляется по-разному: «…как оппозиция пафосу она быстро примиряется с разговорными и просторечными средствами, как спрятанная критика стремится опереться на стилистический синтез языковых средств, выполняя одну из основных задач – свести несводимое» [6, с. 156].

Ввиду того, что ироническое высказывание, как правило, заключает в себе оценку и выражает собственную позицию адресата к объекту, в медиадискурсе адресант особенно часто обращается к иронии в реализации оценочно-аксиологической речевой стратегии. Оценочно-аксиологическая стратегия заключается в праве давать оценку событиям, обстоятельствам, персонажам, балансируя между объективно-субъективным отношением к действительности [3, с. 119]. В оценочно-аксиологической стратегии ирония «присутствует» в передаче отношения к действительности, жизни вообще или к конкретным поступкам, поведению, фактам и т.д.

Так, к примеру, и ведущие, и участники телевизионных общественно-политических ток-шоу не могут обойтись без иронических замечаний, восклицаний, обобщений, дающих косвенную, завуалированную оценочность содержанию высказывания:

- *Нам говорят: «Положите Крым на место».*

- *Уже который раз США провоцируют Россию, а Россия в очередной раз «не приходит» на войну.*

- *Украинцы протестовали, протестовали и добились – стало хуже.*

- *В историю трудно войти, но легко вляпаться.*

Через употребление иронических высказываний реализуется и манипулятивно-воздействующая стратегия. Иронические речевые акты, используемые при этом, обусловлены интенцией координации деятельности, то есть намерения адресата регулировать процесс восприятия информации, влиять на его протекание. В манипулятивно-воздействующей стратегии ирония участвует в реализации таких коммуникативно-речевых тактик, как контроль над деятельностью и контроль над восприятием. Очевидно, желание манипулировать и влиять на сознание адресанта все более и более подчиняет себе все другие интенции автора медиадискурса. Поэтому даже иронический медиадискурс манипулятивен по сути.

Дискурс телевизионных ток-шоу изобилует манипулятивно-воздействующей тактикой, когда в ходе перманентной ожесточенной политической полемики ее участники ищут любые способы аргументации в отстаивании своей точки зрения. Они могут притворяться единомышленником оппонента, поддакивая ему, незаметно доводить его взгляд до абсурда, обнаруживая ограниченность как бы очевидных истин и т.д. Такая ирония, будучи субъективной по сути, выполняет задачу внушения, является суггестивной формой воздействия на сознание адресата. В этих случаях ирония часто становится преувеличенной, грубой, приближается к пародии, когда противоречие между созерцаемым и мыслимым выступает очень отчетливо, на грани фола.

Так, обсуждая действия и высказывания президента Трампа в отношении России, на вопрос одного из участников ток-шоу «Время покажет»: «*А что Трамп сделал хорошего для России? Все говорят, что Трамп – пророссийский президент, но какие для этого основания?*», – депутат Государственной Думы А. Журавлев отвечает: «*Вы знаете, сделать что-то хорошее очень трудно, а вот нагадить – раз и все».*

В другом случае ведущий того же ток-шоу А. Кузичев резюмирует: «*Русофобия чревата косоглазием. Посмотрите на Сытина и Гозмана*» (иронизация по поводу физических недостатков человека категорически недопустима).

В экспрессивно-апеллятивной стратегии, которая связана с формированием эмоциональной среды дискурса, с оценкой коммуникативной ситуации, ирония участвует в реализации таких

коммуникативно-речевых тактик, как формирование эмоционального настроя и самопрезентации. Ирония в ряде случаев помогает смягчить однозначность, категоричность оценки и представить суждение в форме некой доброжелательной насмешки над действительностью или над собой.

Коммуникативно-речевая тактика самопрезентации позволяет с помощью иронических речевых актов реализовать тактический ход «речевого моделирования»: автор, употребляя активно и последовательно яркие иронические высказывания, формирует свой определенный имидж ирониста. Именно последовательность, повторяемость иронических стратегий, при условии их своеобразности, оригинальности и т.д., моделирует структуру имиджа многих талантливых современных журналистов. Ведущие всех политических ток-шоу на различных телеканалах как будто соревнуются между собой в отстаивании права называться «Иронистом №1».

Примеров реализации экспрессивно-аппелятивной стратегии в ироническом медиадискурсе телевизионных ток-шоу достаточно много. Вот один из них:

- *Евросоюз – большая коммунальная квартира, где много соседей, которые охотно бросят какую-нибудь гадость в кастрюлю с борщом другому соседу. А Украина похожа на того, кто обращается к Европе примерно так: «Бабушка Европа, дай попить, а то так кушать хочется, что даже переночевать негде»*.

Примечательно, что иронический дискурс стал использоваться в реализации информационно-аргументирующей стратегии. Хотя, казалось бы, ирония призвана давать оценку уже известным, сложившимся знаниям, а информационно-аргументирующая стратегия направлена на усвоение новой информации. Интенция ироничности наряду с разговорностью, непосредственностью общения и обмена мнениями сквозит в интонациях телеведущих и в дискурсах журналистов, рассказывающих о самых разных событиях: светской жизни, политических баталиях, экономических фактах и т.д. Этот иронический «флер», видимо, воспринимается или должен восприниматься адресантом как некая попытка смягчить сказанное, извиниться за сообщенное. Ирония позволяет абстрагироваться и дистанцироваться от действительности, о которой идет

речь. Далеко не всегда и не всем этот экзамен на ироническую интонацию удается достойно выдержать.

Итак, функциональный потенциал иронии медиадискурса многообразен. Использование иронических высказываний позволяет автору медиадискурса оценивать изображаемую ситуацию, ее участников, попутно выражая свои эмоции, личное отношение к объекту иронии, и тем самым воздействовать на адресата, заставляя формировать у него определенное отношение и точку зрения. Кроме того, в некоторых случаях ирония медиадискурса помогает адресату сформировать у адресанта необходимый эмоциональный настрой, а также презентовать себя как яркую, самобытную дискурсивную личность.

Таким образом, мотивированное, осознанное использование адресатом иронических речевых актов всегда интенционально обусловлено: он употребляет иронию намеренно, с конкретными целями, достижение которых происходит в рамках тех или иных стратегий и тактик. И хотя некоторые исследователи считают, что ирония имеет очень много ограничений [4], нельзя не отметить того, что ирония является мощным средством реализации прагматических установок и задач современного медиадискурса, одним из важных рычагов влияния на современное медиасознание.

Литература

1. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 2002. – 480с.

2. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / [под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова и др.]. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

3. Олешков М.Ю. Моделирование коммуникативного процесса / М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. – 336 с.

4. Лассан Э.Р. Изображение речи власти как средство ее десакрализации [Электронный ресурс] / Э.Р. Лассан – Режим доступа к ресурсу: http.: // artstudio.de/kontakt.html.

5. Литературный энциклопедический словарь / [под ред. В.Н.Кожевникова, Л.А. Николаева]. М.: Советская энциклопедия, 1990. – 752 с.

6. Синельникова Л.Н. Лирический сюжет в языковых характеристиках: монография / Л.Н. Синельникова. – Луганск: Знание, 1993. – 188 с.

7. Шилихина К.М. Ирония как способ повышения авторитетности /

К.М. Шилихина. – Воронеж: Воронежский государственный университет: Издательский дом Алейниковых, 2008. –194 с.

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКРЕАТИВНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л.В.Соснина
ludmilasosnina@gmail.com
ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»
(Донецк)

Современное словообразование характеризуется значительным количеством производных, образованных на базе заимствований. По причине активизации их использования в современной речи «ему свойственно употребление различных типов сложений, а также постоянное увеличение числа условных знаков – сокращенных слов» [1, с. 29]. Каждое слово обладает словообразовательным потенциалом, т. е. способностью создавать новые слова по существующим в языке словообразовательным моделям. Словообразовательная активность рассматривается как вполне реальный языковой факт, **словообразовательный же потенциал - как** нереализованная способность слова, которая может проявляться лишь при определенных обстоятельствах.

Считается, что наиболее продуктивным путем развития словарного состава является образование новых слов по уже существующим словообразовательным моделям, свойственным только данному языку: «…большая часть новообразований – это слова потенциальные, созданные по продуктивным словообразовательным моделям в соответствии с правилами русского словообразования» [4, с.187]. Слова с русскими по происхождению компонентами «обладают наибольшим лингвокультурным потенциалом», среди них преобладают «композиты с компаративным ономасиологическим значением в структуре номинативно-словообразовательного значения» [3, с.50]. По мнению А.А. Матюновой, все подобные номинации в основном не называют явления, а демонстрируют отношение автора к нему, причем иногда «эмоционально-образная составляющая преобладает над объективным смыслом слов, является определяющим компонентом их семантики, важнейшую роль при этом играет контаминация основ (Толстоевский = Толстой +

Достоевский)» [там же, с.50]. В конце прошлого столетия появилась целая группа сложных слов, встречающихся главным образом в интернет-блогах и СМИ, мы отметили следующие примеры: ***ленинскогорбачевский*** (*пошиб*), ***хохлорусич***, ***девяностолохматый***, ***укрохомячок***, ***криворылый***, ***мамоРусь***, ***Толстоевский***, ***медиабизнес***, ***эмотон***, ***блогосфера***, ***мыслеформула***: *Российская* ***блогосфера*** *с удивлением цитирует финансиста Андрея Мовчана, который еще в августе 2013 года написал для русского «Форбса» статью «Почему через три года за доллар будут давать 50 рублей»* (Виталий Лейбин. Пальцем в график // «Русский репортер», 2014; НКРЯ; www.ruscorpora.ru); «*Когда мы пришли в группу, мы обнаружили, что этот* ***медиабизнес*** *за время своего существования никогда не приносил прибыли»* (Алексей Панкин. Медиатормоз // «Отечественные записки», 2003; НКРЯ; www.ruscorpora.ru).

Вполне очевиден тот факт, что значительную часть новообразований составляют заимствованные из других языков слова, освоение которых является одним из приоритетных направлений расширения лексической системы языка. Ученые-лингвисты предлагают выделить в отдельную группу лексические единицы компрессивного характера, структурную организацию которых осложняет иноязычный компонент. Они образуют особый конструктивный тип, общей основой построения которого является принцип сокращенности и наличие иноязычного компонента (***IP-консультации***, ***IT-специалисты***, ***VIP-такси***, ***CD-мания***, ***VJ-блок***, ***МузZone***). Т.В. Возбранная полагает, что в современном русском языке наблюдается «бум заимствований» и «бум аббревиации», «пополняются типы и модели сложносокращенных единиц с иноязычным компонентом, который, в свою очередь, постоянно обновляется и способствует тем самым реализации словообразовательного потенциала» [1, с. 30]. Иноязычные аббревиатуры служат производящей базой для новых дериватов (***ВИПовцы***, ***ВИПеры***, ***виповский***, ***PRовцы***, ***пиарщик***, ***пиариться***, ***пиаровский***), например: *Какие-нибудь заслуженные, народные, ходящие через виповский зал*? (Петр Галицкий. Опасная коллекция (2000); НКРЯ; www.ruscorpora.ru); *Другие совладельцы имеют прочие бизнесы, которые обслуживаются в Кузнецкбизнес банке в ряду десятков других VIP-****клиентов*** (Александр Ивантер. Осторожный Шерлок

Холмс // «Эксперт», 2014; НКРЯ; www.ruscorpora.ru). Иноязычный компонент оформляется «средствами как русской, так и латинской графики, может характеризоваться пре- / постпозитивным использованием в структуре производного, а также отличаться разным типом сокращения (инициальный тип, слоговое сокращение, сокращение произвольного типа)» [1, с. 31].

Англицизмы, являясь производящей основой для русских дериватов, обладают, несомненно, высокой словообразовательной активностью. Лингвокреативный потенциал словообразовательной неологизации демонстрируют производные от аббревиатуры ***PR*** (***PR-кампания***,***PR-ресурс***,***PR-ход***). Английская аббревиатура служит мотиватором русского варианта ПР, от которого образовано множество производных. Словообразовательное гнездо, состоящее из таких новообразований, имеет две вершины: ***PR*** и ***ПР***, однако «русская вершина активно вытесняет исторически первичную, англоязычную» [5, с.85]. Лингвисты фиксируют всего 7 дериватов от английской аббревиатуры, русская же мотивирует 57 производных. Наиболее часто встречаются сложения со словом ***пиар***–***пиар-акция***, ***пиар-технология***, ***пиар-структура***, *например*: ***PR-менеджер*** *– из Государственного симфонического оркестра Республики Татарстан под управлением Александра Сладковского* (Кому не все равно // «Русский репортер», 2014 НКРЯ; www.ruscorpora.ru); *Примечательно, что факты публикации этих «сливных» статей «Саратов СП» связывает с деятельностью* ***PR-команды*** *известной московской имиджмейкерской фирмы «Никколо-М»* (…) *Ни о каких «чёрных»* ***PR-акциях*** *во время довыборов в гордуму в ту пору речь не шла* (Моральный вред с правом передачи - 2. (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.05.15; НКРЯ; www.ruscorpora.ru). В то же время фиксируем конструкции «аббревиатура инициального типа+аффиксация», например, ***пиарщик***, ***пиарить***, ***пиарский***, ***пиаровский***: *Это был отличный* ***пиаровский*** *ход*: *дескать, с этих экстремистов все равно ничего не получишь, азначит, и с нас взятки гладки* (Михаил Ржевский. Золотая моя Москва (2003) // «Вслух о…» 2003.05.19; НКРЯ; www.ruscorpora.ru); *Создание отдела обычный* ***пиарский*** *ход администрации президента перед выборами* (http://www.ntv.ru/novosti/). Прилагательное, образованное от

слова ***пиар,*** содержит суффиксы -***ск***- и -***овск-,*** причем форма ***пиаровский*** является более употребительной.

Большая часть сложных прилагательных образована от сложнопроизводных слов английского происхождения, которые в языке-доноре оформляются либо дефисным написанием, либо существуют в пределах устойчивого сочетания слов: *интернетовский – интернет* (*Internet–international net*), *мейнстримовский–мейнстрим* (*mainstream*), *мериджмейкерский –мериджмейкер* (*marriage maker*), *ноутбуковый – ноутбук* (*notebook*), *пиарский – пиар* (*PR – Public Relations*), *сноубордический – сноуборд* (*snowboard*), *тинейджерский –тинейджер* (*teenager–teen+age+er*), *файвоклоковый – файв-о-клок* (*five-o-clock*). В нашем исследовании мы рассматриваем такие адъективные единицы как производные на базе первичных композитов, например: *Более того, предприниматель уверен в большом будущем этой машины на немецких и западноевропейских дорогах и для этого создал специальную фирму, которая уже предлагает купить автомобиль через* ***Интернет*** (АвтоПром. // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.14; НКРЯ; www.ruscorpora.ru); *И никаких вам «воспаленных нервов творца» – бизонья шкура нарастает у этих творцов вместе с первыми робкими рифмованными опытами, выложенными в* ***интернетовский*** *дневничок* (Евгения Пищикова. // «Русская Жизнь», 2008; НКРЯ; www.ruscorpora.ru); *Песчаные пляжи, дюны и скалы, на которых местные жители иногда пьют* ***файвоклоковый*** *чай, наблюдая за пловцами и серферами* (http://es-la.facebook.com/); *В традиционный английский* ***файв-о-клок*** *на стол принято ставить 5-10 сортов чая* (Вива-Биография, № 10 (76), 2013); *Все элементы гардероба подобраны уместно*: *и* ***мейнстримовский*** *нынче шарф-хомут, и полосатая рубашка, и шерстяные брюки, отливающие серым* (http://www.eg.ru/print/otbor/42197/); *В российской литературе* ***мейнстрим*** *– это то, что «читает вся Москва»* (http://newvirus.ru/). А.А. Матюнова полагает, что «слова-транслитерации английских слов и выражений обладают наименьшим лингвокультурным потенциалом; они призваны лишь номинировать новое явление, их цель – сэкономить лексические средства при общении» [3, с.50].

Словосложение, по общепринятому мнению, является одним из наиболее продуктивных способов образования новых слов в

русском языке, но совершенно нетипичным. Современные лингвисты полагают, что заимствованные сложные слова не рассматривались русистикой с точки зрения их ономасиологического статуса, а изучались только в пределах лексико-синтаксического способа словообразования с учетом формально-семантических особенностей их освоения языком-реципиентом. В.И. Теркулов считает, что «при всем разнообразии данных единиц, все они могут получить трактовку, сходную с трактовкой композитов, функционирующих в пределах одного языка» [7, с. 211].

А.А. Горбов заявляет об интенсивной экспансии данного языкового явления и определяет такие сочетания как русские именные композиты с атрибутивным элементом в препозиции к вершине, называя способ их образования «топ-методом экспресс номинации эконом-класса» [2, с. 26]. По мнению ученого, «эти образования представляют собой двухкомпонентные комплексы, второй компонент которых является самостоятельным существительным, а первый компонент – единицей, уровневый статус которой подлежит уточнению» [там же, с. 26].

Признавая большое влияние английского языка на словообразовательные процессы в современном русском языке, Н.А. Самыличева также отмечает наличие атрибутивных моделей, представленных «агглютинативными структурами с препозиционной постановкой несогласованного определения» [6, с. 297], например, *поп-принцесса, гей-войско, копи-чудо, Интернет-выпад* и др. Ученые сходятся во мнении, что образованные по данной модели композиты обнаруживают сходство со словосочетаниями, но основным отличием таких композитов от обычных для русского языка сочетаний слов является их цельнооформленность.

По результатам нашего исследования мы выделили следующие группы композитов, имеющих в своем составе иноязычные включения. К первой группе относятся композиты с атрибутивным компонентом – существительным, заимствованным из английского языка, например, ***шоу-программа, арт-ярмарка, веб-преступность, фитнес-зал***: ***Шоу-программы*** *должны быть согласованы со сценарием, в котором официальная часть плавно переходит в легкое веселье развлекательной программы, а официально-солидный тон – в непринужденную дружескую атмосферу* (http://oscar-event.com.ua/pages/corporative/show-program.); ***Арт-***

ярмарка *Cosmoscow, оставшаяся единственной международной ярмаркой современного искусства в России после закрытия «Арт-Москвы», объявила даты и место проведения смотра в этом году* (http://art-and-houses.ru/2016/04/11/art-yarmarka-cosmoscow-vnov-projdet-v-gostinom-dvore-v-sentyabre/). Отмечается низкая словообразовательная активность данных единиц, поскольку от большинства основ невозможно или затруднено образование аффиксальных основ прилагательных.

Вторая группа представлена композитами с атрибутивным компонентом, выраженным буквенной аббревиатурой или буквенным классификационным обозначением, записываемым латиницей или кириллицей: ***А-класс, FM-диапазон, FTP-сервер, USB-порт, HR-менеджер, IT-специалист, VIP-зал***: *Леонид Волков,* ***IT-специалист*** *и оппозиционер, эксперт «Фонда борьбы с коррупцией» уверен, что необходимо больше полномочий и денег передать отдельным регионам* (http://expert.ru/russian_reporter/2016/11/vremyapartij/media/28553); ***VIP-зал*** *очень подходит для организации вашей личной встречи, где конфиденциальность гарантируется абсолютно* (http://www.tiranainternational.com/portal/index.php/RU/conference-centre/vip-room). Словообразовательная активность аббревиатур так же невелика, как и в случае с композитами первой группы.

К третьей группе (весьма многочисленной) следует относить композиты с атрибутивным компонентом в виде заимствованной из английского языка предложной группы с адвербиальным значением ***онлайн*** (***он-лайн***), ***оффлайн*** (***офф-лайн***), которые легко образуют неизменяемые прилагательные ***онлайновый*** и ***оффлайновый*** – ***онлайновое*** *издание,* ***оффлайновый*** *вариант*: *Появляются интересные массовые* ***онлайн-*** *и мобильные проекты в различных образовательных нишах* (Айнур Абдулнасыров. Полтора года спустя // «Эксперт», 2015; НКРЯ; www.ruscorpora.ru); *В полном согласии с законами рынка они выстраивают* ***онлайновый*** *детектив, проводят свое расследование, обращаются к людям, владеющим знаниями и рычагами воздействия на событие* (Валерий Кичин. // «Известия», 2002.08.02; НКРЯ; www.ruscorpora. ru); *Исследования также показали, что грамотный баланс между* ***онлайн-*** *и* ***оффлайн-рекламой*** *принесет наибольшую отдачу от вложений* (Преимущества всемирной паутины (2003) // «Рекламный мир»,

2003.04.28; НКРЯ; www.ruscorpora.ru); *Ключевым преимуществом нашей* ***оффлайн системы*** *ДБО является то, что клиент получает такой же полный функционал, как и в онлайн-версии системы «ИнтернетБанк-Клиент»* (Андрей Возмилов. // «Эксперт», 2015; НКРЯ; www.ruscorpora.ru).

Лингвокреативный потенциал заимствований в русском языке оценивается как достаточно высокий. Англицизмы, ставшие производящей базой для практически всех частей речи, демонстрируют высокую словообразовательную активность, которая определяется частеречной принадлежностью самого англицизма и актуальностью детерминируемого им явления. Полагаем, что предложенная нами классификация не является окончательной. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в изучении словообразовательных гнезд, вершинами которых являются английские заимствования.

Литература

1. Возбранная Т.В. К вопросу о современных тенденциях в области словообразования // Linguamobilis. – 2013. – № 3 (42). – С. 28-32.

2. Горбов А.А. Топ-метод экспресс-номинации эконом класса: о русских именных композитах с атрибутивным элементом в препозиции к вершине / Вопросы языкознания. – 2010. – № 6. – С. 26-36.

3. Матюнова А.А. Структура номинативно-словообразовательной семантики сложных слов в русском языке (диахронический аспект) // Вестник БДУ. – 2011.– Сер.4.– № 3. – С. 46-50.

4. Плотникова Л.И. Деривационный и когнитивно-прагматический потенциал лексических новообразований в живой разговорной речи // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. – Чита: Изд-во ЗабГУ. – 2011.– № 3. – С. 183-187.

5.Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка: учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2005. – 168 с.

6.Самыличева Н.А. Словообразовательные неологизмы как отражение языковой личности в текстах СМИ / Вестник ТГУ. – 2012. – Вып. 12 (116). – С. 296-299.

7.Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономасиологическом аспекте: дисс. …доктора филол. наук: 10.02.02 текст / В.И. Теркулов. – Горловка, 2008. – 472 с.

ПАРАМЕТРЫ ОПИСАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДИФФУЗНОГО РЕГИОЛЕКТА (НА ПРИМЕРЕ ДОНЕЦКОГО РЕГИОЛЕКТА РУССКОГО ЯЗЫКА)

В.И. Теркулов
terkulov@rambler.ru
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Современное развитие национальных языков характеризуется разрушением их базового уровня– территориальных диалектов. Это не новая тенденция: ещё в прошлом столетии учёные говорили о том, что «современные говоры в традиционном понимании разрушены» [8, с. 121]; русские диалекты «как цельные речевые единицы со своей особой системной организацией теперь уже почти не существуют» [9, с. 140].

Следует, правда, сказать, что избавиться от диалектной базы языку полностью не удаётся: местные языковые черты все-таки обнаруживаются в региональной речи. Иначе говоря, для современного состояния национального языка характерно не столько исчезновение диалектов, сколько их модификация, трансформация в новые территориальные образования, возникающие на пересечении нескольких языковых стихий. Как пишет Т.В. Хорошева, «в современной социолингвистике все чаще говорят не столько о «вымирании» или «распаде» территориальных диалектов, сколько о видоизменении форм пространственного варьирования языка, приводящем к появлению промежуточных идиомов» [10, с. 32].

В результате действия унифицирующих тенденций на базе местных говоров создаётся особая разновидность территориальной речи – регионолект. Сейчас можно «с абсолютной уверенностью утверждать, что в современном русском языке регионолект является основной формой местной речи» [3].

Термин регионолект был введён в русский научный обиход А.С. Гердом, понимавшим под ним «особую форму устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая ещё статуса литературного языка, а с другой, в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием. <…> Диалекты не умирают, а трансформируются в регионолекты» [2, с. 23–24]. При этом в основе

образования регионолекта, по мнению учёного, лежит именно «урбанизация» речи: «Регионолекты охватывают ареал ряда смежных диалектов, включая сюда **города и поселки городского типа** (выделено нами. – В.Т.) и тем самым весьма значительные группы того или иного этноса» [2, с. 23–24].

Это определение требует уточнений. На наш взгляд, сложно согласиться с тем, что регионолект занимает промежуточное положение между просторечием и литературным языком. Такой подход объективно предполагает существование на одной территории носителей разных идиомов: просторечного, регионолектного и литературного. Иначе говоря, если принять определение А.С. Герда, следует говорить о том, что в пределах одной территории есть люди, которые пользуются просторечием, есть люди, которые используют регионолект, и есть носители литературного языка. Однако анализ ситуации в зоне донецкого регионолекта показал, что региональные черты (лексические, морфологические, синтаксические и т.д.) обнаруживаются во всех идиомах национального языка. Можно, например, говорить о регионолектном просторечии, о регионолектном сленге, о регионолектном профессиональном жаргоне и т.д. Многие учёные пишут и о том, что «устно-разговорный литературный язык является единым, но вместе с тем сложным образованием, варьирующимся на огромной территории» [7, с. 38], отмечая, что в структуре регионолекта есть место и для региональной разновидности литературного языка. Иначе говоря, регионолект – это не какая-то разновидность речи, имеющая своих носителей, а определённая организация всего языкового пространства региона. Такой подход, применяющийся в исследованиях группы по изучению донецкой речи, позволяет трактовать регионолект как отражение структуры национального языка в отдельно взятом регионе. Позволим себе предположить, что такая трактовка делает региональный язык в соединении с региональной самоидентификацией его носителей маркёром сформированного регионального субэтноса в пределах этноса.

Существует два пути формирования регионолектов.

1)Диалектный – связанный с урбанизацией «исконного» региона, с унификационной трансформацией распространённых в нем диалектов под влиянием, в первую очередь, средств массовой

информации и коммуникации (литературного стандарта) в регионолект. Так формируются регионолекты «старых» городов России – Ярославля, Вологды и многих других. Данный путь можно назвать эволюционным.

2)Диффузный – связанный с вызванным миграционными процессами «смешением языков и диалектов». Такой идиом минует стадию диалектного существования и возникает сразу как регионолект путём стабилизационной «революционной» интегративной унификации системы миграционных идиомов создаваемых мигрантами городов. Можно предположить, что носители регионолекта в процессе формирования его как системы выбирают, принимают и абсолютизируют те языковые черты, которые либо делают речь удобной, выразительной, либо присущи наиболее авторитетным представителям нового языкового сообщества. Так создаются регионолекты территорий позднего заселения.

Отличие диффузного регионолекта от диалектного отмечается на всех уровнях языковой системы. Оно заключается в том, что если в диалектном регионолекте обнаруживаются «узкие», «исконные» территориальные черты, переданные в регионолект из базовых диалектов, то в диффузном регионолекте множественных уникальных языковых черт быть не может: большинство региональных маркеров были привнесены извне – с базовых территорий миграции. Уникальность диффузных регионолектов создаётся скорее не за счёт уникальности конкретных языковых фактов, а за счёт их «системного калейдоскопа», особой регионально маркированной организации.

Это не значит, что уникальных языковых черт в диффузном диалекте не может быть вообще. Они существуют, но их появление обусловлено активизацией того идиома, который обслуживает деятельность, связанную с причиной миграции. Для Донецка, например, это профессиональные жаргоны шахтёров и металлургов. При этом в силу грамматической несамостоятельности жаргонов все языковые инновации здесь затрагивают только сферу лексики.

Лексическая сфера является наиболее ярко выраженной в системе регионолекта. Именно поэтому, как нам кажется, описание особенностей региональной речи нужно начинать именно с неё.

Региональные лексемы, то есть «территориально ограниченные в своём распространении, но широкоупотребительные для данного конкретного региона слова» [5, с. 22], «слова, функционирующие на определённой территории, не зафиксированные в толковых словарях литературного языка или получающие в них пометы обл., местн., прост., разг.», которые «являются частью региональной культуры» [4, с. 22], называют «локализмами» (Т.И. Ерофеева), «регионимами» (С.А. Кошарная) и т.д. Мы будем использовать для их обозначения достаточно распространённый термин «регионализмы» (И.С. Зварыкина), хотя бы потому, что он создан по модели общепринятого термина «диалектизм» и указывает на отношения преемственности между диалектом и регионолектом.

Регионализмы организуются в лексическую систему по матрицам словарной системы общенационального языка. Покажем это на двух кратких примерах описаний лексики: с точки зрения происхождения и с точки зрения соотношения с лексемами литературного языка.

1. Регионализмы могут быть описаны с точки зрения их происхождения. М.А. Бородина пишет об узких и широких регионализмах. Узкие регионализмы представлены только в данном регионе, широкие – имеют более широкий ареал распространения. При этом автор отмечает, что наличие узких регионализмов – достаточно редкое явление: как правило, одна языковая единица чаще всего представлена в различных регионолектах [1].

Для донецкой речи характерно преобладание именно широких регионализмов, поскольку, как говорилось выше, наш лексикон формировался путём взаимопроникновения лексических систем мигрантов. Здесь региональность создаётся не наличием специфических лексем, а особым многоисточниковым словарём.

Достаточно большой пласт лексики в донецком регионолекте представляют украинские по происхождению лексемы: ***кутята*** «щенки», ***ставок*** «пруд», ***халабуда*** «шалаш, сделанный детьми», ***быльца*** «боковушки у кровати», ***жужалка*** «печной шлак», ***лушпайки*** «шелуха семечек подсолнуха» и под.

В большом количестве отмечаются слова из других регионолектов, в частности одесского, например, ***лайба*** «велосипед», ***синенькие*** «баклажаны», харьковского, например, ***трембель*** «плечики»,

марка «маршрут городского транспорта», ***пожмаканый*** «помятый», ***пайта*** «толстовка, реглан» и под.

Достаточно много в донецком регионолекте слов, заимствованных из сленгов: ***пыриться*** «смотреть», ***втыкать*** «понимать» и под.

Слова, созданные в Донецке, как уже говорилось выше, это слова, заимствованные из жаргонов шахтёров и металлургов: ***тормозок*** «заготовленный заранее продуктовый набор для обеда на работе или учёбе», ***коногонка*** «фонарик, надеваемый на голову», ***понедельник*** «тяжёлая кувалда» и пр. К последней группе следует отнести большое количество неофициальных урбанонимов и микротопонимов.

2. Регионализмы с точки зрения их соотношения со словами литературного языка подразделяются на следующие группы:

а. Фонетические регионализмы, отличающиеся от литературных слов звучанием, например, ***резетка*** «розетка», ***аполоник***, ***комбинзон***, ***друшляк*** «дуршлаг», или местом ударения, например, ***áрбуз***, ***рàкушка***.

б. Лексические регионализмы, являющиеся абсолютными синонимами литературных лексем, например, ***вавка*** «ранка», ***брасматик*** «тушь», ***гендэ́лык*** «рюмочная», ***мастерка*** «куртка от спортивного костюма с застёжкой», ***толчёнка*** «картофельное пюре», ***кайбаш*** «склад», ***лоток*** «пластиковый контейнер для тормозка».

в. Семантические, отличающиеся от литературных лексем значением, например, ***проходчик*** «бомж», ***разбить*** «разменять деньги», ***сходить*** «выходить из общественного транспорта», ***шерсть*** «щенок», ***закупорка*** «консервация», ***баклажка*** «пластмассовая бутыль для воды/пива», ***купаться*** «принимать душ».

г. Словообразовательные, отличающиеся словообразовательной структурой, например, ***досточка*** «дощечка», ***кортоны*** «корточки», ***обувачка*** «обувь», ***стулка*** «табуретка», ***почтарька*** «почтальон».

Системное изучение донецкой лексики, как, впрочем, и донецкого регионолекта в целом, только начинается. В нашем случае более чем актуальными остаются сказанные ещё в 1928 году слова Б.А. Ларина: «Мы запоздали с научной разработкой языкового быта города, да и нигде до сих пор она не производилась широко

и систематически» [6, с. 175]. Требуют описания парадигматические связи слов в региолекте (например, отношения синонимии: ***шмурдяк – бормотуха*** «некачественное спиртное»), региональная фразеология (например, ***идти чигирями*** «обходным путём»), необходим точный текстовый семантический анализ региолектизмов, нет пока образцов описания «донецкого текста». Надеюсь, что в дальнейших публикациях группы по изучению донецкого региолекта, созданной на кафедре русского языка ДонНУ, будут освещены многие пока ещё не описанные факты донецкой речи.

Литература

1. Бородина М. А. Диалекты или региональные языки? // Вопросы языкознания. 1982. № 5. –С. 29–38.

2. Герд А. С. Введение в этнолингвистику. Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та, 2001. –488 с.

3. Грузберг Л.А. Региолект // Филолог. 2010. № 11. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_208.

4. Кадоло Т. А. Региональная лексика как проявление поликультурности // Язык и культура. 2011. № 2 (14). С. 22–28. – URL: http://www.lib.tsu.ru/mminfo/00349304/14/image/14-022.pdf.

5. Кошарная С.А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование. Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 14 (263). Выпуск 34. –С. 12–25.

6. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. –224 с.

7. Ливинская И.В. К вопросу о региональном варьировании национального языка // Вестник МГОУ. Серия Русская филология. 2015. № 6.– С. 37–42.

8. Попов И. С. О принципах разработки программы собирания сведений для областных словарей // Теория и практика областной лексикографии. Л.: Наука, 1984. – С. 116–124.

9. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. – 336 с.

10. Хорошева Н.В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2011. Вып. 3 (15). –С. 32–36.

СЛОВО *ДОНБАСС* В ДОНЕЦКОМ РЕГИОЛЕКТЕ И МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В.С. Хитеева
hiteeva.v@gmail.com
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

В статье предпринята попытка описать случаи употребления слова «Донбасс» в речи жителей донецкого региона, а также в медиапространстве. Анализу подвергаются лексическое окружение, формальная выраженность, реализованные синтагматические и парадигматические возможности высказываний с использованием слова *Донбасс*.

Речь идет о роли и наполненности концепта *Донбасс* в языковой картине мира жителей донецкого региона, ментальной сущностной схеме, получившей выражение в языке и образующей в нем специфическое концептуальное поле.

Для описания культурно-специфических форм коммуникации жителей региона мы обратились к спонтанно записанным у респондентов текстам.

Предлагая рассматривать концепт в качестве факта культуры, Ю.С. Степанов выделил три его составляющих: 1) основной признак; 2) дополнительный (этих признаков может быть несколько, они могут быть исторически наследованы); 3) внутренняя форма, закрепленная в слове, но не осознаваемая [5, с. 46-54]. Так, сложносокращенное слово *Донбасс* имеет полную форму «Донецкий (каменноугольный) бассейн», однако в настоящий момент в речевой культуре данная деривационная связь утрачивается. Поэтому самой распространенной ошибкой является использование предлога *на* при В.п./П.п. *на Донбасс / на Донбассе* и *с* при Р.п. *с Донбасса.*

Донбасс – это «исторически сложившийся регион», «топоним, использующийся для обозначения ряда территорий Украины и России, а также название промышленного региона на востоке Украины» [7, 8; 9]. Апеллятивы и неофициальные образные заместители этого имени: *всесоюзная кочегарка*, (*важнейший*) *промышленный регион*, *сердце России*, *восток*, *юго-восток*, *Донецкий край – Донецкий кряж*, *Артемовщина*, *Ахметов-сити*, также «*Зона АТО* (антитеррористической операции)», в том числе отмечаются наименования *отдельные районы Донецкой и Луганской областей*

(*ОРДЛО*) и *временно оккупированная территория* (термин международного права).

Существует два катойконима, используемых в отношении жителей Донбасса, – донбассовцы и донбассцы. Например: *У нас было довольно большое землячество (донбассовцы, днепропетровцы, луганчане, артемовчане, харьковчане)* (Хрущев Н. Воспоминания, 1971г.) и *Донбассцы – шахтеры, включая их руководство, которое соприкасается с лидерами, – с очень большим уважением относилось к Рухимовичу* (там же).

Наименование с негативным окрасом «донецкие», в том числе и как политический неологизм в отношении политической провластной силы или криминальных элементов от бизнеса в политике «*придут донецкие олигархи и все у вас отберут*», «*донецкий клан*», и «*депрессивный регион*» в сторону Донбасса в целом и каждого его города в отдельности начинает закрепляться в речи со времени проведения президентской избирательной кампании 2004 года.

Появление таких слов, как *Даунбасс*, *Дамбас*, *Лугандон / Луганда* свидетельствовало о пренебрежительном отношении говорящего не столько к территории, сколько к людям, ее населяющим. *В принципе, это характерная картинка для Даунбасса. Погромы, пьянство, зверства — это агрессивная часть быдло-стада, криминальные элементы* [kurt_anti @ ЖЖ, 05/2014].

При интернет-запросе «что такое Донбасс» в равной пропорции выдается материал с заголовками: «Донбасс – это Украина» и «Донбасс – это **не** Украина». Высказывания приписываются уполномоченным лицам, однако вопрос, выражающий суть военного и мировоззренческого противостояния в Донбассе и касающийся идентификации жителей региона, решается за счет внешних точек зрения на регион (из Киева или из Москвы), не является результатом внутренней рефлексии.

При обращении к данным Корпуса русского языка по поводу употребления слова *Донбасс*, можем выделить следующие тематические группы типов связи, реализуемых в словосочетаниях.

Например, словосочетания по типу связи управления, передающие значения действия, совершаемые в отношении региона: *Донбасс отдали, Донбасса хватились, заполучить Донбасса, курировал Донбасс, построившие Донбасс, весь Донбасс вдохновлял,*

поставим на должную высоту Донбасс, Донбасс держим, снабжать ли Донбасс электричеством (А.И. Солженицын), все на помощь Донбассу (В.В. Маяковский), очистить Донбасс, бои за Донбасс и т.д. Во всех примерах реализуются субъект-объектные отношения, в которых Донбасс является объектом.

Словосочетания, передающие значения направления и устремления, передвижения в пространстве: *вступил в Донбасс, вернулся в Донбасс, еду к себе в Донбасс, перебраться в Донбасс, уехал в Донбасс, видела Донбасс, отправиться в Донбасс, учительствовать в Донбасс, на день концертов в Донбасс, выехали в/из Донбасс/Донбасса, въезд в Донбасс, в Донбасс шахтерить, не прорвались в Донбасс, возвращение в Донбасс, вторглись в Донбасс, наступали на Донбасс, передавать в Донбасс, отрезать / отрезается Донбасс* и т.д.

Указания на качественную, эмоциональную или соотносительно-идентификационную составляющую региона выражены использованием прилагательного или причастия в словосочетаниях с типом связи согласование: *Донбасс огорчен, Донбасс несколько раздражен, тогдашний Донбасс, довоенный Донбасс, индустриальный Донбасс, далекий Донбасс, «Восточный Донбасс»* (шахта)*, Донбассгражданпроект, «Социалистический Донбасс»* (шахта)*, новый Донбасс, безмолвный Донбасс, разбитый Донбасс, чехословацкий Донбасс, родной Донбасс, сегодняшний Донбасс, восстановленный Донбасс, дымный Донбасс, взорванный Донбасс, прекрасный Донбасс* и т.д.

Следует отметить, что, согласно данным Корпуса, особый всплеск словоупотребления лексемы *Донбасс* происходит, когда речь идет о войне, ее результатах и последствиях, героическом трудовом или боевом подвиге народа во время Великой Отечественной войны и о вооруженном конфликте, гражданской войне в Донбассе – в соотношении 3/1; в 86% случаев это ссылки на источники XX века.

Еще с конца XIX века в литературе действовала мощная традиция изображать Донбасс адовым местом на земле – «Молох», «Юзовский завод», «В огне» А.И. Куприна, «Подземное царство» В.В. Вересаева, очерки А.С. Серафимовича, «Под землей» и «Маленький шахтер», но есть «Всем смертям назло» и «Раненый чибис» В.А. Титова, «Непокоренные» Б.Л. Горбатова, «Молодая

гвардия» А.А. Фадеева, есть исполненные светлой надежды романтическая «Степь» и «Счастье» А.П. Чехова, есть у него же «Русский уголь» и «Перекати поле», «В родном углу».

Из произведений, созданных выходцами из Донбасса или посетившими эти края писателями, у читателя может сложиться впечатление, что Донбасс – регион мрачный, жизнь в котором предполагает адский труд и неукоснительное соблюдение кодекса трудовой чести, грубых правил закрытого трудового сообщества. Это регион, в котором способны выжить только титаны, одновременно обремененные и облагороженные трудом.

Кодекс чести донбассца рождается из текстов не в последнюю очередь героизировавшей его художественной литературы. Даже мифы Донбасса, шахтерские предания и легенды опираются на факты действительности, случившегося события.

Территория позднего заселения нуждалась в сплоченном обществе – «*Донбасс – это я, Донбасс – это ты, Донбасс – это лучшие люди страны*» (один из советских лозунгов). Жизнь, подчиненная служению общественным идеалам, давала возможность в труде реализовывать благо для каждого человека.

А на Донбасі – там любов
Поміж серцями солов'їна…
Там звикли люди в правді жить…
Коли дружить – так вже дружить,
А ненавидіть – так всім серцем!...

Вл. Сосюра «Расстрелянное бессмертие», 1960.

Концепт *Донбасс* является одновременно и культурным концептом (С.Т. Воркачев, В.И. Карасик, Т.В. Матвеева) и лингвокультурным (В.И. Карасик, Н.В. Раппопорт), когнитивным (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, С. Г. Воркачев) и эмоциональным (А. Вежбицкая) [4, с. 19-22].

Проведя опрос среди респондентов от 18 до 20 лет (ими стали студенты Донецкого национального университета первого года обучения), мы определили те знаковые тексты, фразы и речевые формулы, с которыми ассоциируется Донбасс у молодежи.

Первое место по частотности занимает выражение: *Шахтерский забой – фронт передовой, Шахтеру слава, когда много угля дает лава,* также *Чтобы шахтером называться, нужно в саже замараться, Поколенье молодое проверяется в забое, будь в лаве*

как в бою – прославишь Родину свою. Достаточно частыми стали выражения по типу*: за вас, за нас и за (свободный) Донбасс, за наш Донбасс* (ср. *за Донбасс ответите* (В.В. Жириновский)). Ожидаемо было встретить кричалку футбольных болельщиков *«Шахтер» – чемпион!* и ставшее политизированным после использования В.Ф. Януковичем *Донбасс порожняк не гонит*, поэтическое *Донбасс никто не ставил на колени, и никому поставить не дано!* (П. Беспощадный), уникален случай употребления*работать по-стахановски,* и частотное *слава шахтерам*!

Та же аудитория, которая приняла участие в анкетировании, написала сочинение на тему «Моё детство». Согласно полученным данным можем сделать ряд выводов.

- Вопрос самоидентификации начинается с географии, а именно с представления о малой родине *«Я родилась в Донецке и являюсь коренной жительницей своего города…», «Я родилась в Донецке. Коренная дончанка с русскими корнями…»*.
- Мир вокруг осознается как информация, полученная в период взросления, поэтому в начале жизни круг внимания ограничивается улицей или двором «*Все мои воспоминания связаны с друзьями и играми во дворе…», «Все мои друзья Донецкие…».*
- Окружающий мир не враждебен, он обогащает и расширяет представления о себе *«Я родом из Донецка, но корни берут начало в России и Украине…», «Я дончанин в третьем поколении. Но мои корни происходят из разных уголков: Польша, Полтава, Россия, Прибалтика…», «Я дончанин в третьем поколении. Мой род уходит в Дон. Мой прадед был Донским атаманом, а вот мой дедушка уже переехал в Донецк…»*.
- Знание своей истории делает человека защищенным, уверенным в будущем, самодостаточным: *«Моя прабабушка переехала на Донбасс во время Великой Отечественной войны. С этого и началась история моей семьи. Сам же я родился в небольшом шахтерском городе Снежное. Здесь и прошли лучшие годы моего детства…»,«Донбасс – это красивый, живописный регион, в котором очень много городов. В одном из таких городов живу я…»*.

В подобных высказываниях на первом месте оказывается местоимение «я», повествование линейно, цепочное развертывание повествования. Если используется антитеза, то в качестве усиле-

ния позиции «я». Балансирование во времени, работа с воспоминаниями, прямой порядок слов и отсутствие осложнений в синтаксисе придают автобиографическому описанию черты эпоса.

В произведенном исследовании использована модель описания, предложенная З.Д. Поповой и И.А. Стерниным в «Очерках по когнитивной лингвистике» [3]. Путем рассмотрения словарных определений, а также паремической и фразической палитры контекстной многозначности словоупотребления представлена валентность значения понятия: от географического объекта до оценочной категории и целой мифопоэтической модели. Выявляя деривационный, лексико-грамматический, лексико-стилистический и лексико-фразеологический потенциал словоупотребления *Донбасс,* можно восстановить как мировоззренческую картину жителей региона в целом, так и точек зрения извне, формирующих представление о нем. Рецептивный стимул со стороны носителей регионального сознания и внешней точки зрения на регион добавил документальной достоверности выявленным фактам.

Анализ употреблений слова *Донбасс* даёт представление о социокультурном содержании концепта и способах его вербализации в лингвокультуре региона, в контрарных культурах. Современное видение лингвокультурологических проблем, этноспецифики языкового сознания, языковой региональной картины мира и ее основных концептов, выраженных на лексическом и фразеологическом уровнях, становится объектом пристального изучения в современной лингвистике. Когнитивно ориентированное изучение специфических культурно-региональных форм коммуникации (в том числе и медиакоммуникации) становится перспективным направлением в лингвистике.

Литература

1. Агаркова А.А. Мифопоэтика как способ создания образа региона : На материале Донбасса : диссертация ... кандидата культурологии : 24.00.01. Москва, 2002. – 188 с.

2. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории к структуре текста: антология / под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. – С. 267-279.

3. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. — 189 с.

4. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М., 2008. – 176 с.

5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

6. Теркулов В.И. Регионолект или национальный вариант: к постановке проблемы // Филология и культура. Казань, 2012. № 2 (28). – С. 117-120.

Список источников

7. «Донецкий» код // День [Электронный ресурс] URL: https://day.kyiv.ua/ru/article/panorama-dnya/doneckiy-kod

8. Донбасс (топоним) // Википедия [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%BE%D0%BD%D0%B1%D0%B0%D1%81%D1%81_(%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC)

9. Донбасс // Википедия [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%BE%D0%BD%D0%B1%D0%B0%D1%81%D1%81

10. Даунбасс / Словарь русского мата и неформального языка [Электронный ресурс] URL: http://www.russki-mat.net/page.php?l=RuEn&a=%D0%94%D0%B0%D1%83%D0%BD%D0%B1%D0%B0%D1%81%D1%81

11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: http://www.ruscorpora.ru/

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН В МАССОВОМ КОММУНИКАТИВНОМ СОЗНАНИИ: АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

И.И. Чумак-Жунь
chumak@bsu.edu.ru
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
(Белгород)

Прецедентный феномен – один из элементов интертекстуального фона, который сегодня сопровождает процесс коммуникации в целом. Несомненно, слова Р. Барта о том, что нет текста, кроме интертекста, перестали быть фигурой речи и получают подтверждение в ежедневном общении. Стоит заметить, что прецедентные феномены выполняют самые разные роли практически во всех дискурсивных формациях. Если оставить в стороне «замаринованный» функциональной прагматикой официально-деловой регистр, живая речь без прецедентных имен кажется невозможной. Несо-

мненно, можно разграничивать уникальные прецедентные феномены, которые могут быть представлены в отдельной дискурсивной формации и прецеденты универсальные, которые могут функционировать в разговорной речи предельно широко.

Уникальные прецедентные феномены.

Прецедентное имя как квант знания и аргумент.

В научных текстах прецедентные имена обусловлены 1) когнитивно и 2) прагматически – здесь они важны, как 1) кванты знания и 2) «носители авторитетного мнения».

Е.А. Баженова пишет, что «в научном тексте прецедентные знаки репрезентируют кванты старого знания (законы, теории, гипотезы, теоремы, принципы, методы и др.), которые входят в дисциплинарный фонд науки «под именами» их авторов, превращаясь в терминированные понятия», и приводит примеры терминологизированных сочетаний, включающих прецедентные имена *шкала Цельсия* или *тест Люшера* [1, с. 32]. Но кроме смысла ‘квант знания’ в научных текстах имя нередко используется как ‘носитель авторитетного мнения’ или ‘носитель абсолютного знания’, по современной терминологии, – *анхистоним*. Если в лингвистических работах прошлых лет смысл ‘носитель абсолютного знания’ был закреплен за именами *Виноградов* или *Щерба*, то сдвиг общефилологической парадигмы обусловил новую прецедентность – *Караулов, Кубрякова или Алефиренко.* Ссылки на одно из этих имен достаточно, чтобы представить «правильный взгляд» на научную проблему, с которым спорить не принято (в научных кругах это называется – *стоять на плечах…*). Позволим себе предположить, что и другие отрасли науки имеют подобный научный именник, который включает имена-аргументы.

Прецедентное имя как оценка.

Подобная же динамика, которую, с определенной натяжкой, можно определить как актуальную прецедентность, характерна и для публицистического дискурса. Внутри него существует два типа прецедентов – имена политиков и имена так называемых звёзд шоу-бизнеса. Если в научном дискурсе основными характеристиками «прецедентного авторитета» являются внутренние признаки – устойчивость, фундаментальность, «цеховая замкнутость», то в публицистическом дискурсе, это, напротив, внешние

характеристики: для политических прецедентных имен – это нередко речь, для шоу-звезд – внешность. В использовании прецедентных имен в публицистическом дискурсе доминирует оценочность.

Стремительность развития политических событий и абсолютизация верной, по мнению одной стороны, точки зрения, определяет мимолетность оценочных имен собственных. Оценочность эта нередко вариативная и шкала варьирования может зависеть от мировоззрения говорящего.

Универсальные прецедентные феномены.

Прецедентное имя как культурный маркер.

Особую роль в пространстве культуры играют прецедентные феномены из художественного дискурса.

Наиболее очевидна трансляция смыслов из дискурса поэтического, так как лирические тексты, представляющие собой непосредственную материальную данность, обозримые и наблюдаемые в самых мелких своих деталях, чаще и легче, чем другие любые тексты, заучиваются «наизусть», активно пополняя культурный национальный фонд. Кроме того, поэтические тексты, как известно, обладают большой воздействующей силой, так как языковая энергия преобразуется в них в текстовую (поэтическую). Включаясь в этнокультурную реальность, в мир межличностных связей, поэтический текст как уникальная функционально-эстетическая система воздействует на читателя, стимулируя в нем соответствующие эмоции, иногда частично преобразуя существующую в его сознании картину мира. Создавая «возможные миры», художественный дискурс «открывает» читателю возможность общения в ином измерении. Познавая многомерность реального мира, читатель преодолевает его пространственно-временные рамки, погружаясь в один из «возможных миров». Активное мысленное взаимодействие с ним, рефлексия над прочитанным ведут к открытиям и откровениям, расширяющим ментальное пространство за счет проникновения «чужих» концептов и образов. Если реальное общение и образование последовательно формируют личность, то воображаемое общение может многое изменить в сознании мгновенно, как результат озарения – такова сила образа, логика фантазии. Здесь смысл бытия обретается не в результате долгих поисков, а преподносится как дар – готовая мудрость

жизни. Как рефлексивная монологическая речь поэтический дискурс является стимулом для активации и развития какого-либо элемента системы базовых ценностей. Такие важные характеристики текста, как его отдельность, выделенность, формальная и семантическая самодостаточность, тематическая определенность и завершенность способствуют тому, что тексты активно закрепляются в национальном коммуникативном сознании.

Закрепляются они в виде прецедентных текстов («Ночь, улица, фонарь, аптека…»), в виде модификаций с элементами народной смеховой стихии («Ночь, улица, фонарь, аптека, Нужна была Вам ипотека?...», «Ночь, улица, фонарь, аптека, Вот и нету человека…»), в виде интертекстуальных вкраплений «Он прав – опять фонарь, аптека, Нева, безмолвие, гранит... Как памятник началу века, Там этот человек стоит – Когда он Пушкинскому Дому, Прощаясь, помахал рукой И принял смертную истому Как незаслуженный покой» (А. Ахматова).

Поэтические тексты используются как культурный маркер, причем текстовые смыслы могут быть трансформированы до неузнаваемости. В интернет-статье со знаковым названием «Ночь. Улица. Но нет аптеки…» смыслы блоковского текста сужаются до конкретной, важной для автора ситуации: будущее российской фармацевтической отрасли видится во все более мрачных тонах. Мы утверждаем, что развиваем медицину и заботимся о здоровье нации, но производим лекарств на душу населения в 66 раз меньше, чем США, в 31 раз меньше, чем Германия. Это отставание качественно больше, чем в других отраслях, что говорит о наплевательском отношении к отрасли. В точности по Блоку:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.

Кроме того, поэтические тексты перекодируются в другие образно-семиотические системы. Блоковское стихотворение обладает особой архитектонический завершенностью, нерасторжимое целое произведения создает замкнутый композиционный круг. Каждый из иллюстраторов названного блоковского текста – будь то известный художник (Ю. Чистяков или М. Добужинский, например) или автор современных карикатурных изображений

или фотографий, – переводя восприятие текста в визуальную систему, осуществляет художественную рефлексию своего внутреннего мира, отражает этот мир, используя доступные ему выразительные средства. То же можно сказать и о переводе в музыкальную знаковую систему.

Именно совокупность этих коммуникативных свойств поэтического текста – выразительность, яркость («эстетичность»), воспроизводимость, транслируемость, полисемантичность – сделала возможным (в прагматическом отношении необходимым) использование его в иных – нехудожественных – дискурсах. Речь идет о дискурсах политическом и рекламном. Особенно интересно было бы рассмотреть дискурс рекламный, который активно использует поэтический текст в собственных целях, причем нередко трансформируя его с помощью иных образно-семиотических систем. На первый план нередко выходит перцептивная метафора.

Перцептивная метафора занимает особое место в метафорических исследованиях, поскольку основана на непосредственной реакции человека на явления внешнего мира. Психолингвистическими экспериментами подтверждено, что, по сравнению с репрезентацией знаний в отдельных перцепциях, кодирование информации в синестезии закладывается в долговременную память. Подача объекта в форме синестестетической метафоры отличается новизной, оригинальностью, производимостью, она переводит объект за пределы стандартного восприятия. В синестетическом сочетании возникает образность, парадоксально связанная, а) – с ее разномодальностью, б) – с доминированием одной перцепции. Активное распространение синестетической метафоры в рекламном дискурсе обусловлено и лингвистическими (специфическим характером образности), и психологическими (синестезия – общезначимое свойство нашей психики) факторами.

В рекламе синестетические метафоры, как и любые другие, выполняют манипулятивную роль, но их воздействие интенсивнее, т.к. их понимание осуществляется в форме удвоения чувственности. Объясним это на примерах взаимопересечения синестетических метафор в рекламном и художественном дискурсах. Мы говорим о взаимопересечении, имея в виду использование в рекламном дискурсе яркой, узнаваемой авторской метафоры (в

нашем случае перцептивной), служащей для создания художественного образа. В качестве модели подобного предельно прозрачного использования можно представить известную рекламу МТС начала 2000-х годов, которая включает единственный художественный образ – стихотворение А.А. Блока «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека». Рассмотрим механизм превращения чисто художественного образа в рекламный продукт.

Интериоризация образа происходит по двум каналам, т.к. текст одновременно существует в различных дискурсивных формациях, коммуникативно-прагматические составляющие которых не совпадают. Если следовать за мыслью В.И. Карасика, который утверждает, что компонентная структура любого дискурса включает: 1) участников, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности (в том числе, ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематику), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формы [2, с. 6], то оказывается, что художественный (здесь – поэтический) и рекламный дискурс соотносятся соответственно как: 1) предельно личный – предельно безличный (обезличенный); 2) вневременной – одномоментный; 3) эстетически ориентированный – прагматически ориентированный; 4) пропагандирующий вечные духовные ценности – пропагандирующий (явно или скрыто) ценности общества потребления; 5) использующий стратегии, «расширяющие ментальное пространство» читателя-собеседника» – использующий стратегии манипуляции над сознанием потребителя.

Важно отметить, что в рекламном дискурсе 1) преобладают ситуативно-доминирующие жанры – информативный, императивный, оценочный, аргументирующий и 2) обязательно воздействие на сознание через эмоциональную сферу.

Итак, в вышеназванном рекламном ролике реализуется эмоционально-образное воздействие на адресата. Исходный образ и его глубочайшие идейно-эстетические смыслы (безысходность существования, вечность, повторяемость, красота), изначально облеченные в гармоничную музыкально-поэтическую форму с доминированием зрительной составляющей – зыбкий переливающийся ночной свет (ночь, фонарь, свет, рябь канала), облекается в новую форму – семиотическую и сюжетную. Перекодирование текста заключается, во-первых, в его семиотической креолизации. Текст

Блока иллюстрируется семиотически разнородными средствами вербального и невербального характера – приятный мужественный голос чтеца сопровождается выразительным видеорядом, который включает знаки текста Блока из внешнего мира, и классической музыкой. Решающим в эмоциональном восприятии блоковского текста является цветовой образ, он следует классическому восприятию блоковского «страшного мира», представленного в стихотворении. Поликодовость, синестетичность позволяет резко усиливать воздействие рекламного текста на адресата. Вторым элементом механизма перекодирования является «включение» художественного текста в современный сюжет (молодой человек диктует по телефону товарищу блоковский текст – подсказка на экзамене). Создатели рекламы манипулируют сознанием получателя: доминантой станет современная реальность, восприятие классического текста включается в сюжет «обман на экзамене», что меняет ценностное восприятие; за текстом следует грамотный рекламный слоган: «Мы делаем все, чтобы ни одно слово не потерялось. МТС. Люди говорят». Особенно важным для нас является смена перцептивного восприятия: единственным ярким пятном оказывается реклама МТС.

Так эстетизация рекламы создает у потребителя непроизвольный эффект доверия. Когнитивной основой его является механизм переработки информации, создание синестетического образа с восприятием на бессознательном уровне, за счет чего не создается впечатления навязчивости, поддерживается узнаваемость бренда и эмоциональное удовлетворение от потребления рекламируемого продукта.

Таким образом, классический поэтический текст в современном культурном контексте традиционно выполняет важные смыслопорождающую и текстопорождающую функции, но его существование не ограничивается эстетически-игровой ролью. Современная постмодернистская эпоха предполагает перекодирование и креолизацию смыслов, что, вероятнее всего, приводит к сдвигу ценностных ориентиров.

Литература

1. Баженова Е.А. Прецедентные единицы в научном тексте // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 3 (9). – С. 32–36.

2. Карасик, В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–6.

МЕДИАТЕКСТ В АСПЕКТЕ ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. М. Шахова, К. А. Паутова, М. А. Паутов
Shahova72@mail.ru
Медицинская академия имени С. И. Георгиевского
(структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
(*Симферополь*)
Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
КрФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Москва)

Современные лингвистические исследования способствовали формированию особого коммуникативного подхода к изучению текстов разных сфер функционирования русского языка как в плане их создания, так и с точки зрения их интерпретации и оценки воздействующего потенциала на целевую аудиторию. В связи с этим особенно актуальными стали проблемы, связанные с изучением конфликтного потенциала медиатекстов, возможности их юридизации. В нашей статье дается обоснование необходимости привлечения специалистов, обладающих лингвистическими знаниями, в ходе проведения лингвистической экспертизы, а также анализируются проблемы, связанные с использованием специальных лингвистических знаний в судебной практике.

В современных условиях становления информационного общества особую актуальность приобретает изучение дискретных единиц медиапотока. Вне всякого сомнения, основной такой единицей является медиатекст, рамки которого позволяют объединить такие разноплановые и многоуровневые понятия, как газетная статья, радиопередача, телевизионные новости, Интернет-реклама, лозунги и призывы, прочие виды продукции средств массовой информации.

Актуальность данной проблемы обусловлена высокой степенью конфликтности медиатекстов, разнообразием наполнения

жанровой формы, а также недостаточной разработанностью методик, позволяющих корректно выделять из них речевые единицы оценочного и фактологического характера, что необходимо в ходе проведения лингвистического анализа текстов в практике лингвиста-эксперта.

Лингвоэкспертология – раздел лингвистики, направленный на изучение приемов и способов анализа текста, ставшего объектом лингвистического исследования в ходе судебного разбирательства. Основу лингвоэкспертологии составляет особый вид деятельности филолога-практика – аналитико-экспертная деятельность, потребность в которой возникла в конце 90-х гг. XX века в связи с социально-политическими изменениями в российском обществе и реализованной возможностью граждан защитить свое доброе имя в судебном порядке по фактам оскорбления и распространения заведомо ложных сведений в СМИ.

Необходимо учесть, что лингвистическая экспертиза (исследование продуктов речевой деятельности) была включена в Перечень родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, и Перечень экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации Минюста России, 9 марта 2006 года (т.е. всего двенадцать лет назад), в то время как научное филологическое знание насчитывает в России не одну сотню лет. Очевидно, что теоретико-методологическую основу судебных лингвистических методик составляют базовые методы современной отечественной и зарубежной лингвистики.

Подходы к тексту как объекту анализа могут быть представлены следующим образом:

1. Тексты сами по себе могут быть объектом исследования без установления их связи с объективной реальностью – интересны особенности текста как таковые [7, с. 238].

Полагаем, что данный подход актуален на первом этапе аналитико-экспертной деятельности, когда необходимо установить объект исследования, описать его стилистические и дискурсивные особенности.

2. Тексты как высказывания, как компоненты коммуникации, на основе анализа которых формулируются утверждения о группе лиц – авторов этих текстов, т.е. тексты – показатели феноменов, в которых люди выступают носителями определенных качеств [5, с. 316].

Данный подход уместен в тех случаях, когда есть необходимость квалифицировать речевое поведение говорящего через описание того варианта поведения, который выбирает субъект речевого произведения в зависимости от той ситуации, которая может быть квалифицирована как речевое правонарушение.

3. Тексты как явная рефлексия в коммуникации, элемент «помощи» и индикатор, который позволяет анализировать коммуникацию (или коммуникативную ситуацию), зафиксированную в данной форме [1, с.233].

В рамках данного подхода целесообразно, например, использовать методы исследования, направленные на установления тождества различных речевых актов (оскорбления, угрозы, введение в заблуждения и т.п.) [3, с.175].

Высказывать что-то – это, безусловно, воздействовать на адресата, то есть каждое высказывание имеет какую-то предрасположенность воздействовать на конкретного адресата или неопределенную группу лиц [2, с.404].

В целом любой говорящий на русском языке знает об этих предрасположенностях и умеет пользоваться данной информацией. Таким образом, только проблема тождества, возникающая на уровне кодирования информации, из всех типов тождества может являться предметом лингвистического исследования, и только относительно этой проблемы могут быть сформулированы соответствующие экспертные задачи.

По мнению К. И. Бринева, «…цель любой судебной лингвистической экспертизы – проверка истинности / ложности (категорические выводы), возможности / невозможности (модальные положительные и отрицательные выводы) высказываний о предмете исследования, которые вытекают из вопросов, поставленных перед экспертом…» [1, с. 52].

В каких случаях тот или иной медиа текст может пересекаться с областью политической и юридической лингвистики?

Юридическая оценка информации как содержащей признаки экстремизма является основанием для признания носителей, на которых она содержится, экстремистскими материалами (Статья 13 «Ответственность за распространение экстремистских материалов» Федерального закона № 114 от 25 июля 2002 г.«О противодействии экстремистской деятельности»).

Общие условия допустимости вмешательства государства в осуществление прав и свобод, а также критерии возможного ограничения свободы слова и свободы информации, содержательно соотносящейся с признаками экстремистской деятельности, установлены в ряде международно-правовых актов, среди которых:

- Всеобщая декларация прав человека (Генеральная Ассамблея ООН 10 декабря 1948г.);

- Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (принята 21 декабря 1965г.) и др., а также ряд законов о противодействии распространению информации, содержащей признаки экстремистской речевой деятельности.

Критерии для признания материалов экстремистскими:

материалы могут быть признаны экстремистскими, если их содержание направлено на формирование положительного (одобрительного) отношения к экстремистской деятельности.

Закон различает три способа выражения положительного отношения:

- призывы к экстремистской деятельности;
- обоснование экстремистской деятельности;
- оправдание экстремистской деятельности.

При этом, по мнению Т. В. Чернышовой, «по своим лингвистическим признакам обоснование и оправдание необходимости совершения экстремистских действий всегда являются выражением мнения» [6, с.32], а потому требуется специальный лингвистический анализ содержания соответствующих информационных материалов, подтверждающий необходимость вмешательства государства и ограничения свободы распространения идей и мнений.

Экстремистская деятельность – противоправная деятельность, выражающаяся в совершении преступлений или административных правонарушений, указанных в ст. 1 Федерального закона о противодействии экстремистской деятельности, и направ-

ленная против основ конституционного строя и общественной безопасности, в том числе посредством распространения национальной, расовой, религиозной и социальной ненависти и вражды.

Экстремистская деятельность может проявляться в форме экстремистских речевых действий (публичные призывы к террористической деятельности; пропаганда исключительности и превосходства либо неполноценности человека и др.).

Экстремистское речевое действие – это всегда публичное распространение информации, правовая оценка которого зависит от содержания распространяемой информации.

Каждому экстремистскому речевому действию соответствует определенный тип информации, содержащий признаки экстремизма.

По мнению Кузнецова С. А. и Оленникова С. М., «для определения того, в каких именно фрагментах текста содержится соответствующий смысл, необходим его лингвистический анализ» [4, с. 31], и мы, безусловно, соглашаемся с этим высказыванием.

Из вышеизложенной информации можно сделать соответствующий вывод о необходимости разработки методов, позволяющих анализировать содержание текста, определяя, что говорится и что подразумевается, а также представлять его в явной (эксплицитной) форме.

Литература

1. Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / К.И. Бринев ; под редакцией Н.Д. Голева. – Барнаул :АлтГПА, 2009 – 252 с. ISBN 978-5-88210-464-0

2. Бринев К.И. Лингвистическая экспертиза: типы экспертных задач и методические презумпции / К.И. Бринев // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: Межвузовский сборник научных трудов./ под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2008. – С.232-249.

3. Бринев, К.И. Реклама в парадигме инвективности / К.И. Бринев // Юрислингвистика 8 : Русский язык и современное российское право: Сб. научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, – Барнаул, 2007. – С.402-405.

4. Кузнецов С. А., Оленников С. М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство / С. А. Кузнецов, С. М. Оленников //Научно-практическое издание. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский дом В. Ема, 2014. - 312 с.

5. Чернышова Т. В. Аналитико-экспертная деятельность: аспекты подготовки филолога-практика // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме:

материалы Третьей международной научной конференции (Барнаул, 24–29 апреля 2012 г.) / под ред. Н. В. Панченко, Т. В. Чернышовой, А. А. Чувакина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012 С. 315–318.

6. Чернышова, Т.В. Юрислингвистическая экспертиза газетно-публицистических текстов с неявной коммуникативной функцией высказывания / Т.В. Чернышова // Юрислингвистика-3 : Проблемы юрислингвистической экспертизы : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002.С. 42-55.

7. Чернышова, Т.В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста / Т.В. Чернышова // Юрислингвистика-2 : русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 236-244.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ СОЗНАНИЯ ПОДРОСТКОВ ПОСРЕДСТВОМ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Е.В. Полякова, Н.В.Щенникова
ninashenn@gmail.com ; ev-rudn@yandex.ru
Российский университет дружбы народов
(*Москва*)

Процесс, во время которого происходит овладение языком, находится в тесной взаимосвязи с пониманием окружающего мира. И в этом процессе языковое сознание ребёнка как часть образа мира, с одной стороны, обусловлено его окружением, системой обучения и формами общения, а с другой — особенностями развития детской психики.

В подростковый период развития ломаются и перестраиваются все прежние отношения ребёнка к миру и к самому себе, развиваются процессы самосознания и самоопределения [1, 464 с.]. На формирование подростка также влияют: школа, группы по интересам, различные интернет-сообщества (блоги, чаты, и т.д.), интернет-игры. Виртуальное общение становится чуть ли не основной коммуникацией подростков, в процессе которого происходит осознание собственной исключительности и ее выражение в речевом поведении, а также адаптация к разным формам социальных контактов.

Современные подростки являются самой активной частью информационного сообщества, в котором регулярно происходит

«умножение, ускорение, уплотнение и глобализация информационных обменов» [3, 384 с.]. Одной из форм коммуникации, в которую оказывается вовлечен и подросток, является реклама как специфический неперсонализированный вид коммуникации.

Социологи и психологи, отмечая бесспорное воздействие рекламы на формирование сознания подростков, говорят о её «деструктивной роли в процессе социализации, в становлении и укреплении позитивных социально-политических и нравственных качеств молодёжи» [5, с.55—58], о необходимости повышать общую психологическую устойчивость, сопротивляемость, критическое отношение к средствам массовой информации вообще, и к рекламе в частности.

Воздействие рекламы на сознание подростка связано с тем, что время его становления характеризуется некоторыми физиологическими изменениями с одной стороны, и социокультурным влиянием на формирование личности — с другой, поэтому это то время, когда подросток максимально восприимчив ко всем переменам. В этот период происходит перелом социальной идентичности, а также в большей или меньшей степени изменение системы ценностей в сознании подростка, и как итог — отмечается выраженная противоречивость поведения подростка, в том числе и речевого.

Процессы приспособления к социальному окружению, стремление «ассимилироваться» в нем и в то же время понимание своей особенности, переживание собственного неповторимого опыта находятся в постоянном противостоянии. Чем старше ребенок, тем больший отпечаток накладывают на него условия, которые характеризуют жизнь данного общества. Специалисты в области психологии, социологии, социолингвисты относят этот возраст к периоду промежуточной, или псевдоустойчивой социализации, что подчеркивает предрасположенность сознания подростка к влиянию извне.

Развитие мышления подростка в этот период зависит от социокультурных факторов и соответствует становлению формальных операций, стадии интеллектуального развития, представленной в концепции Ж. Пиаже [4, с.325—326]. В это время подросток учится строить гипотетико-дедуктивные рассуждения, которые

основываются на собственном опыте. В таких рассуждениях осуществляется замена конкретных отношений, характерных для сознания детей младшего возраста, универсальными символами, т.е. происходит становление мышления в понятиях, начало оперирования абстрактными понятиями. Со становлением формальных операций в мышлении ребенка в возрасте 13 — 15 лет появляются так называемые символы второго уровня (символы для обозначения символов): дети начинают адекватно понимать метафоры, многозначность знакового мира сознания. Происходит постепенный переход от конкретных к более абстрактным формам мышления, к мышлению в понятиях. Л.С. Выготский считал, что только в подростковом возрасте ребенок достигает той ступени социализации своего мышления, которая необходима для выработки вполне развитых понятий, хотя они и не являются еще господствующей формой мышления [2].

Периоду образования понятий предшествует комплекс псевдопонятия, когда обобщение, возникающее в мышлении, напоминает по внешнему виду понятие, но по своей психологической природе не является понятием в прямом смысле, т. е. на этом этапе происходит «комплексное объединение ряда конкретных предметов, которое по внешнему виду, по совокупности внешних особенностей, совершенно совпадает с понятием, но по генетической природе, по условиям возникновения и развития, казуально-динамическим связям, лежащим в его основе, отнюдь не является понятием. С внешней стороны — понятие, с внутренней стороны — комплекс» [2, с.148]. При переходе к этапу мышления в понятиях отношения между предметами действительности устанавливаются на основе объективных связей, действительно существующих между этими предметами, а не только на основании субъективных связей, а результаты социализации находят свое отражение в структуре значения слова.

Например, по данным ассоциативного эксперимента [6], направленного на исследование влияния рекламных текстов на языковое сознание подростков 13 — 15 лет, было обнаружено в ассоциативном поле слова-стимула ГАРАНТ (*Ваши любимые вещи всё ещё под домашним арестом? Тогда гарант чистоты идёт к вам! (реклама стирального порошка «Tide»*) 19% реакций,

которые обусловлены влиянием рекламного текста. Это такие реакции, как *чистоты* (6,5 % респондентов) и *качества* (12,5% респондентов). С другой стороны, понятие, которое стоит за словом, ещё не до конца сформировано в сознании подростка, что приводит к неправильному прочтению слова, например, вместо *гарант* подростки читают *гранат*, вследствие чего даются такие реакции, как *фрукт, сок, дерево, кисло, красивый цвет, красный, плод, свежесть, с косточками, ягодки,* которые составляют 4,5% от общего числа полученных реакций.

Ещё одним примером может служить ассоциативное поле слова-стимула ГРИБОК (*Обувь дрожит от страха? Причина тревоги – грибок ногтей! Используйте Лоцерил. Всего раз в неделю! Верните здоровье вашим ногтям! (лекарственное средство*). Это слово-стимул осознаётся как часть клишированной генетивной структуры, устойчивой в рекламе, и воспроизводится целиком. Такие структуры устойчивы, поэтому появляются синтагматические реакции клишированного типа: *стопы, ногтя* и др. Общее количество реакций, обусловленных рекламным текстом, в ассоциативном поле слова *грибок* составляет 53,5%.

Реклама является агентом вторичной социализации, и бесспорно влияет на нервную систему школьника, который в силу своего возраста не может противостоять этому воздействию так, как это могут делать взрослые. Поэтому аффективный компонент рекламы оказывается наиболее действенным, так как эмоции всегда носят личностный, субъективный характер.

В ассоциативном поле некоторых слов-стимулов, являющихся ключевыми словами рекламного текста, присутствуют реакции оценочного, рефлексивного типа, мотивированные если не самим рекламным текстом, то медиатекстом в целом, т. е. самим продуктом или тем, что с ним связано в сознании реципиента. Таким образом, на слово-стимул ДОМ (*Школа жизни в Доме-2.// Каждый день в 9 вечера Дом-2 на ТНТ (реклама телевизионной программы*) были даны такие реакции, как *ненавижу эту программу* и *убить Собчак*, а на слово-стимул КАБЛУЧКИ (*Все тип-топ: каблучки, макияж. Все тип-топ и этот день наш! (реклама женских гигиенических средств*) была дана реакция *дурацкая песня*.

В ассоциативных полях некоторых слов-стимулов присутствуют оценочные реакции, связанные с псевдоосознанием понятия, такие как *бред, жесть, зелье, ложь, фигня* на слово-стимул АРОМАГИЯ (*JacobsMonarch. Аромагия сближает (кофе «JacobsMonarch»*); *nocomments* на слово-стимул БОНУСЫ (*Оплатите картой Сбербанка, получите бонусы СПАСИБО! (услуги Сбербанка*); *фу!, хрень* на слово-стимул КАБЛУЧКИ; *спам, Фу!* на слово-стимул НИКОЛА (*Квас — не кола! Пей «Николу»! (квас «Никола»*). У испытуемых создаётся иллюзия адекватной оценки понятия, а на самом деле они негативно воспринимают и отторгают непонятное.

Фразы, входящие в ядро языкового сознания и связанные с базовыми знаниями русской культуры, которые формируются с раннего возраста, оказываются устойчивыми к влиянию рекламы, а слова, типичные для рекламных текстов, в основном дают большое количество реакций, обусловленных рекламой. Знания, связанные с ними, берутся в основном из рекламных текстов. Оценочные реакции находятся на периферии ассоциативного поля слова, и являются отражением эмоционального настроя, мироощущения реципиента.

Литература

1. Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. — 464 с.

2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Мышление и речь. Т.2 М.: Педагогика, 1982. —504 с.

3. Кривоносов А.Д., Филатова О.Г., Шишкина М.А. Основы теории связей с общественностью. СПб: Изд-во Питер, 2010. —384 с.

4. Пиаже Ж. Генетический аспект языка и мышления.// Психолингвистика: сборник статей / составитель А.М. Шахнарович. М.: Прогресс, 1984. С. 325-326.

5. Толмачёва С.В., Генин Л.В. Реклама глазами молодёжи // Социологические исследования. М: Ин-т социологии РАН, 2007. №4. С. 55-58.

6. Щенникова Н.В. Влияние рекламных текстов на языковое сознание современного подростка: дис. … канд. филол. наук.: Москва: МГОУ, 2016. — 281 с.

ТИПЫ АРГУМЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ИЛЛОКУТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ)

Е.С.Ярыгина
es1957@mail.ru
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»
(Москва)

В современном синтаксисе сложных предложений активно используются понятия «иллокутивная сила», «иллокутивное употребление союза», «иллокутивная модальность», «иллокутивная конструкция». Эти понятия предназначены для тех сложных предложений, в которых синтаксическая связь имеет не объективный (пространственно-временной или объективно-причинный), а субъективно-модусный характер. Это значит, что в сложном предложении нет единого модуса и что каждая из двух входящих в сложное предложение предикативных частей обладает собственной модусной составляющей, каждая из которых самостоятельно участвует в организации синтаксической связи. Классическими примерами для иллюстрации синтаксических конструкций с таким типом связи являются сложноподчиненные предложения с причинно-аргументирующими придаточными. Авторы «Русской грамматики» (1980) приводят следующий пример: *Медлить было нечего: я выстрелил в свою очередь, наудачу; верно, пуля попала ему в плечо, потому что он вдруг опустил руку* (М.Ю. Лермонтов). Особенность таких предложений состоит в том, что придаточное выражает не причину факта, а причину мнения (предположения). В этом примере модус в первой предикативной части эксплицирован вводным эгоцентрическим словом *верно*. Из этого следует, что причинно-аргументирующие придаточные характерны для текстов, которые 1) допускают чередование коммуникативных регистров речи [2, с. 32-34; 450-479]; 2) допускают взаимодействие субъективного и объективного в передаче информации.

Новая терминология, основанная на англоязычной традиции, обозначает то, что уже известно из классической лингвистической литературы. Так, авторы Академической грамматики 1952-1954 пишут о том, что в русском языке есть средства выражения значения обоснования того, «о чем говорится в главном предложении»

[1, с. 318]. Здесь уделяется значительное внимание тем союзам, которые сейчас принято называть «иллокутивными» (*ибо, раз, коль, буде*). Особенность этих союзов состоит в том, что они, как правило, употребляются в предложениях с модальными модификаторами (модальными формами глагола, составными сказуемыми с модальными глаголами, вводными словами). На это же обращают внимание и авторы Академической грамматики – 1980 (§§ 3027-3036).

В современной синтаксической науке существуют два подхода к интерпретации предложений с причинно-аргументирующей семантикой. Согласно одному подходу, использующему термин «иллокутивный», сущность иллокутивной конструкции состоит в том, что пропозициональные единицы взаимодействуют с «иллокутивной силой» «второй клаузы» [3]. Согласно другому подходу, мы имеем дело с таким типом синтаксической связи, при котором две предикативных единицы соединяются посредством своих модусных составляющих (эксплицитных или, чаще, имплицитных) [4, с. 55], то есть модус главного предложения взаимодействует с модусом придаточного, при этом модусы обязательно различаются – либо по типу, либо по степени объективности, либо по субъекту. В данной работе принимается второй подход, что предполагает экспликацию имплицитных модусных составляющих при семантической интерпретации синтаксической связи как в составе сложного предложения, так и в тексте – между самостоятельными предложениями. Представляется логичным использование термина «иллокутивная структура» в значении определенного риторического (тактического) приема, в результате которого соединяются части, характеризующиеся различной модусной окрашенностью, то есть различной иллокутивной модальностью. Сферой активного функционирования иллокутивных структур является политический дискурс в силу того, что политика – это сфера столкновения мнений и способов доказательства своей позиции.

Объектом исследования являются устные дипломатические выступления С.В. Лаврова: речи, пресс-конференции, интервью. С.В. Лавров демонстрирует умелое соединение субъективного и объективного, мнения и факта, интерпретации и констатации. Речь С.В. Лаврова отличается внешней простотой и личной субъектив-

ной окрашенностью, за которой скрывается объективность и твердая позиция субъекта обобщенно-личного. Устная форма выступлений допускает большую степень эксплицитности модусных средств, поэтому иллокутивная связь выражается не только союзами, но и вводными словами, вербализованными модусными рамками. Сами же синтаксические структуры содержат модальные слова и формы со значением потенциальности.

Анализ выступлений С.В. Лаврова показал, что в его риторическом репертуаре находятся следующие типы иллокутивных структур:

(1) Сложноподчиненное предложение с союзами *так как, потому что, поскольку*:

«Премьер-министр А. Яценюк уже много чего наговорил: всего год назад, уже в современную эпоху, он пугал Европу тем, что следующим после т.н. «украинской агрессии» будет нападение на Германию и Францию. Весьма *странно*, **так как** А. Яценюк был *неплохим* министром (какое-то время был министром иностранных дел Украины), он мне *казался* разумным человеком, вникал в аргументы, действовал адекватно, но, *видимо*, попал под дурное влияние извне. Больше ничего не могу сказать» (26.01. 2016);

«Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг в окружении своих заместителей вчера не смог сказать, что НАТО уже к этому готово, а это *печально*, **потому что** без практического сотрудничества любые встречи дипломатов никакого добавленного смысла не будут иметь в том, что касается решения проблем безопасности» (Речь С.В. Лаврова 27.09. 2014).

(2) Бессоюзное сложное предложение:

«Тем не менее, рассчитываем, что ОБСЕ – все-таки *не совсем потерянная* Организация: она активно работает на Украине, обрела «второе дыхание», у нее есть шансы отвечать тому предназначению, которое было заложено при ее создании» (26.01. 2016)

(3) Полипредикативное предложение с деепричастным оборотом:

«Дамаск уже делом доказал свою способность к взаимодействию с международным сообществом, *выполнив свои обязательства* в рамках программы ликвидации химического оружия» (Речь С.В. Лаврова 27.09. 2014).

(4) Текстовое соединение предложений в монологическом контексте:

«Б.Джонсон *человек очень разноплановый*. Как Вам известно, когда он занимал должность мэра Лондона, он был очень хорошим другом России и прославился своим участием в российских фестивалях в Лондоне. Теперь же, мне кажется, он готов исполнять роль международно-признанного прокурора из Гааги» (Интервью С.В. Лаврова 12.10. 2016).

(5) Соединение в условиях диалогического контекста:

«Вопрос: Но зачем вы потребовали критиковать того, кто раскритиковал Д. Трампа?

С.В. Лавров: *Я объясню*. Верховный комиссар ООН по правам человека сделал совершенно *непозволительное заявление*. В его обязанности входит защита прав человека, а не раздача оценок суверенным странам. Он не в праве вмешиваться во внутренние дела и давать характеристики лидерам других государств» (Пресс-конференция С.В. Лаврова 22.01. 2015).

Несмотря на структурные различия приведенных примеров, в них просматривается общая тенденция активного использования оценочной лексики, что предполагает необходимость обоснования. Это могут быть оценки ситуаций, поступков (*непозволительное заявление*) или характеристики людей (*разноплановый человек*); см. еще пример: «Речь Трампа вообще *прозвучала странно*. С одной стороны, американский президент говорил почти по-ленински о праве наций на самоопределение, о том, что США не собираются никого учить жизни и вмешиваться в дела других стран. С другой стороны, Трамп откровенно играл мускулами, хвастаясь рекордным оборонным бюджетом и американской армией, называя Иран коррумпированной диктатурой и режимом убийц и обещая вскоре окончательно решить судьбу соглашения по иранской ядерной программе» (20.09. 2017). В данном примере оценочное *странно* потребовало обширного обоснования, при этом С.В. Лавров соединил фразеологию советского периода с современной политической фразеологией, добившись тем самым иронического эффекта.

Проинтерпретируем отдельные фрагменты из выступлений С.В. Лаврова. Начнем с примера, в котором С.В. Лавров демонстрирует способность дипломатически уйти от ответа на некорректный вопрос:

Вопрос (перевод с английского языка): Вчера Госсекретарь США Р. Тиллерсон заявил, что *для того, чтобы покончить с конфликтами в Грузии, Молдавии, а также в Нагорном Карабахе необходимо осудить Россию по вопросу Абхазии и Южной Осетии.* Как Вы прокомментировали бы эти заявления? Когда Вы будете готовы признать территориальную целостность Грузии и прекратить оккупацию наших регионов?

С.В. Лавров: *Мне, наверное, нечего комментировать, так как Госсекретарь США Р.Тиллерсон призывал осудить Россию не меня, а Вас.* Осуждайте. Мы уважаем территориальную целостность Грузии, равно как и уважаем территориальную целостность двух новых независимых государств Республики Абхазия и Республики Южная Осетия. (Пресс-конференция С.В. Лаврова 8.12. 2017).

Журналист воспроизвел выступление Р. Тиллерсона и интерпретировал модальность этого выступления как заявление, а субъекта – потенциального исполнителя действия – обобщенно-лично (весь мир). С.В. Лавров изменил интерпретацию иллокутивной направленности выступления Р. Тиллерсона: не как официальное заявление, а как призыв к аудитории, слушавшей Тиллерсона. Субъект же у С.В. Лаврова оказался либо определенно-личным (те, которые присутствовали) или неопределенно-личным (те, которые воспринимают это на свой счет). В результате он (С.В. Лавров) получает возможность не комментировать, поскольку эта речь Тиллерсона не была обращена к С.В. Лаврову лично.

Еще один пример:

«Пора полностью исключить из международного общения попытки незаконного давления одних государств на другие. Бессмысленность и контрпродуктивность односторонних санкций очевидны на примере американской блокады Кубы» (Речь С.В. Лаврова 27.09. 2014).

В этом примере модальная направленность первого предложения обосновывается двумя существительными – *бессмыслен-*

ность и *контрпродуктивность,* которые, в свою очередь, обосновываются отсылкой к прецеденту – безрезультатной блокадой Кубы. Если интерпретировать семантико-синтаксические отношения между частями фрагмента, то получится следующая фраза: «Я считаю, что пора исключить… попытки давления, поскольку мы знаем о безрезультатности таких действий по отношению к Кубе».

При выражении иллокутивных отношений обычным явлением становится эллипсис: «Но мы *будем* последовательно *добиваться* рассмотрения и этого блока вопросов, потому что только *через политическую реформу* сможем обеспечить спокойствие на Украине и урегулировать этот кризис» (Пресс-конференция С.В. Лаврова 22.01. 2015). Это сложное предложение без предшествующего контекста кажется семантически неполным, так как непонятно, при чем тут политическая реформа. Восстановив предшествующий контекст, мы понимаем, что словосочетание *политическая реформа* встроено в именную группу *этот блок вопросов*. Кроме того, после союза восстанавливается модусная рамка *мы считаем / мы знаем*.

Особенностью выступлений С.В. Лаврова является умелое сочетание способов выражения субъекта мнения. В выступлениях С.В. Лаврова преобладают неидивидуализированные субъекты: 1) *мы* (Россия, государство, руководство РФ, обобщенно-личное *мы*): «В политике *мы* предпочитаем ориентироваться не на истерические выкрики и русофобскую риторику, *мы* предпочитаем деловой подход: если *мы* хотим спасти жизни, наши действия должны быть прагматичными и конкретными» (Интервью С.В. Лаврова 12.10. 2016); 2) синтаксические нули в предложениях с модальным значением: «А дальше, поскольку это будет уже гораздо менее смертоносным противостоянием, *можно будет говорить* о политическом и экономическом процессе» (Пресс-конференция С.В. Лаврова 22.01.2015). «Говорить можно будет» любому, кто окажется в роли переговорщиков, дипломатов, решающих эту проблему.

Субъективное *Я* появляется в вводной позиции. Вот несколько фрагментов из выступления С.В. Лаврова на пресс-конференции 22.01.2015 г.:

«После этого, *надеюсь*, что очень скоро будет безразлично, кто в какую сторону сдвинул эту линию, *потому что* надо будет налаживать экономическую жизнь и политический процесс»;

«*Поскольку* в данном случае появился новый «игрок» – коалиция, нужно, *наверное*, эти силы объединять»;

«*Не думаю*, что можно так легко обойти эту ситуацию, *потому что* сразу после этого «ошибочного» удара ИГИЛ перешел к наступлению на Дейр-эз-Зор»;

«Давайте отправим их в Идлиб, столицу «Джабхат ан-Нусры». Так будет проще для всех нас — объединенных сил — бороться с этими группировками. В противном случае, *не думаю*, что можно ожидать от сирийской армии прекращения борьбы с «Джабхат ан-Нусрой», которая прикрывается мирным населением как щитом».

В этих примерах безличные *надо налаживать, нужно объединить, можно ожидать* соединяются с наиболее личным *думаю / не думаю*. Вводные слова предъявляют личность говорящего и позволяют С.В. Лаврову выразить не только личную заинтересованность в происходящем, но и предъявить определенную степень субъективности.

Проведенный анализ показывает, что иллокутивный тип синтаксической связи имеет значительный репертуар языковых средств, широко используемый в политическом дискурсе. Для интерпретации иллокутивных структур необходимо учитывать тип модуса и тип субъекта. Анализ выступлений С.В. Лаврова дает возможность заключить, что особенности речевой стратегии говорящего проявляются в выборе средств выражения субъекта и степени эксплицитности показателей модуса.

Литература

1. Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис, ч. 2. М.: Наука,1980. – 444 с.

2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Азбуковник, 2004. – 544 с.

3. Пекелис О.Е. Сочинение и подчинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2015.

4. Ярыгина Е.С. Еще раз о «коммуникативном подходе» к сложному предложению (к вопросу о возможностях лингвистического эксперимента) // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». № 3 (15). М., 2014. – с. 52-62.

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

ОБРАЗ КРЫМА В КУРСЕ СТРАНОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

И. Г. Балашова, Т. Ю. Новикова
Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
(Симферополь)

Стремление к коммуникативной компетенции как к конечному результату обучения РКИ предполагает не только формирование языковой компетенции учащихся, но и усвоение ими в процессе обучения колоссальной внеязыковой информации, необходимой для адекватного общения и взаимопонимания в процессе межкультурной коммуникации. Последнее недостижимо без принципиального тождества основных сведений коммуникантов об окружающей действительности. Заметные различия в запасе этих сведений у носителей разных языков и культур определяются в основном различными материальными и духовными условиями существования соответствующих народов и стран, особенностями их истории, культуры, политической системы и т.п. Отсюда вытекает общепризнанный вывод о необходимости глубоко знать специфику страны изучаемого языка и тем самым о необходимости лингвострановедческого подхода как одного из главных принципов обучения иностранным языкам. Поэтому совсем неслучайным представляется тот факт, что в гуманитарной науке конца прошлого столетия на стыке лингвистики и культурологии сформировалось такое направление, как лингвокультурология. Оно прямо свидетельствует о том, что слово, служащее главным элементом построения текста как учебной единицы, потребовало более пристального внимания и отношения к себе, более глубокого проникновения в его суть. О лингвокультурологии как направлении научной мысли обстоятельно пишет в своём исследовании, выполненном на материале болгарской русистики, Е. Стоянова: «Её задачей становится изучение репрезентации культуры в языковом знаке. Ста-

новление данной научной отрасли является закономерным процессом в контексте утверждения антропологической научной парадигмы исследований и усиления интереса к феномену культуры» [4, с. 104].

После воссоединения Крыма с Россией факты, связанные с историей и культурой полуострова, безусловно, требуют своего отражения в курсе страноведения в контексте РКИ. Как отмечалось неоднократно историками и культурологами, Крымский полуостров представляет собой своеобразный «перекрёсток цивилизаций». Этим объясняется и повышенный интерес ко всем происходящим событиям, связанным с этим небольшим островком суши, занимающим совсем скромное место на карте мира. Однако, как говорится, «мал золотник, да дорог». Поэтому те события, что произошли весной 2014 г. в Крыму, получившие название *крымская весна,* заставили заговорить о них практически весь мир. «Возникший в 2014 г. оборот *крымская весна*, с одной стороны, унаследовал вместе с ключевым компонентом революционную сему обновления, смены государственного режима, а с другой – стал символом мирной, бескровной победы взбунтовавшегося народа. Это кардинальное отличие крылатой единицы (КЕ) *крымская весна* от КЕ *арабская весна* нашло отражение в российском политическом дискурсе…» [7, с. 258]. Почему так интересен Крым для мира, чем привлекателен для исследователей, что стоит за этим топонимом – это те вопросы, ответы на которые должны прозвучать при создании современной, созвучной времени методической модели образа Крыма для практики преподавания РКИ.

Информация о Крыме, на первый взгляд, представляет собой региональное страноведение. Однако сведения, касающиеся истории Крымского полуострова, выходят далеко за рамки местного краеведения, они тесно связаны с важнейшими событиями в истории государства Российского. Поэтому эти сведения должны стать частью социокультурного компонента содержания обучения. В.П. Сысоев в социокультурный компонент содержания обучения иностранному языку как части национального достояния включает такие культурные направления, как наука и искусство; история и религия; национальные памятники; исторические заповедники и другие места туристического паломничества.

По его мнению, национальное достояние – это своего рода «фон национальных социокультурных знаний-концептов, представляющих культуроведческую ценность» [5, с.16]. Его точка зрения перекликается с точкой зрения З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые считают, что проблема обучения языку есть, прежде всего, «проблема формирования в сознании тех, кого мы обучаем, стандартных, принятых в данном обществе за образец концептов» [3, с.68]. Исследователи также утверждают, что среди всего прочего концепты формируются в сознании человека «из языкового общения (концепт может быть сообщён, разъяснён человеку в языковой форме, например, в процессе обучения). Язык, таким образом, является одним из способов формирования концептов в сознании человека» [3, с.68].

Следовательно, через язык, включая в обучение ценную лингво-краеведческую информацию, являющуюся важной частью национального достояния, мы, таким образом, формируем в сознании учащихся знания-концепты, представляющие культуроведческую ценность. И Крым представляет собой именно такую реалию в страноведении России, которая требует своего особого статуса в курсе РКИ.

Эффективная межкультурная коммуникация не может возникнуть сама по себе, ей необходимо целенаправленно учить и учиться. Поэтому вполне очевидны тесная связь и взаимозависимость преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации. «Каждый урок иностранного языка – это перекрёсток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием (опять же иностранным, если слово иностранное) представление о мире» [6, с.25]. И преподаватель РКИ на этом перекрёстке выполняет роль регулировщика, который помогает движению в новую культуру через посредство русского слова, несущего в себе духовную энергию.

Обучая межкультурному взаимодействию, важно понимать, что «для адекватной коммуникации необходимым требованием является знакомство коммуникантов с одними и теми же элементами КБ [*когнитивной базы. – И.Б., Т.Н.*] того национально-линг-

вистическо-культурного сообщества, на языке которого осуществляется общение» [2, с.164]. Основным источником, из которого черпается информация о когнитивной базе носителей изучаемого языка, является текст, рассматриваемый в качестве основной единицы обучения.

В процессе изучения иностранного языка текст органично соединяет в себе главные содержательные компоненты обучения: языковые, речевые, тематические. Его роль многофункциональна. По мнению И.Р. Гальперина, текст используется: «1. Как источник научной, культурно-страноведческой информации: а) о стране изучаемого языка; б) об общечеловеческих социальных, нравственных и культурных ценностях; в) в области общественных наук и в общественно-политической сфере. 2. Как единица обучения. 3. Как основа организации обучения: а) средство создания информативной основы для развития речевых умений; б) тематическая основа для введения и закрепления лексико-грамматического материала. 4. Как источник эмоционально-эстетического воздействия (при чтении художественной литературы)» [1, с.17].

Кроме того, основными характеристиками текста с точки зрения психолингвистики являются связность и цельность. Связность, как категория лингвистики, сопрягается со структурным единством текста, а цельность, как категория психолингвистики, – с концептом и – через него – с психолингвистическими категориями текста [См.: 2, с. 207]. Эти идеи представляются нам основополагающими при составлении учебных текстов.

Создавая учебный текст, необходимо прежде всего прогнозировать восприятие его реципиентом. Плодотворной представляется нам идея концепта текста, принадлежащая И.О. Москальской и получившая дальнейшее развитие в работе В.В.Красных: «Являясь своеобразной «точкой взрыва», вызывающей текст к жизни, концепт служит, с одной стороны, отправным моментом при порождении текста, а с другой – конечной целью при его восприятии» [2, с.213]. Концепт текста «хранится в памяти (долговременной памяти) в виде максимально свёрнутой структуры, некоего мыслительного сгустка, и может быть «повторно» развёрнут в абсолютно новый текст» [2, с.214].

Концептом нашего исходного (ключевого) учебного текста является «Поликультурность Крыма». Именно поликультурность

стала «отправной точкой» для порождения текста «Крым: исторические вехи» и может породить новые тексты, в том числе и на основе уже созданного.

Составляя наш текст, мы следовали тенденции, направленной на логико-понятийную упорядоченность и выстраивание всех единиц знания в единую структурированную систему. Отправной, высшей точкой для нас, несомненно, является реалия, именуемая Крым. Именно из этой точки разворачивается вся последующая система знаний и представлений об истории Крыма, в ходе которой закладывались истоки поликультурности этого географического пространства. Учитывая учебный характер текста, мы попытались максимально освободить его от оценок, коннотаций и проявления какой-либо экспрессии и опирались в первую очередь на энциклопедические знания.

Подчеркнём ещё раз, что знания концепта «Крым» выходят за пределы региональных, поскольку Крым занимает особое место как в российской истории, в том числе и совсем близкой к нам, так и в языковом сознании носителей русского языка разных поколений. Однако по понятным причинам информация о Крыме не находила своего отражения в страноведческом аспекте РКИ на протяжении более двадцати лет. Изменившаяся геополитическая ситуация привносит свои коррективы в страноведческий аспект РКИ. Но задача, связанная с введением этой информации в учебный процесс, не является простой, и для решения её преподавателю необходимо проделать большую методическую работу при составлении учебных материалов о Крыме.

Полагаем, что наш опыт по созданию учебного пособия, включающего крымский региональный компонент, может быть полезен преподавателям РКИ не только в Крыму, но и за его пределами. В частности, наши методически обработанные сведения о Крыме могли бы найти своё место в составлении статей, отражающих крымскую тему в Лингвострановедческом электронном словаре «Россия», создаваемом Институтом русского языка имени А.С. Пушкина.

Как мы уже отмечали, Крым рассматривается нами в качестве концепта. Отдельные тексты о каком-то из периодов истории, событии, факте не являются самодостаточными, т.к. в любом случае потребуется объяснение незнакомых слов-реалий. В этом

объяснении в свою очередь появляются новые слова, требующие дополнительного объяснения стоящих за ними реалий. Практика создания разрозненных текстов полностью подтверждает это. Крым не может рассматриваться фрагментарно. Необходимо выстроить целостную, хорошо структурированную систему. Мы попытались сделать это с помощью текста, который соответствует перечисленным выше требованиям и может рассматриваться как исходный, ключевой. Накопленный большой текстовый учебный материал продиктовал необходимость создания именно такого предварительного вводного, исходного текста о Крыме. Одновременно он является своеобразным гипертекстом. В нём мы попытались упомянуть по возможности все наиболее ценные крымские реалии, которые зафиксированы в истории и спроецировались в современности, воплотившись в понятие «поликультурности». В тексте эти слова выделяются шрифтом, т.к. именно они являются ключевыми для его понимания, словами-стимулами, которые вызывают определённые реакции и могут быть при необходимости объяснены другими текстами. Составлению текста «Крым: исторические вехи» предшествовал длительный процесс отбора и накопления информации из большого массива текстов и последующая её адаптация на разных уровнях. В современной методической науке разработаны два основных этапа адаптационных операций. На первом этапе текст упрощается на уровне смысла, а не языкового оформления. На втором этапе производится языковая обработка текста.

Для нас первый этап оказался самым сложным и долгим по времени. Составление одного сравнительно небольшого по объёму, но максимально ёмкого по содержанию текста, отражающего всю историю Крымского полуострова в зеркале поликультурности (концепта текста), потребовало привлечения большого массива краеведческой литературы. Поэтому сокращение объёма оригинальных текстов, их группировка, систематизация содержащихся в них сведений повлекли необходимость составить первоначальный список ключевых слов-стимулов, которые в дальнейшем рассматривались в качестве смысловых вех учебного текста.

Поскольку Крым – понятие концептуальное, простой набор ключевых слов в этом случае даёт мало ощутимый результат, а в

некоторых случаях и вовсе не работает. Требуется система ключевых слов. Мы попытались выстроить целостную систему, исходя из заголовка «Крым: исторические вехи». Заголовок определил, что за опорные смысловые вехи следует принять главные исторические события в жизни полуострова, а за каждым событием должны стоять конкретные племена и народы – участники исторического спектакля. Наименования событий и их участников составили «смысловой скелет» будущего текста, его программу. Такой подход к формированию информации позволяет не только описать истоки поликультурности Крыма через его историю, но и связать понятие поликультурности с создателями культурных ценностей – с народами, оставившими свой след на крымской земле.

Мы прошли этот непростой и трудоёмкий путь поисков ответов на поставленные дидактикой вопросы. Нами создано пособие по развитию навыков связной речи «Знакомимся с Крымом: от древности до наших дней». Исходный, ключевой текст «Крым: исторические вехи» определил методическое направление обработки краеведческого материала и его включение в такие разделы учебного пособия: «Что такое Крым?», «Крым и его история», «Города и памятные места», «Культурное пространство Крыма: народы, их прошлое и настоящее». Имеются в пособии и тексты для самостоятельного чтения, расширяющие информацию о Крыме.

Литература

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 139 с.

2. Красных В.В. Основы психолингвистики и форм коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.

3. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2001. – 191 с.

4. Стоянова Е. Лингвокультурное направление в научных исследованиях болгарских русистов. // «Болгарская русистика». Альманах. София, 2017. – С. 104–117.

5. Сысоев В.П.Язык и культура: в поисках нового направления культуры страны изучаемого языка // Иностранные языки в школе. №3. – 2001. – С.12-17.

6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учебное пособие) – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.

7. Шулежкова С. Г. Образ России на фоне цветных революций и крымской весны в информационной войне начала XXI в. // Образ России в усло-

виях информационной войны конца XX – начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса: материалы междунар. науч. конф. (Магнитогорск, 23-25 ноября 2017 г.) / Науч.-исслед. словарная лаборатория НИИ исторической антропологии и филологии; под ред. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. тех. ун-та им. Г. И. Носова, 2017. С. 254-265.

К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ КОННОТАТИВНО МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Васильева Г.М.
Ли Юецзяо
galinav44@mail.ru
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»
(*Санкт-Петербург*)

Поскольку для лингвокультурологического подхода к обучению русскому языку иностранных студентов аксиоматичным является положение о связи языка и культуры, его основной задачей является формирование лингвокультурологической компетенции, которую принято определять как знание идеальным говорящим / слушающим особенностей национальной культуры, а также всей системы культурных ценностей, выраженных в языке [1, с.24]; [2, с. 82], т.е. лингвисты и методисты связывают формирование лингвокультурологической компетенции с усвоением ценностных основ изучаемой лингвокультуры.

Ввиду того, что культурная коннотация является одним из базовых понятий лингвокультурологии [5, с. 107], и в то же время составляет наиболее «закодированный» аспект лексического содержания для иностранных студентов, очевидной становится актуальность формирования именно *коннотативно ориентированного аспекта лингвокультурологической компетенции*, который концентрирует внимание не столько на базовой семантике слова, сколько на коннотативном содержании, которое лежит в основе образных средств русского языка и многих текстов культуры.

Усвоение коннотативного аспекта лексического содержания культурно маркированного слова позволит иностранным студентам адекватно воспринять образные средства и культурно значимые тексты изучаемого языка.

Один из культурно значимых фрагментов языковой картины мира связан с отношением к растительному миру, осознание, оценка, чувственное восприятие которого с древних времен формировали мировидение и особенности художественного творчества народов.

Отношение человека к растительному миру находит отражение в наименованиях растений, которые являются одной из самых коннотативно маркированных лексических групп в языке. Многие аспекты фитонимической лексики исследованы лингвистами (этимология, фольклор, фразеология), хотя сам термин «фитонимы» не получил до сих пор однозначного толкования. Фитонимика (слова-наименования растений) в лингвистических исследованиях часто рассматривается либо в самом широком объеме (т.е. как наименования всей сферы растительного мира, включая грибы), либо в узком значении, подразумевая только травянистые растения, или цветы и травы. В данной работе термин «фитонимы» используется в последнем из приведенных значений.

Данная коннотативно маркированная группа лексики актуальна для формирования лингвокультурологической компетенции китайских студентов-филологов по ряду причин. Во-первых, в соответствии с китайскими традициями образования в школьных и университетских программах значительную роль играют выразительные средства языка, а также художественные, поэтические тексты, значительная часть которых заучивается наизусть. Большое внимание к образным средствам языка и поэтическим текстам методисты объясняют преимущественно «метафорическим» складом мышления китайцев, основанного на принципе аналогии. Во-вторых, как в русском, так и в китайском языках выразительные средства языка во многом обусловлены особенностями восприятия растительного мира, при этом как сам растительный мир, так и характер его осмысления и интерпретации характеризуются значительными различиями.

Описание культурных коннотаций фитонимической лексики в учебных целях должно базироваться на основных методически

значимых аспектах исследования коннотативного содержания лексики. Прежде всего методическую значимость имеет само понятие культурной коннотации, которое определяется как совокупность той информации, которая выражает отношение говорящего / слушающего к объекту из мира «Действительное», которое основано на знаниях о нем, а также на чувственном восприятии объектов из этого мира [5, с.106-109].

Важным для методических задач является вопрос о содержании и структуре коннотации, который решается неоднозначно. Существенным для задач обучения лексике является указание Г.Н. Скляревской на то, что в содержании коннотации принципиально выделить три уровня или круга, актуальные для методики РКИ: 1) ближайший к денотату круг, который составляют потенциальные семы, репрезентирующие ассоциативные признаки, общие для всего языкового коллектива; 2) скрытые, вероятностные, нечеткие семы; 3) окказиональные семы, отражающие индивидуальные ассоциации, которые служат инструментом образования поэтических тропов [3, с.16-17]. Первый круг безусловно должен быть включен в содержание обучения культурно маркированной лексике, а второй и третий представляют профессиональный интерес большей частью для студентов-филологов и требуют разработки особого лингвокультурологического комментария.

При многообразии компонентов содержания культурной коннотации, выделяемых исследователями, основными из них признаются ассоциативный и оценочный, поэтому их методически ориентированное описание приобретает принципиальное значение. Так, несовпадение национально-культурных ассоциаций, являющихся отражением не поддающихся вербализации особенностей национальной культуры и ментальности, создает имплицитную для иностранных студентов зону содержания лексических единиц и требует разработки методики ее экспликации в содержании обучения РКИ.

При экспликации языковой оценки, составляющей основу культурной коннотации, необходимо учитывать наличие различных видов оценки. Так, сенсорно-вкусовые и психологические оценки принадлежат к наиболее индивидуализированному виду оценок, эстетические оценки связаны с удовлетворением чувства

прекрасного, этические – с удовлетворением нравственного чувства. Рационалистические оценки связаны с практическими интересами и повседневным опытом человека. Поскольку языковая оценка как правило связывается с понятием ценности, то методисты должны исходить из того, что, что национальное может быть понято как самобытное только в сравнении с другим национальным.

Таким образом, методически ориентированный процесс экспликации национальной культурной коннотации предполагает обязательный сопоставительный аспект, который может быть представлен в виде методической сопоставительной модели описания культурной коннотации, включающей ассоциативный и ценностно-оценочный этапы описания.

Важнейшим средством формирования коннотативно ориентированного аспекта лингвокультурологической компетенции может стать учебный лингвокультурологический словарь, подготовка материалов которого включает ряд необходимых этапов,каждый их которых осуществляется на сопоставительной основе:

1) Денотативно-системный. Он основан на фиксации фитонимов в системных словарях и направлен на усвоение базовой семантики, тематической классификации и системных связей фитонимов в русском языке.

2) Собственно коннотативный (базовый). Включает в себя оценочную и ассоциативную составляющие. Предполагает использование материалов словарей ассоциативных норм и свободных ассоциативных экспериментов.

3) Направленный на усвоение образных средств языка (эпитетов, устойчивых сравнений, метафор, идиоматики с компонентом «фитоним»). Предполагает опору на словари эпитетов, образных сравнений, фразеологизмов, пословиц и поговорок.

4) Текстовый. Предполагает обращение к материалам словарей языка русской поэзии, фрагментам из произведений русских писателей и поэтов, а также произведениям народной лирики.

Обобщая данные перечисленных выше словарей, а также наблюдения русских и китайских исследователей, можно выделить основные тенденции в образном переосмыслении фитонимов, которые должны найти отражение в учебном лингвокультурологическом словаре.

1) Несовпадения в сезонной символике цветов и трав, обусловленные природно-географическими различиями двух стран.

2) Различия в отношении к полевым (дикорастущим) и садовым (культивируемым) растениям. Восторженное отношение к полевым цветам, характерное для представителей русской лингвокультуры, является своего рода эстетической и оценочной лакуной для носителей китайского языка. Это явления исследователи объясняют тем, что высокую оценку в китайской культуре получают только те сорта цветов, которые «культивируются человеком в соответствии с его эстетическими воззрениями и ассоциациями. Среди них нет полевых цветов. Это может быть связано с тем, что незасеянная, свободная земля в Китае всегда была в дефиците и растущие на краю межи цветы воспринимаются как дикие растения, то есть сорняки. В лучшем случае полевые растения могут представлять для китайцев лишь фармацевтический интерес» [4, с.176].

3) Несовпадения в преобладании различных видов частных оценок. Если, например, оценки *эстетического* характера (связанные с внешней красотой цветов) характерны для обеих культур и тем самым определяют универсальные образы растений, то оценки *этического* характера, распространяемые на растения, характерны в основном для китайской картины мира.

4) Определяющее влияние поэзии и мировоззренческих установок известнейших поэтов и философов Китая на формирование стереотипных образов растений в китайской языковой картине мира. Поэзией и философией Древнего Китая были определены «самые благородные среди цветов» (орхидея, хризантема, цветы сливы-мэйхуа и бамбук), которые постоянно воспевались поэтами в течение тысячелетий и наделялись многими высочайшими этическими добродетелями, ставшими устойчивыми, стереотипными представлениями для носителей китайского языка.

5) Влияние народно-поэтических представлений на образный потенциал фитонимов в русской лингвокультуре. Так, например, стереотипом горькой судьбы и вообще злого начала в фольклорном дискурсе служит полынь, а крапива является символом запустения, забвения, трагедии. Это способствует

устойчивости коннотаций данных фитонимов в различных образных средствах русского языка.

Характеристики учебного лингвокультурологического словаря базируются на общих методических принципах обучения РКИ (принципы системности, доступности, функционально-стилистическом принципе и др.), а также на принципах учебной лексикографии, важнейшим из которых является принцип учета адресата словаря. Для данного типа учебного словаря была разработана следующая структура словарной статьи, отражающая перечисленные выше этапы экспликации коннотативного содержания фитонимов.

1. Заголовочное слово. 2. Грамматические и стилистические пометы. 3. Перевод и иллюстрация. 4. Расширенное толкование, включающее информацию энциклопедического характера. 5. Словообразовательные варианты. 6. Ассоциативный потенциал. 7. Обобщенная оценка (с использованием шкалы обобщенной оценки, разработанной в трудах Г.Н. Скляревской). 8. Эпитеты. 9. Устойчивые сравнения и метафоры. 10. Идиоматические единицы. 11. Примеры употребления в текстах различного характера.12. Авторские поэтические сравнения, образы, метафоры.

Как видно из содержания и структуры представленной словарной статьи, ее первые разделы (1-5) соотносятся с денотативно-системным этапом описания культурно маркированной лексики в учебных целях. Вторая группа разделов статьи (6-7) ориентирована на собственно коннотативный этап описания. Третья группа разделов (8-10) включает информацию о выразительных средствах русского языка. Заключительные разделы (11-12) связаны с последним (текстовым) этапом описания фитонимов.

Приведем пример такой словарной статьи:

КРАПИ́ВА, -ы, ж -荨麻

Травянистое растение, с жгучими волосками на листьях и стеблях, при соприкосновении с которыми на теле человека возникает ожог. Крапива растет обычно около домов и заборов. Считается сорной травой, хотя может употребляться в пищу и применяться как лечебное средство.

Словообразование: крапивный, крапивка, крапивушка, крапивник (суп из крапивы), крапивница (сыпь на коже человека).

Ассоциации:

жгучая, кусачая, куст, овраг, растение, ожог.

Оценка: (-/+)

Эпитеты: жгучая, опасная, злая, лесная.

Устойчивые сравнения:

Злой как крапива (об очень злом, язвительном, колком человеке).

Жжет как крапива (о чем-нибудь обжигающем, вызывающем боль).

Примеры употребления:

Крапива обожгла мне руки (Тургенев).

Женщины выискивали варево для еды — все было съедено, сварено: крапива, желуди, липовый лист, валявшиеся за хатами копыта, кости, рога, невыделанные овчинные шкуры… (Гроссман).

Но мне милей в глуши садов / Тот ветер теплый и игривый, / Что хлещет жгучею крапивой / По шапкам розовым дедов (Анненский).

И крапивы дремучей поют леса, / Что по ним не пройдет, не блеснет коса (Ахматова).

Авторские поэтические сравнения, образы, метафоры:

кресты крапивы (Цветаева), леса крапивы (Ахматова).

Литература

1. Васильева Г.М. Национально-культурная специфика семантических неологизмов: лингвокультурологические основы описания / Г.М. Васильева. —СПб., 2001. – 211 с.

2. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография / В.В. Воробьев. — М.: РУДН, 1997. — 331 с.

3. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н.Скляревская— СПб.: Наука, 2004. — 165с.

4. Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность / Аошуан Тань — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 240 с.

5. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. — М.: Наука, 1985. — 142 с.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ В ПРОГРАММЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

А.В. Величко
all_velichko@mail.ru
ФГБОУ ВО Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
(Москва)

Обучение русскому языку как иностранному (РКИ), как и любой учебный процесс, начинается с программы, по которой будет действовать преподаватель и его учащиеся. Учебная программа разрабатывается в соответствии с целью, которая ставится. Обучение иностранных учащихся практическому русскому языку ставит целью обучение речевой деятельности на изучаемом языке.

Речевая деятельность чрезвычайно сложное и многогранное понятие. В первую очередь она подразумевает владение речью и общением, поэтому когда речь идет об обучении речевой деятельности иностранных учащихся, имеется в виду обучение речи и общению, т.е. формирование и развитие речевой компетенции и коммуникативной компетенции.

Сразу следует отметить, что речь и общение различаются, и поэтому следует различать обучение речи и обучение общению.

Общение связано с разными сферами человеческой деятельности – профессиональной, научной, социокультурной, бытовой, официально-деловой, и каждой из них соответствует свой вид общения. Виды речевого общения выделяются и характеризуются с учетом экстралингвистических и лингвистических факторов.

В общей образовательной системе иностранных учащихся особенно важное место принадлежит обучению обыденному общению. Это обусловлено тем, что обыденное общение – это первичная форма речевого поведения человека и бытования языка. Оно не связано с профессиональной деятельностью. Это часть общественно-языковой практики социума, в которой решаются коммуникативные и жизненный задачи его членов как частных лиц: в обыденное общение включены все члены сообщества [5: 383], поэтому, естественно, овладеть обыденным общением стремятся

практически все иностранцы, изучающие русский язык, независимо от их будущей специальности. На основании этого обучение обыденному общению должно занимать важное место в практике преподавания РКИ, должно составлять его важнейшую часть.

Между тем приходится констатировать, что этому виду учебной работы с иностранными учащимися не всегда уделяется должное внимание. Бытует мнение, что главное – овладеть речью, а научившись говорить, общаться учащийся сможет. Однако это не так. Дело в том, что овладение обыденным общением для иностранных учащихся имеет свою специфику и отличается от формирования этих навыков у носителей русского языка. Носители языка овладевают этим видом общения, так же как и другими навыками (социальными, житейскими) постепенно, в процессе социализации, и практически ему не надо обучать, «оно не требует специальной подготовки, а усваивается традиционно, можно сказать, с молоком матери» [Там же].

Что касается иностранных учащихся, то они не проходят социализации в стране изучаемого языка, они начинают обучаться повседневному общению, как и русскому языку вообще, будучи взрослыми, приобретя определенный социальный опыт как носители родного языка, как члены своего социума, поэтому их приходится обучать обыденному общению, так как они усвоили навыки общения на родном языке, но это совсем другое дело.

Обучение общению иностранных учащихся, у которых сформировались национальное языковое сознание и свой национальный менталитет, – это довольно сложная задача. Учащемуся приходится соединять свой опыт общения на родном языке с осваиваемыми навыками общения на русском языке.

Теория общения различает речь как речевую деятельность одного говорящего и общение как межличностную речевую деятельность, т.е. деятельность, которая осуществляется между двумя (или более) людьми. Н.И. Формановская различает речь как линейный процесс одного субъекта и общение как объемное речевое взаимодействие двоих (или более) собеседников [6: 14-26].

Речь и общение как разные виды речевой деятельности, не совпадают в языковом отношении. Здесь отметим два момента.

В принципе при общении используются все языковые средства, которые используются для передачи информации, с определенной ориентацией на сферу общения. Однако общение в языковом отношения шире, чем говорение, речь, так как языковая составляющая общения включает также те языковые средства, которые необходимы для реализации взаимодействия говорящего с собеседником (адресатом), и те средства, которые отражают личность, духовную и эмоциональную сферу говорящего.

Эти особенности языкового оформления общения русские усваивают постепенно, в процессе жизни и общения в коллективе. Что касается иностранцев, то они изучают русский язык вне реальной коммуникативной практики, поэтому они должны овладеть специфическими языковыми средствами, а также правилами речевого и коммуникативного поведения, которые выработаны в культуре изучаемого языка и являются национально-специфическими, в процессе обучения, на аудиторных занятиях.

Таким образом, грамматика РКИ должна включать специфический языковой материал, направленный непосредственно на обучение общению как особому виду речевой деятельности, и, естественно, он должен быть представлен в учебной программе.

Языковые средства, специфические для общения, эти коммуникативные построения, можно разделить на три группы в зависимости от того, какую роль, функцию они выполняют в коммуникативном процессе, для чего предназначены, какие потребности коммуникантов они реализуют.

Во-первых, при общении важно соблюдение речевого этикета, под которым понимаются социально заданные специфические правила поведения, реализующиеся в системе речевых формул, применяемых при установлении, поддержании и размыкании контакта с собеседником [5: 575]. Русский речевой этикет прекрасно исследован и описан в трудах Н.И. Формановской [7],[8].

Вторую группу языковых средств составляют так называемые конструкции, клише участника коммуникации, выполняющие в ней регулирующую функцию. Их использование позволяет коммуникантам поддерживать, если надо, выравнивать композиционную логику общения. Кроме того они позволяют собеседникам активно участвовать в общении, вступать в общение, подключаться к разговору, обращаться с вопросом, просьбой, возражением или

поддержкой. Они обеспечивают организованность и гармоничность общения [1:142-144].

К третьей группе относятся многочисленные высказывания, обороты, связанные с содержанием общения. Здесь выделяется две подгруппы средств. Во-первых, это готовые единицы, характеризующиеся постоянством оформления, неизменностью лексического состава и закрепленные за определенной ситуацией общения. Они используются для передачи дополнительных субъективных смыслов, например: *Вот тебе раз; Ишь ты!; Твое дело; Как вам сказать; Тут вот какое дело; То-то и оно; В том-то и беда* [4].

Во-вторых, это предложения ФС – объект нашего более подробного рассмотрения. Имеются в виду предложения типа; *Ай да радость; Всем праздникам праздник; Чем не поддержка; Как не помочь; Куда мне все это запомнить; Уж на что Николай, и то смог пройти всю дистанцию; Нет бы ему поговорить с сыном; Смотреть-то фильм я не смотрел, но читал, но слышал много отзывов* и т. п. [2].

ФС интересны и важны тем, что они используются непосредственно в содержательной части общения. При этом они не отражают информации о внешнем для человека мире, не сообщают о ситуации реальной действительности. У них другое предназначение – они выполняют в коммуникативном процессе фатическую функцию, т.е. выражают отношение говорящего к содержанию сообщения, передают те или иные значения субъективной модальности (оценку, согласие, отрицание, необходимость. акцентирование, множественность и др.).

Используя ФС, говорящий как главный компонент общения имеет возможность выразить свою субъективную реакцию на ситуацию, интерпретировать ее так, как он ее видит и воспринимает, и как хочет, чтобы она развивалась и тем самым может повлиять на ее развитие. Например, в ситуации, когда обсуждается, идти ли в парк, так как вдруг пошел дождь, говорящий может реагировать на нее по-разному: *А почему бы и не пойти; А что нам дождь; Не гулять же под дождем; До прогулок ли теперь.* В то же время говорящий направляет свою реплику адресату и вовлекает его в активное общение, и он также может реагировать и на ситуацию, и на мнение говорящего.

Таким образом, предложения ФС продвигают общение, обогащают его интеллектуально и эмоционально, и это подтверждает положение, что общение – это не только передача и получение информации, но и возможность для коммуникантов выразить свои интеллектуальные и эмоциональные потребности, см. подробнее [2].

Что касается методики работы над ФС, то она включает отработку механизма их построения, их семантическую характеристику, показ коммуникативной ситуации употребления. См. подробнее [3].

ФС можно включать в процесс обучения по-разному, исходя при этом из интересов, потребностей и возможностей учащихся. Можно выбрать один из следующих вариантов учебной работы.

1.ФС изучаются в полном объеме, как принято говорить, «в системе». Это возможно в условиях полного курса обучения, например, при работе со студентами и магистрантами, которые уже довольно хорошо владеют языком, или на аспектных занятиях со стажерами, когда они сами выбирают данную тему, и, следовательно, имеют более высокую мотивацию.

2. При ограниченных сроках обучения или недостаточно высоком уровне владения учащимися языком более целесообразно выделить только основные структуры, например, самые частотные, простые, яркие.

3. На занятиях могут изучаться отдельные, единичные ФС, которые, попадают в поле зрения или сознательно привлекаются преподавателем при работе над другими аспектами языка. Например, отрабатывая способы выражения модальных значений необходимости и ненужности, можно обратить внимание на ФС «***как не*** **+ инф**.», «***не*** **+ инф. +** ***же***» (*Как не пойти туда; Не идти же туда!).*

4. Целесообразно рассматривать отдельные ФС при работе с текстами разных жанров, например, с публицистическими, научно-популярными и художественными, чтобы снять трудности в понимании текста или показать их роль в реализации информативного или образно-эстетического замысла автора. В то же время такую «встречу» можно сделать поводом для более тщательной отработки новой для учащихся структуры, что расширит их синтаксический запас.

Таким образом, любая форма работы над ФС, как активное усвоение, так и пассивное усвоение на уровне знакомства, понимания, полезна и создает мотив к дальнейшему совершенствованию знания языка.

Литература

1. Амиантова Э.И., Белянко О.Е., Красильникова Л.В., Юдина Л.П. Пособие по развитию речи для иностранных студентов-филологов. (III –V годы обучения). – М.: Русский язык, 1986. – 144 с.

2. Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование: Монография. – М.: МАКС Пресс, 2016. – 416 с.

3 Величко А.В. Когда есть о чем поговорить, или Предложения фразеологизированной структуры в русской речи: учебное пособие для иностранных учащихся. – СПб.: Златоуст, 2016 – 188 с.

4. Володина Г.И. А как об этом сказать? Специальные обороты разговорной речи.– 3-е изд., стереотип.– М.: Русский язык. Курсы, 2008. – 264 с.

5.Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003.- 840 с.

6 Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: Коммуникация и прагматика. – М.: Изд-во ИКАР, 2007. – 480 с.

7. Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. – М.: Русский язык, 1982. – 192 с.

8. Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении. – М., 2009

ТЕКСТЫ ПОВСЕДНЕВНОГО ОБЩЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РКИ (уровень В2/ТРКИ-2)

И.М.Вознесенская
iravoz@mail.ru
Санкт-Петербургский государственный университет
(*Санкт-Петербург)*

В настоящее время в сфере РКИ усилиями специалистов создано несколько нормативно-методических документов, ранжирующих и регламентирующих знания и умения иностранцев, изучающих русский язык на том или ином этапе его освоения. «В соответствии с международной практикой каждый уровень владения тем или иным иностранным языком обычно бывает представлен в

целом ряде документов, основными из которых являются «Лингводидактическое описание уровня» (ЛДО) и «Требования к уровню владения языком». Однако сегодня в российской теории и практике преподавания РКИ уровни описаны только в «Требованиях» («Государственных стандартах»)» [7, с.472–473]. Лингводидактическое описание, которое должно было бы служить основой для Стандартов, в силу ряда обстоятельств не было создано. В настоящее время коллегами из МГУ разработано Лингводидактическое описание элементарного уровня владения языком. Лингводидактическое описание уровней В2,С1, С2 , которые изначально описывались коллективом преподавателей Санкт-Петербургского университета, создается в настоящее время.

В основу лигводидактического описания в качестве исходного положен тематический принцип (например, темы «Частная, повседневная жизнь человека» «Человек и общество», «Человек и его отношения с природой» и др.). Последующая разработка включает проекцию темы в разные сферы общения (социально-бытовую, социокультурную, официально-деловую) с конкретизацией социальных ролей и ситуаций общения в соотнесении с коммуникативными потребностями иностранца, изучающего язык на уровне В2, и реализованными в парадигме текстов определенных типов и жанров. Решаемые при этом задачи связаны с необходимостью выявить соответствующий уровню владения языком (В2/ТРКИ-2) репертуар текстов в системе их разновидностей, обеспечивающих общение в той или иной предметно-тематической сфере, представить лингвистическую квалификацию текстов, валидных по отношению к уровню и формируемым речевым умениям, выявить критерии ранжирования текстов по степени сложности. Таким образом, текст рассматривается авторами данного лингводидактического описания не только как средство обучения, как материал, вербализующий коммуникативные потребности и цели, но как объект лингвометодического исследования, позволяющего детализировать набор речевых произведений, актуальных для общения на уровне В2, а также установить характеристики текста (семантические, композиционные, лексико-грамматические, прагматические, стилистические), специфицирующие единицы обучения на данном уровне владения языком и подлежащие контролю и тестированию. Текстоцентрическая направленность

составляет одну из принципиальных основ создаваемого проекта, отражает опыт авторов в изучении текста [9], [11].

Требования к коммуникативной компетенции иностранцев на уровне В2 предполагают владение официальным и неофициальным регистром общения, освоения стилевой дифференциации языка. Именно на данном этапе востребованы умения не только распознавания, но и использования в определенных ситуациях языковых средств разной стилевой принадлежности. Если на В1 требования к владению русской речью ограничены нейтральным регистром, то на В2 актуальным является выбор стилистически маркированных единиц адекватно ситуации общения, узнавание явлений разговорной речи, владение языковыми маркерами социальных отношений, распознавание по речи социальной принадлежности, рода занятий говорящих, освоение правил и норм вежливости в дружеском неформальном общении.

Формирование языковой, социолингвистической и дискурсивной компетенций, соответствующих требованиям по РКИ на уровне В2, требует включения текстов повседневного общения, которые отражают типовые ситуации неофициальной дружеской и семейной коммуникации. Такие тексты, оформленные средствами разговорной речи, «обиходно-бытового стиля» [10] широко представлены в современной литературе и кино, в документальной литературе (письмах, дневниках, воспоминаниях), в определенных жанрах интернет-общения, где разговорность является существенной характеристикой [3]. Тексты повседневного общения, составляющие значительный сегмент современной коммуникации, свойственны социально-бытовой сфере, отражают частную жизнь человека, его повседневный опыт.

Обиходное понимание семантики слова «*повседневный, повседневность*» истолковывается словарями как – *бывающий всегда, обычно, осуществляемый изо дня в день* (Словарь Ожегова), *ежедневный, постоянный, обычный, будничный, привычный (Повседневная работа, повседневные заботы, Повседневная жизнь).* Таким образом, суть повседневного квалифицируется через понятия регулярной повторяемости, с одной стороны, и привычности, обычности, непраздничности, с другой.

Повседневность как предмет осмысления в философии, социологии, культурологии имеет значительно более широкую интерпретацию. Отличительными характеристиками повседневности являются: необходимость для каждого человека, повторяемость, замкнутость типичных пространств повседневности, консервативность, устойчивость, усредненность, массовидность и отнесенность к частной жизни (см. об этом: [6]).

Повседневное общение протекает как межличностное взаимодействие, представленное в значительной мере диалогическими формами, поэтому для изучения типов текстов, относящихся к сфере повседневной жизни человека, важное значение имеют исследования диалога и его жанровых разновидностей, например, в трудах Н.Д.Арутюновой [1], И.Н.Борисовой [4] и других специалистов. Результаты изучения семейного общения, проведенного в работах А.В. Занадворовой [5], А.Н. Байкуловой [2], Я.Т. Рытниковой [8], дают основания для последующей лингводидактической интепретации текстов повседневного общения. В исследовании Л.Н. Чулкиной [12] выделены отдельные зоны мира повседневности, показывающие, как структурируются в языковом сознании русских представления повседневности, что помогает систематизировать предметно-тематическое содержание текстов данной сферы общения.

На основе текстотеки, собранной для разрабатываемого лингводидактического описания компетенций на уровне В2, предлагается корпус текстов, представительных для неофициального общения, затрагивающего различные аспекты частной жизни человека и демонстрирующего речевое поведение в повседневных ситуациях. К числу таких текстов, в частности, относятся: информативный и праздноречевой диалог (разговор по душам, семейный разговор о планах, семейная беседа, застольная беседа на общие темы, обсуждение темы повседневной/ частной жизни в текстах интернет-коммуникации); диалог-регулирование межличностных отношений (выяснение отношений, ссора, пикировка, перебранка, примирение); прескриптивный диалог (советы и рекомендации по дому (ведению хозяйства), родительские наставления, «рецепты жизни» и другие «семейные жанры», представляющие поведенческие структуры, нравственные и эстетические запреты и рекомендации), а также монологические тексты (дневник, частное письмо,

воспоминания), содержащие рассказ о событии, описание лица с включением рассуждения и эксплицитно выраженной оценки.

Тексты повседневного общения дают возможность при обучении РКИ:

- наблюдать за моделями поведения в различных ситуациях обыденной коммуникации и осваивать традиционные для русской действительности правила и нормы;
- анализировать речевое поведение личности в неформальном диалогическом общении;
- накапливать речевой опыт (в процессе аудирования и чтения) для различения и правильного распознавания стилистически маркированных единиц разговорной речи и обиходно-бытового стиля, делать выводы о социальных характеристиках участников общения, коммуникативной ситуации в целом;
- осваивать диалогическую форму речи в социально-бытовой сфере: её политематичность, типичные речевые реакции и средства речевого воздействия на собеседника;
- узнавать эмоционально-окрашенные средства реализации речевых интенций, а также косвенные способы их выражения;
- распознавать выражение эмоций различными языковыми средствами, правильно интерпретировать эмоциональное состояние говорящих, их взаимоотношения и взаимодействие;
- определять коммуникативную тональность речи как эмоционально-стилевой формат общения;
- улавливать импликации с высокой частотностью и стандартностью моделей продуцирования смысла.

Именно текст в его разнообразном жанровом преломлении предъявляет те речевые явления, которые необходимы для формирования 3-х видов компетенций – языковой, социолингвистической, прагматической (дискурсивной) во всех видах речевой деятельности.Выявление таких специфичных для определенного уровня характеристик позволит представить эти явления как объекты обучения и тестирования, что составит важнейшую часть лингводидактического описания компетенций на уровне В2/ТРКИ-2.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

2. Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: ИЦ «Наука», 2014.– 216 с.

3. Барышева С.Ф. Лексико-грамматические маркеры разговорности в неофициальном сегменте интернет-коммуникации // Мир русского слова. 2017. № 4. – С. 33–38.

4. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: Изд-во КД «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.

5. Занадворова А.В. Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи)// Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 277–340.

6. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. – М.: Канон+, 2004. – 432с.

7. Клобукова Л.П., Битехтина Г.А., Нахабина М.М., Иванова А.С., Соболева Н.И. Лингвометодическое описание Элементарного уровня общего владения русским языком как иностранным: структура, содержание, функции // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г.Гранада, Испания, 13-20 сент. 2015 года) /Ред. коллегия: Л.А.Вербицкая, К.А.Рогова, Т.И.Попова и др. – в 15 т.- Т.10 – СПб.: МАПРЯЛ, 2015.– С. 472 – 478.

8. Рытникова Я.Т. Беседа семейная // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт.– С.162-172.

9. Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб-науч. пос./под ред. проф. К.А.Роговой. – СПб.: Златоуст, 2011. – 464 с.

10. Формановская Н.И. Научная судьба обиходно-бытового стиля речи (в порядке дискуссии) // Русский язык за рубежом. 2014. №2.– С.59–62.

11. Функционально-смысловые единицы речи: типология, исходные модели и принципы развертывания/под общ.ред. К.А.Роговой. СПб.: Златоуст, 2017. – 320 с.

12. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РЕЧИ РУАНДИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Л.М. Гайнанова
guljimesh@gmail.com
ФГБВОУ ВО «Военно-космическая академия
имени А.Ф. Можайского» МО РФ
(Санкт-Петербург)

В методике преподавания РКИ неоднократно отмечалось, что восприятие и реализация изучаемого языка осуществляются через призму освоенных ранее языков. По этой причине исследование различных аспектов межъязыковой интерференции по-прежнему находится под пристальным вниманием лингвистов и преподавателей.

Язык киньяруанда, на наш взгляд, является в некоторой степени «новым» для преподавателей РКИ ввиду немногочисленности обучающихся в постсоветский период, по этой причине практически отсутствуют работы по сопоставительному анализу киньяруанда и русского языков в контексте методики преподавания РКИ. Однако на сегодняшний день эта ситуация меняется, поскольку в вузы России ежегодно приезжает всё больше обучающихся. Сказанное выше обусловливает необходимость исследования влияния родного языка киньяруанда на процесс изучения русского языка как иностранного.

Как показывают исследования африканистов последних лет, обучающиеся из Руанды, помимо родного языка, владеют еще французским и английским, поскольку эта страна выбрала путь многоязычия – к родному и французскому языкам добавились английский и суахили, чему есть экономические, социальные и политические причины. Поэтому в процессе обучения руандийских инофонов русскому языку необходимо учитывать интерференцию нескольких языков: родного языка киньяруанда, первого иностранного языка (английский язык, реже французский язык) и второго иностранного языка (русский язык).

Известно, что первичная языковая система может быть представлена как родным, так и ранее изученными языками, поэтому определить степень взаимовлияния контактирующих языков довольно сложно. Всё же, на наш взгляд, на такие аспекты языка, как

фонетика, говорение, то есть, восприятие и реализация речи, в большей степени оказывает влияние родной язык обучающихся, тогда как на письмо и чтение (как процесс декодирования графических символов), на усвоение грамматических категорий большее воздействие оказывает изученный ранее иностранный язык. Поэтому представление о системе родного языка позволяет сделать прогноз действий произносительных органов, учитывая артикуляционные привычки и уклады речевого аппарата обучающихся, что имеет методическую ценность для преподавателей.

На начальном этапе обучения РКИ особое значение имеет знакомство иностранцев с нормами русской фонетики и формирование фонетических навыков, которые представляют собой осознанные слуховые и речемоторные операции, позволяющие правильно воспринимать и воспроизводить речь.

Фонетическая база любого языка состоит из артикуляционной и перцептивной составляющей. Под артикуляционной базой, вслед за Н.А. Любимовой, в статье понимается совокупность артикуляционных типов, укладов, характерных для данного языка и используемых говорящими на нём людьми при звуковом оформлении речевых единиц: слога, фонетического слова, синтагмы, фразы, что свидетельствует о нерасчленённости сегментных и супрасегментных характеристиках звука в процессе артикуляции [3, с. 40].

Артикуляционная база языка киньяруанда принципиально отличается от АБ русского языка. Говоря о слоговой структуре слов этого языка, нужно отметить, что большинство слогов имеют вид CV (C – согласный, V – гласный), в этом отношении язык даёт картину, типичную для языков банту: язык руанда демонстрирует господство открытого слога, то есть все слоги оканчиваются гласной фонемой. Большинство слов киньяруанда имеет трёх-четырёхсложную структуру. Так, в процессе овладения нормами русской фонетики руандийские обучающиеся стремятся реализовать нормы привычного для них закона открытого слога: все закрытые слоги и слоги со стечением согласных в русской речи «открываются» путем добавления редуцированного гласного, похожего на /i/ или /e/.

Также в указанном языке недопустимо сочетание двух гласных, поэтому в русских словах со стечением гласных первого ряда или на стыке смежных слов между гласными в речи руандийцев

отчетливо звучит согласный /j/, например, в словах *аэропорт, поэт, у Анны, Хуан, поэтому.*

Важно отметить, что слог в киньяруанда может состоять из одного, двух, трёх и четырёх согласных и гласных звуков. Так, некоторые сочетания согласных в результате действия фонетических законов языка (веляризации, палатализации, фарингализации) обретают дополнительные призвуки: *rw→/rgw/, pw→/pk/, bw→/bg/, mw→/mŋ/, my→/mɲ/, tw→/tkw/, dw→/dgw /, cw→/tʃkw/, by→/bdʒ/.* Однако данные слоги звучат короче, чем должны звучать слоги, состоящие из трех или четырех фонем. Лингвист Е.А. Дубнова отмечает, что они звучат не длиннее обычного слога вида CV, то есть при произношении они не разделяются на звуки, и слогораздел никогда не проходит между ними [1, с. 19]. Этим объясняются причины того факта, что руандийские обучающиеся с трудом воспринимают (слышат все фонемы) и воспроизводят (произносят, пишут) слова со стечением согласных.

Следующим примером фонетической интерференции в процессе обучения русскому языку является устойчивое смешение фонем /r/ и /l/ в устной речи данных обучающихся (и как следствие – в письменной речи), что, на наш взгляд, в большей степени обусловлено несовпадением в языках состава фонем. Если в русском языке есть сонанты /r/ и /l/ и парные им по мягкости /r´/ и /l´/, то в рассматриваемом языке изначально был сонант /r/, имеющий в позиции перед /i/ палатализованный вариант /l´/, то есть русские фонемы являются вариантами одной фонемы в родном языке.

По мнению лингвиста Александра Кимени, в языке киньяруанда имеет место только один плавный сонант /r/, несмотря на то, что в современной киньяруандийской орфографии используются буквы r и l [4, с. 218]. Письменность на основе латинской графики введена в Руанде в начале XX века в период французской колонизации, поэтому безусловное влияние на киньяруанда оказал французский язык. Однако если буква r употребляется в исконной лексике, то графема l изначально отсутствовала и встречается только в заимствованных из других языков словах, таких как Ливия – Libiya, доллар – dolari.

В частности, Е. З. Дубнова определяет соотношение данных графем r и l как свободный вариант фонемы /r/. Автор отмечает трудность выявления закономерности взаимозамены вариантов

звука, поскольку это явление наблюдается в разных позициях, однако установлено, что в позиции перед /i/ встречается палатализованный вариант /r/ → [l'], например, */umuriro/ → [umul'iro] «огонь», /ukuri/ → [ukul'i] «правда»* [1, с. 16].

Практика обучения руандийских обучающихся показывает, что это правило фонетики родного языка автоматически переносится на изучаемый русский язык и имеет устойчивую природу. Иными словами, можно наблюдать явление фонетической интерференции: в позиции перед /i/ происходит палатализация /r/ → [l']. Так, в словах *говорить, рисунок, Ирина, товарищ* можно наблюдать устойчивую замену /r/ → [l'].

Поскольку в киньяруанда нет мягкого звука /r´/ возникают трудности при его постановке по причине слабого различия в способе артикуляции мягких сонантов /r´/ и /l´/.

В то же время, в позиции перед гласными а, о, у, ы часто происходит устойчивая замена фонемы /l/ на /r/, например, в таких словах как *лампа, план, площадь, глупый, белый* вместо /l/ произносится звук /r/, в письменной речи эта замена сохраняется. Этот факт также находит своё отражение в языке киньяруанда в заимствованных словах. Так заимствованное из арабского языка слово قلم – qalam в киньяруандийской орфографии преобразуется в /ikaramu/, английское слово diploma – в речи звучит как /diporoma/.

Русский звук /r/ характеризуется как переднеязычный (какуминальный) дрожащий твердый сонант обычно одно- и двухударный, имеет соответствующую пару по мягкости – переднеязычный дрожащий сонант /r´/, оба встречаются во всех фонетических позициях. Сравнение сонантов русского языка и киньяруанда обнаруживает, что вариант фонемы /r/ киньяруандийского языка относится к дентальным или дорсальным согласным звукам, таким как т, д, с, з, ц и н, и, в отличие от русского звука, при его произношении отсутствует вибрация. Сходство на артикуляторном уровне, непротивопоставленность фонем /r/ и /l/ в родном языке проявляется при изучении русского языка, что вызывает их смешение, неразличение. В данном случае следует противопоставить данные звуки по способу артикуляции, то есть вызвать вибрацию кончика языка при произношении /r/.

В научной литературе описание фонемы /l/ в системе киньяруандийских согласных не встречается, поскольку л используется

зачастую в письменной речи, однако можно предположить, что этот звук представляет собой альвеолярный боковой сонант среднеевропейского типа, заимствованный из французского языка, которым в процессе обучения РКИ подменяется русский звук /l/ – переднеязычный щелевой боковой сонант. Поэтому в процессе обучения русскому языку также необходима постановка и автоматизация русского варианта звука.

Коррекционная работа может включать в себя следующие этапы: 1) постановка звуков русского языка /r/, /r´/, /l/; 2) автоматизация фонем /r/, /r´/, /l/ изолированно, в слогах, словах и предложениях; 3) развитие фонематического слуха (умение дифференцировать звуки /r/, /r´/, /l/, /l´/ между собой и идентифицировать их с соответствующими графемами, отличать нормированное произношение звука от ненормированного, осуществлять слуховой контроль за собственным произнесением).

Известно, что интерференция затрагивает все уровни языка: фонетический, грамматический (морфологический, синтаксический и пунктуационный), лексический, а также – графический. В некотором смысле узкое понимание термина «графическая интерференция», при котором графема как знак рассматривается без своего фонетического соответствия, поддерживается многими исследователями. Так, В. А. Корнев полагает, что проблемы соотношения акустической и графической норм языка иногда традиционно относят к фонетике, однако, по мнению автора, письменная речь «имеет свои закономерности, отличные от акустических явлений, и дальнейшее изучение систем письма должно, по-видимому, привести к выделению самостоятельной дисциплины о материальных графических средствах языка, параллельной фонетике» [2]. Иными словами, по мнению автора, графическая интерференция проявляется во влиянии графической системы родного или изученного ранее языка на графическую систему языка изучаемого.

Безусловно, письмо и чтение являются тесно связанными между собой видами речевой деятельности, которые основываются на написании и воспроизведении графем, искажённое восприятие которых вызывает в дальнейшем интерферентные ошибки иностранных обучающихся. Однако в действительности процессы письма и чтения зачастую нельзя приравнивать лишь к

графическому написанию или воспроизведению графем, поскольку исследования нейропсихологии доказывают, что письмо и чтение представляются чрезвычайно сложной формой человеческой деятельности, включающей несколько этапов, одним из которых является звуковой анализ слова.

Тем не менее, типичными случаями графической интерференции у данного контингента обучающихся, безусловно, являются следующие примеры: 1) написание строчной буквы «л» как латинской «l» (например *«nlощадь», «moloко»);* 2) написание строчной «э» как «е» по аналогии с латинским алфавитом *(«ети», «поетому», «екскурсия»*); 3) смешение графем «б» и «в», которые долгое время не дифференцируются в сознании обучающихся (*«футвол»* вместо *«футбол», «выл»* вместо *«был»,«учевник»* вместо *«учебник»* и наоборот *«браг»* вместо *«враг», «абтобус»* вместо *«автобус»*); 4) написание буквы «щ» как «ш», поскольку в графемах знакомых обучающимся языков отсутствует такой элемент как подстрочная петля (*«веши», «обшежитие», «сообшить»*). Приведенные примеры демонстрируют, что в письменной речи руандийских учащихся наблюдаются случаи графической интерференции.

Подводя итог вышесказанному, нужно отметить, что в данной статье выявлены лишь наиболее явные фонетические и графические интерференционные ошибки представителей данной языковой группы, коррекции которых следует уделить особое внимание в процессе обучения русскому языку, как на начальном этапе обучения, так и на основных курсах. По мнению автора статьи, на процесс формирования фонетических навыков при обучении русскому языку как иностранному в большей степени оказывает интерферентное влияние родной язык, что подтверждается мононациональными ошибками, характерными для носителей киньяруанда.

Таким образом, указанные фонетические интерферентные ошибки в большей степени обусловлены фонетическими законами языка киньяруанда, поэтому имеют устойчивый характер и проявляются во всех видах речи – при аудировании, чтении, говорении и письме.

Литература

1. Дубнова Е. З. Язык руанда. М.: Наука (ГРВЛ), 1979. – 109 с.

2. Корнев В.А. Графическая интерференция // CredeExperto: транспорт, общество, образование, язык. 2015, № 2. [Электронный ресурс.] URL: http://ce.if-mstuca.ru/wp-content/uploads/2015/02/kornev.pdf. Дата последнего обращения – 30.09.2018

3. Любимова Н.А. Психолингвистический аспект формирования звуковой системы неродного языка в условиях обучения // Фонетический аспект общения на неродном языке: Коллективная монография / Науч. Ред. Н.А.Любимова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – 294с.

4. Kimenyi A Kinyarwanda [Электронный ресурс.] URL: http://kimenyi.com/kinyarwanda.php. Дата последнего обращения – 30.09.2017.

КОНЦЕПЦИЯ НОВОЙ «ПРОГРАММЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ» (ОСНОВНОЙ КУРС ВСЕ УРОВНИ ОБУЧЕНИЯ)

О.И.Глазунова
o.glazunova@spbu.ru
Санкт-Петербургский государственный университет
(*Санкт-Петербург*)

В 2017 году в издательстве «Русский язык. Курсы» (Москва) вышла из печати разработанная в СПбГУ «Программа по русскому языку как иностранному. Уровни А1–С2. Основной курс. Фонетика. Лексика. Грамматика. Аудирование. Чтение. Говорение. Письмо» [3]. Программа охватывает все уровни и аспекты обучения, включая темы, методические рекомендации, а также советы по организации учебного процесса и тестирования. Ее концепция основывается на принципе совмещения поступательной реализации задач обучения с достижением высоких результатов на каждом этапе.

Программа прошла проверку и была рекомендована Федеральным учебно-методическим объединением в системе высшего образования по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 44.00.00 Образование и педагогические науки (ФУМО ВО «Образование и педагогические науки») для использования при проектировании образовательных программ по РКИ в российских вузах.

В последний раз детальная Программа по РКИ для российских вузов издавалась в середине восьмидесятых годов прошлого

века. Широкую известность получило 2-е переработанное издание «Программы по русскому языку для студентов-иностранцев, обучающихся на нефилологических факультетах вузов СССР» под ред. О.Д.Митрофановой и А.И.Голубевой [2]. К достоинствам этой Программы можно отнести присутствовавшие в ней указания на цели и задачи обучения и описание общих характеристик этапов обучения. Однако данная программа включала далеко не все темы, предусмотренные рамками РКИ; в силу ее небольшого объема она отражала только узловые моменты обучения.

Основной этап обучения русскому языку как иностранному студентов нефилологических факультетов охватывал I – III курсы. В речевой деятельности учащихся акцент делается на чтение, аудирование и говорение (в начале обучения) и чтение, говорение, письмо на завершающем этапе. Содержание обучения определялось коммуникативными сферами (учебно-профессиональной, общественно-политической и социально-культурной). Языковой материал был сгруппирован по типам выражения смысловых отношений: субъектно-предикатных, объектных, а также характера протекания действия. Отсутствие ориентации на системность в изучении грамматического материала приводило к тому, что значительное количество представленных в программе тем описывало лишь некоторые наиболее важные аспекты явления, и требовало от преподавателей дополнительно уделять время самостоятельной их доработке.

Например, при рассмотрении действительного и страдательного оборотов речи (тема № 3 в разделе «Выражение субъектно-предикатных отношений») в Программе рассматривались глаголы с постфиксом *-ся*, используемые в страдательных конструкциях. При этом обширный класс глаголов с постфиксом *-ся*, ориентированных на выражение возвратного значения (*умываться*), значения совместного действия (*переписываться*) или глаголов, которые без *-ся* не употребляются, даже не упоминался, что неизменно приводило к ошибкам и непониманию со стороны учащихся. Если опытный педагог в такой ситуации мог дополнить учебный материал своими комментариями, то для начинающих преподавателей отсутствие системы в представлении грамматики существенно осложняло работу.

Начиная с 80-х годов преобладание в РКИ коммуникативного аспекта значительно ослабило позиции грамматики, она перестала занимать приоритетное место в учебном процессе. Описание в Программе 1985-го года грамматического материала исключительно на основе выражения смысловых отношений не предполагало последовательного характера презентации и не включало все многообразие конструкций и тем, которые его составляют. Известно, что языковая компетенция учащихся складывается на основе поиска непосредственного и адекватного соответствия изучаемых речевых моделей конкретным ситуациям общения. Предложенный в Программе 1985 года абстрактный способ описания используемых в речи лексико-грамматических конструкций на основе выражения субъектно-предикатных, объектных, пространственных, временных и др. видов отношений требовал от учащихся серьезной проработки теоретической части учебно-методического комплекса.

После начала перестройки Программа 1985 года в течение 15 лет оставалась единственным ориентиром для преподавателей РКИ, несмотря на то, что уже с середины девяностых годов в стране разрабатывалась Российская государственная система тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку. Ее цель заключалась в том, чтобы способствовать интеграции российского образования в мировое образовательное пространство. На сегодняшний момент подготовлены и изданы пробные тесты практически по всем сертификационным уровням. Однако Программа по русскому языку как иностранному была разработана только для I сертификационного уровня [1].

В создании этой Программы принял участие коллектив преподавателей и методистов из МГУ. Программа представляет собой сборник грамматических таблиц, в которых последовательно и полно представлены различные части речи и соотносящиеся с ними грамматические категории; серьезное внимание авторы уделяют их синтаксическим функциям и системе словоизменения (склонению, спряжению, изменению по родам и числам.). Вместе с тем стоит отметить, что в имеющемся материале далеко не всегда учитывается специфика русского языка как иностранного, которая и составляет основу обучения и тестирования в данной сфере.

Серьезный прорыв в методике преподавания РКИ произошел на рубеже веков. К этому времени сложилось представление о необходимости объединения в единое целое коммуникативной и языковой составляющих учебного процесса. Интеграционный подход к подаче учебного материала в РКИ позволил решать комплексные задачи в рамках взаимодействия системного и функционального аспектов языкового обучения.

Примерно в это же время в России началась разработка критериев оценки языковой компетенции иностранных учащихся. В условиях усиления интеграционных процессов и расширения межвузовского обмена принципы организации учебной деятельности иностранных учащихся нуждались в реформировании, цель которого состояла в переходе на единую систему обучения и оценки знаний.

Учебный процесс стали делить не на этапы, а на уровни владения языком (элементарный, базовый, первый сертификационный и т. д.). Перед методистами встал вопрос об использовании в вузовской практике образовательных технологий, ориентированных на более эффективное и конвенциональное обучение. К их числу относится *технология модульного обучения*, которая стала активно разрабатываться в отечественных вузах.

Работа по модульным технологиям подразумевает достижение общего результата через поэтапное решение практических задач, связанных с формированием устойчивых компетенций (языковой, социолингвистической, дискурсивной, стратегической, социокультурной и социальной), т.е. характеризуется единством частей в составе целого. Несмотря на то что модули отличаются функциональной завершенностью (каждый модуль нацелен на формирование компетенций в рамках данного уровня обучения) и логической независимостью (каждый модуль выступает как автономная структура, ориентированная на выполнение соответствующих ей целей и задач обучения), в их основе лежат одни и те же принципы системной организации учебного материала, которые позволяют сохранять преемственность и добиваться нужных результатов за более короткие сроки.

Для успешной реализации новых принципов обучения потребовалось создание всей линейки учебных программ, начиная с эле-

ментарного уровня, с постепенным и последовательным введением материала за счет привлечения тем, которые актуальны для данного этапа, с параллельным повторением пройденного и изучением лексики в рамках общих и профессионально-ориентированных составляющих учебного процесса. Учитывая специфику каждого этапа, программа должна была включать законченные блоки определенного уровня сложности, которые позволяли решать комплексные задачи обучения языку в рамках каждого модуля.

Разработанная в СПбГУ «Программа по русскому языку как иностранному. Уровни А1–С2. Основной курс. Фонетика. Лексика. Грамматика. Аудирование. Чтение. Говорение. Письмо» ориентирована на решение задач, которые стоят перед учащимися в рамках общего владения языком. Она рассчитана на 1468 часов работы в аудитории и 680 часов самостоятельной работы и охватывает все уровни обучения – от элементарного до близкого к уровню владения образованного носителя языка. Каждый уровень разделен на модули, структура и содержание которых определяются целями и задачами обучения.

Программа каждого модуля включает основные требования к владению языковой и коммуникативной компетенциями в сфере письма, чтения, говорения и аудирования, методические рекомендации по организации учебного процесса и итогового контроля. *Уровень А1* подразумевает достижение такого уровня владения русским языком, который позволяет иностранцу удовлетворять элементарные коммуникативные потребности при общении с носителями языка при минимальном наборе ситуаций. *Уровень А2* нацелен на расширение сферы межличностного общения учащегося и на решение практических задач в стандартных ситуациях повседневной жизни. *Уровень В1* готовит учащихся к обучению в российских высших учебных заведениях, учит поддерживать социально-деловое общение и решать практические задачи в учебной и профессиональной сфере. *Уровень В2* ориентирован на обучение иностранцев в вузе. На этом этапе учащийся должен уметь пользоваться различными стилями языка, решать задачи социально-делового и межличностного общения и свободно понимать информацию из СМИ. *Уровень С1* обеспечивает учащемуся владение различными стилями языка и способность воспринимать информацию во всей полноте ее содержания в различных ситуациях

социально-бытового, социокультурного и профессионального общения. *Уровень С2* подразумевает владение языком на профессиональном уровне, включающем преподавание русского языка как иностранного и проведение научно-исследовательской работы.

Представленное в Программе содержание учебных занятий, кроме собственно грамматических тем, включает задания по разным видам речевой деятельности, которые соответствуют объему владения коммуникативной компетенцией на каждом уровне, а также грамматические конструкции, наиболее востребованные на данных этапах обучения. В помощь преподавателям дополнительно были разработаны версии программ, в которых учебный грамматический материал был сгруппирован по тематическому принципу.

При создании Программы учитывались материалы, представленные в учебниках РКИ, которые хорошо зарекомендовали себя с учебно-методической точки зрения, а также «Государственные стандарты», «Типовые тесты» и «Лексические минимумы» по русскому языку как иностранному, разработанные специалистами МГУ им. М.В.Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Российского университета дружбы народов и Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Большое внимание уделялось структуре учебных занятий: последовательности презентации тем в рамках модулей и подмодулей, обусловленной принципом от простого – к сложному, их соответствию лексической базе и разговорным темам, отобранным для данного этапа обучения. Если на уровнях А1, А2 и В1 грамматические темы выстраиваются в соответствии с традиционным линейным подходом, который дает возможность сформировать базовые системные представления о русской грамматике, то начиная с уровня В2-1 грамматические темы формируются в соответствии с функционально-семантическим принципом, предусматривающим изучение языка в комплексе семантических значений и грамматических средств их выражения: субъект и его действия, включая способы выражения субъекта и предиката; предмет и его характеристики; отношения между предметами; явление, процесс и их оценка и т. д.

Последний уровень (С2) ориентирован на подготовку учащихся к их профессиональной деятельности. Работа на этом этапе предусматривает развитие навыков научного стиля речи, изучение структурных и функционально-грамматических особенностей научного текста в сопоставлении с текстами публицистическими и художественными.

Каждой части Программы предшествует описание и основные характеристики учебных занятий: формулируются цели и задачи обучения на данном этапе; требования к уровню владения языком у учащихся; приводятся ожидаемые результаты обучения в сфере фонетики, лексики, грамматики; перечисляются навыки, которые учащиеся должны приобрести в области социолингвистической, прагматической и социокультурной компетенции на данном уровне.

Завершает каждую часть Программы раздел, посвященный текущей и итоговой аттестации учащихся на данном уровне. В этом разделе перечисляются основные направления тестирования, приводятся типовые варианты устных и письменных заданий, которые могут быть предложены тестируемым, формулируются требования, которые предъявляются учащимся при проверке их знаний.

Новая Программа адресована преподавателям РКИ в России и за рубежом, авторам учебных пособий и материалов для тестирования, а также и иностранцам, которые готовятся к обучению в России. Материалы, которые в ней представлены, помогут преподавателям спланировать работу в аудитории, добиться лучших результатов у учащихся, а также дадут возможность иностранным учащимся подготовиться к вступительным экзаменам в российских вузах.

Литература

1. Программа по русскому языку для иностранных граждан. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н.П.Андрюшина, Г.А.Битехтина, Т.Е.Владимирова и др. СПб.: Златоуст, 2001. –176 с.

2. Программа по русскому языку для студентов-иностранцев, обучающихся на нефилологических факультетах вузов СССР / под ред. О.Д.Митрофановой, А.И.Голубевой. 2-е изд., перераб. М.: Русский язык, 1985. – 45 с.

3. Программа по русскому языку как иностранному. Уровни А1 – С2.

Основной курс. Фонетика. Лексика. Грамматика. Аудирование. Чтение. Говорение. Письмо / О.И. Глазунова, Д.В. Колесова, Т.И. Попова. М.: Русский язык. Курсы, 2017. – 216 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИМЕНЕНИЯ ИГР В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ ВО ВЗРОСЛОЙ АУДИТОРИИ

Е.А. Давиденко
(Омаха, США)

Методика преподавания русского языка как иностранного изучает цели, средства, содержание, организационные формы и методы обучения. Одним из эффективных современных методов обучения языку является учебная игра (Рабинович Ф.М., Баллер Э.Э., Голубенко Е.С., Крылова О.К., Самсонова Н.И., Алексеева А.А. и др).

Особое внимание игровому обучению на уроках РКИ уделено такими лингвистами и методистами, как Акишина А.А., Азарина Л.Е., Селевко Г.К., Коновалова О.В., Сергеева О.Е., Протасова Е.Ю., Баев П.М., Штельтер О. и др. Отметим, что основные методические принципы применения игровых технологий в практике преподавания РКИ направлены, в первую очередь, на использование игр в группах детей дошкольного и школьного возраста, изучающих русский язык как иностранный или как родной, но проживающих вне русскоязычной среды. Работ, которые ставили бы своей задачей исследование необходимости и эффективности использования игр и/или игровых технологий на уроках русского языка во взрослой аудитории, значительно меньше.

В последние годы вышел ряд статей таких авторов, как Крючкова Л.С., Федотова Н.Л., Козырева Н.Ю., в которых определен круг вопросов и проблем, связанных с игровым обучением в методике преподавания РКИ для взрослых. Вслед за авторами, мы полагаем, что поиск эффективных игровых технологий в обучении русскому языку как иностранному во взрослой аудитории требует серьезного изучения и активного применения полученных результатов в учебном процессе, что и обусловило актуальность темы данной статьи.

По определению Селевко Г.К., игра – это «вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется самоуправление поведением» [10, с.127]. В данном случае речь идет об игре в широком смысле. В узком понимании «игра» – это «сумма определенных способностей», которую можно представить как сумму восприятия, памяти, мышления и воображения [12].

В методике преподавания РКИ функция игры на уроках чётко определена задачами, напрямую зависящими от поставленной преподавателем цели. Так, Азарина Л.Е. выделяет несколько ключевых функций игровых задач при обучении РКИ:

1) повышение интереса студентов к «неинтересным», по их мнению, аспектам изучения русского языка;

2) снятие языкового барьера благодаря непринужденной обстановке обучения;

3) увеличение объема речевой деятельности учащихся;

4) создание новой формы мониторинга преподавателем процесса и объема усвоенной студентами информации [1, с.10].

Яркова М. Ю. также считает, что игра является неотъемлемым элементом современного обучения, отмечая, что игры на уроках РКИ помогают иностранным студентам адаптироваться в условиях новой языковой и культурной среды. По мнению автора, игровые задания повышают мотивацию обучения, что способствует активизации мышления, повышает творческую активность, стимулирует их интерес к изучению русского языка. Во время игры студенты преодолевают проблемы языкового барьера и многие психологические преграды, связанные с боязнью сделать ошибку и выглядеть «слабым звеном» на фоне остальных и, как следствие, представить себя не лучшим образом перед другими учащимися. В процесс игры включаются все обучающиеся: и «сильные», и «слабые» [14]. Кроме того, игрок сам непосредственно участвует в игре и определяет её дальнейшее развитие, что, по замечанию Синицы А.И., наиболее ценно с позиции современных форм обучения [11].

К современным формам обучения относится интерактивный подход к преподаванию языков и технология игрового обучения в

высшей школе, успешность которых доказана западными методистами [21].

В зарубежной лингвистике и методике преподавания языка используется термин ***game-basedlearning*** **(*обучение на основе игр*)**, понимаемый как особый тип игры, определяющийся задачами обучения. Наряду с ним используется понятие ***gamification (геймификация)***, подразумевающее процесс включения игр или игровых элементов в какое-либо задание с целью поощрения участников процесса.

Эти два понятия следует различать. ***Геймификация*** подразумевает:

- включение в процесс обучения игровых элементов;
- добавление игровых механизмов в неигровое окружение для стимуляции необходимого (целевого) поведения;
- внедрение бэйджей, наград и других поощрений;
- использование очков за успехи в качестве замены оценкам;
- поощрение обучающегося при выборе им целевого, то есть необходимого для данной ситуации пути обучения.

Обучение на основе игр включает в себя:

- использование игр для достижения определенного результата в процессе обучения;
- поощрение развития критического (аналитического) мышления;
- возможность выполнения заданий при помощи цифровых и нецифровых игр [17].

По сути ***геймификация*** – это добавление игровых элементов в неигровое окружение. ***Обучение на основе игр*** связано с использованием игр с целью повышения эффективности обучения.

Отметим, что в практике преподавания языка является важным, в какой форме проходит игровое обучение. Так, например, в детской аудитории могут использоваться предметы (мячи, игрушки, наглядный материал, карточки, настольные игры и т.д.). Во взрослой аудитории использование подобных средств обучения может быть неуместно в силу различных причин, например, несоответствия специфики аудитории, национальных особенностей и др. [7]. В этом случае преподавателю следует опираться на современные технические средства обучения, соответствующие и методическим целям обучения, и особенностям аудитории.

Российские лингвисты, говоря о современных методиках преподавания русского языка, рассматривают компьютерные технологии как наиболее удовлетворяющие целям средства обучения [2; 13]. Так, например, Матохина А.В. называет применение обучающих компьютерных игр одним из перспективных «трендов» в обучении иностранным языкам [8, с.39]. Однако, как отмечает Кахриманкызы А., несмотря на распространенность внедрения технических средств в процесс обучения иностранным языкам, концепция их использования требует новых подходов [3].

Так, зарубежные педагоги активно обращаются к компьютерным играм и/или играм на любых носителях – PC, Chrome, iPad, iPod, iPhone, smartphone. Помимо этого, проводятся такие конференции, как, например, Games for Change, или Игры для перемен (см. http://festival.gamesforchange.org/) для педагогов и геймдизайнеров, разрабатывающих игры. Подобные конференции служат важнейшими инструментами в образовательной и гуманитарной деятельности.

Интерес ученых к новым формам использования современных технологий в процессе обучения, в частности, к геймофикации, обусловлен тем фактом, что она, по мнению американских исследователей, является наиболее эффективным способом привлечения пользователей к выполнению «утомительных и нежелательных» действий [18]. Эта идея отчасти перекликается с высказыванием Эльконина Д.Б. и Крючковой Л.С. о соотнесенности термина «игра» в различных языках с понятиями о шутке и смехе, легкости и удовольствии и указывает на связь процесса с положительными явлениями [6; 12]. Таким образом, можно сделать вывод, что, во-первых, игровое обучение приносит положительные эмоции и снимает «напряжение» в обучении. Во-вторых, хорошо разработанные игровые стратегии и методики обучения включают в себя гораздо больше, чем «игра для удовольствия», следовательно, они могут обеспечить преимущество перед другими, неигровыми методами обучения.

В работе Джунг Таэ Ким выделяются четыре фактора, оптимизирующие эффективность использования игр в процессе обучения: любопытство, фантазия, вызов и контроль [20].

Джианетто Д. утверждает, что именно образование является той областью, в которой вовлечение пользователей в компьютерные игры может иметь наибольший успех с огромными перспективами для студентов [18].

В лингвистике и методике преподавания русского языка как иностранного накоплен определенный опыт использования и, главное, создания методически ориентированного продукта для использования его на уроках РКИ в высшей школе. Так, коллективом авторов из Волгоградского государственного технического университета (МатохинойА.В., Харламовой Н.В., Шабалиной О.А. и Куликовым Е.А.) подробно описана созданная ими обучающая компьютерная игра для изучения русского языка как иностранного с погружением в виртуальную языковую среду в условиях различных жизненных ситуаций [8].

Создатели программы акцентируют внимание на определенных требованиях, предъявляемых к использованию игровых технологий при обучении РКИ. К наиболее важным относят:

- ассоциирование обучающегося студента с одним из персонажей;
- использование наиболее часто встречающихся ситуаций из повседневной жизни (в магазине, университете, столовой и т.д.);
- формулировка заданий таким образом, чтобы сохранялся баланс между уже полученными знаниями (навыками) и необходимостью логически думать;
- использование возможности подсказок или повторения;
- использование системы поощрения (бонусы, баллы за успехи в обучении), чтобы стимулировать обучающегося в соревновательной форме к достижению определенного результата [8].

Важно отметить, что для решения поставленных методических задач авторами одновременно используются как технология игрового обучения (персонажи, задания и т.д.), так и метод геймификации (бонусы, баллы за достижения и т.п.), что, по нашему мнению, является наиболее продуктивным способом применения игр в практике преподавания РКИ во взрослой аудитории.

На сегодняшний день ресурсов, предоставляющих преподавателям возможность геймифицировать обучение русскому языку, создавать игровые задания, викторины и кроссворды, становится с

каждым годом все больше. При этом важно понимать, на каком этапе обучения использование компьютерных игр, геймификации наиболее целесообразно. Так, Зильберман Н.Н. полагает, что продвинутый этап наиболее соответствует задачам обучения в силу узости и специфики лексического состава [2]. В то же время технологии обучения через игру и геймификация не имеют никаких ограничений и прямой зависимости от уровня владения языком, поскольку большинством методистов доказано их положительное влияние на процесс изучения языка и успешность использования на любом уровне обучения. Кроме того, есть и другая немаловажная составляющая процесса обучения иностранному языку при помощи игровых технологий – воспитание культуры общения и формирование определенных навыков коллективного сотрудничества, что определяет метод обучения на основе игр как эффективное средство социального, психологического и педагогического воздействия на личность студента.

Несмотря на явные достоинства использования технологии игрового обучения и геймификации, применение компьютерных игр в практике преподавания иностранного языка имеет недостатки. Во-первых, к ним относится потенциальная ограниченность формируемого лексического запаса. Во-вторых, в современной методике игровое обучение русскому языку посредством компьютерных игр невозможно использовать в том объеме, в котором это делают зарубежные коллеги, в силу недостаточно развитой индустрии в этой области.

В заключение отметим, что поиск эффективных игровых технологий в преподавании РКИ во взрослой аудитории требует дальнейшего серьезного изучения и активного внедрения полученных данных в учебный процесс, а их применение на уроках имеет большой потенциал. Также считаем, что использование современных игровых форм в качестве вспомогательных методов обучения может способствовать повышению заинтересованности студентов и, как следствие, улучшению качества образования в целом.

Литература

1. Азарина Л.Е. Игры на уроках РКИ // Вестник ЦМО МГУ. Практикум. Центр международного образования МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2009. – № 3. – С. 102- 109.

2. Зильберман Н.Н. Применение технологий компьютерных игр в преподавании иностранного языка (на примере использования технологий Sims2.The) // Гуманитарная информатика, (4), 2008. - С. 113-118.

3. Кахриманкызы А. Технические средства обучения в преподавании иностранного языка // Актуальные задачи педагогики: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Чита, октябрь 2013 г.). – Чита : Издательство Молодой ученый, 2013. - С. 138-141. URL https://moluch.ru/conf/ped/archive/96/4255/ (дата обращения: 22.02.2018)

4. Козырева Н.Ю. Ролевая игра как один из методов интерактивного обучения // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Том 25 (64) №1. Часть №2. - С. 289-293.

5. Коновалова О. В. Классификация дидактических игр как теоретическая основа их выбора и практического применения // Педагогика: традиции и инновации: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2014 г.). - Челябинск: Два комсомольца, 2014. -С. 35-36.

6. Крючкова Л.С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учеб. пособие / Л.С.Крючкова, Н.В.Мощинская.2-е изд.- М.: Флинта: Наука, 2011.- 480 с.

7. Макеева Е.В. Лекция «Игровые технологии в обучении русскому языку как иностранному: история и современность» // http://rus-yaz.ru/igrovye-tehnologii-v-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu/lektsiya-igrovye-tehnologii-v-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-istoriya-i-sovremennost/ (дата обращения 15.01.2018).

8. Матохина А. В., Харламова Н. В., Шабалина О. А., Куликов Е. А. Использование игровых образовательных технологий в системе обучения русского как иностранного языка в современном вузе // Открытое образование. 2017. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-igrovyh-obrazovatelnyh-tehnologiy-v-sisteme-obucheniya-russkogo-kak-inostrannogo-yazyka-v-sovremennom-vuze (дата обращения: 26.01.2018).

9. Самсонова Н.И. Игра как один их эффективных приемов обучения иностранному языку // Молодой ученый. - 2017. - №4. - С. 383-385. URLhttps://moluch.ru/archive/138/38761/ (дата обращения: 23.01.2018).

10. Селевко Г.К., Селевко А.Г. Социально-воспитательные технологии. –Москва : Школьные технологии, 2002. – 176 с.

11. Синица А.И., Синица А.М. Компьютерная игра в рамках урока на примере игры-теста для учащихся по программе РКИ // Образовательная среда сегодня: стратегии развития. 2015. № 1 (2). - С. 400-402.

12. Эльконин Д.Б. Психология игры / Д.Б. Эльконин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 228 с.

13. Щукин А.Н. Методика преподавания русского как иностранного. – Москва : Высшая школа, 2013. – 334 с.

14. Яркова М.Ю., Краснюк И.Н. Роль игры как одного из приемов интерактивных технологий при формировании социолингвистической компетенции в процессе обучения иностранному (русскому) языку // Сопоставительная лингвистика, 2017, №6. - С. 26-34.

15. Alaswad Z., Nadolny L. Designing for game-based learning: The effective integration of technology to support learning. // Journal of Educational Technology Systems, 43(4), 2015. – pp. 389-402.

16. CroccoF., Offenholley K., Hernandez C. A Proof-of-Concept Study of Game-Based Learning in Higher Education. First Published February 26, 2016 Research Article. Volume: 47 issue: 4, pp. 403-422.

17. Isaacs S. The Difference between Gamification and Game-Based Learning.//http://inservice.ascd.org/the-difference-between-gamification-and-game-based-learning/

18. Giannetto D., Chao J., Fontana A. Gamification in a Social Learning Environment. // Issues in Informing Science and Information Technology, 2013, Vol. 10.

19. Girard C., Ecalle J., Magnan, A. Serious Games as New Educational Tools: How Effective Are They? A Meta-Analysis of Recent Studies. // Journal of Computer Assisted Learning, June 2013, Vol. 29, No. 3, pp. 207-219.

20. Jung Tae Kim; Lee Won-Hyung. Dynamical Model for Gamification: Optimization of Four Primary Factors of Learning Games for Educational Effectiveness // Computer Applications for Graphics, Grid Computing, and Industrial Environment, Communications in Computer and Information Science, 2012, Vol. 351, pp. 24-32.

21. Pivec M., Dziabenko O., Schinnerl-Beikircher I. Aspects of Game Based Learning // https://www.researchgate.net/publication/245506818_Aspects_of_Game_Based_Learning

22. Ševeckova M. Creativity in Foreign Language Teaching. // Journal of Education, Culture & Society. 2, 2016. – pp.180-188.

23. Sitzmann T.A Meta-Analytic Examination of the Instructional Effectiveness of Computer-Based Simulation Games. // Personnel Psychology, Summer 2011, Vol. 64, No. 2, pp. 489-528.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ГЕРМАНИИ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НА МЕЖДУНАРОДНОМ СЕМИНАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ТИММЕНДОРФЕР ШТРАНДЕ)

Б.Н.Коваленко, Кристина Мильш
borisspb@mail.ru, kristinagamburg@mail.ru
Санкт-Петербургский государственный университет*(Санкт-Петербург)*
Гамбургская Ассоциация преподавателей русского языка *(Гамбург)*

Краткосрочное курсовое обучение за рубежом – одна из наиболее распространенных, популярных, востребованных и эффективных форм овладения русским языком как иностранным (РКИ). Сегодня курсовое обучение, которое в российской методике преподавания РКИ получило статус самостоятельного профиля обучения [9], занимает одно из ведущих мест в общей системе преподавания русского языка как иностранного. Его преимущество и популярность среди зарубежных слушателей объясняется непродолжительностью обучения (от 2 недель до нескольких месяцев), интенсивностью обучения и его результативностью, учетом пожеланий и потребностей слушателей в зависимости от их интересов и уровня владения языком [6].

Вот уже 52 года в Тиммендорфер Штранде, небольшом курортном городке на севере Германии недалеко от Гамбурга существует ежегодный двухнедельный международный семинар русского языка, организуемый Союзом учителей русского языка г. Гамбурга на тему «Русский язык и культура в современном мире». В настоящее время семинар в г. Тиммендорфер Штранде является старейшим действующим семинаром в Западной Европе. Он был основан в 1966 году, сначала для западногерманских русистов с целью совершенствования знаний русского языка, а затем для всех желающих [1, с.58]. Семинар проходит в конце сентября – начале октября, чтобы студентам можно было участвовать в семинаре перед началом семестра.

Слово «семинар» в данном случае обозначает форму обучения русскому языку иностранцев в условиях краткосрочного (двухнедельного) обучения. Поскольку семинар проводится вне страны изучаемого языка, то основные потребности учащихся связаны с возможностью попрактиковаться в русской речи под руководством преподавателя, погрузиться в атмосферу функциониро-

вания русского языка, а также узнать «из первых рук» об актуальной российской жизни, обсудить вопросы политической, социальной и культурной действительности России.

Что обеспечивает эффективность работы Тиммендорфского семинара?

Прежде всего – создается главное условие для активизации языка и речи – естественная их активизация, которая становится обучающим фактором, с помощью которого корректируются речевые навыки слушателя.

На семинаре учащиеся должны как можно больше находиться в сфере изучаемого языка и как можно меньше обращаться к средствам родного языка. Опытный методист-преподаватель, ведущий занятия на курсах, зная специфику родного языка учащихся и прогнозируя возможные трудности, опирается на такую логику введения языкового материалы, которая будет способствовать преодолению этих трудностей и созданию автоматизированных навыков русской речи. За период работы интенсивных курсов происходит так называемое «погружение в среду изучаемого языка».

Языковое общение на данном семинаре не нуждается в создании искусственных факторов мотивации. Взаимная заинтересованность в общении обеих сторон – слушателей и преподавателей – становится той важной «пружиной» для создания естественных факторов речевого поведения. Каждый диалог слушателя и преподавателя взаимно важен и полезен, он несет новую информацию, удовлетворяющую интеллектуальные запросы учащихся. Говорим ли мы на занятиях о новых фильмах, дискутируем о литературных произведениях или о проблемах жизни современной России, – всякий раз это не только учебная ситуация, это действительно содержательный диалог. Его «неформальность» позволяет нам резко повысить речевую активность слушателей.

Уникальность Тиммендорфского семинара уже в его возрасте. Это единственный семинар в Европе, который отметил уже золотой юбилей, а его зарождение относится ко времени сложных отношений между нашими странами, периоду напряженных лет послевоенного непонимания. В те времена на семинар приезжали до 250 любителей русского языка, для которых он был своеобразным окном в мир русской и советской жизни.

На семинар по направлению Министерства образования в те годы приезжали преподаватели из разных городов и университетов Советского Союза. Одним из основателей семинара, «человеком, наводящим мосты между Германией и Россией» [2, с.7], стал «человек-легенда» доктор филологии Йоханнес Баар, которому в этом году исполнилось 97 лет.

Доктору Йоханнесу Баару удалось создать на семинаре в Тиммендорфер Штранде уникальную атмосферу духовной близости, взаимопонимания, открытости, интеллектуальной раскрепощенности.

Семинар стал совершенно новым, особым явлением в Западной Германии – островком доверия и радости общения. Тиммендорфскую атмосферу поддерживают и преподаватели русского языка, участвующие в семинаре. Всего за период 1972 – 2017 гг. на семинаре в Тиммендорфер Штранде работали 470 преподавателей из СССР, а после 1991 года до 2014 года – из Российской Федерации и Украины. С 2014 года на семинар приезжают профессора и доценты из России.

За полвека деятельности Тиммендорфского семинара русского языка число слушателей превысило 3400 человек, а учитывая повторное участие – 5300. Участниками семинара являются учителя университетов ФРГ, а также учителя немецких гимназий, переводчики, учащиеся школ, государственные служащие. Особую категорию слушателей семинара (более 30% от общего числа) составляли и составляют люди зрелого возраста, чей жизненный путь, профессиональные и личные интересы были связаны с Россией и русским языком. Регулярно на семинар приезжают любители русского языка из Франции, Австрии, Швеции, Швейцарии и других стран. Всех участников объединяет интерес к русскому языку, русской литературе и культуре, стремление узнать о современной жизни Российской Федерации. «Две недели России» в сердце Германии значат очень много. Это настоящий искренний диалог между Западом и Востоком. Среди современных политиков, бизнесменов, которые в настоящее время поддерживают тесные связи с Россией, сегодня немало тех, кто был слушателем этих курсов [2, с.9].

После распада Советского Союза немецкие слушатели – студенты и преподаватели – получили более широкие возможности

для обучения в Российской Федерации, как на краткосрочных курсах, так и в рамках различных языковых программ. Численность участников Тиммендорфского семинара сократилась, но и сейчас он не утрачивает своей популярности. В Тиммендорфер Штранд ежегодно приезжают свыше 70 слушателей самых разных профессий и возрастов (от 18 до 80 лет), с разным образованием и опытом в изучении русского языка.

Обязанные своей известностью основателю семинара – почетному доктору Санкт-Петербургского государственного университета Йоханнесу Баару, руководство семинаром в Тиммендорфер Штранде в 1996-2007 годы осуществлялось его учениками и преемниками Хайко Хедрихом и Кристиной Мильш, а с 2008 года семинар возглавляет Кристина Мильш.

Основная организационная и методическая работа осуществляется уже более тридцати лет филологическим факультетом СПбГУ. В состав преподавателей входят профессора и доценты из Санкт-Петербургского университета и других вузов страны.

Учебные занятия со слушателями проводят ведущие российские преподаватели-русисты: специалисты по грамматике, фонетике, переводчики-германисты, литературоведы и страноведы. Большой популярностью пользуются занятия профессоров В.М.Мокиенко, Н.А.Купиной, К.А.Роговой, Н.Л.Федотовой, Л.В.Миллер, доцентов И.М.Вознесенской, Ю.Н.Коваленко, И.Г.Гуляковой, Л.Н.Григорьевой, В.А.Косовой. Ветераны семинара и руководители с благодарностью вспоминают преподавателей из Симферополя: Е.Я.Титаренко, Т.А.Ященко, Н.А.Лантух, В.В.Васильева, Н.И.Николенко.

Учебные группы (от 7 до 9 человек) формируются на семинаре таким образом (по возрасту и языковому уровню), чтобы удовлетворить интересы и потребности учащихся, сделать занятия полезными и интересными.

Методическое обеспечение семинара начинается с ежегодной подготовки нового Сборника материалов для занятий по речевой практике. Основной целью практических занятий в группах является активизация навыков говорения и аудирования в рамках разработанных для слушателей тем и ситуаций, «увеличение лексического запаса (в особенности, овладение разговорной лексикой); выработка навыков адекватного поведения в среде носителей

языка в пределах изученных ситуаций, знакомство с новыми страноведческими фактами» [3, с.74]. На краткосрочных курсах роль учебного пособия, созданного специально для семинара, облегчает работу преподавателя. Трудность в нашем случае состоит в необходимости обеспечить такими материалами слушателей с разным уровнем языковой подготовки (от начинающих до свободно пользующихся языком), поэтому сборник готовится в двух частях с учетом возможностей и интересов учащихся. При этом акцент делается на актуальности информации, ее новизне и культурной значимости.

Кроме ежедневных занятий по разговорной практике, фонетике, литературе, страноведению и переводу для участников курсов проводятся спецсеминары как лингвистического, так и литературоведческого и страноведческого характера. Запись на спецсеминары проводится по собственному выбору участников, учитывая их уровень владения языком. Тематика в значительной степени определяется пожеланиями слушателей, которые они высказывают в специальной анкете заранее, до семинара. Спецсеминары проводятся во второй половине дня. Так, на 52-м семинаре, в 2017 году, слушателям были предложены следующие семинары: «Короткометражные фильмы: практикум по аудированию и говорению», «Речевые формы русского городского романса», «Сопоставление немецко- и русскоязычных обращений в аспекте перевода (на материале речей глав государств)», «Мир человека в зеркале лучших стихов для детей», «Трудные случаи русской грамматики – виды русского глагола», «Гражданское общество в России в 2017 году», «Русская разговорная речь вчера и сегодня (читаем басни И.А.Крылова)», «Тусовочный русский как иностранный (жаргон, молодежный и компьютерный сленг)», «Русская риторика для всех».

В соответствии с одной из лучших традиций Тиммендорфского семинара, сорокапятиминутный перерыв между утренними занятиями любители песни посвящают разучиванию и исполнению русских народных, массовых, авторских песен, русских романсов по учебным пособиям, созданным преподавателями СПбГУ для семинара [4, 5, 8]. Специалисты по методике РКИ единодушно признают большую значимость песни в изучении грам-

матики, фонетики, истории, культуры, обычаев России [7]. Воздействуя на эмоции и чувства человека, песня является одним из эффективных средств освоения иностранными учащимися русского языка.

Задачу погружения в среду русской речи и русской культуры помогают решить специально организуемые вечера: так, на 52-м семинаре с успехом прошли литературный вечер «Поэт в России больше, чем поэт», посвященный творчеству Е.Евтушенко и других русских поэтов, вечер русской песни и прощальный вечер.

В вечерние часы читаются лекции, тематика которых определяется в соответствии с интересами слушателей также задолго до начала семинара. В ответ на пожелания в 2017 году были прочитаны лекции: «Русский язык сегодня», «Разговорная речь в разных сферах функционирования», «Живёхонький и здоровёхонький (Об экспрессивном потенциале русского словообразования)», «Синтаксические нормы русского языка», «Немцы в русском языке и литературе», «Современная литературная ситуация в России».

По вечерам (после лекций) проводятся показы и обсуждения современных российских и лучших советских фильмов. Так, в 2017 году были показаны фильмы: «Дама пик», «Ученик», «Идиот», «Дуэлянт», «Петербург только по любви». Итак, в разнообразную работу на Тиммендорфском семинаре включены и слушатели, и преподаватели, для которых двухнедельная работа также представляет собой своеобразный «интенсив», требующий максимальной профессиональной и человеческой отдачи.

Таким образом, семинар русского языка в Тиммендорфер Штранде – напряженные, интенсивные курсы: утром – практические занятия (русский язык, русская литература, перевод, страноведение), днем – семинары по выбору, вечером – лекции, после лекций – фильмы и вечера. Все это позволяет создать постоянную живую среду общения на русском языке, помогая многим слушателям преодолеть языковой барьер, активизировать речевые навыки, наконец, приобрести новых друзей. Этому немало способствует и традиционная коллективная прогулка по берегу Балтийского моря, которая поддерживает тесный контакт всех участников семинара и заканчивается встречей в кафе за чашкой кофе.

Многие слушатели уже не один год подряд приезжают на эти краткосрочные, интенсивные курсы, которые притягивают их

своей радостной атмосферой, даря участникам встречи со старыми друзьями, возможность приобрести новых, возможность узнать о жизни в России, посмотреть новые и лучшие старые фильмы, подумать и поспорить о путях развития наших стран.

Семинар русского языка в г. Тиммендорфер Штранде, достигший своего «золотого юбилея», имеет высокий авторитет, широкую известность, добрые традиции, прекрасных опытных преподавателей и, следовательно, хорошие перспективы на будущие десятилетия.

Литература

1. Баар Йоханнес. Об истории семинаров Немецкой ассоциации// Русский язык за рубежом. 2003. №1. – С.58-60.

2. Вербицкая Л.А. Доктор Баар – почетный доктор Санкт-Петербургского государственного университета. // Баар Й. Урок русского: Фронтовые письма немецкого лейтенанта / Предисл. Л.А.Вербицкой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 184 с.

3. Иринархова О.С. Краткосрочные курсы русского языка за рубежом с участием советских преподавателей // Русский язык за рубежом. 1981. №4. – С.73-75.

4. Коваленко Б.Н., Гулякова И.Г. Споёмте, друзья! 4-е изд., доп. СПб.: Русская классика, 2016. – 134 с.

5. Коваленко Б.Н., Егорова И.Б. От Пушкина до Бродского (Антология русской поэзии XIX-XXвеков). (Книга + аудиоприложение). 4-е изд., доп. СПб.: Русская классика, 2016. – 127 с.

6. Коваленко Б.Н. Обучение русскому языку на интенсивных краткосрочных курсах за рубежом: Международный семинар русского языка в г. Тиммендорфер Штранде, Германия // Русский язык за рубежом. 2017. №4. – С.103-106.

7. Максимова О.В. Лингвокультурологический потенциал русской авторской песни в преподавании РКИ: Автореф. дис. … канд. пед.наук. СПб., 2007. – 22 с.

8. Федотова Н.Л. Не фонетика – песня! (Книга + 1 CD). СПб.: Златоуст, 2009. – 32 с.

9. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2003. – 334 с.

РЕЧЕВАЯ ТАКТИКА «СООБЩЕНИЕ О САМОЛЕЧЕНИИ» В ДИАЛОГЕ ДОКТОРА И ПАЦИЕНТА

С.В. Майборода
Медицинская академия имени С. И. Георгиевского, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (*Симферополь*); ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского» Минздрава РФ, аспирант (*Саратов*).

В последнее время особую актуальность приобретает проблема комплаенса, т.е. достижение взаимопонимания между доктором и пациентом. Создание доверительных отношений в процессе общения особенно важно в связи с изменением используемых в учреждениях здравоохранения моделей взаимодействия врача и пациента: принцип патернализма с его слепой верой врачу постепенно сменяется принципом сотрудничества, предполагающим равноправие участников общения. Именно доверие доктору является залогом вовлеченности пациента в процесс коммуникации, что в результате способствует формированию его приверженности лечению. Отсутствие же доверия врачам связано с различными причинами: с психологическими особенностями людей, их скептическим отношением к современной медицине, формируемым СМИ, широкой доступностью медицинской и псевдомедицинской литературы, обилием разнообразных интернет-ресурсов (медицинских и «околомедицинских» сайтов, форумов, социальных сетей), а также влиянием медийных источников (телепередач, прессы, рекламы и т.п.). В то же время снижается доступность медицинского обслуживания, появляется идея дистанционного лечения, рассматриваемая как способ решения этой проблемы.

В итоге глобальной проблемой для социума становится стремление граждан брать на себя инициативу в постановке диагноза и самостоятельном применении лекарственных средств, что зачастую приводит к негативным последствиям как для индивида, так и для общества в целом. Некоторые методы самолечения являются оправданными, если речь идёт об обычных заболеваниях, например, респираторных инфекциях, мелких травмах и т.п., однако границы допустимого не всегда определены. Пациент оказывается в ситуации, когда он сам должен оценить свое физическое состояние и определить, сможет ли он справиться с заболеванием

самостоятельно, либо ему требуется квалифицированная медицинская помощь. Не обладая профессиональными знаниями в области диагностики и лечения и не имея возможности и желания всякий раз консультироваться с врачом, пациент обращается к альтернативным источникам информации. В результате, оказываясь в кабинете врача, пациенты часто уже имеют представление о своем диагнозе и высказывают собственное мнение о методах лечения и самолечения, что влияет на ход диалога, на речевое поведение врача и специфику дальнейших отношений между участниками общения. В этой связи следует уделить особенное внимание роли стратегической речевой деятельности пациента в процессе достижения взаимопонимания в диалоге.

Несмотря на то, что социальное и коммуникативное преимущество в коммуникации *доктор-пациент* принадлежит доктору, пациент не может рассматриваться как пассивный участник диалога. Он также имеет свои коммуникативные цели и задачи, речевые стратегии и тактики. И если спектр речевых стратегий и тактик врача достаточно широко представлен в работах исследователей медицинского дискурса (В.В. Жура, М.И. Барсукова, Л.С. Бейлинсон и др.), то система стратегий и тактик в речевой партии пациента еще не разработана, как остаются неизученными и отдельные тактики в речи пациента. На наш взгляд, учёт мотивов, целей и других стратегических особенностей речевой партии пациента, выделение и классификация речевых стратегий и тактик является важной задачей для исследования медицинского дискурса, так как позволит оптимизировать общение в сфере медицины и предупредить возможные коммуникативные сбои.

Рассмотрим основные понятия исследования. Коммуникативная стратегия – процесс построения диалога путем выбора оптимального в конкретной ситуации типа речевого поведения, направленного на достижение цели и обусловленного социальным контекстом и определёнными психологическими установками. Реализация коммуникативных стратегий и тактик происходит отчасти спланированно, отчасти спонтанно на основе свободного выбора речевых действий, позволяющих участникам приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам беседы и продвигающих диалог к определенной цели.

В исследованиях, посвящённых профессиональному дискурсу, также принято классифицировать речевые стратегии на основные и вспомогательные [2; с.14]. Основными в медицинской речи являются диагностирующая, лечащая, рекомендующая стратегии, то есть реализующие специфические цели медицинского дискурса: диагностику, лечение, рекомендации. Достижение конкретной речевой задачи в процессе построения диалога обеспечивают вспомогательные стратегии, которые имплицируют три целеполагающих компонента: мотив, цель и тактики, вместе подготавливающие прагматический аспект высказывания. Мотивы вспомогательных стратегий основаны на потребности в эффективной коммуникации с наименьшими коммуникативными затратами и зависят от целей общения. Средствами воплощения стратегий в дискурсе выступают речевые тактики и коммуникативные ходы, реализующиеся посредством различных языковых средств.

В разрабатываемой нами классификации речевых стратегий пациента [3] одной из вспомогательных выделяется стратегия оправдания визита, реализующаяся при помощи ряда субстратегий и различных тактик. Одной из выделенных нами является тактика *«сообщение о самолечении»*. Описание ее впервые представлено в настоящей работе: выявляются типичные языковые и речевые средства ее воплощения, предпринимается попытка анализа коммуникативных особенностей поведения пациента при реализации указанной тактики, а также оценивается степень эффективности вариантов речевого поведения. В качестве модели описания речевой тактики используется система анализа, предложенная О.С. Иссерс: 1) цель речевого взаимодействия; 2) особенности предстоящего коммуникативного события и типы речевого поведения; 3) позиции сторон в диалоге; 4) установки на тип общения; 5) условия успешности речевой тактики и перлокутивные эффекты; 6) последовательность коммуникативных ходов; 7) выбор языковых ресурсов [2; с.247-255].

Рассматриваемая тактика «сообщение о самолечении» в речевой партии пациента реализуется на различных этапах диалога. Основной целью взаимодействия врача и пациента является получение информации об истории настоящего заболевания (диагностирующая стратегия). Особенностью коммуникативного события

является установка на социальную и профессиональную асимметрию участников диалога, в котором сообщение о назначении лечения и рекомендации – профессиональная обязанность врача, но не пациента. Однако переход от патерналистской модели взаимоотношения доктора и пациента к партнерской воспринимается пациентами как возможность равноправного участия в поисках метода диагностики и лечения, что, безусловно, отражается на его установках, типах речевого поведения и выборе языковых средств. Рассмотрим их более подробно.

Языковые показатели тактики представлены на семантическом, лексическом, лексико-грамматическом уровне. С позиций семантики наиболее очевидными маркерами тактики является семантические клише, например: *К врачу не обращался, лечился самостоятельно.* На уровне лексической семантики наиболее убедительным доказательством тактического замысла является выбор слов, связанных с процессом самолечения: 1) лексема «*сам*»; 2) обозначение действия *(купить, лечиться, принимать, пить, пропить, мазать* и т.п.*);* 3) точные названия лекарственных средств (*аспирин, корвалол*); 4) искаженные названия (*фуркацин, анаприл*); 5) названия процедур (*прокапать, прикладывать*, *колоть);* 6) частицы, междометия, позволяющие определить отношение говорящего к предмету обсуждения (*Ой, да сама лечилась, какие там врачи!*). На лексико-грамматическом уровне можно отметить использование неопределенно-личных местоимений и сочетаний неопределенных местоимений с существительными, обозначающими средство лечения (*Что-то давала жена от температуры // Какие-то таблетки желтенькие, забыла уже).* Комплекс языковых показателей позволяет выделить тактику в речевой партии пациента, но окончательная интерпретация речевого действия в плане тактической цели должна основываться на анализе целого высказывания и его прагматической установки.

Несмотря на то, что во многих случаях запрос о самолечении принадлежит доктору в процессе сбора анамнеза заболевания (*Вы принимали какие-нибудь лекарства?*), достаточно часто рассказ инициируется самим пациентом. Так, индикатором тактики пациента может выступать следующие коммуникативные ходы: вопрос-просьба (*А можно еще спросить?*), открывающий новую

микротему дискурса либо продолжающий текущую тему; нарративы (рассказы о самостоятельном лечении). Находясь в заведомо «слабой» коммуникативной позиции, пациент сообщает о самолечении или инициирует разговор о самолечении, чем рискует вызвать негативную реакцию собеседника. Планирование дальнейших речевых действий (защита или нападение) зависят от установки на кооперативное общение или конфликт.

Установка на доверие или недоверие доктору, а также ожидание определенного эффекта коммуникации (согласие/несогласие, одобрение/ порицание) диктуют выбор прагматических, языковых, лексико-грамматических средств. Часто пациенты осторожны в суждениях о самостоятельном лечении, поскольку опасаются, что их точка зрения может не совпадать с мнением врача и получит негативную оценку. Знание об этом заставляет их прибегать к приемам коммуникативной защиты путем аргументации собственного мнения различными способами.

Так, рассуждая о методах лечения, пациенты часто приводят в пример мнение третьей стороны, тем самым перекладывая ответственность за принятое решение и результаты его реализации на другого человека (*Свекровь настояла, чтобы я пропила X*). Коммуникативные действия в этом случае представлены построениями, содержащими чужую речь для создания эффекта достоверности высказывания и отстранения от чужого мнения (*Жена говорит, пропей X*).

В иных случаях вместо указания на конкретных людей говорящий может апеллировать к мнению большинства, используя неопределенно-личные конструкции (*Сказали, что X помогает, вот я и начал принимать*). Еще одним риторическим приемом, выполняющим функцию коммуникативной защиты в сообщении о самолечении, является прием умножения действий и ситуаций с использованием лексических показателей категории экспрессивности *все, постоянно, всегда, всю жизнь* и т.п. *(Я всю жизнь пью X, оно мне помогает)*, позволяющий интерпретировать действия как не просто случайные.

Сообщение о диагнозе и самолечении также выражается косвенно, например, в виде намека (*В передаче говорили, что X помогает от Y*) либо указания на опыт реальных или вымышленных третьих лиц (*Моя знакомая вылечилась X*). Это происходит в том

случае, когда пациент не уверен в своих знаниях и хочет избежать прямого сообщения о попытках или намерениях самостоятельно справиться с заболеванием из боязни ошибиться и выглядеть нелепо в глазах врача.

Совершенно противоположные действия наблюдаются в речевой партии пациента с высоким образовательным статусом (*Я сама медик*), а также в ситуации общения с молодым врачом. Так, недоверие к профессиональному уровню и опыту доктора часто побуждает пациента разделить экспертную функцию с профессионалом. Используемые при этом высказывания представляют собой сложные предложения, в главной части которых содержится упрек в неосведомленности и подозрение в некомпетентности доктора (*А вы что, не знаете…, Разве вы не учили, что… Вам же преподавали…*) или апелляция к авторитетам (*А вот Малышева говорит… А в интернете не так...*). Подобное речевое поведение пациента является провокационным, поскольку воспринимается собеседником как попытка дискредитации. Отстаивая свой имидж профессионала, врач вынужден вступать в открытую конфронтацию.

Таким образом, причина, побуждающая пациента сообщить о самолечении, зависит от установки пациента и контекста общения в целом. Если пациент не уверен в правильности самолечения и расценивает свои действия как рискогенные, то коммуникативные ходы направлены на то, чтобы получить одобрение и поддержку профессионала, убедиться в правильности производимых действий. В этом случае сообщение о самолечении выступает как индикатор доверительных отношений между врачом и пациентом. Если пациенты, обладающие «ложномедицинской эрудицией» [1, с.46], стремятся разделить с врачом экспертную функцию и даже оспорить мнение специалиста, то коммуникативные ходы данной тактики отличаются конфронтационным характером и свидетельствуют о том, что тактика «сообщение о самолечении» реализуется с целью личной самопрезентации и дискредитации профессионала, следовательно, отсутствует комплаенс между доктором и пациентом.

Итак, речевая тактика «сообщение о самолечении» выступает показателем комплаенса во взаимоотношениях доктора и пациента. В зависимости от установок, она может свидетельствовать

как о создании доверительных отношений, так и, напротив, быть направленной на развитие конфликта. Так как в основе проблемы лежит асимметрия обыденного и профессионального знания участников дискурса, предметом наших дальнейших изысканий является изучение предупреждающих тактик врача, поскольку именно адекватная реакция специалиста, обладающего большим запасом знаний, на суждения непрофессионала предопределяет возможность достижения взаимопонимания между участниками диалога. Перспективным также является анализ других тактик в речи пациента, а использование полученных результатов в педагогическом процессе имеет практическую значимость при обучении речевой коммуникации студентов-медиков [4].

Литература

1. Виноградова Е.В. Профессиональная лексика в медицинском дискурсе //Языковой дискурс в социальной практике. Сб. научных трудов Международной научно-практической конференции. Тверь: Тверской гос. ун-т., 2015. – С. 42-47.

2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. / О.С. Иссерс. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.

3. Майборода С.В. К проблеме выделения вспомогательных коммуникативных стратегий в профессиональном медицинском дискурсе (стратегия оправдания визита в речи пациента) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2017. – № 1(33). – С. 149-159.

4. Прокофьева Л.П., Беляева А.Ю. Формирование клинического мышления средствами русского языка как иностранного / Л.П. Прокофьева, А.Ю. Беляева // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2016. – № 5. – С. 2004-2010.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Т.А. Наймушина
naimtat@mail.ru
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет»
(Астрахань)

Изменение среды коммуникации, переход к цифровым технологиям – это глобальная инновация современности, которую можно сравнить с изобретением книгопечатания по тем последствиям, которые она влечет за собой. Это неизбежно приводит к инновациям в разных сферах жизни современного общества, например, в сфере образования, в том числе в обучении РКИ.

В настоящее время активно формируется информационно-образовательная среда (ИОС), которая включает в себя комплекс информационно-образовательных ресурсов, созданных с помощью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Как отмечает Е.Ю. Николенко, «в современной практике обучения языку вся система средств обучения постепенно встраивается в электронный формат» [4, с. 215]. По утверждению А.Д. Гарцова, «сама природа языка, коммуникативная феноменология овладения иностранными языками делают исключительно плодотворным использование компьютерных, сетевых и телекоммуникационных технологий в языковом образовании» [3, с. 16].

Среди разнообразия форм использования информационно-компьютерных технологий в практике преподавания РКИ можно выделить презентацию как один из наиболее популярных видов работы, который может использоваться уже на начальном этапе обучения. Слайд-презентация является логическим продолжением обязательной работы с наглядностью (картинками, картами, открытками, фотографиями) на первых уроках элементарного уровня. Для первой презентации прекрасно подходит несложная программа Power Point офисного пакета Microsoft-office, с помощью которой можно создавать линейные слайд-презентации. Мы начинаем работу с презентацией при изучении 5 урока учебника «Дорога в Россию. Элементарный уровень» [1, с. 77]. Уроки проходят в видеоклассе, оснащенном компьютером с выходом в Интернет и большим ж/к телевизором. Работа осуществляется в 2 этапа: на первом этапе, когда введена лексика по теме «Город»,

преподаватель подбирает из интернета фотографии, картинки, на которых изображены объекты Москвы: Красная площадь, Тверская улица, Большой театр, Исторический музей, Третьяковская галерея, МГУ и т.д. Особо следует подчеркнуть, что изображения должны выбираться размером не менее 800 на 600 пикселей, иначе придется во время просмотра растягивать изображение, что ухудшает его качество. Слайд сопровождается микротекстом, представляющим собой название объекта, который либо озвучивается преподавателем, либо может быть записан и интегрирован аудиофайлом в презентацию. Таким образом, информация поступает в виде красочного изображения на мониторе большого телевизора, что дает более эффектное восприятие изображения, письменного микротекста и звучания, что улучшает запоминание, т.к. воздействует на разные каналы получения информации. Одновременное использование зрительного и слухового каналов восприятия информации «повышает запоминаемость на 40-50%» [5, с. 443]. После презентации проверяем усвоение лексики: преподаватель показывает слайд с фотографией объекта, которая находится в центре экрана, а вокруг изображения располагаются названия объектов и учащиеся должны соотнести изображение с названием, тест на множественный выбор.

При третьем предъявлении слайд-презентации учащиеся составляют диалоги, в которых они должны употребить формулы речевого этикета, например, «Бонакино, скажи, пожалуйста, ты знаешь, что это? Я забыл, как называется театр? Я очень рад, что ты все знаешь. Теперь и я знаю» и т.д. После этого можно устроить соревнование: кто больше назовет объектов без паузы. На самом деле это не очень простое задание, т.к. на этом уровне учащиеся с трудом запоминают многосложные русские прилагательные: Третьяковская (галерея), Исторический (музей) и другие. Заключительным заданием на уроке является комментирование слайдов студентами. В качестве домашнего задания предлагается работа творческого характера: преподаватель просит студентов оформить сувенирные открытки о Москве, которые они хотели бы послать домой. Учащиеся дома должны подобрать из интернета картинки с изображением изученных объектов и оформить их в виде открыток, выбрав свой шрифт, поиграть с цветом, с местом расположения подписи, проявляя всю свою фантазию.

После прохождения 10 урока по учебнику «Дорога в Россию (элементарный уровень)» мы возвращаемся к нашей презентации о Москве еще раз, но на другом уровне. Во-первых, увеличивается количество слайдов с культурными объектами Москвы, во-вторых, возрастает объем предъявляемой информации, добавляется музыкальное сопровождение – гимн Москвы И. Дунаевского «Дорогая моя столица», можно добавить видео, которое представляет собой обзор общей панорамы Москвы. Теперь каждый слайд сопровождает не только подпись с названием объекта, но и звучит микротекст, в котором дается информация об истории объекта, времени создания, физические параметры и т.д. О каких-то объектах тексты минимальные, о каких-то более развернутые, например, о Красной площади или об Арбате. Но в целом презентация должна занимать не более 10-15 минут.

После просмотра учащиеся отвечают на вопросы по теме презентации, а затем смотрят презентацию еще раз с установкой записать во время просмотра даты, цифры, фамилии и названия, а потом прокомментировать их. Во время третьего просмотра – с выключенным звуком – учащиеся должны воспроизвести основную информацию. Заключительным этапом работы с презентацией может стать обмен мнениями о Москве: что больше всего понравилось, хотят ли они поехать в Москву, куда бы они хотели пойти в Москве, что они хотели бы посмотреть и почему.

Преподаватель дает задание дома найти в интернете информацию о своей столице и подготовить небольшую презентацию. Особенно интересно проходят презентации в группах, в которых обучаются студенты из разных стран. Учащийся стремится рассказать о своей столице, представив ее в самом выгодном свете, создавая значимый и осмысленный продукт, который интересен ему самому, его товарищам по группе из других стран и его преподавателю.

В рамках заданной темы учащийся свободен в выборе и структурировании информации, которую он хочет донести до слушателей, а также в выборе лексико-грамматических средств для оформления высказывания. Эта свобода, с одной стороны, раскрепощает учащегося, а с другой – является фактором, усложняющим построение высказывания, ибо хочется сказать о многом, но не

хватает средств выражения. Именно поэтому часто учащиеся прибегают к помощи электронного переводчика. Но здесь их ожидает ловушка, потому что переводчик выдает громоздкие, малопонятные не только им самим, но и преподавателю предложения. Поэтому преподаватель, давая задание, должен предупредить учащихся, чтобы они пользовались изученными грамматическими конструкциями.

В конце первого семестра мы возвращаемся к теме «Город». Учащиеся должны подготовить и провести виртуальную экскурсию по Астрахани. К этому времени они уже накопили определенный лексико-грамматический и страноведческий потенциал, побывали на экскурсии по городу и знакомы с основными достопримечательностями. Студенты с удовольствием включаются в работу по созданию презентации об Астрахани, ибо для цифрового поколения работа с компьютером привычна, и они мотивированы для коммуникации на русском языке. Заключительным этапом работы с презентацией может стать игра «Что? Где? Когда?». Группа делится на две команды, которые выбирают капитанов и готовят вопросы об Астрахани. На подготовку вопросов дается 10-15 минут. Пользоваться мобильными приложениями нельзя, на подготовку ответа дается две минуты, за всем этим следит преподаватель. Побеждает та команда, которая правильно ответит на большее количество вопросов своих соперников. Преподаватель может отметить и поощрить наиболее интересные вопросы.

В качестве творческого задания мы предлагаем учащимся подготовить презентацию о своей группе, оформить визитную карточку группы. Студент свободен в выборе программы, с помощью которой он будет создавать свою презентацию, содержании создаваемого им продукта, презентация может содержать видео- и аудиоконтенты или только видео. Наиболее интересная презентация, созданная с помощью программы ProShow Producer, получилась у студента из Вьетнама Выонга Хая. Рассказ ведется от лица бумажного самолетика, который он назвал Дима. Этот самолетик представляет своего хозяина, его преподавателя и всю его группу, знакомит нас с Астраханью, летит в те страны, откуда приехали студенты. Видеоконтент представлен фотографиями, картами, анимацией (полеты самолетика), авторским видео, представляющим собой интервью со студентами группы, использовался даже

фрагмент из телевизионной игры «Кто хочет стать миллионером?». Аудиоконтент представлен комментариями к фотографиям и анимации, интервью, музыкальным сопровождением, включая отрывки из популярных российских песен. Своим друзьям Хай задавал разные вопросы, например: «Почему вы решили учиться в России? Что вы думаете о русском языке? Вам нравятся русские девушки? Какие ваши любимые русские блюда? Ваша самая любимая русская песня?» и т.д. Презентация получилась интересной, живой, зрелищной. Учащийся продемонстрировал успешное овладение коммуникативной компетенцией в рамках базового уровня.

В качестве альтернативы традиционным презентациям с линейной структурой можно предложить вариант сравнительно молодого онлайн-сервиса Prezi. Prezi – это облачный сервис для совместной работы, созданный в Венгрии в 2009 году. Сервис позволяет отказаться от использования традиционной технологии работы со слайдами и предлагает новый нелинейный подход. Prezi – это отличный способ визуализации информации. А современные учащиеся «все более ориентированы на визуальные стратегии переработки информации» [2, с. 1677].

К достоинствам Prezi можно отнести

- использование 3D фона;
- эффектная и необычная подача информации;
- расширенные возможности, например, масштабирование;
- разнообразие вставок и загрузок: изображений, видео, символов, презентаций Power Point, звука;
- выглядит более современно и привлекательно.

Сервис Prezi предлагает множество шаблонов с готовыми визуальными метафорами, но можно создать визуальный скелет самостоятельно.

В качестве примера представляем проект Prezi-презентации для конкурса чтецов подготовительного факультета для иностранных граждан АГТУ, посвященного 70-летию Победы. В дальнейшем мы использовали эту презентацию на уроках русского языка при прохождении темы войны. Великая Отечественная война является культурно-маркированным феноменом для русского сознания. День Победы является не только уникальным российским

праздником, но и одним из самых значимых праздников Российской Федерации. Широкое празднование Дня Победы проистекает из существующей в нашем обществе системы ценностей, того значения, которое русский менталитет придает Великой Отечественной войне. Приезжая в Россию, многие иностранные студенты имеют поверхностные и, мягко говоря, не совсем достоверные знания о второй мировой войне и о роли советской армии в разгроме немецко-фашистских войск. Именно поэтому мы использовали все возможности Prezi-презентации, создавая не только информативный, но и яркий, эмоционально насыщенный продукт.

Рис. 1. Вид общего поля презентации.

Содержание презентации включает в себя основные события Великой Отечественной войны: начало войны, битва под Москвой, блокада Ленинграда, Сталинградская битва, освобождение Европы и окончание войны, разгром немецко-фашистских войск. Презентация представляет собой гипертекст, представленный визуально и аудиально.

С помощью Prezi информация доносится до аудитории максимально эффективно и наглядно. Во-первых, все элементы Prezi расположены на одном большом поле, над которым как бы кружится камера, то отдаляя, то приближая определенные области. Во-вторых, здесь нет привычных слайдов. Презентация в Prezi проходит путем демонстрации деталей, элементы которых можно многократно увеличить, чтобы можно было лучше их рассмотреть и изучить. Взгляд на предмет происходит с разной высоты (зумирование). В ходе просмотра презентации Prezi можно показать глубину или продемонстрировать картину целиком "с высоты птичьего полета". При наложении нескольких изображений в сценах проекта мы получили эффект перекрестного затухания при увеличении объектов, что позволяет усилить визуальный эффект и придать больший эмоциональный аспект, что очень важно для темы ВОВ.

В презентации использовались аутентичные материалы: карты военных операций, многочисленные фотографии военных лет, плакаты военного времени. Формат Prezi, обладая множеством опций, позволил добавить видеоконтент, который содержит кадры военной хроники, отрывки из художественных фильмов «Освобождение», «Они сражались за Родину» и авторское видео, оригинально оформленный, раскрывающийся альбом Памяти, в котором собраны фотографии участников и ветеранов войны. Эффектно изображение выплывающего ордена Отечественной войны, выполненное в формате 3D.

Prezi-презентация дополняется отличной интеграцией со звуковым форматом. В нашем проекте звук представлен разнообразно: это и голос диктора Ю. Левитана, объявляющего о начале войны, о разгроме немецких войск под Сталинградом и т.д.; исполняемые артистами песни о войне и звучащий метроном, который имеет символическое значение. Все эти аудио- и видеоэффекты удерживают внимание аудитории, оказывают большое эмоциональное воздействие, которое имеет воспитательную ценность, а также повышает мотивацию учащегося к обучению на русском языке.

В целом программа Prezi не так проста в силу ее функциональных особенностей, но она является отличным инструментом для создания впечатляющих презентаций.

Использование презентации на уроках русского языка выполняет несколько функций, а именно: мотивационную, информирующую и обучающую функции. Расширяется лингвокультурологическая компетенция учащегося, углубляются их знания об истории России, о русском менталитете, увеличивается лексический запас. Работа с разного рода презентациями на уроках русского языка формирует продуктивные навыки аудирования, чтения, говорения и стимулирует выход в спонтанную речь.

Литература

1. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. Дорога в Россию. Учебник русского языка (элементарный уровень). СПб.: «Златоуст», 2003. – 344 с.

2. Владимирова Л.В. Визуальный ряд современного учебника по РКИ // Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. – Вып. 5. Материалы V конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). СПб.: РОПРЯЛ, 2016. – 1 электронный диск (CD-R). – С. 1677–1681.

3. Гарцов А.Д. Электронная лингводидактика в системе инновационного электронного образования: Автореф. дис. ...д-ра пед. наук. М., 2009.– 44 с.

4. Николенко Е.Ю. Электронная лингводидактика: проблемы и перспективы // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция (8-11 июня 2016 г.): сб. науч. Статей: В 2 т. Т. 2. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – С. 214–222.

5. Новикова Е.А. Использование информационно-коммуникационных технологий в преподавании русского языка как иностранного // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XVI. М.: Макс Пресс, 2015. – С. 442–445.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКО-ИНОЯЗЫЧНОГО БИЛИНГВИЗМА НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ КАЗАХСТАНА

Е.Ю.Николенко
nikolenko.e.yu@gmail.com
ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(Москва)

Общеизвестно, что инонационально-русский и русско-инонациональный билингвизм являются реалиями языковых ситуаций большинства постсоветских государств на территории СНГ в настоящее время, и Казахстан в этом ряду не является исключением [6; с.274]. В условиях двуязычия в современном Казахстане – в основном, русско-казахского и казахско-русского, – в преподавании русского языка как неродного (далее РКН) следует учитывать билингвальную природу студентов.

В работах А. Е. Агмановой, Л.П. Диановой рассматривается проблема русско-инонационального билингвизма с доминантным русским языком [1; 16]. Речь в них идет о носителях языка, которые изучали русский язык как родной или как другой родной (в классификации Е.Л. Кудрявцевой) [11], т.е., например, как казахи, закончившие среднюю школу с русским языком обучения.

Вариант инонационально-русского билингвизма, в нашем случае казахско-русского билингвизма, где доминантным языком является казахский язык, представляет собой речь, в частности, студентов, как правило, нефилологов, – выпускников казахских школ. Поэтому несмотря на то, что современная языковая ситуация в Казахстане отличается билингвальностью, – в основном, русско-казахской и казахско-русской, – каждая из них имеет свои черты, особенно, когда это касается вопросов обучения или научающей коммуникации (психолингвистический термин, принадлежит Шаховскому), в частности, в неязыковом вузе.

Как известно, характерной особенностью тюркских языков, которые выявляются при изучении материалов казахско-русского, татарско-русского билингвизма и др., являются интерферентные явления в морфологии при выборе родового окончания, образовании форм прилагательных и местоимений, образовании возврат-

ных глагольных форм [3]. Синтаксическая интерференция обусловливается тем, что в казахском языке устойчивый порядок слов типа SOV(subject – субъект, object – объект и verb – глагол), а в русском языке – свободный порядок слов в предложении.

В случае казахско-русского билингвизма у большинства студентов-казахов лучше развита устная речь на русском языке, а письменная речь испытывает влияние на себе родного – казахского языка, так как речь билингва на втором языке тесно связана с системой первичного языка. Поэтому внутриязыковые и межъязыковые оппозиции способствуют появлению различных видов интерференции. Соответственно, для того, чтобы предупредить ее, нужно выявить эти оппозиции [22].

По этому поводу, в частности, А.Г. Сонин отмечает, что различия в языках, выявленные при контрастивном анализе, можно рассматривать как критические моменты, которые должны быть учтены для предупреждения негативных явлений в виде интерференции, возникающей в результате влияния первого (родного) языка на изучаемый.

Вместе с этим автор подчеркивает важность общего структурно-типологического сопоставления языков в общей подготовке билингвов и считает, что учебники и другие методические материалы, в которых раскрываются различия между сопоставляемыми языковыми явлениями (в лексике, грамматике, фонологии) способствуют эффективной подготовке билингвов [24; с.57].

В основу работы томских исследователей Г.Ю. Весниной и Г.И. Кустовой положено определение билингвизма по У. Вайнрайху как практики попеременного пользования двумя языками, и классификация типов билингвизма Бертагаева как индивидуального и массового билингвизма, а в работах Н.Н. Рогозной рассматриваются особенности субординативного билингвизма и интеръязыка [3; 20; 21; 22].

По определению У. Вайнрайха, интерференция – это заимствование языковых элементов одного языка в другой и межъязыковое отождествление элементов двух языков, а затем аналогичное по своей природе изменение элемента одного из этих языков под воздействием отождествленного с ним элемента другого языка. Вышеупомянутые томские исследователи рассматривают взаимовлияние русского и национальных языков с точки зрения У.

Вайнрайха, то есть полагают, что нельзя рассматривать изменения семантических отношений без введения в лексику новых элементов, которые порождают новые связи.

В работе Г.Ю. Весниной и Г.И. Кустовой проблематика исследования ограничена рассмотрением обнаруженных лексико-семантических и грамматических явлений интерференции. По их мнению, грамматическая интерференция возникает тогда, когда правила расстановки, согласования, выбора или обязательного изменения грамматических единиц, входящих в систему одного языка, применяются к примерно таким же цепочкам элементов другого языка, что ведет к нарушению норм первого языка, либо тогда, когда правила, обязательные с точки зрения грамматики второго языка, не срабатывают ввиду их отсутствия в грамматике первого языка [3].

Как известно, интерференция в области грамматики обусловлена различием грамматических категорий в разноструктурных языках: казахском и русском. Поэтому можно предсказать области возникновения ошибок, вызванных интерференцией, охарактеризовав сходства и различия взаимодействующих языковых систем.

Г.Ю. Веснина и Г.И. Кустова среди видов грамматической интерференции выделяют следующие: а) грамматическая интерференция, вызванная расхождением в грамматических категориях (имен, глаголов и т.д.), б) грамматическая интерференция, вызванная расхождением в конструкции словосочетаний (управление глаголов, порядок слов в предложении и т.д.) [3].

Так как в казахском языке отсутствует категория рода, русская категория рода для носителей казахского языка выполняет только функцию формирования типов склонения. Этим объясняется частотность интерферентных явлений при выборе родового окончания или рода местоимений: *изменил свою мнению, в своем стране, хорошая образования*.

Как показывает анализ отрицательного языкового материала первокурсников – носителей казахского языка, в их письменной речи отчетливо проявлены результаты интерференционного влияния родного языка на русский язык, о чем писал в своей работе Л.В. Щерба [26]. Поэтому в практической работе по развитию письменной речи студентов-нефилологов на занятиях по РКН

нужно учитывать эти особенности, свойственные билингвам, имеющим сформированную первичную языковую картину мира на родном казахском языке.

Опираясь на вышеуказанные положения и на вывод Н.Н. Рогозной о возможности классификации ошибок, их описания и предупреждения, приведенных ею в докторской диссертации «Типология лингвистической интерференции в русской речи иностранцев», Ж.К. Нургалиевой [18;с.26-32] была предпринята попытка представления в форме обобщающей сравнительной таблицы языковых различий казахского и русского языков[18], основу которой составило учебное пособие Ж. Мусаулы и Р.С. Амреновой «Сопоставительная грамматика казахского и русского языков» (на казахском языке). Необходимость такого рода обобщения была вызвана анализом отрицательного материала студентов-нефилологов на занятиях по русскому языку как неродному. Грамматические ошибки студентов являются яркой демонстрацией интерферирующего влияния родного казахского языка и свидетельством проявления интерязыка, возникающего при субординативном билингвизме, о котором писала в своих работах Н.Н. Рогозная [49; 50; 51].

Таким образом, для русского и казахского языков была предпринята вполне содержательная попытка их структурно-типологического сопоставления. Тем не менее, билингвизм и полилингвизм оказываются более многоплановыми явлениями, поскольку они присущи человеку – субъекту, являющемуся членом определенной социально-культурно-исторической общности. Проблематика изучения би- и полилингвизма в целом оказывается значительно более объемной и содержательной.

Явления би- и полилингвизма всегда представляли интерес для исследователей языка. Если раньше в изучении языковых контактов обращали внимание на взаимодействие двух систем языка, и в центре внимания оказывались факты системного влияния: заимствование, конвергенция, дивергенция, то в современной антропоцентричной лингвистической парадигме больше внимания обращается на взаимовлияние языков в речи людей, владеющих двумя или несколькими языками

По мнению А.А. Залевской, двуязычие само по себе является сложным многоаспектным феноменом, где человек как носитель

[18] Таблицу нет возможности привести из-за ее объема.

двуязычия, его субъект, выступает как биосоциальный феномен. В данном случае А.А.Залевская подразумевает человека как представителя вида и личности, включенной в естественную (т.е. физическую, природную) и социальную среду со всеми вытекающими отсюда последствиями. Исследователь полагает, что нужно разрабатывать интегративную теорию двуязычия, которая бы сумела разъяснить специфику формирования и функционирования двуязычия как динамического феномена, становление которого зависит от сложного взаимодействия ряда внешних и внутренних факторов. Многие психолингвисты, в частности, та же А.А. Залевская, считают, что природа речевых нарушений билингвов значительно сложнее и глубже, чем просто незнание студентами правил изучаемого языка, и что необходимы теоретические и экспериментальные исследования для реализации широкой программы по трактовке двуязычия как живого знания [8, 19].

Практика преподавания русского языка в неязыковых вузах Казахстана ясно показывает, что при совершенствовании второго языка (подразумевается РКН) происходит пополнение пространства семантических связей в сознании обучаемых, но такое пополнение, изменение семантических отношений нельзя рассматривать без введения новых элементов в лексику, новых грамматических объектов и конструкций, которые порождают новые связи.

Развивая мысль А.А. Залевской об интегративной теории двуязычия, можно утверждать, что различия в социально-культурной среде – лексике – грамматике – различия в семантике – отражают и порождают различия в глубинных семантических связях. Следовательно, интегративная теория дву- и многоязычия должна включать, кроме методов анализа структурно-типологических особенностей языков, теорию преобразования (как правило, обогащения совокупностей, объединения) пространств таких глубинных семантических связей и, как еще одну составляющую, – теорию формирования языковых эквивалентов, которые могут быть не всегда очевидны.

Литература

1. Агманова А.Е. Усвоение второго языка: проблемы теории и методологии исследования: учеб. пособие А.Е. Агманова. – 2 – изд., доп. и перераб. – Астана, 2013. – 102 с.

2. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.

3. Веснина Г.Ю., Кустова Г.И. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: явления языковой интерференции русской речи билингвов Томска и Томской области» // Научный журнал Scientific journal /Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований INTERNATIONAL JOURNAL OF APPLIED AND FUNDAMENTAL RESEARCH/ № 5, 2015. Часть 4. - С.697- 703.

4. Дианова Л.П. Русский язык в речевой культуре билинг-вов //Автореферат диссертации на соискание ученой степени канди-дата филологических наук, Москва, 2011.

5. Дианова Л.П. Актуальные проблемы межъязыкового взаимодей-ствия // Вестник МГИМО Университета. №1/ 2011.С.260-264.

6. Джусупов М. Полилингвизм и двуязычное образование в республиках Центральной Азии // Материалы Международной научной конференции «Двуязычное образование: теория и практика» (26–28 апреля 2011 г., Хельсинки, Финляндия) / под ред. М.В. Копотева, Е.Ю. Протасовой. — Хельсинки: Хельсинский университет ; СПб.: Златоуст, 2011. — 318 с.

7. Джусупов М. Русский язык как неродной в разных социолингвистических условиях // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. Р М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. - 848 с.

8. Залевская А.А. Вопросы психолингвистической теории двуязычия // Вопросы психолингвистики. №10, 2009. – С.10-17.

9. Константинова Л.А. Лингводидактическая модель обучения студентов-нефилологов письменным формам научной коммуникации: Монография. Тула: Известия Тул. гос. ун-та. 2003. 173 с.

10. Кремер И. Н. Проблемы русско-инонационального билингвизма // Автореферат на соискание степени кандидата филологических наук. Москва, 2007.

11. Кудрявцева Е.А., Чибисова М.Ю., Волкова Т.В. В лабиринтах многоязычия или образование успешного ребенка // http: bilingual-online.net

12. Машкова С.Н. О проблеме преподавания русского языка в Казахстане в условиях полиязычия // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21

марта, 2014 г.): Труды и материалы/ Составители М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина. Изд-во Моск. Ун-та, 2014. – 848 с.

13. Николенко Е.Ю. Текст лекции как соединение компонентов интерактивной лингводидактической среды. // Сборник «Слово. Грамматика. Речь»: Материалы VI Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания РКИ». 2015. Серия XVI, С.437-439.

14. Николенко Е.Ю. Формирование современных компетенций преподавателя РКИ: состояние и перспективы // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / Ред. кол.: Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др. — В 15 т. — Т. 10. — СПб: МАПРЯЛ, 2015. — 1204 с.

15. Николенко Е.Ю. Интерактивная лингводидактическая среда при обучении иностранному языку (русскому как иностранному) // Вестник ЦМО МГУ, 2010, №2.

16. Николенко Е.Ю. Современные методы обучения как основа создания учебного комплекса по русскому языку для иностранных учащихся (начальный этап обучения) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Москва, 2005.

17. Нургалиева Ж.К. О необходимости адаптации методического материала для работы с учебным текстом при обучении русскому языку как неродному студентов-нефилологов в условиях билингвизма в современном Казахстане: к постановке проблемы // «Ломоносов – 2016»: XII Международная научная конференция студентов, магистрантов и молодых ученых: Тезисы докладов XII Международной научной конференции: в 3-х частях (II часть). – Астана: Казахстанский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова, 2016. – 344 с.

18. Нургалиева Ж.К. Развитие письменной речи студентов-нефилологов на занятиях по русскому языку как неродному в условиях билингвизма // Магистерская диссертация, М., МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017 С. 155.

19. Психолингвистика в очерках и извлечениях: Хрестоматия: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений// Авт.-сост. В.К. Радзиховская, А.П. Кирьянов, Т.А. Пекишева и др. Под общ. ред. В.К. Радзиховской. – М.: Издательский центр «Академия», 2003 – 464 с.

20. Рогозная Н.Н. Типология лингвистической интерференции в русской речи иностранцев (на материале разноструктурных языков) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М.2003.

21. Рогозная Н.Н. Теоретические и прикладные аспекты субординативного билингвизма// Инновационное преподавание русского языка в условиях многоязычия: Сборник статей: в 2 т. / отв. ред. Н.М. Румянцева. Т. I. – Москва: РУДН, 2014. – С. 258-260.

22. Рогозная Н.Н. Субординативный билингвизм // Вестник Бурятского государственного университета: №10, 2015 – С.41-44.
23. Сапарбаева А.М. Психолингвистическое обоснование межъязыковой интерференции в процессе обучения русскому языку студентов-билингвов // Наука вчера, сегодня, завтра: сб. ст. по матер. VII междунар. науч.-практ. конф. № 7(7). – Новосибирск: СибАК, 2013.
24. Сонин А.Г. Проблема комплексного изучения билингвизма в работах А.А. Залевской // Вопросы психолингвистики. №10, 2009. – С.56-62.
25. Сулейменова Э.Д. Статусное досье русского языка и инерция традиций // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / Ред. кол: Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др. —В 15 т. — Т. 1. — СПб: МАПРЯЛ, 2015. — 97 с.
26. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВОДИДАКТИКА КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

И.В. Одинцова
odintsova.irina@gmail.com
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(Москва)

Когнитивная лингводидактика находится в стадии формирования. Основным направлением, лежащим в ее основе, является коммуникативно-когнитивный подход к обучению иностранному языку. Этот подход позволяет рассматривать речевую деятельность как сложный когнитивный процесс, который лежит в основе как процесса восприятия, так и порождения речи (подробнее о когнитивной лингводидактике как междисциплинарной науке см. [7]).

Связь владения словом, предложением, речью опосредована человеческим сознанием. В акте общения наша речь слита с мыслью. Это настолько аксиоматично, что мы этого не замечаем. В практике преподавания языку связи языка с мышлением традиционно отводится периферийная роль. Однако умения, которые мы формируем у учащегося, знания, которые он получает и осваивает, – все это результат когнитивной деятельности. Даже речевые действия, доведенные до автоматизма и превратившиеся в навык, представляют собой «как бы интеллект в свернутом виде» [10, с. 90].

К сожалению, когнитивное направление в контексте современной научной парадигмы многие исследователи понимают достаточно упрощенно, отождествляя его с сознательным овладением языком в последовательности от правил к употреблению, и тем самым возвращают лингводидактику к формальному пониманию психологии обучения языку.

Ни в коей мере не умаляя важности «сознательности» в теории и практике обучения иностранному языку, хотелось бы уточнить понимание когнитивности, которое на современном этапе развития когнитивной лингводидактики видится актуальным.

В когнитивной лингводидактике акцент ставится на проблемах обучения языку как речемыслительному процессу, речемыслительной деятельности, в ходе которой языковые знаки обретают значение и смысл. В процессе обучения речемышлению на иностранном языке особую значимость приобретает, во-первых, обучение дискретным единицам – концептуальным сущностям: лексическим, синтаксическим, интонационным, культурологическим и т.д., формирующим упорядоченные и структурированные фрагменты знаний как «базы данных» (С.А. Жаботинская), «пакеты знаний» (В.З. Демьянков). Когнитивный подход к проблемам обучения иностранному языку дает возможность соотнести языковые явления с их ментальными репрезентациями (в виде концептов, фреймов, скриптов, пропозиций и т.п.), запечатлеть эти репрезентации в сознании учащихся в качестве структур знания; сформировать ментальный опыт реализации этих репрезентаций в языковой практике (о фреймовом подходе в лингводидактике см. [8]); создать библиотеку прототипов (лучших образцов своего класса [5, с. 144]) – лексических, грамматических, интонационных и т.д.; разработать когнитивные модели коммуникативного взаимодействия в конкретных социокультурных ситуациях. Во-вторых, коммуникативно-когнитивное направление в лингводидактике предполагает: в теоретических целях – выделение и систематизацию «различных когнитивных операций как своего рода «процессора», применяемого для преобразования структур «базы данных» [3, с. 62], в прикладных – на базе когнитивных операций развитие у учащихся коммуникативно-прагматических механизмов адаптации «базы данных» к задачам общения на иностранном языке. Формирование когнитивных механизмов оперирования знаками

языка, владение алгоритмами получения знаний и их использования в практике, думается, в современных условиях гораздо важнее, чем просто владение знаниями (о ряде когнитивных механизмов, актуальных в лингводидактике см. [9]).

Когнитивное направление в лингводидактике, сфокусированное на обучении языку в действии, в интеракции, предполагает актуализацию дискурсивного подхода в практике преподавания (о дискурсивном подходе в обучении см. [6]). В свое время Н.И. Жинкин писал, что в речи мы думаем не о словах, а о действительности [4, с. 4], вернее, о том образе действительности, который запечатлен в нашем сознании. Языковые средства «служат своеобразным окном, через которое можно смотреть на то, как образован мир в сознании человека» [2, с. 4], носителя конкретного языка.

Именно когнитивное направление в лингводидактике даже в бóльшей степени, чем в лингвистике, позволяет активизировать обращение к экстралингвистическому фону, в который погружен язык и который отражен и преображен в языке. «Дискурс, – как замечает Н.Ф. Алиференко, — не столько речь, хотя и генетически с ней связан, сколько среда обитания языковых знаков, тот когнитивный «котёл», в котором происходит смыслообразование, лингвосемиозис средств непрямой и косвенно-производной номинации» [1, с. 9]; именно в дискурсивной среде происходит коммуникативно-прагматическое взаимодействие слова и концепта, запечатленного в языке; именно дискурсы образуют самостоятельный онтологический уровень, расположенный между мышлением и языком, когда «все вещи, обнаружив свой смысл и обменявшись им, могут вернуться в свое безмолвное внутреннее, в сознание самих себя» [11, с. 77]; именно овладение иноязычным дискурсом следует считать целью обучения иностранному языку в аспекте когнитивной лингводидактики.

Литература

1. Алиференко Н.Ф. Фразеология и когнитология в аспекте лингвистического постмодернизма: монография. Белгород. Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.

2. Бабушкин Л.П. Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка. Воронеж, 1996. – 103 с.

3. Жаботинская С.А. Модели репрезентации знаний в контексте различных школ когнитивной лингвистики: интегративный подход // Когнитивные исследования языка. Тамбов. 2008. № 3. – С.61-74.

4. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Изд-во Наука, 1982. – 156 с.

5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ. 1996. – 245 с.

6. Одинцова И.В. К проблеме соотношения понятий «текст» и «дискурс» в лингвистике и лингводидактике. Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 2. – С.21-125.

7. Одинцова И.В. Когнитивная лингводидактика в ряду других когнитивных наук. // Мир русского слова 2017. № 4. – С.80-86.

8. Одинцова И.В. Фрейм, фрейминг и рефрейминг в лингводидактике.// Мир русского слова. 2012. № 1. – С.73-81

9. Одинцова И.В. Языковой рефрейминг как когнитивная операция в практике преподавания иностранных языков. // Вестник ЦМО МГУ. 2012. № 4. – С. 54-58.

10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Изд-во «Питер». 2000. – 712 с.

11. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности // Работы разных лет // Порядок дискурса. Пер. с франц. М.: Изд-во Касталь. 1996. – 448 с.

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ КАК ОСОБОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Т.В. Рачеева
prep62@mail.ru
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
(Москва)

После того, как закончился учебный год, каждый преподаватель поводит итоги своей работы и, если он недоволен этими итогами, а он чаще всего бывает недоволен, то пытается проанализировать причины своих неудач. Я тоже попытаюсь это сделать, чтобы в дальнейшей работе направить свои усилия на устранение проблем или хотя бы на минимизацию их последствий.

Необходимо начать с того, что студенты-иностранцы в российском вузе – это совершенно особенная социологическая группа, поэтому каждый учебный год приходится решать абсолютно новые проблемы, возникающие в процессе преподавания.

В прошлом году мне удалось выяснить, что неуспешность студентов из Ирана, Китая, арабских и некоторых африканских стран

может быть связана с особенностями их мировоззрения, предполагающего интуитивный способ познания. В практической работе это выражается отсутствием особого рвения и инициативы как в аудиторной, так и в самостоятельной работе. В этом году я постаралась направить свои преподавательские усилия на устранение этих особенностей, осложняющих усвоение материала. Возможно, что-то получилось в этом направлении, но, к сожалению, возникли новые препятствия. В прошлом году студенты не были удовлетворены своими результатами, в этом году я как преподаватель полностью разочарована работой студентов. Значит, существуют ещё какие-то нюансы, которые следует учитывать в процессе преподавания. Попробую выяснить, какие.

Обстоятельства работы сходны с теми, что были в прошлом году. Однако в этом году большинство в группе составляют студенты из Ирана, есть представители Китая и Йемена. Если взглянуть на группу со стороны, становится очевидно, что обучаемые изучают русский язык не очень охотно и не эффективно, хотя все серьёзно мотивированы обществом, представителями которого они являются. Отличительной чертой неэффективной работы является постоянный контакт с различными гаджетами, а не с преподавателем, постоянные пропуски занятий и, что совершенно несвойственно студенческой группе, разобщённость даже между студентами одной страны. Налицо нарушение статуса студента, ведущее к некачественному изучению и усвоению русского языка как иностранного.

Чтобы найти выход из создавшегося положения, рассмотрим для начала социальные характеристики находящихся в составе группы и обстоятельства их речевого общения, поскольку « ...обучение языку наиболее эффективно тогда, когда в методике его преподавания учитываются не только собственно лингвистические правила, но и разного рода «внешние факторы».[5]

Количество этих внешних факторов может быть бесконечно большим, поэтому ограничимся анализом только тех, которые входят в рамки понятия «языковая личность». При этом для основополагающего описания языковой личности будем учитывать « ...то, что мы называем вневременной и инвариантной частью в структуре языковой личности, носит отчётливую печать национального колорита» [6, с.39].

Можно предположить, что истоки разобщённости студенческого коллектива определяются именно этим фактором, поскольку даже в среде студентов из Ирана нет национального единства. Часть из них являются этническими персами, а часть – туркменами. Между собой представители этих национальных групп общаются неохотно и только в аудитории, несмотря на то, что все они являются носителями фарси как родного или второго родного. В общении между собой туркмены не очень активно используют фарси. Кроме того, персы и туркмены имеют конфессиональные различия. И те, и другие не проявляют большого интереса к студентам, приехавшим из Йемена и Китая. В свою очередь, йеменские и китайские студенты не могут не удивляться такой отстранённости и неорганизованности иранцев.

Никакого объединения или взаимодействия языковых личностей не наблюдается, несмотря даже на то, что студенты из Ирана изучают в школе арабский язык (язык Корана) и вполне способны объясниться со студентами из Йемена. Кроме того, практически все обучаемые в той или иной степени владеют английским, поэтому все они могли бы легко общаться ещё не имея в активе русского языка как языка-посредника.

Таким образом, социально-психологический климат в группе сложился не очень благоприятный, а между тем известно, что: «Социально-психологический климат – очень важная характеристика жизнеспособности группы. Она обусловлена характером преобладающих в коллективе настроений, степенью удовлетворённости своей работой и ролью в коллективе ... Без достижения положительного психологического климата трудно достигнуть высокой эффективности работы в группе» [8, с.32]. Справедливости ради стоит отметить, что открытых конфликтов в группе не наблюдалось, никто не отстаивал свою ведущую роль, т.е. все дружно продемонстрировали такое поведение, которое называется в конфликтологии «стиль избежания», который «... показывает отсутствие всякого желания сотрудничать с кем-либо и предпринимать какие-либо активные действия для достижения своих интересов ...» [8, с.51].

Значит, как преподаватель, желающий достигнуть наибольшей эффективности в процессе своей работы, я должна найти не-

что общее для всех, что позволит сформировать платформу для оптимальной организации обучения русскому языку как иностранному. Вероятно, в межнациональной группе основы для сближения стоит искать в культуре, точнее в том, что философы называют **интеркультурой**, которая образуется тогда, когда различные культуры очень активно взаимодействуют друг с другом. И при подобном взаимодействии первая наша задача – уйти от конфликта, сформировать благоприятный социально-психологический климат. Тогда что позволит это сделать? Как объединить в общее действие языковые личности с достаточно разными свойствами?

Выясняется, что в философском аспекте ответ может быть следующим: «В качестве объединяющих надо искать не предельно высокие ценности, а достаточно низкие. Достаточно низкие для того, чтобы они могли стать основой объединения ... Такие ценности могут объединять всех людей – всех тех, в ком осталось достаточно земного начала. Сейчас такие ценности носят название «общечеловеческих» [2, с.305-306]. И совершенно не противоречит этому, а, напротив, вносит дополнительную конкретизацию в ориентирование процесса преподавания **лингвокультурология**, которая обращает внимание и «... изучает определённым образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, исследует живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, даёт системное описание языковой «картины мира» и обеспечивает выполнение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения ...» [4, с.125].

Имея в своём арсенале преподавателя русского языка как иностранного опору на общечеловеческие, гуманитарные ценности (а как ценности их рассматривают все студенты, иначе, вероятнее всего, они бы не приехали учиться в Россию), я всё же должна опираться в работе и на элементы языковой картины мира, на особенности языковой личности каждого отдельного студента.

К сожалению, я не имею возможности составить полное представление о языковых личностях моих студентов, так как я не владею китайским языком, арабским или фарси, а следовательно, не могу составить «характеристику семантико-строевого уровня» языковой личности или осуществить «реконструкцию языковой

модели мира» и поэтому часто ощущаю некоторую степень профессиональной беспомощности при введении некоторых грамматических структур пассивных конструкций или сложноподчинённых предложений с придаточными определительными. Затруднительность подобной ситуации очень точно описывает С.Г. Тер- Минасова: « ... только с уровня знания по крайней мере двух языков и двух культур открываются (как с вершины горы – новые дали и горизонты) некие скрытые свойства и соответственно скрытые трудности, которые не видны с уровня, – позволяют сделать один важный практический вывод: **носители языка, преподающие свой родной язык как иностранный и не знающие родного языка учащихся, не видят ни этих скрытых свойств, ни этих скрытых трудностей.** И в этом ... большое преимущество иностранных преподавателей иностранного же языка перед преподавателями–носителями этого языка» [7, с.43].

Но вот вполне можно использовать опору на социокультурный компонент языковой личности и путём опроса провести «... выявление её жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящих отражение в процессах порождения текстов и их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов» [6, с.44].

Чтобы иметь представление о языковой картине мира каждой отдельной языковой личности, при опросе важно обращать внимание на следующие компоненты культуры: традиции и бытовую культуру, нормы повседневного поведения, художественную культуру, учебную культуру и на то, что выясняется даже не через вопросы, а какое-то невербальное восприятие, относящееся к национальным особенностям мышления. Эти сведения мне как преподавателю необходимы не потому, что я собираюсь изучать родные языки обучаемых (что было бы, в целом, неплохо), а с целью наиболее адекватного представления русской картины мира, чтобы в итоге вызвать интерес к нашему образу жизни, к нашей истории и особенностям национального характера, что в свою очередь, должно повлечь за собой желание использовать русский язык в качестве средства общения, а не просто как материю учебных и научных текстов, которую легко потом можно забыть.

И естественно, интерес к миру изучаемого языка помимо наличия общечеловеческих ценностей поможет объединению членов группы, что делает значительно более лёгким процесс преподавания и усвоения тех или иных грамматических структур, и в итоге, к благополучному прохождению контроля. Поскольку доминирующим по количеству проблем был аспект отношения к учёбе, то большая часть вопросов была связана именно с ним.

Если анализировать результаты опроса без детализации, необходимой только для ежедневной работы в аудитории, то выяснятся, во-первых, что для студентов из Ирана и Китая учёба в университете – это время, связанное больше не с серьёзной работой в аудитории и вне её, а с тем, что мы называем досугом или, в качестве варианта, подработкой с целью улучшения финансового состояния. Можно сказать, что время университетского образования для них является чем-то вроде передышки между серьёзной учёбой в школе под контролем родителей и серьёзной работой после университета с целью построения карьеры и достижения высокого уровня благополучия. Во-вторых, ценность серьёзной теоретической подготовки для них не очень значима, гораздо важнее внешние признаки получения знаний – задокументированные высокие баллы. Неприятие у них вызывает и жёсткий режим аудиторных занятий. Они действительно с трудом переносили шестичасовое нахождение в аудитории. И поскольку подобное отношение к учёбе, правда, с некоторыми вариантами, имело массовый характер, то нельзя было сказать, что оно связано исключительно с недобросовестностью студентов.

Вероятнее всего, это национальный стереотип отношения к учёбе в вузе. Поэтому, наряду с преподаванием лексических и грамматических феноменов русского языка, сначала приходилось трансформировать национальный социально-культурный компонент, связанный с отношением к учебному процессу, а потом стараться всеми возможными способами образовательного воздействия вовлекать студентов в российскую социокультурную картину мира, в которой процесс учёбы является практически сакральным. Это был тот самый процесс, который охарактеризовали Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров: « ... речь идёт о включении элементов страноведения в преподавание языка, но это включение качественно иного рода по сравнению с общим страноведением. Так

как мы говорим о соединении в учебном процессе языка и сведений из сферы национальной культуры, такой вид преподавательской работы предполагается назвать лингвострановедческим преподаванием» [3, с.30]. При всём этом следует заметить, что студенты из Йемена выглядели более подготовленными к учёбе в России с точки зрения ожиданий от образовательного процесса. И только к концу первого семестра частично удалось преодолеть отрицательный эффект национально-специфических компонентов культуры, связанных со статусом студента.

Как уже указывалось выше, оптимизации усвоения языка препятствует постоянное обращение к гаджетам, которое нельзя связать ни с языковым строем, ни с языковой моделью мира, ни с определёнными ситуативными доминантами. Все без исключения студенты при первой возможности стараются установить контакт со своим устройством и очень редко в учебных целях. Этот фактор формирует ещё одну конфликтную ситуацию, которая требует специфического анализа.

Почему? Ведь каждый преподаватель старается представить свой материал таким образом, чтобы студенту было интересно, и каждый преподаватель имеет собственные методические наработки в этом плане. И мы используем гаджеты при объяснении и представлении материала, но, вероятно, этого мало, поскольку мы используем их как вспомогательное средство, а они, похоже, играют в жизни студентов уже совсем не вспомогательную роль. Постоянная связь с домом, с семьёй – это очень существенный момент, но ведь очевидно, что студенты используют телефоны и планшеты не только для связи и простой передачи информации.

При помощи опросного метода удалось выяснить, что все студенты слушают, например, песни на родном языке и на английском, некоторые смотрят спортивные трансляции, все без исключения играют в игры, причём в одни и те же, независимо от страны. Позитивный момент, служащий вовлечению студентов в мир русского языка и, в конечном счёте, служит возникновению интереса к изучению этого языка, состоит в том, что они все слушают популярных российских исполнителей и смотрят российские мультфильмы. В целом, ничего неожиданного опрос не выявил.

Известно, что гаджеты помогают без труда сохранять любые наглядные формы представления информации, в том числе, домашнее задание. Но при наблюдении за студентами обращает на себя внимание тот факт, что домашнее задание, записанное на доске, в памяти телефона сохраняет один студент, а потом рассылает остальным членам группы. Какова причина этого? Может быть, именно в этой ситуации нужно искать истоки особой связи студентов и их смартфонов и планшетов?

Ответ, как оказалось, может быть достаточно простой и искать его стоит не в межкультурной коммуникации, а на более абстрактном уровне, в теории массовой коммуникации. Действительно, Г.П. Бакулев, представляя теорию У Стивенсона, указывает на следующее: « ... люди ищут в коммуникации *удовольствие* ... так как аудитория вовлекается в то, что он назвал *субъективной игрой*, когда потребление медиа, например, приносит личное (или субъективное) удовлетворение. Поэтому «ежедневная смесь» медиасодержания повторяется наподобие детской игры, которая проигрывается снова и снова с вариациями ряда легкоусвояемых тем и не требует особого усилия ... медиа выступают в качестве буфера между человеком и проблемами реального мира» [1, с.74]. То есть будучи привязанными к гаджетам, студенты просто пытаются снять напряжение или избавиться от страха перед новым и непонятным.

Подводя итоги, следует указать, что очевидно негативное на первый взгляд отношение к учёбе не всегда связано с нерадивостью студента, и преподавателю стоит быть внимательнее как к языковой личности, так и просто к личностным особенностям студента.

Литература

1. Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: Западные теории и концепции. – М.: Аспект Пресс, 2016. – 192 с.

2. Беляев В.А. Интеркультура и философия. – М.: Ленанд, 2014. – 336 с.

3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 240 с.

4. Воробьёв В.В. О статусе лингвокультурологии //IX Международный конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. Т.2. Братислава, 1999. – С. 125–126

5. Гуманитарные науки [Электронный ресурс]. URL: http://encyclopaedia.biga.ru/enc/liberal_art/sotsiolingvistika.htme(дата обращения 23.02.2018).
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: МГУ, 2008. – 352 с.
8. Халин К.Е., Климова Ю.В. Конфликтология: шпаргалка. – Ростов н/Д: Феникс, 2014. – 126 с.

ЛОГЛАЙН КАК ОДНА ИЗ НОВЫХ ФОРМ РАБОТЫ С ФИЛЬМОМ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ

Федотова С.И., Чевела О.В.
olga-chevela@mail.ru
ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет»
(Казань)

В методике преподавания русского языка как иностранного существует много различных форм работы с фильмом [1, 2]. Проведение так называемых кинозанятий является популярной и эффективной формой работы с иностранными учащимися, т.к. предполагает формирование не только коммуникативной, но и лингвокультурологической и социокультурной компетенций. Просмотр учебных, документальных, научно-популярных, анимационных и художественных фильмов способствует разнообразию подачи учебного материала и вызывает большой интерес у самих обучающихся.

Имеется определенный алгоритм работы с фильмами, который включает в себя презентацию необходимого лексического материала, сообщение названия фильма и прогнозирование сюжета (в данном случае можно задать следующий вопрос: «Как вы думаете, о чем этот фильм?»), знакомство студентов с определенными историческими событиями, представленными в фильме.

Следующий этап работы – просмотр фильма. Если это полнометражный художественный фильм, то желательно разделить просмотр на фрагменты, количество которых определяется уровнем подготовки учащихся. После просмотра каждого фрагмента можно предложить придумать название к увиденному фрагменту, а дальше написать ответы на представленный небольшой блок во-

просов, помогающих проверить, насколько «зрители» поняли информацию. Их можно сравнить с послетекстовыми заданиями при аудировании, чем по сути они и являются. Перед просмотром следующего фрагмента желательно дать возможность студентам высказаться по поводу того, как они видят дальнейшее развитие сюжета. После просмотра важно обсудить увиденное. Помимо вопросов по содержанию можно вернуться к информации о фильме, представленной вначале. Например, узнать, оправдались ли ожидания, высказанные на основе названия фильма.

Существуют и другие способы работы с киноматериалами.

Озвучка фильма.

Эта техника применяется к заранее выбранному эпизоду, соответствующему уровню подготовки учащихся или пройденной теме, и предусматривает отключение звука с целью озвучить происходящее. Можно заранее распределить роли, дать просмотреть фрагмент один раз, — и через несколько минут группа должна осуществить дубляж фильма. Озвучка предполагает работу как со знакомым, так и с незнакомым фильмом. В последнем случае целесообразно вместе с группой просмотреть озвученный эпизод, сравнить то, как данный фрагмент звучит в исполнении героев фильма, с тем, как озвучили его студенты.

Описание персонажей.

Попросить выбрать один из персонажей и описать его со всеми подробностями: внешность, характер, привычки, расписание дня. Эта работа принесет больше пользы, если задать ее на дом, т. к. письменное задание требует более тщательного отбора лексики и большего внимания к грамматике.

Стоп-кадр.

Стоп-кадр — это работа с одной картинкой из фильма. В данном случае можно разбить студентов на пары или на команды и показать кадр только одному из двоих (одной команде). Задание предполагает описание картинки так, чтобы можно было догадаться, о чем идет речь в представленном кадре. При затруднении разрешается задавать наводящие вопросы.

Одной из новых форм работы с фильмом при обучении РКИ является написание *логлайна*.

Что такое логлайн? Это термин, который использовался до нынешнего времени в кинематографии исключительно среди сценаристов и кинорежиссеров. Без логлайна не обходится ни один кинофестиваль. По форме логлайн представляет собой краткую аннотацию к фильму, передающую суть истории, ее основную драматическую коллизию. Но это не просто аннотация, как мы обычно ее представляем, логлайн имеет определенные требования к оформлению. Основная идея фильма должна уместиться в одно-два предложения (как правило, около 25 слов, но не более). Это то послание, которое создатели фильма стремятся донести до зрителя, и то, с чего фестивальные отборщики начинают знакомство со сценарием либо с готовой картиной. Хороший логлайн дает представление об истории в целом, при этом не раскрывает важных перипетий сюжета и умалчивает о финале. Таким образом, интригующий конец заставляет зрителя посмотреть фильм. В данном случае дается ответ на основные вопросы: «Кто действует, что происходит, в чем основная интрига?» Может быть указание на жанр картины.

Этот вид работы был апробирован на занятиях по РКИ в иностранной аудитории.

Перед просмотром фильма студенты познакомились с основными требованиями к оформлению логлайна. Были выделены основные моменты при его написании, отмечены важные характеристики, отработана необходимая лексика.

Так, было указано, что главный герой в логлайне всегда находится на переднем плане, он – неотъемлемая часть истории. Однако имя героя нельзя указывать, если только оно не известно всему миру – например, Владимир Путин. Лучше указать его профессию, социальный статус — студент, миллиардер, архитектор и др.

Важно использовать хорошо подобранные слова (прилагательные или причастия), которые могут наиболее полно охарактеризовать героя истории. Например, тщеславный, амбициозный бесстрашный и т.д.

Цель — обязательный элемент логлайна. Именно она — двигатель всей истории, поэтому студенты должны обязательно ее обозначить.

Логлайн передает развитие истории, поэтому необходимо тщательно выбирать глаголы, которые будут передавать основные события.

Важные характеристики логлайна:

- Интрига;
- Способность передать внешний (события, визуальная эстетика) и внутренний конфликт (моральная, психологическая ломка);
- Лаконичность (отсутствие подробностей, мелких деталей);
- Отсутствие нравоучений, интерпретаций сюжета;
- Возможность очертить целевую аудиторию, жанр.

Студентам был предложен шаблон создания логлайна с использованием моделей-клише:

- *Главный герой (у которого есть проблема) должен достичь некой цели, чтобы решить проблему.*
- *Герой должен сделать то-то и то-то (цель героя), иначе произойдёт то-то и то-то (что?), (чтобы не произошло то-то и то-то).*

Можно в этот шаблон добавить ещё один элемент: противостоящую сторону:

- *Герой должен сделать то-то и то-то (цель героя), иначе противник (оппонент) устроит что-то (например, катастрофу и т.д.).*

Первоначально преподаватель вместе со студентами пишет логлайн к одному из популярных фильмов. В качестве примера был взят фильм "The Karate Kid".

Пример логлайна к фильму "The Karate Kid":

«Подросток из Нью-Джерси переезжает в Калифорнию и встречает мастера боевых искусств, который учит, как защититься от местных хулиганов».

Выделяется цель героя — обучиться боевому искусству, чтобы противостоять преступникам.

Социальный статус — подросток из Нью-Джерси.

Интрига – конфликт с местными хулиганами.

После этого обучающимся было предложено написать логлайн к одному из известных фильмов, другие студенты должны были угадать его название.

Следующее задание: придумать сюжет фильма, написать логлайн, предложить его аудитории с целью заинтересовать «зрителей», которые должны сказать, о чем этот фильм.

Хочется отметить, что при использовании этой формы работы присутствует также элемент игры («я сценарист»), поэтому студенты сразу включаются в процесс, с энтузиазмом пишут логлайны, отгадывают фильмы, составляют «свои» сценарии.

После тщательной подготовки просматривается художественный фильм и обучающиеся самостоятельно пишут логлайн в качестве домашнего задания.

Эта форма работы может быть использована на 2 курсе русского отделения (РО) и на 4 курсе международного отделения (МО) при изучении художественных текстов. В данном случае рекомендуется посмотреть экранизацию одного или нескольких программных произведений, например, экранизацию цикла рассказов М.Булгакова «Записки юного врача», снятого по мотивам некоторых произведений писателя: «Полотенце с петухом», «Стальное горло», «Тьма египетская», «Вьюга», «Морфий». Фильм может быть представлен полностью или по частям, соответствующим тому или иному рассказу.

Данный вид работы, безусловно, зависит от уровня подготовки учащихся. Так, студенты МО, обучающиеся на английском языке, первоначально познакомились с биографией писателя, основными событиями Первой мировой войны. Далее была проведена работа над лексическим материалом, а также прочитаны в сокращенном варианте программные произведения («Стальное горло», «Полотенце с петухом»).

Для студентов РО чтение произведений не является обязательным.

В целом логлайн является хорошим способом передачи краткого содержания аудиовизуального материала. Особенно важной становится работа с лексикой. Тщательный отбор языковых средств, экспрессивность выражения мысли, позволяющие передать основную идею режиссера фильма и оставить конец интригующим, не раскрытым, – вот главное, чему обучаются студенты при написании логлайна. Применение данного вида работы на занятиях РКИ – хороший способ отработки навыков аудирования,

написания аннотации, а также развития креативного мышления у обучающихся.

Литература

1. Богомолов А.Н. Аутентичные материалы программ российского ТВ на занятиях по РКИ: из опыта работы // Мир русского слова. —2002. —№ 3. — С. 71—76.

2. Николенко Е. Ю., Иванова О. В. Система работы с художественным фильмом на уроках РКИ // Русский язык за рубежом. — 2013. — Т. 4, № 239. — С. 43–52.

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВВОДНО-ФОНЕТИЧЕСКОГО КУРСА В УСЛОВИЯХ ИСКУССТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА (АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ)

М.С. Фильцова
marinafiltsova@yandex.ru
Медицинская академия имени С.И.Георгиевского
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»
(*Симферополь*)

Являясь наиболее системно организованным языковым уровнем, фонетика вместе с тем оказывается наименее сознательно контролируемым, а следовательно, и наименее устойчивым звеном языковой структуры в плане интерференции, что является методической проблемой в условиях англоязычной среды общения и англоязычного образовательного пространства, искусственно созданными при обучении части иностранных студентов (так называемое обучение English media). Как известно, студенты из Индии, стран Африки и Юго-Восточной Азии, получающие высшее медицинское образование на английском языке, имеют крайне слабую мотивацию к изучению системных явлений в том числе и русской фонетики, ограничиваясь заучиванием лексики, необходимой для удовлетворения бытовых потребностей. Налицо ситуация субординированного билингвизма (термин В. Л. Скалкина), при котором говорящий воспринимает изучаемый язык через родной на всех уровнях [5, с. 35], вследствие чего его иноязычная речь не сформирована, неправильна и подчинена аналогичным механизмам родного языка, в том числе и с точки зрения фонетики.

Проанализировав ряд вводно-фонетических курсов, использующихся в настоящее время для лиц, говорящих на английском языке [1; 3; 6; 7; 9; 10; 11; 12], мы пришли к выводу, что в условиях искусственного билингвизма весьма остро встаёт вопрос компрессии материала, позволяющего за ограниченное время, которое отводится для вводно-фонетического курса, создать у обучающегося как можно более полное представление о фонологической системе русского языка и сформировать на её основе необходимые слухопроизносительные навыки, избегая при этом двух крайностей: замены сознательного усвоения базисных элементов русской фонетики простой имитацией и преувеличенного внимания к фонетической тренировке в ущерб значимым лексико-грамматическим единицам.

Один из возможных путей компрессии, на первый взгляд, – это включение в материал вводно-фонетического курса ограниченного количества оппозиций, специфичных для русского языка и составляющих ядро его фонологической системы (например, корреляции согласных по звонкости – глухости, твёрдости – мягкости), т.е. фонемы, подлежащие отработке во вводном курсе, отбираются исходя из системы русского языка. Однако в условиях обучения контингента English media русская фонетическая система чаще всего накладывается на систему языка родного (английский язык значительной части обучающихся весьма далёк от совершенства). Представляется, что в данной ситуации организующая роль фонетического минимума русского языка должна подтверждаться рассмотрением оппозиций, существенных с точки зрения родного языка студентов: неразличение этих оппозиций преодолевается в результате осмысления системы изучаемого (русского) языка. Примерами могут служить: 1) отсутствие в родном языке какой-либо оппозиции, такое как:

– в **тайском** языке, где *л / р* выступают как единая плавная фонема, а также имеется неразличение свистящих и шипящих согласных *с / з, ш / ж*;

– в **тамильском** языке (южная Индия), где отсутствует корреляция губных согласных по глухости – звонкости, откуда смешение *б / в*; дифференциация этих согласных предполагает усвоение всей системы глухих и звонких губных согласных *б / п, в / ф*;

– отсутствие оппозиции по глухости – звонкости в **тамильском** языке, откуда произносительная ошибка «*зумка*» вместо «*сумка*», «*зын*» вместо «*сын*», несмотря на присутствие такой оппозиции в английском языке-посреднике, а также трудности с оглушением звонких согласных. По словам студентов (специальные исследования нами пока не проводились), в тамильском языке звонкость регулируется строгими правилами, в остальных же случаях глухие и звонкие согласные не различаются;

– отсутствие корреляции по твёрдости – мягкости в языке **гуджарати** (западная Индия), в результате чего сочетание русского палатализованного согласного с гласным переднего ряда превращается в цепь из трёх звуков: непалатализованный согласный + [*j*] + гласный);

2) наличие в родном языке оппозиции, отсутствующей в русском:

– противопоставление придыхательных и «чистых» согласных в языке **гуджарати**, имеющее смыслоразличительное значение; отсюда частотная ошибка в произношении *т, д, п, б, х*, связанная с наличием в родном языке гортанных консонантных сочетаний *кх, тх, дх, бх, пх*, а также ошибка в произношении *ж, ш* (произносятся как *дж*, *кш*, что связано с наличием этих сочетаний в родном языке). Интересно отметить частую ошибку у носителей языка **телугу** (юго-восточная Индия) – замыкание гортанным призвуком открытого слога с йотированной гласной в конце слова: *знаю*^{кх}*, понимаю*^{кх}*, работаю*^{кх}*, Юлия*^{кх}*, семья*^{кх} и т.п.;

– противопоставление долгих и кратких гласных в **тамильском** языке.

Таким образом, важным принципом, лежащим в основе вводно-фонетического курса в условиях искусственного билингвизма, является сопоставление звукового строя двух языков – родного и изучаемого, что позволяет уточнить объём фонетического материала вводного курса, определить время, необходимое на вводный курс в целом и на усвоение каждого объекта в отдельности, а также последовательность изучения явлений русской фонетики и, наконец, определить методы оперативного устранения той или иной произносительной ошибки.

Рассматривая фонологические качества русской языковой системы, мы начинаем с фонематических объектов, по которым

системы языков наиболее сходны, постепенно переходя к явлениям, которыми русский язык значительно отличается от родного языка студента и в фонематическом, и в произносительно-слуховом отношении. Учёт частичных аналогов даёт значительный выигрыш во времени при постановке аналогичных русских звуковых явлений и позволяет уделить больше внимания объектам, по которым языки существенно различаются. Кроме того, учёт аналогов позволяет уже в первые дни накопить достаточно материала для построения слов и предложений и вести отработку произношения на значимых лексических единицах. Так, вводный курс для студентов из Индии строится на противопоставлении твёрдых согласных в сочетании с гласными заднего и среднего ряда, с одной стороны, и палатализованных согласных в сочетании с гласными переднего ряда, с другой. Вначале даются фонемы – частичные аналоги; затем на материале твёрдых согласных отрабатывается противопоставление звонких шумных глухим, смычных – щелевым, а затем мы переходим к палатализованным согласным. Это позволяет уже в первые дни занятий отработать не один объект, а шесть–восемь или больше.

Следующей трудностью в системном и одновременно сжатом представлении фонетики при обучении в условиях искусственного билингвизма является то, что функционирование фонологической системы происходит в рамках весьма упрощённой обучающей модели языка, обладающей строгим лексическим минимумом. Представляется неубедительным опыт создания вводно-фонетического курса с новыми коммуникативно незначимыми лексическими единицами на каждом занятии лишь на том основании, что в них содержится проблемный звук или сочетание звуков [7]. Увлечение артикуляционной стороной приводит к нарушению принципа коммуникативности обучения фонетике: многократное повторение слогов, не имеющих лексического значения, либо слов, не выводящихся в активное владение, снижают и без того низкую мотивацию студентов к изучению фонетики и, шире, языка, делают занятия скучными, а перспективы изучения языка в глазах студентов нулевыми (ср. *нона, рора, дора, тота, мона, дона, боба, пуба, рыбь, тобь, муы, нуы, мыра, тыра, киря, кити, геды, гемы* и подобные*; рама, дума, руда, уран, дуть, пир, вопли, не твоя беда, не твоя борода, Это ваша пища? Да, это наша пища*

и т.п. [7]). На наш взгляд, постановка произношения фонетических объектов должна идти только на значимых языковых единицах. Отбирая материал для вводного курса, необходимо ограничивать его возможностями лексического и грамматического минимумов – того реального контекста, которым определяется порождение речи на этапе A_1.вообще и в условиях обучения с помощью английского языка-посредника особенно. При этом выбор слов по их фонемному составу обусловливается моделью фонологической системы, принятой для данной группы обучающихся [2; 4]. Акцентно-ритмические структуры слов ограничиваются в нашем случае пятью типами, представляющими одно-, двух- и трёхсложные слова с ударением на каждом из возможных слогов (их набор является достаточно представительным по отношению к фонологической системе русского языка, описывая важные для неё модификации гласных). Слоги со сложной консонантной структурой в группах индийских обучающихся мы выносим из вводно-фонетического курса (за исключением высокоупотребительных), поскольку для родных языков студентов характерно ограничение на сочетания согласных, а также отсутствие начального сочетания согласных фонем (отсюда трудности в произношении слов *здравствуйте, спрашивать, страна, встретить, хватит, общежитие, скажите, старый, светлый, знаю, здоровье* и т.п.; во всех этих случаях в начале слова и на стыке согласных в середине слова явственно слышится призвук *э / и*).

Эталоном звучания фонемы является короткое слово, где фонема находится в благоприятной для её усвоения позиции. Мы добиваемся высокой точности произношения фонетических эталонов и стараемся довести его до степени навыка уже во вводном курсе, однако не путём многократного повторения в изолированной позиции, как приходится наблюдать иногда на занятиях, но обязательно в составе лексико-грамматических моделей употребления той или иной формы в определённой ситуации. Мы придерживаемся мнения, что в развитии произносительных навыков механическое повторение не является самоцелью и может вызвать негативную психологическую реакцию обучающегося; нашей задачей является активизация перехода от контролируемого сознанием использования фонетических единиц к автоматизирован-

ному, в котором сознание обучающегося направлено на содержание высказывания. Поэтому лексика и грамматика для вводно-фонетического курса, особенно в условиях искусственного билингвизма, отбирается с таким расчётом, чтобы активизация материала в речи проходила непосредственно за его введением. В силу этого лексико-грамматический материал должен быть: 1) употребительным и высоковалентным, обеспечивающим возможность порождения относительно большого числа высказываний; 2) конкретным, допускающим наглядность для семантизации и в качестве опоры при высказывании; 3) соотнесённым с базовыми синтаксическими моделями. Отметим, что авторы некоторых вводно-фонетических курсов не рекомендуют использовать заимствованные слова из опасения интерференции навыков произношения этих слов на родном языке, однако мы считаем введение таких слов допустимым, поскольку их свободное понимание укрепляет в студенте уверенность в своих силах (ср. *аэропорт, паспорт, такси, банк, кофе, кафе, сэндвич, компьютер, телефон, телевизор, проблема, демократия, конфликт, дизайнер, фермер, менеджер* и т.п.). Следует лишь обращать внимание на место, которое занимает предлагаемое слово в процессе развития слухо-произносительных навыков. То же касается и минимума соматической лексики, которая, на наш взгляд, должна быть включена во вводно-фонетический курс для медиков (*нос, рот, голова, рука, нога, организм, язык, ухо, лицо, живот*). Кроме того, в обучении англоязычных студентов нами активно используется принцип коммуникативного опережения: в условиях жёсткого дефицита времени и сомнительной мотивации к изучению языка трудно согласиться с аргументом типа *Мы не можем использовать слово «до свидания» до тех пор, пока не ввели звук «с».*

Описанным образом во вводном курсе активизируются 300–350 слов; доводится до степени навыка употребление моделей типа *это кто, это что, кто / что где, чей / чья/ чьё /чьи, кто какой / какая, кто что делает, кто что делал, делать как*. Морфологические темы вводного курса: род, число, Именительный падеж существительных, Винительный падеж неодушевлённых существительных в значении прямого объекта, спряжение глаголов несовершенного вида в настоящем времени, числительные от 1 до

1000, служебные слова *да, нет, и, а, но, не.* Лексико-грамматический минимум формируется с точки зрения его функциональности, необходимости для коммуникации в реальных активных ситуациях социально-бытовой сферы общения контингента студентов English media. Тематика ситуаций – знакомство, представление себя и других, семья, друзья, учёба, род занятий, описание внешности, характера, выражение эмоционального отношения к кому-либо, чему-либо [1; 2; 11]. Важно подчеркнуть, что используемые материалы должны соответствовать мировосприятию взрослого человека, поскольку ограниченный словарь студента на этом уровне вовсе не означает ограниченности мышления 18–20-летнего человека, каким является студент медицинского вуза. Представляется, что даже на элементарном уровне, при фактически полном отсутствии мотивации к изучению языка, обучение высказыванию должно вестись на коммуникативно оправданном содержательном материале, в последовательности, в той или иной степени имитирующей естественный порядок высказываний в актах коммуникации. С нашей точки зрения, это даёт возможность хотя бы частично преодолеть рамки субординированного билингвизма, который, как уже было сказано, поддерживается ограниченным временем и фрагментарностью процесса обучения [8].

Итак, решение задач отбора материала для вводно-фонетического курса в условиях искусственного билингвизма предполагает выделение не только фонетических объектов, но и контекста для их реализации – компрессии и отбора лексических единиц и грамматических структур, достаточных для выявления особенностей функционирования фонологической системы в строго заданных пределах. Это позволяет ускорить и сделать более интенсивным процесс усвоения определённого лексико-грамматического материала до степени навыка в первые недели обучения языку. В перспективе мы планируем подготовку полнотекстового вводно-фонетического курса для студентов англоязычной формы обучения с учётом высказанных соображений.

Литература

1. Андреева И. В., Арсенова Е. В., Микитьянц К. С. Живая речь. As Spoken: Russian for Everyday Usage. Elementary level A_1. СПб.: Издательство «Арт – Экспресс», 2014. – 252 с.

2. Журомская Л. И., Майборода С. В. Шаг за шагом. Русский язык для начинающих: в 2-х частях. Часть 1. Вводный курс фонетики. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2013. – 60 с.

3. Загребельная М. Мой русский друг: Начальный курс русского языка с иллюстрациями. СПб: Златоуст, 2011. – 84 с.

4. Майборода С. В. Медицинский дискурс: современные теоретико-методологические подходы и перспективы исследования // Коммуникативные исследования. 2017. № 1(11). – С. 63–74.

5. Скалкин В. Л. Основы обучения устной иноязычной речи. М.: Русский язык, 1981. – 248 с.

6. Соболева Н. И., Волков С. У., Иванова А. С., Сучкова Г. А. Прогресс. Элементарный уровень: Учебник русского языка. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Изд-во РУДН, 2006. – 210 с.

7. Суржина В. А. Student's Book on Russian Phonetics. Симферополь, 2017. – 49 с.

8. Фильцова М. С., Девврат Ш. О преодолении субординированного билингвизма (из практики обучения связной речи студентов English media) // Молодой учёный. 2016. № 26. – С. 701–704.

9. Хавронина С. А., Харламова Л. А. Лексико-грамматический курс для начинающих. 10 -е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2014. – 566 с.

10. Шустикова Т. В. Вводный фонетико-грамматический курс русского языка для лиц, говорящих по-английски. М.: Совершенство, 1997. – 104 с.

11. Olia Dolmatova, Ekaterina Novacac. Точка Ру. Tochka Ru. Russian Course. A_1 Textbook. М.: Бюлер О.А., 2017. – 152 с.

12. Richard Robin, Karen Evans-Romaine, Galina Shatalina. Голоса. Golosa. A Basic Course in Russian. 5-th ed. Pearson Education, Inc. USA, 2012. – 449 с.

К КОНЦЕПЦИИ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ И РАЗВИТИЯ РЕЧИ У СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСОБИЯ «ЗНАКОМЬТЕСЬ: АЛЕКСАНДР БЛОК “КАРМЕН”»)

А. А. Шульдишова
shuld_a@mail.ru
ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»
(Донецк)

Уже на элементарном этапе обучения предусмотрено формирование умений комментированного чтения в культурной сфере.

При чтении поэтических произведений на любом неродном языке трудно понять семантику неизвестных слов (архаизмов, авторских неологизмов, малоупотребительных слов и т. п.) и различного рода устойчивых сочетаний (фразеологических сращений, фразеологических единств, фразеологических сочетаний). Иностранец поймёт произведение в не метафорическом, буквальном смысле, т. е. не сможет постичь смысл стихотворения, потому что “языком искусства является язык образов, а образы складываются в читательском восприятии тогда, когда прочтение текста выходит за пределы буквализма” [4, с. 54]. Для того чтобы постичь смысл стихотворения, иностранный студент должен понять механизмы сочетаний слов друг с другом.

Пособие «Знакомьтесь: Александр Блок “Кармен”» посвящено развитию речи у студентов-иностранцев продвинутого этапа обучения на материале поэтических текстов и музыкальных произведений. Формируемые умения выразительного чтения, аудирования и говорения, включая умение выразить личное отношение к поэтическому произведению и его музыкальным прочтениям, позволяют совершенствовать общеречевую и культурологическую компетенции иностранных студентов.

Материалом для предлагаемого пособия, как оговорено в названии книги, послужил поэтический цикл А. А. Блока «Кармен». Лирический цикл, создание которого совпадает по времени с периодом влюблённости А. Блока в оперную певицу, состоит из десяти стихотворений, ассоциативно связанных с оперой Ж. Бизе

«Кармен». В «Кармен» поэт талантливо охватил всё образное содержание оперы, ввёл читателя в мир музыкального произведения, опираясь на возможности ассоциативной памяти читателя. Цикл сложился не только под влиянием музыкальных источников, но и под воздействием непосредственных впечатлений слушателя, прежде всего, от роли Кармен в исполнении Л. А. Андреевой-Дельмас. В мотивационной базе, предопределившей структуру и свойства произведения, присутствует и романтический момент – влюблённость поэта в оперную певицу.

Для понимания лирического цикла важен синтетический подход, предполагающий изучение “музыкального” материала в соотношении со словесным. «Кармен» невозможно постичь без опоры на музыкальное произведение (одноимённую оперу Ж. Бизе). Студентам (в особенности музыкальных и творческих вузов) интересно будет продемонстрировать машинописную копию либретто 1912 года (перевод М. В. Веселовской) и выявить по тексту того времени фрагменты, которые цитировал поэт. Как известно, именно по нему была поставлена опера, которую слушал А. Блок, в Театре музыкальной драмы 1913–1914 гг. [1]. Либретто также может быть использовано в работе с гуманитариями и филологами. Этот текст очень важен, поскольку поэт слушал оперу именно в постановке по либретто в переводе М. В. Веселовской.

В языке писателя в качестве претекста разнообразно используются сюжет и персонажи из оперы Ж. Бизе, очерчивающие смысловую композицию поэтического произведения, употребляемые поэтом в обрисовке лирического образа, проходят через всю ткань поэтического цикла. В круге мотивов, предопределяющих структуру и свойства цикла, важное место занимают бытийные моменты, слушательские рефлексии.

Соотнесение бытовых и музыкальных фактов, выявленных в лирическом цикле «Кармен», во многом определяет замысел произведения, раскрывает сущность и даёт характеристику, необходимую для постижения идейно-художественного смысла поэтического творчества. Целостный образ «Кармен» создаётся из контрапункта реминисцентных перекличек: свернутых музыкальных цитат, слушательской рефлексии и биографических событий.

Лирический образ цикла складывается не только под воздействием музыкального источника, но и под влиянием непосредственных впечатлений поэта-слушателя. Поэтому важное место в анализе поэтического цикла, с нашей точки зрения, занимают лексико-стилистические средства “реализации” музыкальности (сочетание художественных средств, включающих и композиционные характеристики произведения, и свойства поэтической речи, характерные для анализированного жанра, и манеру использования музыкальных образов в совокупности с фонетической и ритмико-мелодической структурой произведения, составляющих смысловое поле произведения). Такой анализ стихотворений цикла позволит осмыслить произведение А. А. Блока – одного из наиболее последовательных сторонников внедрения музыкальности в поэтические произведения.

Пособие ставит своими целями развитие навыка выразительного чтения, умения строить монологическое высказывание, вступать в дискуссию (умение выразить личное отношение к поэтическому произведению и циклу в целом), совершенствование культурологической компетенции иностранных студентов, расширение знаний об истории русской культуры (актуализация знаний об авторе и времени создания произведения; о приёмах передачи эмоционального настроя, главной мысли, о средствах поэтической выразительности), формирование метафорического, образного мышления, формирование умения аудировать тексты в музыкальном сопровождении, привитие интереса к поэтическому творчеству в целом и творчеству Блока в частности.

Пособие адресовано иностранным студентам разных категорий (негуманитариям, гуманитариям, филологам, иностранным студентам творческих и музыкальных вузов). Для полного понимания поэтических произведений А. А Блока, их подтекста, кроме лексическо-семантического толкования, соотнесённого только с контекстом того или иного стихотворения из цикла «Кармен», в пособии даются разные модели “входных” литературоведческих комментариев к каждому из десяти стихотворений блоковского цикла. Например, для студентов музыкальных вузов при толковании поэтических текстов была применена специально разработанная система квалификации образных средств с опорой на музыкознание, а также приёмы музыкально-текстологического анализа.

Художественный текст допускает возможность широких интерпретаций. Каждый читатель находит в тексте “своё”, определяемое субъективностью мировосприятия, и, следовательно, по-своему интерпретирует прочитанное. Например, текстуальное экспонирование отдельных фрагментов, образов, мотивов музыкальных произведений в содержании некоторых поэтических произведений у иностранного студента музыкального вуза может вызвать звуковые ассоциации. Н. Л. Лейзеров писал: “<…> читая произведение литературы, мы не видим образов, но создаем их в своем воображении <…> При встрече с изображением искусства мы видим образ и присоединяем к нему личное” [3, с. 50]. Преподаватель, в дополнение к тому, что делает студент, помогает выяснить функции того или иного музыкального произведения в поэтическом.

Во вводной части пособия предусмотрены оригинальные тексты с предтекстовыми и послетекстовыми упражнениями, работой с текстом: о литературе XX века, о творчестве и личности А. Блока, о блоковской системе поэтических символов (*весна, демон, голос, снег, окно, лазурь, сон, вихрь, заря, март, таль, вербы, розы, буря, сны, ветер* и пр.), о специфике музыкальности его произведений, согласованности музыкального решения и художественного текста, о его (индивидуально-авторских) приёмах “внедрения” музыкальности в текст, цикле стихотворений “Кармен”, о П. Мериме, о творчестве композиторов Ж. Бизе, Р. Щедрина, об артистках Л. Андреевой-Дельмас и М. Плисецкой, об истоках создания цикла (опера, новелла), о персонажах оперы (Кармен, Хозе, Эскамильо, Лилас-Пастья, Цунига), о Кармен-сюите (комментарий к музыке с прослушиванием (мотивация интереса к чтению стихов цикла “Кармен”)), новеллу Проспера Мериме “Кармен” (текст (отрывки), адаптированное изложение), текст либретто оперы ((отрывки), адаптированное изложение) и пр.

В основной части пособия представлены стихотворения из цикла. Эта часть состоит из 10 уроков.

Структура уроков включает задания и вопросы, направленные на адекватное понимание сюжетной линии поэтического цикла А. А. Блока «Кармен», подготовку к обсуждению содержания поэтических произведений. Смоделирована система упражнений:

Предтекстовые упражнения

1. Снятие лексических трудностей

a. Семантизация слов

   i. Перевод на родной язык

   ii. Толкование

b. Подбор синонимов

c. Подбор антонимов

2. Снятие грамматических и синтаксических трудностей

Притекстовые упражнения

Смысловой тип

1. Снятие трудностей содержательного характера

2. Снятие трудностей образного характера

Текстовые упражнения

1. Упражнения по обучению технике чтения

2. Упражнения по обучению аудированию

3. Упражнения по аудированию текста в музыкальном исполнении

Послетекстовые упражнения

1. Упражнения на развитие речи

2. Ответы на вопросы

3. Попытки передачи содержания

4. Оценочные суждения

И т. д.

Для работы с каждым стихотворением цикла «Кармен» предусмотрена система лексико-грамматических заданий в двух формах: самостоятельная творческая работа студентов и работа с преподавателем.

В пособии представлены словари (к каждому стихотворению цикла), снабжённые лингвистическим толкованием поэтических текстов, разъясняется блоковский смысл непонятных слов и выражений. В. В. Виноградов писал: “Смысл слова в художественном произведении никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением. Буквальное значение слова здесь обрастает новыми, иными смыслами (так же, как и значение описываемого эмпирического факта вырастает до степени типического обобщения). В художественном произведении нет и, во всяком случае, не должно быть слов немотивированных, проходящих только как тени ненужных предметов. Отбор слов неразрывно связан со способом отражения и выражения действительности в

слове <...> В контексте всего произведения слова и выражения, находясь в теснейшем взаимодействии, приобретают разнообразные дополнительные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого” [2, с. 230, 234].

Пособие состоит из 15 уроков. Время на изучение материала – 30 аудиторных часов.

Пособие сопровождено иллюстративным материалом и аудиоприложением (фрагментами из оперы Ж. Бизе, Кармен-сюиты Р. Щедрина, романсами на тексты из блоковского цикла, стихотворениями из цикла в исполнении артистов). Это дополняет языковой материал интересными деталями, помогающими студенту-иностранцу полноценно воспринять поэтическое произведение, и является важным стимулом для усовершенствования навыков устной речи.

Завершает пособие сводный словарь цикла «Кармен» с перечнем блоковских поэтических слов, содержащих несловарные значения. Блоковская лексика очень интересна с точки зрения поэтической семантики. Например, в словаре представлен ряд слов, с помощью которых поэт передал любовь, страсть, встречу и пр. Кроме того, в блоковском лексиконе обширна группа слов (словосочетаний), отличающихся семантическими нюансами в пределах значения, передающими тонкие различия в степени проявления высокого чувства, эмоционального состояния героя и героини цикла. Словарь поможет носителю иного языка и культуры найти разгадку смысла поэтических произведений цикла и, следовательно, – повысить читательский интерес к русской литературе.

В приложении помещены краткий словарь литературоведческих терминов и методические указания для преподавателей, предусматривающие логичность приёмов работы, чему должно быть уделено особое внимание, какие виды заданий предусмотрены для разных категорий студентов.

Блоковский текст способствует реконструкции музыкальной атмосферы (отдельных явлений, музыкального репертуара столицы России) Петербурга первой четверти XX века, позволяет выявить музыкальные предпочтения поэта, впечатления и рефлексии по поводу прослушанных музыкальных произведений, понять взаимодействие поэтической и музыкальной культур в сложной организации художественного мира Александра Блока.

Основные методические положения пособия опираются на теории отечественных психологов, психофизиологов и психолингвистов, обосновавших высокую эффективность обучающих воздействий путём объединения слова и музыки в начальный период формирования “механизма доминанты Ухтомского”, который формирует высокий авторитет преподавателя в сознании студентов и создаёт устойчивую мотивацию учения.

Литература

1. Бизе 1913 : Бизе Ж. Кармен / Пер. М. В. [Марии Веселовской]. ЦФ Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки, 1913. Ф. 77181. Ед. Хр. 98349.

2. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Гослитиздат, 1959. – 656 с.

3. Лейзеров, Н. Л. Образность в искусстве [Текст] / Н. Л. Лейзеров. – М. : Наука, 1974. – 207 с.

4. Лингвострановедение и текст : сборник статей / Сост. Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров – М. : Русский язык, 1987, – 179 с.

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК В КРЫМУ И ДРУГИХ ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ 3

Н.В.Уфимцева
Язык, глобализация и идентичность..... 3

О.В. Балясникова
Конфликтогенная лексика в ассоциативных реакциях респондентов-билингвов.....10

Т.Е. Владимирова
Русский межличностный дискурс в полилоге культур..... 15

Р.Н. Гусейнова
Язык как объединяющий фактор (на примере Крымского региона).....23

Т.Ю. Игнатович
Забайкальский русский речевой узус в полиэтническом языковом пространстве..... 28

Л.С. Москаленко
Русский язык Крыма: некоторые региональные особенности 35

Л. И. Никонова, А.Н. Лугвищик
К истории адаптации мордовского населения в Крыму 41

М.К. Пак
Функционирование русского языка в Казахстане и глобализация..... 47

А.Н.Стебунова
Русский язык в поликультурном пространстве Донбасса 52

Т.П. Чепкова, А.А. Позднякова
Размывание орфографических норм и языковое варьирование в период глобальных изменений начала XXI века..... 56

Г.А. Черкасова, Ю.Н. Филиппович
Национальная идентичность в электронном республиканском ассоциативном словаре..... 62

И.В.Шапошникова
Противоречия интериоризации опыта перестроечных реформ (на примере языковой политики в научно-образовательной сфере) .. 70

Э.Р. Ширин
Развитие междометной категории в полилингвокультурной среде Крымского региона 76

А. М. Эмирова
Русский язык в зеркале крымско-татарского языка: процессы межъязыкового взаимодействия 82

Т.А. Ященко
Лингвокогнитивный анализ крымского краеведческого дискурса..... 87

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. «ГИБРИДИЗАЦИЯ» РУССКОЙ ГРАФИКИ 96

И.В. Бугаева
Кремль и кремли: лингвокультурный и ономасиологический аспекты 96

В М. Калинкин
Наука поэтонимология: проспект монографии 103

Г.В. Клименко
Новации и деформации в русском языке как следствие межкультурной коммуникации 110

В.И. Ковалёв
Лингвистика креатива и коммуникативная компетенция личности 117

В.И. Мозговой
Уровни номинативности собственных имен в языковой реальности и речевом вымысле 125

И.Н. Пономаренко
Ономатикон Краснодара как полиаспектная система..... 133

Н. Д. Стрельникова
На каком языке мы говорим? 138

Сунь Юйминь
Прагматонимы в аспекте межкультурной коммуникации..... 144

Е.Я. Титаренко
Графогибридизация: языковая игра или манипуляция? 147

К.С. Федотова
Авторский поэтонимикон и языковая дихотомия: точки пересечения параллелей (на материале поэзии Н. Гумилева) 159

Т. В. Федотова
Универсальность гемеронимов в аспекте мотивации и принципов номинации 162

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ, ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ 171

А.А. Акишина, А.В.Тряпельников
Новый тип учебного текста для изучающих иностранные языки: кибертексты и киберобразы 171

В.В. Борисенко
Современные тенденции грамматической перестройки в лексике русского языка 176

Ю. В. Биктимирова
Отражение языковых контактов в памятниках делового письма Забайкалья XVII–XVIII вв. 183

О.В. Блюмина
Иллокутивные цели современной Донецкой православной проповеди и способы их реализации 189

Е.В. Брысина
Языковая система донских казачьих говоров: славянское наследие и языковые контакты 192

Н.И.Букетова
Реликтовая корневая морфема как языковая универсалия 199

В.В.Васильев, О.А.Васильева
Доктор филологии Йоханнес Баар: штрихи к портрету..... 206

Н. Е. Касьяненко
Лексические варианты в «Анатомо-физиологическом словаре» Н.М.Максимовича-Амбодика (1783 г.) 211

М.Н. Коннова
Категория «праздник» в русском и английском языках в исторической динамике..... 218

Мансур Салех Алкади
Проявление лингво-культурной специфики арабского материала на фоне русского языка (на базе словаря "Шире круг") 226

Е. М. Маркова
Глагольная универбация в современном русском языке в свете славянского словообразования 232

Е.В. Петрухина
Процессы десакрализации лексики в русском языке: роль словообразовательных формантов 238

М. В. Пименова
Проблемы создания словаря устойчивых единиц в диахронии: язык и ментальность 248

Е.М. Чекалина
«Ложные друзья переводчика» в интернациональной лексике русского и шведского языков 254

М. Б.Шипулина
Казак Луганский: творческий псевдоним как воплощение идейно-стилевого единства 262

Е.А. Юрина
Концепция полиязычного словаря метафор (на материале русского, английского, итальянского языков) 270

СОЦИОЛИНГВИСТИКА. МЕДИАЛИНГВИСТИКА. ЮРИДИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА 276

Л.П.Авдонина
Сетевой научный стиль как элемент коммуникационной системы современного социума 276

И.А.Бубнова
Психолингвистика учебного текста: функции, специфика восприятия, динамика смыслообразования 282

Т.И. Вендина
Русские диалекты в современной языковой ситуации: социокультурный аспект 290

Н.В. Гладкая
Жанровая природа и имплицитный характер комических креолизованных текстов интернет-дискурса 298

М.А.Грачев
Специфика современной юридической лингвистики 304

С. С. Дикарева
Синергетика языков и культур в современном сетевом пространстве: индустрия локализации 308

Е.М. Дубровская
Социолингвистический аспект в изучении лингвокультурного типажа (на примере типажей «человек богемы» и «богемная девушка») 311

Н.И. Иванюк
Лексема *щирый* в русском языке и речи (на материале современных СМИ) 319

Т.В. Калугина
Структура языкового смысла «условие» в современном медиадискурсе 326

Т.Г.Крапотина
Прецедентность фразеологических единиц как языковой феномен в дискурсе современных средств массовой информации 331

Д.Г. Куренова, О.Е. Павловская
Музыка в рекламе как проявление интермедиальных связей 339

М. Маршалек
Русское слово в польских СМИ (на материале еженедельника «NIE»)..... 343

В.А. Омельяненко
Имидж страны в национально-ориентированной рекламе 353

С.А.Петухов
Современные особенности лексики научных новостей в российских новостных медиа..... 359

О.Ю. Прадид
Словообразовательные нюансы имен существительных в названиях статей Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовного кодекса Украины 366

Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов
Герменевтический подход в судебной лингвистической экспертизе русскоязычных текстов 370

Сегал Н.А., Мищенко А.Н.
Семантико-прагматический потенциал прецедентного феномена *гордиев узел* в русскоязычных медиатекстах 2007-2017 гг..... 377

В.В. Смеюха
Двуязычный сайт газеты «Еркрамас»:
функции в современном медиапространстве..... 385

И.А. Соболева
Ирония как способ влияния на современное медиасознание..... 390

Л.В.Соснина
К вопросу о лингвокреативном потенциале заимствований
в русском языке 396

В.И. Теркулов
Параметры описания лексической системы диффузного региолекта
(на примере донецкого региолекта русского языка) 403

В.С. Хитеева
Слово *Донбасс* в донецком региолекте и медиапространстве..... 409

И.И. Чумак-Жунь
Прецедентный феномен в массовом коммуникативном сознании:
аспекты функционирования 415

Е. М. Шахова, К. А. Паутова, М. А. Паутов
Медиатекст в аспекте юрислингвистической
экспертной деятельности 422

Е.В. Полякова, Н.В.Щенникова
Формирование образов сознания подростков
посредством рекламных текстов..... 427

Е.С.Ярыгина
Типы аргументации в современном политическом дискурсе
(к вопросу о семантике иллокутивных конструкций)..... 432

**ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ 439**

И. Г. Балашова, Т. Ю. Новикова
Образ Крыма в курсе страноведения в современном контексте
преподавания РКИ..... 439

Васильева Г.М., Ли Юецзяо
К проблеме создания учебного лингвокультурологического словаря коннотативно маркированной лексики для иностранных студентов..... 446

А.В. Величко
Предложения фразеологизированной структуры в программе по русскому языку как иностранному 453

И.М.Вознесенская
Тексты повседневного общения в системе лингводидактического описания РКИ (уровень В2/ТРКИ-2)..... 458

Л.М. Гайнанова
Межъязыковая интерференция в речи руандийских военнослужащих на начальном этапе обучения русскому языку 464

О.И.Глазунова
Концепция новой «Программы по русскому языку как иностранному» (основной курс все уровни обучения)..... 470

Е.А. Давиденко
Современные технологии применения игр в практике преподавания РКИ во взрослой аудитории. 477

Б.Н.Коваленко, Кристина Мильш
Русский язык в Германии (из опыта работы на международном семинаре русского языка в Тиммендорфер Штранде)..... 485

С.В. Майборода
Речевая тактика «сообщение о самолечении» в диалоге доктора и пациента..... 492

Т.А. Наймушина
Презентация в практике преподавания русского языка как иностранного..... 499

Е.Ю.Николенко
Современные проблемы русско-иноязычного билингвизма на примере обучения в неязыковых вузах Казахстана..... 507

И.В. Одинцова
Когнитивная лингводидактика как научное направление 514

Т.В. Рачеева
Обучение русскому языку студентов-иностранцев
как особой социологической группы..... 517

Федотова С.И., Чевела О.В.
Логлайн как одна из новых форм работы с фильмом
при обучении РКИ..... 525

М.С. Фильцова
Принципы организации вводно-фонетического курса в условиях
искусственного билингвизма (англоязычная форма образования)... 530

А. А. Шульдишова
К концепции обучения чтению и развития речи у студентов-иностранцев гуманитарного профиля (на материале пособия «Знакомьтесь: Александр Блок “Кармен”»)..... 538

РУССКИЙ ЯЗЫК
В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

Сборник научных статей
II Международного симпозиума

Том 1

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 32,09. Тираж 300 экз. Заказ № 06А/01.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражникова Д.А.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63,
тел. +7 978 71 72 902, e-mail: braznikov@mail.ru